

И.М. РЕЙСНЕР

РАЗВИТИЕ
ФЕОДАЛИЗМА
И ОБРАЗОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВА
У АФГАНЦЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. М. РЕЙСНЕР

РАЗВИТИЕ
ФЕОДАЛИЗМА
И ОБРАЗОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВА
У АФГАНЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1954

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р

А. М. О С И П О В

ПРЕДИСЛОВИЕ

Афганцы принадлежат к тем народам Среднего Востока, у которых относительно поздно складывались феодальные отношения. Процесс разложения первобытно-общинного строя у афганцев и образования антагонистических классов феодального общества стал заметно проявляться начиная с XIII—XIV вв. и отличался значительной неравномерностью у отдельных афганских племен. Возникновение первого феодального княжества у афганцев относится к XVI в. (Хаттакское княжество). Но оно занимало незначительную территорию и не стало центром политического объединения афганцев. Крупное раннефеодальное афганское государство (Дурранийская держава) возникло двумя веками позже — в середине XVIII в. и распространило свое господство не только на территории, населенные афганцами, но и на соседние народы. В то же время, в силу значительной неравномерности развития феодализма у различных афганских племен, многие из них, политически объединенные в Дурранийской державе, продолжали сохранять значительные остатки первобытно-общинного строя: коллективную собственность на землю и родоплеменную организацию. Процесс развития феодальных отношений, ликвидации общественной собственности на землю и смены ее частной собственностью продолжался у ряда афганских племен (например, вазиров) в течение XIX и даже XX в., когда у этих племен уже происходило и развитие элементов капитализма.

Сравнительно поздний процесс перехода афганского общества к феодализму, неравномерность этого процесса у различных афганских племен, наличие значительных остатков и пережитков первобытно-общинного строя в земельных отношениях,

общественном устройстве и быте афганцев XIX и даже XX в. дают ценный материал, который в некоторых отношениях (например, по афганской общине) позволяет проследить процесс развития феодализма гораздо более подробно, чем это в настоящее время доступно современной науке в отношении народов соседних с Афганистаном стран Средней Азии, Ирана, Индии. Марксистская разработка этого периода развития афганского общества может помочь, как мы надеемся, более полному освещению ряда общих проблем генезиса феодализма.

Центр тяжести данной работы — в исследовании вопроса о смене общественной собственности на землю частной собственностью и процесса разложения родовой общины в своеобразных условиях афганского общества. Специфику этого процесса у афганцев мы видим в том, что первобытно-общинный строй у афганцев изживался в условиях длительного и постоянного взаимодействия с феодальным окружением, с высокоразвитым и давно сложившимся феодальным обществом, существовавшим у народов, являвшихся ближайшими соседями афганцев. Феодальное окружение, по нашему мнению, наложило свой отпечаток на одновременное развитие отношений рабовладельческой и феодальной эксплуатации у афганцев в период становления у них классового общества. Наличием такого окружения объясняем мы то, что в конечном счете афганцы перешли к феодализму, минуя рабовладельческую формацию.

Наличие у многих афганских племен значительных общинно-родовых пережитков в XVIII—XIX вв. дает возможность привлечь для освещения избранной нами темы широкий круг источников, характеризующих социально-экономический строй афганских племен в первой половине XIX в. В этих источниках содержится обширный фактический материал, позволяющий по пережиточным формам судить о социально-экономических институтах более раннего времени.

В своем исследовании хода разложения первобытно-общинного строя у афганских племен и возникновения у них феодальных отношений автор настоящей работы опирался на методологические указания классиков марксизма-ленинизма. Так, в решении вопроса о предпосылках коллективной собственности на средства производства у афганских племен (на землю и воду) автор исходил из указания, сделанного К. Марксом¹, отмечавшим, что сложившаяся общность по племени, естественная кол-

---

¹ См. К. М а р к с. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Перевод на русский язык раздела, посвященного докапиталистическим формам собственности, опубликован отдельным изданием; см. К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. Все ссылки в нашей работе даны на этот русский перевод.

лективность появляется не как результат, а как предпосылка коллективного присвоения (временного) и использования земли¹. Предпосылкой коллективных форм собственности на землю, указывает К. Маркс, «является прежде всего естественно сложившийся коллектив: семья и разросшаяся в племя семья или ряд семей, связанных между собою взаимными браками, или сочетание (Kombination) племен»².

При объяснении причин и описании хода и последствий разложения первобытно-общинного строя у афганцев автор настоящей работы опирался на объективные законы общественного развития, открытые основоположниками марксизма-ленинизма, в частности стремился постоянно учитывать закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Автор также пытался показать активную роль надстройки — государства, религии и правовых норм — при оформлении и упрочении феодальной собственности у афганцев после возникновения Дурранийской державы.

В результате роста производительных сил и развития общественного разделения труда в недрах афганского общества в рассматриваемый период зарождались и развивались отношения эксплуатации, происходил процесс формирования антагонистических классов, слабели родственные связи людей, возникали и укреплялись новые связи людей — территориальные, по месту жительства. В этих условиях общественная собственность на средства производства, в том числе и на землю, составлявшая основу производственных отношений при первобытно-общинном строе, превращалась и в конечном счете превратилась в тормоз дальнейшего развития производительных сил³. В афганском обществе зарождаются и развиваются формы частной собственности на средства производства, на землю. В ряде случаев они носят переходный характер от старых форм собственности, свойственных первобытно-общинному строю, к новым формам собственности, связанным с развитием рабства

¹ См. К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 5.

² Там же.

³ Ф. Энгельс, характеризуя подобный процесс, писал: «Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти участки стали принадлежать им на правах наследственной собственности. К чему они за последнее время более всего стремились — так это именно к освобождению парцеллы от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами».

К. М а р к с , Ф. Э н г е л ь с. Избранные произведения в двух томах, т. II. М. 1848, стр. 299.

Отмеченное Энгельсом явление, разумеется, может быть отнесено лишь к последней стадии разложения общины у афганцев, причем этот процесс развивался у отдельных афганских племен неравномерно.

и феодальных отношениях. В иных случаях формы земельной собственности, унаследованные от первобытно-общинного строя, наполняются новым содержанием, приобретают другое качество в условиях зарождения и развития отношений эксплуатации в афганском обществе. В связи со всеми этими изменениями форм собственности напомним слова К. Маркса, который отмечал, что рабство и крепостная зависимость лишь дальнейшие ступени развития собственности, покоящейся на племенном строе¹. К. Маркс писал: «... возникают рабство и крепостная зависимость, вскоре извращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних»².

При исследовании процесса разложения первобытно-общинного строя и развития феодализма в афганском обществе XVII—XVIII вв., а также в раскрытии и оценке классовых противоречий, возникающих на этой основе, были использованы произведения основоположников марксизма: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «К истории древних германцев» и «Марка» Ф. Энгельса, «Формы, предшествующие капиталистическому производству», черновые наброски письма к Вере Засулич (8 марта 1881 г.) и ряд произведений К. Маркса, в которых содержатся высказывания об общине.

Эти работы, а также другие труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, в которых освещаются важнейшие вопросы марксистского учения о государстве, причинах его возникновения, роли его в деле подавления эксплуатируемого большинства эксплуататорским меньшинством, явились основополагающими при исследовании всего круга вопросов развития афганского общества, поднятых в предлагаемой монографии.

При исследовании афганской общины и анализе сущности земельных отношений у афганцев исключительное значение имело то положение Маркса, что «... земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»³, а также определение Марксом специфических черт и особенностей азиатской, в частности индийской общины⁴. Высказывания Маркса об индийской общине имеют непосредственное отношение к проблематике работы, поскольку многие

¹ См. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 26.

² Там же, стр. 24.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 695.

⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1951, стр. 364—366; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 351; К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 18.

афганские общины на землях правобережья Индии имели сходные черты с индийской общиной и, в частности, свойственное последней внутреннее, независимое от рынка, разделение труда между ремеслом и земледелием.

* * *

Использованные в монографии основные источники и пособия для удобства рассмотрения целесообразно разделить на следующие категории:

А. Данные индийских, афганских, среднеазиатских и персидских хронистов, являвшихся современниками и очевидцами описываемых событий. Как правило, эти хронисты принадлежали к эксплуататорскому, феодальному классу, в частности, к той его прослойке, которую можно назвать служилой феодальной знатью, непосредственно связанной с шахским двором и различными его ведомствами. Это были придворные хронисты. Они писали историю шахов, прославляя их деяния, а судьбы народа, его история их мало затрагивали. Круг их интересов весьма ограничен. Возвышение и опала вельмож, интриги различных придворных клик, междоусобные войны феодалов, различные мероприятия шахов регистрируются хронистами с большой полнотой, как события, находящиеся в центре их внимания. Однако, строго следуя хронологической последовательности изложения, год за годом, месяц за месяцем, хронисты в той или иной мере, с большей или меньшей полнотой освещают важнейшие события, свидетелями которых они были. В этом ценность источников данной категории.

Ценным источником по истории Афганистана второй половины XVIII в. является «Муджмил-е-Тарих-и ба'д Надирийе» Мохаммеда Амина Голестани¹. Описание событий в хронике

---

¹ Автор стремился приблизить написание имен собственных и терминов, принятое в настоящей работе, к произношению их в соответствующих восточных языках, передавая их буквами русского алфавита и не прибегая, как правило, к дополнительным графическим знакам для обозначения звуков, отсутствующих в русском языке.

При передаче афганских и индийских имен и терминов, поскольку нет еще окончательно утвердившейся в советской научной литературе традиции их написания, автор стремился возможно ближе воспроизвести их произношение в языке пушту и в индийских языках, в ряде случаев отступая от обычно принятого написания. Так, например, имена афганских правителей передаются нами *Дост-Мухаммад*, *Ахмад-шах* вместо обычного *Дост-Мохаммед*, *Ахмед-шах*; в индийских именах *Ранджит Сингх*, вместо *Ранджит Синг* и т. д. Но географические названия и некоторые термины, для которых установилась прочная традиция, закрепленная в советской картографии и географической литературе, даются без изменения. Например, название города *Герат* мы даем в традиционной орфографии, хотя в произношении гератских таджиков название этого города звучит как *Харат*, а в таджикской советской литературе

начинается со смерти персидского шаха Надира (1747) и охватывает события первых лет правления Ахмад-шаха дуррани, очевидцем которых был Мохаммед Амин. Автор настроен явно враждебно по отношению к афганцам, он горько сожалеет о распаде недолговечной державы завоевателя Надир-шаха. Вместе с тем Мохаммед Амин сообщает ряд интересных данных о джирге, избравшей первого афганского шаха, о его походах на Индию и Персию. На точность изложения Мохаммеда Амина нельзя положиться, действительность в его хронике нередко переплетается с вымыслом. Так, он ошибочно утверждает, будто первый завоевательный поход Ахмад-шаха был предпринят в 1748 г. на Персию, тогда как на самом деле этот поход был предпринят на восток — в Индию, а не на запад — в Хорасан. Мы пользовались текстом сочинения Мохаммеда Амина, опубликованным О. Манном в 1896 г.¹

В качестве источника по более ранней истории афганцев (до XVII в.) необходимо отметить хронику «История афганцев», составленную Ни'матуллой около 1610 г. Сам Ни'матулла-хан жил в Индии, где состоял на службе у Великих Моголов, но он составил свой ценный свод, основываясь главным образом на афганских преданиях и первоисточниках. Хроника дает историю происхождения и расселения афганцев, их родословную, а также содержит большой материал по хозяйственному быту

пишется *Хирот*; следуя традиции, мы пишем *Кандагар*, хотя афганцы произносят *Кандаар*. В названиях афганских племен мы сохраняем «ачакзай» (вошедшее в русскую литературу из таджикского яз.) вместо афганского «ацакзи», а также «джаджи» вместо «дзадзи» и т. п.

Составные названия афганских племен и их подразделений пишутся через дефис со словом «хель» («род») и слитно с аффиксом «зай». Например, *мухаммад-хель*, но *мухаммадзай*. Устанавливая написание названий афганских племен и их подразделений, социально-экономических и юридических терминов из языка пушту и ряда других восточных языков, мы пользовались квалифицированной консультацией советского востоковеда М. Г. Асланова.

При передаче персидских имен и терминов автор в основном придерживался транскрипции, примененной в персидско-русском словаре Б. В. Миллера, а при написании таджикских слов следовал орфографии, принятой во втором издании книги Б. Г. Гафурова на русском языке «История таджикского народа», М., 1952. В некоторых случаях было трудно точно установить таджикское или персидское происхождение тех или иных терминов и имен восточных авторов, и предлагаемая нами транскрипция в этих случаях, разумеется, является спорной.

Имена средневековых восточных авторов X—XV вв. и названия их сочинений, известные нам в написании их арабскими буквами, в основном приводятся в несколько условной передаче, установившейся в русском востоковедении. Исключения сделаны для некоторых широко известных имен среднеазиатских авторов.

¹ Das Mujmil e-Tarikh-i-Ba'd Nadiriye. Emin Abul-Hasan aus Gulistane nach der Berliner Handschrift herausgegeben von Oskar Mann. Лей-

афганских племен. В этом отношении особенно интересные сведения сообщаются в житиях афганских шейхов, которые составляют отдельный раздел труда Ни'матуллы. Мы пользовались переводом этого источника на английский язык, изданным Б. А. Дорном¹.

Очень большое значение для написания настоящей работы имели данные, сообщаемые основателем династии Великих Моголов в Индии ферганцем Захириддином Бабуром, бывшим до своего похода на Дели правителем Кабула. Бабур широко интересовался географией, природой, нравами, хозяйственным бытом и историей населения Афганистана. Он был глубоким и точным наблюдателем. Особенно важны его свидетельства о составе населения Афганистана и о занятиях афганцев, сообщения о роли Кабула в транзитной торговле, шедшей из Индии и в Индию через Афганистан. Некоторые подробности о положении афганцев под властью Великих Моголов и Сефевидов, и в частности сведения о налогах и повинностях, которые возлагали на афганское население эти завоеватели, сообщают авторы источников XVI в. — Абуль Фазль Аллями в своем «Аин-и Акбари» и неизвестный автор трактата об административном и налоговом устройстве Сефевидской державы «Памятка царей» («Тазкират аль-Мулюк»), составленного около 1725 г. для надобностей афганских завоевателей Персии².

При изложении обстоятельств завоевательного похода персидского шаха Надира на Афганистан и Индию в 1737—1738 гг. была использована хроника, составленная очевидцем событий, секретарем и историографом Надир-шаха мирзой Мохаммедом Мехди³.

Хроника Мир Абдулкарима Бухорои (умер в 1830 г.) была составлена в начале XIX в. Автор состоял на службе у афганского шаха Махмуда, сопровождал его в Бухару и затем был послан с дипломатическим поручением от бухарского эмира в Стамбул, где и умер. Его хроника охватывает историю стран Среднего Востока в период с 1740 по 1818 г. Автор, знакомый с материалами налогово-финансового ведомства афганских

---

¹ History of the Afghans translated from the Persian of Neamet Ullah by B e r n h a r d D o r n, Ph. D. . . and Professor of oriental literature in the Imperial Russian University of Kharkov. Лондон, 1829—1836, т. I—II.

² Текст «Аин-и Акбари» мы пользовались по лакнаускому изданию 1898 г. (литография), а «Тазкират аль-Мулюк» — по тексту, изданному Минорским в 1943 г. — Tadkhirat-al-Muluk. A manual of Sefevid administration. Translated and explained by V. Minorsky. Лондон, 1943. Текст на персидском языке и английский перевод.

³ Мы пользовались литографированным изданием текста сочинения мирзы Мохаммеда Мехди Астрабади: «Тарих-е Джахан-гошаи Надири». Бомбей, 1930.

шахов, дает весьма интересные сведения о налоговых доходах Дурранийской державы при Ахмад-шахе¹.

К более позднему периоду относится также «Тарих-и Сальтани», история Афганистана, составленная в первой трети XIX в. Султан Мухаммад-ханом, сыном дурранийского хана Мусы². Сам автор не был современником царствования Ахмад-шаха дуррани. Но, описывая события второй половины XVIII в., он основывался на свидетельствах ряда дурранийских ханов старшего поколения, состоявших на службе Ахмад-шаха: Али-хана Мухаммадзая, Абдульгафур-хана, казия Абдуррахман-хана и, наконец, своего отца Муса-хана. Особенно важно, что автор посвящает значительную часть своего труда истории племен дурраниев (абдалиев). Для событий начала XIX в. «Тарих-и Сальтани» является первоисточником.

Хроника «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан» была составлена в 1783 г. анонимным афганским автором. Индийский ученый Банерджи приписывает ее авторство афганскому шаху Тимуру (1773—1783). Кто бы ни был автор, он ставил перед собой цель осветить положение в Пенджабе и изложить основные сведения о сикхах, выступавших непримиримыми врагами афганских феодалов-завоевателей, которые и при Тимур-шахе пытались удержать свои владения в Индии, а прежде всего Пенджаб. Автор убедительно освещает сильные и слабые стороны сикхов как военных противников афганцев и рисует ~~действительное~~ положение вещей в Пенджабе, по видимому, на основе личных наблюдений³.

Большой интерес как источник представляет описание битвы при Панипате 14 января 1761 г. и событий, которые привели к этой битве, составленное очевидцем пандитом Кази Раджа. Кази Раджа состоял на службе у Шуджи-ад-Доула (наваба Ауда). Через Кази Раджу велись дипломатические переговоры между антимаратхской коалицией во главе с Ахмад-шахом дуррани и маратхскими князьями. Кази Раджа был прекрасно осведомлен о военных силах враждующих сторон и сообщает наиболее точные и достоверные данные о численности

---

¹ Мы пользовались текстом этой хроники, изданным французским востоковедом Шефером: *Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand), depuis les derniers années du règne de Nadir Shah (1153), jusqu'en 1233 de l'hégire (1740—1818). Par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publiée, traduite et annotée par Charles Schefer.* Париж, 1876.

² Су л т а н М у х а м м а д - х а н д у р р а н и. Тарих-и Сальтани. Бомбей, 1880.

³ Источник был найден и впервые опубликован в 1943 г. под заглавием: *Hakikat-i-bina wa'Uruj-i-Firkah-i-Sikhan. An English translation with introduction and notes by Sudubhasan Banerjee.* Калькутта, 1943. К сожалению, Банерджи опубликовал только перевод, опустив подлинный текст на персидском языке.

и устройстве афганских и маратхских войск. Описание самой Панипатской битвы сделано автором на основе личных впечатлений и полно глубокого драматизма. Мы пользовались этим источником в английском переводе 1799 г.¹

Б. Публикации сводов обычного права, юридические и дипломатические документы. Важнейшими источниками этой категории, использованными в работе, являются свод обычного права вазиров «Вазиринарх», опубликованный на языке урду афганцем Мухаммад Хаят-ханом в его книге «Хаят-и Афгани» в 1867 г.², свод обычного права Пенджаба, содержащий данные об обычном праве афганцев правобережья Инда, собранные и опубликованные английским чиновником Таппером³, документы о сношениях англичан с независимыми афганскими племенами, опубликованные по заданию английских колониальных властей Атчисоном⁴.

В. Свидетельства и описания путешественников, посетивших Индию и Афганистан в XVII—XVIII вв. Здесь прежде всего необходимо упомянуть наших соотечественников — Филиппа Ефремова, а также митрополита Хрисанфа⁵, который, посетив Афганистан в конце XVIII в., оставил особое ценное описание военной организации афганцев в XVIII в.

Интересные наблюдения об афганцах, их быте и участии в транзитной торговле сообщает английский путешественник XVII в. Р. Стил. Ему же принадлежит описание Кандагара, который он посетил по дороге в Индию⁶. Путешествие Стила

---

¹ An account of the Battle of Panipat and of the events leading to it. Written in Persian by Ca'si Raja Pundit who was present at the Battle. «Asiatic Researches», т. III. Лондон, 1799.

² Мухаммад Хаят-хан. Хаят-и Афгани. Лахор, 1867.

³ С. L. Tappер. Punjab customary law. Statements of customary law in different districts (extracted chiefly from the settlement report). Калькутта, 1881, т. I—III.

⁴ C. U. Aitchison. A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries compiled by C. U. Aitchison under secretary to the Government of India in the Foreign Department. Vol. XI... Revised and continued up to the end of 1930 under the authority of the Government of India. Дели, 1933.

⁵ «Странствования Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и о возвращении его оттуда через Англию в Россию», Казань, 1811; «[Записка] Хрисанфа митрополита Новопатраского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах издал с введением и примечаниями В. В. Григорьев». М., 1861. Из «Чтения Общества истории и древностей Российских при Московском университете», 1861.

⁶ A Journall of the Journey of Richard Steel and John Crowtler, from Azmere in India, the place of the Great Mogols residence, to Spahan the Royall Seat of the king of Persia, in the affaires of the East-Indian Society. Ann. 1615, 1616 in «Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes Containing a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by Englishmen and others by Samuel Purchas, B. D.», т. IV. Глазго, 1905.

относится к 1615—1616 гг. Отмеченное им оживление транзитной сухопутной торговли через Афганистан носило временный характер и было связано с заминкой в морской торговле Индии, вызванной войной английской Ост-Индской компании против португальцев. Француз Сансон не был в Афганистане, но в описании Сефевидского государства, составленном Сансоном, имеются и некоторые данные об афганцах, собранные этим французским путешественником во время его пребывания в Персии¹. Поляк Крушинский, прокуратор иезуитской коллегии в Исфагане, был очевидцем афганского завоевания Персии в 1722 г., и его «История революции в Персии» представляет ценный источник, в котором излагаются события, связанные с падением державы Сефевидов, и содержатся также существенные сведения о самих афганцах, в первую очередь о гильзаях². Англичанин Форстер в 1782—1783 гг. предпринял сухопутное путешествие из Индии в Россию. Его маршрут пролегал через Пешавар—Кабул—Кандагар—Герат. Форстер дает подробные описания этих афганских городов, приводит сведения о национальном составе их населения, условиях торговли и положении купечества. Круг его наблюдений ограничен, но сообщаемые им данные основаны на личном знакомстве со страной³.

Г. Описания и наблюдения путешественников, побывавших в Афганистане в первой половине XIX в. В подавляющем большинстве это были служащие английской Ост-Индской компании. Афганистан был в ту пору главным объектом английской агрессии на Среднем Востоке, и отсюда неослабный интерес колониальных властей Ост-Индской компании к этой стране. Ее изучали как рынок сбыта английских товаров и как плацдарм для нападения на Среднюю Азию; через Афганистан тянулись нити английских происков в Герат и Хорасан, в Бухару, Коканд и Хиву. Афганистан английские колонизаторы изучали как театр будущей захватнической войны против самого афганского народа, которая и разразилась в 1838 г. В числе лиц, прямо или косвенно связанных с этой деятельностью Ост-Индской компании, были и французы (Феррье)⁴ и индийцы (Мохан Лаль Кашмири)⁵, но больше всего было

¹ Voyage ou Relation de l'état present du Royame de Perse. Avec dissertation curieuse sur les Moers, Religion et Gouvernement de cet Etat. Par M. S a n s o n. Париж, 1695.

² History of the Revolution in Persia from the Memoirs of Father Krushinsky, Procurator of the jesuits at Ispahan. Done into English by Father Cerceau. Дублин, 1729.

³ G. F o r s t e r. Voyage du Bengale à Petersbourg. Париж, 1800, т. I—III. Данные об Афганистане содержатся во II томе.

⁴ J. F e r r i e r. Caravan journeys and wanderings in Persia, Turkestan and Beloochistan. Перевод с французской рукописи. Лондон, 1857.

⁵ Mohan Lal. Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan, to Balk, Bokhara, and Herat; and a visit to Great Britain and Germany. Лондон, 1846.

англичан, начиная с дипломатов вроде Бернса¹, военных вроде Бродфута² и кончая дезертирами из англо-индийской армии вроде Массона³, который шпионской службой стремился заслужить прощение английских властей. Вполне естественно, что эти люди не преследовали научных целей. Тем не менее в их описаниях есть немало данных по экономике Афганистана, устройству афганских племен и даже по земельным отношениям в стране афганцев. Эти данные и были использованы в настоящей работе. Иногда случайно подмеченные авторами этой категории источников факты ярко освещают внутреннее устройство афганской общины, которое в начале XIX в. мало чем изменилось по сравнению с концом XVIII в. Привлечение этой группы источников дает исследователю обширный, но в значительной мере сырой материал, который весьма трудно поддается отбору и научной обработке.

Д. Английские правительственные справочники, так называемые газеттиры, имперский (по всей Индии), провинциальные и дистриктные (окружные). Все они составлены по общему плану и содержат разделы, посвященные рельефу, климату, почве, населению, истории, экономике, религии и касте, земельным отношениям и налоговой системе в данной административной единице. Это — официальные издания, составленные чиновниками для надобностей колониальной администрации. Основная задача справочников — газеттиров — дать английским колониальным бюрократам сведения, необходимые для управления «вверенной» им административной единицей. Тенденциозность этих изданий несомненна, они составлены с явной целью превознести «благодетельную роль» английских колонизаторов. Во многих случаях составители справочников прибегают к прямой фальсификации фактов, в других случаях к умолчанию. При всей их тенденциозности газеттиры, а в особенности дистриктные, предназначенные главным образом для служебного пользования узкого круга английских чиновников, не могут в какой-то мере не отражать действительности и содержат обширный материал по истории аграрных отношений, формам аренды, помещичьему землевладению и крестьянскому землепользованию, по истории деревенских общин.

---

¹ A. B u r n e s. Cabool, being a personal narrative of a journey to, and residence in, that city in the years 1836, 1837 and 1838. Лондон, 1843.

² Reports on parts of the Ghilzi country and on some of the tribes in the neighbourhood of Ghazni and the route from Ghazni to Dera Ismail Khan by the Ghwadari pass by lieut. James Sutherland Broadfoot, Bengal Engineers, 1839. «Royal Geographical Society», т. I, ч. III, «Supplementary Papers». Лондон, 1885.

³ Ch. M a s s o n. Narrative of various journeys in Bilochistan, Afghanistan and the Panjab incl. a residence in those countries from 1826 to 1838. Лондон, 1842.

Разумеется, этот материал не идет ни в какое сравнение с данными русской земской статистики. Данные о разложении крестьянства тщательно замазываются, помещики и крестьяне зачастую включаются в общую категорию «землевладельцев». Но надо сказать, что в описании аграрных отношений до английского завоевания степень фальсификации значительно меньше, чем в описании аграрных порядков, установленных самими колонизаторами. Мы использовали все доступные газеттиры афганских дистриктов правобережья Инда. Существенным пробелом является то, что в нашем распоряжении не было газеттира Кохатского округа.

К рассматриваемой категории источников относятся налоговые и административные отчеты английских чиновников, а также описания, составленные английскими дипломатами и другими чиновниками, побывавшими в соседних с владениями Ост-Индской компании странах — Пенджабе (еще сохранявшем в начале XIX в. свою независимость), Афганистане и в других. К описаниям, представляющим вместе с тем серьезные исследования, надо отнести капитальную работу «Королевство Кабул», составленную Эльфинстоном, главой английской дипломатической миссии ко двору шаха Шуджи, и членами этой миссии. Работа «Королевство Кабул» основана на данных, собранных миссией Эльфинстона во время пребывания ее в Афганистане в 1808—1809 гг. Автор этого труда Эльфинстон был не только крупным чиновником английской колониальной службы в Индии, но и одним из самых эрудированных буржуазных ученых-востоковедов. Его описание Афганистана конца XVIII—начала XIX в. являлось серьезным вкладом в изучение этой страны и в первую очередь общественно-экономических отношений у афганцев. Буржуазная ограниченность Эльфинстона проявилась в идеализации патриархальных отношений у афганцев и в отрицании и замазывании классовой борьбы в афганском обществе. Но многие его наблюдения и оценки отличаются глубиной и сохраняют свое значение и сейчас. «Королевство Кабул» является наиболее значительным произведением английской афганистики, созданным в период, когда английское буржуазное востоковедение еще не пришло в упадок и могло давать произведения, более или менее объективно отражавшие действительность¹.

Для истории развития земельных отношений у дурраниев очень большое значение имеют фактические данные, содержащиеся в «Отчете о дурраниях», составленном в 1841 г. Г. Роу-

---

¹ M. Elphinstone. An account of the Kingdom of Caubul and its Dependencies in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooraunee monarchy. Лондон, 1815.

линсоном на основе земельно-налоговых документов архива Кандагара. Роулинсон занимал высокие посты в штабе английских оккупационных войск в Кандагаре во время англо-афганской войны 1838—1842 гг. и его обширный доклад (Роулинсон дает историю развития земельных отношений у дурраниев с начала XVIII в.) имел целью описать аграрный строй у дурраниев, чтобы определить основы земельной политики английских властей в оккупированной Кандагарской области. Английские интервенты были выброшены из страны восставшим народом. Собранные же Роулинсоном данные потеряли всякое практическое значение для британских колонизаторов и сохранили свое значение только как важный источник по истории аграрных отношений у афганцев ¹.

Важными источниками являются также «Отчет о юсуфзаях» Беллью (1864)² и обширный справочник, составленный накануне второй англо-афганской войны (1871) генерал-квартирмейстером англо-индийской армии Мак-Грегором. Справочник Мак-Грегора был составлен в военных целях при подготовке захвата Афганистана и Средней Азии. Справочник Мак-Грегора предназначался для служебного пользования, долгое время был англичанами засекречен. Он содержит описание Афганистана и афганских племен, составленное по типу индийских газеттиров. Фактический материал в значительной мере почерпнут из данных английской разведки.

Нами использована также основная работа наиболее осведомленного английского буржуазного афганиста второй половины XIX в. Раверти «Заметки по Афганистану и части Белуджистана»³. Труд Раверти не носит систематического характера. Это скорее материал к большому труду по истории Афганистана, задуманному, но так и не выполненному автором. Самого Раверти в первую очередь интересовали вопросы афганской литературы, языка, а также религии. Для своих «Заметок» он привлек широкий круг недоступных нам источников на языке пушту (частично дав перевод ряда афганских средневековых хроник), а также использовал данные об Афганистане, почерп-

¹ H. C. Rawlinson. Report on the Dooranee Tribes dated 19-th April 1841. «Central Asia. Part II. A Contribution towards the better knowledge of the topography, ethnology, resources and history of Afghanistan compiled (from political and military reference) by lieut.-col. Mac Gregor, Assistant Quarter-Master-General» (Appendices). Калькутта, 1871.

² H. W. Bellew. A General report on the Yusufzais, in six chapters with a map. Лахор, 1864.

³ H. J. Raverly. Notes on Afghanistan and part of Baloochistan, geographical, ethnographical and historical, extracted from the writings of the little known Afghan and Tajzjik Historians, Geographers and Genealogists, the Histories of the Ghuris, the Turk sovereigns of the Dihli Kingdom, the Mughal sovereigns of the House of Timur, and other Muhammadan chronicles; and from Personal Observations. Лондон, 1881.

нутые из неопубликованных фондов английских архивов с конца XVIII в.

Особо следует отметить обширный труд на языке урду Мухаммад Хаят-хана «Хаят-и Афгани»¹, написанный этим чиновником английской службы по заданию начальства. Хаят-хан верно служил англичанам. Он помогал колониальным властям усмирять восстания афганских племен, а во время войны 1878—1880 гг. вместе с вышеупомянутыми Мак-Грегором и Беллью был назначен членом чрезвычайного трибунала, по приговору которого было казнено много афганцев, заподозренных в участии в народном восстании в сентябре 1879 г., приведшем к разгрому английского резидентства в Кабуле. В своей книге Хаят-хан выступает апологетом колониальной политики англичан. Однако Хаят-хан был сам афганцем, хорошо знал жизнь и историю афганских племен и для написания своего труда использовал афганские хроники, документы частных архивов афганских феодалов, данные фольклора и особенно широко — лично собранные им путем расспросов сведения. Труд Хаят-хана содержит наиболее полный материал по быту, обычному праву и земельным отношениям ряда афганских племен в конце XVIII—первой половине XIX в. и много ценных данных по их истории XVI—XIX вв.

При надлежащем критическом отношении источники этой категории могут служить важным подспорьем для изучения предмета, а прежде всего земельных отношений у афганцев.

Е. Что касается использованных пособий, то здесь прежде всего следует остановиться на работах отечественных афганистов. Русское востоковедение внесло значительный вклад в изучение Индии и Афганистана интересующего нас периода. Два обстоятельства имели в этом отношении решающее значение. Русские эксплуататорские классы не выступали в качестве завоевателей или поработителей народов Индии и Афганистана, и освещение истории этих народов в русском буржуазном востоковедении получило более объективный характер, чем в трудах английских ориенталистов. С другой стороны, некоторые лучшие представители русского востоковедения (такие, как Ханьков, Петров) не остались чужды влиянию передовых идей русских революционных демократов, а позже, в конце XIX в., — и некоторых научных материалистических взглядов, что сказалось, например, на труде русского буржуазного социолога М. М. Ковалевского «Общинное землевла-

---

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Хаят-и Афгани. Лахор, 1867. Нами этот источник использован на языке подлинника, а также в английском переводе по изданию *Afghanistan and its inhabitants. Translated from the «Hayat-i-Afghan» of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley.* Лахор, 1874.

дение», в котором значительное место уделяется разложению индийской общины¹. Русской востоковедческой науке принадлежит приоритет в разработке важнейших проблем истории афганцев — их этногенеза, расселения, условий перехода их от кочевого быта к оседлости и, наконец, вопроса о том, почему афганцы смогли оказать длительное, и в общем успешное, сопротивление английским завоевателям. Именно представители русского востоковедения сумели правильно разобраться в вопросе о том, какое огромное влияние оказали неафганские народы, населяющие современный Афганистан, а в первую очередь таджики, на развитие хозяйства и культуры самих афганцев. Работы Б. А. Дорна, В. В. Григорьева и Н. А. Аристова по Афганистану во многих отношениях до сих пор сохраняют научную значимость и явились ценным пособием при постановке и рассмотрении ряда вопросов, хотя в силу идеалистического метода и классовой ограниченности авторов эти работы, разумеется, требуют критического к себе отношения². Наконец, приходится считаться и с тем, что по некоторым вопросам фактический материал, на котором основывались выводы русских афганистов XIX в., сейчас уже устарел и является недостаточным, так как в науку были введены вновь выявленные источники.

Б. А. Дорн после окончания Лейпцигского университета переселился в 1829 г. в Россию, где жил и работал до своей смерти в 1881 г. Вначале он был профессором Харьковского университета и других русских учебных заведений, а затем был избран академиком Российской Академии наук. Б. А. Дорн положил начало научному исследованию Афганистана в России. Он внес значительный вклад в изучение языка пушту и написал очерки по грамматике этого языка. Как уже отмечалось выше, он перевел написанную в Индии в начале XVII в. «Историю афганцев» Ни'матуллы-хана и снабдил ее обширным научным комментарием, представляющим самостоятельное исследование, осно-

---

¹ М. М. К о в а л е в с к и й. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. I. Общинное землевладение в колониях. М., 1879.

² Б. А. Д о р н. History of the Afghans translated from the Persian of Neamet Ullah by Bernhard Dorn, PhD. . . and Professor of oriental Literature in the Imperial Russian University of Kharkov. Лондон, 1829—1836, т. I—II.

В. В. Г р и г о р ь е в. Дополнения к его же переводу с немецкого книги: К. Р и т т е р. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафистан. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил источниками, изданными в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, ординарный профессор С.-Петербургского университета по кафедре истории Востока. СПб., 1867 (дополнения В. В. Григорьева — стр. 315—1010. — Прим. ред.).

важное на широком круге средневековых источников на персидском, таджикском, афганском (пушту) и арабском языках. Этот комментарий Б. А. Дорна, помещенный во втором томе издания перевода труда Ни'матуллы-хана, является оригинальным и глубоким исследованием, утвердившим приоритет русской науки в изучении ранней истории афганцев. Опираясь на данные исторических источников, Б. А. Дорн в этой работе, как и в своих филологических трудах на материалах лингвистики, опроверг версию о семитическом происхождении афганцев и их языка, не только высказал, но и обосновал свое предположение, что афганцы представляют автохтонное население страны, и правильно указал на район Сулеймановых гор как место первоначального расселения афганцев. Впоследствии большинство русских ученых присоединилось к этому положению Б. А. Дорна.

Политические взгляды В. В. Григорьева (1816—1881) не были прогрессивными. Но этот ученый, профессор Петербургского университета по кафедре истории Востока¹, обладал обширными познаниями, разносторонней подготовкой и серьезными исследовательскими навыками. Он был одним из выдающихся русских востоковедов XIX века и оставил множество трудов. В капитальном исследовании В. В. Григорьева «Кабулистан и Кафиристан» проявились и обширная эрудиция ученого, и прекрасное знание восточных языков, быта и нравов народов Востока. В работе отразилось также и сочувствие русского исследователя борьбе народов Афганистана за независимость против английских колонизаторов. Самостоятельность мысли, критическое отношение к источникам, яркость изложения характеризуют эту работу Григорьева. Для своего времени «Кабулистан и Кафиристан» был одной из серьезнейших и наиболее обстоятельных работ по Афганистану. Во многих отношениях труд В. В. Григорьева и поныне не утратил своего значения. В 1898 г. Н. А. Аристов писал об этой книге, как о «не имеющей себе равных в западноевропейской литературе». В. В. Григорьев дал систематическое, последовательное изложение истории народов Афганистана с древнейших времен до XI века и, кроме того, составил ценный очерк англо-афганской войны 1838—1842 гг. В своей истории Афганистана он собрал обширные сведения о материальных условиях жизни населения, характере земледелия и скотоводства, организации ремесел. В его работе содержатся также данные и интересные соображения об этногенезе афганцев, об исторических условиях

---

¹ В. В. Григорьев был основателем первой в истории университетского образования и мировой науки кафедры истории Востока (учреждена в Петербургском университете в 1863 г.).

распространения афганцев за пределы районов их первоначального поселения, об их взаимоотношениях с покоренными народами¹.

Русский востоковед Н. В. Ханыков был разносторонним ученым, дипломатом и путешественником. Участник миссии Бутенева в Бухару в 1841 г., Н. В. Ханыков на основе личных наблюдений и собранных на месте данных составил ценное «Описание Бухарского ханства» (1843). В этой работе, в частности, получил освещение вопрос о торговых и политических взаимоотношениях Бухары с Афганистаном. В 1857 г. Н. В. Ханыков возглавил научную экспедицию в Афганистан. Экспедиция преследовала и политические цели, но по настоянию англичан эмир Дост-Мухаммад не допустил экспедицию в Кандагар и Кабул, и пребывание Ханыкова в Афганистане ограничилось Гератом и его областью. Часть отчета Н. В. Ханыкова о его экспедиции в Афганистан была опубликована. В этой части дается первое научное описание археологических памятников Герата, снабженное переводом многочисленных надписей. Сведения, касающиеся Афганистана, собранные Н. В. Ханыковым в этой экспедиции, он изложил в своих дополнениях к переводу книги К. Риттера «Иран»². В дополнениях Н. В. Ханыкова содержится ряд ценных разделов, непосредственно посвященных экономике, этнографии и истории северо-западной и западной части Афганистана. Значительное внимание уделяется и самим афганцам. Анализ средневековых источников на восточных языках, главным образом на арабском, позволил Н. В. Ханыкову прийти к выводу о времени сложения афганской народности в сравнительно поздний период (IX—XIII вв.) и внести свой вклад в изучение вопроса об этногенезе афганцев и об условиях и времени их постепенного расселения на территории современного Афганистана. Еще более крупный вклад внес Н. В. Ханыков в изучение истории таджиков, древнейших насельников страны. Его анализ термина «таджик», конечно, во многом устарел, но соображения и данные Н. В. Ханыкова о крупной роли таджиков в экономическом и культурном развитии Афганистана, его сведения о тяжелом положении таджикских трудящихся под властью афганских феодалов целиком сохраняют свое значение. Как историк Н. В. Ханыков в некоторых отношениях уступает В. В. Григорьеву, в частности, в силу несистематичности изложения,

---

¹ Подробнее об этой работе В. В. Григорьева см. В. А. Ромодина. Из истории изучения афганцев и Афганистана в России. Сб. «Очерки по истории русского востоковедения». М., Изд-во АН СССР, 1953.

² Н. В. Ханыков. Дополнения к его же переводу с немецкого книги: К. Риттер. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Иран. . . СПб., 1874;

своейственной многим разделам рассматриваемой работы, ибо в ней Н. В. Ханьков не дает событий в их хронологической последовательности. Но особая ценность этой работы Н. В. Ханькова заключается в том, что он описывает страну, в которой он побывал, и народ, который он наблюдал во время экспедиции.

Труды об Афганистане русского этнографа Н. А. Аристова, хорошо известного своими исследованиями тюркских племен и народностей России, вышли в конце XIX—начале XX в. («Об Афганистане и его населении», в 1898 г., «Англо-индийский Кавказ» в 1900 г.).¹ Н. А. Аристов пытался вскрыть общие закономерности развития афганского общества. В первой своей работе он писал: «Жизнь человеческих обществ повинуется законам их эволюции, законам более сложным и трудно раскрываемым, но столь же непреложным, как законы природы, а потому действия правительств тогда только успешны и плодотворны, когда, сознательно или бессознательно, сообразны с этими законами»². В полемике с журналистом Симоном и западноевропейскими ориенталистами, утверждавшими, что образование афганского государства, дескать, было случайностью и афганцы «внеисторический народ», ибо «анархия не имеет истории», Н. А. Аристов вполне обоснованно указывал на историческую закономерность возникновения державы Ахмад-шаха дуррани. Он писал: «... образование Афганистана совсем не случайность, а необходимое и естественное следствие существования и роста энергичной и полной сил авганской народности»³. Но Н. А. Аристову, в силу его идеалистического метода, не удалось раскрыть объективных закономерностей развития афганского общества, ибо он не был в состоянии показать ни действительных причин разложения общинно-родового строя у афганцев, ни тем более того, что разложение первобытно-общинного строя сопровождалось образованием антагонистических классов в афганском обществе и резким обострением классовых противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми, что неминуемо привело к образованию афганского раннефеодального государства. Одна из слабых сторон работ Н. А. Аристова — идеализация им патриархальщины, общинно-родовых институтов, афганской общины, причем Н. А. Аристов пытался объяснить «различную степень сохранности» первобытно-общинного строя у различных афганских племен той или иной «чистотой крови» (т. е.

¹ Н. А. Аристов. Об Афганистане и его населении. СПб., 1898; его же. Англо-индийский Кавказ. Столкновения Англии с пограничными авганскими племенами (этноико-исторический и политический этюд). СПб., 1900.

² Н. А. Аристов. Об Афганистане и его населении., стр. 7.

³ Там же, стр. 42.

расовым моментом), что, впрочем, идет вразрез с общей концепцией самого Н. А. Аристова. В то же время его работы по Афганистану проникнуты искренним сочувствием к борьбе афганского народа за свою независимость против английских колонизаторов, осуждением грабительской колониальной политики не только британского, но и всякого, в том числе и русского, империализма. Аристов в своих работах по Афганистану использовал восточные источники только в переводах, что ограничивало круг привлеченных им материалов и его исследовательские возможности.

Ж. Серьезный вклад в дело изучения истории и экономики Афганистана, языков, литературы и этнографии населяющих его народов внесли советские ученые. Многие из них лично побывали в стране и широко использовали данные, собранные на месте (Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, М. С. Андреев, М. Г. Асланов, А. А. Поляк).

В результате экспедиции Вавилова и Букинича в Афганистан (1926 г.) появилась их капитальная работа «Земледельческий Афганистан», в которой основное внимание уделяется производительным силам сельского хозяйства¹. Подробно описаны земледельческие орудия народов Афганистана и производственные навыки трудящихся, много места уделено также технике искусственного орошения, переходным формам хозяйства, при которых в ряде областей современного Афганистана кочевое скотоводство сочетается с оседлым земледелием. «Земледельческий Афганистан» явился первой в истории афганистики работой, в которой в центре внимания исследователей был сам народ, трудящиеся, их хозяйство и жизнь, история производства и в этом ее важнейшее отличие от произведений буржуазной афганистики.

Советский ученый, этнограф М. С. Андреев в результате своей поездки в Афганистан дал обстоятельный очерк жизни таджикского населения долины Пянджшира².

В исследовании А. А. Поляка «Гератская провинция»³ рассматриваются естественные ресурсы, население, социально-экономический строй и хозяйственная жизнь этой части Афганистана. Ценность этой работы повышается в силу того, что ее основу составляет большой материал, собранный автором, серьезно изучившим рассматриваемые им вопросы в течение многолетнего пребывания в Афганистане. Этот материал на-

---

¹ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Л., изд. Ин-та прикладной ботаники, 1929.

² М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Долина Пянджшир. Ташкент, 1927.

³ А. А. Поляк. Гератская провинция. (Рукопись кандидатской диссертации). М., 1948.

шел свое отражение также и в более общей работе А. А. Поляка по географии Афганистана¹.

Труды М. Г. Асланова в первую очередь посвящены изучению языков и литературы народов современного Афганистана. М. Г. Асланов, пробывший долгое время в Афганистане, обладает всесторонним знанием этой страны, языков, письменности, фольклора и этнографии народов, ее населяющих. В его исследованиях проявился глубокий научный интерес и к истории и к экономике Афганистана. В советской афганистике именно он дал первые исследования народного движения рошани и изучал развитие афганской литературы в связи с проявлением классовых противоречий и ходом классовой борьбы. Автор данной монографии не только использовал опубликованные (а также частично и неопубликованные) работы М. Г. Асланова², но получал от него многочисленные разъяснения по ряду вопросов. В то же время автор данной работы расходится с М. Г. Аслановым в оценке рошанийского движения, считая, что было бы неправильным рассматривать это движение, сводя его лишь к попытке сохранения такого института общинно-родового строя, как веш (переделы земли), в той форме, в какой этот обычай первоначально сложился у афганцев.

К. А. Антонова в своей диссертации, а также в книге, посвященной общественным отношениям в Могольской Индии XVI в.³, наряду с другими народными движениями рассматриваемого периода затрагивает и вопросы истории рошанийского движения. Результаты исследований М. Г. Асланова и К. А. Антоновой по истории рошани помогли автору данной работы в написании очерка рошанийского движения. Однако, на наш взгляд, К. А. Антонова, утверждая в своих выводах, что в движении рошани участвовали только лично свободные члены различных афганских племен, необоснованно ограни-

---

¹ А. А. П о л я к. Физическая география Афганистана (учебное пособие). [М.], изд. МИВ, 1953. Книга вышла под ред. М. Г. Асланова, которым написана глава «Животный мир». К сожалению, мы не могли использовать в период подготовки к печати нашей работы докторскую диссертацию А. А. Поляка «Экономический строй Афганистана», подготовленную им к защите к июню 1954 г. В труде А. А. Поляка содержится весьма обширный и ценный материал по экономике Афганистана и истории хозяйственного развития этой страны.

² М. Г. А с л а н о в. Раздел о литературе в статье «Афганистан», опубликованной в III томе 2-го издания БСЭ; М. Г. А с л а н о в. Афганский фольклор. (Рукопись кандидатской диссертации). М., 1946; М. Г. А с л а н о в. Отражение классовой борьбы в афганской литературе XVI—XVII вв. Машинописный текст доклада, читанного в Институте востоковедения АН СССР в 1951 г.

³ К. А. А н т о н о в а. Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556—1605). М., Изд-во АН СССР, 1952.

чивает рамки этого движения и круг его участников. По нашему мнению, участие в этом движении, наряду со свободными, также и зависимых (хамсая), да и рабов — представляется бесспорным.

Исследования советских афганистов Л. Р. Гордон и В. А. Ромодина, посвященные процессу феодализации отдельных афганских племен¹, явились важным подспорьем при попытке автора выяснить как специфику этого процесса у ряда других афганских племен, так и общие закономерности разложения общинно-родового строя во всем афганском обществе.

Н. Д. Миклухо-Маклай в диссертации «Завоевание Ирана афганцами»² сообщает ряд новых данных о социально-экономическом строе гильзаев и других афганских племен в первой половине XVIII в., хотя проблема развития феодализма у афганцев и не является основной для его исследования. Эти данные оказали нам помощь при рассмотрении процесса разложения общинно-родового строя у гильзаев.

При рассмотрении вопросов об исторических взаимосвязях афганцев с таджиками и другими народами Средней Азии и Афганистана и анализе событий, связанных с Панипатской битвой, автору помогли исследования Н. И. Семеновой³.

Без того, что было сделано марксистской востоковедной наукой в нашей стране за годы, прошедшие со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции, не было

---

¹ Л. Р. Гордон. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии (XIX в.). «Вопросы истории», 1950, № 3; Л. Р. Гордон. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1953. В первой главе последней работы рассматривается развитие аграрных отношений у афганцев Индии до английского завоевания; В. А. Ромодина. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX в. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока». М., Изд-во МГУ, 1951; В. А. Ромодина. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в. (сравнительно с другими афганскими племенами). М., 1951. (Рукопись кандидатской диссертации). В. А. Ромодина в своей диссертации близко подошел к решению вопроса, почему сельская община у юсуфзаев сложилась как своеобразная комбинация нескольких родовых общин, но не обобщил всего собранного им по этому вопросу фактического материала и воздержался от окончательного вывода.

² Н. Д. Миклухо-Маклай. Завоевание Ирана афганцами. Ташкент, 1945. (Рукопись кандидатской диссертации).

³ См. диссертацию Н. И. Семеновой, посвященную истории южных узбеков, таджиков и туркмен XIX в. М. 1951. (Рукопись Института востоковедения АН СССР).

В опубликованной в 1951 г. работе Н. И. Семеновой «Афгано-маратхская борьба за преобладание в Индии и Панипатская битва 1761 года» (в сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока». М., Изд-во МГУ, 1951) приводятся новые данные, извлеченные, в основном, из источников. Эти данные характеризуют, в частности, борьбу маратхских феодалов и афганских ханов за преобладание в Индии.

бы возможно и появление настоящей работы, ибо она опирается не только на результаты исследования конкретного материала советскими афганцами, но и на очень большой вклад, сделанный учеными Советского Союза в разработку важнейших общих проблем первобытно-общинного строя и феодализма в странах Востока. В этой связи необходимо в особенности указать на исследования С. П. Толстова, С. В. Киселева, А. Ю. Якубовского, И. П. Петрушевского, Б. Г. Гафурова и ряда других ученых, использованные в настоящей работе.

3. Английская литература по истории афганцев весьма обширна, но научная ценность большинства работ современных английских буржуазных авторов невелика, не говоря уже о свойственной опять-таки многим из этих авторов крайней тенденциозности. Фактический же материал, использованный в настоящей работе, почерпнут, в основном, из книг Эльфинстона, Раверти и т. п., рассмотренных уже выше в качестве источников, ибо эти работы являются одновременно и сводами материалов, в значительной части собранных лично авторами, и научными произведениями, в которых отразились взгляды авторов и т. п., т. е. относятся одновременно и к категории источников и к категории литературы по теме нашей работы.

Из числа других западноевропейских авторов, труды которых цитируются, следует упомянуть Ж. Дармстетера, французского филолога и путешественника, знатока афганской литературы и быта, автора ряда исследований, посвященных различным вопросам изучения афганцев и Афганистана.

Необходимо отметить, что при написании V главы ценными пособиями явились труды современных индийских историков, прежде всего Саркара¹, в которых содержится большой фактический материал для характеристики событий по истории Индии рассматриваемого периода, связанных с историей афганского государства. Из работ современных афганских историков, использованных нами, надо указать историю Ахмад-шаха («Ахмад-шах — отец афганцев») М. Губара, в которой имеется довольно много фактов, позволяющих составить более полное представление о различных сторонах афганского государства XVIII в.²

В заключение автор считает своим долгом выразить большую признательность М. Г. Асланову и В. А. Ромодину за помощь, оказанную ими при установлении терминов и транскрипции афганских имен и названий, а также за ценную консультацию по ряду исторических вопросов.

¹ J. S a r k a r. The fall of the Mughal Empire. Калькутта, 1941—1942, т. I—III.

² М. Г у б а р. Ахмад-шах Баба-и Афган. Кабул, 1944. К сожалению, нам не удалось использовать историческое сочинение Атауллы-хана и некоторые другие работы афганских авторов, ибо их нет в наших библиотеках.

Глава I

(Вводная)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАССЕЛЕНИЯ АФГАНЦЕВ И РАЗЛОЖЕНИИ У НИХ ОБЩИННО-РОДОВОГО СТРОЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА К ОСЕДЛОСТИ

Распространение афганцев по территории нынешнего Афганского королевства и правобережью Инда (точнее, в современной Северо-Западной пограничной провинции, вошедшей после раздела Индии в состав Пакистана) происходило в течение многих столетий, охватывая период с XI до XVIII в. нашей эры. Прав был русский востоковед В. В. Григорьев, отметивший еще в 1867 г., что население современного Афганистана состоит «. . . из двух главных слоев: из господствующего народа, который занял ее (страну. — *И. Р.*) в историческое, даже относительно недавнее время, — это афганцы; и из народов, живших в стране до занятия ее афганцами, и большей частью покоренных последними: это таджики, сваты, гиндки, сиягнуши»¹.

Вопрос о расселении афганских племен представляет большой исторический интерес. Нельзя не отметить, что некоторые представители современной афганской историографии неправильно склонны приписывать афганцам культуру, государственность и славное историческое прошлое, принадлежащее таджикам и другим народам, жившим в этой стране задолго до завоевания всех ее территорий афганскими феодалами и насильственного объединения указанных народов в пределах афганского феодального государства.

Все народы, которые в прошлом жили на территории современного многонационального афганского государства или которые обитают здесь в настоящее время, причисляются такими авторами к афганцам, а все созданное этими народами бездоказательно объявляется исключительно делом рук афганцев.

¹ В. В. Григорьев. Кабулистан и Кафиристан. Дополнения к переводу одноименной работы К. Риттера, стр. 592.

«Во все исторические эпохи в Афганистане имелись крупные правители, и афганская национальная мощь проявлялась в различной форме. . .» и дальше: «национальный дух в Афганистане всегда существовал и не изменялся. . . афганцы всегда оставались настоящими афганцами», — так начинается предисловие, предпосланное современным афганским историком Наджибулла-ханом к его курсу лекций по истории Афганистана¹. Он пишет, будто все жители Афганистана в прошлом были афганцами², что «в книгах Вед упоминается о древних афганских ученых»³, которые якобы были «настоящими афганцами» или «афганскими арийцами»⁴, что «древняя культура Афганистана — первоисточник культуры Персии и Индии»⁵.

Такие авторы утверждают, будто основой афганской культуры было «чисто арийское» расовое начало. Подобными ненаучными положениями они пытаются обосновать «превосходство» афганской культуры над культурами других народов. Наджибулла-хан в упомянутой «Ариана ва Афганистан» ссылается на якобы «неполноценный» характер индийской и иранской культуры в силу «смешения арийцев с семитскими элементами в Иране (имеются в виду, прежде всего, арабы. — *И. Р.*) и дравидскими элементами в Индии», подчеркивая, что одни будто бы афганцы сохранили свою «арийскую чистоту»⁶. Утверждения некоторых афганских историков, будто вся территория средневекового Хорасана, включая Балх, Герат, Мерв, Мешхед и Нишапур, уже с давних времен входила в Афганистан, не соответствуют действительности. Афганцы, как свидетельствуют средневековые источники, не были коренным населением этих областей и только на короткий срок подчинили в XVIII в. некоторые из них в результате завоевательных феодальных походов⁷.

---

¹ Наджибулла-хан. Ариана ва Афганистан. Лекции, прочитанные на факультете права и политических наук в 1940 г. Кабул, 1943.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 44 и 49.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ Там же, стр. 14, 31, 34, 37, 38.

⁷ М. Губар в своей статье «The Role of Afghanistan in the civilization of Islam», помещенной в № 1 журнала «Afghanistan» за 1946 г., писал: «Страна древних ариев, или исламская страна Хорасан, т. е. нынешний Афганистан, с одной стороны, одарил мир ислама своей религией, математикой и астрономией, а с другой стороны, передал этому миру философию и медицину Индии, ставшую доступной афганцам в бассейне Инда и в восточной части их (афганцев) родины». По поводу этих попыток отождествить средневековый Хорасан и современный Афганистан член-корреспондент АН СССР Е. Э. Бертельс в рецензии на журнал «Афганистан», помещенной в четвертом томе «Ученых записок Московского инсти-

Таковы неопровержимые факты. Искажающее историю отождествление средневекового Хорасана с Афганистаном дает некоторым афганским авторам возможность приписать к числу «настоящих афганцев» всех деятелей культуры прошлого этой среднеазиатской области.

Нет необходимости вступать в долгую полемику с авторами столь фантастических утверждений. Достаточно указать на ненаучность самого подхода этих авторов к вопросу и перейти затем к изложению фактов. Пусть дальше уже факты говорят сами за себя. Такие факты в связи с рассмотрением событий истории Афганистана за период в несколько столетий приводятся ниже в этой и следующих главах настоящей работы. Они показывают, какой вклад внесли неафганские народы в хозяйственное и культурное развитие Афганистана.

Афганцы не могли быть создателями культурных ценностей, принадлежащих соседним народам, прежде всего потому, что каждый народ, большой или малый, всегда сам создает свою, самобытную культуру, является ее творцом. Советская наука и все советские люди с глубоким уважением относятся ко всем народам, к их истории, к их культуре, исходя из того, что нет наций и народов «неполноценных», как нет и не бывало наций и народов «избранных». Равным образом мы относимся и к афганскому народу. Мы видим особенности его истории и самобытной национальной культуры, ценим его лучшие качества, его преданность свободе и любовь к родной стране, стойкость, упорство и отвагу, не раз проявленные им в борьбе за свою независимость против могольских, сефевидских, английских завоевателей и угнетателей. Особого внимания заслуживает тот несомненный факт, что, выйдя на широкую историческую арену значительно позже соседних народов,

---

туда востоковедения», отмечал: «Афганистан входит у арабских географов в область Хорасан, но нужно сказать, что под Хорасаном они понимали область значительно более обширную (включая туда иногда и часть Средней Азии и ограничивая ее на западе Гурганом, на юге персидским Ираком, т. е. иначе говоря, включая туда области, никогда в Афганистан не входившие). Расширив таким образом понятие Афганистана, М. Губар получает возможность приписать Афганистану всех выдающихся деятелей науки и культуры восточных областей Ирана» и, добавим мы, не только и не столько Ирана, а прежде всего Средней Азии. См. нашу статью «К вопросу о складывании афганцев в нацию» в журнале «Вопросы истории», 1949, № 7. Здесь отметим коротко, что в действительности, как об этом свидетельствуют исторические факты, афганцы лишь в XVI в. поселились в Герате, когда часть племени абдалиев была переселена туда сефевидским шахом Аббасом. В XVIII в. афганские феодалы, в качестве эпизодически вторгавшихся в Хорасан завоевателей, лишь на короткий срок подчинили себе Мешхед, Нишапур и Балх. Афганские феодалы только в сравнительно очень недавнее время (вторая половина XIX в.) завладели частью средневекового Хорасана.

молодой, одаренный и полный сил афганский народ за очень короткий срок сравнительно быстро продвинулся по пути социально-экономического развития. При этом он сумел отстоять свою родину от феодальных завоевателей и империалистических колонизаторов. В трудных условиях многовековой борьбы за независимость афганский народ, развивая свою национальную культуру, создал оригинальную литературу на родном языке, прекрасную поэзию, имеющую своих классиков, лучшие образцы которой неразрывно связаны с фольклором, устным творчеством афганского народа.

История афганцев и Афганистана, один из важнейших переломных моментов которой является предметом исследования в данной работе, во многих отношениях очень интересна, но до сих пор еще мало изучена. Для успеха ее дальнейшего научного исследования необходимо тщательно и всесторонне изучать историческое прошлое не только афганцев, но и других народов, населяющих современный Афганистан. Надо еще многое сделать в выявлении источников, раскрывающих это прошлое, в собирании фактов, его характеризующих, и в правильном освещении истории народов Афганистана.

К сожалению, многие факты по истории народов, населяющих нынешний Афганистан, еще не собраны и не опубликованы афганскими учеными. Поэтому автор настоящей работы, использовавший некоторые сочинения этих ученых, в частности упомянутый выше труд М. Губара «Ахмад-шах Баба-и Афган», мог извлечь из них только данные, касающиеся истории афганских племен и афганского государства, устройства его в XVIII в. и т. п. Для освещения же истории таджиков и других народов Афганистана и их исторических взаимосвязей с самими афганцами подобные работы материала почти не дают.

Не ставя своей целью дать сколько-нибудь полное исследование вопросов ранней истории афганцев в средние века, остановимся на некоторых ее моментах, основываясь на данных, имеющихся в литературе (главным образом в русской, а также западноевропейской историографии) и в опубликованных и введенных в науку источниках.

Первое известное современной науке упоминание этнического имени «афганцы» содержится в таджикском географическом сочинении неизвестного автора «Худуд аль-Алям» («Пределы мира»), датированном 982—983 гг. н. э. Рукопись этого сочинения была в 1893 г. найдена в Бухаре русским востоковедом Туманским и опубликована в 1930 г. Академией Наук СССР (с предисловием и под редакцией акад. В. В. Бартольда). В «Худуд аль-Алям» об афганцах говорится очень мало; сообщается лишь, что афганцы живут в деревне Саваль

(или Сауль), упоминаемой в числе населенных пунктов между Индостаном и Газни, и что правитель Нинхара (видимо, Нанграхара) имеет в числе своих жен афганок¹. Следующее упоминание об афганцах мы находим в «Тарих Ямини», датированной 1021—1022 гг. н. э. Автором этого источника является Абу-Наср Мухаммад ибн-Абд-аль-Джаббар Утби, известный историограф султана Махмуда Газнийского. Утби характеризует племена афганцев, как живущие «на вершинах возвышенных гор и на высочайших скалах и занимающиеся грабежами в окрестных ущельях»².

Другой автор первой половины XI в. — великий хорезмский ученый Беруни (в арабской литературе — аль-Бируни) указал, что афганцы живут в горах, составляющих западную границу Индии.

Обратимся к сведениям, сообщаемым афганскими историками XVII—XIX вв.

Хафиз Рахмат, писавший в XVIII в., признает в своей «Хуласат аль-Ансаб», что вплоть до времени правления Махмуда Газнийского афганцы обитали только в районе Газни и Кандагара. Здесь нас пока интересует не локализация места первоначального обитания афганцев автором «Хуласат аль-Ансаб», а то обстоятельство, что он также относит распространение афганцев по территории современного Афганистана и Индии к периоду после XI в., поскольку до этого времени они (согласно Хафиз Рахмату) занимали лишь район Газни и Кандагара.

В 1857 г. английский врач Беллью, во время своего пребывания в Кандагаре в составе военной миссии, имел возможность ознакомиться с семью рукописными историями афганцев из библиотеки тогдашнего наследника кабульского престола сардара Гулям Хайдар-хана. Пять из этих рукописей были, по словам Беллью, на персидском языке и две на пушту. Беллью, к сожалению, не приводит ни названий этих сочинений, ни имен их авторов, ограничиваясь указанием, что они были написаны за последние двести лет. В его изложении все эти «источники» (очевидно, это были сравнительно очень поздние сочинения. — *И. Р.*) считают местом первоначального поселения афганцев горную страну Гур, откуда они затем распространились в сторону Кабула, Кандагара и Газни. «Несколькими столетиями позже, — как передает Беллью свидетельство этих афганских историков, — поскольку число их (афганцев. — *И. Р.*) значительно возросло и страна становилась для них

¹ «Худуд-ал-Алем». М., Изд-во АН СССР, 1930, лист 16-а.

² Перевод Н. В. Ханькова, приведенный в его дополнениях к книге: К. Р и т т е р. Иран... СПб., 1874.

слишком маленькой, эта колония афганцев силой оружия распространила свои границы на Кухистан (горную страну. — *И. Р.*), Кабул, Кандагар и Газни»¹.

Подобным же образом рисует нам автор «Тарих-и Сальтани», афганский историк первой половины XIX в., обстоятельства, связанные с появлением племени абдалиев на Кандагарской равнине. Этот хорошо осведомленный автор указывает на Сулеймановы горы, как на место первоначального жительства абдалиев, и считает, что абдалии лишь в XV в. начали силой захватывать земли на Кандагарской равнине².

Как видно, не все приведенные выше свидетельства источников и сообщения более поздних афганских авторов, опиравшихся на письменную и на устную традицию, сходятся между собой в определении места первоначального обитания афганцев; для одних (таковых большинство) это район Сулеймановых гор; для других — Гур, для третьих — области Газни и Кандагара.

К спорному вопросу о месте первоначального поселения афганцев мы вернемся ниже. Но сейчас нужно обратить внимание на то, в чем приведенные выше свидетельства и сообщения безусловно совпадают. А все они совпадают в том, что афганцы первоначально занимали весьма ограниченную территорию и лишь в сравнительно недавнее время (начиная примерно с XI в.) стали расселяться по всем занимаемым ими ныне территориям. По всей вероятности, до этого времени афганцы не случайно пребывали в безвестности, ибо, как говорят свидетельства источников, они занимали незначительную, глухую горную территорию и не играли сколько-нибудь заметной исторической роли в судьбах соседних народов³. Русский востоковед Н. В. Ханыков специально ознакомился со многими работами арабоязычных и ираноязычных географов IX — XI вв., но не нашел ни в одной из них упоминания об афганцах, хотя средневековые авторы этого периода дают весьма подробное описание географии стран, расположенных между Хорасаном и Ин-

---

¹ H. W. Bellew. Journal of a political mission to Afghanistan in 1857 under major (now colonel) Lumsden, with an account of the country and the people. Лондон, 1862, стр. 52. Мы не будем сейчас останавливаться на вопросе, действительно ли Гур — горная область к северо-западу от Кандагара — когда-либо в прошлом являлась местом поселения афганцев. В данной связи для нас важно другое — сами афганские историки (если верить изложению Беллью) считают, что афганцы сначала занимали весьма ограниченную территорию в стране (Гур) и лишь впоследствии силой оружия завоевали Кабул, Кандагар и Газни.

² См. «Тарих-и Сальтани», стр. 52.

³ Утби достаточно выразительно говорит о горных тущобах, где обитали афганцы в XI в., упоминая о «вершинах возвышенных гор».

дией, и сообщают о населявших их народах, хорошо знакомых этим авторам. Мнение Н. В. Ханыкова, что причины этого умолчания объясняются малочисленностью тогдашних афганцев, представляется нам вполне обоснованным¹.

Внешние обстоятельства, особенно сложившиеся после XIII в., благоприятствовали дальнейшему распространению афганцев за пределы территории их первоначального обитания².

К числу этих обстоятельств надо прежде всего отнести нашествие монголов XIII в. Оно привело не только к разрушению городов на территории современного Афганистана, а самое главное — к разрушению сети искусственного орошения. Позднее завоевательные походы Тимура и последовавшие за ними феодальные междоусобицы довершили упадок древних земледельческих оазисов Кандагара, Кабула и Пешавара, привели к частичному превращению культурных земель в пустоши, пригодные лишь для выпаса скота³. Отмечая губительность завоевательных войн в странах, где основой земледелия являлась ирригация, Маркс указывал: «Этим (ролью ирригации. — *И. Р.*) также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишит ее всей ее цивилизации»⁴.

Мы имеем достаточные основания предполагать (факты, приводимые нами в дальнейшем изложении, подтверждают это предположение), что запустевшие в XIII—XV вв. равнинные земли, полностью или частично покинутые своими прежними оседлыми жителями — таджиками на северо-западных склонах Сулеймановых гор, представителями различных индийских народностей на юго-восточных скатах этих же гор, — были постепенно заняты афганцами.

---

¹ См. Н. В. Ханыков. Ук. соч., стр. 555.

² «Постоянно, со второй половины VII в., подвергаясь вторжениям магометан, Кабулистан, в начале XI-го столетия, подчинился им, наконец, на всем пространстве равнин своих. . . С того же времени древнее Индо-Персское (точнее — таджикское и индийское. — *И. Р.*) население его начинает уступать место новым пришельцам, которые, наплывая с юга и с запада, постепенно вытесняют или покоряют старожилов и становятся наконец господами страны. Пришельцы эти — афганцы, сами себя называющие вообще Путун или Пухтун» (В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 848).

³ Археологическое обследование Пешаварской долины по нижнему течению Кабула показывает, что древняя оросительная сеть была здесь разрушена между X и XVI вв. н. э. (см. *Gazetteer of the Peshawar District compiled and published under the authority of the Panjab Government. Лахор, 1897—1898, стр. 15*). К сожалению, пока нет подобных же данных относительно сети искусственного орошения Кабула, Кандагара и других древних земледельческих оазисов.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 348.

Вопрос о районе первоначального расселения афганцев не может быть окончательно решен без дополнительных исследований, основанных на привлечении широкого круга первоисточников. Еще не проделана важная работа по изучению и систематизации преданий самих афганцев под этим углом зрения. Не проведено и надлежащее исследование ранних источников на языке пушту, относящихся к XVI—XVII вв. Материал этих источников частично привлекался еще в самом начале прошлого века русским академиком Б. А. Дорном, а впоследствии английским афганистом XIX в. Раверти, но это использование носило эпизодический характер и не сопровождалось всесторонней научной критикой и сопоставлением свидетельств всех имеющихся источников. Основным пробелом остается полное отсутствие каких-либо археологических и историко-антропологических данных о предках афганцев. Афганская археология только еще создается, а весьма немногочисленные иностранные археологические экспедиции (не говоря уже об отдельных путешественниках, дилетантах в науке) больше интересовались памятниками искусства и культа, греко-бактрийскими и кушанскими древностями, но не историей материальной культуры самого афганского народа.

Поскольку исследование вопроса о месте первоначального расселения афганцев выходит за пределы как наших возможностей, так и поставленных перед собою в этой книге задач, мы ограничимся здесь кратким изложением фактов, по большей части уже хорошо известных в специальной литературе.

Как уже было отмечено выше, большинство ранних свидетельств очевидцев и современников локализуют афганцев в обширном районе Сулеймановых гор. Таково упоминавшееся уже сообщение автора «Худуд аль-Алям»; Утби пишет о горах, в которых живут афганцы, но не дает прямых указаний о месте расположения этих гор. Беруни в своей работе об Индии, написанной около 1030 г., сообщает более определенные сведения, указывая, что в горах, образующих западную границу Индии, живут различные племена афганцев, которые распространяются вплоть до (мест), соседящих с долиной Синда¹. По всему контексту видно, что речь здесь может идти только о Сулеймановых горах², поскольку именно они, во-первых,

---

¹ Al-Biruni's India. Account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs. . . of India, about A. D. 1030 ed. in the Arabic original. . . by Edward Sachau. Лейпциг, 1925, т. I, стр. 208.

² Именно так понимает приведенное свидетельство Беруни французский афганист Дармстетер: «Это суть горы, которые мусульманская география зовет Сулеймановыми горами, каковые и сегодня являются центром афганских племен» (D a r m e s t e t e r. Chants populaires des Afghans. Париж, 1888—1890, стр. CLXVIII).

образуют западную границу Индии и, во-вторых, непосредственно примыкают к долине Инда (Синда). Через двести лет после Беруни еще более определенно писал арабский путешественник Ибн-Батута, называя именно Сулеймановы горы главным местом обитания афганцев. Ибн-Батута, проехавший в 1331 г. через Кабул в Индию, оставил нам свидетельство, основанное на его личных наблюдениях. Повествуя о своем путешествии, он сообщает: «...прибыли мы в Кабул, и был там некогда большой город, а теперь на его месте деревня, где живет одно иранское (аджам) племя, и называют его афганцами, и принадлежат им (афганцам) горы и горные теснины, и сила у них большая. Большая часть из них — разбойники. Самая большая гора их называется Сулеймановой»¹. Со свидетельством Ибн-Батуты полностью согласуется и сообщение автора «Зафар-нома» (XV в.), который отмечал, что афганцы в течение долгого времени живут в Сулеймановых горах. В противоположность свидетельствам и сообщениям среднеазиатских и арабских авторов, многие афганские историки, писавшие в XVII—XIX вв., называют в качестве основного и первоначального места поселения предков афганцев горную страну Гур, расположенную между Гератом и Бамианом, в верховьях Гери-Руда и Гильменда.

Большинство русских востоковедов, а им безусловно принадлежит приоритет в области исследования всего комплекса вопросов, связанного как с происхождением, так и расселением афганцев, считали первоначальным местом обитания афганцев Сулеймановы горы. На этой точке зрения стоял Б. А. Дорн, который считал афганцев автохтонным населением, издавна занимавшим район Сулеймановых гор². К мнению Б. А. Дорна полностью присоединился Н. А. Аристов, сформулировавший свое отношение к вопросу следующим образом: «Во времена Бабера Авганистаном именовалась только страна Сулеймановых гор, коренное, исконное отечество авганской народности, в которой, отражая его природу, выработались основные черты народного характера»³. Вместе с тем Н. А. Аристов, основываясь

---

¹ И б н - Б а т у т а. Текст и франц. перевод в издании «Société Asiatique». Париж, 1855, т. III, стр. 89.

² Отвергая легенду о древнеизраильском происхождении афганцев, Б. А. Дорн писал: «Неизвестно, что послужило основанием для этой веры (афганцев) в еврейское происхождение; может быть то случайное обстоятельство, что они жили в Сулеймановых горах, где афганцы, повидимому, обитали с незапамятных времен». (Б. А. Д о р н. Ук. соч., т. II, стр. 72). Б. А. Дорн имел в виду этимологическую связь названия «Сулеймановы горы» с именем библейского царя Соломона (у мусульман — Сулейман).

³ Н. А. А р и с т о в. Об Авганистане и его населении, стр. 14.

на свидетельствах источников, исследованных во второй половине XIX в. и показывающих, что население средневекового Гура не было афганским, подходил к этому вопросу иначе, чем Б. А. Дорн, следовавший еще за афганской традицией. Н. А. Аристов утверждал, что население «Гура, т. е. бассейна верховьев Херируда и бассейнов верховьев Хильменда (Гильменда. — И. Р.) и других северных притоков озера Хамун, было отнюдь не афганским, а таджикско-иранским»¹. Того же мнения держится и Раверти, который считает основным населением Гура таджиков и отрицает присутствие каких-либо афганских элементов в этом районе. Одновременно Раверти весьма категорически формулирует свое мнение о месте первоначального поселения афганцев, относя его к Сулеймановым горам, точнее к району «от Кух-пайя или подножия гор непосредственно к востоку от Газни до восточного склона Сулейманова хребта или Кух-и Сиях Пушта (или Пухта, или Пахта, или Пакта)»². От этого названия горного хребта Раверти и выводит самонаименование афганцев — пуштун. В другом месте

---

¹ Н. А. Аристов. Ук. соч., стр. 24; Н. В. Ханьков по вопросу о Гуре занимает противоречивую позицию. В одном месте своей работы (ук. соч., стр. 561) он пишет: «Афганцы, как самобытная народность, образовались между IX и XIII веками... они пришли с запада из Гура, а до того занимаемые ими места были заселены индийцами, отчасти покинувшими их и переселившимися на юг, отчасти исчезнувшими от истощения». В другом месте этого же сочинения Ханьков высказывает мысль, что Гур вовсе не обязательно являлся районом первоначального обитания афганцев (Ук. соч., стр. 538). В. В. Григорьев высказывается за существование двух первоначальных центров обитания афганцев, одного — в Сулеймановых горах; другого — в Гуре. (Ук. соч., стр. 850).

В. В. Бартольд в своей работе о таджиках считал Гур исконной иранской областью, понимая под этим, что ее населяли иранские народности, к каковым принадлежат и таджики. Гуриды, по мнению Бартольда, были династией иранского происхождения. См. В. В. Бартольд. Таджики. Сборник статей. «Таджикистан. Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами». Ташкент, 1925, стр. 102.

В советской историографии Гуру и Гуридам серьезное внимание уделил В. А. Ромодин в своей кандидатской диссертации «Социально-экономический строй юсуфзайских племен в XIX в. (сравнительно с другими афганскими племенами)». М., 1951. Рассматривая свидетельства средневековых источников, В. А. Ромодин приходит к выводу, что основное население Гура в X—XIV вв. не было афганским, и полагает, что ядро населения этой области было таджикским. Данные, приводимые В. А. Ромодиным, убедительно говорят, что нет серьезных оснований считать княжество Гур X—XII вв. и державу Гуридов XII в. афганскими государствами, а династию Гуридов — афганской. В. А. Ромодин считает, что центром первоначального расселения афганцев в средние века являлись Сулеймановы горы. (Ук. дисс., стр. 103—104 и дальше.)

² Н. G. R a v e r t y. Notes on Afghanistan and part of Baloochistan... Лондон, 1881, стр. 82.

той же работы Раверти уточняет свою точку зрения, основываясь на афганских преданиях, а также на афганских и таджикских хрониках: «Из них (из этих источников. — *И. Р.*) мы находим, что во времена тюркских султанов махмудовой династии Газневидов афганские племена, обнаружив, что район Кази-Гхар, расположенный непосредственно к западу, но в пределах предгорий хребта Сулейман Михтар или Кух-и Снях, составляющий западный барьер долины реки Инда (район Кази-Гхар), где они (афганцы) локализируются в течение нескольких предшествовавших столетий, оказался слишком тесным, чтобы кормить столь многочисленный народ, каким они (афганцы) стали. Поэтому они были вынуждены вторгнуться на земли, лежащие к западу, северу и востоку»¹.

На наш взгляд, в дополнение к имеющимся в литературе доводам, существует еще один не лишенный значения аргумент, подкрепляющий свидетельства источников и мнения историков, полагающих, что именно Сулеймановы горы были родиной, «первоначальным гнездом» афганцев. Мы имеем в виду самый порядок их расселения — афганские племена одновременно или почти одновременно распространились в долины, лежащие по юго-восточным и северо-западным скатам Сулеймановых гор. Это говорит о том, что расселение афганцев скорее всего происходило из одного общего центра. Но даже если существовал не один, а два или более районов первоначального обитания афганцев, важно то, что в X—XI вв. афганцы занимали лишь небольшую часть территории современного их распространения и представляли численно сравнительно небольшую и отсталую в социально-экономическом отношении часть тогдашнего населения страны.

Сравнительно позднее (с XI в.) складывание афганской народности и появление ее на исторической арене подтверждаются данными филологии. Язык афганцев — пушту — принадлежит к семье иранских языков. По заключению Б. А. Дорна, пушту испытал глубокое влияние как таджикского языка, так и новоиндийских языков. Н. В. Ханьков присоединился к выводу Б. А. Дорна и также считал, что язык пушту сложился позже, нежели другие иранские и индийские языки. По мнению Н. В. Ханькова, афганский язык образовался не ранее IX—X вв.²

Что же касается языка письменного, литературного, то древнейшим памятником его на пушту, повидимому, является история завоевания Свата афганским племенем юсуфзаев, написанная в XV в. современником и участником этих событий,

¹ Н. Г. Раверти. Ук. соч., стр. 134.

² Н. В. Ханьков. Ук. соч., стр. 560—561.

видным духовным лицом — шейхом Мали¹. Сама рукопись пока в подлиннике не обнаружена, хотя ее содержание пересказывается в ряде позднейших афганских исторических сочинений.

Характерно, что даже для обозначения своих родовых институтов афганцы большей частью пользуются терминами, заимствованными из таджикского, персидского, арабского, монгольского и тюркских языков: «коум» — в диалектах «кām» и т. п. (племя, народ); «таифа» (племя); «малик» (вождь); «хель» (род) и т. д. Любопытно и другое. Как показывает сводка данных, характеризующих юсуфзайские социально-экономические термины XIX в., недавно составленная В. А. Ромодиним при консультации М. Г. Асланова, слова и термины, связанные со скотоводческим бытом, у этой группы афганских племен свои, а слова, по своему значению связанные с жизнью города, с ремесленной деятельностью, а также с оседлым земледельческим бытом — в подавляющем большинстве заимствованы из таджикского, персидского, арабского и новоиндийских языков². Филология здесь лишь подтверждает то, что известно из истории, т. е. то, что учителями афганцев (поскольку последние сравнительно поздно переходили от кочевого скотоводства к оседлому земледелию) в области ремесел и сельского хозяйства были таджики и некоторые индийские народности. Поскольку у афганцев долгое время не было своих городов и сами они не занимались связанными с городской жизнью ремеслами, вполне естественно, что терминология, связанная с такими отраслями хозяйственной деятельности, была почти целиком заимствована афганцами у окружающих их народов, обладавших более развитой земледельческой и городской культурой, — в первую очередь у таджиков.

* * *

Прежде чем перейти к вопросам социально-экономического порядка, кратко отметим некоторые особенности естественно-географической среды, а затем приведем некоторые сведения о расселении афганских племен и об их хозяйстве.

---

¹ В последнее время в Афганистане (см. журн. «Afghanistan». Кабул, 1946, стр. 9—16) было объявлено о находках более древних афганских рукописей. Так, в 1940 г. были обнаружены первые восемь страниц рукописи «Жития афганских святых», приписываемой Сулейману Маку и будто бы датируемой XIII в. В 1944 г. в Кабуле было сообщено о находке рукописи Пыта Хазана, содержащей афганские поэтические произведения якобы VIII в. н. э. По заключению советского афганиста М. Г. Асланова, подлинность этих находок не является доказанной.

² См. В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 158; характерно и то, что с переходом к земледелию афганцы восприняли индийские названия месяцев. (См. Н. G. R a v e r t y. Ук. соч., прим. на стр. 183).

Область между Гиндукушем и Сулеймановыми горами представляет горную страну. Под земледелие в этой стране в 20-х годах XIX в. использовалось не более 1—2% всей площади¹. Эта цифра вряд ли могла существенно измениться с XVII—XVIII вв. Характерным для южного Афганистана (так мы обозначим области между Гиндукушем и Сулеймановыми горами) является преобладание поливного земледелия над богарным, зависимым от естественного орошения почвы. По исчислению участников советской научной экспедиции 1924 г., площадь поливных земель в южном Афганистане равнялась 130 тыс. га, а богарных около 67 тыс. га². Основной массив поливных земель располагается отдельными оазисами по речным долинам Кабула, Гильменда и их притоков. В условиях феодального строя с его рутинной, примитивной техникой и мелким крестьянским хозяйством возможность расширения поливного земледелия ограничивалась характером почвы и крайним недостатком доступных источников орошения³. По характеристике советских ученых и специалистов, побывавших в стране, афганские оросительные сооружения представляют хорошо разработанную, очевидно унаследованную со времен глубокой древности, систему мелкого местного орошения: кяризы⁴, маленькие каналы, отводимые из горных ручьев и источников. Сооружения главным образом земляные, снабженные подпорками из дерева.

Остатков сколько-нибудь крупных ирригационных сооружений, могущих идти в сравнение с древней и средневековой Средней Азией, Египтом и Индией, в южном Афганистане пока не обнаружено, да вряд ли такие сооружения были нужны в условиях крайней ограниченности как водных ресурсов страны, так и площадей, пригодных для орошения. В южном Афганистане (Кабул, Кандагар, Газнийское плато) преобладают бедные галечниковые и каменистые почвы. Равнины южного Афганистана, продолжающиеся дальше на запад и северо-запад к границам современного Ирана, представляют собой песчаную или каменистую полосу пустыни и степей. Возможности богарного земледелия там крайне ограничены, а поливное земледелие сосредоточивается в незначительных оазисах по долинам Фарах-Руда и Адраскенда, а также в бассейне озера Хамун-и Саварат.

¹ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букнич. Ук. соч., стр. 174.

² Там же.

³ По мнению советского инженера, агронома и археолога Д. Д. Букнича, в южном Афганистане, при условии применения современной техники, можно оросить не менее 300 тыс. га новых земель. Там же, стр. 151, 173.

⁴ Кяриз — подземный оросительный канал, водосборная подземная галерея.

Только наличия воды для поливного земледелия в оазисах южного Афганистана еще мало, приходится предварительно искусственно наращивать почву, создавая неглубокие террасы земли на жесткой каменистой основе. В долине Хоста сначала выравнивают каменную основу, а затем искусственно накладывают сверху нужный слой культурной почвы¹. По заключению советских ученых, и Кабульский, и Кандагарский оазисы (где до сих пор жители постоянно ведут работы по созданию такой почвы) являются делом человеческих рук: «Весь Кабульский оазис создан искусственно из земли; каждая пядь земли для земледельца Кабулистана дороже всего мира. Чтобы создать пахотный слой на одной десятине голого речного галечника всего лишь в 15—20 см толщиной, требуется перевезти на осликах не менее 400 куб. саж. земли. Пологие склоны гор только в немногих местах покрыты маломощными наносами лёссовидного характера. По большей же части они представляют собой совершенно каменистые пласты, которые нужно еще наращивать. Поэтому у Кабула так и дорожат всяким земляным материалом. Постоянно можно наблюдать, как люди копошатся у разрушенных построек или древних развалин, развозя на осликах землю на отдаленные поля. Даже из-под каменистых осыпей кирками выдалбливают тонкие землястые прослойки, лишь бы добыть субстрат для растений»². Что же касается Кандагарского оазиса, то «его почвы являются самыми молодыми, искусственно созданными»³. Относительно богаче почвой Желалабадский оазис.

Поливное земледелие в южном Афганистане требовало напряженного труда: искусственного создания слоя почвы, сооружения ирригационной сети, с последующей заботой о ее поддержании (ежегодная очистка от наносов), постоянного внесения удобрений, в том числе и самой земли. В земледелии оазисного типа существует известная последовательность в посеве культур, приближающаяся к севообороту. Оазисное земледелие характеризуется относительно высокой урожайностью (пшеница дает до сам-25)⁴. С орошенного поля снимают два, а в некоторых случаях и три урожая в год (в районе Желалабада). Земледельческие орудия афганцев чрезвычайно примитивны. Плуг деревянный, с обитой железом отнойой или на-

---

¹ Afghanistan and its inhabitants. Translated from the «Hayat-i-Afghan» of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestly. Лахор, 1874, стр. 219.

² Н. И. Вавилов и Д. Д. Букнич. Ук. соч., стр. 80.

³ Там же.

⁴ Такова была оценка средней урожайности поливных земель кандагарского оазиса сборщиками налога Надир-шаха в середине XVIII в. Эти данные, извлеченные из налоговых архивов Кандагара, приводит Роулинсон. См. Газеттир Мак-Грегора «Central Asia», ч. II, стр. 823

саженным на нее железным сошником. Бороной служит деревянный каток или суковатое бревно. Несмотря на свою примитивность, сельскохозяйственные орудия Афганистана свидетельствуют о давних земледельческих навыках населения. Так, например, земледельцы применяют некоторые специфические орудия, специально приспособленные для земляных работ по наращиванию почвы, по удалению камней с поля, очистке оросительной сети, как, например, замбар (особая лопата для двух человек), разнообразные конные лопаты, железные и деревянные, и т. д. Непременным условием такой системы земледелия, в некоторых отношениях приближающегося к грядковой культуре Китая, являлась прочная и давняя оседлость самого земледельца, привязанность к земле в течение многих поколений. Подлинным создателем земледельческой культуры оазисов южного Афганистана было древнее таджикское население, искони сидевшее на этих землях и обрабатывавшее их. Исключением, может быть, является Джелалабадский оазис, где до его завоевания афганцами, видимо, преобладало земледельческое население индийского происхождения.

В многочисленных, но узких и по большей части изолированных долинах южного Афганистана, расположенных на высоте 2000—2600 метров над уровнем моря, земледелию присущи свои характерные особенности, резко отличающие его от земледельческой культуры оазисов и ниже расположенных и более открытых предгорий. Земледелец высокогорных долин в еще большей степени, чем в оазисах и предгорьях, страдает от бедности почвенного покрова. Обрабатываемая площадь нередко представляет собой крошечные искусственно созданные террасы, которые лепятся по крутым склонам гор¹.

Обработка таких участков сопряжена с огромными трудностями. Предварительно с поля удаляют камни и складывают их по краям. Таким образом, каждая подготовленная терраска обносится невысокой, до полуметра, оградой из камней. Крутизна склона и незначительность самого участка (иногда не более 10—15 м²) зачастую исключают возможность применения рабочего скота, и тогда обработка ведется вручную, мотыгой. Преобладает поливное земледелие, но оно обычно соединяется с богарным, а в некоторых местах даже уступает ему по размерам обрабатываемой площади, но не по своему значению в хозяйстве. Для ирригации используются горные ключи, ручьи. Устройство даже мелких ирригационных соору-

---

¹ В бытность свою в Афганистане в составе советской дипломатической миссии в 1919—1921 гг. автору этих строк не раз приходилось наблюдать в Хезараджате и по южным склонам Гиндукуша отдельные вкрапины зеленеющих, обработанных террас, высоко в малодоступных горах громоздящихся над кишлаком, расположенным значительно ниже в долине.

жений на стремительно текущих горных речках, превращающихся в мощные потоки в период таяния снегов, встречает большие трудности. При этом большое значение также имеет высота берега над уровнем реки. Нередко оттуда, где берег находится на уровне реки, отводят канал, своего рода второе русло, которое используется для орошения полей, расположенных высоко над уровнем главного русла реки. Иногда такой арык приходится прорубать в каменистых породах склона горы на многие километры ¹.

Основное значение в высокогорном земледелии имеет культура ячменя, иногда возделывается и пшеница. Продуктов полеводства обычно нехватает для пропитания, и в этих условиях большим подспорьем является тут. Свежие тутовые ягоды (а зимой сушеный тут) в продолжение многих месяцев составляют пищу горных таджиков, даже в сравнительно более обеспеченной продовольствием долине Пянджшира ². У некоторых афганских племен в пищу употребляют особо приготовленные семена определенных пород сосны ³. Большое значение для населения высокогорных долин имеет скотоводство. Там, где имеются хорошие отгонные пастбища, разводят овец, но чаще стадо состоит главным образом из коз. Экономический быт населения высокогорных долин характеризуется значительной степенью изоляции их жителей от соседних долин и от внешнего мира, крайней ограниченностью продовольственных ресурсов, патриархально-натуральными чертами хозяйства.

Как низкий уровень развития производительных сил при феодализме, так и условия феодального способа производства (монополия феодала на землю, а в средневековом Афганистане прежде всего на высокоурожайные поливные оазисные земли) препятствовали значительному расширению площади культурных, орошенных земель на пространстве между Гиндукушем и Сулеймановыми горами. В то же время естественно-геогра-

---

¹ Подробное описание см. John Wood. A Personal narrative of a journey to the sources of the river Oxus by the route of the Indus, Kabul and Badakhshan, performed in 1836—1838. Лондон, 1841, стр. 108.

² См. М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Долина Пянджшир. Ташкент, 1927, стр. 12.

³ Бродфут в своем описании племени хароти, занимающего долину верхнего Гомала, отметил: «Семена горных сосен, называемые чильгоза, являются главной частью их пищи в зимнее время, впридачу к сыру, сушеному творогу (курут) и иногда хлебу». Reports on parts of the Ghilzi country... by James Sutherland Broadfoot, 1839. «Royal geographical society. Supplementary Papers», т. I, ч. III. Лондон, 1885, стр. 391. Бродфут также указывает, что стада хароти состоят почти исключительно из коз. Земледелие у этого племени играет подчиненную роль по отношению к животноводству (разведение коз).

фическая среда южного Афганистана весьма благоприятствовала развитию экстенсивного, кочевого скотоводства. Наряду с многочисленными пастбищами, располагающимися на обширных равнинах южного Афганистана, а равно и на Газнийском плато, чрезвычайно крупное значение имело наличие альпийских пастбищ в горах и предгорьях Гиндукушского и Сулейманова хребтов. Разнообразие климатических зон этой горной страны (начиная афганским Сеистаном и укрытыми оазисами на границах Индии, где царит субтропический климат и растет пальма, кончая высокогорными долинами, покрытыми снегом в течение шести месяцев в году) и возможность пользоваться как степными, так и альпийскими пастбищами, — все это обеспечивало стадам кочевников подножный корм в течение круглого года, в то же время вызывая необходимость длительных перекочевков, иногда на расстояние до 1000—1500 километров.

В наше время, как и прежде, кочевники выступают весной со своих зимних стоянок, располагающихся в хорошо укрытых долинах южного Афганистана и правобережья реки Инда, и устремляются в направлении на север и северо-запад — на прекрасные пастбища Бадгиса (к северу от Паропамизского хребта), на зеленеющие ранней весной равнины южного Афганистана и обширные пастбища Газнийского плато, чтобы позже, с наступлением жаркой погоды, подняться на предгорья Гиндукуша и Сулеймановых гор, где стада пасутся на сочных лугах. Некоторые из кочевников, имеющие свои зимние стоянки к северу от Хайберского прохода, между реками Кабул и Кунар, к концу лета доходят до истоков Гильменда в горной стране Хезараджата, занимающей центральный Афганистан¹.

---

¹ О маршрутах перекочевков мы располагаем лишь данными XIX и XX вв., но вряд ли эти маршруты могли существенно измениться по сравнению со средними веками. Менялись кочевые племена, одни племена вытесняли другие, но самый порядок и направление перекочевков оставались неизменными. Кочевые дуррании, например, следуют по трем главным маршрутам. Дуррании, занимающие территорию к северу от Кандагара, на лето откочевывают в близлежащие предгорья Гиндукуша, а на зимовку возвращаются обратно на равнину. Дуррании к югу от Кандагара имеют свои летовки в предгорьях Сулейманова хребта (плоскогорье Тоба). Наконец, дуррании, занимающие территорию к западу от реки Гильменд, имеют несравненно более длинный маршрут перекочевки — на лето они отправляются в южный Бадгиз, к северу от Герата (см. М у х а м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 68; М а с Г р е г о р. Ук. соч., стр. 239). Кочевые моманды имеют свои зимние становища между реками Кабул и Кунар к северу от Хайберского прохода, а летом откочевывают в Хезараджат, к истокам Гильменда (М а с Г р е г о р. Ук. соч., стр. 137). Ряд афганских племен Лагмана (в Восточной провинции, по нынешнему административному делению Афганистана, главный город этой провинции — Джелалабад) на летнее время поднимается далеко вглубь гор Гиндукуша (долина Хавака). (См. М. С. А н д р е е в. Ук. соч., стр. 18). Гильзай сулейман-хель, а равно и другие подразделения гильзаев, имеют

Эти массовые перекочевки можно доныне наблюдать в Афганистане¹.

Согласно официальной афганской статистике, в 1946—1947 гг. в Афганистане из общего числа населения, равного 11 млн. человек, насчитывалось 2 млн. кочевников, главным образом афганцев по национальности². Советский исследователь А. А. Поляк, проведший семь лет в Герате, отмечает, что еще в 1930-х гг. только на пастбища Бадгиза ежегодно прикочевывало 300 тыс. афганцев³.

Так обстоит дело в наши дни. Что же касается средневековья, то все источники рисуют афганцев преимущественно кочевниками⁴. В этом отношении весьма убедительный материал дают «Жития афганских шейхов», составляющие часть книги «Махзан-и Афгани», написанной в самом начале XVII в. Ни'матуллой и переведенной и опубликованной академиком Б. А. Дорном. Предания об афганских шейхах и святых людях, хотя они были записаны Ни'матуллой в XVII в., восходят

свои летовки на Газнийском нагорье (Зурмат) и в предгорьях Сулейманова хребта, а зимовки в укрытых долинах правобережья Инда (Даман, Дераджат) (см. J. V g o a d f o o t. Ук. соч., стр. 398—399; M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 277—278).

¹ Вот описание, сделанное с натуры каких-нибудь двадцать лет тому назад советскими учеными:

«Кочевое хозяйство характерно для большей части территории Афганистана. В течение всего лета по большим дорогам и тропам восточного, центрального и южного Афганистана можно наблюдать любопытные картины переселения народов. Сотни людей со всем своим скарбом, с верблюдами, волами, лошадьми, на ослах, пешком — тянутся с юга на север. Словно после грандиозного бедствия снимаются целые волости, целые районы, напоминая библейские картины великих переселений народов в землю обетованную, с пастырем впереди, шествующим с посохом в руках. Летний зной выжигает остатки травянистой растительности в пустынных районах южного Афганистана, заставляя население передвигаться к северу и в горы в поисках кормов и продовольствия. Не только стада с пастухами, но все население целых районов, с женами, детьми снимается ежегодно с места и перекочевывает с юга на север, проходя сотни километров и нередко разрушая встречные оседлые поселки. Не случайно хлеботорб Афганистана стремится вооружиться с ног до головы». Далее авторы добавляют: «Мы не знаем другой страны, в которой периодическое переселение кочевников захватывало бы столь огромную часть населения и ее территории. Это поистине примитив скотоводческого хозяйства» (Н. И. В а в и л о в и Д. Д. Б у к и н и ч. Ук. соч., стр. 87).

² См. «Кабульский альманах» за 1946—1947 гг.

³ А. А. П о л я к. Гератская провинция. Кандидатская диссертация, 1948, стр. 75.

⁴ Конечно, афганские кочевники были и в прошлом в той или иной степени знакомы с земледелием, ибо «чистых» кочевников-скотоводов, как это выяснено советскими учеными, история не знает. Но это уже другой вопрос. Здесь важно подчеркнуть преимущественное, основное значение кочевого скотоводства в хозяйстве многих афганских племен и в наши дни; в средние века, надо полагать, это имело место в значительно большей мере, чем ныне.

к значительно более раннему периоду. Некоторые из этих преданий повествуют о событиях XII—XIII и XIV вв. Прежде всего обращает внимание, что многочисленные чудеса, приписываемые различным афганским шейхам, полностью связаны с бытом и хозяйством кочевников-скотоводов.

Наиболее часто повторяющееся и, если можно так сказать, стандартное чудо состоит в превращении шкур и костей зарезанных и съеденных баранов в баранов живых, вторично годных для убоя¹. О шейхе Гуру Чойбане рассказывается, что он обладал чудодейственной силой излечивать кобылиц от бесплодия². О шейхе Бейте указывается, что он участвовал в перекочевках своего племени³. Из жития шейха Кайсара Батни мы узнаем, что оседлое население жестоко страдало от тяжелых потерь, связанных с практикой афганцев загонять своих лошадей и скот на засеянные поля оседлых жителей⁴. Здесь афганцы как кочевники-скотоводы открыто противопоставляются неафганскому оседлому земледельческому населению. Наш источник рисует богатство афганцев как состоящее исключительно из скота, многочисленных стад лошадей, быков и верблюдов и, главным образом, овец⁵. В «житии» шейха Шахаба Бахигира имеется прямое указание, что во время нашествия Тимура, т. е. в 1398 г., афганцы занимались скотоводством и при приближении войск этого завоевателя угнали свой скот в горы⁶. Весьма примечательно и то, что в сорока житиях, приводимых в «Махзан-и Афгани», отсутствуют какие бы то ни было указания на занятие афганцев земледелием и, наоборот, многократно говорится о связи афганцев со скотоводством.

Основатель династии Моголов, выходец из Средней Азии Захириддин Мухаммад, прозванный Бабуром (Бабур-Мирзо), очень внимательный и тонкий наблюдатель, прекрасно знал Афганистан и в своей «Бабур-нома» дает нам весьма ценный материал об этой стране и ее обитателях в самом начале XVI в. Бабур пишет об афганцах Кабульской области следующее: «Подобно тому, как турки и племена монголов в степях Хорасана и Самарканда, так же живут хезарейцы и афганцы в степях этой области»⁷.

¹ Б. А. Д о р н. Ук. соч., т. II, стр. 5.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Там же, стр. 11.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ З а х и р и д д и н Б а б у р. Бабур-нома. Англ. перевод Beveridge. *Memoirs of Zehir-ud-Din Babur, Emperor of Hindustan*, стр. 221. Долго живший в Иране французский католический миссионер Сансон (конец XVII в.) следующим образом характеризует афганцев и белуджей: «Белуджи и афганцы суть народы, которые населяют горы и живут в шатрах, как

Правда, в другом месте своих воспоминаний Бабур отмечает наличие афганских деревень в районе Кабула и Банну, однако вполне очевидно, что оседлые афганцы представлялись этому наблюдателю незначительным меньшинством, раз он в дальнейшем продолжает именовать афганцев «сахра-нешин», т. е. жителями степей, кочевниками.

Дополнительный материал по интересующему нас вопросу дает несколько более поздний по времени источник, относящийся к концу XVI в. Мы имеем в виду «Аин-и Акбари», сочинение, написанное Абуль Фазлем, знаменитым историографом могольского падишаха Акбара (1556—1605). В конце второго тома этого сочинения Абуль Фазль дает описание 22 суба или провинций, на которые в то время разделялась держава Великого Могола. В числе их имеется и описание Кабульской суба, включавшей тогда Кандагар, Пешавар и Газни¹. По Кабульской суба, так же как и по другим суба империи, автор приводит данные о сумме поземельного налога, собираемого с каждого округа (махала). Так Абуль Фазль поступает и в данном случае, но, помимо сведений о налоговых доходах по территориальным округам (махалы), он отдельно выделяет племена с указанием, какие сборы поступают с того или иного племени в пользу государства и какие повинности обязано выполнять каждое племя. Оказывается, что крупное афганское племя абдалиев Кандагарской области было обязано ежегодно поставлять Моголам 2800 овец, 7 харваров (мер) масла, а также выставить 2 тыс. конных и 3 тыс. пеших воинов². Племя пани, подобно абдалиям, платило налог скотом и также, кроме того, было

первые люди». *Voyage et Relation de l'état present du Royaume de Perse. Avec dissertation curieuse sur les Moers, Religion et Gouvernement de cet Etat. Par M. Sanson.* Париж, 1695, стр. 164. Наблюдение Сансона подтверждает и поляк Крушинский, прокуратор иезуитской коллегии в Исфагане, лично сталкивавшийся с гильзаями после захвата ими Исфaghана в 1722 г. Крушинский также приходит к выводу, что главное занятие афганцев — скотоводство. См. *History of the Revolution in Persia from the Memoirs of Father Krushinski, Procurator of the Jesuits at Isphahan. Done into English by Father Cerceau*, т. I. Дублин, 1729, стр. 145. Значительно позже, почти через триста лет после Бабура, посетивший Кабул в 1790 г. Хрисанф, митрополит Новопатраский, отзывается об афганцах как о кочевниках: «народ тамошний большей частью кочует в аилах со стадами своими, по подобию киргиз-кайсаков». См. [Записку] Хрисанфа митрополита Новопатраского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах. М., 1861 (из «Чтений Общества истории и древностей Российских при Московском университете», 1861 г., стр. 12).

¹ В течение долгого времени Могольские правители Индии и Сефевидские шахи Ирана вели борьбу за обладание Кандагаром. Борьба эта протекала с переменным успехом, и город неоднократно переходил из рук в руки.

² *The Ain-i Akbari*, т. II Translated by H. S. Jarrett. Калькутта, 1891, стр. 397.

обязано выставлять в войско Моголов определенное количество конных и пеших воинов¹.

Число таких примеров можно было бы значительно умножить. Данные «Аин-и Акбари» ясно свидетельствуют, что такое значительное племя, как абдалии, было преимущественно скотоводческим, и потому могольские власти требовали с абдалиев налог именно скотом и продуктами животноводства².

(О налогах, которые афганские племена, и в частности те же абдалии, платили Сефевидам, после захвата этими правителями Кандагара, в источниках, которыми располагал автор настоящей работы, точных данных не имеется³. Этот пробел частично восполняет написанная в первой половине XIX в. «Тарих-и Сальтани». В первой главе, посвященной очерку племени дурраниев (абдалиев), имеются многочисленные прямые указания, что абдалии платили налог со скота, а с пахотных земель не платили. Так, под 1694 г. автор хроники сообщает: «...в то время беглербек Кандагара послал отряд войск в район Фусенджа (Фушендж — населенный племенем абдалиев. — И. Р.), чтобы собрать и привести скот, отмеченный казенным тавром, и натуральные налоги со скота»⁴.

Но помимо приведенных выше сведений, говорящих о скотоводческом характере и кочевом быте многих афганских племен в XVI и XVII вв., в источниках и в сочинениях историков имеются сообщения, позволяющие наметить хронологические рамки начала перехода к оседлости некоторых афганских племен. Многие племена (абдалии, юсуфзаи, бангаш, марваты и другие) начали переходить к оседлости и земледелию или после насильственного захвата ими чужих возделываемых земель, или же в результате оставления этими афганскими племенами своих прежних земель, годных лишь под пастбища, и переселения их на новые, никем не занятые места, где можно было вести земледельческое хозяйство. Так, об абдалиях, начавших в XV в. расселяться из Сулеймановых гор по Кандагарской равнине,

---

¹ The Ain-i Akbari, т. II Translated by H. S. Jarrett. Калькутта, 1891, стр. 397.

² Другой вопрос, насколько регулярно эти налоги выплачивались и действительно ли абдалии выставляли в войско Моголов столь значительное число воинов, как об этом пишет автор «Аин-и Акбари».

³ В чрезвычайно ценном источнике «Тазкиратуль-Мулюк», относящемся к 1723—1725 гг., приводятся сведения о налоговых поступлениях по важнейшим областям Сефевидской державы, но по Кандагарскому беглербекству таких сведений в этом источнике нет. Графа налоговых поступлений по Кандагарской области осталась незаполненной, указывается лишь на то, что из области выставлялось в шахские войска 1123 воина. Tadhkirat-al-Muluk. A manual of Sefevide administration, 1137 (1725) Translated and explained by V. Minorsky. Лондон, 1943, стр. 103; персидский текст — стр. 117.

⁴ «Тарих-и Сальтани» Бомбей, 1880, стр. 61.

афганский историк пишет весьма подробно и обстоятельно, сообщая: «В то время племя абдали проживало по ущельям и теснинам гор в совершенно бедственном положении без главы и управителя. Вследствие недостатка фуража и продовольствия они оказались в крайней степени нужды. Абдали спустились с гор на равнинные земли, занялись земледелием и хлебопашеством, победив перед тем местных земледельцев благодаря силе рук своих и захватив их земли»¹.

Это сообщение автора «Тарих-и Сальтани», повидимому основанное на устных или письменных преданиях самих абдалиев, подтверждают и дополняют другие афганские авторы. Мухаммад Хаят-хан также относит появление абдалиев на равнинных землях Кандагарской области к XV в., говорит он и о том, что это было не мирное переселение, а насильственное завоевание: «завоевав эту область, абдали тогда поссорились относительно раздела земли и концом их раздора было то, что Омар был избран в вожди и наделен полномочиями разделить землю между семьями»².

На основании приведенных сообщений можно установить связь между следующими фактами: 1) большинство абдалиев не было в состоянии прокормиться скотоводством; 2) спустившись с гор на равнину, они насильственно захватили земли, принадлежавшие коренному, по всей вероятности, таджикскому населению; 3) в результате этого захвата часть абдалиев осела на землю, занялась хлебопашеством.

В начале XVI в. группа афганских племен хахи (юсуфзаи, манданы и другие) после долгой и упорной борьбы с другими народностями и племенами захватила северо-восточную часть долины нижнего течения Кабул-Дарьи до впадения этой реки в Инд, а также горные области: Сват, Баджаур и Бунер. До этого времени они были кочевниками, о чем свидетельствует хотя бы следующий факт. После того, как тимуридский правитель Кабула Улугбек Мирзо перебил опасных ему вождей племен хахи (это произошло примерно в 1470 г.), племена хахи немедленно откочевали сначала в сторону Нанграхара, а затем спустились Хайберским проходом на Пешаварскую равнину. Самый характер раздела завоеванных ими земель говорит о том, что именно тогда хахи начали в более широких масштабах переход к оседлости, к земледелию. Этому переходу благоприятствовали естественно-географические условия. Для кочевого же скотоводства в занятых племенами хахи областях

---

¹ «Тарих-и Сальтани», стр. 58; далее Султан Мухаммад-хан дуррани повествует об избрании Омара вождем абдалиев и о том, как этот вождь навел порядок среди своих соплеменников.

² Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 160.

природные условия были весьма неблагоприятны: ни на равнине по берегам нижнего течения Кабул-Дарьи, ни в горных долинах Свата и Пянджкору не имелось обширных пастбищ, необходимых для ведения кочевого скотоводческого хозяйства в крупных масштабах. Раздел всех завоеванных земель между племенами хахи был произведен их главным духовным лицом шейхом Мали сразу же после победы хахи над их главными противниками далазаками в битве при Катланге в 1533 г.

Как известно, земля у афганских скотоводов считалась коллективной собственностью племени (что отнюдь не исключало фактического распоряжения пастбищами знатью), и если бы юсуфзаи не переходили к земледелию, им бы не было никакого смысла производить раздел земли между всеми членами племени. Именно с XVI в. юсуфзаи перешли к земледелию, что подтверждается, в частности, описанием военных действий могольских войск против юсуфзаев в конце того же XVI в.¹

В XIV—XVII вв. происходил переход от кочевого быта к оседлости и у ряда племен, занимавших земли южнее юсуфзаев. Мы имеем в виду марватов, баннучей и иса-хель в районе Банну, гандапурцев, даулат-хель, уштурана, бабури и других в районе Дамана.

Баннучи в конце XIV или начале XV в., продвигаясь из Сулеймановых гор на запад, заняли часть равнины Банну между реками Точи и Курамом². Выход баннучей на равнину сопровождался разделом земли между членами племени. Раздел был произведен неким Саид-шах Мухаммадом Рухани неравными долями, причем сам Саид сумел выделить себе лучшие земли. Его потомки владели этими землями еще в XIX в.³

---

¹ Тактика могольского командующего Зейн-хана, вторгшегося в страну юсуфзаев в 1586 г. (эта экспедиция, кстати, закончилась полным разгромом Моголов и потерей ими 8 тыс. войска), состояла в том, что он блокировал горы, куда юсуфзаи поспешили укрыться при его приближении, и не допускал их собрать урожай, который остался стоять на полях около юсуфзайских деревень. См. *Gazetteer of the Peshawar District 1897—1898*. Лахор, 1898, стр. 68.

² Риджуэй считает, что переселение баннучей на равнину имело место в конце XIV в. См. R. T. R i d g w a y. *Pathans*. Калькутта, 1918, стр. 5. Официальный справочник по дистрикту Банну относит это переселение к XV столетию (1450 г.). См. *Gazetteer of the Bannu District 1883—1884*. Лахор, 1884, стр. 29. Последней даты придерживается и Торборн. См. S. S. T h o r b u r n. *Bannu, or our Afghan Frontier*. Лондон, 1876, стр. 15; до XIV—XV вв. баннучи, повидимому, занимались скотоводством подобно их победителям вазирам, отнявшим у баннучей ранее принадлежавшие им пастбища на плато Шаваль.

³ Таким образом, вслед за захватом и разделом значительного массива земель, оказавшихся вполне пригодными для поливного орошения,

Марваты принадлежали к числу племен лохани, долгое время совмещавших скотоводство с караванной посреднической торговлей между Индией и сопредельными странами. В середине XVI в., во время царствования Великого Могола Акбара, они вытеснили бывшее здесь до них афганское племя ниазаев и овладели безводной частью равнины Банну. Некоторая часть марватов еще долго время оставалась кочевниками, большинство же перешло к оседлости и земледелию, разделив между собой захваченную землю¹.

Южнее Банну (Дераджат) можно также проследить процесс афганского завоевания, сопровождавшийся разделом захваченных земель между членами победившего племени и переходом бывших кочевников к оседлости и земледелию. Почти все обитающие здесь афганские племена (гандапур, марваты, уштура, бабури, миан-хель) принадлежали к числу лохани, и основным занятием их в прошлом, до поселения в Дамане, а отчасти и после того, как они обосновались на этой узкой равнине по правому берегу Инда, были скотоводство и кочевая посредническая торговля².

После своего появления в Дамане эти племена, точно так же, как и их собратья в Пешаваре и Банну, произвели раздел захваченной ими земли. На примере племен лохани Дамана еще с большей очевидностью подтверждается ранее высказанное нами положение, что афганцы весьма поздно переходили от скотоводства к земледелию и что переход этот совершался в

баннучи стали переходить к оседлости и земледелию. В начале XVI в. Бабур, вторгшийся в 1509 г. на равнину Банну, отзывается о баннучах, как об оседлых, указывая, что они обрабатывают землю («Бабур-нома», английский перевод, стр. 233; персидский перевод, стр. 94). В числе афганских племен района Банну Бабур перечисляет керани, хиви, сури, иса-хель.

¹ Gazetteer of the Bannu District, стр. 213. Тот же источник указывает, что часть марватов еще долго оставалась кочевыми (там же, стр. 32). См. также S. S. Thoburn. Bannu, or our Afghan Frontier. Лондон, 1876, стр. 20.

² Так было с миан-хель (они осели в Дамане в XVI в.), с гандапурцами (осели в XVII в.), с более поздними пришельцами — уштура, которые появились в Дамане в конце XVIII в. С тех пор они в большинстве перешли к земледелию, но некоторые из них и до конца XIX в. сохранили связь со скотоводством и посреднической кочевой торговлей. Так, относительно уштура источники сообщают, что еще в 80-х годах XVIII в. они целиком были скотоводами, но в результате ссоры с соседним племенем муса-хель «их ежегодные перекочевки были прерваны и ради существования они были вынуждены заняться земледелием» (Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, 1883—1884. Лахор, 1884, стр. 27). Но и в XIX в., кроме земель на равнине Дамана, это племя владело обширной территорией в горах, где многие уштура жили как скотоводы. Часть племени миан-хель еще в последней четверти XIX в. соединяла земледелие с занятием кочевой торговлей (там же, стр. 71).

условиях расселения афганцев на новые территории, захвата земли и раздела ее между членами победившего племени¹.

* * *

Попробуем ответить на вопрос о причине, которая заставила афганские племена сдвинуться с прежних мест и вызвала их распространение в XIII—XVI вв. по северо-западным и юго-восточным склонам Сулейманова хребта. Эта причина лежала не во влиянии каких-либо обстоятельств внешнего или случайного характера, а во внутреннем развитии самого афганского общества.

Причина, вызвавшая массовое передвижение афганских племен за пределы Сулеймановых гор (места их первоначального обитания) и постепенный переход афганцев от кочевого скотоводства к оседлому земледелию, заключалась в начавшемся, повидимому около XIII в., процессе разложения первобытно-общинного строя².

Переходя к рассмотрению вопроса о социально-экономическом строе афганцев до их перехода к оседлости, необходимо указать как на исключительную скудость материала, так и на большую трудность в отнесении его к определенному хронологическому периоду. В других случаях трудность заключается в том, что свидетельства источников относятся к афганцам вообще и не всегда можно установить, к какому племени

---

¹ История племени вазиров является весьма показательной в этом отношении, ибо вазирь позже других афганских племен вступили на путь завоеваний, позже других начали и переход от кочевого образа жизни к оседлому. Вазирь захватили место своего нынешнего поселения — Вазирьстан в XVI в., а в начале XVII в. был составлен свод обычного права вазиров «Вазирьнарх», который в числе других своих установлений предусматривал порядок раздела захваченной земли между подразделениями и отдельными членами племени.

«Знающие люди говорят, — передает Мухаммад Хаят-хан, записавший в 60-х годах XIX в. «Вазирьнарх» со слов старейшины этого племени, — что прошло 10 или 12 поколений, а этот отрезок времени немного меньше трех столетий, с тех пор как этот закон был составлен, и до сих пор он является обычной практикой». См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 355. Риджуэй относит появление вазиров в Вазирьстане к XV в. Но эта точка зрения не подтверждается источниками и не разделяется другими авторами, которые считают XVI в. временем, когда вазирь утвердились в Вазирьстане (S. S. Thorgip. Ук. соч., стр. 15).

История вазиров также подтверждает как поздний переход афганцев от скотоводства к земледелию, так и то, что этот переход начался в условиях распространения афганских племен на новые земли, захвата и раздела этих земель.

² Н. В. Ханьков относил образование афганцев как «самобытной народности» к IX—XIII вв. См. Н. В. Ханьков. Ук. соч., стр. 561.

или хотя бы к группе племен они относятся. Что же касается фольклора, то, поскольку научное изучение его только начинается, еще труднее определить давность возникновения тех или других песен, поговорок и т. д.¹

Ранние свидетельства хронистов и путешественников об афганцах по большей части носят общий характер, и обычно остается неясным, о каком именно племени идет речь. Между тем, как известно, развитие афганских племен совершалось неравномерно, и в их социально-экономическом строе имелись весьма существенные различия.

Несмотря на все эти трудности, сделаем попытку охарактеризовать в самых общих чертах процесс разложения первобытно-общинного строя у афганцев до перехода их к оседлости, основываясь, главным образом, на богатых материалах позднейшего времени (XIX в.), в которых имеется ряд исторических сведений, основанных на устной традиции афганцев, и данные, характеризующие афганские обычаи.

Повидимому, уже в XIII—XIV вв. в афганских улусах возникла прослойка ремесленников и торговцев, по большей части не членов племени, а чужаков. В то же время все больше развивались хозяйственные связи между афганскими кочевниками-скотоводами и давно существовавшими таджикскими и индийскими феодальными городами земледельческих оазисов. Афганцы все больше вовлекались в обмен и торговлю. Имеются данные, свидетельствующие, что уже тогда из числа афганских племен выделилась группа племен, так называемых повинда, постоянно обслуживавших транзитную торговлю на старинных караванных путях, соединяющих Индию с Персией и Средней Азией. В кочевых афганских племенах растет число рабов и образуется прослойка феодально-зависимых, так называемых «хамсая»², стоящих, как и рабы, вне пле-

---

¹ Единственными доступными нам источниками были собрания афганских поговорок, записанных советским исследователем М. Г. Аслановым в бытность его в Кабуле в 30-х годах и англичанином Торборном в округе Банну в конце XIX в. (См. М. Г. А с л а н о в. Афганский фольклор. Кандидатская диссертация. М., 1944—1945. Собранные Торборном поговорки опубликованы в приложении к его книге: S. S. T h o r b o r n. *Bannu, or our Afghan Frontier*. Лондон, 1876).

² «В районе той области (Кандагарской) живут афганцы. И оттуда в Герат приводят много рабов», — сообщает источник конца XV в. «Раузат аль-джиннат фи аусаф мадинат аль-Харат», хранящийся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, шифр В-690-Р, лист 51-б. Цитирую по диссертации В. А. Ромодина (В. А. Р о м о д и н. Ук. дисс., стр. 136). В. А. Ромодин высказывает предположение, что эти рабы могли доставляться в Герат афганскими купцами-работорговцами. Наличие рабов в афганских кочевых улусах не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует английский путешественник XVII в. Стил. Он пишет об афганцах: «... если они смогут захва-

мени¹. Все более явственным становится имущественное неравенство в среде свободных членов племени. Особенно быстро росло богатство и могущество родовой верхушки. Должность вождя из выборной становится наследственной. Вожди племен начинают обзаводиться собственными дружинниками (так называемыми яран)². Знать, фактически захватив в свои руки распоряжение пастбищами (формально они остаются коллективной собственностью племени), все больше ограничивает возможность ведения самостоятельного хозяйства рядовыми членами племени. Зато растут стада, принадлежащие знати.

Внутри афганских племен начинают складываться антагонистические, враждебные классы. На этом, раннем этапе развития классового общества нередко все афганское племя в целом противостояло своим рабам и феодально-зависимым, а родо-племенная организация выступала в отношении рабов и хамсая как орудие их подавления и принуждения. Однако по мере того как родовая знать, усиливаясь все больше и больше, противопоставляла свои собственные интересы интересам племени, начинается борьба и в среде свободных, полноправных членов племени. Рядовые члены племени, не желая мириться с растущим засилием знати, выступают против нее, отстаивая

тять отбившегося человека сами или (получают его) через других, они продают (пленников) выше в горы, подрезают им сухожилия ног и заставляют их молоть зерно на ручных мельницах и выполнять другие рабские работы». A Journall of the Journey of Richard Steel and John Crowtler, from Azmere in India, the place of the Great Mogols residence, to Spahan the Royall Seat of the king of Persia, in the affaires of the East-Indian Society. Ann. 1615. 1616 in «Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes Containing a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by Englishmen and others by Samuel Purchas, B. D.», т. IV. Глазго, 1905, стр. 29.

О существовании рабов у афганских кочевых племен в период, когда они переходили к оседлости, указывают и другие источники. Рабов афганские племена, видимо, захватывали и во время своих набегов на Индию. Таким образом, в недрах первобытно-общинного строя афганцев стал возникать рабовладельческий уклад, который, однако, в силу общей исторической обстановки не мог получить значительного развития.

¹ «Хамсая» — термин персидского или таджикского происхождения, букв. «под одной тенью» (т. е. сосед, и т. п.). У афганцев этот термин приобрел социальное значение и стал применяться для обозначения человека зависимого, не принадлежащего к данному племени. Социальное значение термина «хамсая» чрезвычайно многообразно, ибо он охватывает различные виды зависимости (подробно об этом см. ниже, в главе III).

² Характерную афганскую поговорку приводит М. Г. Асланов: «Если ты хан, то благодаря дружине (буквально — «друзьям»); не будь друзей, был бы ты прахом степей». М. Г. Асланов указывает, что в афганских сборниках приводится лишь первая половина этой поговорки. См. М. Г. Асланов. Афганский фольклор и его изучение в СССР. В Трудах Московского института востоковедения. Сборник № 5. Изд-во МИВ [М] 1947, стр. 346.

свои права на племенную собственность. Стремясь приглушить эту внутреннюю борьбу и еще более упрочить собственное положение, знать племен разжигает ожесточенные войны с соседними племенами за пастбища, организует грабительские налеты на земледельческие оазисы. Но эти непрерывные войны, способствуя дальнейшему укреплению родовой знати, еще больше распатывали устой первобытно-общинного строя у афганцев и вели к дальнейшему подрыву самостоятельного хозяйства рядовых членов племени. В таких условиях возникала и все с большей силой проявлялась вынужденная тяга обездоленных кочевников к оседлости, поскольку эта прослойка кочевников уже не располагала ни пастбищами, ни достаточным количеством скота для продолжения прежнего образа жизни.

Повидимому, начиная именно с XIII—XIV вв., более развитые в социально-экономическом отношении афганские племена, у которых процесс разложения первобытно-общинного строя зашел дальше, чем у других, решительно встали на путь завоевания соседних земель и народов. Но это и явилось дальнейшим шагом к подрыву их прежней общественной организации, основанной на родственном союзе, ибо «... господство над покоренными несовместимо с родовым строем»¹.

Так нам представляется в самом общем виде процесс разложения первобытно-общинного строя у афганцев до начала их расселения и перехода к оседлости. Каковы были основные конкретно-исторические особенности этого процесса?

Как мы уже говорили выше, процесс разложения первобытно-общинного строя протекал у афганцев в условиях длительного взаимодействия со средневековыми городами и оседлыми земледельческими оазисами таджиков, у которых давно господствовал феодальный строй, а также с феодальными государствами, возникавшими на территории нынешнего южного Афганистана (или включавшими эту территорию в свой состав)². Таким образом, этот процесс развивался в условиях

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М. 1948, стр. 286.

² На степных и альпийских пастбищах области между Гиндукушем и Сулеймановыми горами в средние века кочевали не одни только афганцы. На территорию эту неоднократно проникали кочевники, в частности эфталиты, потом многочисленные тюркские племена, а позже монголы. Кочевые пришельцы сыграли важную роль в этногенезе афганцев (см. Н. В. Ханыков. Ук. соч., стр. 557). Так, например, многочисленное племя гильзаев, и поныне занимающее Газнийское нагорье, явно тюркского происхождения; оно еще в X в., по словам арабского географа, «сохраняло язык, облик и быт тюрков». К XVI в. гильзаи восприняли язык пушту и полностью слились с афганцами, вплоть до того, что стали вести свою родословную от Абдуррашида, мифического родоначальника всех афганских племен.

тесного взаимодействия доклассового общества с обществом феодальным, кочевников с земледельческим оазисом и средневековым городом, афганских скотоводов с оседлым таджикским и отчасти индийским населением¹.

Мы считаем, что именно наличие феодального окружения было причиной того, что эксплуатация рабов не могла получить и действительно не получила сколько-нибудь крупного значения у афганцев. Афганцы переходили непосредственно к феодализму. Именно существование феодального окружения объясняет нам, почему афганцы, несмотря на примитивность своего общественного строя, стали относительно рано втягиваться в обмен, в торговлю, и у них выделилась целая группа племен (повиндá), занятых обслуживанием посреднической торговли между более развитыми феодальными странами (Средняя Азия, Персия, Индия).

Процесс развития общественного разделения труда у афганцев проявлялся не только в первичной форме разделения труда между пастушескими, кочевыми племенами и остальным населением (первое разделение труда по Энгельсу), но и в том, что таджикские и некоторые индийские феодальные города снабжали афганских скотоводов изделиями своего ремесленного производства (в этом мы видим специфику перехода ко второму историческому разделению труда в истории афганцев — отделению ремесла от земледелия).

Взаимодействие с феодальным окружением ускоряло разложение первобытно-общинного строя у афганцев, но в то же время придавало этому процессу однобокий характер. Так, уже после перехода многочисленных афганских племен к

---

¹ Разумеется, характер отношений между кочевниками-скотоводами и земледельческим оазисом менялся исторически. Нашествия кочевников неоднократно приводили к разрушению оросительной сети, запустению целых земледельческих областей, сопровождались истреблением и уводом оседлого населения в рабство, разрушением городов. Но бывали длительные периоды их относительно мирного сосуществования, когда основное значение приобретали обмен, торговля. В позднее средневековье такой период относительно мирного сосуществования и взаимодействия наступил, когда в южном Афганистане господствовали Сефевиды и Великие Моголы. С. П. Толстов указывает: «Старые отношения разделения труда, развивавшиеся в предшествующие века на путях военной гегемонии степных держав над своими оседлыми данниками (татами) и выражавшиеся в широком развитии прямого военного грабежа и массового обращения в рабство и увода вглубь степи ремесленного и земледельческого населения оазиса, после IX в., когда стабилизируется северный рубеж саманидского государства, получают новое развитие: степной аристократ должен являться в город не в качестве завоевателя, а в качестве мирного купца, что не могло не стимулировать развитие скотоводства, рассчитанного уже на обмен». С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 247.

оседлости, в течение долгого времени своих городов у афганцев не было¹.

Феодальное окружение накладывало свой отпечаток и на «промысел войны», который именно в результате разложения первобытно-общинного строя стал приобретать с XIII—XIV вв. все большее значение для многих афганских племен, а прежде всего для их родовой верхушки. Области между Гиндукушем и Сулеймановыми горами бывали в течение многих столетий полностью или частично подчинены власти сильных феодальных деспотов, таких, как, например, правители государства Газневидов, Сефевидов или Великих Моголов. Политика этих правителей в отношении афганских племен сводилась к тому, чтобы использовать афганцев как военную силу на своей службе.

Вместе с тем эти феодальные государи иногда стремились препятствовать попыткам родовой знати афганцев грабить местное оседлое население, не допуская захвата ею земель в оазисах, ибо эксплуатация таджикского крестьянства составляла существенный источник дохода господствовавшего феодального класса². Принимая к себе на службу афганских родовых вождей вместе с контингентами воинов их племен, и Газневиды и Тимуриды, а позже Сефевиды и Моголы вознаграждали этих вождей не только деньгами, долей военной добычи, но и

---

¹ Еще в первой половине XIX в. население Герата, Кабула, Газни и в меньшей степени Кандагара оставалось преимущественно таджикским, а население Пешавара и Желалабада — индийским. Торговлей, ремеслами, ростовщичеством не только в городах, но и в поселениях оседлых афганцев продолжали заниматься таджики, персы и индийцы, но не сами афганцы.

² Кроме того, необходимо учесть, что относительно компактное оседлое таджикское население области между Гиндукушем и Сулеймановыми горами, пусть ослабленное и пострадавшее в результате чужеземных вторжений и нашествий кочевников, все же в течение длительного времени оказывало сопротивление посягательствам на свою землю. И ограниченность удобной для посевов земли в южном Афганистане, и сопротивление самих таджиков, и политика господствующего феодального класса (вовсе не заинтересованного в захвате земли оседлого крестьянства афганцами) объясняют нам, почему основной поток переселявшихся афганских племен устремился не на северо-запад, а на юго-восток — в область, расположенную между Сулеймановыми горами и средним течением реки Инда. Там сложилась обстановка, несравненно более благоприятная для афганцев. Там было больше удобной земли, притом в значительной мере пустовавшей. Что же касается остатков местного индийского населения, уцелевшего после многовековых войн, опустошивших эту область (она являлась пограничным форпостом Индии), то разрозненное и немногочисленное местное индийское население не было в состоянии сопротивляться афганским пришельцам. Наконец, в силу ряда обстоятельств расселение афганцев по южным скатам Сулеймановых гор совершалось почти без всяких помех со стороны индийских феодальных деспотий (Делийский султанат, а затем держава Моголов).

пожалованием земли на условиях ленного держания, почетными титулами, а иногда и назначением на высокие государственные должности¹. Все это не могло не усиливать власти афганских вождей над своими племенами и содействовало более быстрой феодализации родовой верхушки. В то же время политика феодальных государств, господствовавших на территории между Гиндукушем и Сулеймановыми горами, всегда была направлена на то, чтобы воспрепятствовать объединению афганских племен. Феодальные правители неизменно натравливали одно племя на другое и возбуждали между ними раздоры.

Важнейшим объектом грабежа феодализирующейся родовой знати афганцев, занимавшейся своего рода сухопутным пиратством, была Индия, особенно в период упадка и распада Делийского султаната, а затем державы Великих Моголов. В эти времена Индия привлекала афганских завоевателей своей незащищенностью и возможностью захвата огромной добычи.

Влияние внешнего грабежа на ход разложения общинно-родового строя афганцев было противоречивым. Зачастую афганские вожди и ходившие с ними в индийские походы ополчения племен не возвращались на родину, а навсегда оставались в Индии; часть афганских воинов превращалась там в крупных и мелких феодалов, иногда образуя государства, где господствующую феодальную верхушку составляли выходцы из Афганистана. Видимо, среди таких переселенцев были главным образом обездоленные члены племени, которым не оставалось другого выхода, как следовать в поход со своими родовыми вождями, которые искали легкой и быстрой наживы. Значительный отток обедневших членов афганских племен, уходивших в Индию, а также переселение туда многих представителей родовой верхушки, не ускоряли, а наоборот, замедляли процесс

---

¹ На многочисленные факты пожалований такого рода вождям афганских племен со стороны сефевидских шахов указывает автор «Тарих-и Сальтани» (см. стр. 62, 63). В частности, афганским вождям даровались почетные титулы «шахзаде», шахских сыновей (см. также Н. J. R a v e r t y. Ук. соч., стр. 270). Собирая дань с афганских племен, Великие Моголы всегда пользовались услугами вождей племен. Имеются сведения, что некоторые из вождей племен халилов, момандов, даудзаев и гагиани собирали дань для Моголов и «от времени до времени являлись к делийскому двору, привозя с собой по возвращении грамоты на пожалование их земель (grants of lands) и указы, освобождающие их от уплаты дани». Эти указы и грамоты сохранялись еще в XIX в. (Gazetteer of the Peshawar District, 1883—1884. Лахор, 1884, стр. 62). Наконец, вожди афганских племен постоянно взимали пошлины с торговых караванов или грабили их, или же получали от феодального государства крупное денежное вознаграждение за охрану и безопасность важных торговых путей, как, например, Хайберского прохода.

формирования классов и складывания феодальных отношений в самом афганском обществе¹.

Участие афганских племен в грабительских походах и набегах на Индию имело и другую сторону. Эти походы и войны подрывали и истощали самостоятельное хозяйство рядовых членов племени, отвлекали мужчин от производительного труда, способствовали усилению имущественного неравенства внутри племени, вели к возвышению родовой верхушки. Наконец, войны все более превращали племенную организацию в орудие грабежа и завоевания других народов в интересах афганских вождей и родовой знати.

Данные афганского фольклора и этнографии свидетельствуют о наличии имущественного неравенства среди афганцев еще до перехода их к оседлости. Особенно ценные факты можно найти в уже упоминавшихся нами выше «житиях» афганских шейхов, составляющих часть переведенной Б. А. Дорном «Истории афганцев»². Так, в житии шейха Исмаила Сарвани мы находим сведения о хозяйстве богатого афганца, имевшего «большую собственность». Этому богачу принадлежали тысяча овец, многочисленные табуны кобылиц и много рогатого скота³. Наряду с данными, характеризующими хозяйство богатого афганского кочевника, мы находим в житии шейха Ахмада Лохани описание кочевника-бедняка. Об этом шейхе сообщается, что в юности он присматривал за стадом отца, выполняя эту работу совместно с некоторыми из своих юных родственников. Отец его был «чрезвычайно беден», он имел всего сорок овец⁴.

Наличие имущественного и социального неравенства подтверждается и материалами фольклора, хотя затруднительно установить, к какому времени эти материалы относятся и кого они характеризуют — кочевников или оседлых. Все же приведем некоторые из наиболее интересных в этом отношении поговорок: «Хотя мы одного происхождения, одной семьи и одной местности, ты стал благородным, а я низким»⁵. В другой

---

¹ Это особенно заметно сказалось у юсуфзаев. После подавления в XVII в. движения рошани, направленного против племенной знати и духовенства, десятки тысяч свободных членов юсуфзайских племен устремились в Индию, отчасти опасаясь репрессий, отчасти же потому, что они предпочитали поиски счастья и добычи на чужбине перспективе превратиться в зависимых на родине.

² Этот источник датируется началом XVII в., но не может быть никаких сомнений, что жизнеописания шейхов, среди которых встречаются и относящиеся к XII—XIII вв., основаны на более ранних преданиях и традициях.

³ См. Б. А. Дорн. Ук. соч., ч. II, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 28.

⁵ S. S. Th o g b u r n. Ук. соч., стр. 412, поговорка № 403.

поговорке указывается, как по-разному встречают праздники богатые и бедные: «Хотя для других это вечер Ид, для бедняка это та же ночь»¹. Наконец, весьма интересную поговорку приводит М. Г. Асланов, видимо, прямо относящуюся к кочевому быту: «Сытый голодного не разумеет, а конный пешего»².

О социальном составе афганского кочевого общества рассматриваемого времени мы не имеем прямых свидетельств в доступных нам источниках, и можем сослаться только на некоторые сообщения поздних авторов. Так, в историческом очерке, написанном составителями налогового отчета Пешаварского округа за 1876 г., в разделе, посвященном заселению долины нижнего течения Кабул-Дарьи афганскими племенами в начале XVI в., сообщается, что многие из зависимых ремесленников, принадлежащих к категории хамсая, «прибыли сюда вместе с афганцами во времена их первого поселения»³. Это сообщение основывается на местных преданиях. Если оно правильно, то здесь мы имеем важное указание на то, что юсуфзаи (речь идет именно о них) во времена своего перехода к земледелию имели в составе кочевых улусов наряду с полноправными членами племени группу зависимых, или «хамсая», вероятно принадлежавших к числу чужаков.

Повидимому, не только у юсуфзаев, но и у многих других афганских племен еще до перехода их к оседлости сложилось деление на свободных и зависимых. Так, по сообщениям, основанным на преданиях баннучей, это племя, переходя от кочевого быта к оседлости (XIV—XV вв.), уже имело в своем составе зависимых (хамсая) из числа иноплеменников⁴.

Зимние стоянки кочевого племени (кишлак) становились местом обитания зависимых (хамсая). На этих же стоянках

¹ S. S. Th o r b u r n. Ук. соч., стр. 339, поговорка № 6.

² М. Г. А с л а н о в. Ук. соч., стр. 109.

³ Peshawar Settlement Report, 1876, стр. 86. Цитирую по книге С. L. T u r r e r. Ук. соч., т. II, стр. 16.

⁴ См. Gazetteer of the Bannu District 1883—1884. Лахор, 1884, стр. 102. Сведения, касающиеся юсуфзаев и баннучей, мы имеем право распространить и на многие другие афганские племена рассматриваемого периода. Правильность этого положения подтверждается, в частности, тем фактом, что хамсая, по достоверным свидетельствам источников, имелись у кочевых афганских племен в последующее время, в XIX в.

Так, Эльфинстон, который посетил Афганистан в 1809 г., прямо указывает на наличие зависимых (хамсая) у кочевых племен дурраниев (абдалиев): «В каждом из кочевых улусов имеется некоторое число хамсая, главным образом из какаров и гильзаев, попадают иногда и таджики, но чаще аймаки. Они работают в качестве кузнецов, плотников и издольщиков (buzgurs). Последних Эльфинстон называет, для пояснения или сравнения, и европейским термином «Metayers» (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 413). Очевидно, такие издольщики-хамсая обрабатывали землю около зимних стоянок племени, как это несколько позже наблюдали многочисленные очевидцы и у дурраниев и у гильзаев.

хранился корм, заготовлявшийся для скота на зиму¹. Кочевники-бедняки и хамсая строили там глинобитные мазанки для себя и глинобитные же стойла для овец². На местах зимних стоянок оседала на землю и беднота кочевых афганских племен. Дело завершалось постройкой ханского замка, который господствовал и над кишлаком и над окружающими его обрабатываемыми землями.

Зимняя стоянка кочевников всегда располагалась около источника воды, который в дальнейшем использовался и для орошения почвы. На зимнее время племя, кочевая община разбивались на отдельные хели, которые уже не меняли места своей стоянки, ибо скот пасся на небольшом расстоянии вокруг этих стоянок.

Следует отметить, что зимние стоянки лоханийских племен в Дамане, так называемые «кирри», постепенно превращались в города. Такова, в частности, история города Кулачи, который первоначально являлся кирри (зимней стоянкой) племени гандапур. Превращение этой стоянки в город было связано с широким участием гандапурцев в караванной посреднической торговле между Индией и Хорасаном³.

Представляется, что можно провести близкую аналогию между хамсая у кочевых афганских племен и категориями зависимых, существовавшими у тюркских и монгольских кочевников⁴.

---

¹ Мак-Грегор отмечает крайний и притом систематический недостаток кормов, который испытывают стада кочевых дурраниев зимой, а затем указывает, «что все кочевые улусы дурраниев располагают небольшой площадью обработанной земли, которую они оставляют под присмотром своих издольщиков хамсая, в то время как сами откочевывают из своей страны» (MacGregor. Ук. соч., стр. 239, 240). Совершенно на такое же явление среди гильзаев указывает Бродфут, побывавший в стране гильзаев в 1839 г. (См. J. S. Broadfoot. Ук. соч., стр. 371).

² О хамсая у кочевых дурраниев в первой половине XIX в. сообщает Мак-Грегор, указывая, что они сооружают «временные глинобитные хижины для своих овец и в подобных же хижинах живут некоторые из хамсая» (MacGregor. Ук. соч., стр. 239), Землянки на своих зимних стоянках строили в XVIII в. и бедные кочевники казахи. См. М. Н. Вяткин. Батыр Срым. М., 1947, стр. 90.

³ О прошлом города Кулачи имеется следующее сообщение источника XIX в., характеризующее обстоятельства, связанные с ростом этого поселения: «Кулачи служил как бы складским помещением повинда, торгующих с Хорасаном. Они толпами стекались в этот город, чтобы совершить здесь свои покупки» (Gazetteer of the Dera Ismail-Khan District 1883—1884. Лахор, 1884, стр. 203).

⁴ Л. Бернштам в своей работе «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков» (М., 1946, стр. 124—125) указывает на существование группы *gul* и *kun*. Этими терминами обозначалась группа лиц, включенная экономически в систему данной общины, но стоявшая в силу эндогамных правил вне племени. Автор подчеркивает, что под этими терминами «скрываются не только рабы, но и данники».

Паряду с возникновением прослойки зависимых (хамсая) и выделением бедных членов племени в афганских кочевых улусах происходило образование наследственной знати. Вазирь доньше являются одним из афганских племен, где власть ханов относительно слаба. Вряд ли и на сегодняшний день можно было бы говорить о полном торжестве феодальных отношений у вазиров. Однако Мухаммад Хаят-хан, автор «Хаят-и Афгани», сообщает, что у вазиров в XVII в., когда составлялся свод обычного права этого племени, уже существовали так называемые «знатные» или «наследственные» семьи¹.

У абдалиев (дурраниев), как сообщает автор «Тарих-и Сальтани», ханство, должность вождя племени (во всяком случае со времени избрания ханом Садо, каковое автор источника относит к 840 г. хиджры — 1436—1437 гг. н. э.), является наследственной в роде садозаев. Садозаи, начиная с этого времени (а может быть, и раньше), выступают в качестве «хан-хеля», или ханского рода абдалиев, и должность вождя абдалиев является наследственной в хеле садозаев.

Садозаи пользовались рядом привилегий. На садозая, даже совершившего убийство, не распространялось действие кровной мести, садозаи обладали личной неприкосновенностью. Впоследствии, когда у афганцев восторжествовали феодальные отношения и сложилось свое государство, садозая

Общий вывод Л. Бернштама, что «этим термином обозначались всякие подчиненные (т. е. зависимые, не свободные. — И. Р.), включенные в чужой род и происходившие из других племен и родов» (там же, стр. 126). Зависимые были и у монголов. Академик Б. Владимирцов в своем труде «Общественный строй монголов» (Л., 1934, стр. 64—65) указывает, что древнемонгольские *упаган богол* не были рабами в полном смысле слова: они сохранили свое имущество, пользовались известной личной свободой, не все результаты их труда шли их господам и находились они в подчинении не у одного лица, а целого рода или его ветви, и сами сохраняли родовые связи. По характеристике Б. Владимирцова, *упаган богол* были «крепостными вассалами», которые не могли свободно расторгать связи, скреплявшие их с владельческим родом. У афганских племен, помимо хамсая из числа других афганских и неафганских родов и племен, отмечаются зависимые из числа таджиков и индийцев, давно утративших всякие кровно-родственные связи и деления.

¹ Для обозначения этих знатных семей Мухаммад Хаят-хан пользуется двумя терминами *دودمان* (знатный дом, династия) и *نفری خاندان* (наследственная знатная семья).

Именно представители таких трех «знатных семей» и приняли участие в составлении свода обычного права вазиров в XVII в. Потомки их в XIX в. являлись у вазиров как бы судом высшей инстанции. Вот что сообщает нам по этому поводу Хаят-хан: «Как говорят, высокими составителями этого закона вазиров являются упомянутые три знатные семьи (*نفری خاندان*) и причина их главенства и право окончательного решения проистекают из того, что эти три семьи являются наследниками основоположников этого закона». Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 369.

нельзя было подвергнуть смертной казни. Наконец, дочери садозаев никогда не выдавались замуж за пределами своего хеля¹.

Кроме исключительного положения садозаев, у абдалийских племен существовали различия в положении других родоплеменных групп и родов между собою. Так, по сообщению автора «Тарих-и Сальтани», у абдалиев были в противоположность малым родам «великие» роды, что, конечно, имело социальный смысл, как обозначение знатного, влиятельного рода — это ясно видно, если сопоставить этот термин с упомянутыми выше «наследственными» семьями у вазиров².

Порядок, при котором должность вождя была наследственно закреплена за определенным подразделением (хелем) племени, так называемым ханским хелем («хан-хель»), не был присущ одним абдалиям (дурраниям). Хан-хелем у гильзаев был хель хотеки (подразделение шах-алам-хель)³.

Мак-Грегор даже приписывает этому хелю «сакральное значение», но совершенно не разъясняет своего утверждения, не раскрывает его смысла, указывая только, что «сакральное подразделение хотеки рассматривается как главный хель у гильзаев»⁴.

---

¹ Многочисленные исторические факты подтверждают существование этих саддозайских привилегий. Приведем несколько сообщений авторов более позднего времени. Так, среднеазиатский автор начала XIX в. следующим образом рисует особое положение саддозаев среди прочих афганцев: «Афганцы взяли на себя обязательство рассматривать потомков Саду, как вождей; было недопустимо поднимать против них меч или убивать их, какие преступления они ни совершали бы; никто (из других племен) не мог брать дочерей саддозаев себе в жены». *Histoire de l'Asie Centrale... Par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publiée, traduite et annotée par Charles Schefer.* Париж, 1876, стр. 7. Эльфинстон передает со слов очевидцев, что Азим-хан, вельможа шаха Шуджи (1803—1809), был «человеком твердым и честным. Когда шах Махмуд приказал ему предать смерти Вафадар-хана и других саддозаев вопреки обычаю, который почитается едва ли не священным среди дурраниев, он отказался выполнить приказ». (M. E I r h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 282).

В 1805 г. эмир Бухарский Хайдар Тура сватал дочь шаха Шуджи, саддозая, себе в жены, но получил отказ на том основании, что саддозаи не выдают своих дочерей замуж за пределы родного хеля (см. «Сираджат-Таварих», т. 1, Кабул, 1913—1915, стр. 69. См. также M. E I r h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 592).

² «Тарих-и Сальтани», стр. 58.

³ M. E I r h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 437.

⁴ M a c G r e g o r. Ук. соч., стр. 275. Это, правда, весьма неопределенное сообщение Мак-Грегора дает основание предполагать, что у гильзаев еще в XVIII—XIX вв. сохранялись пережитки или воспоминания о сакральном характере власти вождей-жрецов, свойственном, повидимому, некоторым афганским племенам в XIII—XIV вв. Б. А. Дорн в своих комментариях к «Истории афганцев» Ни'матуллы приводит следующий отрывок из «Матла'а ас-Саадайн»: «Они (афганцы. — И. Р.) — монголы. У них есть жрец, которому поклоняются, как идолу. Мусуль-

У племени хаттаков хан-хелем издавна был апо-хель¹. У племени даулат-хель (из группы лоханийских племен) хан-хелем являлся катта-хель². О существовании хан-хеля и связанного с ним порядка титулования у юсуфзаев отмечает Раверти, указывая, что у этого племени сам вождь и члены его семьи носят титул ханов, в то время как остальным членам хан-хеля ханский титул не присвоен³.

Перечисление хан-хелей различных афганских племен можно было бы значительно увеличить, но вряд ли в этом есть необходимость. Весьма примечательным является тот факт, что по мере складывания феодальных отношений у афганцев и образования у них первых государств или княжеств, их правителями в подавляющем большинстве случаев становились наследственные вожди крупных афганских племен, принадлежавшие к соответствующему хан-хелю. Так, например, Дервиш Мухаммад и Акор — правители возникшего в XVI в. Хаттакского княжества, принадлежали к хан-хелю этого племени — подразделению апо-хелю. Во главе образовавшегося в начале XVIII в. (1709) гильзайского княжества в Кандагаре стал Мир-Вайс-хан, представитель хан-хеля этого племени (хотеки). Правителем Гератского княжества абдалиев, возникшего в 1716 г., стал Зульфакар-хан из садозаев, хан-хеля абдалиев. Сарвар-хан, первый князь Танка, правивший в конце XVIII в., происходил из хан-хеля (катта-хель) племени даулат-хель. Наконец, когда в 1747 г. возникла Дурранийская держава, то

манские улемы издали фетву, объявляющую их неверными, а их жизни и имущество — вне закона» (Б. А. Дорн. Ук. соч., стр. 66). Отрывок этот относится к афганским племенам Кермана XIV в., чьи ополчения входили в состав монгольских военных сил. В нем можно видеть указание на сакральный характер власти вождя-жреца. Именно так толкует это сообщение В. А. Ромодин, отмечая в своей диссертации, что из приведенного отрывка и из соответствующего ему места в «Тарих-е Гозиде» можно также заключить, что часть афганских племен еще в XIV в. была язычниками или что афганские племена, вошедшие в состав монгольского войска, возвращались частично к язычеству под влиянием монголов (см. В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 123—124). В «Тарих-е Гозиде» об афганцах Кермана говорится так: «У афганцев был джалиг (جالغ) и по монгольскому вероучению ему поклонялись и жертвы тем идолам приносили» (Хамдаллах Мустоуфи аль-Казвини. Тарих-е Гозиде. Лондон, 1910—1913, т. II, стр. 644. Цитируется по работе В. А. Ромодина. (Ук. дисс., стр. 123). Термин «джалиг», написанный в «Матла'а ас Саадайн» جالغ, Б. А. Дорн прочел как جتاليق. и перевел словом «жрец», пояснив, что его значение «католикос, патриарх», но что оно употребляется и для наименования далай-ламы (см. Б. А. Дорн. Ук. соч., т. II, стр. 66).

¹ Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 321; см. также R. T. Ridgway. Ук. соч., стр. 93.

² J. V. Goadfoot. Ук. соч., стр. 895.

³ H. J. Raverty. Ук. соч., стр. 197.

первым ее шахом был провозглашен Ахмад-хан, принадлежавший к сазозайскому хан-хелю абдалиев (дурраниев).

Эти факты показывают, что в XVI—XVIII вв. представители афганской наследственной родовой знати стали превращаться в феодальных государей. Но вполне очевидно, что выделение родовой знати и практика наследования должности вождя сложились значительно раньше. Ее возникновение уже предполагало развитие имущественного и социального неравенства внутри рода или племени. «До конца эпохи варварства, — указывает Ф. Энгельс, — всегда надо предполагать отсутствие строгого наследования должностей, совершенно несовместимого с порядком, при котором богатые и бедные внутри рода пользовались полным равноправием»¹.

Рост имущественного и социального неравенства внутри афганских племен был причиной втягивания их в посредническую торговлю и обращения их к войне, завоевательным походам и грабежам². Несомненно, что втягивание этих племен в транзитно-посредническую торговлю и широкое их участие

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1948, стр. 242.

² Не случайно, что средневековые авторы, упоминая об афганцах, сообщали прежде всего о войнах, завоевательных походах, грабежах кунеческих караванов. О грабежах афганцев писали Утби (XI в.) и Ибн-Батута (XIV в.), а позднее Бабур (XVI в.) и Феришта (начало XVII в.). Феришта даже происхождение самого слова «Афган» выводит из того вошля и крика (афган ве гауга), который не иначе как в силу непрерывных войн царит в Афганистане. Феришта сначала описывает вторжение афганцев при поддержке союзных им горных племен в Пенджаб, а затем продолжает: «Всякому, кто у них (т. е. у местных жителей) спрашивал, в каком положении дела мусульман Кухистана, чего они достигли и что делают, они отвечали: не говорите Кухистан, говорите Афганистан, так как там, кроме вопля и крика (афган ве гауга), ничего другого нет. Повидимому, по этой причине народ между собой стал называть их страну Афганистаном, а самих их афганцами». (Перевод этого отрывка из Феришты принадлежит Н. В. Ханыкову — см. его дополнения к кн.: К. Р и т е р. Иран. . . СПб., 1864, стр. 563.) Первые свидетельства европейских путешественников об афганцах (XVII в.) также подчеркивают воинственность афганских племен, сообщая о том, что они часто совершали грабительские нападения на торговые караваны и никому не давали пощады.

«Эти Кандагарские горы, — сообщает Стил (он посетил Кандагар в 1615 г.), — населены свирепым народом по имени агваны (Agwans) или потаны (Potans). Они очень крепкие телом и несколько блее цветом кожи, чем индийцы, великие грабители, привычные к тому, чтобы вырезать целые караваны». (R. S t e e l. Ук. соч., стр. 272.)

В конце XVII в. Сансон писал об афганцах и белуджах следующее: «Они воинственны, хорошо стреляют из лука, но являются большими разбойниками, не дающими пощады караванам» (Voyage ou Relation de l'état present du Royaume de Perse. Avec dissertation curicuse sur les Moers, Religion et Gouvernement de cet Etat par M. Sanson. Париж, 1695, стр. 164).

в грабительских войнах, направленных на завоевания и захват добычи, являются явными признаками разложения первобытно-общинного строя у афганцев.

Начиная с Махмуда Газнийского, отмечается широкое привлечение афганских воинских контингентов на службу сильных феодальных государей, правивших страной. Использование военной силы афганских племен встречало свои трудности. Таким государям обычно сначала приходилось в какой-то мере ломать сопротивление афганских племен и нагонять на них страх, а потом привлекать к себе на службу их вождей перспективной щедрой оплаты и богатой добычи. Именно так и действовал Махмуд Газнийский. В составе его войск, много раз ходивших в грабительские походы на Индию, насчитывалось немало афганцев. В составе войск таджикских султанов Гура (1152—1206) также были афганские контингенты. Впоследствии они стали решающей военной опорой афганских династий Лоди (1450—1526) и Сур (1540—1555), правивших в Индии. В период правления этих династий отмечается миграция ряда афганских племен в Индию, где они, как соплеменники правивших государей упомянутых династий, всегда могли рассчитывать на выгодную военную службу, а их вожди на значительные земельные пожалования.

Афганский историк Ни'матулла в своей «Махзан-и Афгани», написанной в 1609—1611 гг., сообщает следующее о массовом наплыве афганцев в Индию при династии Лодиев: «Бехлоль (султан. — *И. Р.*) заметил, что власть над Индостаном должна была бы принадлежать тому, кто управляет народом из племен. И поскольку сам он стоит выше индийских государей числом своих племен и кланов, и вся афганская народность является его родственниками и братьями, хотя они живут в бедности и недостатке, он имеет желание послать за ними и предоставить им земельные пожалования в Индии, чтобы облегчить их затрудненное положение и защитить их против сильных и могущественных врагов. Все дали на это полное согласие и он издал фирманы, обращенные к вождям каждой народности и каждого племени, с предложением прибыть (в Индию. — *И. Р.*)».

Далее Ни'матулла рассказывает о прибытии значительного числа афганцев в Индию. «Эти афганцы были очень довольны Индией и, получив знаки королевского внимания и милости, вернулись домой. Но многих из них он привлек на свою службу, назначая на различные должности при своем дворе, весьма заботясь об их благосостоянии. Это привлекло многих других в Индостан и скоро страна была полна афганцами»¹.

---

¹ Цитируется по переводу Б. А. Дорна (Б. А. Д о р н. Ук. соч., ч. II, стр. 80).

Исторические сведения о передвижении племени лоди в Индию из Танка имеются и в литературе XIX—XX вв. Риджуей сообщает: «Стремясь разделить судьбы правящей династии, племена пранги, сур, ниазаев, принадлежавшие к подразделению лоди, почти целиком двинулись из Танка в Индию»¹. После образования в Индии Могольской державы (1526) ее государи, лишив сложившуюся в Индии афганскую феодальную прослойку ее прежнего влияния, в то же время привлекали в свои войска не только афганцев, навсегда переселившихся в эту страну и образовавших там колонии, но и контингенты афганских племен собственно Афганистана². Так продолжалось вплоть до времени правления Аурангзеба (1658—1707 гг.)³.

Исторические факты показывают, что афганцы на протяжении ряда веков, начиная с XI в., постоянно использовались феодальными государями Индии и Афганистана, как военная сила. В те периоды, когда на территории нынешнего Афганистана и в Индостане существовали сильные государства, афганцам приходилось занимать подчиненное положение, участвуя в грабительских войнах и завоеваниях в качестве наемников на службе у Газневидов, Гуридов и Моголов. Но во времена, когда феодальные государства в Индии и на территории нынешнего Афганистана оказывались ослабленными (например, распад Делийского султаната во второй половине XIV в.), вожди афганских племен предпринимали грабительские набеги и налеты на свой собственный страх и риск⁴. Причина, тол-

---

¹ R. T. R i d g w a y. Ук. соч., стр. 6. Другие авторы приводят следующие сведения, основанные на местных преданиях: «От лодиев в районе Танка осталась лишь небольшая крепостца, занятая ими, — Котла Лодиан, что же касается ряда других племен того же подразделения, как пранги, сур и набби, то они погибли все и исчезли». (Gazetteer of the Dera Ismail Khan District 1883—1884. Лахор, 1884, стр. 26). В Пенджабе афганские переселенцы образовали целую колонию и дали свое имя основанному ими городу Лодиана (от лоди).

² Ирвин в своей монографии об устройстве могольского войска считает, что оно на $\frac{1}{3}$ состояло из афганцев. См. W. I r v i n e. The army of the Indian Moghuls. Its organization, and administration. Лондон, 1903, стр. 9. Нет никаких сомнений, что именно крепость кровнородственных связей и уз племенного единства придавала афганским контингентам ту взаимную спайку, которая выделяла их среди массы остальных наемных войск Моголов.

³ К концу его царствования разразилось чрезвычайно серьезное восстание афганцев против власти Моголов (1666—1672), и только после этого события императоры Дели перестали брать афганские контингенты в свои войска.

⁴ Даже в начале XIX в., когда в Афганистане и северо-западной Индии существовали более безопасные условия для караванной торговли, племена афганских торговцев-кочевников, именно благодаря своей военной силе и организованности, в значительной мере оставались монополистами этого дела: «Пути между Кабулом и Индией, не исключая мрачный и безлюдный Гомальский проход, недоступны даже самой силь-

кавшая многие афганские племена на путь грабежа и войны, была, в том и другом случае, одинаковой, менялась лишь форма их участия в этом деле. Рост участия афганских племен в грабительских войнах и набегах обуславливался разложением первобытно-общинного строя и, в свою очередь, ускорял этот процесс, способствуя обогащению родовой знати, разорению рядовых членов племени, росту имущественного неравенства внутри племени.

Афганские племена не только совмещали свое основное занятие скотоводством с войнами, но также, как уже отмечалось выше, играли весьма крупную роль в караванной посреднической торговле между Индией и ее западными соседями. В этом отношении три обстоятельства имели решающее значение. Во-первых, то, что именно через Афганистан в средние века проходили главные пути индийской сухопутной торговли. Во-вторых, то, что движение торговых караванов шло в том же направлении и в основном по тем же путям, по которым некоторые афганские племена два раза в год совершали сезонные перекочевки в поисках подножных кормов для своих стад. И, в-третьих, то, что только многочисленные, хорошо вооруженные и связанные узами кровного родства объединения афганских торговцев-кочевников оказывались в состоянии преодолевать все трудности и препятствия (нападения других племен, разбойничьих шаек, отдельных феодалов и т. д.), грозившие караванам на длинном пути через горы и степи, отделявшие Индию от Средней Азии и Ирана.

Это не значит, что участие купцов-чужаков (неафганцев) в этой торговле совершенно исключалось. Часть повинда не обладала средствами для покупки товаров, хотя многие из них и владели верблюдами. Такие повинда сдавали верблюдов внаем купцам-чужакам под перевозку их грузов¹.

ной кафиле (каравану) и могут быть преодолены только лоханийцами («племена» торговцев-кочевников. — *И. Р.*), которые одновременно являются торговцами и воинами. Поскольку они также представляют общину скотоводов (*pastoral community*) и связаны своими стадами, то они совершают в течение года только один рейс в Индию, и дороги, за исключением времени, когда они выступают из Индии и возвращаются туда назад, остаются закрытыми все остальное время года. Лоханиец, рожденный и воспитанный в пустыне, закаленный с детства в опасностях и испытаниях, способен преодолеть привычные трудности гомальского пути, в то время как кабульский купец избегает его, и этот путь, вероятно, навсегда останется монополией лоханийцев» (*М а с G r e g o r. Ук. соч., стр. 430*).

¹ Эльфинстон пишет, что с верблюдами, нанятыми от определенного племени, обычно совершает свое путешествие и то племя, чью собственность они составляют; равным образом верблюдов, принадлежащих купцам или отдельным лицам, обычно в целях безопасности, присоединяют к тому или другому племени, разумеется, если направление дви-

Деньги на покупку товаров лоханийским племенам¹ со времени средневековья и вплоть до XIX в. предоставляли индусские ростовщики Шикарпура, являвшегося главным кредитным центром и складочным пунктом этой караванной торговли. Так, чрезвычайно рано афганские торговцы-кочевники начали попадать в зависимость от торгово-ростовнического капитала Индии¹.

Из Индии на запад и северо-запад вели два основных пути (вернее — группы путей), имевших не только большое экономическое, но и стратегическое значение. Одна группа путей со-

---
жения этих путешественников совпадает с направлением кочевания племени.

Эльфинстон приводит и конкретные примеры участия неафганских купцов в посреднической торговле некоторых племен, отмечая, что в то время как люди афганских племен торговцев-кочевников (миан-хель) почти не принимали никого со стороны, бабури, напротив, обычно сами составляли меньшинство среди присоединившихся к ним разноплеменных купцов-чужаков. (См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 290—293).

¹ Приведем сведения о Шикарпуре, правда, в основном относящиеся уже к XIX в., поскольку они в известной своей части могут быть распространены и на предшествующие столетия и дают яркое представление о роли этого города и его купцов и ростовщиков в жизни соприкасавшихся с этим городом афганцев.

Английский разведчик Массон писал о Шикарпуре в 30-х годах XIX в. (когда этот город, чье благосостояние было непосредственно связано с караванной торговлей через Афганистан, пришел в упадок, вызванный изменением древних торговых путей после открытия морского пути в Индию) следующее: «Этот город, славившийся своим богатством, в особенности известен своими банкирами и ростовщиками, обладающими обширными связями в странах Средней Азии и Западной Индии. Шикарпур — прибежище этих людей, здесь постоянно живут как их семьи, так и семьи гомаштов, или агентов, находящихся в иностранных государствах» (Ch. Masson. Narrative of various journeys in Bilochistan, Afghanistan and the Panjab... Лондон, 1842, т. I, стр. 353).

По свидетельству Мохан Лаля, относящемуся к тому же времени, Шикарпур «... мог гордиться людьми, которые из поколения в поколение вели бойкую и прибыльную торговлю с Афганистаном, Хорасаном, Туркестаном и частью Персии. Шикарпур не мог похвалиться какими-либо собственными изделиями, но являлся центром, где сходились многие торговые пути». Цит. по N a r i k a n G u p t a. Life and work of Mohan Lal Cashmiri (1812—1871). With a forword by Pundit Jawaharlal Nehru. Калькутта, Лахор, 1943, стр. 86.

Основным видом коммерческой деятельности шикарпурских торговцев и ростовщиков были кредитные операции и торговля деньгами. «Их переводные векселя принимают во всех частях Индии, в Средней и Малой Азии, от Астрахани до Калькутты» (там же, стр. 97). Мохан Лаль сообщает, что шикарпурские купцы и ростовщики имели за пределами Индии своих агентов (гомашти) в Пешаваре, Кабуле, Кундузе, Хульме, Балхе, Бухаре, Мешхеде, Герате, Сеистане, Кандагаре (M o h a n L a l. Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan, to Balk, Bokhara and Herat, and a visit to Great Britain and Germany. Лондон, 1846, стр. 412).

соединяла Аттокскую переправу на Инде через знаменитый Хайберский проход с Кабулом, откуда дорога поднималась на один из многочисленных перевалов Гиндукуша, спускалась затем в долину Аму-Дарьи, где сходились пути, ведущие в Хорасан, Бухару и Китай. Вторая группа путей соединяла Индию с Хорасаном через Гомальский или Боланский проходы, Кандагар и Герат. Городами в долине Инда, которые играли в этой торговле в течение столетий важнейшую роль, были Шикарпур, а затем Мультап, Бахавальпур. Ключевое положение на путях первой группы занимал Кабул, на второй — Кандагар. Бабур в начале XVI в., основываясь на личных наблюдениях, сообщал следующее об огромном торговом значении Кабула и Кандагара: «На пути между Индостаном и Хорасаном есть два крупных торговых центра; один это Кабул, другой — Кандагар. Караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Балха, Бухары, Гиссара и Бадахшана все отправляются в Кабул, тогда как из Хорасана отправляются в Кандагар. Эта страна лежит между Индостаном и Хорасаном. Она представляет прекрасный и выгодный рынок для товаров. Если бы купцы отвезли свои товары в Рум (Стамбул) и Китай, то и тогда едва ли получили бы такую прибыль. Каждый год 7, 8 или 10 тысяч лошадей прибывают в Кабул. Из Индостана каждый год доставляются караванами 15—20 тысяч штук материи. Товары Индостана суть изделия, белая материя, сласти, очищенный и неочищенный сахар, лекарства и пряности. . . . Товары Хорасана, Рума, Ирана и Китая все могут быть обнаружены в Кабуле. . . »¹

Историограф могольского падишаха Акбара Абуль Фазль Аллями писал о значении этих городов следующее: «Мудрецы древних времен рассматривали Кабул и Кандагар как двойные ворота Индостана, из которых одни ведут в Туркестан, а другие в Иран»².

Через Кандагар, по сообщению Ричарда Стила, посетившего Индию в 1615—1616 гг., ежегодно тогда перевозилось до 14 тыс. верблюжьих вьюков, что было выше обычного и связано с временным закрытием морского пути в Персидский залив, где шла война англичан и персов с португальцами за Ормуз³. Испанский посол Гарсия де Сильва при шахе Аббасе Сефевиде в записях 1619 г. пишет следующее о Кандагаре: «. . . Это небольшой город, но очень удобно расположенный на важной дороге, которой следуют купцы Лахора, Агры и других

¹ Захриддин Бабур. Бабур-нома. Англ. перевод, стр. 138—139; персидский перевод, стр. 81.

² «Аин-и Акбар», т. II, стр. 404.

R. Steél. Ук. соч., стр. 268.

провинций Индии, чтобы отправиться в Персию, Мидию и Хорасан, ибо здесь лежит проход, которым вынуждены пользоваться караваны как прибывающие в Персию, так и те, которые отправляются оттуда в Индию»¹.

Еще в начале XVIII в. Кандагар приносил сефевидской казне огромную сумму 12 фунтов золотом в день одними таможенными сборами, как свидетельствует прокуратор иезуитов в Исфагане².

Зимние пастбища многочисленных племен афганских торговцев-кочевников, повидимому, не позднее чем с XIV в. располагались по южному скату Сулейманова хребта, на равнинах Дераджата и Дамана, в ближайшем соседстве с индийскими городами, замыкавшими с востока большую торговую дорогу на Кандагар и дальше в Хорасан. Весной эти племена поднимались Гомальским проходом на Газнийское плато, где и оставалась часть людей, уходя на время летней жары выше в горы Гиндукуша или Сулейманова хребта, в то время как другие еще весной двигались дальше на запад в сторону Хорасана. Осенью начиналось обратное движение по тому же маршруту. Именно группа лоханийских племен, имевшая свои зимние пастбища в долине Инда, а летние на Газнийском плато и на границах Хорасана, постепенно превратила посредническую торговлю между Индией и Ираном, а затем и между Индией и Средней Азией в свое дополнительное, а в некоторых случаях даже основное занятие³.

---

¹ L'Ambassade de Garcias de Silva Figueroa en Perse traduite de l'espagnol par Monsieur de Wiegfort. Париж, MDCLXVII [1667], стр. 322.

² K r u s h i n s k y. Ук. соч., стр. 104.

³ В XIX в. к числу таких афганских племен, из поколения в поколение занятых перевозкой товаров и торговлей (в Афганистане их собирательно называют повинда), принадлежали следующие: насыр, ниазаи, хароти, дутани, миан-хель, мулла-хель, бабури. Во второй половине прошлого столетия, к которой относятся эти данные, старинная караванная торговля повинда находилась в глубоком упадке, и ни одно из указанных племен не было целиком занято ею. Тем не менее, численность людей из этих племен, принимавших непосредственное участие в торговле с Индией, Бухарой и Персией, еще составляла внушительную цифру. Мак-Грегор исчисляет на 1871 г. общее число таких повинда в 4185 семей при 15 000 верблюдов (M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 625). Мак-Грегор принимает число повинда насыр в 2000 семей, число повинда ниазаев в 315 семей при 4500 верблюдов; повинда хароти — 875 семей при 3000 верблюдов; дутани — 250 семей при 3000 верблюдов; мадда-хеля — 750 семей при 4000 верблюдов. В «Хаят-и Афгани» не приводится полных данных о людях, но сообщается, что повинда владели 33 000 верблюдов, служивших в первую очередь для перевозки грузов. (M u x a m m a d X a y a t - x a n. Ук. соч., стр. 52, англ. перевод).

Мухаммад Хаят-хан указывает, что племя насыр совершает ежегодные рейсы с 16 000 верблюдов; хароти выступает в составе 1800 человек

Повинда XIX в., а в особенности конца его, конечно, отличались от повинда средневековья¹. Тем не менее в организации этих племен сохранился ряд традиционных черт, в значительной мере унаследованных от прошлого. Это, в частности, относится к порядку кочевания повинда.

Общее описание их передвижения следующим образом дает английский очевидец середины XIX в. «Уже в начале теплых месяцев повинда поднимаются из Индии на Газнийское плато и располагают свои небольшие черные шатры — кежди — в районе Муккура и Келат-и Гильзай. Здесь остаются женщины, дети и скот, под охраной нескольких воинов, в то время как остальные уходят вместе с караваном, тяжело нагруженным товарами, закупленными в Индии. Одни идут через Кандагар на Герат и дальше в Персию. Другие направляются в Бухару

при 6000 верблюдов; миан-хель насчитывает 1400 человек при 6000 верблюдов; дутани имеют около 4000 верблюдов и, наконец, ниазай выступают в составе 600 человек при 3000 верблюдов.

В газеттире округа Дера-Исмаил-хан, где даются более подробные сведения о численности повинда, число профессионалов-повинда, совершающих регулярные рейсы со своими караванами, определено в 4200—4400 человек. (Gazetteer of the Dera Ismail Khan District 1883—1884. Лахор, 1884, стр. 70).

Ко времени составления этого газеттира общее число людей в племенах, попрежнему являвшихся повинда, определялось следующим образом: хароти — 6000, насыр — 14000; ниазай — 1400, дутани — 1600, миан-хель — 3000 человек (там же, стр. 79—80).

¹ Некоторые племена, занимавшиеся в прошлом кочевым скотоводством и посреднической транзитной торговлей, к XIX в. полностью или почти полностью оставили торговлю. Так, в газеттире округа Дера-Исмаил-хан 1883—1884 гг. указывается, что «в прошлом племя гандапур также было повинда, но (гандапурцы) давно отказались от этого занятия» (Gazetteer of the Dera Ismail Khan District 1883—1884. Лахор, 1884, стр. 70). О другом племени, миан-хель, в этом газеттире говорится, что его члены связаны с земледелием, но «торгующие и землевладельческие миан-хель не составляют двух полностью различных групп. От времени до времени ведущий заминдар предпринимает поездку в Кабул или Бухару. Равным образом, многие из торгующих миан-хель обзавелись земельной собственностью в Дамане». «Миан-хель самые богатые из повинда, и большая часть этого племени продолжает заниматься посреднической торговлей между Индией и Хорасаном» (там же, стр. 71). Общая численность людей в племени миан-хель ко времени составления газеттира определялась в 4500 человек (которым принадлежало 4000—5000 верблюдов), но непосредственно с торговлей из них было связано только 3000 человек (там же, стр. 79). Многие из беднейших повинда фактически заняты на внутреннем транспорте Дераджата, подвозя кирпич и обслуживая строительные работы, а некоторые заняты скотоводством, давно отказавшись от торговли (там же, стр. 76). Богатые насыр попрежнему занимались торговлей, а бедные были заняты по перевозке топлива, соли и других грузов в Банну и Дамане. Такая же картина наблюдалась и в племени хароти, где бедняки превратились «в рабочих и лиц, занятых транспортировкой грузов», а богатые владели 5000 верблюдов и продолжали прибыльную торговлю с Афганистаном (там же, стр. 77—78).

через Кабул¹. Тем временем скот пасется в горах и долинах Газни, Келат-и-Гильзан и Зурмата. Свободные люди заняты перевозкой и продажей соли, закупленной ими на соляных копях Кохата². Вскоре караваны возвращаются обратно с товарами Запада, лагерь оставляют до будущего года, и все племя с женщинами и детьми, скотом и всем имуществом медленно двигается в октябре к Индии. Они пересекают Сулеймановы горы и осторожно продвигаются по знаменитому Гомальскому проходу, где воинственные племена вазиров уже поджидают их в надежде на верную добычу. Перед проходом через Гомал повинда объединяются в один общий отряд под командой выборных вождей, специально поставленных наблюдать за безопасностью и организовать оборону.

Иногда дело обходится без кровопролития, одной уплатой пошлины. Зимой повинда располагаются в долине Инда, около Дамана»³.

Каждое из племен повинда издавна имело в равнинной полосе левобережья Инда (Даман и Дераджат) свои постоянные зимние становища, так называемые «кирри». Они оставались неизменными из года в год и, как мы видели выше на примере становища гандапурцев в Кулачи, некоторые из таких кирри со временем вырастали в города.

---

¹ В 30-х годах XIX в., описывая торговлю Кабула, Мохан Лаль сообщал, что «караваны лохани, состоящие из 500—700 верблюдов, снабжают его (Кабул) раз в год английскими и индийскими товарами» (M o h a n L a l. Travels in the Panjab, Afghanistan and Turkistan to Kalk, Bokhara and Herat, and a visit to Great Britain and Germany. Лондон, 1846, стр. 76—77). Повинда равным образом доставляли английскую мануфактуру в Кандагар и Хорасан (там же, стр. 412). Н. В. Ханьков в своем «Описании Бухарского ханства» (СПб., 1843, стр. 175) на основе лично собранных на месте данных, сообщает, что ежегодно из Индии через Кабул в Среднюю Азию прибывало от 3000 до 3500 груженых верблюдов. В числе товаров этого импорта Н. В. Ханьков называет английскую мануфактуру. В обратный рейс повинда везли русские и среднеазиатские изделия... Некоторые из лоханийских купцов и их кабульских компаньонов добирались с индийскими товарами на Макарьевскую ярмарку и даже глубже в Россию, до самой Москвы. Мохан Лаль встречал таких в бытность в Бухаре в 1831 г. — лоханийца Сарвар-хана и кабульского купца муллу Рахим-шаха. Последний продал в Москве за 34000 рупий партию кашмирских шалей, закупленных им в Индии за 17000 рупий (M o h a n L a l. Ук. соч., стр. 99 и 142).

Во второй половине XIX в. главной статьей индийского вывоза, осуществлявшегося посредством караванной торговли повинда, стала английская мануфактура. (M a s G e g o g. Ук. соч., стр. 697).

² Торговлей солью, добываемой в Кохате, повинда занимались с давних пор. Имеются свидетельства источников о добыче кохатской соли и продаже ее в окрестные и отдаленные от копей области в XVI—XVII вв.

³ H. W. Bellew. An Inquiry into the ethnography of Afghanistan, prepared for and presented to the Ninth International Congress of Orientalists (London, September, 1891) by H. W. Bellew. Лондон, 1891, стр. 127.

Афганец Дамана*

* Это и последующие изображения афганцев и представителей других народ Афганистана относятся к началу XIX в. и приводятся в фотокопиях с рисунков из книги Эльфинстона.

M. Elphinstone. An account of the Kingdom of Caubul, and its Dependencies in Persia, Tartary and India; comprising a view of the Afghaun nation and a history of the Dooraunee monarchy, Лондон, 1815.

Чтобы обезопасить свои караваны и кочевья от нападений, повинда обычно отдавались под покровительство более сильных афганских племен — дурраниев или гильзаев, становились их вассалами — хамсая. Особую важность для кочевников-торговцев имело такое покровительство для охраны летних кочевий повинда, так как на летовках женщины, дети и скот оставались без достаточной защиты, поскольку большинство мужчин-воинов в летнее время сопровождало торговые караваны в Среднюю Азию и Персию¹.

Караваны повинда повсюду подстерегали опасности, им грозили нападения других афганских племен, занимавших территории, по которым проходили пути кочевой торговли. Нередко местные государи накладывали руку на добро повинда и, не ограничиваясь высокой пошлиной, попросту грабили их караваны. Так, в частности, поступил Бабур. Нуждаясь в деньгах, он ограбил два крупных каравана повинда². Занятие караванной торговлей требовало незаурядного мужества и выносливости, и редкий повинда не имел многочисленных шрамов, полученных во время боевых схваток на длинном пути из Индии в Бухару или Мешхед³.

Посредническая караванная торговля являлась весьма прибыльным делом. Она приводила торговцев-кочевников в самое тесное соприкосновение с городом, с миром роскоши, наживы и развитых денежных отношений, ставила их в зависимость от индийского торгово-ростовщического капитала. Неудивительно, что среди племен, занимавшихся караванной торговлей, разложение первобытно-общинного строя проявлялось особенно отчетливо. Возникновение имущественного и социального неравенства среди племен повинда — дело сравнительно отдаленного прошлого. Это неравенство, в частности, прослеживается на организации кочевания племени насыр, одного из крупнейших племен повинда⁴.

---

¹ Так, например, в первой половине XIX в. племя повинда насыр считалось хамсая гильзаев (подразделения туран) и уплачивало их вождю за защиту и пользование пастбищами 3000 рупий ежегодно. (M a s G g e g o r. Ук. соч., стр. 610).

² См. З а х и р и д д и н Б а б у р. Бабур-нома. Через триста лет после Бабура, в начале XIX в. этим же неоднократно занимался санджайский шах Шуджа (См. «Сирадж ат-Таварих», стр. 65; M. E l r h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 585).

³ По свидетельству очевидца, ему «едва ли приходилось встречать повинда, который не имел бы одной или двух ран на теле, выбитого глаза, сломанного носа, изуродованной руки или хромой ноги...» (M a s G g e g o r. Ук. соч., стр. 625).

⁴ К 80-м годам XIX в. главным занятием племени насыр оставалось скотоводство и торговля. Всего насыр насчитывалось тогда 20 000 человек с женщинами и детьми. Членам этого племени принадлежало 33 000 верблюдов и 130 000 овец. Общая численность людей той части племени

По записи Мак-Грегора установление описанного ниже порядка движения этого племени произошло, согласно преданиям самих насыров, семь поколений тому назад¹. Поскольку запись Мак-Грегора была сделана в годы первой англо-афганской войны 1838—1842 гг., можно отнести это событие к концу XVII в.

Порядок движения племени насыр был следующим. Первыми выступали люди, гнавшие стада верблюдов и овец, но не имевшие своих товаров в караване, в середине помещались члены племени, «имеющие больше товаров», т. е. богатые купцы повинда, а шествие замыкали повинда, «обладающие небольшими средствами», т. е. малоимущие насыры, которые, даже соединяясь группами по несколько человек, едва могли купить товаров на один верблюжий вьюк². Таким образом, в середину улуса, наименее подверженную опасности нападения, ставили верблюдов с грузами богачей³.

Наш общий вывод из изложенного материала о повинда: самый факт выделения торговцев-кочевников — повинда из числа остальных афганских племен свидетельствует о том, что афганцы, а в особенности те из них, которые располагались по соседству с главными путями караванной торговли (Индия—Персия—Средняя Азия), в XV—XVII вв. уже довольно широко были вовлечены в обмен.

Рост обмена и торговли, выделение особой категории повинда как торговцев-кочевников нельзя не рассматривать

насыр, которая продолжала быть непосредственно связанной с караванной торговлей, определялась только в 14 000 человек, остальные 6000 человек, бедняки, занимались развозом топлива, соли и других местных грузов в округах, прилегающих к местам постоянных стоянок «кирри» насыров (*Gazetteer of the Dera Ismail Khan district, 1883—1884, Лахор, 1884, стр. 77, 78—80*).

¹ Там же. Мак-Грегор отмечает, что среди повинда насыр на 2000 мужчин-воинов (видимо, членов племени) приходилось 3000 работников (*labogers*), видимо, зависимых чужаков — хамсая.

² Массон лично проделал в 1827 г. путешествие из Кандагара в Шикарпур с караваном повинда. По его описанию, большая часть груза принадлежала богатейшему Халим-задá. Меньшая часть груза принадлежала беднякам-повинда, грузившим по несколько человек в складчину одного-двух верблюдов. (*Ch. Masson. Narrative of various journeys in Belochistan, Afghanistan and the Panjab incl. a residence in those countries from 1826 to 1838... Лондон, 1842, стр. 315—319*).

³ Эльфинстон в самом начале XIX в. отмечал, что среди повинда племени бабури некоторые купцы обладали состоянием до 30 000 ф. ст. (около 1 млн. индийских рупий) (*M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 377*). Хан бабури Нур-Мухаммад был одним из богатейших афганцев конца XVIII в., выдал свою дочь за Тимур-шаха (1773—1793), получив от него титул Аминуль-Мулька и одну из высших государственных должностей. («Сирадж ат-Таварих», т. I, Кабул, 1913, стр. 60).

как один из показателей разложения первобытно-общинного строя у афганцев¹.

Но не только повинда, но и другие афганские племена принимали участие в обмене и торговле. Между кочевой степью, с одной стороны, земледельческим оазисом и средневековым городом, с другой, относительно рано начинает складываться разделение труда. Превосходное оружие (мечи, а также длинные обоюдоострые ножи, заменявшие у многих афганских воинов меч) выделывали вазирьы, и оно славилось далеко за пределами их страны. Кроме того, в кочевом хозяйстве занимались выделкой кожи, одеял, ковров и тканей из овечьей и верблюжьей шерсти. Ткани из верблюжьей шерсти, так называемые кург и барак, отличались большой прочностью, были непроницаемы для дождя, хорошо защищали от холода. Из овчины кочевники изготовляли так называемые «постин» — длиннополые афганские тулупы, однако их кожа была плохо выдублена — она съеживалась и коробилась под влиянием влаги. Кроме того, из овечьей и верблюжьей шерсти изготовлялись мешки, переметные сумы, чулки, перчатки, попоны, «камбал» (шерстяные половики с поперечным рисунком, известные в Средней Азии под названием афганских одеял).

Нет никаких сомнений, что часть этих изделий, а также скот уже в средние века выменивались кочевниками в городе на нужные им продукты (продовольствие, в первую очередь зерно, затем хлопчатобумажные ткани ручной выделки и т. д.)².

¹ Деятельность повинда сыграла свою роль в некотором экономическом и культурном сближении разрозненных афганских племен, на что в свое время правильно обратил внимание Дармстетер. В то же время этот автор совершенно произвольно придал решающее и исключительное значение афганским племенам пограничной полосы Индии, совершенно игнорируя вклад афганского населения северо-западных склонов Сулейманова хребта в развитие народного устного поэтического творчества. В этой связи Дармстетер писал следующее о повинда: «единство (песенного. — И. Р.) репертуара афганского народа установилось при посредстве 40 000 повинда, которые дважды в год пересекают со своими караванами Сулеймановы горы, привозя с собой продукты Средней Азии и вывозя, наряду с индийскими товарами, произведения афганской музыки в Индии» (J. Darmesteter. Ук. соч., стр. ССV).

² Характерно, что у отсталых в социально-экономическом отношении восточногильзайских племен Каттаваза еще в 40-х годах XIX в., как отмечал Мак-Грегор, «деньги не имели определенной стоимости от Каттаваза до Дераджата. Способом обмена служила меновая торговля или же стоимость всего выражалась в гязах (мера длины) карбас (грубая хлопчатобумажная ткань) при сделках на небольшие суммы, а при сделках на крупные суммы — в определенном количестве верблюдов или овец». (Mac Gregor. Ук. соч., стр. 528.) О том, что люди афганских племен зачастую не берут денег, но охотно снабдят путешественников продовольствием и фуражом в обмен на хлопчатобумажную ткань местной выработки, так называемый «карбас», рассказывает ряд очевидцев, побывавших в Афганистане в середине XIX в.

Кроме того, кочевники снабжали земледельческий оазис и такими продуктами животноводства, как мясо (парное и вяленое), высушенный на солнце творог (крут, курт), овечий сыр. Интересные данные о торговле афганских племен с Кандагаром приводит английский путешественник начала XVII в. Ричард Стил. Стил писал: «Однако в настоящее время, отчасти благодаря страху перед Моголами, отчасти же благодаря сладкому воздействию торговли (по правде, дело идет о зерне, овцах и козах, каковых у них великое множество, и покупке грубых льняных тканей и других необходимых вещей), они (афганцы. — *И. Р.*) стали более цивилизованными»¹ (Стил, видимо, ошибочно принял хлопчатобумажные ткани за льняные). Особенно важно подчеркнуть указание Стила, что афганцы (здесь, очевидно, идет речь об абдалиях и западных гильзаях, ближайших соседях Кандагара) наряду со скотом сбывали зерно на городской рынок, что является ярким показателем того, что эти афганские племена в начале XVII в. (а вероятно и раньше) занимались земледелием.

* * *

Длительное сосуществование и взаимодействие двух типов производственных отношений (феодального и первобытно-общинного строя), двух отраслей хозяйства (кочевого скотоводства и оседлого земледелия) отразилось на отношениях между двумя народами — таджиками и афганцами. Один из этих народов — таджики были в подавляющем большинстве оседлыми, у них давно сложился феодальный строй, родовые и племенные связи почти целиком уступили у них место связям территориальным. Они обладали развитыми ремеслами, были искусными и трудолюбивыми земледельцами, подлинными мастерами в деле сооружений различных ирригационных систем, прежде всего, подземных водосборных галерей — так

Так, в 1845 г. на пути между Гератом и Кандагаром Феррье ничего не мог купить за деньги. «Что бы афганцы вам ни продавали, они настаивали на оплате шарфами, тюрбанами, шальварами или куском хлопчатобумажной ткани, называемой карбас». (J. Ferrier. Caravan journeys and wanderings in Persia, Turkestan and Beloochistan. Translated from the original unpublished French manuscript. Лондон, 1857, стр. 274).

Подобного же рода сообщение очевидца, относящееся к гильзаям, приводит Бродфут, побывавший в Афганистане несколько раньше (в 1839 г.). См. Reports on parts of the Ghilzi country and on some of the tribes in the neighbourhood of Ghazni and on the route from Ghazni to Dera Ismail Khan by the Ghwalaria Pass by lieut. James Sutherland Broadfoot, Bengal Engineers, 1839, «Royal Geographical Society», т. I, ч. III, «Supplementary Papers», Лондон, 1885, стр. 389.

¹ R. Steel. Ук. соч., стр. 272. Через Кандагар Стил проехал в 1615 г.

называемых кяризов. Известный советский этнограф М. С. Андреев следующим образом характеризовал таджика: «Типичнейший и усердный земледелец с незапамятных времен, носитель высокой старой земледельческой культуры, он и до сих пор на фоне прочих народов Средней Азии выдается ее утонченностью в местных условиях, а созданные им ирригационные системы, среди которых нельзя не упомянуть о замечательных каризных сооружениях, удивляют видевших одинаково и в Афганистане, и Персии, и в Восточном Туркестане»¹. В другом месте М. С. Андреев писал: «В городах он (таджик) настолько же прекрасный ремесленник, поскольку — в поле земледелец»². Андреев отмечал также, что «торговля, в соответствующих местностях Афганистана и Туркестана, тоже оказывается совершенно подходящей для него сферой в тех случаях, когда он решает ею заниматься, и отрасли мелкой торговли в особенности процветают в руках таджиков»³.

Таджикский народ создал замечательную средневековую культуру, давшую выдающихся представителей в области науки, литературы и общественной мысли.

В плане поставленной себе ограниченной задачи нас, прежде всего, интересует та часть таджикского народа, которая издавна располагалась за Гиндукушем, к югу от него, ибо именно эта часть таджиков рано оказалась в соседстве и вошла в соприкосновение с афганскими племенами. Как известно, большинство таджикского населения современного Афганистана живет не к югу, а к северу от Гиндукушского хребта (левобережье Аму-Дарьи и верховья Пянджа). Между тем было время, и притом не так давно, когда таджики составляли основную массу земледельческого и городского населения в южном Афганистане⁴.

---

¹ М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Ташкент, 1925, стр. 152—163; см. также Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I. М., 1952, стр. 29.

² М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Ташкент, 1925, стр. 165—166.

³ Там же.

⁴ Даже в первой половине XIX в. некоторые афганские племена, уже перешедшие к оседлому быту, еще не подняли культуру земледелия на тот уровень, на котором она находилась у исконных насельников страны — древнего земледельческого народа таджиков. Так, например, гильзай в середине XIX столетия уже знали полеводство, разводили бахчи, но не имели фруктовых садов и виноградников, каковые во множестве находились в расположенных чересполосно таджикских деревнях. «В отличие от таджиков они (гильзай. — И. Р.) разводят бахчи, но не фруктовые сады», — отмечал посетивший в 1839 г. страну гильзаев английский офицер Бродфут (см. J. S. Broadfoot. Ук. соч., стр. 360). На то же обстоятельство указывает и другой английский наблюдатель (см. Mac Ghegog. Ук. соч., стр. 280).

Приходится с сожалением отметить, что судьбы загиндукушских таджиков не привлекали к себе глубокого внимания ни дореволюционных русских востоковедов, ни советских исследователей. Между тем, речь идет о значительной части таджикского народа, о выяснении забытой и малоизвестной страницы его истории.

Но значение вопроса не ограничивается этим. Сама история Афганистана и афганцев не может быть правильно понята и оценена без раскрытия большого вклада, сделанного таджикским народом в дело экономического и культурного развития страны.

В своих путевых заметках 1845—1846 гг. французский путешественник Феррье невольно высказал истину, которая замалчивается современными афганскими националистическими историками и буржуазными учеными в Западной Европе и в США. Феррье писал: «Это их (таджиков. — *И. Р.*) трудолюбием и деятельностью страна (Афганистан. — *И. Р.*) обязана всем, чем она обладает, но они получают лишь небольшую выгоду за свои старания и только некоторые из них изредка достигают положения, в котором они находились бы в меньшей степени подчинения у своих тиранов — афганцев»¹.

В рассуждения Феррье нужно внести поправку — угнетателями таджиков были, конечно, не все афганцы, а лишь их эксплуататорская верхушка, союзниками которой выступали таджикские феодалы, также жестоко эксплуатировавшие «свой» народ. Но основное он увидел и оценил правильно.

Прежде всего необходимо отметить, что даже в конце XVIII и начале XIX в., когда значительная часть таджикских земель уже была захвачена афганскими феодалами, многочисленные данные подтверждают факт широкого распространения таджиков по ту сторону Гиндукуша.

Беллью, английский автор XIX в., констатировал, что «таджики распространены по всему равнинному пространству Афганистана — от Герата до Хайбера и от Кандагара до Оксуса (Аму-Дарья. — *И. Р.*)»². Но этот автор впадает в ошибку — ибо таджики сохранились не только на равнинах, но занимают также и ряд горных районов страны.

Мак-Грегор писал, что таджики «составляют основную часть населения около Кабула, Кандагара, Герата... помимо земледелия они заняты в тех производствах и ремеслах, которые отвергнуты афганцами», и дальше: «Таджики, обитающие на землях афганских племен, или живут в качестве хамсая этих

---

¹ Ferrig. Ук. соч., стр. 280.

² H. W. Bellew. The races of Afghanistan. Калькутта, 1883, стр. 110.

племен, или отдельными деревнями. Они платят налоги в повышенном размере по сравнению с афганцами»¹.

О таджиках Кабула и Джелалабада наиболее полные данные приводит Раверти, поскольку он использовал интересные подлинные записи разведчика-индийца, посланного в 80-х годах XVIII в. в Афганистан генерал-губернатором владений английской Ост-Индской компании Хестингсом (1774—1785). Раверти, к сожалению, не опубликовал подлинника и не всегда ссылается на него, но приводимые им оттуда отдельные выдержки дают богатый и поучительный материал². Английский информатор бесхитростно описывает Нанграхар (в Джелалабадском оазисе) как одну «из шести областей, или земель, населенных таджиками к северу от Сефид-Куха или Спин-Гхарского горного хребта». Он отмечает, что в девяти долинах Нанграхара живет до 15 тыс. таджикских семей, они занимаются поливным земледелием. О населении этих девяти долин он писал так: «Они населены таджиками и немногими афганцами»³.

В цитированной книге английского ориенталиста XIX в. Раверти «Заметки об Афганистане и части Белуджистана», представляющей собой в основном обширный свод отрывков из разнообразных восточных письменных источников, приводятся и многие другие сведения о таджикском населении Афганистана, извлеченные из сочинений различных таджикских и (что особо следует отметить) афганских авторов. Эти сведения говорят, в частности, о том, что Кабул в течение многих столетий во времена средневековья, а затем и в новое время был и считался таджикским городом. В «Сайр-аль-Биляд» об этом городе говорится следующее: «Кабул состоит из двух городов, основанных Кабул-шахом падишахом, один из которых называется Кабул-ихурд, т. е. Малый Кабул, а другой просто Кабул. Первый сейчас является маленькой деревенькой и расположен на хребте гор около восьми курохов⁴ к юго-востоку от Кабула. Последний был одним из самых величественных городов в старые времена и древней столицей таджикского народа. Длина его один курох, а ширина половина куроха. Дома построены, главным образом, из сырцового кирпича, но есть немного и построенных из жженого кирпича и камня»⁵.

¹ M a s G r e g o r. «Central Asia», ч. II, стр. 707.

² Однако к сведениям Раверти следует относиться критически, так как он в некоторых случаях явно путал, относя к таджикам все неафганские племена и народности Афганистана, отличные от персов-шиитов по религии (суннитов).

³ Н. Г. Р а в е р т у. Ук. соч., стр. 49 (курсив мой. — И. Р).

⁴ Курох — около 3 км.

⁵ Н. Г. Р а в е р т у. Ук. соч., стр. 65.

В другом отрывке, приведенном Раверти из средневекового афганского сочинения «Насаб-нама-и Афагина», сообщается о таджикском составе населения Кабула в XVIII в., вплоть до перенесения в этот город из Кандагара столицы Афганистана Тимур-шахом садозаем: «с тех пор, как дуррани сделали Кабул своей столицей, что произошло, когда Тимур-шах наследовал своему отцу¹, дурранийские вожди со своей челядью, а также и кызылбаши поселились там и построили себе жилища. Раньше Кабул был местом жительства говорящих на фарси таджиков»².

Далее Раверти добавляет от себя, что и в его время большинство населения Кабула — таджикское, и жители этого города именуются «кабули́», а затем приводит границы таджикского населения в районе Кабула, к северо-западу от города³.

Все это полностью подтверждается для конца XV—начала XVI в. свидетельством Бабура, который указывал, что население города (Кабула) и некоторых (окрестных) деревень — таджикское⁴.

Что же касается языка, на котором говорили и говорят жители Кабула и его округа (кабули́-фарси), то индийский наблюдатель XVIII в. в данном случае сумел подметить его характерные особенности, отнюдь не впадая в ошибку смешения таджикского и персидского языков, которой впоследствии грешили люди с несравненно более основательной филологической подготовкой. — «Язык, на котором главным образом говорят в Кабуле и ближайших районах, есть персидский, который, однако, отличается от языка современной Персии. Это язык старинного таджикского населения»⁵. Относительно национального состава населения Кабульского округа тот же индеец сообщал: «Территория, зависящая от столицы страны Кабула, представляет долину больших размеров, простираясь от города на 50 курохов в направлении на север и северо-запад, вплоть до гор Гиндукуша, в которых находится коталь или перевал Гиндукуш; и на юг, в направлении Кандагара — почти что на 200 курохов. Это пространство целиком заселено таджиками»⁶.

Сплошное таджикское население занимает вплоть до нашего времени узкие долины Горбенда, Пянджшира и Ниджроу⁷.

---

¹ Ахмад-шаху, который умер в 1773 г.

² Н. Г. Раверту. Ук. соч., стр. 65.

³ Там же.

⁴ Захриддин Бабур. Бабур-нома. Персидский перевод, стр. 83.

⁵ Н. Г. Раверту. Ук. соч., стр. 68.

⁶ Там же, стр. 66.

⁷ Таджикки Кухистана издавна славились как лучшая пехота в Афганистане. Эльфинстон в 1809 г. насчитывал до 40 тыс. таджикских семей

К концу XVIII—началу XIX в. таджики составляли значительную часть оседлого населения Кабула, Желалабада (Нанграхара), Кухистана. Кроме того, отдельные поселения и группы таджиков отмечались в долине Кунара и в Хосте и в других местах. Что же касается Газнийского нагорья, Кандагарской области и Герата с его округой, то в этих частях Афганистана таджики были в прошлом еще более многочисленны, чем в более восточно расположенных областях этой страны. До сих пор таджики составляют большинство населения как в самом Герате, так и в прилегающем оазисе, орошаемом девятью каналами, отведенными из реки Гери-Руда. О районе, расположенном южнее Сабзевара, Мохан Лаль сообщал, что эта «страна населена таджиками и парсизабанами»¹. О наличии сильного таджикского элемента в области Гура уже приходилось говорить выше. Даже на крайнем юго-западе Афганистана, в районе Лаш Джуве'ин, примыкающем к болотистой низине Хамун и персидскому Сеистану, среди преобладающего здесь афганского населения еще недавно отмечались таджики². Что же касается Кандагарского оазиса, то до половины XVIII в. большинство его оседлого населения составляли таджики. Это известно по налоговым спискам того времени, которыми воспользовался впоследствии Роулинсон для составления своего отчета о дурраниях. Они все еще сохраняют на западе Афганистана некоторую часть земли, единственными собственниками которой они когда-то были. Однако большинство их уже к началу XIX в. «потеряло свою собственность и живут в качестве слуг или арендаторов в хозяйстве своих афганских владык»³. Таковым же было в первой половине XIX в. положение многочисленного таджикского населения в стране гильзаев на Газнийском нагорье⁴. Здесь чересполосно с гильзайскими деревнями расположились деревни таджиков, но земля, которую обрабатывали трудолюбивые таджикские крестьяне, принадлежала не им, а феодалам, в основном афганским феодалам.

Значительную часть населения таких городов, как Кандагар и Газни, в прошлом также составляли таджики. Как

в Кухистане. В его описании они «почти полностью независимы от короля и далеко не полностью подчинены своим собственным вождям. По свойствам личного характера они смелы, склонны к насилию и непокорны. Таджики — прекрасная пехота, особенно в горах; но их мужество обычно растрачивается даром во внутренних раздорах» (M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 314).

¹ M o h a n L a l. Ук. соч., стр. 283; «парсизабан» — букв.: «говорящий на языке парси (фарси)», «персоязычный».

² М. С. А н д р е е в. Ук. соч., стр. 153.

³ M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 311.

⁴ M a s G r e g o r. Central Asia, ч. II, стр. 238; J. S. B r o a d f o o t. Ук. соч., стр. 367.

Таджик в летней кабульской одежде.

известно, старый Кандагар, в котором таджикский элемент, вероятно, преобладал, был дотла разорен персидским завоевателем Надир-шахом. В 1748 г. Ахмад-шах дуррани (1747—1773) построил новый Кандагар по соседству с развалинами старого, приняв ряд мер к заселению его афганцами, вплоть до того, что каждое из дурранийских (абдалийских) племен брало на себя обязательство построить отдельный квартал в будущей столице Дурранийской державы¹.

Кроме того, афганский шах заселял Кандагар насильственно выведенными из Индии и Ирана купцами и ремесленниками². Все эти мероприятия должны были повести к значительному уменьшению численности таджиков в Кандагаре. Все же они составляли около половины населения этого города в первой половине XIX в.³ В соседнем Газни во времена англо-афганской войны 1838—1842 гг. большинство горожан составляли таджики.

Можно со всей определенностью утверждать, что вплоть до середины XIX в. ремесла, торговля в западном Афганистане и частично в восточных областях страны (по юго-восточным скатам Сулейманова хребта) находились в основном в руках таджиков. Они же составляли преобладающую массу оседлого населения Гератского, Кандагарского, Кабульского и ряда более мелких оазисов. Не случайно Эльфинстон подметил, что «афганцы не держат лавок, не занимаются ремеслами и торговлей». Он же сообщал о национальном составе городского населения страны, указывая, что «большинство этой части населения не состоит из афганцев»⁴. Эльфинстону вторит Беллью, хотя он писал полустолетием позже (в 1857 г.): «...афганцы, как правило, никогда не будут заниматься розничной торговлей или работать по ремеслу»⁵. И в другом месте: «Для афганца в собственной стране открыты только два занятия — возделывание земли и служба солдата. Странно сказать, что на собственной родине афганец, разве что бедняк из бедняков, никогда не будет заниматься ремеслом или розничной торговлей и хотя среди афганцев и попадаются немногие купцы, однако они всегда нанимают перса или индуса

¹ См. «Сирадж ат-Таварих», стр. 25.

² О массовом переселении индийских ремесленников в Кандагар см. М. Г у б а р. Ахмад-шах, отец афганцев («Ахмад-шах Баба-и Афган»). Кабул, 1940, стр. 177—178.

³ М о х а н Л а л ь. Ук. соч., стр. 303. Мохан Лаль исчислял в 1833 г. таджикское население Кандагара в половину общего числа его жителей. Мак-Грегор (M a c G r e g o r. Ук. соч., стр. 404) считал, что таджикское население Кандагара занимает 1240 домов из общего числа 9310 домов в этом городе.

⁴ M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 254.

⁵ М о х а н Л а л ь. Ук. соч., стр. 303.

вести рутину дела за них»¹. Отсюда понятен вывод Эльфинстона: «Эти отрасли хозяйственной деятельности (ремесла и торговли. — *M. P.*) находятся в руках хиндки, народа индийского происхождения, который по этой части Афганистана рассеян так же, как таджики на западе страны»².

По определению В. В. Григорьева, «нынешние таджики суть остатки древнего народонаселения этой страны»³. Об этом свидетельствуют данные истории, материальной культуры, самый характер широкого расселения таджиков по Афганистану то большими компактными группами, то отдельными островками среди позднейших пришельцев; об этом же говорит оседлый быт таджика, его ремесленные и земледельческие навыки. О силе влияния таджиков на эти народности, в частности, говорит тот факт, что часть монгольских и тюркских завоевателей (XIII в.), осевших на центральном нагорье Гиндукуша и получивших название хезарейцев (от военно-территориального деления по тысячам — хазор по-таджикски значит тысяча), уже во времена Бабур (начало XVI в.) почти полностью забыли монгольский язык и говорили по-таджикски⁴.

Южные таджики утратили в результате падения державы Саманидов (IX—X вв.) (а в ее состав входил не только Герат, но Кандагар, Газни и Кабул), а затем державы Гуридов (XII—XIII вв.) свою государственность, но они продолжали в течение столетий бороться за свою независимость. Беда заключается в том, что история южных таджиков, населявших территорию нынешнего Афганистана, изучена мало⁵. Не зная истории этой части таджикского народа, мы, конечно, не располагаем достоверными сведениями о борьбе загиндукушских таджиков против тюркских, монгольских и афганских феодальных завоевателей. Но факты говорят сами за себя — лишь во второй половине XVIII—первой половине XIX в., после многовековой борьбы, афганским феодалам удалось окончательно овладеть землями таджикских крестьян Кабула, Кан-

---

¹ H. W. Bellew. The races of Afghanistan..., стр. 24. Наблюдение Беллью подтверждает Раверти: «Афганцы, как в Свате, так и в других частях Афганистана, подобно древним спартанцам, монополизировали два занятия: военное дело и земледелие» (H. G. Raverty. Ук. соч., стр. 209).

² M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 255.

³ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 279.

⁴ См. Захриддин Бабур. Бабур-нома. Персидский перевод, стр. 81.

⁵ В своей итоговой работе по таджикам выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд лишь бегло касается исторических судеб таджиков левобережья Аму-Дарьи, но ничего не говорит о таджиках за Гиндукушем. См. В. В. Бартольд. Таджики. Сб. «Гаджикистан». Ташкент, 1925.

дагара и Газни. Экспроприация этих земель, как мы покажем ниже, была завершена основателем Дурранийской державы Ахмад-шахом абдали (дуррани) и его ближайшими преемниками. Эксплуататорская верхушка таджиков оказалась в афганском феодальном государстве совсем в ином положении, чем трудящиеся таджики. Состав чиновников административного аппарата этого государства был в основном таджикским. Очень большую роль в торговле Кабула и других городов Афганистана играло крупное таджикское купечество, велико было значение таджикского духовенства. Что же касается девяти мелких таджикских владений Кухистана, то они потеряли свою фактическую самостоятельность только в 1812—1826 гг., когда Дост-Мухаммаду (с 1826 г. эмиру Кабула) удалось подчинить их, используя взаимную вражду местных таджикских ханов. И Мохан Лаль Кашмири в своей «Истории эмира Дост-Мухаммада», и афганские авторы подробно рассказывают о том мужественном сопротивлении народа (несмотря на раздоры феодалов), которое встретили завоеватели в таджикском Кухистане¹.

Мохан Лаль также говорит об участии таджикского населения Кабула в ряде народных восстаний, в частности в восстании 1812 г. Руководитель этого восстания Сеид-Ашраф, по сообщению этого автора, был сам таджиком² и действовал заодно со своими «мятежными друзьями из Кухистана»³. Файз-Мухаммад в своей работе «Сирадж ат-Таварих» («Светоч историй») подробно говорит о народном восстании 1802 года в Кабуле, основными участниками которого были таджики⁴.

Как сообщает очевидец Бернс, вторично посетивший Афганистан в 1836—1838 гг., свободолюбивые таджики Кухистана во многих случаях предпочитали покинуть родину и уйти на север, за Гиндукуш, лишь бы не подчиниться власти афганских феодальных завоевателей. Вот что писал Бернс, о таджиках Кухистана, как о воинах: «Таджики здешние считаются лучшим пехотным войском в целом Афганистане, и, сколько мне известно, вполне оправдывают такое мнение. Это здоровая и красивая народность, в одинаковой степени любящая войну и охоту. В случае нужды их выступало в поле тысяч до двенадцати человек, хорошо вооруженных кремневыми ружьями»⁵.

¹ М о х а н Л а л ь. Life of the Amir Dost Muhammed of Kabul. т. 1, Лондон, 1846.

² Там же, стр. 82.

³ Там же, стр. 8.

⁴ «Сирадж ат-Таварих» (текст на кабули), стр. 66.

⁵ A. B u r n e s. Cabool, being a personal narrative of a journey to, and residence in, that city in the years 1836, 1837 and 1838. Лондон, 1843, стр. 149—150.

В дальнейшем таджики плечом к плечу с афганцами отстаивали независимость страны против английских колониальных захватчиков. Во время первой англо-афганской войны 1838—1842 гг. именно таджики Кухистана первыми подняли восстание против английских оккупантов. Осенью 1840 г., опираясь на силы узбеков Кундуза и повстанцев-таджиков, тысячами стекавшихся на борьбу с англичанами, эмир Дост-Мухаммад разгромил в битве в Парванской долине (2 ноября 1840 г.) войска генерала Сэля. Англичане думали отступить до самого Кабула, но Дост-Мухаммад отказался от продолжения борьбы и сдался на милость оккупантов. Позже таджикское население Кабула героически участвовало совместно с афганцами в анти-английском восстании (ноябрь 1841 г.), которое окончилось гибелью английского гарнизона и полным изгнанием колониальных захватчиков из страны. Кабульское восстание было немедленно поддержано в Кухистане, где возмутились солдаты сформированного было англичанами кухистанского полка и перебили своих офицеров. Таджики Чарикара одновременно истребили расквартированный там сипайский полк английской Ост-Индской компании ¹.

Во время второй англо-афганской войны 1878—1880 гг. партизаны-таджики во главе со своим вождем Мир-Бача дрались бок о бок с воинами афганских племен против общего врага — чужеземных империалистов.

Сказанного достаточно, чтобы показать глубокую ошибочность представлений некоторых буржуазных авторов о южных таджиках, как о народе, готовом покорно сносить чужеземное иго ².

Распространяясь по северо-западным склонам Сулейманова хребта, афганцы с давних времен сталкивались прежде всего с таджиками, занимавшими древние земледельческие оазисы Кандагара и Кабула, а в борьбе за пастбища — с хезарейцами. Переходя к земледелию, афганцы многому научились у таджиков.

История длительного взаимодействия и связей между этими народами помогает понять многие явления и события из истории афганского народа и афганского государства. Распространяясь также в течение многих столетий по юго-

---

¹ В. В. Григорьев в своей работе о Кабулистане и Кафиристане дает сжатый, но обстоятельный очерк первой англо-афганской войны, откуда и приведены нами указанные факты (В. В. Григорьев. Кабулистан и Кафиристан, стр. 902, 903, 914).

² Такого ошибочного взгляда придерживался, в частности, и русский востоковед Н. В. Ханыков, писавший о свойственных будто бы таджикам Афганистана «покорности и смирении» (См. дополнения Н. В. Ханыкова к книге: К. Р и т т е р. Иран..., стр. 36).

восточным, обращенным к Индии, скатам того же Сулейманова хребта, афганцы сталкивались с индийским населением. Попадая в долину нижнего течения Кабул-Дарьи и ее притоков (Пянджкора, Сват), в долины р. Баранду, Курама, Точи, Гомала, афганцы в конечном счете выходили на правый берег Инда по среднему течению этой великой индийской реки, которая и доныне в основном остается восточным рубежом расселения афганского народа.

* * *

Естественно-географическая среда той горной страны между Сулеймановыми горами и средним течением Инда, куда, начиная с XI в., устремились переселявшиеся афганские племена, имела ряд особенностей по сравнению с территориями, расположенными к северу от Сулеймановых гор. Прежде всего, на правобережье Инда полностью отсутствовали широкие пространства степей и пустынь, а также значительные открытые нагорья (вроде Газнийского плато), служившие в южном Афганистане летними пастбищами для многочисленных стад кочевников. Естественные условия долины нижнего течения Кабул-Дарьи, от выхода этой реки из гор и до впадения ее в Инд, затруднили возможность сколько-нибудь широкого развития кочевого скотоводства¹. В узких долинах северных притоков Кабул-Дарьи (Пянджкора, Сват) и р. Баранду, как и в замыкавших их высоких и отчасти покрытых лесом горах, так же не было обширных пастбищ. За малым исключением во всем этом районе, который был впоследствии заселен афганцами (юсуфзаями), скотоводство могло развиваться только в связи с земледелием и почти совершенно потеряло свое прежнее значение основной отрасли хозяйства².

К югу от Кабул-Дарьи существовали более благоприятные условия для кочевого скотоводства. Горная страна Тирах, горы Сефид-Кух и Кух-и Сияхбанд, Вазиристан славятся своими превосходными альпийскими пастбищами (хотя и значительно менее обширными, чем пастбища в горах Гиндукуша и по северному скату Сулейманова хребта). Вместе с тем лежащие ниже предгорья и речные долины (Курама, Точи, Гомала, а также узкая равнинная полоса по берегу Инда — Даман),

---

¹ См. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 17.

² В. А. Ромодин. Ук. соч., стр. 214—215. Как отмечает этот автор, исключение составили неафганские племена сватского Кухистана и единственное юсуфзайское племя — чагарзай. На чрезвычайный недостаток пастбищ в районе, ограниченном с юга Кабул-Дарьей, с востока Индом, с запада Сулеймановым хребтом, в свое время обратил внимание Эльфинстон (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 325).

представляли удобные зимовки для стад, выпасавшихся летом в горах ¹.

В целом в этих областях между реками Кабул и Гомал имелся достаточный (хотя и несравненно более ограниченный, чем в южном Афганистане) фонд естественных пастбищ. Зато условия рельефа, климата и почвы были здесь, а тем более к северу от Кабул-Дарьи, более благоприятны для развития земледелия, как богарного, так в особенности проливного. Прежде всего необходимо отметить, что на южных скатах Сулейманова хребта, как правило, выпадает больше осадков, чем на его северных скатах. В нижнем течении Курама (марватская равнина), в Вазиристане, на юсуфзайской равнине (майра) к северу от Кабул-Дарьи, в долине Пянджкоры и Баранду количество атмосферных осадков вполне допускает ведение богарного земледелия ². Что же касается почвы, то в основных речных долинах (Кабул-Дарья и ее притоки, Курам и его притоки, равнина Дамана по правому берегу Инда) преобладают плодородные мягкие почвы аллювиального происхождения ³. Как правило, здесь не приходилось искусственно наращивать почву, как это в течение веков практиковалось в оазисах южного Афганистана. Более того, сама площадь земель, пригодных для земледелия, здесь значительно больше, чем в южном Афганистане ⁴. Наконец, естественные условия также

---

¹ Так, афридии и в настоящее время имеют свои три основные зимовки на пешаварской равнине (долина Каджури). Л. Р. Гордон. Национально-освободительная борьба афганцев Пакистана. Кандидатская диссертация. М., 1950, стр. 353; R. T. Ridgway. Ук соч., стр. 56; Вазиры спускаются со своими стадами на зиму в долину по среднему течению Курама и на равнину Банну (район между горами, собственно Банну и землями хаттаков) (См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 43 и 69; S. S. Thornburn. Bannu, or our Afghan Frontier, Лондон, 1876, стр. 23 и 43) и многочисленные афганские племена, главным образом лоханийцы, имеют свои зимовки на равнине Дамана.

² В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 167—168; Gazetteer of the Bannu District, стр. 64—65.

³ См. там же; Imperial Gazetteer of India. Лондон, 1886, т. VIII, стр. 369; Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 1—15; Gazetteer of the Peshawar District, стр. 8 и 18.

⁴ Показателем этого может служить то обстоятельство, что посевная площадь (без земли под паром) составляла в 1928—1929 гг. только по административным округам Северо-Западной пограничной провинции (Мардан, Пешавар, Кохат, Банну, Дера-Исмаил-хан, Хазара) немногим менее 1 млн. га (889 тыс. га) против 197 тыс. га посевной площади в южном Афганистане в 1924 г. Если в южном Афганистане обрабатываемые площади составили не более 2% ко всей площади, то в административных округах Северо-Западной пограничной провинции этот процент повышается до 62. Данные по Афганистану см. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букин и ч. Ук. соч. Данные по Северо-Западной пограничной провинции см. Л. Р. Гордон. Ук. соч., стр. 136 и 141. Л. Р. Гордон сумми-

были более благоприятны и для искусственного орошения почвы. На юсуфзайской равнине близость подпочвенных вод открывала широкие возможности колодезного орошения. Двуречье Свата и Кабул-Дарьи, долина Бара и вся полоса плодородных земель вдоль течения этой реки от выхода ее из гор до Наушеры, двуречье между реками Курама и Точи, равно как пойма верхнего Курама, — представляли по характеру почвы и рельефа весьма благоприятные условия для устройства мелких, не требующих значительной затраты человеческого труда, оросительных сооружений. Мы имеем в виду устройство небольших каналов для отвода воды из рек и горных источников, а равно сооружение насыпей, служащих для задержания воды в половодье и осаждение плодородных наносов на поле¹. В Дамане сооружение подобных насыпей (банд) является единственным способом орошения². Наконец, в пойме Инда и других рек высоко плодородными являются заливные земли, где талые воды естественно удобряют землю и для задержания речных наносов не требуется устройства насыпей и других сооружений.

На правобережье Инда афганцы сталкивались не с таджиками, а с различными индийскими народностями, племенами и сословно-кастовыми группировками (аваны, гуджары, джаты). Южнее, в Дамане (нынешний округ Дера-Исмаил-хан), афганцы вошли в соприкосновение со встречным потоком переселявшихся сюда белуджей.

Как известно, по долинам Кабул-Дарьи, Курама и Гомала идут основные пути в Индию, пролегающие через Хайберский, Пайвар-котальский и Гомальский горные проходы (сам Хайберский проход лежит несколько южнее русла Кабул-Дарьи). Это не только торговые пути, по которым с незапамятных времен совершалась караванная торговля Индии со Средней Азией и Персией, но также и те пути, по которым в Индостан неоднократно вторгались завоеватели. Уже в XI в. Махмуд Газнийский превратил долину нижнего течения Кабул-Дарьи (Пешаварская долина) в пустыню, сжег города, угнал жите-

---

рует здесь данные индийских переписей (стр. 174). По данным Большой Советской Энциклопедии, посевная площадь во всем Афганском королевстве составляет около 1100 га (БСЭ, т. 3, стр. 497, 2-е издание).

¹ В результате сооружения подобных насыпей на огражденных ими полях (банд) ускоряется образование слоя наносной почвы. Уровень таких огражденных полей постепенно поднимается. В XIX в. он был значительно выше окружающей местности (См. S. L. T u r r e g. Ук. соч., т. II, стр. 176—177).

² Для задержания речных наносов в пойме верхнего течения Курама прибегают к посадке ивы по краям поля. Низко подстриженные ивы образуют густую живую ограду, несколько замедляющую сток талых вод. (См. Imperial Gazetteer of India, т. VIII, стр. 369).

лей, разрушил оросительную сеть¹. Через два века после этого последовало нашествие монголов. Монголам не удалось сломить сопротивление Делийского султаната. Но они заняли правобережье Инда и западный Пенджаб, много раз вторгались вглубь Индии. В течение всего XIII в. и вплоть до середины XIV в. эти области стали ареной непрерывных войн между делийскими султанами и монголами². Султану Мухаммад Тоглаку (1325—1351) удалось откупиться от монголов, и в его царствование они не предпринимали новых набегов на Индию. После перерыва менее чем в полстолетие последовало вторжение Тимура (1398) в Индию, а с развалом его державы на территориях современного Афганистана и в Северной Индии наступил длительный период феодальной междоусобицы, продолжавшейся до конца XV — начала XVI в.

Приведем краткую историческую справку Раверти: «Постоянные набеги монголов на границы Делийского султаната (до вторжения монголов во главе с Чингис-ханом и поражения доблестного Джелаль-ад-дина, султана Хорезма, эти границы доходили на запад до реки Джелум, тогда как территория султана Хорезма простиралась до восточного берега этой реки) имели свои неизбежные следствия — двуречье Синд-Сагара, в особенности в верхней своей части, а равным образом другие двуречья (Пенджаба. — *И. Р.*) между Синд-Сагаром и Лахором, стали театром постоянной войны, что вызвало разорение, обезлюдение и запустение»³. В этих условиях афганские племена, постепенно распространявшиеся по юго-восточным склонам Сулейманова хребта в направлении долины Инда, не встретили, да и не могли встретить сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны местного индийского населения, или, вернее, со стороны жалких его остатков, которые к тому времени сохранялись в долине нижнего Кабула, долине Курама, долине Точи и Гомала, да и вообще на правобережье реки Инда⁴.

¹ См. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 52.

² Об этом подробно рассказывает J. W. Day в своей статье «The North-Western frontier of Delhi sultanate during the XII century», помещенной в «Indian Historical Quarterly», т. XVII, 1944. Индийское население правобережья Инда и западного Пенджаба подвергалось почти полному истреблению. Граница Делийского султаната отодвигалась далеко вглубь Пенджаба. Лахор и Мультиан стали пограничными провинциями этого государства.

³ H. G. R a v e r t y Ук. соч., стр. 222.

⁴ В историческом очерке, помещенном в газеттире округа Дера-Исмаил-хан, положение, создавшееся в Дамане ко времени появления там афганцев, рисуется следующим образом: «До XV столетия ниже расположенная часть округа, возможно, была занята несколькими рассеянными племенами джатов, для которых скотоводство служило источником существования. Долина Инда представляла густые джунгли, кишевшие кабанами и часто посещавшиеся тиграми, тогда как Тхал и Даман были почти не заселены» (Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 23).

Газеттир по Банну рисует подобную же картину и в отношении двуречья Курама-Точи до массового его заселения афганцами. «Появившимся здесь около 1450 г. баннучам пришлось преодолеть сопротивление двух небольших, несколько ранее обосновавшихся в этих местах афганских же племен мангаль и хани и подчинить себе немногочисленных местных джатов, по большей части кочевников¹. Автор «Хаят-и Афгани» пишет следующее об афганском племени хаттаков, которое в XIV в. заняло горную страну, разделяющую долины Кабула и Курама и ограниченную с востока Индом: «А так как те горы в то время были большей частью не населены, то они перешли в руки хаттаков без сопротивления»².

Более значительные группы коренного оседлого индийского населения сохранялись в районе по нижнему течению Кабул-Дарьи и северным притокам этой реки (аваны, гуджары и т. д.), но и здесь ожесточенная вооруженная борьба в основном происходила между различными афганскими племенами (далазаки, хахи, гориа-хель), стремившимися овладеть этой территорией, а не между афганскими пришельцами и древним индийским населением этих мест. Конечно, имела место и борьба с индийским населением, но она не была да и не могла быть сколько-нибудь длительной и упорной. Афганские племена сравнительно быстро и легко подавили сопротивление немногочисленных остатков местного индийского населения и захватили их земли³.

Рассматривая четыре основных района правобережья Инда, занятых афганцами в XIII—XVII вв. (Пешавар, Кохат, Банну, Даман), всюду можно видеть сходную картину ожесточенных взаимных столкновений и длительной кровавой борьбы между афганскими племенами и союзами племен за эти земли. В ходе этой борьбы происходило вытеснение некоторых племен с их новозавоеванных земель и даже истребление одних племен другими, обращение одних племен в зависимость от других, выталкивание более слабых племен дальше на восток, в Индию

---

¹ Gazetteer of the Bannu District, стр. 29. В этом же справочнике сообщается, что ко времени вторжения афганского племени ниазаев, примерно через 150 лет после баннучей, «равнина, теперь называемая Марватской, была почти не заселена, не считая редких становищ кочевых джатов» (там же). Горборн в своей монографии, посвященной Банну, несколько дополняет эти исторические сведения и утверждает, что до появления афганцев в Банну там были поселения народности поти, бесследно исчезнувшей с тех пор, и, кроме джатов, которых афганские завоеватели подчинили себе, были еще аваны (их афганцы вытеснили на левый, восточный берег реки Инда).

² М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 219.

³ А в некоторых случаях, как указывалось выше, они занимали и ненаселенные, пустовавшие земли.

(племена сур, лоди, пранги и т. д.), где они в конечном счете ассимилировались с индийским населением и исчезли. По образному выражению Торборна: «Каждое племя представляло определенную волну завоевателей и выталкивалось на восток под неудержимым давлением других афганских племен, так младшие подразделения, найдя, что родные места стали для них слишком тесны, подобно пчелам покинули, рой за роем, отцовский улей, чтобы найти себе новые места поселения в горах Вазиристана или на ровных долинах верхнего Дераджата»¹. Торборн, как буржуазный исследователь, совершенно игнорирует внутренние причины этого переселения афганских племен (разложение первобытно-общинного строя), но он правильно отметил, что афганцы действительно наводнили правобережье Инда последовательными волнами, следовавшими одна за другой, причем одно племя или целая группа племен, объединенных союзом между собой, представляли отдельные волны этого переселенческого потока.

Переходя к изложению кратких сведений о расселении афганских племен на землях правобережья Инда, начнем с севера.

Первыми из афганцев между XI и XIV вв. нашей эры долиной Пешавара, от Хайберских гор до реки Инда, овладели далазаки². В качестве военного союзника далазаки привлекали племя шильмани и после успешного окончания завоеваний предоставили ему в вознаграждение земли Хаштнагара³. Коренное индийское население было отчасти покорено и приведено в зависимость от афганцев, отчасти же оттеснено на левый, восточный берег Инда или же загнано в горные теснины на север и северо-запад.

Следующей волной афганских пришельцев, проникших в Пешаварскую долину с запада, была группа родственных друг другу афганских племен хахи. Племена хахи (юсуфзаи, тар-

---

¹ S. S. T h o r b u r n. *Bannu, or our Afghan Frontier*, Лондон, 1876, стр. 14.

² По мнению составителей газеттира Пешаварского округа, появление далазаков в долине Пешавара относится к XI в. (*Gazetteer of the Peshawar District 1883—1884*, Лахор, 1884, стр. 53). Раверти считает, что далазаки вторглись в долину Пешавара после нашествия Чингисхана, но до нашествия Тимура (Н. J. R a v e r t y. Ук. соч., стр. 224). По сообщению ахунда Дарвезы, «... далазаки из всех афганцев первыми пришли в эти места, некоторых (часть) местных жителей ослабили и обратили в (своих) подданных (райят), некоторых унизили, а к некоторым отнеслись по-дружески и по-братски» (А х у н д Д а р в е з а. *Тазкират аль-Абрар ва-ль-Ашрар*. Рукопись Ленинградского хранилища Института востоковедения АН СССР № С-1560-Р, л. 76-б; цитируется по указанной выше диссертации В. А. Ромодина, стр. 148).

³ Н. J. R a v e r t y. Ук. соч., стр. 224; земли Хаштнагара впоследствии вошли в тахсиль Чарсадда (восточная часть этого тахсиля).

кани, гагиани) в XV в. откочевали с верховьев Тарнака (приток реки Аргендаба) и Аргастана в район Кабула. Правитель Кабула тимурид Улугбек Мирзо, опасаясь усиления хахи и прежде всего крупнейшего из этих племен — юсуфзаев, в 1470 г. заманил к себе и приказал перебить несколько сот юсуфзайских вождей и старейшин. После этого юсуфзаи с родственными им (таркани, гагиани) и союзными племенами (утман-хель и мухаммадзаи) покинули район Кабула и двинулись на восток. Мухаммадзаи и гагиани временно обосновались в Нанграхаре, таркани заняли Лагман, а юсуфзаи и утман-хель проникли через Хайберский проход в долину по нижнему течению Кабул-Дарьи.

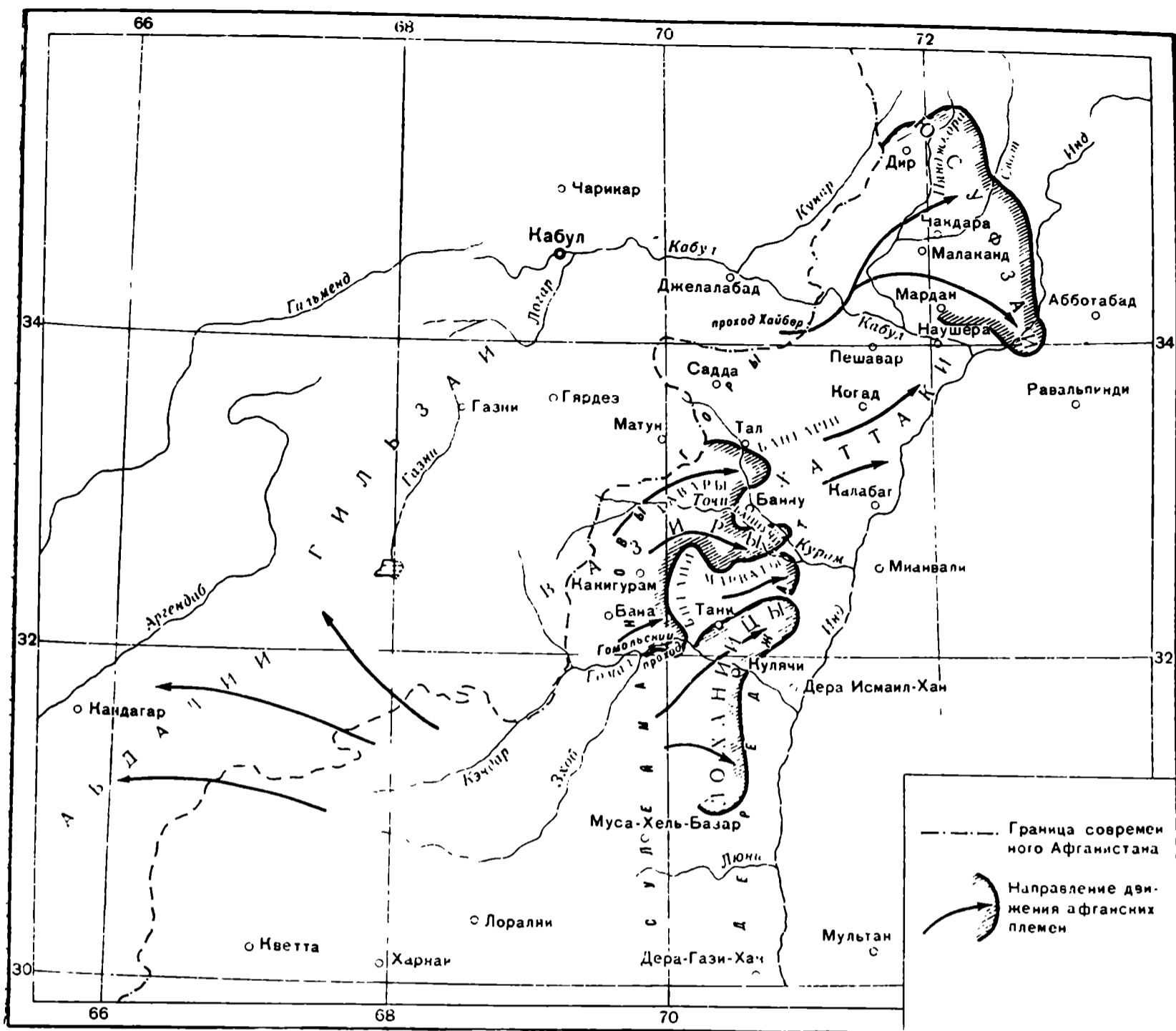
Через некоторое время начались военные столкновения между юсуфзаями и их союзниками, с одной стороны, и господствовавшими в долине нижнего течения Кабул-Дарьи далазаками, с другой стороны¹. В конце концов объединенные силы юсуфзаев и их союзников, выступавшие под руководством вождя юсуфзаев малика Ахмада, наголову разбили далазаков в битве при Катланге в 1533 г.² При разделе завоеванных у далазаков земель, произведенном юсуфзайским шейхом Мали, гагиани, кроме двуречья, получили часть Баджаура, мухаммадзаям достался Хаштнагар, юсуфзаи и утман-хель обосновались на равнине к северу от Кабул-Дарьи. Затем юсуфзаи овладели всей страной от водораздела Пянджкоры и Кунара на западе до Инда на востоке.

Тем временем в долину Пешавара все больше проникали новые афганские племена, образовавшие союз во главе с племенем халиль, в который входили моманды, даудзаи и другие. Они сначала овладели Нанграхаром, вытеснив оттуда племена хахи. Эта область стала владением момандов, частично оставшихся здесь и получивших в дальнейшем название бар-момандов или горных (букв.: «верхних») момандов в отличие от другой части этого племени, которая продолжала движение на

---

¹ Первоначально между юсуфзаями и далазаками установились мирные отношения, и пришельцы даже получили от далазаков разрешение занять, вероятно, на правах их вассалов (хамсая) земли двуречья между Сватом и Кабул-Дарьей. Но скоро между юсуфзаями и их союзниками, с одной стороны, и далазаками, с другой, началась настоящая война. Дело в том, что в начале XVI в. другая группа (или, вернее, союз) афганских племен (моманды, халиль, даудзаи и другие) надвинулась с запада на Нанграхар и стала вытеснять оттуда мухаммадзаев и гагиани. Те, будучи не в силах дать отпор новым пришельцам, в свою очередь устремились в Пешаварскую долину и совместно с юсуфзаями вступили в борьбу с далазаками.

² От этого удара далазаки никогда не оправились. Они сразу потеряли все земли к северу от Кабул-Дарьи, но на короткое время сохраняли свои владения к югу от этой реки.

Расселение некоторых афганских племен.

восток и осела в долине Пешавара, получив наименование куз или равнинных момандов. Группа племен гориа-хель (моманды, халиль, даудзай) и их союзники также разбили далазаков и овладели оставшимися еще у них землями, расположенными к югу от Кабул-Дарьи. Затем началось столкновение между союзом племен гориа-хель и союзом племен хахи. Борьба завершилась решающим сражением под Шейх-Тейпуром, когда «великий союз» хахи во главе с юсуфзайским вождем ханом Каджу выставил до 150 тыс. воинов¹ и одержал в 1550 г. полную победу. После этой победы таркани получили Баджаур, утман-хель — долину Свата до его слияния с Пянджкорой, гагиани — двуречье между Сватом и Кабул-Дарьей, а юсуфзай — горы на восток до Инда (включая нижний Сват, Чамлу и Бунер). Земли же к югу от Кабул-Дарьи так и остались за

¹ Точности этой цифры следует, конечно, доверять столь же мало, как и большинству других подобных сведений, сообщаемых средневековыми авторами Среднего и Ближнего Востока.

племенами гориа-хель: халиль, даудзаями и равнинными момандами¹. Что же касается далазаков, то они были почти полностью оттеснены за реку Инд, откуда большая часть их была переселена в Индию могольским падишахом Джахангиром в 1609 г.

Коренное индийское население земель, занятых афганскими племенами хахи и гориа-хель (джаты, аваны, гуджары, танаоли и другие), отчасти было обращено в зависимость завоевателями, отчасти же вытеснено ими на северо-запад (в сторону Кафиристана) и на восток — за Инд (Чач-Хазара).

Таким образом, уже в конце XVI—начале XVII в. определилось, в основных своих чертах, распределение земель Пешавара, Свата, Баджаура и Бунера между афганскими племенами, сохранившееся до последнего времени².

Так же как и долина нижнего течения Кабула, долина реки Курама и Кохат явились ареной ожесточенной борьбы между переселявшимися туда афганскими племенами. Первыми афганскими насельниками этих мест были племена мангаль, хани и хаттаки, появившиеся в конце XIII в. в долинах рек Курама и Гамбиллы (Точи). Однако они были вытеснены в XIV в. баннучами, занявшими район Банну, и оракзаями, овладевшими северным и северо-восточным Кохатом.

Потесненные баннучами хаттаки в XIV в. заняли горную страну, разделяющую долину нижнего течения Кабул-Дарьи от долины Курама³. Затем хаттаки, действуя в союзе с бангашами, вытеснили из долины Курама оракзаев и овладели цен-

---

¹ При составлении очерка расселения племен хахи и гориа-хельнами, кроме указанных в сносках источников и исследований, использованы «Бабур-нома» Захириддина Бабура, труды Б. А. Дорна и сочинение Н. W. В e l l e w. A general report on the Yusufzais, in six chapters, with a map. Лахор, 1864.

Более детальные, чем в составленном нами очерке, сведения по истории расселения юсуфзаев приведены в цитированной выше диссертации В. А. Ромодина, стр. 144—153.

² Впоследствии происходили лишь сравнительно незначительные изменения в распределении земель, занятых в XVI в. юсуфзаями и их союзниками. Так, хаттаки, еще в конце XVI в. получившие от могольских падишахов часть равнинных земель к югу от Кабул-Дарьи за службу по охране дороги от Аттокской переправы на Инде до Пешавара, воспользовались затем усобицами, разгоревшимися между юсуфзаями, и основали свои поселения и на равнине по левому, северному берегу реки Кабул. (Подробнее об этом см. ниже, в разделе гл. IV, посвященном хаттакам.)

³ Хаттаки снялись со своих насиженных мест за сто лет перед тем. Вот, что сообщает автор «Хаят-и Афгани» о предшествующей эмиграции этого племени: «Известно, что вначале племя хаттаков заселяло горы Шаваль. Эти горы представляют западную ветвь Сулеймановых гор и в настоящее время заселены племенем вазиров. Около шестисот лет тому назад (т. е. около 1250 г. — *И. Р.*) они вместе с мангаль и хани проникли в новые районы». М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 320.

тральным и восточным Кохатом (где остаются до настоящего времени). Таким образом, хаттаки оказались обладателями части земель правобережья Кабул-Дарьи (эта территория фланкирует важнейшую торговую и военную дорогу Атток — Пешавар — Кабул), центрального и восточного Кохата и, наконец, правого берега Инда от Хушальгара до Калабага. В это же время племя бангаш овладело долиной верхнего Курама. Тогда хаттаки объединились с бангашами и совместными усилиями победили оракзаев и снова загнали их в горы. Победители поделили между собой Кохат: бангашам досталась северная и северо-западная часть, хаттакам — южная и центральная. Хаттаки и доныне занимают эти земли, что же касается бангашей, то они их потеряли ¹.

Для характеристики расселения афганских племен в долине по нижнему течению рек Точи и Курама (район Банну), ограничимся здесь краткими сведениями, извлеченными из исторического раздела документа, составленного английским чиновником С. Торборном в 1879 г. (только отдельные части этого документа напечатаны в книге Таппера, полностью документ опубликован не был). Согласно данным этого документа, основанным на народных преданиях афганцев, около «500 лет тому назад» (т. е. во второй половине XIV в. — *И. Р.*) баннучи вытеснили из плодородной в XIX в., но в те времена заболоченной страны по обоим берегам Курама два небольших племени: мангаль и хани, а также поселенцев хаттаков ².

«Через лет полтораста после этого (т. е. в начале XVI в. — *И. Р.*) по равнине, ныне называемой Марватской, а тогда редко населенной кочевыми джатами, распространились со стороны Танка ниазаи.

Через сто лет после расселения ниазаев на Марватской равнине (т. е. в начале XVII в. — *И. Р.*) по их следам последовали марваты — младшая ветвь того же племени. Марваты прогнали ниазаев дальше на восток в местности, ныне известные как Исакхель и Мианвали. Ниазаи заняли Исакхель, изгнав оттуда аванов, которых они там нашли, и обратив в зависимость джатов, обитателей этих мест» ³.

Последними афганскими пришельцами в районе Банну были дарвеш-хель вазирь, появление которых в северной части

---

¹ В самом начале XVIII в. против бангашей восстали подчиненные им и зависимые от них вассальные племена тури и джаджи. Тури и джаджи победили бангашей, часть их перебили и изгнали, остальных же обратили в своих вассалов (хамсая). Тури и джаджи доныне занимают долину верхнего Курама.

² S. S. T h o r b u r n. Bannu settlement report, 1879, § 17, стр. 15. Цит. по книге С. L. T u r p e r. Panjab customary law. Калькутта. 1881, т. II, стр. 16.

³ Там же.

долины в качестве ее постоянных обитателей датируется концом XVIII в.¹

Переселение афганцев в центральный Дераджат на равнину Дамана по правому берегу Инда началось с XIII в., когда племена пранги, сур и сарвани (группы лоди) спустились с Сулеймановых гор и обосновались в Танке, Рори и к югу от реки Луни. Немногочисленное местное население (главным образом из числа джатов) было обращено в зависимость от пришельцев — афганцев. Несколько позже здесь появилось афганское племя ниазаи².

Как уже указывалось выше, во времена господства афганских династий в Индии (Лоди, а затем Сур) началось массовое переселение их соплеменников в Индию, что привело к значительному ослаблению господства пранги, сур и сарвани над Даманом. В XVI в. в Даман устремляется новая волна афганцев. То были племена лоханийской группы — (марваты, даулатхель, миан-хель, татор-хель), вытесненные из Каттаваза могущественным сулейман-хелем, подразделением гильзаев. Перейдя через Сулейманов хребет, лоханийские племена вторг-

---

¹ S. S. Thorburn. Bannu settlement report, стр. 15. Составитель цитированного документа сообщает, что «вазирам удалось отнять у хаттаков и баннучей обширные пространства пастбищных земель. Вазирь даже посягали на окраинные земли марватов, когда установление британского управления положило раз навсегда конец их вторжениям».

Л. Р. Гордон следующим образом рисует завоевания вазиров: «Первоначальной родиной вазиров была гора Бирмаль, на южном скате Сулейманова хребта. В конце XIV в. вазирь двинулись к востоку, заняли плато Шаваль (вытеснив отсюда хаттаков) и земли к северу от Точи. Постепенно они овладели горной областью в районе Шухлара и равнинами вплоть до реки Гомала, вытесняя бангашей, бхитани и отдельные группы дауров. Во второй половине XVIII в. баккахель (вазирь. — И. Р.) захватили пастбища долины Мири, ахмадзаи (вазирь. — И. Р.) завладели левым берегом реки Курама, вытесняя хаттаков и марватов. В XIX в. вазирь продолжали систематическое завоевание округа Банну, оттесняя баннучей, хаттаков и марватов, а в отдельных случаях оставляя землю в руках прежних владельцев на правах хамсая.

Вазирь-завоеватели столкнулись с английскими захватчиками, вышедшими в 1849 г. на афганскую границу, распространяя свою власть на племена оседлых районов. Англичане преградили вазирам путь к новым пастбищам, остановили их продвижение вперед и стремились отбросить их назад, что было одной из причин, обусловивших силу освободительной, антианглийской борьбы вазиров» (Л. Р. Гордон. Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии во второй половине XIX в. «Вопросы истории», 1950, № 3).

² Но афганцы не были единственными переселенцами, направлявшимися в этот край. С начала XV в. сюда проникали группы переселенцев — джатов из Мультана и Бахавальпура, а с юга наблюдался возраставший приток белуджей. В конечном счете индийский элемент возобладал здесь над афганским, но политическое господство и власть над землей неизменно принадлежали афганским племенам вплоть до английского завоевания в XIX в.

лись в Даман. Эти новые пришельцы без труда истребили или прогнали за Инд остатки племен пранги и сур, а ниазаев оттеснили на север, за реку Курам. Таким образом, в конце XVI в. Даманом прочно овладели лоханийские племена. Тогда же там обосновались бабури (подразделение ширани, отколовшееся от своего племени и присоединившееся к союзу лоханийских племен в их движении на восток).

В XVII в. между лоханийскими племенами разгорелась внутренняя борьба. Наиболее сильное из этих племен, даулатхель, призвало к себе на помощь афганские же племена гандапур и уштурана в качестве союзников и при их поддержке разгромили марватов и миан-хель. Марваты были отброшены на север, в Банну, где они овладели землями ниазаев, а последних, в свою очередь, оттеснили к Инду (район Исахель). Что же касается миан-хель, то они были отброшены на юг, за реку Луни. Там миан-хельцы овладели землями афганского племени сарвани, переселившегося сюда вместе с сур и пранги в XIII в., а остатки этого племени прогнали за Инд.

Победителям даулатхель пришлось поделиться завоеванными землями со своими союзниками. Племя гандапур получило северную часть Кулачи, у предгорий Сулейманова хребта, а уштурана заняли пустующие земли Дамана, примыкающие к горам (где уштурана сохраняли еще и в XIX в. свои пастбища), и отобрали часть территории, которую до того населяли бабури, потеснив это племя¹.

* * *

Как видно из изложенных выше кратких исторических сведений, процесс распространения афганских племен по северо-западным и юго-восточным скатам Сулеймановых гор растянулся на длительный срок и сопровождался ожесточенной военной борьбой как между различными афганскими племенами, так и между афганскими завоевателями и коренным населением этих мест. В ходе этой борьбы складывались союзы афганских племен. Они в ряде случаев существовали в течение длительного времени. Так, союз племен хахи, образовавшийся

---

¹ Как уже указывалось выше, афганцы в Дамане являются меньшинством, в 80-х годах XIX в. они составляли там около 10% населения. Но они сохраняли в Дамане свое положение господствующей группы. «В стране миан-хель и бабури люди афганских племен живут в городах Гадуван, Драбан и Мусазан; окружные же деревни целиком заняты райятами, белуджами и джатами. Деревни, принадлежащие уштурана, почти все заняты райятами, в то время как люди этого племени живут в горах. У гандапурцев афганское население живет более сосредоточенно; гандапурцы держат в силе города Кулачи, Тахвара, Рори, Мадди и Луни, но большинство небольших деревень в юго-западной части их владений заселено джатами» (Gazetteer of the Dera Ismail Khan district, стр. 28).

к 70-м годам XV в., а может быть и раньше, просуществовал, по крайней мере, восемьдесят лет, до битвы 1550 г. под Шейх-Тейпуром, когда хахи разгромили враждебный им союз племен гориа-хель. Этот последний также просуществовал около ста лет. Кроме этих союзов афганских племен, нам известно о существовании ряда других. В XIII в. имелся союз племен лоди, объединявший сур, сарвани пранги, ииазаев и некоторые другие племена; в XIV в. союз бангашей и хаттаков против оракзаев; союз лоханийских племен (марватов, даулат-хель, мианхель и других); в XVII в. союз племен даулат-хель, гандапур и уштурана против марватов и мианхель; в начале XVIII в. союз баизаи-юсуфзаев с хаттаками против ранизаи-юсуфзаев и, наконец, союз тури и джаджей против бангашей. Таким образом, начиная, насколько нам известно, с XIII—XIV вв., союзы племен уже не представляют случайного явления, а становятся как бы постоянно действующим институтом в афганском обществе.

Характерно, что в каждом из этих союзов, носящих прежде всего военный характер, выделяется племя, претендующее на верховенство, на гегемонию. Среди лоханийских племен в XVI—XVII вв. эту роль играли даулат-хель, среди хахи в XV—XVI вв. — юсуфзаи, среди гориа-хель (примерно в то же время) — племя халиль. Другой характерной чертой таких союзов было то, что они включали, как правило, также и племена, непосредственно не связанные между собой родственными узами. Обычно такие племена «чужаков» находились в составе союза в качестве вассалов или во всяком случае занимали более низкое положение по сравнению с полноправными членами союза, состоявшими из родственных племен¹.

Союзы афганских племен перерастали свою родственную основу, превращались в зачатки территориально-политических объединений, зачатки государственных образований.

Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечал, что длительные союзы

---

¹ Так, союз племен юсуфзаев, таркани и гагиани, принадлежавших к группе хахи, также включал «чужаков» мухаммадзаев и утман-хель. В союзе гориа-хель (халиль, моманды, даудзаи) подобное положение занимали шинвари и чамкани. Далазаки в свое время объединились в союз с шильмани. Даулат-хель образовали союз с «чужаками» гандапур и уштурана против своих ближайших родичей — марватов и мианхель. Более ранний союз лоханийских племен (даулат-хель, татор, мианхель, марваты) включал «чужаков» бабури, отколовшихся от своего племени ширани, чтобы вместе с лоханийцами двинуться на завоевание Дамана. Во время борьбы с юсуфзаями-ранизаи их сородичи баизаи не только заключили союз с «чужаками» хаттаками, но использовали также и силы индийского племени джадун, или гадун, не имеющего по своему происхождению ничего общего с афганцами.

племен — «первый шаг к образованию наций»¹. Он также указывал, что «... союз племен означает уже начало ее подрыва (родовой организации. — *И. Р.*), как мы это увидим и как это уже оказалось в попытках ирокезов поработать другие племена. Все, что было вне племени, было вне закона»².

В самом ходе переселения афганцев и завоевания ими новых земель часто происходила значительная перетасовка племен, разрыв связей между различными подразделениями прежде единых родственных организаций. Иногда племя оседало на завоеванные земли по частям, чересполосно, так, что между бывшими соплеменниками терялась всякая связь³. Так это было с горными («бар») и долинными («куз») момандами. Первые из них осели в Нанграхаре, вторые в Пешаварской долине, причем они оказались разделенными территорией, занятой племенами гагиани, халилей и даудзаев. В других случаях в составе племени, уже после его создания, создавались новые, чисто территориальные деления, соответствующие новым условиям его хозяйственной деятельности, связанной с развитием земледелия, торговли, возникновением городов. Так это, в частности, и произошло с хаттаками, которые в XVI в. разбились на два новых территориальных подразделения Тери и Акора, сосуществовавших с прежними родственными делениями.

Бывали случаи, когда отдельные подразделения отрывались от родного племени и образовывали новое племя, как бабури, или же оказывались полностью подавленными более сильными окружающими племенами, как это произошло с той частью племени чамкани, которая оторвалась от основной массы своих соплеменников и вместе с союзом гориа-хель переселилась в Пешаварскую долину⁴. Подобным образом от хаттаков Акора оторвалась часть их, утвердившаяся в землях юсуфзаев-манданов на равнине к северу от Кабул-Дарьи. В свою очередь мы находим отдельные подразделения юсуфзаев (али-хель и мишти) в качестве хамсая (вассалов) племени оракзаев.

В длительном ходе переселений и завоеваний более сильные афганские племена захватывали лучшие земли, оттесняя или

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1948, стр. 236.

² Там же, стр. 240.

³ «Продолжительные походы, — писал Энгельс о германцах, — перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народы». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 391.

⁴ В начале XIX в. от этих чамкани сохранялись лишь незначительные остатки; Риджуэй сообщает о чамкани следующее: «...их поселение располагается в настоящее время в деревне того же имени (Чамкани. — *И. Р.*) в нескольких милях от Пешавара. Любопытно, что название кварталов этой деревни совпадает с названиями подразделений этого племени» (R. T. Ridgway. Ук. соч., стр. 81).

подчиняя себе более слабые племена. В других случаях зависимыми становились отколовшиеся, изолированные подразделения сильных племен¹.

Нет никаких сомнений в том, что смешение афганских племен в процессе их переселения и оседания подрывало родовую организацию и приближало торжество организации территориальной, деления людей не по общности происхождения, по племенам и кланам, а по месту жительства.

Не меньшее значение для подрыва первобытно-общинного строя афганцев имело то обстоятельство, что они выступили в качестве повелителей и эксплуататоров покоренных ими народов. Повсюду, где появлялись афганские пришельцы-завоеватели, судьба коренного населения решалась одинаково. Оно лишалось каких бы то ни было прав на землю и становилось в качестве подневольных и зависимых (хамсая) как бы придатком и принадлежностью земли, перешедшей в собственность афганских племен. Так в афганском обществе развилось и получило новое качество деление между свободными членами племени, наследственными владельцами земли, и стоявшими вне племени безземельными держателями земли — хамсая. Маркс указывал: «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, вскоре извращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних»².

В ходе длительного переселения и ожесточенной борьбы между племенами и союзами племен афганцы в основном уже к XVI в. овладели областью между Сулеймановыми горами и средним течением реки Инда. Разложение первобытно-общинного строя у афганцев вызывало переход их к оседлости, а наличие значительного фонда пустующих земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, облегчало этот переход к оседлости. Важное значение также имело то обстоятельство, что в некоторых частях территории, занятой афганцами (долина нижнего течения Кабул-Дарьи, двуречье Курама — Точи и др.), сохранилось местное оседлое индийское население, которое продолжало обрабатывать землю в качестве хамсая пришельцев-завоевателей³.

---

¹ Так, бангаши превратились в хамсая джаджи и тури, часть юсуфзаев стала хамсая оракзаев; ряд лоханийских племен признает себя хамсая гильзаев, и, вместе с тем, отколовшаяся от родного племени группа гильзаев, поселившаяся на земле оракзаев, является хамсая последних.

² К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

³ Весьма убедительно звучит предположение, высказанное впервые В. А. Ромодины, что в дальнейшем индийское население территорий,

В области правобережья Инда ко времени появления афганцев города были разрушены, оросительная сеть пришла в упадок, большинство оседлого земледельческого населения было истреблено. В этих условиях, занимая пустующие или редко заселенные земли, афганцы, хотя они и подвергались влиянию остатков более культурного индийского населения с его древними земледельческими навыками и относительно развитыми ремеслами, на длительный срок сохраняли основы своего прежнего социально-экономического и общественного строя, а пережитки его были очень значительны у многих афганских племен правобережья Инда еще в XIX в.

Разложение первобытно-общинного строя у афганцев, занявших территорию между Сулеймановыми горами и Индом, происходило в условиях, когда взаимодействие с феодальным окружением имело значительно меньшее значение, чем в области между Гиндукушем и Сулеймановыми горами, где сохранились таджикские феодальные города, а земледельческие оазисы относительно компактной массой продолжало занимать таджикское население. Указанное обстоятельство имело следствием, между прочим, то, что разложение первобытно-общинного строя у большинства афганских племен, занявших территорию, расположенную по юго-западным скатам Сулеймановых гор, происходило более медленными темпами, чем у афганцев, расселившихся на землях между Гиндукушем и Сулеймановыми горами¹. Однако эта характеристика является правильной лишь в самом общем виде, ибо процесс развития феодализма проходил крайне неравномерно как у афганских племен, расположившихся к северо-западу от Сулейманова хребта, так и у племен, которые заняли юго-восточные его скаты и земли правобережья Инда. Среди тех

занятых афганцами на правобережье Инда, продолжало пополняться за счет притока крестьян и ремесленников из северо-западной Индии, спасавшихся от невыносимого гнета и феодальной эксплуатации (В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 228). Таким образом, происходил двоякий процесс. Разоренные, но свободные члены афганских племен, потерявшие землю, но не желавшие превращаться в хамсая, зачастую уходили искать счастья в Индии, где превращались в наемных солдат, причем некоторые наемники нередко выбивались в феодалы. С другой стороны, переселявшиеся на территорию афганских племен индийские крестьяне и ремесленники пополняли здесь число хамсая, чья доля была значительно легче, а эксплуатация менее интенсивной, чем доля закрепощенного населения в феодальных государствах Индии, откуда они уходили. Это обстоятельство многое объясняет в особенностях процесса разложения первобытно-общинного строя у некоторых афганских племен, а прежде всего у юсуфзаев.

¹ Не случайно первое крупное феодальное государство — Дурранийская держава — возникло в XVIII в. не на правобережье Инда, а на территории нынешнего южного Афганистана.

и других были племена более развитые по достигнутому ими уровню социально-экономического развития и племена более отсталые. Но все различия подобного рода не меняют основного факта: в целом развитие феодализма происходило относительно быстрее у афганцев, занимавших территорию между Гиндукушем и Сулеймановым хребтом.

Опираясь на свидетельства первоисточников и исходя из результатов большой работы, проделанной русскими афганистами XIX в. и современными советскими учеными, автор пришел к выводу, что в XI в., да и позже, оседлое население, занимавшее территории, ныне находящиеся в пределах Афганистана, состояло главным образом из таджиков в области между Гиндукушем и Сулеймановыми горами и различных индийских народностей между Сулеймановыми горами и средним течением реки Инда. Что касается афганцев, то они первоначально локализовались в области Сулеймановых гор, представляя собой кочевые и полукочевые племена, которые жили еще, повидимому, ко времени монгольского нашествия в условиях первобытно-общинного строя и находились на значительно более низком уровне социально-экономического развития, чем их таджикские и индийские соседи, у которых господствовал феодализм.

Исторические факты показывают, что афганцы сравнительно поздно стали расселяться за пределы места своего первоначального обитания — Сулеймановых гор и что процесс завоевания афганцами остальных территорий, которые они ныне занимают между Сулеймановыми горами и Гиндукушем, а равно на правобережье Инда, происходил в течение XI—XVIII вв.

Причина, вызвавшая массовое передвижение афганских племен за пределы Сулеймановых гор и постепенный переход афганцев от кочевого скотоводства к оседлости и земледелию, заключалась в процессе разложения первобытно-общинного строя. Этот процесс протекал неравномерно у различных афганских племен и к XIII в., повидимому, еще только начинался. Впоследствии у афганских племен постепенно возникала прослойка ремесленников, а также и торговцев (по большей части не членов племени, а чужаков). В то же время все больше развивалось разделение труда между афганским кочевым обществом и давно существовавшими таджикскими и индийскими феодальными городами земледельческих оазисов; афганцы все больше вовлекались в обмен и торговлю. Из числа афганских племен выделилась группа племен (так называемые «повинда»), постоянно обслуживавших транзитную торговлю на старинных караванных путях, соединявших Индию с Персией и Средней Азией. В кочевых афганских племенах возрастала численность рабов и образовалась прослойка зависимых, так назы-

ваемых хамсая, стоявших, как и рабы, вне племени. Все более явственным становилось имущественное неравенство в среде свободных членов племени. В то же время увеличивалось могущество и богатство родовой верхушки. Должность вождя из выборной становится наследственной в ханском роде племен (хан-хель). Вожди некоторых племен начали обзаводиться собственными дружинниками (так называемые яран). Фактический захват знатью пастбищ (формально остававшихся общественной собственностью племени) все больше суживал возможность ведения самостоятельного хозяйства рядовыми членами племени. Зато все больших размеров достигали стада, принадлежавшие знати.

Развивавшиеся производительные силы пришли в противоречие со старыми, унаследованными от первобытно-общинного строя, производственными отношениями. В афганском обществе начали складываться антагонистические классы. Племя в целом уже противостояло рабам и зависимым (хамсая), а племенная организация стала выступать в отношении рабов и хамсая как орудие их подавления и принуждения. Возникла классовая борьба в среде свободных. Отсюда стремление знати приглушить эту борьбу, и в то же время упрочить собственное положение путем войн с соседними племенами и народами. Но все это еще больше расшатывало устой первобытно-общинного строя и продолжало подрывать самостоятельное хозяйство рядовых членов племени. Отсюда стремление обездоленных кочевников к оседлости, поскольку эта прослойка уже не располагала условиями для продолжения прежнего образа жизни.

Начиная с XIII—XIV вв., более развитые афганские племена, у которых процесс разложения первобытно-общинного строя проявлялся наиболее сильно, решительно встали на путь завоевания соседних земель и народов. Но это-то и явилось дальнейшим шагом к подрыву их прежней общественной организации, основанной на родственном союзе. Так происходило, в самых общих чертах, разложение первобытно-общинного строя у афганцев в процессе их расселения и перехода к оседлости.

Глава II

ОБЫЧАЙ ПЕРЕДЕЛОВ ЗЕМЛИ (ВЕШ) У АФГАНСКИХ ПЛЕМЕН, РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ СОСЕДСКОЙ

Веш (وېش) на языке пушту имеет много значений, в том числе: 1) основа глагола «делить»; 2) существительное «доля»; 3) задаток (доля) калыма; 4) обычай раздела и передела земли, а также вообще дележ (наследства, добычи и т. п.)¹. Обычай разделов и переделов земли у афганцев является предметом данного очерка исследования.

Обычай веша непосредственно выражал отношение к земле как афганских родственных союзов, частично или полностью переходивших к оседлому образу жизни, так и каждого отдельного члена этих союзов. Таким образом, обычай веша являлся важнейшим проявлением и специфической формой реализации общественной собственности на средства производства, в первую очередь на землю, той собственности, которая составляла основу производственных отношений при первобытно-общинном строе. Изучение обычая разделов и переделов земли, его возникновения, развития и разложения дает возможность проследить, каким образом развитие производительных сил и общественного разделения труда в конечном счете вело в афганском обществе к подрыву старых форм производственных отношений, основанных на коллективной собственности, и зарождению новых форм производственных отношений, основанных на частной собственности на средства производства, в конечном счете на землю. Этим и определяется цель настоящей главы, в которой автор, рассматривая процесс разложения первобытно-общинного строя у афганцев, пытался выяснить, как происходило у них разложение общей собственности на землю и как зарождалась частная собственность на землю.

---

¹ По разъяснению, лично сделанному автору М. Г. Аслановым.

Основную специфику процесса феодализации афганского общества мы видим в одновременном возникновении крестьянской и феодальной собственности у ряда афганских племен. В этих новых формах собственности уже заключалось классовое противоречие между эксплуататорской верхушкой (племенная знать, духовенство), складывавшейся в класс феодалов, и массой непосредственных производителей, складывавшихся в класс крестьянства, в класс-сословие феодального общества.

Эволюция веша как основного института первобытно-общинного строя афганцев — института, определявшего отношение непосредственных производителей к земле, дает возможность выяснить различные (весьма разнообразные) формы разложения родовой афганской общины, основанной на коллективной собственности ее членов на землю в качестве членов родственного союза (и именно поэтому равных между собой и пользовавшихся равными правами на землю). Эволюция веша дает возможность проследить постепенный переход родовой общины афганцев, сохранявшей ряд архаических черт доземледельческой общины, в общину собственно земледельческую, в общину деревенскую, в которой уже отношение непосредственного производителя к земле определялось вне зависимости от его принадлежности к тому или другому родственному союзу — роду, фратрии или племени. В своем третьем наброске письма к В. Засулич 8 марта 1881 г. К. Маркс отмечал, что «...земледельческая община была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами» и что она, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности¹.

Веш имел широкое распространение у афганцев. Еще в начале XIX в. Эльфинстон констатировал преобладание этого института во всей стране юсуфзаев, а также у мухаммадзаев, отмечая, что «... в Бунере веш производится ежегодно. У джадунов, подразделения юсуфзаев, проводится обмен личных наделов членов племени, но нет веша между кланами. Наоборот, у утман-хель все племя каждые 20 лет проводит перераспределение земли по жребию. Среди гандапурцев в Дамане земля разделена на шесть долей, по числу кланов этого племени, и все кланы проводят жеребьевку, определяющую порядок, согласно которому каждый из них получает свою долю земли. Период времени, по истечении которого вновь производится эта процедура, твердо не фиксирован, как и у юсуфзаев, но

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 694.

когда проводится веш, то совет племени выносит решение о сроке проведения следующего веша, обычно через 3 или 5 лет. . .»¹. Эльфинстон также сообщает, что веш был в его время в силе среди нескольких кланов оракзаев². Веш в той или другой форме существовал у преобладающего большинства афганских племен — у вазиров³, у лоханийских племен Дамана⁴, у племен Банну (марваты, ниязаи)⁵, у халилей, мухаммадзаев и равнинных момандов Пешаварской области⁶ и у многих других племен. По некоторым данным, можно предполагать, что остатки веша сохранялись еще в сравнительно недавнее время и у дурраниев (абдалиев) Кандагара⁷.

Необходимо оговорить, что у ряда афганских племен в XVIII—XIX вв., по сведениям доступных нам источников, не отмечается наличия института веша, а у других он получил слабое развитие и относительно быстро исчез (абдалии).

Сущность веша как формы проявления и реализации общей собственности на землю в свое время правильно подметил Торборн: «До тех пор, пока держится обычай веша, невозможна продажа какой бы то ни было земли, ибо вся она является *коллективной собственностью* племени, и без санкции племени ни один держатель земли не может отчуждать навсегда свой надел»⁸ (курсив наш. — И. Р.).

Обычай передела земли сохранялся у многих афганских племен в XIX в., а у некоторых из них дожил до XX в.

¹ M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 336.

² Там же, стр. 337. Эльфинстон отмечал также пережитки обычая передела земли у брахуев: «В их стране, — писал он, — деревня иногда тянет жребий с деревней, а отдельный человек с отдельным человеком, но отсутствует веш между кланами» (см. там же).

³ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 369.

⁴ Dera Ismail Khan Settlement Report, 1879, стр. 166 и 177.

⁵ См. S. S. Thoburn. «Vesh» in the Murwat tract of the Bannu District — записку Торборна, опубликованную в Gazetteer of the Bannu District. Lahore, 1883—1884, приложения, стр. 213—229 (в дальнейшем «Записка Торборна»). В этом документе, составленном на основании непосредственного наблюдения и изучения его автором обычая переделов, содержится одно из лучших описаний афганского веша.

⁶ См. Gazetteer of the Peshawar District. Lahore, 1897—1898, стр. 133, 134, 135, 175.

⁷ См. «Кабульский ежегодник». Кабул, 1941—1942, стр. 203—216 (текст на пушту). Как сообщает М. Г. Асланов, сведения, собранные им во время многолетнего пребывания в Афганистане, дают основания предполагать, что у дурраниев еще сравнительно недавно существовали некоторые обычаи, связанные с вешем.

⁸ См. «Записку Торборна», стр. 215. Не отрицает общей собственности на землю у племен Пешавара и Таппер: «Каково бы ни было их прежнее положение, эти племена после того как они появились в Пешаваре, конечно, сообща владели своей собственностью, ибо они распределяли землю по племенным долям». C. L. Turper. Punjab customary law, т. II, стр. 16.

Обстоятельством, значительно ускорившим окончательное исчезновение веша, было грубое и насильственное вмешательство британских колонизаторов, установивших свое господство над афганскими землями. Там, где это было во власти англичан, они приняли административные меры, чтобы покончить с вешем. Еще в 1873 г. матора (подразделение племени марва-тов) провели последний передел земли (веш). Но тогда же английские налоговые чиновники запретили проведение веша у других подразделений этого племени — у искандар-хель, ландива, мулазаев, маник-хель, абба-хель и таджозаев¹. То же что в Банну, произошло и в Пешаварском округе, где, как говорится в официальных документах: «С того времени, как в стране установилась британская власть, была использована всякая возможность, чтобы покончить с этими периодическими переделами земли в крупном масштабе либо путем окончательного раздела земли, либо установлением налога по цене земель, которые фактически находились во владении каждой отдельной деревни»². У племени гандапур последний общий веш (при котором производился передел земли между всеми шестью подразделениями этого племени) имел место в 1813 г.³ У племени канди (Даман) последний общий веш состоялся в 1852 г.⁴

У афганских племен, земли которых были насильственно включены в состав английских колониальных владений, но остались за пределами административной границы Индии (так называемая территория «независимых» племен), веш сохранялся еще в XX в. и, вероятно, кое-где дожил до наших

---

¹ См. «Записку Торборна», стр. 226.

² Из Punjab Administration Report за 1872 г. Доклад Д. Г. Берклея о землевладении в Пенджабе. Цит. по: С. Л. Т у р р е г. Ук. соч., т. III, стр. 130. Помимо общего характера аграрной политики англичан, неприемлемо враждебной всем формам общей собственности и направленной к созданию колониально-феодальной монополии на землю в условиях закрепления и усиления феодальной эксплуатации непосредственного производителя при одновременной товаризации крестьянского хозяйства и его насильственного втягивания в мировой рынок как поставщика сырья и потребителя заморских промышленных товаров, мероприятия колонизаторов против веша также вызывались фискальными соображениями — «неудобством» повторного проведения кадастра и расходами, связанными с этим. Об этом недвусмысленно говорит сам бывший налоговым чиновником Торборн в докладной записке на имя начальства. См. «Записку Торборна», стр. 218—219.

³ См. неопубликованный налоговый отчет Г. С. Такера по дистрикту Дера-Исмаил-хан, параграф 277 — приведенный в выдержках Таппером (С. Л. Т у р р е г. Ук. соч., т. III, стр. 140). Сарвар-хан, наваб Танка, захватил тогда часть земель у некоторых подразделений племени гандапур, а остальные подразделения отказались компенсировать пострадавшим эту потерю за счет своих земель, что сорвало проведение веша.

⁴ Там же, стр. 140.

дней. По данным газеттира Пешаварского дистрикта, изданного в 1898 г., последний веш был проведен в Бунере в 1891 г.¹ Обычай этот сохранялся в Свате и в Бунере еще и в XX в.² Еще в 1918 г. Риджуэй сообщал о существовании веша в Бунере и стране оракзаев³.

В условиях первобытно-общинного строя первой, заранее данной предпосылкой общей собственности на землю «является прежде всего естественно сложившийся коллектив»⁴. «Общность по племени, естественная коллективность появляется не как результат, а как предпосылка коллективного присвоения (временного) и использования земли»⁵. Влияние этой предпосылки прямо и непосредственно отражается на форме реализации общей собственности племени на землю и в то время, когда уже начинаются переделы земли, т. е. на характере ее раздела в целях присвоения и использования членами данного родственного союза. Афганские племена, у которых существовал институт веша, несомненно имели много общего между собой. У всех афганцев издавна начался и к XVIII—XIX в. весьма далеко зашел процесс разложения первобытно-общинного строя, что мы стремились показать в предшествующей главе. Афганские племена переходили от скотоводства к земледелию в условиях, когда общая собственность на основное средство производства — землю, используемую под пастбища, сосуществовала у них с частной собственностью на стада. Афганские родо-племенные подразделения составлялись из патриархальных семей⁶, которые включали несвободных

---

¹ Gazetteer of the Peshawar District, стр. 147.

² Советские авторы, основываясь на свидетельствах источников, констатировали, что у горных юсуфзаев веш сохранялся вплоть до самого последнего времени. В. А. Ромодин, утверждая, что обычай переделов земли в Свате и Бунере дожил до наших дней, относит его отмену там в законодательном порядке к 20-м годам XX в. (В. А. Ромодин. Ук. дисс., ч. I, стр. 173). М. Г. Асланов более точно указывает об этом: «Лишь в 1929 г. вали (правитель) феодального княжества Сват, населенного преимущественно юсуфзяями, отменил веш на территории княжества (за исключением рисовых полей)». См. рукопись работы М. Г. Асланова «Отражение классовой борьбы в афганской литературе XVI—XVII вв.», стр. 10; М. Г. Асланов отметил также, что в литературе имеются сведения о сохранении веша в еще более позднее время в другом горном княжестве, населенном юсуфзяями, — Дире, где, возможно, этот обычай в ходу и сейчас.

³ R. T. Ridgway. Ук. соч., стр. 22.

⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 5.

⁵ Там же.

⁶ В. А. Ромодин, основываясь на описании афганских обычаев, имеющемся в сочинении ахунда Дарвезы «Тазкираталь-Абрар валь-Ашрар», считает, что большая патриархальная семья у некоторых племен афганцев разложилась уже в XVI—XVII вв. В. А. Ромодин полагает,

«хамсая») и рабов¹ и вели каждой семьей свое отдельное хозяйство. Частная собственность на стада и существование патриархальной или индивидуальной семьи как основной хозяйственной ячейки объясняет, почему афганские племена, переходя к оседлости и деля землю на основе общей собственности, с самого начала вели обработку земли не сообща, а отдельными семьями. Основной хозяйственной ячейкой и после перехода к земледелию у афганцев оставалась отдельная семья, возникшая в условиях кочевого быта². В афганской земледельческой общине в течение длительного времени (у некоторых племен еще в XIX в.) сохранялись пережиточные формы общей собствен-

---

что у этих племен место первичной ячейки, составлявшей родо-племенные подразделения афганцев, занимали индивидуальные семьи, и приводит цитату из сочинения ахунда Дарвеза, в которой говорится о существовании у афганцев обычая раздела имущества, противоречащего шариату. По этому афганскому обычаю сыновья, достигнув возраста возмужалости, «делят между собой имущество отца и матери», оставляя родителям самую небольшую часть, достаточную только, чтобы они не умерли с голоду и для обеспечения похорон. (В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 164). Следует заметить, что хотя ахунд Дарвеза говорит в приведенном описании об афганцах вообще, скорее всего он имел в виду только некоторые племена, быт которых он знал ближе (прежде всего юсуфзаев). С другой стороны, имеющиеся историко-этнографические данные о гильзаях говорят о сохранении у этого племени обычая селиться большими патриархальными семьями, повсеместно распространенного еще в XIX в.

¹ Данные о хамсая и рабах у афганских кочевников подтверждаются фактами, которые приведены в предшествующей главе.

² Сведения о численности кочевой родовой общины (хель) весьма скудны, но они все же имеются. Так, по сведениям Мак-Грегора, лагерь кочевого хеля насчитывал у дурраниев около 50 шатров, т. е. семей (Mac Gregor. Ук. соч., стр. 239). Основываясь на данных из книги Мухаммада Хаят-хана, В. А. Ромодин отмечает, что у кочевых дурраниев в первой половине XIX в. хелем называлась родо-племенная группа (попросту — род. — И. Р.) в 100 шатров, а группа с числом шатров менее 100 носила другое название. Предводитель хеля назывался «сархель», его шатер помещался в середине лагеря. В. А. Ромодин ссылается также для сравнения на наблюдения английского автора А. Конолли, который в 1834 г. жил в качестве гостя в Пишине, на территории оседлого сеидского хеля. В составе этого хеля было 150 семей. (См. В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 141—142). Если признать, что дурранийский кочевой хель насчитывал в среднем по сто семей, то совершенно очевидно, что это была не «большая семья», а род. К такому выводу и пришел Ромодин, избегая, однако, категорической его формулировки. По нашему мнению, сто семей, составлявшие в XVII—начале XIX в. дурранийский кочевой хель, были большими патриархальными семьями. К вопросу о том, что представляла собой большая патриархальная семья у кочевых афганцев, мы обратимся в связи с рассмотрением эволюции афганской семьи в условиях не скотоводческого, а земледельческого хозяйства. Но уже здесь следует отметить, что у афганцев существовал особый термин «кор» или «кахоль» для обозначения большой семьи в отличие от малой — «хандан». (См. R. T. Ridgway. Ук. соч., стр. 18).

ности на жилище (общего жилища)¹, но совершенно отсутствовала коллективная обработка земли. Совместного ведения хозяйства на общей земле известные нам источники не отмечают. В отличие от афганской общины коллективная обработка земли была присуща наиболее древним, архаическим, как их называл Маркс, общинам. На протяжении последних полутора столетия собран весьма большой материал, характеризующий социально-экономический строй и быт афганских племен, но нигде не встречается даже отдельных упоминаний, которые давали бы основание полагать, что афганцы после перехода их к оседлости когда-либо совместно обрабатывали землю или сохранили какие-либо пережитки, связанные с подобной организацией производства.

Единственным исключением могут, на первый взгляд, показаться сведения о своеобразных порядках, господствовавших еще в XVIII—начале XIX в. у гандапурцев, которые, согласно многочисленным свидетельствам, имеющимся в источниках и неоднократно цитированным в литературе, еще в XIX в. совместно обрабатывали землю. На самом деле в этом случае имеет место явное недоразумение, основанное на смешении между такими экономическими категориями, как организация производства и форма распределения произведенного продукта. Дело в том, что сами гандапурцы (свободные члены племени) вообще не принимали участия своим трудом в обработке земли, уже поэтому порядки, существовавшие у гандапурцев в XVIII—начале XIX в., никоим образом не следует отождествлять с коллективной обработкой земли в эпоху архаических, первобытных общин. Обширные земли, захваченные в начале XVII в. этим кочевым племенем в Дамане, с самого начала обрабатывались подневольным трудом отчасти рабов, а главным образом хамсая, причем численность зависимых (хамсая) в десять с лишним раз превышала число членов господствующего племени. Весьма своеобразную форму коллективного присвоения прибавочного продукта, произведенного отдельными хамсая и даже целыми общинами хамсая, обрабатывавшими

---

¹ Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что при первоначальных формах веша периодическому обмену подлежали не только земли членов племени, но также их жилища. Что же касается общего дома, то им в известной степени продолжала служить у многих афганских племен худжра. Худжра в числе многих других своих функций (место собраний, своеобразный клуб членов данного родственного объединения, жилище для гостей и путешественников, где они бесплатно получали ночлег и пищу) являлась местом постоянной ночевки юношей, начиная со времени достижения ими половой зрелости и вплоть до женитьбы. В этом отношении худжру можно рассматривать как пережиточную форму «мужского дома». Более подробно вопрос о худжре будет освещен при описании афганской общины

земли господствующего племени, никак нельзя рассматривать в качестве доказательства, что у гандапурцев существовало общее хозяйство, основанное на совместной обработке земли. Объяснение весьма интересных и своеобразных форм земельных отношений, а равно и форм присвоения и распределения прибавочного продукта, производимого многочисленными хамсая, работавшими на горстку завоевателей, надо искать в том, что гандапурцы были кочевниками, когда появились в Дамане, и, в основном, остались таковыми (притом продолжая совмещать скотоводство с торговлей повинда) и после того, как они прочно заняли эту область. Установленная ими форма присвоения прибавочного продукта, произведенного зависимым населением, не была и не могла быть пережитком коллективного хозяйства, основанного на совместном труде членов родовой общины, а свидетельствует лишь о стремлении сохранить силу и устойчивость племенной организации. Последняя была нужна гандапурцам вовсе не для организации общей обработки земли (земледелием они стали непосредственно заниматься значительно позже), но в целях обеспечения своего господства над покоренными, а главное—для ведения скотоводческого хозяйства и своих торговых дел (в кочевой торговле гандапурцы участвовали коллективом, как племя), что долго оставалось их основным занятием.

Таким образом, данные о племени гандапур подтверждают высказанное нами положение о том, что факты, которые говорили бы о наличии у афганцев общей обработки земли, до сих пор не обнаружены.

Это, повидимому, объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что переход афганцев от скотоводства к земледелию происходил именно на той стадии социально-экономического развития, когда стада давно уже находились в частной собственности и основной ячейкой скотоводческого хозяйства являлась отдельная семья. Во-вторых, плодотворным влиянием на развитие земледельческой культуры у афганцев со стороны древних земледельческих народов (прежде всего таджиков), земли которых афганские пришельцы захватывали, среди которых они селились и у которых они перенимали орудия земледелия, учились строить различные виды ирригационных сооружений, заимствовали и другие сельскохозяйственные навыки. Переходя к земледелию, афганцы имели перед собой готовый образец высокой земледельческой культуры, основанной на обработке земли сравнительно инициативным и квалифицированным трудом отдельных крестьянских хозяйств, и это также не могло не повлиять на быстрое исчезновение архаических форм совместной обработки земли, если они когда-либо и существовали у афганцев.

Частная собственность отдельных семей на стада являлась общей чертой афганских племен при переходе их от кочевого к оседлому быту. Но между этими племенами имелись и существенные различия. Они, прежде всего, заключались в степени разложения первобытно-общинного строя, относительно малой или, наоборот, относительно большой численности рабов и хамсая в составе данного племени, в том, насколько далеко зашел процесс фактического захвата пастбищ эксплуататорской верхушкой племени.

Не только эти различия должны приниматься во внимание при разборе вопроса о том, какие формы землевладения устанавливались у того или иного племени при переходе к оседлости, как оно делило захваченную им землю. Большую роль играла и конкретная историческая обстановка при самом переходе к оседлости. А эта обстановка у разных племен была различной: мирный процесс оседания на пустующие земли или насильственный захват земли, сопровождавшийся ожесточенной войной с соперничающими племенами и местным оседлым населением; наличие или отсутствие союзных и вассальных племен, притязания которых приходилось удовлетворять при разделе захваченной земли; постепенный и длительный процесс оседания или, наоборот, сравнительно быстрый и полный переход целых племен к земледелию сразу же после захвата территории, пригодной для ведения сельского хозяйства.

Необходимо принять во внимание структуру самого племени, его сравнительно более однородный или смешанный состав, его исторические традиции, унаследованные от прошлого, и, наконец, характер органов племенного управления, силу или, наоборот, слабость власти ханов и эксплуататорских элементов.

Все эти обстоятельства далеко не одинаковы по своей значимости. Но все они (вместе взятые и каждое из них в отдельности) неизбежно оказывали свое влияние на характер и формы раздела земли, проводимого тем или иным племенем при переходе его к оседлости и земледельческому труду. Мы будем стремиться при рассмотрении различных форм веша у различных афганских племен по возможности более полно и всесторонне учитывать степень сохранения и специфические черты общности по племени (естественно сложившейся коллективности) как первой и важнейшей предпосылки возникновения общей собственности на землю у афганцев. Однако в ряде случаев при рассмотрении этого вопроса возникают пока еще непреодолимые трудности, связанные с недостаточностью и ограниченностью доступного нам фактического материала, в особенности же сведений об афганских племенах до перехода их к оседлости. Поэтому лишь немногие из намеченных вопросов касательно влияния племени как внешне данной предпосылки

на возникновение и развитие различных форм общей собственности на землю у афганцев могут быть в настоящее время по состоянию источников сколько-нибудь полно освещены при описании института веша.

* * *

С начала перехода к оседлости у афганцев сложились две формы раздела земли между членами племени.

В одном случае (первая форма) раздел земли производился по числу членов племени (хуля-веш, букв. «раздел по ртам», ср. русское «по душам») равными долями, причем каждый член племени, включая не только мужчин, но и женщин, а также и детей обоего пола, получал одинаковое количество земли¹.

В другом случае (вторая форма) земля делилась по генеалогическому дереву, и размер доли, которую получало каждое подразделение племени, каждый род, а в зависимости от этого в конечном счете и каждый глава семьи, определялся степенью родства по отношению к общему родоначальнику. Об общинах того типа, к которым принадлежали афганские общины, Маркс писал: «Их структура есть структура генеалогического древа»².

При разделе общей земли по генеалогическому дереву численность подразделения, рода или семьи не имела никакого значения в определении того количества земли, которое приходилось на долю каждого подразделения, рода или семьи. В литературе такую форму раздела обычно называют делением «по наследственным долям». Афганское наименование: деление «по наследственному генеалогическому дереву» (نامه مو، وټ) (کوسې) — более правильно и точно³.

У некоторых афганских племен, как, например, у вазиров, применялся смешанный принцип — землю по родам делили в зависимости от степени участия каждого рода (хеля) в военных действиях, завершавшихся захватом земли⁴. Внутри хелей земля делилась по генеалогическому дереву, причем от-

---

¹ Хотя каждый член семьи получал свою долю земли, эти доли при самом проведении веша нарезались рядом (не чересполосно), поступая в распоряжение главы семьи и получая общее наименование, например, у афганцев Банну патти (семейная доля). См. «Записку Торборна», стр. 217.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 694.

³ Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 363.

⁴ В «Хаят-и Афгани» мы читаем: «В соответствии с расходами по вторжению, по нанесению вреда, которые падают на каждую ветвь (племени.— И. Р.) во время захватов, каждая ветвь и должна получить землю». Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 363.

дельную долю земли получал только взрослый мужчина, способный владеть оружием¹.

Важно отметить, что обе формы раздела земли (по числу души генеалогическому древу) возникали самостоятельно, более или менее одновременно, причем эти формы нередко бытовали в ближайшем соседстве друг с другом, как, например, у марватов (раздел по душам) и их соседей — баннучей (раздел по генеалогическому древу), у гандапурцев Дамана (по душам) и их соседей — уштурана (по генеалогическому древу).

При рассмотрении раздела земли по душам, использован главным образом материал по марватам (Банну), гандапурцам (Даман) и равнинным юсуфзаям (Пешавар). Частично привлечены также данные и по некоторым другим племенам (халилы, мухаммадзай и бабури).

Юсуфзай произвели раздел завоеванных ими земель сразу же после окончательной победы над своими соперниками далазаками (1533 г.). Марваты овладели в середине XVI в. частью равнины Банну и, легко вытеснив отсюда племя ниазаев, произвели раздел земли по душам. Гандапурцы позже юсуфзаев и марватов осели на землю. Они овладели частью равнины Дамана в начале XVII в., и к этому времени можно отнести произведенный ими раздел захваченных земель. О разделе земли у юсуфзаев в XVI в. мы располагаем чрезвычайно интересным свидетельством ахунда Дарвеза. Приводим это свидетельство в переводе с английского перевода, опубликованного Раверти, поскольку подлинник не был нам доступен: «Малик шейх Мали произвел перепись всего улуса Юсуфа и Мандана, мужчин и женщин, больших и малых, с целью разделить Сват и его земли поровну между юсуфзаями»². Земля делилась «по ртам» (ср. русск. «по душам») по числу едоков (так называемый «хуля веш») ³. Каждый член племени, независимо от социального положения, пола и возраста, получал одинаковую долю земли. Так, например, шейх Гадаи, дед ахунда Дарвеза, получил «долю на 30 человек по числу членов его семьи».

Юсуфзай были крупным племенем. Кo времени первого веша их насчитывалось 30 тыс. душ⁴. Марваты — небольшое племя.

---

¹ См. Л. Р. Г о р д о н. Ук. соч., стр. 51, а также С. Л. Т и р р е г. Ук. соч., т. II, стр. 236.

² Н. G. R a v e r t y. Ук. соч., стр. 207.

³ Свидетельство ахунда Дарвеза из его «Тазкират аль-Абрар ва-ль-Ашрар» (Н. G. R a v e r t y. Ук. соч., стр. 207).

⁴ В конце XIX в., по исчислению В. А. Ромодина, численность юсуфзаев определялась в пределах 350—400 тыс. душ. Ук. соч., стр. 202. Беллью в 1864 г. давал цифру 246 тыс. См. Н. W. B e l l e w. A g e n e r a l r e p o r t . . . , стр. 180.

По переписи 1872 г. их было 38 тыс. душ¹. В XVI в. численность марватов, вероятно, не превышала 3—4 тыс. душ. Среди доханийских племен² гандапур — самое крупное, но по своей численности оно далеко уступало марватам, не говоря о юсуфзаях. По переписи 1871 г. гандапурцев насчитывалось 6800 чел.³

Юсуфзаи, поселившись на равнине по северному берегу нижнего течения Кабул-Дарьи, большей частью порвали с кочевым скотоводством. После своего появления на равнине Банну некоторые подразделения марватов оставались скотоводами, но они потеряли всякую связь с большинством подразделений этого племени, которые уже прочно осели на землю.

Основным занятием гандапурцев продолжали оставаться скотоводство и кочевая торговля — повинда. Захваченные в Дамане земли служили этому племени зимними пастбищами для скота, а также для устройства укрепленных поселений — городков. Эти городки являлись торговыми базами, где были устроены складские помещения. Опираясь на такие укрепленные поселения, гандапурцы могли господствовать над многочисленным покоренным населением, которое обрабатывало пахотные земли этого племени⁴.

Живучесть крепкой племенной организации у гандапурцев, повидимому, объясняется сочетанием трех обстоятельств.

Эта организация обеспечивала господство кочевников над оседлыми (зависимым населением); она вместе с тем сохраняла свою экономическую основу, поскольку главным занятием гандапурцев оставалось кочевое скотоводство, и, наконец, дополнительный источник ее силы и крепости мы видим в том, что принадлежность к родственному союзу являлась для гандапурцев (как, впрочем, и для других племен торговцев.

---

¹ Gazetteer of the Bannu District, стр. 48.

² Главным образом те племена Дамана, для которых было характерным совмещение скотоводства, земледелия и кочевой торговли.

³ Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 68.

⁴ О гандапурцах до появления этого племени в Дамане в начале XVII в. известно очень мало. Есть сведения, что это было бедное племя, занимавшееся скотоводством и кочевой торговлей. Власть ханов в племени гандапур была чрезвычайно слабой. Хамсая и рабов у гандапурцев до перехода их к оседлости не отмечалось. Местом первоначального расселения племени гандапур был район Кандагара, откуда они были вытеснены более сильным племенем какаров (См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 70). После утверждения гандапурцев в Дамане их земли стало обрабатывать подчиненное местное население (хамсая). Хамсая у гандапурцев в XIX в. не имели права ухода от хозяина. (Там же, стр. 78). Хамсая гандапурцев — главным образом белуджи и джаты (Там же, стр. 28). Сами гандапурцы в XIX в. живут в городах (по переписи 1872 г. 6000 из 6800 жили в городах Кулачи, Тахвара, Мадди и Луни) и, как правило, «не касаются рукой плуга» (Там же, стр. 71, 72). Число хамсая в это время в десять раз превышало число самих гандапурцев (Там же, стр. 74).

кочевников) формой участия в общих торговых делах племени. Племя, таким образом, выступало и в качестве своеобразного торгового общества, в котором члены племени являлись участниками, как бы пайщиками.

На племенную организацию юсуфзаев историческая обстановка наложила отчетливо выраженный военный отпечаток¹. Юсуфзаи по праву считались одним из наиболее воинственных афганских племен, они пользовались репутацией стойких и выносливых воинов-пехотинцев далеко за пределами своей родины. Выгодное положение равнинных юсуфзаев² позволяло их ханам также промышлять разбоем, грабить караваны, следовавшие с транзитными грузами из Индии. Война играла немаловажную роль в юсуфзайском обществе.

Военная сила юсуфзаев, неразрывно связанная с их племенной организацией, играла значительную роль в обеспечении господства завоевателей над покоренным населением. Правда, число зависимых у равнинных юсуфзаев было значительно меньше, чем у гандапурцев, но все же (по данным середины XIX в.) раза в два превышало число свободных³. Основные земледельческие работы у равнинных юсуфзаев в XVIII — начале XIX в. велись уже подневольным трудом зависимых⁴.

В этой связи важно отметить следующее.

Имеются совершенно определенные указания, во-первых, на то, что у юсуфзаев были и рабы и зависимые *еще до оседания* этого племени на земли, и, во-вторых, что юсуфзаи застали на Пешаварской равнине сравнительно многочисленное местное население, отняли у него землю и поставили его в зависимость от себя. В обеспечении господства над покоренными главным

---

¹ Это племя, как уже отмечалось выше, завоевало перешедшие к нему земли в XV—XVI вв. в длительной и упорной борьбе с другими афганскими племенами, начиная с далазаков, кончая союзом племен гориа-хель. Юсуфзаи в дальнейшем подвергались нападениям сильных соседних племен, в частности хаттаков. Одновременно юсуфзаям приходилось в длительных и кровавых войнах отстаивать свою независимость против Могольской державы. Моголы неоднократно вторгались в страну юсуфзаев, но в большинстве случаев терпели поражение.

² Страна юсуфзаев занимала положение, позволявшее им контролировать с севера большой торговый путь от Аттокской переправы (на Инде) к Пешавару.

³ См. H. W. Bellew. Ук. соч., стр. 180; В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 234.

⁴ Эльфинстон писал о юсуфзаях в самом начале XIX в.: «Большую часть работ выполняют факиры (термин, однозначный хамсая.— И. Р.) и только самые бедные юсуфзаи вынуждены работать; остальные иногда принимают участие в работе на собственном поле, но это скорее делается для того, чтобы размять мускулы или показать пример, но вовсе не является работой всерьез». (M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 348).

образом и заключалась новая функция племенной организации юсуфзаев, что придавало своеобразные черты разложению первобытно-общинного строя в юсуфзайском обществе и замедляло темпы этого процесса.

Другой характерной чертой процесса разложения общинно-родового строя у юсуфзаев, как отмечалось выше, был постоянный приток в страну юсуфзаев крестьян и ремесленников из Индии, пополнявших ряды хамсая, и столь же постоянный отток в Индию беднейшей части свободных юсуфзаев, которые лишались земли или не могли на ней больше прокормиться. Они предпочитали искать в Индии счастья и добычи в качестве наемных солдат, чем оставаться на родине, где им грозил переход в разряд зависимых — хамсая¹. Нет никаких сомнений, что эти обстоятельства замедляли процесс разложения первобытно-общинного строя у юсуфзаев, способствуя воспроизводству традиционных форм производственных отношений и племенного устройства.

С другой стороны, близость страны равнинных юсуфзаев к важному торговому пути из Индии в Афганистан и относительно тесные исторически сложившиеся, экономические связи этой страны не только с соседним Пешаваром, но и с городами Пенджаба, действовали в противоположном направлении, ускоряя разложение первобытно-общинного строя у юсуфзаев.

По сравнению с юсуфзаями и гандапурцами у марватов отмечается ряд особенностей как в переходе от скотоводства к земледелию, так и в дальнейшем общественно-хозяйственном развитии. Подобно большинству юсуфзаев, но в отличие от гандапурцев, перешедшая к земледелию часть марватов, к числу которой относилось подавляющее большинство членов племени, не сохранила никакой связи ни с кочевым скотоводством, ни с кочевой торговлей². С другой стороны, марватам, в отличие от юсуфзаев, не пришлось выдержать длительной военной борьбы ни в процессе захвата земли, ни тем более для того, чтобы

---

¹ Эльфинстон недаром утверждал, что в этом отношении много сходства между юсуфзаями и шотландцами: «В обоих случаях причина общая: отсутствие ремесел у шотландцев и позорность занятия ремеслом среди афганцев превращают землю в единственный источник существования человека. Тот, кто не имеет земли, должен покинуть страну». M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 350 (примечание).

² В английском официальном справочнике содержится следующая характеристика марватов ко времени английского завоевания: «Превосходная, сплоченная, крепкая, главным образом земледельческая народность. Меньшая часть марватов, располагающихся у предгорий, живет в палатках и ведет кочевой образ жизни, но за этим исключением все племя земледельческое, живущее отдельными родовыми общинами, каждая из которых имеет выделенные ей земли и управляется своим советом старейшин» (Gazetteer of the Bannu District, стр. 43).

отстаивать завоеванные ими земли. Это были бедные, малоурожайные, песчаные земли, и поэтому соседние племена не проявляли особого интереса к тому, чтобы овладеть территорией марватов.

Наконец, сравнительно изолированное положение Банну (важный торговый путь от Газни в Индию проходил значительно южнее, через Даман и Гомальский проход) исключало возможность участия марватов в грабежах торговых караванов, которыми издавна занимались вазирь в районе Гомальского прохода, африднн в Хайберском проходе и юсуфзайские ханы на дороге от Аттока к Пешавару.

Марваты были мирным племенем, не обладавшим ни крепкой военной организацией, ни боевыми традициями. Война не имела почти никакого значения в марватском обществе. Племенная организация марватов также не играла большой роли в обеспечении господства завоевателей над покоренными. Когда марваты заняли часть равнины Банну, это была безлюдная местность, где располагались отдельные кочевья крайне немногочисленных скотоводов-джатов. Хамсая в сколько-нибудь значительном числе появились у марватов позже — это были пришлые из соседних областей Индии крестьяне и ремесленники, которые добровольно переселились в Банну¹. То, что хамсая марватов были добровольными переселенцами, а не покоренными военной силой и удерживаемыми в повиновении с помощью оружия, то, что марваты не отняли у них землю, а, наоборот, на определенных условиях наделяли их землей, накладывало свой отпечаток на отношения между господствующим племенем и хамсая в стране марватов, придавая этим отношениям несколько смягченный характер.

Наконец, необходимо отметить, что в ближайшем соседстве с Банну не было ни крупных городских центров, ни важных торговых путей. С трех сторон равнина Банну замкнута горами, с запада она омывается Индом, за которым в прошлом лежали безлюдные песчаные степи, где время от времени кочевали отсталые скотоводческие племена². Первые поселения городского типа возникли в Банну только в начале XIX в. Таким образом, разложение первобытно-общинного строя у марватов происходило в условиях почти полной, или, во всяком

---

¹ Большинство этих переселенцев принадлежало к числу джатов. Среди них были и аваны, а также представители различных индийских ремесленных, торговых и ростовщических каст, которые в дальнейшем сосредоточили в своих руках ремесло, торговлю и ростовщичество в Банну. (См. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 42 и 91; ср. также S. S. Th o r b u r n. *Bannu, or our Afghan Frontier*, стр. 37—38; Ch. M a s s o n. Ук. соч., стр. 93).

² См. S. S. Th o r b u r n. Ук. соч., стр. 23.

случае, весьма значительной изоляции от более цивилизованных народов, с их городами, сложившимися феодальными отношениями, развитыми ремеслом и торговлей.

Такая изоляция значительно ослабила влияние со стороны этих народов на марватов. Тем не менее, известное влияние все же имело место. Приток индийских переселенцев (они принесли свои формы кастовой организации ремесла, свои ремесленные и земледельческие навыки), развитие института хамсая (хотя и в смягченном по сравнению с юсуфзаями, и особенно гандапурцами, виде)—все это в дальнейшем сказалось и на характере марватской общины и на всем социально-экономическом развитии марватов.

Всю территорию, захваченную племенем и составляющую его общую собственность, юсуфзай и марваты именовали *иляка*, а гандапурцы — *туман*¹.

Джадуны также именовали илякой всю совокупность земли, принадлежавшей этому племени². Тацпер, отмечая, что, кроме афганцев, и многие другие племена западного Пенджаба в одинаковом смысле употребляли термин *иляка*, приходит к выводу о тождестве содержания терминов *иляка* и *марка*: «Иляка представляет собой совершенно то же самое, что марка»³. Нам представляется, что в основном Тацпер прав, но следует иметь в виду, что сходной по своей сущности с «иляка» была, как ее называл Энгельс⁴, древнейшая общинная организация—*Genossenschaft*, которая, как указывал Энгельс в своей работе «Франкский период», охватывала весь народ. Ему принадлежала

---

¹ Первый термин арабского или тюркского, второй — монгольского происхождения.

Туман (туман) — деление монгольского государства в период сложившихся феодальных отношений, деление, которое охватывало все население, кочевавшее на данной территории. Туман одновременно являлся одним из звеньев военной организации и выставлял 10 000 воинов (тума) в войска Чингис-хана. (См. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 45 и словарь терминов, стр. 465). В дальнейшем в Средней Азии (Бухарское ханство) туман получил значение территориально-административной единицы, соответствующей району. (См. «История народов Узбекистана». Ташкент, 1947, т. II, стр. 155).

Иляка или туман, составлявшая территорию афганского племени или его основных подразделений, обычно получала свое наименование от названия того или иного подразделения. Так южный Сват назывался Баизай по имени этого подразделения юсуфзаев. Равнина (майра) к северу от Кабул-Дарьи составляла иляку подразделения мандан и получила от него имя Мандан. Дир, составлявший иляку Мализай, получил название страны Мализай (См. Н. W. Wellеw. Ук. соч., стр. 152 и 193). Иляка племени гандапур также получила свое название от этого племени. Число подобных примеров можно значительно увеличить.

² J. A b b o t t. Nazara settlement report, 1874, стр. 282.

³ С. L. T u r r e r. Ук. соч., т. II, стр. 14.

⁴ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 390.

первоначально вся занятая территория¹. Как члены племени, участвующие в общей собственности на землю, юсуфзаи района Хазары (на левом берегу Инда) и называли себя «варисан» — наследники². У древних германцев применялся сходный по значению термин — *geerfte*, по мнению Таппера, полностью совпадающий с «варисан»³.

Разделом иляка (или тумана) между подразделениями, родами и семьями и даже отдельными членами этих семей, составляющими в своей совокупности племя, и начинается история афганской общины — марки в собственном смысле этого слова.

Ценные сведения об одном из таких разделов, произведенном юсуфзаями около 1533 г., содержатся в описании этого веша, которое дает ахунд Дарвеза в своем трактате «Газкират-аль-Абрар ва-ль-Ашрар». Шейх Гадаи, дед ахунда Дарвеза, был пешвой (духовным руководителем) юсуфзайского подразделения мализаев и получил 30 долей земли для себя и членов своей семьи во время этого, первого и по счету и по значению, раздела земли среди юсуфзаев. «Малик шейх Мали произвел перепись всего улуса Юсуфа и Мандана, всех мужчин и женщин, взрослых и маленьких, для той цели, чтобы разделить Сват и его земли поровну между юсуфзаями. В подразделении акозаев и исазаев оказалось 6000 человек, в подразделениях мализаев и исазаев столько же, а всего 12 000. Численность юсуфзаев иманданов оказалась почти одинаковой, т. е. около 12 000 человек в каждом племени. В этот подсчет не вошли нанграхари, ламгани и кабули⁴, которые пришли вместе с юсуфзаями и манданами с запада, а равно и местные жители, которых афганцы застали в стране. Это распределение земли, произведенное шейхом Мали, до сих пор остается в силе без всяких изменений»⁵.

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 390.

² J. A b b o t t. Hazara settlement report, 1874, стр. 109.

³ C. L. T u r r e r. Ук. соч., т. II, стр. 14.

⁴ Это свидетельство источника подтверждает отмеченное нами выше сообщение, что у юсуфзаев еще до перехода к оседлости были чужаки — хамсая, не принадлежавшие к племени, а поэтому и не получившие земли при веше. Одновременно земли лишалось местное население, чьей территорией овладели юсуфзаи. В числе хамсая юсуфзаев, пришедших с ними с запада, повидимому, были и таджики. Кабули — это название таджикского языка в юго-восточном Афганистане. Таким образом, кабули, о которых упоминает здесь ахунд Дарвеза, были либо люди, говорящие на кабули, либо кабульцы, жители Кабула и его области. В первом случае, с несомненностью, а во втором, по всей вероятности, под именем «кабули» Дарвеза имел в виду таджиков.

⁵ Цит. по переводу Раверти (H. J. Raverty. Ук. соч., стр. 207). В рукописи «Газкират аль-Абрар ва-ль-Ашрар», хранящейся в Ленинградском фонде восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, имеется

Сообщение ахунда Дарвеза не оставляет никаких сомнений в том, что первый веш юсуфзаев был разделом земли по числу членов племени, и свою долю земли получали также женщины и дети обоего пола. Это подтверждает и другое свидетельство того же ахунда Дарвеза, что его дед получил тридцать долей земли на себя и членов своей семьи, а отец ахунда Дарвеза, перешедший после смерти шейха Гадаи в другое подразделение того же племени юсуфзаев в качестве духовного наставника, также был наделен землей, получив всего десять долей, ибо такова была численность его семьи¹.

«Хуля-веш», как показывает само название этого обычая, есть раздел по числу душ («по ртам»). Поэтому предварительным и обязательным условием такого раздела было точное установление числа всех членов племени: мужчин, женщин и детей. Для этой цели как при разделе земли, так и при дальнейших периодических переделах (также обозначаемых термином «веш») всякий раз производился подсчет членов всего племени. Именно так обстояло дело у юсуфзаев. Совершенно так же поступали и некоторые другие афганские племена². Для распределения между отдельными членами племени из земельного фонда, остававшегося в нераздельной собственности племени и его подразделений, выделялась только пахотная земля или, во всяком случае, земля, пригодная для обработки. Земля под раздел отводилась в заранее установленном количестве, которое точно

разночтение (см. В. А. Ромодина. Ук. дисс., стр. 154). По тексту ленинградской рукописи нанграхари, ламгани и кабули *вошли* в подсчет. Однако, скорее всего, там описка (пропущено отрицание). Следует учесть также, что Раверти имел в своем распоряжении несколько рукописей. Поэтому его переводу можно доверять больше, чем тексту единственной ленинградской рукописи.

¹ См. данные из «Газкират аль-Абрар ва-ль-Ашрар», приведенные в диссертации В. А. Ромодина, стр. 155. Семья ахунда Дарвеза была таджикской по происхождению. Наделение этой семьи землей наравне с членами племени показывает, во-первых, что юсуфзаи с самого начала перехода к оседлости предоставляли духовенству землю, хотя бы тот или другой представитель духовного сословия не являлся членом их племени; во-вторых, что земли, полученные духовными лицами, ни по своим размерам, ни по условиям держания первоначально ничем не отличались от земли, предоставлявшейся любому члену племени. Вероятно, что такой же была практика и других афганских племен. При переходе от одного племени к другому или из одного подразделения в другое подразделение того же племени данное духовное лицо само собой теряло свои прежние земли и вновь наделялось землей от того племени или его подразделения, куда оно переходило.

² См. «Записку Торборна» о веше у марватов, стр. 217. О переписи, неизменно предшествующей вешу у племен Пешавара, сообщает I. G. Hastings в своем Peshawar settlement report за 1878 г., параграф 200, выдержки из которого приводит С. L. Tupper. (Ук. соч., т. III, стр. 139).

соответствует общему числу долей, исходя из расчета: одна доля на каждого члена племени¹.

Итак, при разделе земли по душам каждый член племени, независимо от его положения, пола и возраста, получал равную долю пахотной земли. Но каждый член племени, именно в качестве такового, наделялся землей через свое подразделение племени, через свою фратрию, через свой род. Раздел земли между членами племени был одновременно разделом ее между родо-племенными подразделениями иерархической лестницы, составлявших данное племя.

Таким образом, раздел земли (веш) одновременно разрешал три взаимно связанные между собой задачи: 1) выделение из общей земельной собственности племени (народа)² части пахотной, годной под обработку, земли, которая должна была быть распределена по душам, равными долями между отдельными членами племени, причем это распределение проводилось через ветви племен и их подразделений, вплоть до рода; 2) уравнение распределяемой пахотной земли по качеству, для того чтобы каждая доля земли, начиная долей крупных подразделений племени, а затем фратрий, родов и семей, кончая индивидуальным наделом отдельного члена племени, в более или менее одинаковой пропорции включала бы землю различного качества (хорошая, средняя, плохая); 3) уравнение переделяемой пахотной земли по количеству не только между отдельными членами племени³, но и между одинаковыми (однозначными, одного разряда по отношению к общему родоначальнику, т. е. по месту в генеалогическом древе) подразделениями племени (при веше фратрии с фратрией, рода с родом). Эта задача представляла значительные трудности, так как численность людей в одной фратрии или роде не была равна численности людей

---

¹ Такая доля называлась у марватов *хуля* — «рот» (отсюда «хуля-веш» — «раздел по ртам»), у юсуфзаев — *браха*, у халилей и мухаммадзаев — *пуча*, у гандапурцев и канди — *дадди*, у ниази-хель — *лиг*. Все эти термины имеют одинаковое значение — «доля», или «часть». Термин *daddi*, или *dadha*, в *Gazetteer of the Bannu District* (стр. 215) разъясняется следующим образом — «доля, унаследованная от отца, отцовская доля (отчина)». Термин *дадди*, видимо, более позднего происхождения и в нем ярче выступает наследственный характер владения землей (отчина), но зато выпадает первоначальное понятие, что доля или часть земли, принадлежащая отдельному члену племени, является производной от общей собственности племени на землю.

² Некоторая часть общей земельной собственности племени оставалась непосредственно за ним, не подвергаясь разделу. Часть земли, представлявшей общую собственность племени, передавалась в нераздельное владение (альменда) более мелким родственным союзам (подразделению племени, фратрии, роду, а иногда и объединению нескольких семей).

³ Эта задача решалась легко, поскольку каждый член племени получал равную долю.

в другой фратрии или роде, а земля между ними делилась поровну. В этом случае в целях равного распределения земли, и только для этого, прибегали к искусственному уравниванию численности людей в тех родственных объединениях, между которыми происходил раздел земли, переводя часть членов более многочисленной фратрии или рода во фратрию или род, насчитывавший меньшее число членов.

В своем изложении мы начнем с вопроса о том, каким образом при разделе земли по душам (хуля-веш) достигалось качественное и количественное уравнивание конов земли, поступавшей в раздел между отдельными подразделениями племени для дальнейшего раздела земли по душам. При этом способ раздела земли по конам применялся и при выделении той части земли, которая не распределялась внутри подразделений, фратрий и родов по душам, а передавалась из общего фонда племени в нераздельное владение этих родственников объединений, составляя их альменду.

Способ уравнивания численности людей в различных подразделениях племени в целях раздела земли поровну между этими подразделениями, а также способ уравнивания различных долей земли между собой по качеству, наиболее подробно описаны Торборном в его записке о веше у марватов. Торборн рассказывает, что прежде всего собирается совет марватских старейшин. Совет старейшин определяет место будущих поселений (деревень), а затем «решает, какая часть пригодной для обработки земли будет теперь же использована под пахоту, и разделяет такую землю в соответствии с различными по качеству почвами, которые она содержит, на коны, называемые вандами»¹. Далее производится подсчет членов всего племени. После этого «отдельные семьи группируются (по их принадлежности. — *И. Р.*) к подразделениям (племени. — *И. Р.*), подразделения (по их принадлежности. — *И. Р.*) к ветвям (племени. — *И. Р.*), пока, наконец, всякий член племени не отнесен к одному или другому из (двух. — *И. Р.*) крупнейших хелей (ветвей племени. — *И. Р.*)». Следующим мероприятием является «уравнивание численности (подразделений. — *И. Р.*) с тем, чтобы каждый из конов (вандов) мог быть разделен (между ними. — *И. Р.*) на определенное число равных частей»². После этого «начинается раздел (земли. — *И. Р.*) по жребью. Жеребьевка происходит сначала между подразделениями, затем между семьями и, наконец, если это необходимо, между отдельными людьми. Таким образом, предполагая, что все члены общины (племени. — *И. Р.*) классифицированы в конечном счете по своей

¹ См. «Записку Торборна», стр. 217.

² Там же.

принадлежности к двум главным хелям, каждый из конов (вандов) сначала делится на две равные части, за обладание которыми кидают жребий; затем каждая половинка вновь делится на определенное число равных долей, за обладание которыми снова кидают жребий, и так далее, вплоть до жеребьевки между семьями и даже отдельными членами той же семьи»¹. «Хуля», т. е. доля отдельного члена племени, «представляет длинный и узкий параллелограмм, тянущийся из конца в конец кона того подразделения, в котором он расположен»².

Результат раздела земли по душам (хуля-веш) можно схематически изобразить на чертеже. Для ясности изображения берется упрощенная структура племени. Предполагается, что племя состоит из двух крупных подразделений X и Y (Торборн именует подобные подразделения хелями), каждое из которых в свою очередь делится на два рода (A и B в подразделениях X; B и Г в подразделениях Y). В каждом роде насчитывается по 10 семей. Условно принимается, что численность крупных подразделений одинакова; также одинаковым принимается и численный состав родов (семей). Число вандов условно принимается равным двум (на самом деле их бывало значительно больше, до 11)³.

---

¹ Самый порядок жеребьевки при проведении веша очевидец рисует следующим образом: «Глава, или вождь каждого подразделения берет кусок дерева и отмечает его особым значком или какой-либо другой отличительной маркой и затем вручает его старейшине или духовному лицу всего племени. Это лицо, собрав все эти куски дерева, кладет их в мешок или в складку своего одеяния, рубахи или тюрбана, и затем начинает обходить размежеванную землю, роняя один из кусков на каждый из участков по мере своего прохождения. Как только он оканчивает это, главы племенных подразделений объявляют о своих особых знаках и берут в свое обладание ту землю, на которой окажется брошенным соответственный кусок дерева. Эти участки земли в свою очередь делятся, таким же способом, на более мелкие части для различных семей одного племенного подразделения, которому достался данный участок».

См. H. W. Bellew. *Journal of a political mission to Afghanistan in 1857; with an account of the country and the people.* Лондон, 1862, стр. 70.

² По исчислению Торборна, надел на душу (хуля) у марватов равнялся 1860 м в длину и 4,7 м в ширину. Общая площадь его, таким образом, составляла около гектара (0,875 га). (См. «Записку Торборна», стр. 217). Надо полагать, что таковы были размеры и площадь не всего душевого надела марвата, а той части его, которая располагалась в каждом коне, или ванде. Если принять число вандов, или конов равным двум или трем, то общая площадь надела (сумма полос в различных вандах) будет колебаться в пределах полутора — двух с половиной гектаров.

³ У матора (подразделение марватов) земля делилась на 11 вандов между 8 хелями. Общее число хуля равнялось 414 (*Gazetteer of the Bannu District*, стр. 244). У другого подразделения марватов — сикандар-хеля — земля делилась на 13 вандов. Число хуля равнялось 1773 (там же, стр. 220 и 226). У ландива было 11 вандов пахотной земли, 3 ванда пастбищ. Вся земля делилась на 1535 хуля (там же, стр. 226). Камальзай, одно из под-

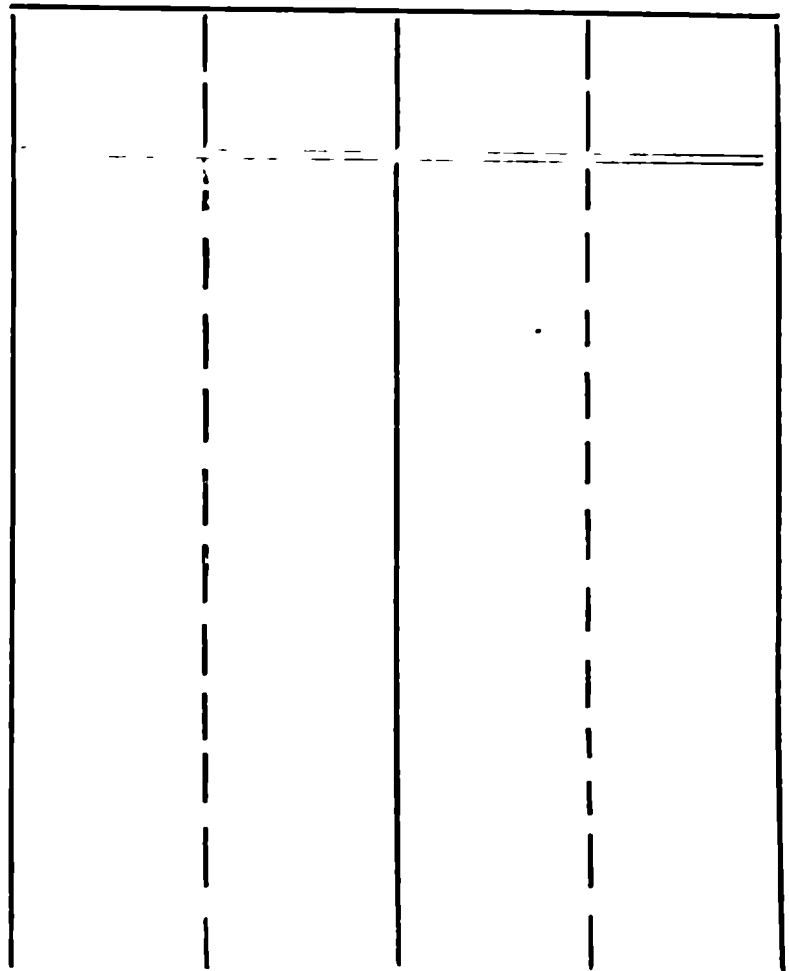
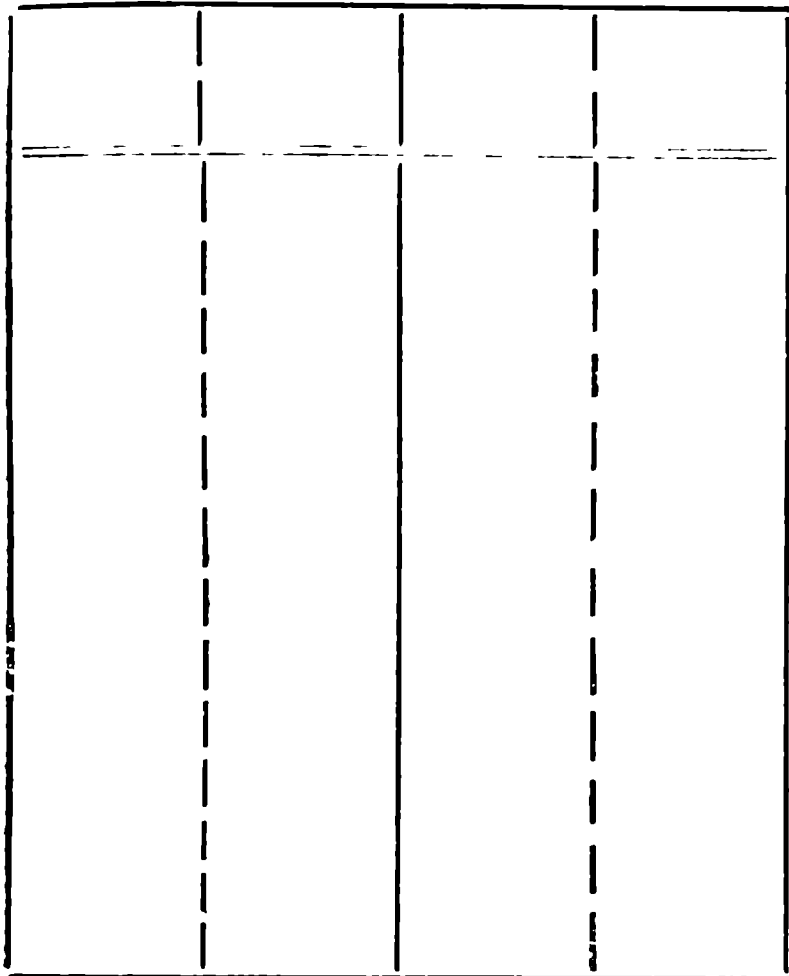
Раздел земли между подразделениями племени.

Ванд 1

Ванд 2

Подразделение X Подразделение Y
хель А хель Б хель В хель Г

Подразделение X Подразделение Y
хель А хель Б хель В хель Г

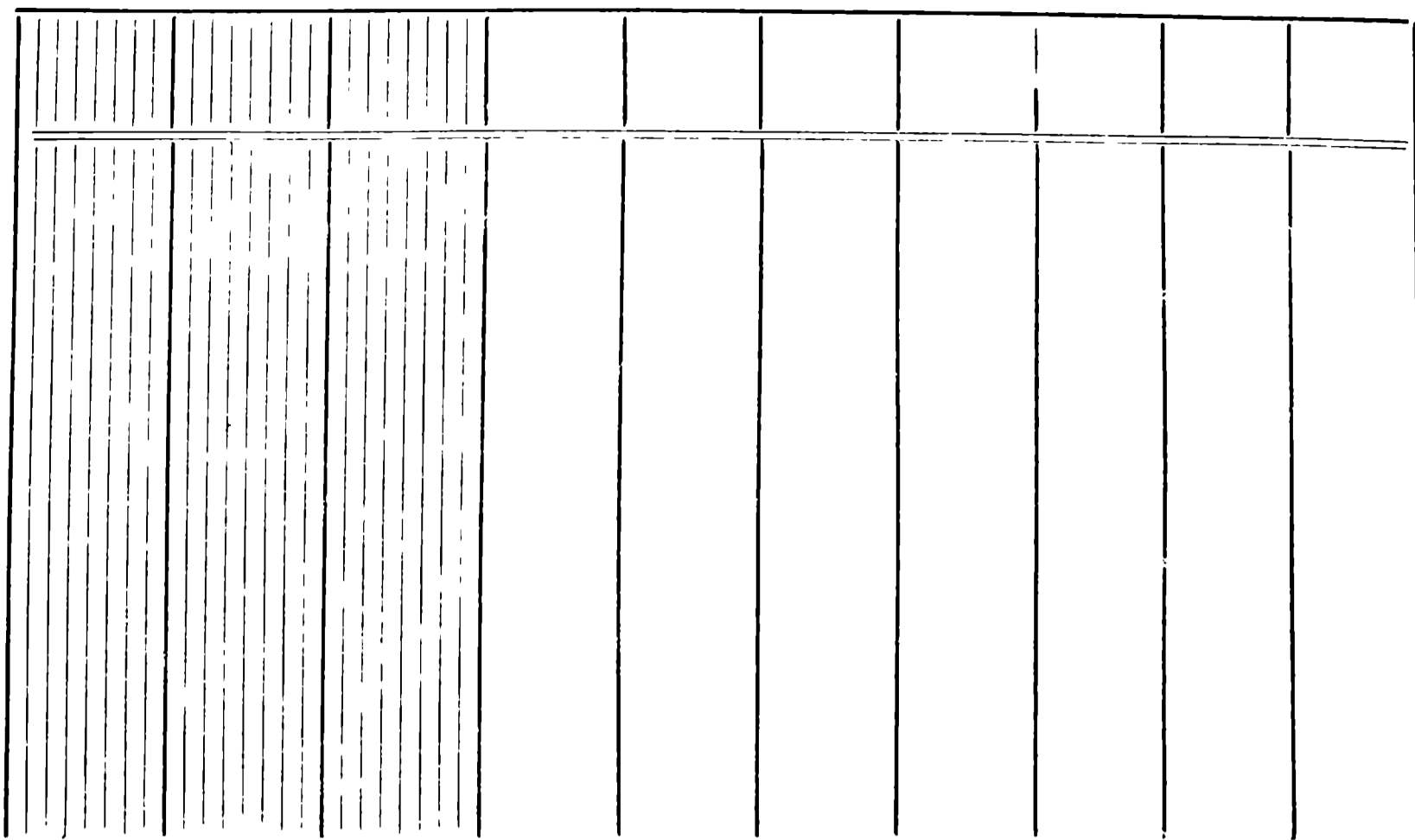

- черта означает первичный раздел каждого из вандов между обоими подразделениями племени X и Y.
- - - - черта означает последующий раздел долей обоих подразделений X и Y в каждом из вандов между хелями этих подразделений (А, Б, В и Г).
- ==== отделеяет земли, предоставленные племенем в особом порядке, например, духовным лицам, ремесленникам или «за особые заслуги»¹.

разделений юсуфзаев, делили землю на 400 наделов между двумя крупными подразделениями, каждое из которых в свою очередь состояло из трех хелей. Число вандов неизвестно (H. W. Bellew. A general report on the Yusufzais. Лондон, 1864, стр. 196—197). Мухаммадзаи делили землю между 8 подразделениями на 6000 долей богарной и 480 долей поливной земли. Эти доли не были равны между собой. Число вандов неизвестно (Gazetteer of the Peshawar District, стр. 134). Гагиани делили землю между 36 хелями на 3600 хуля (там же). Гандапурцы делили землю на 36 000 хуля между 6 крупными подразделениями, которые в свою очередь разделялись на 60 мелких, по 100 хуля в каждом. Число вандов неизвестно (С. L. Turreg. Ук. соч., т. III, стр. 141).

¹ О том, что у юсуфзаев земля духовным лицам нарезалась именно так, т. е. поперек прямоугольника, составлявшего ванд, см. H. W. Bellew. Ук. соч., стр. 197, где приводится соответственный чертеж. Земля, выделенная таким образом, представляла собой участок, образованный путем изъятия равной доли от всех полос, составлявших ванд, т. е. за счет каждого хуля или, иначе говоря, за счет каждого члена племени в отдельности и всех их взятых вместе. Как видно, и в этом случае строго

Раздел земли между отдельными семьями и членами этих семей

- черта разделяет наделы семей, семейные доли (точнее ту часть каждой семейной доли, которая причиталась данной семье в изображенном на чертеже ванде). Согласно принятому условию, всего вандов в нашем примере два, т. е. на чертеже приводится половина каждой семейной доли. Вторая половина находится в ванде, изображенном на чертеже 1.
- черта показывает доли (полосы) членов семьи внутри надела всей семьи. Такая личная доля соответствует хуля́ или, точнее, половине хуля́, ибо вторая половинка ее располагается в другом ванде.
- ==== черта отделяет земли из распределяемого по душам общего фонда пахотной земли, выделенные племенем духовным лицам, ремесленникам или каким-либо другим лицам «за особые заслуги» и т. п.

Здесь в увеличенном разрезе дается левый прямоугольник первого ванда предыдущего чертежа, следовательно изображен раздел земли только между семьями и членами их семей хеля А подразделения X, но совершенно так же происходил раздел и в остальных трех хелях Б, В и Г. Следует иметь в виду, что на данном чертеже изображены доли семей и членов семей хеля А только в первом ванде. Во втором ванде их доли

проводился принцип равенства (О дальнейшей эволюции условий держания таких земель будет сказано ниже.) Сведения, приводимые Белью и подтверждаемые другими авторами, относятся к юсуфзаям, но у нас есть основания полагать, что подобным же образом происходило выделение земли духовным лицам и у других афганских племен, сохранявших обычай переделов по душам.

располагаются точно таким же образом и имеют одинаковые размеры.

Если вандов было не два, а больше, то соответственно увеличивалось число полос (долей), которые в сумме составляли один душевой надел. Так, если было четыре ванда, то один душевой надел делился на четыре полосы, по одной в каждом ванде; если вандов было пять, один надел соответственно состоял уже из пяти полос, по одной в каждом ванде. Увеличение числа вандов влекло за собой увеличение чересполосицы. У марватов семейные доли, хотя установление их величины и определялось числом душевых наделов, не распределялись жеребьевкой между отдельными членами данной семьи. «Как правило, — пишет Торборн, — жеребьевка долей не происходит между домочадцами. Так, например, если семья состоит из отца, матери и пяти детей, живущих в полном подчинении у *pater familias*, то он получает в качестве патти или семейной доли семь полос общим участком в каждом коне или ванде»¹.

Переходим ко второму вопросу: об уравнивании численности людей в родо-племенных подразделениях (составляющих племя) при разделе земли по душам (хуля-веш). Конкретный пример такого уравнивания дает Торборн в своем описании веша у матора. В составе матора насчитывалось шесть родов или хелей неравной численности (саид-хель, ету-хель, малик-хель, шахмалик-хель, халим-хель, шахид-хель, гида-хель и гулистан-хель), входивших по два в четыре высших подразделения этого племени (бахрам-хель, заник-хель, бадшах-хель и хашим-хель), которые в свою очередь входили по два в состав двух основных подразделений (ветвей) матора (бахрам-хель и бадшах-хель). Во время очередного и последнего веша 1873 г. (дальнейшие переделы земли были запрещены англичанами) общая численность матора по переписи, произведенной накануне веша, равнялась 466 душам. Затем, «для целей этого веша, все деления и подразделения матора были уравнены таким образом, чтобы каждое из них насчитывало одинаковое количество хуля

---

¹ Вряд ли можно предполагать, что отдельные душевые наделы, представлявшие, как у марватов, длинную и очень узкую полосу земли, могли бесконечно дробиться на еще более узкие полосы той же длины. В самом деле, если число вандов доходило до 11 и даже 13, как у некоторых подразделений марватов, то полоса душевого надела в каждом из этих вандов должна была иметь в ширину не 4,7 м, а в 11 и даже в 13 раз меньше, т. е. от 47 до 35 см, что просто невозможно. Отсюда вытекает, что при большом числе вандов (10—13) они в свою очередь, вероятно, разделялись на две — максимум на три группы, объединявшие ванды (коны) с землей одинакового качества. В таком случае душевой надел, в свою очередь, мог делиться на полосы, располагавшиеся не в каждом ванде, а лишь в одном из вандов каждой группы. В источниках и литературе мы однако не нашли прямого доказательства этому предположению.

(душ. — *И. Р.*)» ¹, после чего вся пахотная земля, подлежащая вешу, была разделена поровну между основными подразделениями (ветвями) матора, причем каждое из них получило по 233 душевых надела (хуля). Земли каждого из основных (первичных) подразделений (ветвей) в свою очередь были разделены поровну между двумя входящими в их состав вторичными подразделениями (каждое из них получило по 116 1/2 душевых наделов). Наконец, земли каждого из четырех этих вторичных подразделений были разделены между восемью хелями, входившими в их состав (каждый из хелей получил равное количество душевых наделов, а именно—по 58 1/4). Совершенно ясно, что для проведения такого веша члены более многочисленных подразделений и хелей должны были переводиться в состав менее многочисленных подразделений и хелей. И притом не только временно. Ведь такие «прикрепленные» к чужому хелю или подразделению получали свои душевые наделы и семейные доли на землях этого подразделения или хеля, в связи с чем, повидимому, селились в одной общей с ним деревне, а, следовательно, со временем должны были войти и в состав постепенно создававшейся общей, уже территориальной по своей основе общины ². В результате, с одной стороны, медленно, но неуклонно

¹ См. «Записку Торборна», стр. 224—225.

² О том, что дело обстояло именно так, свидетельствуют факты. Так, например, при окончательном разделе земли между тремя подразделениями маму-хеля (марваты) за каждым из этих подразделений (занги-хеля, парак-хеля и мандра-хеля) была закреплена часть земли в четырех деревенских общинах, уже существовавших к тому времени на территории этого племени. Земля в этих четырех деревенских общинах была закреплена за указанными подразделениями в следующих долях:

Название подразделения	Название деревни			
	Зангихель	Дабак Мандрахель	Паракхель	Мандрахель
Занги-хель	1/2	1/4	1/2	0
Парак-хель	1/2	1/4	1/2	0
Мандра-хель	0	1/2	2	все

(См. «Записку Торборна», стр. 228); Из приведенных данных видно, что члены деревенской общины Зангихеля принадлежали по крайней мере к двум различным родо-племенным группам; общины Дабак Мандрахеля — к трем; общины Парак-хеля — к трем и только община Мандрахеля была однородной. Английский налоговый чиновник Хестингс сообщает о подобной же практике среди племен Пешавара при проведении переделов земли по душам: «При перераспределении (земли. — *И. Р.*) производилась новая перепись племен, и если оказывалось, что та часть земли, которая досталась данному племени, содержала больше долей, чем оно вправе получить согласно новой переписи, часть членов другого племени,

подрывались старые формы связей людей на основе их кровного родства, ибо эти прежние формы приходили в противоречие с новыми связями людей по территории, по совместному жительству, по принадлежности к деревенской общине. С другой стороны, члены отдельных родов и подразделений долго продолжали сохранять свое обособленное единство в качестве членов родственного союза, родо-племенного подразделения, в состав которого они продолжали входить, проживая на территории деревни и становясь неразрывной частью территориальной (деревенской) общины. Именно этими обстоятельствами, по нашему мнению, объясняется происхождение типичной черты афганской деревенской общины XVIII—XIX вв., которая, как правило, разделялась внутри себя на несколько родовых общин. На образовании такой общины несомненно сказывался и принятый афганскими племенами способ уравнивания земли по качеству (раздел по конам). В результате всего этого каждая афганская деревенская община представляла собой своеобразную комбинацию нескольких родовых общин, долго сохранявших самостоятельное существование в ее составе.

Приведем характерное описание афганской деревни Пешаварского дистрикта в 70-е годы XIX в.: «Разделение и распределение земель, составляющих деревню (т. е. усадебных земель и земель под жилищем и хозяйственными постройками. — *И. Р.*), осуществляется в том же порядке, как и пахотных земель. Отдельный квартал (канди)¹ отводится каждому хелю

чья численность превышала число долей (хуля. — *И. Р.*) земли, которыми оно располагало, а также переселенцев, сопровождавших главное племя, связывались для получения своих долей земли (associated for their shares) с тем племенем, которое располагало излишком земли по сравнению со своей численностью. Цит. по выдержке из «Налогового отчета по дистрикту Пешавар» («The regular settlement of the Peshawar District») за 1878 г., опубликованной в книге C. L. T u r p e r. Punjab customary law, т. II, стр. 139. Смысл этой выдержки не вызывает никаких сомнений. Часть членов одного родственного союза (вряд ли здесь может идти речь о племени, как утверждает составитель цитированного налогового отчета — Хестингс) «прикреплялась» в целях проведения веша к другому родственному объединению, причем, получая в составе земель этого последнего полагающиеся им душевые наделы; «прикрепленные», повидимому, и селились в одной деревне с членами «чужого» подразделения племени или рода, как мы старались показать на вышеприведенных данных Горборна о маму-хеле.

¹ Мы принимаем для обозначения этого термина афганскую форму множественного числа — «канди». В языке пушту словом *کندی* («кандай», мн. ч. *کندی* — «канди») в XIX в. (по словам Раверти) назывались часть, или квартал деревни или города, «сельский приход» и т. п. Представляется несомненной связь афганского термина «кандай» — «канди» с широко распространенными в Средней Азии и Иране терминами «канд», «кенд», «кент» (сравни современное персидское слово «кандар» в значении «город»). Основываясь на данных, почерпнутых из архива Института восто-

или клану, а внутри клана его первичным и вторичным подразделениям. Каждый канди представляет сосредоточие отдельных хозяйств, принадлежащих малым семьям (*individual families*), составляющих в своей совокупности хель или подразделение клана. Отдельное хозяйство называется кандар и состоит из дома, именуемого кор, из двора, обозначаемого голаи. Здесь живет семья вместе с зависимыми от нее людьми (*dependents*) и размещается скот. Каждый канди имеет своего малика или старшину, чья власть ограничивается пределами канди. В обязанности старшины входит поддержание порядка, разбор споров среди домохозяев своего канди, сбор налогов и присмотр за правильным разделом урожая»¹. Каждый такой канди имел не только своего малика, но и свою мечеть и своего имама, свою худжру и свою башню (бурдж), служившую общим убежищем членам канди в случае нападения.

Структура афганской деревенской общины-марки естественно воспроизводилась в первоначальной конституции афганского города. На примере истории афганских городов мы видим те же самые явления, которые Ф. Энгельс охарактеризовал, говоря о конституции германской самостоятельной сельской общины и указывая, что «Сельская конституция является только конституцией марки, самостоятельной сельской общины и переходит в конституцию города, как только село превращается

коведения АН СССР, М. Ю. Юлдашев в своей докторской диссертации отмечает, что «Узбекский род, который обосновался на определенном месте в старину, назывался кентом. Если род был многочисленным, он делился на несколько кентов» (М. Ю. Юлдашев. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива Хивинских ханов. Рукопись докторской диссертации. Л., 1953. т. 1, стр. 134).

¹ *Gazetteer of the Peshawar District*, стр. 100; Беллью в 60-х годах XIX в. совершенно правильно отмечал, что внутреннее деление юсуфзайской деревни в точности воспроизводит первоначальное деление ванда на доли (*brakha*) хелей (См. Н. W. Веллеу. Ук. соч., 201). Отсюда следует вывод, что канди является кварталом или частью деревни, занятой членами оседлого хеля. В связи с этим Беллью сообщает, что «канди в свою очередь может разделяться на несколько вандов в соответствии с подразделениями хеля» (там же). Наблюдения Беллью полностью согласуются с более ранним описанием юсуфзайской деревни, имеющимся у Эльфинстона. В качестве примера Эльфинстон избрал деревню Галоче (*Galoché*), часть которой была населена юсуфзаями из родо-племенного подразделения галли-хель (*Ghalleeekhail*) (входившего в состав некпи-хеля). В этой же деревне, кроме галли-хельцев, жили юсуфзаи из трех других родо-племенных подразделений. Эти подразделения владели по частям деревней Галоче. Люди каждого клана, писал Эльфинстон, живут отдельно, подчиняясь своему вождю, который зовется муширом и сам находится в подчинении у малика своего клана. Соответствующие кварталы деревни называются канди (*Sundys*). «Каждый клан имеет связи только со своим кланом и не более связан с другими канди той же деревни, чем если бы они жили в различных частях страны» (М. Елрхинстоне. Ук. соч., стр. 388).

в город, т. е. укрепляет себя рвом и стенами. Из этой первоначальной конституции городской марки выросли все позднейшие городовые положения»¹. В этом отношении исключительный интерес представляют данные об основании и устройстве двух афганских городов — нового Кандагара, отстроенного вблизи старого города вскоре после его полного разрушения персидским шахом Надиром в 1738 г., и города Тарни, основанного в начале XIX в. (Даман).

Землю под постройку Тарни предоставили в равных долях четыре подразделения племени иса-хель: заку-хель, апу-хель, баданзай и маму-хель. «Земля была взята из головных частей четырех талей (tals) или долей земли, принадлежавших каждому подразделению («Sectional allotment»)»². Каждое подразделение застроило и заселило свой квартал в Тарни, образовав в его составе четыре канды, или самоуправляющиеся родовые общины. В городе также воспроизводились в основных чертах отношения зависимости между свободными и хамсая, в том виде, в каком они существовали в афганской деревенской общине. Хамсая арендовали дома или участки для постройки своих домов у того или иного канды (хеля. — *И. Р.*), платили за них ренту, и после смерти или отъезда хамсая его участок или дом «подлежал возвращению хелю (канды. — *И. Р.*), как коллективному собственнику»³.

Кандагар подобным же образом был отстроен Ахмад-шахом на земле, добровольно предоставленной популязиями и другими подразделениями племени дурраниев. Каждое подразделение образовало в новом городе отдельный квартал, застроило и заселило его⁴. Афганский историк начала XX в. напрасно пытается приписать инициативу подобного деления на кварталы Ахмад-шаху⁵.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 637.

² S. S. Thornburn. *Banni, or our Afghan Frontier*, стр. 207. Видимо, землю для постройки города Исахель выделяли так же, как земли сери, т. е. поперек (прямоугольника) — ванда, в верхней его части. См. черт., стр. 125 и 126.

³ S. S. Thornburn. Ук. соч., стр. 207.

⁴ См. «Тарих-и Сальтани», стр. 62.

⁵ «Возложив эту заботу на обязанности всех племен дурраниев, Ахмад-шах повелел, чтобы на основе братского деления каждое племя производило застройку своих улиц (на самом деле кварталов. — *И. Р.*), называя их собственным именем» («Сирадж ат-Таварих», т. 1, стр. 25). Для дурранийской деревни, как и для поселений других афганских племен, еще в XIX в. было характерным деление на канды. По сообщению Мак-Грегора, для дурраниев обычно деление деревни на четыре таких квартала, располагающихся четырьмя правильными четырехугольниками; отделенными друг от друга двумя улицами, пересекающимися под прямым углом (См. Mac Gregor. Ук. соч., стр. 237).

На самом деле оно лишь воспроизводило структуру и конституцию деревенской общины дурраниев¹.

* * *

Теперь возможно сделать попытку определить основные черты той новой, уже территориальной в своей основе организации, которую получали рассматриваемые нами афганские племена после их прочного оседания на землю, после их размещения на определенной территории, раздела этой территории и окончательного перехода от кочевого скотоводства к земледельческому хозяйству.

Низовой ячейкой афганского общества становится деревенская община². Она разделяется внутри себя на канды, т. е. отдельные родовые общины, причем каждый канды соответствует оседлому хелю (роду) и, в свою очередь, подразделяется (хотя и не всегда) на более мелкие деления, совпадающие с дальнейшим членением самого канды-хеля (рода) на более мелкие родственные объединения. Такими второстепенными делениями канды-хеля (рода) у афганцев, по нашему мнению, являлись либо патриархально-семейные общины, либо группы малых семей, образовавшиеся путем распада большой семьи, но сохранившие известные связи между собой в качестве членов определенного родственного союза. Об этом, в частности, говорят сведения о наличии в афганских деревнях XIX в. особого старшины (видимо, потомка родоначальника семейной общины), который возглавлял группу 10—12 семейств, входившую, наряду с другими такими же группами семей, в состав канды-хеля (рода). Приведем эти сведения.

Анализируя структуру племени гильзаев, Эльфинстон называет в качестве низшей единицы семью, возглавляемую от-

---

¹ Деление на канды сохранилось в Кандагаре и через сто с лишним лет после этого. По сведениям Мак-Грегора, в 60-х годах XIX в. Кандагар был «разделен на кварталы, населенные различными племенами» (Mac Gregor. Ук. соч., стр. 490—491). В числе таких кварталов (те же, уже знакомые нам, канды) он называет квартал баракзаев, квартал алькозаев, квартал попульзаев, квартал бамозаев, квартал бар-дуррани, квартал ализаев и квартал ачакзаев.

² Превращение деревенской общины в основную ячейку общества и замена родовых связей территориальными у афганских племен, сохранявших обычай переделов земли по душам, осуществлялись постепенно в связи с вызываемыми этими процессами изменениями в обычае переделов. Изменения прежде всего выражались в прекращении переделов между крупнейшими подразделениями племен, при которых, пока они еще сохранялись, происходил обмен деревнями, что препятствовало утверждению устанавливающихся территориальных (соседских) связей между членами различных канды, занимавших части деревни, ибо, переселяясь в другую деревню, они, как правило, меняли и своих соседей, приобретая при каждом переделе в качестве соседей другие канды.

дом (это, повидимому, малая семья). Затем следует группа 10—12 семей, «которые управляются их общим предком или, если он умер, то его представителем. Эти главы группы семей называются спин-жири (белобородый) или старейшинами (Speen Zheras or Elders)». Старейшины семейных групп (спин-жири), в свою очередь, «подчиняются кандидару (Cundeदार) или главе мехеля, или махалля — т. е. квартала, который, является представителем их общего (для всех семейных групп. — *И. Р.*) родоначальника всех членов (подразделения. — *И. Р.*). Он зовется маликом или муширом»¹. Группа семей, на которые, по сообщению Эльфинстона, разделялся оседлый хель-канди гильзаев, представляет не что иное, как результат разложения большой семьи. Об этом убедительно говорят данные Мак-Грегора об оседлых гильзаев, которые еще в середине XIX в. жили семейными общинами. Описывая укрепленные поселения этих общин, Мак-Грегор сообщает: «Поля принадлежат главе семьи, который с 7 или 8 домами своих родственников занимает небольшой укрепленный форт, господствующий над обрабатываемой землей (cultivation). Форт представляет огражденное место в 40 или 50 кв. футов; глинобитная стена имеет внизу около 3 футов ширины и увенчана на каждом угле круглыми башнями, снабженными бойницами. Дома обычно имеют 9 футов в высоту и около 12 кв. футов площади, стены глинобитные, а крыши из ветвей кустарника, слабо скрепленных глиной. Двери делают очень маленькими, так как нехватает леса. Дома располагаются по внутреннему обводу стены, а их крыши служат платформой, откуда защитники форта могут вести огонь через бойницы в стене. Свободное пространство в середине форта используется как загон для скота и для устройства хранилищ фуража и провианта»². Эти данные дают возможность сделать вывод о бытовании у оседлых гильзаев еще в XIX в. большой семьи, хотя и находившейся в стадии разложения. Земля у гильзаев еще считалась общей собственностью семьи в лице ее главы. Однако обработка земли велась отдельными семьями, и земля (пахотная) находилась в пользовании таких семей³. Во всяком случае, малые семьи, входившие в состав

---

¹ См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 161. Любопытно, что, определяя примерную численность оседлого хеля или канди гильзаев, по изложенным данным Эльфинстона, мы находим ее равной 100—120 семьям (10—12 семейных групп), что совпадает с упоминавшимися выше наблюдениями А. Конолли у сеидов Пишина и с исчислениями, произведенными на основании письменных источников В. А. Ромодиным.

² Mac Gregor. Ук. соч., стр. 280; см. также Broadfoot. Ук. соч., стр. 356.

³ Ни Мак-Грегор, ни Бродфут ничего не говорят о совместной обработке земли членами семейной общины у гильзаев, равно как и о способах общего использования полученного продукта.

большой патриархальной семьи, имели отдельные очаги и отдельные жилища¹.

По всем данным, значительно дальше, чем у гильзаев, и в XIX в. наполовину остававшихся кочевниками, зашло разложение большой семьи или патриархально-семейной общины у земледельческого племени юсуфзаев. Они жили отдельными хозяйствами малых семей, занимали отдельные жилища, не имели общего укрепления или форта, подобно гильзаям². Но определенная связь между малыми семьями, образовавшимися путем распада большой семьи, сохранялась и у юсуфзаев еще долго.

Вся земля, принадлежавшая такой семейной группе, имела свое особое обозначение «браха-кор» (слово «кор» — «дом» применялось, повидимому, как обозначение определенного объединения людей, близких по крови; видимо, они принадлежали в прошлом к большой семье или патриархально-семейной общине), в отличие от земли, составлявшей долю отдельной семьи (патти)³. Для того чтобы разобраться в содержании этих терминов, принятых у юсуфзаев, целесообразно привести соответствующие сведения. Всякий гандапурец, сообщается в *Settlement report of the Dera Ismail Khan District* за 1879 г., держит вместе с другими членами своей семьи несколько участков земли в «полной соб-

---

¹ Вместе с тем «форт» (укрепленное поселение) гильзайской семейной общины с его внутренним загоном для скота, домами, пристроенными вплотную к стене, чтобы с крыш можно было вести обстрел через бойницы, с круглыми башнями по стенам напоминает многими чертами те усадебные сооружения, многочисленные остатки которых, обнаруженные во время раскопок С. П. Толстова в Хорезме, относятся к периоду, когда «из большого общинно-родового укрепления выделились отдельные, патриархального типа большесемейные общины, видимо близкие к типу античной *familia*, живущие в больших домах, отдельными, хотя еще и связанными друг с другом, усадьбами» (См. С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 104). Было свое укрепление у канди — башня, или бурдж, но не было особых укреплений у групп семей.

² Именующихся в английских документах и описаниях «*individual families*».

³ На различное значение у юсуфзаев термина патти и браха-кор обратил внимание Беллью: «в конечном счете браха делится на участки каждого из тех отдельных хозяйств (*hause holds*), которые (в совокупности. — *И. Р.*) составляют браха-кор, тогда как их индивидуальная доля, или патти, именуется согласно делению (браха-кор. — *И. Р.*) — брахой-дрейама, шпагама или доласама, т. е. третьей, шестой или двенадцатой частью брахи» (Н. W. Bellew. *A general report...*, стр. 194). Трудность понимания этого места у Беллью заключается в том, что здесь может идти речь как о первичном делении земли между малыми семьями, на которые распалась первоначальная большая семья, так и о разделе земли уже между членами малой семьи при дальнейшем дроблении наследственных наделов. Указанное место из книги Беллью допускает и то и другое толкование.

ственности»¹. Здесь уже не может возникнуть сомнений, что речь идет о душевых наделах каждого члена семьи. «Кроме того, — говорится далее в цитируемом нами документе, — он (каждый гандапурец. — *И. Р.*) является совладельцем и других больших участков, которые он и его семья держат сообща с другими родственными семьями»². Эти «родственные семьи» и есть то, что у юсуфзаев называлось браха-кор, т. е. группа индивидуальных (малых) семей, образовавшихся путем выделения из большой семьи или первоначальной патриархальной семейной общины. У племени иса-хель также прослеживается деление земли, принадлежавшей роду (хелю-канди), на владения, *совместно принадлежавшие группе семей* (подобная группа семей, по нашему мнению, аналогична браха-кор у юсуфзаев)³.

Полагая, что группы родственных семей являются результатом разложения большой патриархальной семьи, мы должны категорически отвергнуть утверждение Таппера, будто сама афганская община представляет продукт распада большой семьи или патриархальной общины⁴. Приведенный материал, на наш взгляд, достаточно наглядно и убедительно свидетельствует, что афганская деревенская община представляла с самого начала комбинацию нескольких канди, т. е. родовых общин, оседлых земледельческих хелей⁵.

Иногда (например, у юсуфзаев) внутри канди существовало разделение труда между ремеслом и земледелием, и наряду с общинными слугами и ремесленниками, обслуживавшими деревенскую общину в целом, были свои особые слуги и ремесленники, прикрепленные к канди и специально обслуживавшие

---

¹ См. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 141.

² Там же.

³ См. выдержку из неопубликованного «*Bannu settlement report*» Thorburn'a за 1879 г., которая помещена во II томе книги Таппера (С. Л. Туррег. Ук. соч., стр. 18; курсив наш. — *И. Р.*).

Наше предположение также подтверждается наличием пережиточных форм раздела земли по семейно-патриархальным общинам у маратхов, а также у многих племен западного Пенджаба. У этих племен и у маратхов еще в конце XIX в. наряду с участками, находившимися во владении отдельных семей (т. е. малых семей), были (в точности, как у гандапурцев) более крупные участки, принадлежавшие «группе родственных семей», составлявших подобие юсуфзайского браха-кор (См. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. II, стр. 28).

⁴ См. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. II, стр. 55.

⁵ Эти канди в свою очередь, повидимому, разделялись сначала на большие семьи, а впоследствии на родственные группы малых семей (типа юсуфзайского браха-кор), возникшие из распада патриархально-семейной общины. По степени сохранности большой семьи гильзай, селившиеся не деревенскими общинами, а большими семьями в укрепленных усадьбах, составляли, повидимому, в XIX в. (основываясь пока только на сведениях об их расселении, поскольку нет других фактов) явное исключение среди других афганских племен.

его. В этом отношении весьма интересно сообщение Эльфинстона: «Положение некоторых из этих ремесленников чрезвычайно своеобразно. Кузнецы, плотники и цирюльники, а равно и барабанщики, прикреплены к определенному канди, имеют свою долю земли и бесплатно работают на канди, за которым они следуют при перемене жительства (видимо, при переделах, когда происходил не только обмен земли, но и жилищ. — *И. Р.*)»¹. Остальные ремесленники обслуживали деревенскую общину в целом и, по сообщению того же Эльфинстона, получали от индивидуальных заказчиков плату за всякую выполненную работу. Наконец, канди являлся и военной организацией. Все взрослые мужчины составляли боевой отряд канди².

Изложенный материал позволяет нам сформулировать более подробно выводы о сущности канди у афганцев в конце XVIII — первой половине XIX в., вкратце высказанные уже выше. Канди, являясь родовой общиной, входил в то же время в деревенскую общину, составлял ее часть. Канди долго сохраняли свою обособленность не только в качестве самоуправляющегося родственного объединения (оседлый хель) и в силу своей военной организации, построенной попрежнему на родовой основе, но, в известной мере, и в качестве организации экономической, существованием которой определялось отношение ее членов к земле и в которой имело место разделение труда между земледелием и ремеслом (внутри канди). Правомочные общинники получали свои душевые наделы в качестве членов оседлого хеля-канди, и притом в составе тех более крупных делений земли, на которые, в свою очередь, делились ванды, составлявшие в своей совокупности всю обрабатываемую землю деревенской общины. Два обстоятельства — разделение труда между земледелием и ремеслом внутри канди и отношение его членов к земле, опосредствованное канди (наделение землей через канди), — объясняют нам значительную устойчивость оседлой родовой общины (хеля-канди) у афганских племен³.

Рассмотренная оседлая родковая община у афганцев имеет двойственную природу. С одной стороны, она остается неразрывной частью и даже основной ячейкой родо-племенной организации афганцев, к которой еще в XIX в. в известной мере

---

¹ M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 346.

² См. В. А. Ромодина. Ук. дисс., стр. 274.

³ Свою роль могло играть и фратриальное деление, в силу которого в одной деревне селились роды, принадлежавшие к разным фратриям. Однако ко времени перехода к оседлости ограничения, налагаемые экзогамией, уже не имели большого значения среди афганских племен. Во всяком случае у хан-хелей твердо установилась эндогамия, такие хели не выдавали своих женщин замуж за пределы рода.

приложима характеристика Ф. Энгельса, указывавшего, что «...раз в качестве основной общественной ячейки дан род, то почти с непреодолимой необходимостью, — потому, что это вполне естественно, — развивается из этой ячейки вся структура родов, фратрий и племени. Все три группы представляют различные степени кровного родства, причем каждая из них замкнута в себе и сама управляет своими делами, но служит также дополнением для другой. Круг, подлежащий их ведению, охватывает всю совокупность общественных дел человека. . .»¹.

Оседлый род-канди (хель) афганцев представляет полностью самоуправляющуюся единицу. Ее внутренними делами ведают совет старейшин («белобородые» — спин-жири) и старшина канди (кандидар, по Эльфинстону). В то же время оседлый род-канди входит в состав более крупных подразделений племени, сохраняет связь с племенем. Кандидар принимает в качестве такового участие в совете (джирга — букв. «круг»²) более крупного подразделения и в некоторых вопросах, а прежде всего военных, непосредственно подчиняется мелику или муширу (вождю, главе) вышестоящего подразделения. Канди остается организацией людей, связанных принадлежностью к общему роду, и в качестве таковой несет общую ответственность за поведение каждого сородича, оказывает ему защиту и покровительство. Канди в лице своей джирги или особо выбранных представителей участвует в разбирательстве споров между членами данного хеля и других таких же родов канди, и, в случае если не достигнуто мирное решение, осуществляет необходимые репрессии против обидчика или обидчиков или даже против того хеля, к которому принадлежат эти обидчики. Вооруженный отряд сородичей, выставленный оседлым хелем-родом-канди является основной ячейкой, первичной единицей всей военной организации данного племени и участвует во всех его военных предприятиях в нападениях на соседние племена и в отражении нападений с их стороны.

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М. 1948, стр. 238.

² Джирга — 1) совет родственного объединения, начиная «группой родственных семей» и родом-хелем, кончая племенем; 2) орган, уполномоченный спорящими сторонами для мирного разбирательства их тяжбы (См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 367; 3) свод обычного права того или иного племени, составленный его джиргой и при ее участии, также называется джиргой, например джирга-и ахмадзай, джирга-и гильзай; 4) в расширительном толковании джиргой афганцы стали называть любой представительный и законодательный орган как в самом афганском королевстве, так и за его пределами. Самый термин «джирга», видимо, монгольского происхождения (от монгольского «джаргу»). О термине «джирга» см.: В. А. Ромодин. Ук. дисс., т. II. Словарь терминов, стр. 2.

Разложение первобытно-общинного строя у юсуфзаев при одновременном, сравнительно устойчивом сохранении деления их деревенской общины на отдельные родовые общины (канди) не могло не привести к ожесточенной внутренней войне в каждой деревне. Внутренняя война, раздиравшая юсуфзайское общество в конце XVIII—начале XIX в., была следствием и проявлением разложения первобытно-общинного строя. Территориальная близость родов-канди, живших в непосредственном соседстве в общей деревне, с одной стороны, и запутанность земельных отношений, с другой стороны, ибо члены каждого канди имели свои душевые наделы в составе общих с другими канди конах, — все это объясняет причину исключительной ожесточенности вооруженных столкновений, ставших законом жизни в юсуфзайской деревне, так же как у баннучей и ряда других афганских племен¹. В стране юсуфзаев, как и баннучей, земледелец выходил на полевые работы в полном вооружении и ни на минуту не расставался с мушкетом. Во время жатвы каждый канди выделял вооруженную охрану, которая несла караул, обеспечивая безопасность жнецов и доставку собранного урожая в деревню². Что эти столкновения происходили главным образом, хотя и не исключительно, между членами разных канди, располагавшихся в одной и той же деревне, показывают сведения, относящиеся к баннучам. В деревнях баннучей существовала практика устройства крытых ходов, чтобы членов одного канди, отправляющихся на полевые работы или за водой, нельзя было по дороге подстрелить из соседнего канди³. В то же время канди уже являлся territori-

---

¹ У баннучей столкновения происходили главным образом на почве распределения воды, что вполне естественно в условиях поливного, а не богарного, как у юсуфзаев, земледелия.

² Юсуфзаи пахали свои поля (не расставаясь. — *И. Р.*) с ружьем, перекинутым через плечо, или мечом, подвешенным у пояса. Вооруженные караулы следили день и ночь за созревающим посевом. Равным образом скот никогда не отправлялся пастись иначе как под зашитой вооруженных пехотинцев и конной охраны (См. *H. W. Bellew. A general report...*, стр. 206).

³ Об этой практике баннучей подробно рассказывает Эдвардс в своей книге «Год на Пенджабской границе». Выдержки из книги Эдвардса приводит Торборн (см. *S. S. Thorburn. Bannu, or our Afghan Frontier*, стр. 34). Хотя у баннучей не было переделов земли по душам и связанного с ними уравнивания численности подразделений, в деревенском обществе баннучей существовало несколько родовых общин — канди. Мы склонны объяснять это исключительно смешанным составом этого племени, объединявшего остатки многих племен (См. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 64, а также *R. T. Ridgway. Ук. соч.*, стр. 78). Ту же картину военных раздоров между канди в кохатской деревне рисует Беллью, посетивший Кохат по дороге в Кандагар в 1857 г. Он указывает, что в каждой деревне имеется по нескольку круглых башен. «Там постоянно сидят люди, враждующие со своими соседями в этой же или в при-

альной организацией, поскольку он составлял часть или входил как часть в деревенскую общину. В этом смысле Таппер отождествляет канды с пенджабским тарафом (буквально «конец», «сторона»: по смыслу — «квартал») ¹, а Эльфинстон с индийским махалом, или кварталом ².

Отношение членов хеля-канди друг к другу и к роду как таковому определялось как их положением землевладельцев, каждый из которых вел свое отдельное хозяйство, своими орудиями производства и притом на своей земле, так и их территориальной связью как постоянных жителей одного квартала (тарафа—махала—канди). В процессе развития производства и роста общественного разделения труда родственные связи постепенно утрачивали свое прежнее значение, а территориальные усиливались и крепились. Это подрывало устои существования канды как организации, одновременно выполнявшей функции территориального и родственного объединения, а равно подрывало устои существования первоначальной афганской деревенской общины, которая, с одной стороны, представляла по самой своей сущности организацию территориальную, охватывавшую всех жителей данной деревни, а с другой стороны, являлась своеобразной комбинацией нескольких отдельных родовых общин — канды. Хотя Эльфинстон и утверждает, что у юсуфзаев члены одного канды относились к членам другого канды, «как будто они жили в разных частях страны», на самом деле к XIX в. это было далеко не так. На почве совместной жизни и территориальной близости рождались и общие интересы ³.

мыкающих к ней деревням; они усаживаются в специальные домики для стрельбы и с поразительным терпением и выдержкой стерегут случай, чтобы угостить друг друга пулей. . . Даже их поля усеяны этими круглыми башнями, а их владельцы с необычайным рвением стерегут свои земли, чтобы по ним не прошел человек, с которым они во вражде. . . Эти распри являются постоянным явлением; хорошо известен, например, такой факт: детей приучают никогда не ходить посреди улицы, но всегда, согласно старому обычаю, воровато красться под прикрытием стены, ближайшей к башне. Даже само местное население отмечает, что их домашний скот инстинктивно следует этому примеру». В небольшой деревеньке около Таля Беллью насчитал 5 башен на 30 жилых домов. «В Кохате общий обычай такой, что в то время как один человек пашет, другой с ружьем в руках несет стражу, готовый отразить нападение» (См. H. W. Bellw. *Journal of a political mission to Afghanistan in 1857; with an account of the country and the people*. Лондон, 1862, стр. 102, 115, 116).

¹ См. C. L. Turper. Ук. соч., т. II, стр. 8—9 и 28.

² См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 161.

³ В некоторых гильзайских деревнях также существовало деление на канды (или махалы). Но самое любопытное, что, кроме старшин отдельных канды, там уже имелся старшина для всей деревенской общины. Описывая одну из гильзайских деревень, Эльфинстон сообщает, что она «разделена на два махала, или квартала, во главе с двумя вождями Мурадом и Тизталлабом. Мурад одновременно был главой всей деревни и назывался маликом» (См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 441).

И в своем отношении к той части ремесленников, которая обслуживала не отдельные канды, а всю деревню в целом, и в своем отношении к зависимому населению (хамсая), а также к вассалам и военным союзникам (последним нередко предоставлялись земли из общего фонда всей деревенской общины) и в силу необходимости общих мероприятий для совместной обороны против общих врагов и при решении многих других общих дел, начиная со связанных с землепользованием и водопользованием, устройством общих оросительных сооружений, общих дорог, общей стены, замыкавшей всю деревню, кончая несением общих тягот и расходов, — жители деревни, без различия по канды, фактически выступали и у юсуфзаев в качестве членов складывающейся одной деревенской общины. Деление на канды могло в известной мере лишь затормозить, но никак не могло остановить длительного процесса разложения первобытно-общинного строя у афганцев, процесса, который, в частности, вел и к окончательному превращению афганской родовой общины в общину собственно земледельческую, в общину сельскую, соседскую¹.

Таким образом, основной первичной организацией афганского общества становился уже не род, а территориальная сельская община в ее первоначальной форме своеобразной комбинации или соединения нескольких родовых общин канды. В то же время эти родовые общины начинали разлагаться, что подготовляло переход их в конечном счете к более высокой форме общины — общины собственно земледельческой, общины соседской.

Второй, ранее не существовавшей, а вновь возникшей (как и деревенская община), формой территориальной организации у афганцев, заменяющей прежнее отношение к земле уже не со стороны рода (как деревенская община), а со стороны более крупных подразделений племени, — явилась «таппа», или область². Таппа была необходимым промежуточным звеном территориального деления между илякой (т. е. землей всего племени) и деревенской общиной.

Если первоначальная деревенская община у афганцев представляла зародыш соседской общины, то таппа представляла зародыш более крупного территориального образования. У хаттаков этот процесс нашел свое полное завершение еще в XVI в.,

---

¹ К. Маркс следующим образом характеризует афганскую общину: «Сельская община» встречается также в Азии у афганцев и др., но она повсюду представляет собой *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации*. См. К. Маркс и Ф. Энгельса. Соч., т. XXVII, стр. 694.

² Если первоначальную афганскую деревенскую общину можно отождествить с деревенской маркой древних германцев, а туман, или иляку, — с маркой общенародной, то таппа представляет собой не что иное, как марку областную или гау.

когда на основе двух таппа — Тери и Акора, на которые делилась вся территория этого племени, образовались два одноименных княжества¹. Самые наименования — Тери и Акора — имеют чисто территориальное происхождение, суть названия определенной местности. У марватов и баннучей процесс разложения первобытно-общинного строя протекал значительно медленнее, чем у хаттаков. Но и у этих племен, сложившихся в начале XIX в., объединения нескольких таппа (каждая таппа включала от 10 до 30 деревенских общин) под главенством сильнейшего из маликов, называвшихся «таппа-маликами», являются довольно близкими по своему характеру к княжествам, какие за два с лишним века перед тем образовались у хаттаков². У гандапурцев территория, принадлежащая всему племени, делилась на шесть налла³, которые, как нам представляется, по своему характеру соответствуют таппам марватов, баннучей и юсуфзаев. Каждая налла являлась владением одного из шести крупных подразделений, на которые делилось племя гандапурцев.

Таппы (или наллы) представляли собой владения более крупных, чем род, подразделений, входивших в состав племени. Такие территории, в свою очередь, разделялись на две части. Первая из них — земли, закрепленные за 10—30 или более деревенскими общинами, входившими в состав данной таппы. Остальная (вторая) часть земли не была разделена между

---

¹ См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 321, а также R. T. Ridgway. Ук. соч., стр. 92. Подробнее об образовании хаттакских княжеств см. ниже, в гл. IV настоящей работы.

² К середине XIX в. таппы в Банну были делениями чисто территориальными. Именно так они описываются в источниках, где мы находим, в частности, характеристику каждой таппы ко времени английского завоевания как «маленького полунезависимого государства» (См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 42; см. также S. S. Thornburn. Ук. соч., стр. 42). У юсуфзаев таппа обычно получала свое название от имени того подразделения племени, которое владело территорией данной таппы (См. H. W. Bellw. A general report on the Yusufzais. Калькутта, 1864, стр. 196—197). Но не в происхождении названий суть дела. Возможно, что не только у юсуфзаев, но и у многих других афганских племен наименования таппы восходят к названиям владевших некогда соответствующими территориями родо-племенных групп, меньших, чем племя, вся земля которого называлась «туман» (или «иляка»). Сравни употребление, видимо, сходного с «таппа» термина «тупэ» у узбеков, которых «Абдул Гази разделил на четыре части («турук»), именовавшихся «тупэ», причем одно «тупэ» составляли уйгуры (и) найманы, другое кунграты (и) кияты. . .» (См. М. Ю. Юлдашев. Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива Хивинских ханов. Рукопись докторской диссертации. Л., 1953, т. 1, стр. 137. Со ссылкой на «Фирдаус аль-Икбаль», рук. Института востоковедения АН СССР, № С-571, л. 657).

³ Налла — термин индийского происхождения и означает «долина», «овраг», «высохшее русло реки» (См. С. L. Turreg. Ук. соч., т. II, стр. 140).

отдельными деревенскими общинами и составляла общее владение, или альменду (арабский термин—шамиллят) данной таппа, или налла, т. е. родственного союза, занимающего областную земельную марку в собственном смысле этого слова. На территории таппы, или области, в более широком масштабе, чем в отдельных деревенских общинах, в результате чересполосного расселения, происходил процесс смешения людей различных подразделений или родов одного племени или даже различных племен. Этот процесс образования связей по территории, по месту своего жительства прослеживается весьма отчетливо у дурраниев, племен Пешавара и т. д.

В начале XIX в. Эльфинстон писал о дурраниях: «Хотя земли, находящиеся во владении дурранийских кланов, разделены и точно определены, как описано выше, эти кланы, подобно различным племенам, смешиваются друг с другом; люди одного клана нередко приобретают (покупкой или как-либо иначе) землю на территории другого клана; так, некоторые части страны, как, например, Гармсир и область около Кандагара, населены людьми всех кланов дурраниев в почти одинаковом соотношении»¹. Гораздо более поздние английские официальные данные (конец XIX в.) говорят о значительном смешении населения в ряде районов Пешаварского дистрикта, что, несомненно, имело место и в XVIII — начале XIX в. Так, в тахсиле (районе) Чарсада, первоначально входившем в иляку племен мухаммадзаев и гагиани, всего в конце XIX в. насчитывалось 178 деревень, из которых 77 были населены мухаммадзаями и 42 гагиани. 36 деревень были населены выходцами из других афганских племен (хаттаки, равнинные моманды, различные подразделения юсуфзаев, дуррании различных подразделений и т. д.), представителями сословных групп (саиды), а также аванами². Наконец, в 23 деревнях состав населения был полностью смешанным, настолько, что уже невозможно было установить преобладание в них людей, принадлежащих к какому-либо определенному племени³. Эти данные наглядно показывают результаты процесса смешения людей отдельных племен, связанный с их совместным поселением и вызвавший ослабление, а в некоторых случаях и полное исчезновение прежних родственных связей, родо-племенной организации. Вместе с тем эти данные показывают также и наличие группы деревень — 77 деревень мухаммадзаев и 42 деревни гагиани, — компактно занятых представителями тех племен, которые

¹ M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 399—400.

² См. Gazetteer of the Peshawar District 1897—1898, стр. 126; аваны считаются давним населением края, обосновавшимся в нем еще до появления афганцев.

³ См. Там же.

когда-то владели территорией Чарсада в качестве своей марки. То же явление наблюдалось в начале XIX в. и в других районах дистрикта Пешавар (Пешавар, Наушера, Мардан и Сваби)¹.

Энгельс пишет следующее о конечном результате раздела земли в древнегерманской марке: «Земля, на которую не притязало село, оставалась в распоряжении сотни; то, что оставалось после наделения землей сотни, доставалось области — «гау»; земля, которая была свободной еще и после этого, — большей частью это был очень крупный участок, — находилась в непосредственном владении всего народа»². Аналогичный порядок существовал и у афганцев, с той, однако, разницей, что, во-первых, у них мы не смогли обнаружить территориального деления на сотни³, занимающего промежуточное положение между селом и областью, и, во-вторых, раздел земли афганскими племенами проводился, так сказать, не снизу вверх (начиная селом и кончая областью), а сверху вниз (начиная областью и кончая селом), и притом в условиях искусственного уравнивания численности различных родов и подразделений, входивших в состав того или иного племени. Подобной практики искусственного уравнивания численности различных родов и подразделений в целях раздела земли между ними по совершенно одинаковым долям у германцев, повидимому, не существовало.

Таким образом, кроме пахотной земли, разделенной между отдельными подразделениями, родами, группами родственных семей, отдельными семьями и даже членами отдельных семей, объединенными в свою очередь по таппа и канди, причем последние входили в состав деревенских общин, у афганцев значительная часть земли оставалась в нераздельном владении племени и его более мелких подразделений и составляла альменду общенародную, областную, деревенскую, родовую (канди) и, наконец (в некоторых случаях) альменду группы родственных семей. О существовании у афганцев подобной системы нераздельных владений, начиная с общенародной марки и кончая альмендой группы родственных семей, говорит бесчисленное множество фактов⁴. Здесь достаточно привести

¹ См. M. E I r h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 126.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 630.

³ Ахунд Дарвеза в своем сочинении «Газкират аль-Абрар ва-ль-Ашрар», написанном в начале XVII в., утверждал, что у афганцев «среди каждого десятка и сотни и тысячи имеется сардар», пользующийся значительным влиянием на своих соплеменников (См. В. А. Р о м о д и н. Ук. дисс., т. 1, стр. 176. Со ссылкой на рукопись Института востоковедения АН СССР № С-1560-Р, л. 75-б). Однако в более поздних источниках сведения такого рода не встречаются.

⁴ «Гам, где клан распадался на тарафы, или канди, каждый из них попрежнему имеет в общем владении часть земли. . .» (С. Л. Т у р р е г. Ук. соч., т. II, стр. 8—9).

лишь некоторые из них. При первоначальном веше у гандапурцев, марватов и юсуфзаев, как уже указывалось выше, часть земли оставалась в нераздельном владении племени, а также области (таппа или налла) и рода (канди). Совершенно то же явление отмечается у пешаварских племен¹. При переделах земли, в случае необходимости, вызываемой ростом численности населения, дополнительные душевые наделы выделялись из альменды подразделений², альменды каждого канди и, наконец, в некоторых случаях альменды родственных семей, на которые разделялись канди.

О существовании у афганских племен альменды как нераздельного владения также говорит практика сдачи ее в аренду чужакам и хамсая, причем получаемая арендная плата делилась по соответственным долям между членами племени, подразделения, рода или даже группы родственных семей, сдающих таким образом в аренду часть принадлежащей им альменды³.

---

¹ «При первоначальном разделе часть таппы у халилей, мухаммадзаев и гагиани оставалась в общем владении». См. *Gazetteer of the Peshawar District 1883—1884*, стр. 153.

² См. *H. W. Bell*. Ук. соч., стр. 196 (юсуфзаи); у марватов: «При всяком переделе земли по мере того, как возрастает население общины, все большее количество земли выделяется из общей марки и включается в марку пахотной земли для распределения (между членами общины. — *H. P.*)». См. «Записку Торборна», стр. 217.

³ Подобная практика получила всеобщее распространение у гандапурцев. Но она была достаточно широко распространена и у многих других афганских племен — у юсуфзаев, марватов, бабури и т. д. Так, например, марваты сдавали в аренду часть альменды, а сбор ренты поручали особо назначенным для этой цели откупщикам, главным образом из числа представителей различных индийских торгово-ростовщических каст (См. «Записку Торборна», стр. 222). Из подобных же откупщиков, ведавших по уполномочию племени гандапур или отдельных его подразделений сбором соответственной платы с арендаторов на землях альменды, в дальнейшем выросли настоящие помещики, так называемые ниавадары. Любопытно, что сами гандапурцы закладывали и даже продавали свою долю в доходах с земель альменды. Таппер сообщает, что подобные сделки были столь же широко распространены в XIX в. среди гандапурцев, как торговля ценными бумагами в Англии. Для продажи и залога своей доли дохода с земель альменды гандапурцу не требовалось получать предварительного согласия рода, как в случае залога или продажи самой земли (См. *S. L. Turpin*. Ук. соч., т. III, стр. 222). Та же практика сдачи части альменды хамсая, с последующим распределением получаемой ренты по долям между членами племени или его подразделений (в зависимости от того, чья альменда сдается в аренду), была у миан-хель Дамана (См. *M. E. Rhipstone*. Ук. соч., стр. 377). Подобный порядок распределения доходов имел место у иса-хель, где поступления от держателей, сидящих на землях альменды, принадлежащей талю или группе родственных семей иса-хельского рода, распределялись между ними по долям согласно генеалогическому дереву (См. *S. S. Thoburn*. Ук. соч., стр. 135).

На некоторые вопросы, возникающие в связи с существованием альменд у афганских племен и их подразделений, в частности об альмендах областей (таппа) и деревенских общин, нет возможности дать ответ в силу скудости доступного нам материала. Наиболее трудным представляется вопрос об альмендах, называвшихся в Пенджабе в XIX в. «шамиллятами», в афганской деревенской общине, в которой, как мы старались показать, видимо, существовали следующие категории альменд-шамиллятов: 1) шамиллят деревенской общины как таковой; 2) шамиллят канди, на которые разделялась деревенская община; 3) шамиллят талей, или браха-коров, на которые внутри себя разделялся канди по числу групп родственных семей. О том, что именно таким было деление деревенской альменды на различные категории, говорит практика племени матора (Банну).

Во время передела земли в 1873 г. (очередной передел по душам) матора, распределяя пахотные земли среди подразделений и родов (канди) этого племени, разбили всю землю на 11 конов пахотной и 3 кона пастбищной земли. Использование пастбищной земли под пахоту воспрещалось. Из этого следует, что всякое первичное и вторичное подразделение, а равно и всякий канди (а может быть, и группа родственных семей) получали по числу душ свою определенную долю пастбищ из альменды. Невыясненным остается вопрос, были ли у матора, кроме альменд канди, также альменды групповых объединений родственных семей, наподобие того, как это отмечалось источниками в отношении гандапурцев.

Нельзя, наконец, определенно установить, вся ли альменда матора поступала в распределение по конам между подразделениями и хелями этого племени при проведении переделов по душам или же часть этой альменды попрежнему оставалась в общем пользовании всего племени.

Наиболее полное и законченное выражение система нераздельных владений, сопровождавшаяся созданием целой лестницы альменд различных категорий, нашла у афганского племени гандапур. Причины, по которым эта система получила свою, можно сказать, классическую форму именно у гандапурцев, заключаются, по нашему убеждению, в следующем.

Во-первых, в условиях преобладания кочевого скотоводства, как основного занятия этого племени, у него полностью сохранилась и вся общественная структура, основанная на кровно-родственных началах, родо-племенная организация с делением племени на ряд подразделений, начиная от крупнейших (ветви племени — налла) и кончая родами (хели), в свою очередь состоявшими из групп родственных семей, образовавшихся на почве распада патриархально-семейной общины.

Во-вторых, именно в силу указанного обстоятельства¹ все большее значение приобретали различные формы эксплуатации зависимого, оседлого населения, оказавшегося в подчинении у господствующего племени. Гандапурцы, производя раздел земли по душам, поделили лишь незначительную часть захваченной ими территории Дамана, составлявшей общую площадь около 400 кв. миль. Большая же часть земли оставалась в нераздельном владении племени и его подразделений в качестве различных категорий альменды. Более того, эти альменды подвергались периодическим переделам между шестью основными подразделениями (налла) племени гандапурцев, причем, повидимому, учитывались изменения численности каждой налла. При очередном вешу подразделения, численно выросшие, повидимому, получили дополнительную часть не только пахотной земли, но и земель альменды, по сравнению с подразделениями, численный состав которых уменьшился.

Приведем сведения о землевладении гандапурцев, имеющиеся в английских документальных источниках.

«Первоначально все земли этого племени находились в общем владении шести налла, подвергаясь периодическому переделу или вешу. Этот передел распространялся не на всю страну, а главным образом на те части ее, где члены племени непосредственно занимались сельским хозяйством»². Далее по непосредственно интересующему нас сейчас вопросу говорится следующее: «Исключая упомянутую часть страны, где гандапурцы первоначально поселились (и непосредственно занимались сельским хозяйством. — *И. Р.*), они держали остальную часть своей страны на основе деления на 36 000 дадди или долей»³. Таким образом, гандапурцы держали различные категории своих альмендных земель (они-то и составляли остальную часть страны) на основе душевых наделов (правомочий), которые причитались каждому гандапурцу и были равны между собою.

Прежде чем привести дальнейшие выдержки из цитируемого источника, необходимо дать предварительный комментарий. Важно отметить, что гандапурцы держали свои альменды на основе деления на 36 000 дадди, но нигде в источниках не го-

---

¹ Мы имеем в виду решающую роль кочевого скотоводства и торговли в хозяйстве, хотя, может быть, и не в доходах гандапурцев.

² Последний такой веш был проведен у гандапурцев, как уже отмечалось выше, в 1813 г. См. выдержку из неопубликованного налогового отчета С. Г. Таккера по дистрикту Дера-Исмаил-хан, приведенную в книге С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 140.

³ Там же; «дадди» у гандапурцев назывался надел, причитавшийся на одну душу. Гандапурский термин «дадди» соответствует марватскому «хуля».

ворится, что вся альменда фактически была разделена соответственно этому числу долей (или как-нибудь иначе). Да этого вовсе и не требовалось, поскольку значительная часть альмендных земель сдавалась в аренду обрабатывающим эти земли хамсая и исчисление по долям прежде всего было важно для распределения доходов с этих земель между отдельными членами племени. Доход распределялся между ними по дадди, т. е. по правомочию (доле) каждого во владении землями, которые и фактически и формально оставались в общей, нераздельной собственности (шамиллят) и в общем пользовании племени и его подразделений. Короче говоря, альмендные земли у гандапурцев оставались в общей собственности, а доход с этих земель распределялся между всеми членами племени на основе деления на 36 000 дадди.

По нашему предположению, эта первоначальная форма держания у гандапурцев распространялась только на ту часть альменды, которая оставалась в нераздельной собственности и распоряжении всего племени. В то же время часть альмендных земель племени (хотя и далеко не все они) с самого начала была выделена в общее пользование каждой из налла, составляя категорию земель, находившихся в распоряжении каждого из шести основных подразделений племени гандапур (налла). Последующий процесс раздела альмендных земель различных категорий носил весьма сложный характер и, повидимому, происходил следующим образом.

Во-первых, путем сокращения земли, находившейся в общем пользовании всего племени за счет дальнейшего выделения земли отдельным налла или подразделениям. При этом раздел земли племени между налла или подразделениями происходил с учетом принципов не только количественного (по числу гандапурцев, входящих в состав каждой налла), но и качественного уравнения (каждая налла получала свою долю земли из общего фонда племени не одним куском, а несколькими кусками земли различного качества). Для этой цели вся земля племени, подлежащая разделу между наллами, предварительно разбивалась на несколько конов земли разного качества. Качественное уравнение распределяемой земли имело большое значение для гандапурцев, ибо пригодные для обработки земли они сдавали в аренду своим хамсая, и поэтому каждое подразделение было заинтересовано прежде всего в получении наибольшего количества доходной пахотной земли.

Во-вторых, процесс дальнейшего раздела происходил за счет выделения из земель, полученных наллами, альмендных земель для хелей (родов), а затем и для групп родственных семей, входивших в состав данного хеля, и, наконец, в результате дальнейшего деления, альмендные земли групп родственных

семей превращались из их общего владения в наделы, закрепленные за отдельными семьями и даже отдельными членами семей¹. Начав с коллективной формы эксплуатации зависимого населения, сидевшего на землях, являвшихся общей собственностью племени, и распределяя доходы от эксплуатации зависимых между членами племени по числу 36 000 дадди, гандапурцы кончили тем, что почти целиком разделили земли племени, включая и альмендные, между отдельными членами племени, причем каждый владелец закрепленного за ним участка земли эксплуатировал теперь непосредственно тех хамсая, которые обрабатывали его участок. То обстоятельство, что раздел альмендных земель не был доведен до конца во всех частях страны, что процесс этот совершался постепенно, и, что, наконец, еще до окончательного раздела альмендных земель гандапурцы стали практиковать заклад, покупку и продажу своих правомочий и земельных участков, — все это вместе взятое и придавало исключительную сложность и запутанность земельным отношениям в стране Гандапур.

Возвращаясь теперь к цитированному нами выше источнику, приведем из него выдержку, характеризующую общие результаты процесса раздела различных категорий земель племени гандапурцев:

«Как южные (Праду), так и северные (Никанни) земли подвергались разделу, последние в гораздо большей степени, чем первые. Теперь (т. е. к 70-м годам XIX в. — *И. Р.*) уже не осталось земель Никанни, которые составляли бы общую собственность (шамият) всего племени по 36 000 дадди. Но в Праду еще имеются большие деревни (населенные хамсая? — *И. Р.*), которыми гандапурцы владеют на указанной основе (шамията. — *И. Р.*). При разделе общих земель (племени. — *И. Р.*) каждая налла получала большое число кусков земли, разбросанных в разных частях страны (т. е. альменда делилась между наллами по конам земли различного качества. — *И. Р.*). Многие из этих кусков от времени до времени подвергались дальнейшему разделу, в особенности по соседству с городами

---

¹ Такой законченный вид (далее делить было некуда) раздел альмендных земель различных категорий получил, прежде всего, в районах, где земля имела наибольшую хозяйственную ценность и приносила наиболее высокий доход, а прежде всего, поблизости от городов.

Надо иметь в виду, что возникновение частной земельной собственности у гандапурцев, не принимавших участия личным трудом в обработке своих земель, было связано с эксплуатацией хамсая, которые первоначально обрабатывали земли, находившиеся в общей собственности господствующего племени и его подразделений, а потом были превращены в зависимых арендаторов на землях, которые в XIX в. постепенно переходили во владение, а в конечном счете, после английского завоевания, стали собственностью отдельных гандапурцев.

Тахвара, Мадди и Кулачи, где живут сами гандапурцы. Здесь этот раздел (альмендных земель, принадлежавших налла. — *И. Р.*) доведен до наделения земель отдельных семей и даже отдельных гандапурцев. Таким образом, отдельный гандапурец обычно владеет несколькими участками земли совместно с другими членами семьи на основах частной собственности. Некоторыми другими и более крупными участками земли он и его семья владеют сообща с другими родственными семьями (альмендные земли категории таль, или браха-кор, т. е. земли, находившиеся в нераздельном владении группы родственных семей. — *И. Р.*). Кроме того, он имеет долю в общих землях своей налла и еще меньшую долю в землях тумана (или всего племени) на основе деления по 36 000 дадди. Если мы вспомним, что многим гандапурцам принадлежат доли земли как в Праду, так в Никанни, и, кроме дадди, которыми они владеют в своей собственной налла, они путем наследования или покупки получили земли в других налла, и что в каждом случае земли, которыми они владеют на различных и сложных основаниях, разбросаны отдельными участками по стране общей площадью в 400 кв. миль, то становится ясным, что даже образованный гандапурец не в состоянии полностью представить себе характер и размеры земельных владений, принадлежащих ему на различных основаниях»¹.

В процессе раздела общенародной марки (туман гандапурцев, иляки других афганских племен) прослеживается определенная закономерность. Она заключается в том, что раздел идет как бы сверху вниз, от раздела общенародной марки (земли всего племени) к разделу земли, находившейся в общем пользовании членов подразделений и родов, и, наконец, в последнюю очередь разделу подвергаются земли, использовавшиеся сообща группами родственных семей. Эта закономерность проявляется как при разделе пахотной земли по душам или по долям согласно генеалогическому дереву, так и при разделе альмендных земель. Раздел земли всегда производился от наиболее крупных (основных) подразделений племени к входящим в их состав более мелким (вторичным), от них — к родам, от родов — к группам родственных семей, от таких групп — к отдельным семьям, кончая выделением каждому человеку его земельной доли и закреплением за ним определенных участков. Совершенно аналогичная закономерность проявлялась и в процессе изживания обычая периодических переделов земли у афганцев. Сначала прекращались периодические переделы между племенами и их крупнейшими подразделениями, затем между

---

¹ См. налоговой отчет по дистрикту Дера-Исмаил-хан. Цит. по Тапперу (С. I. T u r r e r. Ук. соч., т. III, стр. 142).

более мелкими, а дольше всего обычай периодических переделов сохранялся у самых мелких подразделений (род и группа родственных семей), у которых обычай этот в конце концов превращался в переделы земли внутри деревенской общины¹. Прекращение переделов между высшими и средними подразделениями племени и изменение их характера в низших звеньях является следствием общего процесса ослабления и подрыва родственных связей и укрепления новых форм связей по месту жительства по территории.

* * *

О периодических переделах земли по душам («хуля-веш») у афганцев остается сказать сравнительно немного, поскольку их характер, способы подготовки и проведения в основном не отличались от первоначального веша, или раздела земли, описанного выше. Разница заключалась, во-первых, в том, что переделы земли производились периодически; во-вторых, в том, что обмену подлежали не только пахотные земли и альменды, но также и усадебные земли (фруктовый сад, бахча, огород) и возведенные на них хозяйственные постройки и жилища; в-третьих, в том, что последующие переделы земли обычно совершались на все более узкой основе: из них, как уже было отмечено выше, постепенно исключались высшие и средние подразделения племени, и в конце концов обычай сводился к переделам только пахотной земли внутри деревенской общины.

У некоторых племен, например, у бабури, после раздела земли по душам, никаких дальнейших переделов ее вообще не производилось². Это явление стоит в прямой связи с большой ролью орошаемого земледелия в хозяйстве бабури. Вопрос будет рассмотрен дальше в связи с земельно-водными отношениями у афганских племен. Однако и сейчас можно указать, что институт веша с периодическими переделами земли обнаружил наибольшую устойчивость у таких афганских племен, как, например, марваты и юсуфзаи, у которых земледелие было исключительно или преимущественно богарным, и проблема распределения земли не осложнялась отношениями собственности на оросительные сооружения и вопросом распределения воды между различными подразделениями племени, а в конечном счете между непосредственными производителями, обрабатывавшими поливные земли.

¹ См. С. Л. Т у р р е г. Ук. соч., т. II, стр. 16; т. III, стр. 130, 139 и 170; «Записка Горборна», стр. 218.

² См. Налоговый отчет по дистрикту Дера-Исмаил-хан за 1879 г., стр. 166. Ссылка сделана по Тапперу. Ук. соч., т. II, стр. 20. Для бабури характерно раннее отделение собственности на землю от собственности на оросительные сооружения и воду.

У афганских племен не существовало общего правила о сроках проведения передела земли. У племен Пешавара переделы производились через каждые 3, 5, 7, 10 или даже 30 лет¹. У юсуфзаев Свата в XIX в. обычный срок был 10 лет, у юсуфзаев равнины (майра) — 5—7 лет². У племени утман-хель передел земли производился через каждые 30 лет³. Эльфинстон утверждает, что у гандапурцев и юсуфзаев вообще не существовало определенного срока и при очередном веше совет старшин определял время проведения следующего передела земли⁴. У марватов время между очередными переделами земли колебалось между 8—15 годами (у таджозаев — 12—15 лет; у маму-хель — 8—12 лет; у абба-хель — 12 лет)⁵.

Одно из наиболее подробных описаний передела земли опубликовано Раверти и относится к Свату. Воспроизводим это описание полностью: «Лет 60—70 тому назад (т. е. к началу XIX в. — *И. Р.*) было принято производить обмен земли по жребью между различными таппами. Сейчас с этим обычаем покончено и народ каждой таппа в следующем порядке производит между собой жеребьевку при переделе земли: прежде всего население деревни тянет жребий (с населением другой деревни. — *И. Р.*) на свои земли и деревню⁶, затем, когда этот вопрос решен, население каждого канди или квартала тянет жребий на свои земли и квартал, наконец, тянут жребий семьи каждого квартала. Возьмем, к примеру, деревню Тарнак, в данном случае название не играет роли, которую держало подразделение некоего племени А со своими кланами; после передела эта деревня составляет долю подразделения некоего племени Б, которое до того держало деревню Аллахданд. Таким образом, после передела некто Б переходит в деревню Тарнак, а некто А переходит в деревню Аллахданд. Затем А и Б в составе своих кланов участвуют в жеребьевке за более мелкие доли и случается так, что дом, раньше занимавшийся А, приходится на долю Б, а дом Б достается А. После этой последней жеребьевки они производят осмотр обоих домов, и если окажется, что дома примерно соответствуют друг другу по своей величине и ценности, то обмен производится на равных основаниях, но если один дом лучше другого, тогда владелец худшего дома должен уплатить владельцу лучшего

¹ См. С. L. T u r r e r. Ук. соч., т. III, стр. 140.

² См. В. А. Р о м о д и н. Ук. дисс., стр. 318. По сообщению Раверти (*R a v e r t y*. Ук. соч., стр. 210), веш у жителей Свата производился через 20—30 лет.

³ См. М. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 336.

⁴ См. Там же.

⁵ См. «Записку Торборна», стр. 226 и 228.

⁶ Вытянувшая жребий сторона получает право выбора и при желании остается на старом месте.

дома что-либо в возмещение разницы в цене обоих домов. Однако, в случае, если между А и Б соглашение не будет достигнуто, то каждый из них очищает свой дом от всякого имущества, снимает двери, а равно стропила и соломенное покрытие крыши, оставляя стоять голые стены...»¹.

В те времена, когда общинно-родовой строй у афганцев был крепок и еще не подвергался значительному разложению, обмен земель и жилищ при повторном веше не сопровождался серьезными конфликтами. Тогда у марватов считалось долгом чести передать свое жилище новым владельцам в полном порядке, чистоте и сохранности². По мере того, как традиционные формы производственных отношений, основанные на общей собственности на землю, а отчасти и на жилища, превращаются в оковы развивающихся производительных сил, взаимные споры и даже кровавые столкновения при проведении очередного передела земли становятся неизбежным и обычным явлением. «Если сильный имеет достаточно силы, то земля переходит к нему», — говорит одна из поговорок, записанных Торборном в Банну³. Другая поговорка из записанных этим же автором также весьма характерна: «Вода достигла плотины, но она достанется тому, кто сильнее в драке»⁴, а также «Дели землю, смотри на людей», т. е. считайся с людьми сильными и влиятельными⁵.

У марватов при переделе земли посаженные прежним владельцем фруктовые деревья оставались его собственностью, если они плодоносили ко времени проведения передела, в противном случае они переходили к новому владельцу⁶. Торборн отмечает, что сохранение обычая веша ничуть не мешало марватам разводить прекрасные фруктовые сады и препятствием в этом отношении служил не этот обычай, а недостаток воды и песчаный характер почвы. Иначе оценивали веш другие английские наблюдатели, в частности Эльфинстон и особенно Беллью. Они считали идеальной формой собственность буржуазного общества и при всех условиях тенденциозно рассматривали общую собственность на землю как препятствие развитию пресловутой «частной инициативы» (а главное — эксплуатации одного человека другим). И тем не менее Эльфинстон был вынужден признать, что в начале XIX в. «... страна юсуфзаев возделывается с большим старанием и успехом, и деревни,

---

¹ Н. G. R a v e r t y. Ук. соч., стр. 210.

² См. «Записку Торборна», стр. 219.

³ См. S. S. T h o r b u r n. Bannu, or our Afghan Frontier, стр. 345.

⁴ Там же, стр. 346.

⁵ См. Там же, стр. 368.

⁶ См. «Записку Торборна», стр. 225.

водные потоки и прочее недвижимое имущество содержится в таком же порядке, как и в большинстве других областей Афганистана»¹. К подобному же выводу в отношении страны марватов пришел и Торборн².

* * *

Раздел земли между членами племени у афганцев имел свои специфические особенности в тех случаях, когда подобный раздел определял отношение непосредственного производителя не только к земле, но и к воде, необходимой для полива, и к тем оросительным сооружениям, которые либо уже существовали раньше, либо создавались самими афганцами в процессе освоения земли после перехода их к оседлости.

Поэтому после рассмотрения земельных отношений в афганской деревенской общине возникает необходимость посвятить хотя бы краткий обзор земельно-водным отношениям. Это тем более важно по той причине, что у некоторых афганских племен (баннучи, гандапурцы, бабури и другие) существовала собственность на оросительные сооружения.

Формой реализации этой собственности было предоставление отдельным подразделениям племени или даже отдельным членам племени в определенной последовательности определенной доли воды для полива полей. В некоторых случаях собственность на воду даже формально отделялась от собственности на землю и как бы получила самостоятельную форму существования в виде покупки и продажи долей воды отдельно от земли³.

Предварительно следует отметить, что поливное земледелие не только требовало, в качестве своей предпосылки, освоения уже имеющихся или создания новых оросительных сооружений, но означало и переход к сравнительно более усовершенствованным методам обработки земли, к более интенсивным формам ведения сельского хозяйства, к более высокой земледельческой культуре. Напомним, что марваты и юсуфзаи, о которых главным образом шла речь выше, стояли на относительно низком уровне развития земледельческой культуры. Возможность ведения примитивного земледелия у этих племен была связана с характером почвы и характером орошения. На юсуф-

---

¹ M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 336.

² См. «Записку Торборна», стр. 219.

³ Подобного рода порядок продажи «оросительной воды независимо от земли» существовал в прошлом и в некоторых районах Средней Азии. В отношении бывшего Ходжентского уезда см. данные в статье Н. С. Лыкошина «О чем грезят туземцы» в газете «Туркестанское слово» № 7 за 1917 г.

зайской равнине (майра) под неглубоким покровом легкой, пористой и рыхлой песчаной почвы располагается водонепроницаемый слой глины. Вместе с тем майра весьма богата подпочвенными водами, подступающими к самой поверхности земли. В этих естественно (свойства почвы и характер орошения) и исторически (сравнительно недавний переход самих юсуфзаев к земледелию и отсутствие у них земледельческих навыков) сложившихся условиях юсуфзайский земледелец ограничивался самой поверхностной обработкой земли, а когда выпадало недостаточно дождей, прибегал к поливу своих полей из неглубоких колодцев. Их сооружение не требовало большого труда, ввиду близости подпочвенных вод и возможности обходиться без кирпичных или деревянных креплений. Такие колодцы юсуфзаи в случае необходимости отрывали тут же на поле; в огромном большинстве они даже не заслуживают названия колодцев, а по существу представляли ямы, в которых скапливались подпочвенные воды¹.

Еще более примитивным было земледелие у марватов, у которых оно велось только на неполивных землях. В стране марватов преобладают песчаные почвы. Урожай целиком зависит от осадков, которые выпадают нерегулярно. Часто бывает засуха². Торборн сообщает, что на песчаных почвах у марватов рождается только просо и пшеница. Севооборот отсутствует. Землю вообще не оставляют под паром. Пар заменяют периодически повторяющиеся засухи, когда земля получает вынужденный «отдых»³. Обработка почвы у марватов была столь же несовершенной, как и у юсуфзаев. Вспашка, посев и боронование производились в один прием, после чего до времени, «когда жатва созреет для серпа, земледелец вообще не выходит в поле»⁴.

«Поскольку Марват представляет сплошную песчаную равнину и подпочвенные воды лежат слишком глубоко, чтобы позволить сооружение колодцев для целей орошения, вложение капиталов в улучшение земли представляется здесь бесполезной затратой денег», — цинично оценивал перспективы марватского земледелия английский бюрократ⁵. Зато, по свидетель-

---

¹ В. А. Ромодин в своей кандидатской диссертации (стр. 165—170) дает весьма подробный разбор естественных условий земледелия на юсуфзайской равнине.

² По описаниям наблюдателей XIX в., даже питьевую воду марватским женщинам приходилось носить издалека, доставая ее из колодцев, расположенных на расстоянии нескольких километров от селения. Доставка воды являлась у марватов обязанностью женщин. За водой они ежедневно отправлялись целой группой в 10—30 человек под обязательной охраной мужчины.

³ См. «Записку Торборна», стр. 219.

⁴ Gazetteer of the Bannu District, стр. 135.

⁵ См. «Записку Торборна», стр. 219.

ству того же источника, англичане с помощью введенной ими системы жестокого и чрезмерного налогового обложения сумели до нитки разорить марватских крестьян, отдали их на поток и разграбление своей ростовщической агентуре и превратили земли марватских общин в частную собственность, которая при непосредственной помощи и содействии английского аппарата насилия и английской «свободной» торговли в течение двух-трех поколений полностью перешла в руки помещиков и ростовщиков¹.

По сравнению с примитивным земледелием юсуфзаев и марватов, земледельческая культура баннучей (ближайших соседей марватов) стояла на несколько более высокой ступени развития. Основной предпосылкой этого являлась созданная баннучами обширная сеть искусственного орошения при помощи отвода воды каналами из рек Курама и Точи, пересекавшими лесистую часть равнины Банну, которую заселяли баннучи (другая ее часть, занятая марватами, не имела ни леса, ни воды). Разница заключалась не только в характере почвы и возможности искусственного орошения (марваты ее не имели), но в наличии леса, который нашел свое применение и при постройке укрепленных деревень баннучей и при устройстве их оросительных сооружений². Баннучам приходилось осваивать твердые глинистые почвы, которые приобретали крепость камня во время жары, но отличались высоким плодородием и приносили в условиях поливного земледелия два, а в некоторых случаях и три урожая в год. К XIX в. страна была густо заселена, одна деревня располагалась в непосредственном соседстве с другой. Баннучи выделялись среди соседних племен устойчивостью своего хозяйства и, в отличие от марватов,

---

¹ См. «Записку Торборна», стр. 219. Последствия английского завоевания Торборн сводит к «увеличению заклада земли, вызванного нашей жестокой и не эластичной налоговой системой, перенесенной в условия страны, периодически посещаемой засухой и всецело зависящей в своем сельском хозяйстве от выпадения осадков. Росту чувства личных прав, что стимулировалось нашими земельными законами. Торжеству принципа «сила это право» и ломке вековых обычаев» (Там же, стр. 218). В другой своей работе Торборн указывает: «В течение 25 последних лет индусы Банну разбогатели и превратились в крупных землевладельцев. По закону (по английскому закону. — *И. Р.*) ростовщик может брать какой угодно процент и с помощью суда (английского суда. — *И. Р.*) взыскать свой долг, хотя бы проценты вдвое превышали сумму первоначальной ссуды. Четверть столетия тому назад (т. е. до появления английских колонизаторов. — *И. Р.*) любой ростовщик заплатил бы жизнью за попытку взимать подобные проценты, ибо, как ни слабы жители Банну в конечном счете, они всегда понимали разницу между одной рупией и двумя рупиями» (См. S. S. T h o r b u r n. *Bannu, or our Afghan Frontier*, стр. 38, примечание).

² Ко времени английского завоевания четыре седьмых всей обрабатываемой площади в стране баннучей орошались с помощью каналов.

не знали (разумеется, пока не появились английские колонизаторы), что такое недоедание и голод.

Обработка земли у баннучей отчасти велась тяжелым плугом в запряжке нескольких пар быков, но окончательное рыхление почвы и дробление крупных комьев засохшей глины производилось вручную, с помощью мотыги или тяжелой лопаты. Такой тяжелой лопатой работали двое людей. Сельское хозяйство баннучей приближалось к грядковой культуре. Его характерными признаками было постоянное применение удобрений, наличие севооборота, сравнительно глубокая (до 9—10 дюймов) вспашка. Значительные затраты труда требовались не только для постройки оросительных сооружений, но и для поддержания их в порядке. Только на очистку каналов от ила уходило от 8 до 12 рабочих дней в течение года. Это была повинность, которая главным образом лежала на плечах зависимых (хамсая). Вместе с тем речные наносы представляли лучшее удобрение для полей баннучей¹.

В совершенно других естественно данных условиях происходило освоение земли и создание поливной земледельческой культуры у племен Дамана.

Даман представляет собой узкую и длинную (110 миль с севера на юг; 50 миль с запада на восток) совершенно безводную равнину, расположенную на возвышенности, ограниченной на западе горами, и обрывающуюся на востоке к Инду, воды которого заливают в половодье земли, расположенные ниже сброса. Равнина Дамана перерезана многочисленными оврагами, лощинами и промоинами (так называемые налла), которые в период таяния горных снегов служат руслом бурно несущихся потоков, а в остальное время года полностью пересыхают. Уровень подпочвенных вод в Дамане располагается очень глубоко, и это полностью исключает возможность колодезного орошения. Для орошения арычного типа благоприятные возможности существуют лишь в пойме нескольких небольших непересыхающих речек². На узкой полосе заливных земель (силь-об) по правому берегу Инда в оросительных сооружениях племени Дамана не видели необходимости, поскольку во время половодья ре-

---

¹ О земледелии баннучей см. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 134—138; S. S. T h o r b u r n. *Bannu, or our Afghan Frontier*, стр. 135—137. Массон, лично посетивший страну баннучей до английского завоевания, писал, что здесь «сочетается плодородная почва и обилие воды, которая с легкостью может быть использована для целей искусственного орошения» (Ch. M a s s o n. Ук. соч., т. 1, стр. 97). Массон восторгался богатыми урожаями пшеницы, риса, хлопка и сахарного тростника, которые собирали баннучи (Там же.) Он далее отмечал, что в деревнях баннучей было широко распространено ткачество (Там же, стр. 99).

² Таковой, в частности, является пойма реки Кальпани, пересекающая территорию племени бабури.

ка сама и орошает почву и удобряет ее речными наносами. Что же касается основной части равнины Дамана, то, «предоставленная природе, она навсегда осталась бы пустыней»¹. Однако глинистые почвы этой равнины могут приносить богатый урожай при условии искусственного орошения, а аллювиальные осадки, которые несут потоки, образующиеся в период таяния снегов в горах, могут служить превосходным удобрением для обрабатываемой земли. Таким образом, задача орошения Дамана сводилась главным образом к тому, чтобы задержать во время половодья воду горных потоков и отвести ее из глубоких налла на расположенные выше ровные земли, пригодные для ведения сельского хозяйства. Этим одновременно решалась и вторая задача — обеспечить достаточное оседание плодородных речных наносов на орошаемой земле².

Преобладающей системой орошения в Дамане стал «латхбанд», заключающийся в следующем. Там, где вода во время половодья хотя бы на короткий срок заливала самую равнину, сооружались прочные и высокие насыпи вокруг участка, предназначенного для обработки. Во время половодья вода сама орошала его и, переливаясь через насыпь, осаждала на нем часть наносов. Затем через несколько часов воду спускали на второй участок, примыкающий к первому и подобно ему огражденный насыпями, но расположенный ниже первого, затем на третий и т. д., повторяя эту операцию по многу раз, пока не спадет вода. В случае прорыва одного из «бандов» (плотина, насыпь), вода обычно разрушала один за другим и банды ниже лежащих участков, уничтожая все на своем пути. В результате сооружения насыпей на огражденных ими полях значительно ускоряется образование слоя наносной почвы. Уровень таких огражденных бандами полей постепенно подымается. В XIX в. он был значительно выше окружающей равнины и располагавшихся на ней усадеб и поселков³. В тех местах, где вода в половодье не заливала равнину, воду приходилось искусственно подымать до уровня земли. Для этой цели строили банды поперек оврагов, лощин (налла), являвшихся в половодье руслами потоков. Строительство таких плотин было обычно сопряжено с бóльшей затратой сил и средств, чем

---

¹ Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 5.

² «Чтобы создать на равнине Дамана условия для земледелия, необходимо задержать воду, которая даром пропадает в налла, и заставить ее орошать пат (бесплодную землю, располагающуюся на уровне равнины); а для того, чтобы в полной мере развить земледелие, необходимо не только оградить насыпями (банд) пахотные поля, но заливать их водой горных потоков, несущих плодородные осадки» (См. Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 5).

³ См. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. II, стр. 176—177.

огораживание насыпями полей, расположенных на самой равнине ¹.

Ограничиваясь приведенной краткой характеристикой естественных условий территории афганских племен правобережья Инда, в хозяйстве которых большую роль играло орошение, перейдем к описанию сложившихся у них земельно-водных отношений.

После того как кочевники-баннучи, являвшиеся племенем весьма смешанным по своему составу, овладели страной, в которой они затем навсегда осели, они произвели раздел земли согласно генеалогическому древу ². Разделив землю около 500 лет тому назад, баннучи ее переделов не производили, что, в частности, было связано с поливным характером их земледелия. При разделе водных ресурсов у баннучей в основу был положен следующий принцип: крупные каналы оставались в совместном владении всех деревенских общин (собственность на них, во всяком случае первоначально, принадлежала племени), а более мелкие оросительные сооружения уже с очень давнего времени находились во владении и пользовании отдельных деревенских общин и отдельных общинников ³. Источники орошения, так же как и сама земля, были целиком монополизированы господствующим племенем, только член племени мог получить право на пользование водой, но если его отношение к земле целиком определялось генеалогическим древом, близкой или отдаленной степенью родства по отношению к общему предку, то его отношение к воде к XIX в. определялось, во-первых, тем, что он член племени (небаннучи вообще не получали никаких прав на воду), и, во-вторых, степенью участия его рода и его самого в строительстве оросительной сети ⁴. Насколько позволяют судить данные, распределение воды у баннучей оставалось с очень давних времен неизменным и

---

¹ Население на равнине Дамана селилось в небольших поселках или даже в «усадебках», расположенных по соседству с «бандами» и обычно разбросанных на большом расстоянии друг от друга. Жилище строили на высоких столбах или окружали насыпями, чтобы не заливало полую водой.

² Торборн отмечает, что каждая группа семей получила навсегда свою часть земли на основе наследственного права. Он пишет: «Я обращаю внимание на это обстоятельство, потому что иначе можно подумать, что баннучи наподобие марватов разделили земли на основе веша или общего владения» (См. его неопубликованный *Bannu settlement report* за 1879 г., стр. 17, параграф 18. Цит. по Тапперу (*Turper*. Ук. соч., т. II, стр. 123). О том, что баннучи произвели раздел земли по «наследственным долям» (иначе говоря, по родословному древу), сообщает также *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 102.

³ См. параграф 18 цитированного отчета Торборна. С. Л. Турпер. Ук. соч., т. II, стр. 123.

⁴ Там же; см. также *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 104.

было, повидимому, с самого начала полностью монополизировано водо-земельной общиной. Источников орошения, к которым, минуя эту монополию, мог бы самостоятельно получить доступ владелец земли, не существовало.

Водо-земельная община баннучей (т. е. вся совокупность обладателей прав на землю и на воду), сохраняя форму родственного союза, по существу уже задолго до XIX в. являлась организацией территориальной. В ее ведении находились оросительные сооружения, вся сеть основных и боковых каналов, составлявших единую ирригационную систему. «Несмотря на постоянные усобицы между отдельными лицами и общинами, обычай и необходимость выработать систему совместного водопользования привели к установлению общих правил в отношении орошения посредством каналов не только между деревенскими общинами, но и таппами (областями. — *И. Р.*). Хотя этот порядок и подвергался нарушениям во времена гражданских неурядиц, он в конце концов неизменно восстанавливался»¹. Торборн в составленном им официальном документе не мог сдержать даже восхищенного удивления порядками, созданными баннучами. «Действуя под влиянием необходимости выработать общий порядок, грубый и драчливый народ создал сложную систему регулирования орошения и распределения воды. . . Она охватывает 71 222 акра орошенной земли и обеспечивает существование 68 454 душ. Таков факт и это является для нас (англичан. — *И. Р.*) уроком, что разрушение здоровых туземных установлений следует признать злом и нам (англичанам. — *И. Р.*) лучше оставить их в покое»².

Сооружение обширной оросительной сети и выработка порядка, обеспечивающего ее правильное функционирование как единого целого, является выдающимся достижением едва вышедшего из младенческого возраста (общинно-родовой строй) народа, чей талант, творческие способности и высокое трудолюбие еще не были задавлены беспощадной эксплуатацией, гнетом феодалов и английских колонизаторов.

Водо-земельная община баннучей устанавливала время и порядок важнейших работ по сооружению плотин, насыпей и очистке каналов от заиления. «Работа на оросительной сети бывает двух родов, а именно — сооружение бандов (плотин, насыпей. — *И. Р.*) и очистка от заиления. Работы первого рода

---

¹ Gazetteer of the Bannu District, стр. 42.

² Цит. по книге: С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 166. Заметим, что если Торборн иногда субъективно искренне и высказывал свое сочувствие «здоровым туземным институтам», то вся его деятельность в качестве налогового чиновника была от начала до конца направлена на их разрушение во имя создания монополии английских империалистов и местных помещиков на землю и оросительные сооружения.

представляют общее дело всех владельцев водных долей в деревнях, получающих воду из одного канала. В этом отношении они действуют в качестве общего целого под руководством своего таппа-малика (в таппу у баннучей обычно входило около 30 деревенских общин. — *И. Р.*) или других лиц, представлявших их интересы ¹.

Число людей, выставленных на работу каждой общиной, в настоящее время по большей части остается таким же, каким оно было до аннексии страны, а тогда оно находилось в твердом соотношении с долей воды. Каждая деревня имеет соответственный список. Общее правило таково, что каждый имеющий долю воды (и в соответствии с ее величиной), обязан участвовать в работе. Даже духовные лица, деревенские старшины и таппа-малики не освобождаются от этой повинности» ². Однако как говорит дальше цитируемый источник, владелец доли воды не был обязан личным трудом участвовать в работе по сооружению бандов и очистке каналов от ила. Эта повинность, как правило, лежала на плечах хамсая. «Там, где землю обрабатывают арендаторы, они выполняют работы на оросительной сети (эту повинность у баннучей называли *бегар*, или *тинга*. — *И. Р.*) за своих землевладельцев; участие в такой работе является обычным условием аренды хамсая среди баннучей» ³. Поскольку у баннучей число хамсая вдвое превышало число свободных, надо полагать, что бегар в основном выполнялся подневольным трудом зависимых ⁴.

Если сооружение (вероятно, и ремонт) плотин и насыпей у баннучей было общим делом владельцев долей воды в нескольких деревнях, получающих воду из общего канала, то очистка оросительной сети в пределах данной деревенской общины была коллективным делом этих землевладельцев в такой общине. Организация работы, повидимому, производилась на тех же основаниях, как при сооружении плотин (бандов). А именно — каждый владелец доли воды в соответствии с ее величиной был обязан либо сам участвовать в бегаре, либо обеспечить замену в лице своего хамсая. Должностным лицом, ведавшим всеми делами водного хозяйства в деревенской общине, начиная с распределения воды и кончая выходом на бе-

---

¹ Здесь, вероятно, имеется в виду цальвешти. О цальвештиях см. ниже.

² S. S. T h o r b u r n. Bannu settlement report. Цит. по Тапперу (С. L. T u r r e r. Ук. соч., т. III, стр. 175).

³ Там же.

⁴ Об этом прямо говорит следующее сообщение: «После английского завоевания сначала возникла трудность, поскольку землевладельцы-афганцы отказывались личным трудом участвовать в работах по очистке каналов от ила. Их деды и прадеды никогда не занимались работой, достойной лишь хамсая, и они совершенно не понимали, почему с них требуют такой работы» (Gazetteer of the Bannu District, стр. 119).

гар, был цальвешти¹. В Пешаваре подобное должностное лицо носило название мираба, в Дера-Гази-хане — мамала. Очевидно, цальвешти у баннучей являлся представителем интересов всех владельцев долей воды в данной деревенской общине, назначался ими и отвечал перед ними. Вместе с тем он подчинялся и таппа-малику, ведавшему водным хозяйством области. В качестве распорядителя водным хозяйством таппа-малик первоначально выступал представителем интересов и уполномоченным всех владельцев долей воды на данной территории. Надо полагать, что в дальнейшем и цальвешти, и в особенности таппа-малик не только сумели сами присвоить более крупные доли воды, но в качестве должностных лиц водного хозяйства действовали в интересах эксплуататорской верхушки баннучей, в данном случае — наиболее богатых и влиятельных владельцев долей земли и воды, членов водо-земельной общины².

Водо-земельная община баннучей являлась по своей форме родовой общиной, ибо к ней мог принадлежать только член определенного племени. Вместе с тем она являлась по своему существу организацией территориальной, ибо объединяла в качестве таковых всех владельцев долей воды, живущих на определенной территории и являвшихся одновременно владельцами земли.

Водо-земельная община, и в этом заключается суть дела, обладала своей специфической, и притом достаточно прочной, производственной основой. Производственная основа возникновения водо-земельной общины заключалась в организации совместного труда ее членов по созданию, поддержанию в порядке и эксплуатации сети каналов и других оросительных сооружений, что осуществлялось не только общими усилиями, но в известной мере и по общему плану, ибо оросительная сеть

---

¹ Цальвешт значит на пушту буквально «сорок». Цальвешти — «один на сорок», или «один из сорока» — словообразование по образцу русского — десятник, сотник. В прошлом у афганских племен — выборное лицо, облакавшееся властью лишь во время военных действий или для обеспечения безопасности племени во время перекочевки. Цальвешти выбирали из своей среды мира-цальвешти и в свою очередь подчинялись ему. Впоследствии цальвешти превратились в постоянно действующих должностных лиц, хотя и выборных, но уже пользовавшихся большим объемом принудительной власти над членами племени как в военное, так и в мирное время. В этом отношении типичным примером являются цальвешти у бабури и гандапурцев в XIX в.

² Пользуясь здесь и в дальнейшем термином «водо-земельная община», мы исходим из установившегося в советской науке применения этого термина к общинам туркмен, сходным с афганскими. В отношении туркмен см., например, в статьях Я. Р. Винникова и Г. П. Васильевой. «Среднеазиатский этнографический сборник» вып. I. М., Изд-во АН СССР, 1953.

баннучей с самого начала представляла не механическое скопление отдельных сооружений, а их систему, которая могла действовать только в качестве единого целого. В дальнейшем производственной основой водо-земельной общины баннучей стало единое водное хозяйство, настоятельно требовавшее общей организации для регулирования орошения, распределения воды, ремонта и расширения ирригационных сооружений, очистки каналов от ила, борьбы с наводнениями и т. п. Ирригационные сооружения и оросительную сеть нельзя было поделить между отдельными владельцами, подобно тому, как это делали с землей. Наоборот, условием процветания отдельных хозяйств, которые порознь обрабатывали принадлежащую им землю, являлось сохранение общей ирригационной системы, общего водного хозяйства, а следовательно, и общей собственности на оросительные сооружения. Поэтому более крупные оросительные сооружения, как магистральные каналы, оставались общей собственностью общины таппа (области), а боковые каналы и местная сеть оставались в общей собственности общин отдельных деревень¹. Владелец доли воды не был и не мог стать собственником ирригационных сооружений или оросительной сети (разумеется, за исключением той ее части, которая сооружалась им самим на принадлежащей ему земле). Более того, его существование в качестве владельца доли воды в данном случае вообще невозможно вне и помимо водо-земельной общины и общей собственности на оросительные сооружения. Но эта общая собственность (овеществленная единой системой ирригации, общим водным хозяйством, общим трудом по ее расширению и поддержанию в порядке) не только не исключает, но, наоборот, предполагает индивидуальное использование и присвоение воды, поступающей из источников орошения для полива полей. Это было совершенно неизбежным потому, что у баннучей не только отсутствовала система коллективной обработки земли и общего ведения сельского хозяйства (первоначальная форма производства общинно-родового строя, которой, кстати, мы не смогли обнаружить у афганцев), но сама земля была, как было выше показано, раз навсегда разделена между членами господствующего племени, которые обрабатывали ее каждый в отдельности и имели свое личное хозяйство, свой рабочий скот, свои орудия производства. В этих условиях форма производственных отношений, сложившаяся на основе отношений непосредственных производителей к такому средству производства, каковым являются оросительные сооруже-

---

¹ «Каждый магистральный канал, — пишет Торборн, — представляет общую собственность нескольких деревень, получающих определенную долю воды либо непосредственно из этого канала, либо из его боковых ответвлений». (Цит. по кн. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 168).

ния, получила в своем дальнейшем развитии двойственную и противоречивую сущность. В качестве члена общины и по отношению к ней обладатель водной доли выступает лишь как совладелец и участник общей и нераздельной собственности на оросительные сооружения, что находит свое материальное выражение в общем труде по расширению и очистке ирригационной сети, в общей заботе о регулировании орошения и т. д. В этом своем качестве член общины является не более как участником коллектива и не имеет отдельного и самостоятельного существования вне и помимо этого коллектива. Вместе с тем сама форма участия владельцев долей воды в общем труде на оросительной сети определяется, и притом чем дальше, тем больше, развитием отношений эксплуатации в личном хозяйстве самого владельца доли земли и воды. Как правило, владелец доли воды сам не участвует в общей работе по расширению, ремонту и очистке оросительной сети, а использует для этой цели подневольный труд хамсая, превратив бегар или тинга в обязательное условие держания земли райят-и хамсая.

С другой стороны, владелец доли воды, выступая в качестве монополиста, имеющего доступ к источникам орошения, противостоит тем владельцам земли (в данном случае неважно, являются ли они непосредственными производителями или принадлежат к числу эксплуататорских элементов), которые сами либо вообще не имеют этого доступа, либо получают воду для полива полей в недостаточном количестве. В пределах этого отношения между владельцем доли воды и владельцем земли, лишенной воды или получающей ее в недостаточном количестве, владелец доли воды выступает как собственник, который использует принадлежащее ему право на долю воды для целей эксплуатации. Доля воды, так же как земля становится объектом купли, продажи, залога, в конечном счете превращается в товар. Подобное явление наблюдается не только у баннучей, но и у многих других афганских племен, перешедших от скотоводства к поливному земледелию¹. В специфических условиях, когда воды для орошения очень мало, а земли, пригодной для возделывания сравнительно много, владение долей воды приобретает особенно большую ценность. Именно поэтому эксплуататорские элементы всеми способами стремились захватить максимальное количество долей воды, подчинив тем самым себе общину, что им в значительной мере и удалось сделать ко

---

¹ В налоговом отчете по дистрикту Дера-Исмаил-хан говорится следующее: «У племени бабури права собственности на землю и воду полностью разделены. Водой владеют совершенно независимо от земли и на основании долей другой категории; человек может быть крупным собственником воды, хотя ему не принадлежит ни одного акра земли» (Цит. по кн. С. Л. Т у р р е г. Ук. соч., т. III, стр. 166).

времени прихода англичан. Захват долей воды эксплуататорской верхушкой, что ставило непосредственного производителя, независимо от того, был ли он или не был владельцем земли, в экономическую зависимость от владельца воды, был характерной формой развития феодальных отношений в обществе баннучей¹.

«В таппах, где воды всегда не хватает по сравнению с площадью земли, которая подлежит орошению, лица, являющиеся потомками первоначального основателя деревни, или вернее создателей того ответвления канала, на котором она стоит, а также лица, которые приобрели эти права посредством покупки, насильственного захвата или какими-либо другими путями, попрежнему цепко и упорно держатся за принадлежащие им доли воды. Здесь лишь немногие чужаки имеют доли воды. Такие доли продаются, покупаются и закладываются совершенно независимо одна от другой. В таких таппах приобретение земли не дает никаких прав на воду, хотя бы землевладелец и был готов участвовать в бегаре по очистке и ремонту оросительной сети»².

Как видно, монопольное право владельцев долей воды на доступ к источникам орошения и их использование приняло наиболее яркую и законченную форму именно в тех районах, где много земли, пригодной для орошения, а воды для ее полива вечно не хватает. Обычной формой отношений между владельцем водной доли и его арендатором было следующее: арендатор выполняет бегар соответственно получаемой доле воды и сверх того в половинном размере выполняет бегар на владельца земли и водной доли. Здесь формой эксплуатации является своеобразная отработка на владельца доли воды³. Второй

---

¹ Это же является характерным в той части страны Гандапур, где существовали условия орошения, сходные с Банну, а именно — наличие общего водного хозяйства на основе единой системы орошения при остром недостатке воды по сравнению с площадью, которую возможно использовать под поливное земледелие. Мы имеем в виду район Рори, орошаемый системой каналов из реки Кальпани и болота Дрик. Здесь вода была первоначально поделена на 352 водных доли. «В настоящее время, — сообщает Налоговый отчет по дистрикту Дера-Исмаил-хан за 1879 г., — эти водные доли почти целиком сосредоточены в руках наиболее влиятельных ханов. Они постепенно перешли к ним путем покупки водных долей у отдельных членов племени. Указанным собственникам долей воды (т. е. ханам. — *И. Р.*) сейчас принадлежит большая часть земли в районе Рори». (С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 166).

² См. Налоговый отчет по дистрикту Банну. Цит. по кн. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 175—176.

³ Оработка только по очистке каналов от ила занимала от 8 до 12 рабочих дней в году. (См. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 109). Кроме того, хамсая участвовали в бегаре по постройке насыпей и плотин, равно как в работах по их ремонту. Это значительно увеличивало продолжительность и тяжесть отработки.

формой отношений между владельцем доли воды и его арендатором была не только отработка бегара на владельца, но и уплата ему продуктовой или денежной ренты. Третья форма этих отношений¹ обнаруживает определенное сходство с институтом млатара (о нем см. в главе III). Арендатор отдается под покровительство владельца водной доли, совершает обряд своеобразной коммендации (хаст — торжественное обращение с просьбой о защите и покровительстве) и в этом случае не выполняет бегара на оросительной сети, не платит ни продуктовой, ни какой-либо другой ренты, но обязан нести военную службу и выступать во всех столкновениях на стороне своего покровителя.

У бабури и у баннучей постепенный захват эксплуататорскими элементами права на доли воды являлся специфической формой развития феодальных отношений. Захватив большинство долей воды, подчинив себе далее общину, а тем самым установив свой контроль над оросительными сооружениями — этим жизненным нервом поливного земледелия, — эксплуататорские элементы стали экономически господствующими, получили могучее средство экономического принуждения по отношению к непосредственным производителям, лишенным доступа к источникам орошения и не обладавшим правом на доли воды для полива полей.

Этот путь развития феодальных отношений мог иметь место только в определенных условиях производства. Мы имеем в виду наличие относительно крупных оросительных сооружений (каналы), представляющих общую систему. Монополизация доступа к источникам орошения, ограниченным по отношению к площади земли, которую можно оросить, также являлась предпосылкой формального отделения собственности на водные доли от собственности на землю. В этих условиях развивавшаяся из разложения форм коллективной собственности, унаследованных от общинно-родового строя, собственность крестьянина на землю оказалась обесцененной, ибо экономическое хозяйство непосредственного производителя было поставлено в зависимость как от водо-земельной общины, где господствовали эксплуататорские элементы, так и от отдельных владельцев долей воды, выступавших в качестве непосредственных эксплуататоров крестьян, имевших землю, но не имевших воды для ее полива.

* * *

Другой отпечаток получили производственные отношения, сложившиеся на почве развития поливного земледелия в тех

¹ Три формы отношений между собственником водной доли и арендатором изложены на основании данных газеттира дистрикта Банну. (См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 105).

районах Дамана, где преобладало орошение при помощи бандов. Здесь дело ограничивалось сооружением отдельных, изолированных друг от друга систем мелкого орошения, представлявших либо несколько окруженных насыпями (бандами) полей, расположенных в виде террас, последовательно орошавшихся напуском полой воды, либо сочетавших орошение напуском полой воды с постройкой отдельных плотин и созданием небольших водоемов. Такая плотина со своим водоемом опять-таки обслуживала несколько примыкавших друг к другу и огражденных насыпями и террасированных полей, образуя вместе с ними небольшую и замкнутую в себе систему мелкого орошения.

Три черты в корне отличают развитие поливного земледелия на равнине Дамана от того, что мы наблюдали у баннучей. Во-первых, строительство мелких оросительных сооружений Дамана не требовало общих усилий большой массы людей, а равно и значительной затраты материальных средств. Во-вторых, поскольку дело шло о взаимно изолированных системах мелкого орошения, равным образом не было никакой нужды в создании водо-земельной общины, которая обеспечивала бы распределение воды, ремонт и очистку оросительной сети в условиях единого водного хозяйства, охватывающего большой массив орошенных земель (больше 70 000 акров в Банну). В-третьих, разница заключалась и в том, что в Дамане потенциальный источник орошения был неограничен — воды в половодье было сколько угодно, надо было только суметь задержать ее и использовать. В то время как в Банну и в стране бабури источники речного орошения были ограничены, а доступ к ним монополизирован водо-земельной общиной, в Дамане источник орошения полой водой не был ограничен, а доступ к нему относительно свободен, ибо всякий собственник бесплодной и пустующей земли, не представлявшей большой ценности, был непосредственно заинтересован в превращении ее в землю культурную и орошенную. Поэтому собственники земли не только не ставили препятствий колонизации пустующих земель и их освоению под поливное земледелие, но, наоборот, всячески старались привлечь на такие земли переселенцев и колонистов, наделяя их землей на сравнительно льготных условиях. Орошение путем ограждения полей насыпями и строительство небольших плотин, а в отдельных случаях и глубоких колодцев, в условиях колонизации и освоения пустующих, бесплодных земель обусловило своеобразный характер развития поливного земледелия и положило отпечаток на производственные отношения в Дамане.

Основными формами держания земли райят-и хамсая в Дамане стали: на равнине — *латх-банд* (связанная с сооруже-

нием насыпей, плотин и других оросительных устройств); в лесистых предгорьях — *бутимар* (связанная с расчисткой целины или джунглей под пашню).

Сооружение «бандов» обычно велось небольшими артелями от шести до двенадцати человек, причем каждый участник должен был иметь свою упряжку быков. Но после окончания постройки бандов артель сохраняла свое существование. В условиях орошения полей путем напуска быстро спадавшей полой воды, пахоту и посев нужно было производить с максимальной быстротой, что достигалось последовательной обработкой всей орошенной земли коллективным трудом всех членов артели. «В Дамане банды обычно большой величины. Когда полая вода стоит высоко, необходимо быстро вспахать и засеять значительную площадь земли. Поддержание в порядке насыпей, служащих для ограждения полей, также требует тяжелого труда. Поэтому глава артели, или латх-банд, заинтересован в том, чтобы привлечь побольше работников. Эти последние, вступая в артель, приводят собственную упряжку быков (джора) и получают название бхаивала (побратимы. — *И. Р.*). Глава артели, или латх-банд, в зависимости от средств, сам также выставляет одну или две упряжки быков, и вся артель, объединяющая определенное число людей и определенное число плугов (упряжек быков. — *И. Р.*) называется халара. В некоторых частях Дамана, в частности в районе Кулачи, число плугов в халара достигает десяти-двенадцати. В районах, расположенных ближе к Инду, в халара насчитывается всего пять или шесть плугов. Члены артели земледельцев, включая самого латх-банду и привлеченных им людей, называются джоравала (владельцы упряжки быков. — *И. Р.*). Члены артели делят урожай по плугам. Однако латх-банд, в придачу к доле, которую он получает по числу выставленных им плугов, получает добавочную долю на упряжку умерших быков, с помощью которых, как предполагается, была первоначально построена насыпь, ограждающая поле. Эта добавочная доля зовется мойяджора, или доля мертвой упряжки быков. Термин мойяджора сейчас равнозначен ренте, т. е. той доле урожая, которая выплачивается собственнику земли независимо от налога правительству и отчислений на содержание общинных слуг и ремесленников. Иногда рента взимается в размере двух мойяджора (т. е. двух плужных долей. — *И. Р.*), но в тех случаях, когда латх-банд сам участвует в земледельческих работах, он обычно получает только одну добавочную долю. Величина этой доли зависит от числа джоравала. Если их семь, то он получает одну восьмую часть урожая в качестве мойяджора, если их три, то он получает четверть урожая. . . только те члены артели, которые участвовали в сооружении первоначальных

насыпей, получают права вечно-наследственных держателей земли»¹.

В дальнейшем многие держатели земли на основе латхбанд фактически превратились в собственников, а их поселения в соседские общины, где раздел земли был произведен неравными долями по плугам или, что то же самое, по упряжкам быков, впрягавшихся в плуг. Джоравала, обладавший большим количеством рабочего скота, получал и большее количество земли. Первоначальный собственник (т. е. господствующее племя или отдельный член этого племени) сохранял за собой альменду (в отличие от пахотной, орошенной земли, которая подвергалась полному разделу между джоравала) и право на получение небольшого сбора, носившего характер символического признания его прав на землю в качестве верховного собственника (аламалика)².

Одновременно развивалось держание земли теми хамсая, которые участвовали в расчистке джунглей (бутимар) и сооружении глубоких колодцев. Эти работы велись небольшими артелями, и раздел освоенной земли между членами таких артелей также производился «по плугам». В конечном счете, из этих хамсая также образовались соседские общины, обязанные лишь «символической рентой» в пользу верховного собственника земли, обычно выходца из господствующего племени³.

Характерной чертой развития феодальной собственности в этих районах Дамана, по нашему мнению, явилось то, что она сложилась не столько на почве той номинальной собственности, которой первоначально владело господствующее племя, его подразделения, роды или отдельные члены над безлюдными и бесплодными или покрытыми джунглями землями, равно и не на почве тех отношений, которые возникли в процессе ос-

---

¹ См. налоговый отчет по дистрикту Дера-Исмаил-хан. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 108—109.

² См. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. II, стр. 38—39.

³ В расположенном южнее дистрикте Дера-Гази-хан строители или строители колодца приобретали собственность на орошенные этим колодцем земли (См. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. II, стр. 22). Еще в 1874 г. из 13 727 земельных владений, орошавшихся в Дера-Гази-хане колодцами, 12 727 находились в нераздельной собственности членов артелей, построивших эти колодцы. (См. там же). У вазиров оживление земли путем постройки оросительных сооружений или расчистки целинных земель также давало право собственности. (Там же, стр. 18). Подобными же артелями, только более крупными и состоявшими из числа жителей нескольких соседних деревень, производилась у дурраниев постройка подземных водосборных галерей кяризов, служивших для отвода воды от горных ключей и источников на располагавшиеся ниже, иногда на расстоянии нескольких километров, орошенные поля. (См. Мао Грегг. Ук. соч., стр. 238).

воения этих земель трудом небольших самостоятельных артелей из хамсая или колонистов (из этих отношений выросла фактическая собственность джоравала и бутимаров на орошенные или расчищенные ими земли и соседская община, как форма объединения этих собственников), а в основном имела другой источник.

Номинальная собственность господствующего племени становилась реальной только по мере орошения бесплодных и расчистки целинных, заросших джунглями, земель. Формой реализации этой собственности обычно являлся небольшой поземельный налог (маликана), может быть, первоначально это была дань, которая взималась в пользу господствующего племени с хамсая, освоивших бесплодные или целинные земли и сидевших на них.

Как указывалось выше, подобные земли долгое время находились в качестве нераздельной собственности в распоряжении всего племени или его отдельных подразделений и доход (сначала дань, затем налог) с таких земель поступал данному родственному союзу в целом и только потом распределялся по соответственным долям (хуля) между отдельными членами племени.

Подобный порядок существовал у гандапурцев, бабури и многих других племен Дамана. Как уже указывалось, дело доходило до того, что каждый член племени мог закладывать, продавать свою долю будущих доходов из поступлений маликана. На почве взимания маликана и возникли отношения аренды *ниава* (фактически это была своеобразная форма откупа), которые стали удобной почвой для развития феодальной собственности.

Понятно, что афганские племена не располагали особым налоговым аппаратом для сбора маликана, да и вообще не имели никакого опыта в этом деле. Отсюда возникла практика передачи сбора поземельного налога с хамсая на откуп особым лицам, получившим название *ниавадаров*¹. Откуп носил своеобразную форму. Будущий откупщик выступал в качестве арендатора земель общей марки племени или его подразделения, и вносил крупный денежный аванс в счет арендной платы. Взамен он не только становился откупщиком маликана на территории, которая входила в состав его

---

¹ *Ниавадар* — обладатель или держатель *ниава*. *Ниавой* называли как сумму денег, которую вносил будущий откупщик, чтобы получить землю общей марки в аренду, так и само держание земли. Термин *ниава* индийского происхождения. Его первоначальное значение в санскрите — «равенство», не имеет ничего общего с его дальнейшим значением у афганцев — «захват», «обладание», «фактическое владение». (См. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 223).

держания как арендатора общей марки, но приобретал на этой территории на срок своего держания право распоряжаться землей в качестве представителя и уполномоченного господствующего племени, остававшегося верховным собственником земли.

Вот что сообщается в налоговом отчете по дистрикту Дера-Исмаил-хан о возникновении и развитии держания ниава в конце XVIII—начале XIX в.: «Трудности, связанные с управлением их широко разбросанными землями привели к тому, что гандапурцы стали сдавать их крупными массивами посредникам, которые занимают промежуточное положение между собственником и крестьянином. Стало общим порядком, что подобный посредник авансировал денежную сумму, известную как ниава, собственникам земли, что было предварительным условием получения управления (откупа. — *И. Р.*). Это исключало возможность произвольного смещения, так как нужно было сначала вернуть ниавадару внесенный аванс. Таким образом, ниавадар стал своеобразным арендатором земель, отданных ему в управление (на откуп. — *И. Р.*). Ниавадар от времени до времени вносил дополнительные суммы денег всей корпорации собственников или отдельным собственникам, чтобы расположить их в свою пользу. Так разбухал счет ниавадара. Дополнительные суммы обычно вносились ниавадаром под угрозой смещения, ибо корпорация собственников всегда была готова передать земли другому лицу, которое было бы готово расплатиться с нынешним ниавадаром и в свою очередь приплатить кое-что за возможность получить землю. Иногда ниавадар получал свое держание на определенный срок, но обычно такого срока не устанавливалось и земли держания ниава были в любую минуту доступны тому, кто даст за них больше, за исключением тех случаев, когда боялись задеть интересы влиятельного лица»¹.

Доходы ниавадара прежде всего составлялись из разницы между фактическим размером поборов, которые он сам взимал с непосредственных производителей, и твердо фиксированной суммой маликана, которую он был обязан выплачивать господствующему племени, от которого держал землю. Ниавадар располагал большими возможностями увеличить свою власть и над землей, находившейся в его держании-откупе, и над крестьянами, которые сидели на этой земле. С крестьян он кроме маликаны (налога в пользу господствующего племени — верховного собственника земли) брал дополнительный побор (получивший название мойджора муртахин), равный доле од-

---

¹ См. Налоговый отчет по дистрикту Дера-Исмаил-хан, С. Л. Туррег. Ук. соч., т. III, стр. 222—223.

ного плуга из урожая, собранного членами данной артели (бхаивала).

В некоторых случаях он изгонял потомков исконных земледельцев, первоначально освоивших бесплодные или целинные земли, и передавал их участки держателям, которые должны были выполнять различные повинности на ниавадара и платить ему тяжелую ренту. Ниавадар в широких размерах сам проводил освоение целинных и бесплодных земель, сажал на эти земли колонистов, снабжал их рабочим скотом и сам участвовал своими работниками и рабочим скотом в сооружении бандов и расчистке джунглей. В таких случаях он взимал с держателей земли и обычную мойяджору в качестве главы артели (латх-банда) и мойяджору муртахин в качестве ниавадара. В ряде случаев ниавадары основывали в порядке подобной колонизации целые деревни и поселения и становились их фактическими собственниками. «Большинство мелких деревень в стране Гандапур были основаны ниавадарами и принадлежат им в течение многих поколений; общим результатом хозяйничанья ниавадаров было подавление держателей земли латх-банд; в конце концов они оказались низведенными на положение бесправных арендаторов, не имеющих постоянных прав на землю»¹.

Развитие земельно-водных отношений ярко иллюстрирует общий и другим афганским племенам процесс. Однородный процесс происходил и у тех племен, в хозяйственной жизни которых водные отношения не играли столь значительной роли. На почве разложения коллективной собственности, наследия первобытно-общинного строя, в конечном счете складывается частная собственность на землю в двух ее формах — индивидуальной крестьянской собственности, в данном случае — латх-бандов и бутимаров, первоначально освоивших бесплодные и целинные земли, и феодальной собственности, в данном случае — ниавадаров.

В победе феодальной собственности решающей оказалась экономическая сила ниавадаров, которые располагали значительно большими материальными средствами (рабочий скот, орудия производства и т. д.) для колонизации и освоения бесплодных и пустующих земель, чем отдельные крестьянские хозяйства и даже небольшие артели (халара) таких крестьянских хозяйств. Окончательно добились крестьянскую собственность в Дамане и превратили ниавадаров в помещиков во второй половине XIX в. английские завоеватели, которые здесь, как и повсюду в Индии, ставили задачей своей аграрной

---

¹ См. Налоговый отчет по дистрикту Дера-Исмаил-хан, С. Л. Турфер. Ук. соч., стр. 223.

политики создание монополии чужеземных империалистов и местных помещиков на землю и оросительные сооружения.

Процесс разложения общей собственности прослеживается не только на держании латх-банд, бутимар, ниава, но и на эволюции всех форм земельных и земельно-водных отношений, возникших в афганском обществе в последний период существования общинно-родового строя и его разложения, когда в недрах этого строя непосредственно складывались материальные предпосылки для перехода к феодализму, а затем происходило и само формирование феодального общества.

Анализ различных форм производственных отношений в афганском сельском хозяйстве показывает изменение их внутреннего содержания в связи с ростом производительных сил, развитием общественного разделения труда, увеличением имущественного неравенства, расширением сферы феодальной эксплуатации и увеличением ее интенсивности, дальнейшим углублением деления на эксплуататоров и эксплуатируемых, дальнейшим складыванием антагонистических классов феодалов и крестьянства.

Экономической основой складывания крестьянства в класс является то обстоятельство, что, с одной стороны, развитие производительных сил делает все более невыгодным применение рабского труда в земледелии, ведет к замене его более производительным и инициативным трудом крестьянина, собственника своего личного хозяйства и орудий производства (отсюда постепенное сближение статуса раба и зависимого — хамсая), что, с другой стороны, прочная оседлость и развитие своего земледельческого хозяйства, в процессе освоения захваченной земли фактически превращает значительную часть членов господствующего племени в крестьян. Их отношение к земле как основному средству производства, в растущей степени определяется уже не тем, что они члены господствующего племени, а тем, что они непосредственные производители, самостоятельно ведущие свое личное хозяйство, обрабатывающие землю своим трудом и своими орудиями производства. Условием их существования в качестве таковых становится не объединение в родственный союз, а объединение территориальное — деревенская община, в то же время имеющее и свою собственную производственную основу (внутреннее разделение труда между земледелием и ремеслом в деревенской общине; водное хозяйство в водо-земельных общинах). Таким образом саморазвитие производства, переход к более высокому уровню земледельческой культуры, в частности к поливному земледелию, совершается в условиях, когда основным агентом и носителем этого развития выступает личное хозяйство непосредственного производителя, ведущего обработку принадле-

жащей ему земли своим трудом и своими орудиями производства.

Гарантией и условием его существования в растущей степени становится территориальное объединение (деревенская община), в то же время имеющее и свою указанную выше производственную основу. Отсюда тенденция превращения различных форм держания земли непосредственными производителями в их частную земельную собственность, а деревенскую общину в общину соседскую, объединяющую всех жителей деревни, совершенно независимо от их родственных делений¹. Эта тенденция также находит свое проявление в классовой борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров. Дело в том, что вся масса трудящихся, независимо от деления на рабов, зависимых и свободных, в растущей степени подвергается феодальной эксплуатации, что неизбежно ведет к их сближению на почве осознания своих общих интересов в борьбе против их общих врагов.

Таким образом, первая тенденция развития афганского общества при переходе его к феодализму заключалась в превращении всей массы непосредственных производителей (не только трудящихся членов господствующего племени, но рабов и хамсая) в частных собственников земли, а афганской деревенской общины в соседскую общину. Победа этой тенденции развития, на наш взгляд, не только не исключала развития феодальных отношений, но, наоборот, в конечном счете максимально приблизила и ускорила бы переход к новому общественно-экономическому строю во всем афганском обществе, ибо означала наиболее быструю и полную ликвидацию старых, унаследованных от общинно-родового строя производственных отношений и таких пережиточных форм эксплуатации, как рабство.

---

¹ Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указывает: «Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти участки стали принадлежать им на правах наследственной собственности. К чему они за последнее время более всего стремились — так это именно к освобождению парцеллы от прав на нее со стороны родовой общины, прав, которые стали для них оковами. Оковы эти исчезли, но вскоре после того исчезла также и новая земельная собственность. Полная, свободная собственность на землю означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, она означала также возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей. Что это означало, уяснили ему деньги, изобретенные одновременно с частной собственностью на землю. Земля могла теперь стать товаром, который продают и закладывают». (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1948, стр. 299).

Проявление этой тенденции весьма затруднялось крайней раздробленностью афганского общества, разделявшегося именно в это время на отдельные, в значительной мере экономически самодовлеющие и изолированные друг от друга общины. Эти общины вместе с тем выполняли функции подавления рабов, хамсая, деревенских слуг и ремесленников, обеспечивая возможность их эксплуатации со стороны свободных, членов господствующего племени, которые одни были полноправными членами общины. Отсюда заинтересованность значительной части свободных, а прежде всего эксплуататорских элементов, в сохранении существующих земельных и общественных порядков в той мере и степени, в какой они обеспечивали господство над рабами и покоренными. Таким образом, трудящиеся, с одной стороны, противостояли эксплуататорам как крестьяне, как класс складывающегося феодального общества, а с другой стороны — сохраняли все внутренние перегородки, унаследованные от общинно-родового строя периода его разложения, которому было свойственно деление на рабов, зависимых и свободных.

Но не следует преувеличивать степени развития тенденции возникновения крестьянской собственности у афганцев. Эта форма собственности развивалась у одних афганских племен больше, у других меньше, но нигде она не стала преобладающей. Более того, у ряда афганских племен, у которых большую силу сохранила родовая община, как, например, у вазиров, отчасти у юсуфзаев, развитие крестьянской собственности находилось в зародыше.

При наличии феодального окружения, ближайшего соседства афганцев с более развитыми народами, у которых давно сложился феодальный строй, процесс складывания частной крестьянской собственности не успел завершиться. Поэтому феодальная собственность на землю возникла и развивалась не только за счет уничтожения и поглощения крестьянской собственности, а одновременно с ней, в сосуществовании и в противоречии с ней. В этом мы видим специфику становления феодальных отношений у афганцев, которая проявилась в большей или меньшей степени на общественно-экономическом развитии важнейших афганских племен в процессе перехода от общинно-родового строя к феодализму. Вторую особенность этого процесса мы склонны видеть в тормозящей роли остатков рабства, причем необходимо подчеркнуть, что сила этих пережитков рабства также не была одинаковой у различных афганских племен. У одних племен эти пережитки имели большее значение, чем у других, а у третьих вообще отсутствовали.

Если первой тенденцией, заложенной в развитии афганского общества, была тенденция превращения всей массы трудящихся

в крестьян-собственников, а их земельных держаний в крестьянскую собственность, то другой тенденцией являлось непосредственное превращение всех их в зависимых крестьян, сидящих на земле, составляющей собственность феодалов. В экономическом отношении развитие феодальной собственности было явлением прогрессивным по сравнению с первобытно-общинным и рабовладельческим способом производства, ибо содействовало дальнейшему развитию производительных сил. В особенности велика была роль эксплуататорских элементов в освоении и колонизации пустующих и целинных земель, как это мы наблюдали на примере Дамана. Развитие феодальных отношений и феодальной собственности имело своей основой экономическую силу эксплуататорских элементов и расширяющийся захват ими основных средств производства — земли и оросительных сооружений. Феодальная собственность выростала из всех форм земельных отношений, унаследованных от первобытно-общинного строя, видоизменяя и извращая их внутреннее содержание. Лишь в некоторых случаях может идти речь о возникновении совершенно новых форм производственных отношений, полностью соответствующих развитию феодального способа производства, как, например, ниава и сери. В огромном большинстве случаев типичным является сохранение старых форм производственных отношений, при извращении их сущности, изменении их классового содержания. Суть дела заключается не в том, что в экономическом отношении возникавшие из разложения общей собственности антагонистические формы феодальной и крестьянской собственности были прогрессивными, содействовали и облегчали развитие новых производительных сил общества, а в том, что эксплуататорские элементы, складывающиеся в класс феодалов, были в ряде случаев заинтересованы больше трудящихся, складывающихся в класс крестьянства, в сохранении старых форм производственных отношений, унаследованных от общинно-родового строя, разумеется при условии внутреннего изменения содержания этих отношений и растущего приспособления их к потребностям феодальной эксплуатации. Первоначальной питательной средой возникновения и развития эксплуататорской верхушки афганского общества была эксплуатация рабов и покоренных. Эту свою экономическую базу эксплуататорская верхушка господствующего племени всячески стремилась полностью сохранить и в условиях дальнейшего развития феодальных отношений.

Экономически только часть трудящихся — свободных была, в известной мере, заинтересована в сохранении хамсаята и рабства. Те свободные, которые в связи с ростом имущественного неравенства и феодальной эксплуатации лишались земли

и переходили в ряды зависимых, были, наоборот, заинтересованы в полном уничтожении этих институтов (не говоря уже о рабах и основной массе зависимых, никогда не принадлежавших к составу господствующего племени). Эксплуаторская же верхушка у афганцев целиком выступала за сохранение хамсая и рабов, ибо именно ей доставались основные выгоды от эксплуатации тех и других.

Сохранение института хамсаята и рабства, в чем была самым кровным образом экономически заинтересована эксплуататорская верхушка, складывающаяся в класс феодалов, означало частичное сохранение старых форм производственных отношений, унаследованных от переходного от первобытно-общинного к феодальному строю времени, означало сохранение и использование феодалами тех институтов и установлений, которые обеспечивали эксплуатацию и подавление эксплуататорской верхушкой рабов и покоренных.

Таким образом, развитие феодальной собственности было явлением экономически прогрессивным. Но в определенных конкретно-исторических условиях тенденция развития, за победу которой боролась эксплуататорская верхушка афганцев, не только содействовала развитию производительных сил, но в известной мере тормозила его в силу заинтересованности этой эксплуататорской верхушки в сохранении старых, отмиравших форм производственных отношений и связанных с этим пережитков, унаследованных от первобытно-общинного строя. Поэтому на данной стадии развития афганского общества, имея в виду процесс развития феодализма в целом, более прогрессивной была тенденция превращения всей массы трудящихся в крестьян, а их земельных держаний в крестьянскую собственность.

Победа последней тенденции означала более быстрое и широкое развитие феодализма во всем афганском обществе, при сохранении наименьших остатков и пережитков первобытно-общинного строя и рабства. Наоборот, победа второй тенденции означала более медленное, более мучительное для трудящихся развитие феодализма, при значительном сохранении остатков и пережитков рабства и первобытно-общинного строя. Вопрос о том, какая тенденция победит, решался в классовой борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров, чему будет посвящена следующая глава нашего исследования.

* * *

Процесс возникновения двух антагонистических форм частной собственности с неизбежностью вел сначала к видоизменению и извращению института веша, призванного обеспечить равенство членов господствующего племени по отношению

к земле, остававшейся общей собственностью данного родственного союза, а затем и к полному исчезновению этого института.

Весьма важную роль в подрыве земельного равенства между членами племени играло развитие обмена даже в его ранних формах. Возникая на почве роста общественного разделения труда, обмен и торговля в свою очередь усиливали имущественное неравенство среди членов родственных союзов, вели к накоплению денежного богатства в руках родовой знати и появлению ростовщичества — торговли деньгами. «Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним»¹. Развитие товарных и денежных отношений имело своим неизбежным следствием превращение долей земли и долей воды, наследственно принадлежащих членам племени, в товар, в отчуждаемую собственность, которая могла закладываться, покупаться и продаваться. А это обстоятельство имело большое значение для развития феодальных отношений: «Итак, с того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупного землевладения стало лишь вопросом времени»².

Покупка, продажа и заклад долей земли (хуля) и долей воды, так же как отношения аренды, являлись признанной практикой во многих афганских землях в конце XVIII — начале XIX в. У гандапурцев в начале XIX в. земля и водные доли продавались, покупались и закладывались, единственным ограничением было требование предварительного согласия родовичей³. У дурраниев, видимо, не существовало этого ограничения уже в XVIII в., о чем свидетельствует зарегистрированная в суде Кандагара купчая крепость 1784 г. на доли земли и доли воды, совершенная в пользу некоей афганской женщины Айни, проживавшей в одной из деревень в округе Кандагара и там же ставшей собственницей долей земли и воды согласно упомянутой купчей⁴. Рост землевладения мусульманского духовенства в Банну происходил главным образом путем отдачи денег в рост под залог земли. Составленный в XVII в. свод обычного права вазиров содержит ряд постановлений, относящихся к порядку разрешения земельных споров, в частности споров, возникающих в результате отношений

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1948, стр. 252.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

³ См. Налоговый отчет по дистрикту Дера-Исмаил-хан. Ук. соч., т. III, стр. 222.

⁴ См. М. Губар. Ахмад-шах Баба-и Афган, стр. 119.

аренды и залога земли¹. А вазирьы были одним из тех афганских племен, где процесс разложения общинно-родового строя происходил несравненно более медленными темпами, чем у дурраниев, баннучей, гандапурцев и многих других афганских племен. В середине XIX в. у равнинных вазиров земля уже продавалась и покупалась².

У марватов накануне английского завоевания дело не дошло до превращения земли в товар, но весьма широкое распространение получили отношения аренды и залога земли. Поскольку именно у марватов периодические переделы земли по душам (хуля-веш) частично сохранились до последней трети XIX в., мы располагаем в отношении марватов более подробными данными, которые конкретно рисуют постепенный рост имущественного неравенства у них в XVII—XIX вв., и захват земли эксплуататорской верхушкой, развитие отношений аренды и заклада земли к XIX в., что подрывало самые основы старых земельных порядков.

Сданные в залог или аренду земли носили у марватов наименование «круговых хуля» (гирзанд-хуля). Торборн так объясняет значение этого термина: «Когда владелец доли закладывает несколько полос своей земли, расположенных в различных концах или вандах, то это называется круговой или гирзанд-хуля»³.

Передел земли не создавал для арендатора (в особенности для арендатора эксплуататорского типа, который добился аренды путем дачи денег в рост под залог земли) прочных основ владения. «У марватов признавалось, что арендатор имеет право на компенсацию земель или деньгами в случае, если оказалось, что число находящихся у него в залоге полос, или хуля, уменьшилось как выморочных в силу смерти первоначального владельца или члена его семьи. Но выплата такой компенсации была возможной только при условии, что в живых оставался сам первоначальный владелец или кто-либо из его потомков. Но если первоначальный владелец умирал, не оставив потомства, права арендатора тем самым прекращались сами собой»⁴.

Разумеется, что эксплуататорские элементы, державшие в залоге земли обедневших членов племени и распорядившиеся этими землями, были заинтересованы в превращении последних в свою полную собственность и выступали решительными противниками переделов земли по душам, так как та-

---

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 368.

² С. Л. Т у р р е г. Ук. соч., т. II, стр. 18.

³ См. «Записку Торборна», стр. 228.

⁴ См. там же, стр. 216.

кие переделы грозили им полной потерей их прав на арендованную землю, если первоначальный владелец умрет без потомства.

Число таких заложенных земель (гирзанд-хуля) в XIX в. было не малым. Так, при подготовке передела земли у марватского подразделения абба-хель выяснилось, что из общего количества 1793 хуля 236 хуля, или 12 с лишним процентов, находились в закладе¹. Далее Торборн отмечает все более распространявшуюся практику изъятия у марватов из сферы действия обычая периодических переделов по душам тех хуля, которые тем или иным путем перешли к богатым и сильным семьям, сумевшим наследственно закрепить такие земли. «Право частной собственности на землю проявляет себя, — отмечает Торборн, — во введении такого новшества как закрепленных долей (fixed shares), которые стали наследственными в некоторых семьях и размер которых совершенно не зависит от численности этих семей»². Так, в числе 182 изъятых из сферы действия веша «закрепленных долей» у подразделения абба-хеля упоминаются 20 хуля, принадлежавшие деревенскому старшине, 3 хуля — деревенскому писарю и 15 хуля — «святым людям». По словам Торборна, ко времени английского завоевания деревенская верхушка марватов (прежде всего малик или старшина) фактически распоряжалась землями выморочных семей (мра-хуля), присваивая себе такие земли³. Наконец, сама организация деревенской общины, с ее внутренним разделением труда между земледелием и ремеслом, повелительно требовала установления устойчивой и независимой от периодических вешей формы землевладения для общинных слуг и ремесленников. Поэтому нас не удивляет, что земли (всего 27 хуля), которыми наделялись общинные слуги и ремесленники, принадлежали у абба-хеля к числу «закрепленных долей», не подлежащих никаким дальнейшим переделам⁴. Если сложить вместе «закрепленные» и заложенные хуля у абба-хеля, то получится внушительная цифра 418 хуля, что составляет 24% общего количества хуля (1793). От заклада хуля до превращения хуля в объект купли и продажи был только один шаг, так же как оставался один шаг от превращения в «закрепленные» некоторой части хуля, к превращению всех хуля в «закрепленные» и наследственные, что означало полное прекращение действия института передела земли по душам и переход земли, составлявшей общую

---

¹ См. «Записку Торборна», стр. 229.

² См. там же, стр. 218.

³ См. там же, стр. 229.

⁴ См. там же.

собственность племени, в отчуждаемую частную собственность (аллод) отдельных владельцев.

Но традиции общинно-родового строя были еще слишком сильны и живучи, чтобы можно было сразу покончить со старым обычаем веша. Обычай переделов земли сохранялся, но сущность его коренным образом видоизменяется. На смену хулявешу, т. е. переделу земли по душам (или, иначе говоря, по численности членов племени, причем каждый из них при каждом новом переделе получает равный с наделами других членов племени по размеру и одинаковый в качественном отношении надел земли), приходит «бадлюн веш» (букв. «обмен поделенного») или передел, который каждый раз воспроизводит уже сложившееся и все увеличивающееся в дальнейшем неравенство между отдельными владельцами, но не устраняет его. Каждый владелец при таком переделе получает, хотя и в другом месте, но такое же количество земли, какое ему принадлежало до очередного «бадлюн веша». Кто имел больше, тот больше и получает. Кто имел меньше, меньше и получает. Каждый остается при своем — таков основной принцип «бадлюн веша».

Именно такой передел земли довольно подробно описал Беллью в 60-х годах XIX в. у юсуфзайского подразделения камальзаев¹. Общее число первоначальных наделов на душу («хуля») равнялось 400. Из них по 200 принадлежало вторичным подразделениям — мышранзаям и кышранзаям. Вторичные подразделения, в свою очередь, делились на третичные, каждое из которых имело по 100 хуля. Беллью затем рассказывает о распределении земли внутри одного из подразделений кышранзаев, занимавшего местность Мардан. Из ста душевых наделов, которыми располагало это подразделение, 12 давно перешли к «святым людям» (земли сери), а 16 хуля еще при первоначальном разделе земли были отданы военным союзникам кышранзаев — людям племени мандури. Оставшиеся хуля распределялись поровну (по 24) между тремя хелями (рустам-хель, хан-хель и бадахан-хель). Поскольку в хан-хеле все 24 доли принадлежали одной ханской семье, здесь никакого обмена на земли не производилось. Внутри рустам-хеля и бадахан-хеля был проведен бадлюн веш. Земля перераспределялась по жребию, причем каждая семья получала то же количество земли, которым владела до этого. Если одна ханская семья владела 24 полными долями, то у бадахан-хеля из 30 семей 11 имели по $\frac{1}{2}$ доли или меньше на каждого, т. е. в 50 и более раз меньше земли. Были семьи, которые владели всего $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{6}$ частью первоначального земельного надела, который

---

¹ См. Н. W. Bellew. Ук. соч., стр. 194—196.

при первом веше предоставлялся не семье, а каждому члену семьи.

Налицо огромное земельное неравенство среди владельцев наделов. С одной стороны — ханская семья, которая владеет 24 полными долями и, разумеется, использует свое земельное богатство не только для эксплуатации зависимых, но и обедневших свободных, которые не могут более прокормиться на своих измельчавших, карликовых участках и уже, конечно, не в состоянии нести военную службу племени. С другой стороны — отмечаются владельцы $\frac{1}{2}$ доли хуля, $\frac{1}{4}$ хуля и даже $\frac{1}{6}$ такой доли, что явно недостаточно, чтобы обеспечить существование одного человека, не говоря о семье. Такие владельцы стояли перед перспективой полной утраты земли и перехода из разряда свободных в разряд зависимых. К сожалению, Беллю не дает сведений о размере самой хуля, но и без этого общая картина распределения земли свидетельствует об огромном земельном неравенстве в среде свободных. Надо предполагать, что описанные Беллю кышранзай Мардана не были исключением среди других подразделений юсуфзаев, и во всех частях юсуфзайской страны, в большей или меньшей степени, проявлялось то же глубокое неравенство свободных по отношению к земле — этому основному средству производства.

Таким образом, в связи с разложением первобытно-общинного строя у афганцев, коренным образом изменилось отношение племени к земле. Если первоначально земля являлась общей собственностью племени, то теперь она становилась частной собственностью отдельных лиц; если раньше институт веша, представлявший основу земельных отношений, обеспечивал и поддерживал полное равенство всех членов родственного союза по отношению к земле, то теперь веш узаконял и поддерживал земельное неравенство в их среде; если раньше каждый член племени в качестве такового получал независимо от своего пола, возраста и социального положения равный надел или долю земли (хуля), то теперь он мог остаться в числе свободных только при условии владения своей наследственной землей, фактически превратившейся в его собственность, а в противном случае терял качество члена племени и из свободного превращался в хамсая¹.

---

¹ О потере афганцем, лишившимся земли, качества свободного и членства в племени см. M. E I r h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 171. Этот автор пишет: «Лица, которые оставляют свое племя в силу тех или иных столкновений, но являются собственниками земли, во многих случаях усыновляются племенем, к которому они присоединились, и наделяются от него землей. Но люди, продавшие свою землю и впавшие в бедность, переходят в разряд хамсая» (См. также R. T. R i d g w a y. Ук. соч.,

Если отправной точкой развития было положение, что принадлежность к племени дает право на землю, то его последним этапом было узаконение принципа, что фактическое владение землей определяет принадлежность к племени. Здесь уже дана предпосылка превращения родственной организации в привилегированную организацию сословного типа, объединяющую только тех, кто имеет право владеть землей и сохранил на нее собственность.

Получивший с XV—XVI вв. широкое распространение среди афганских племен институт веша, т. е. раздела и периодических переделов земли, сопровождавшихся первоначально и обменом жилищ, непосредственно определял отношение к земле как афганских племен, частично или полностью переходивших к оседлому образу жизни, так и каждого отдельного члена этих кровно-родственных союзов. Таким образом, веш у афганцев явился важнейшим проявлением и специфической формой реализации общественной собственности на средства производства, составляющей основу производственных отношений при первобытно-общинном строе. Изучение института веша — его возникновения, развития и разложения — дает возможность проследить, каким образом развитие производительных сил, общественного разделения труда и сложение антагонистических классов вело в афганском обществе к подрыву старых форм производственных отношений, основанных на общественной собственности, и к зарождению новых форм производственных отношений, основанных на частной собственности на средства производства, а прежде всего на землю. Эти новые формы частной собственности возникали в двух антагонистических формах феодальной и крестьянской собственности. Своеобразие процесса феодализации у афганцев мы видим в том, что в отличие от классических форм разложения общинно-родового строя, как мы их наблюдаем у древних германцев, когда сначала возникает крестьянская собственность, а потом ее вытесняет и подчиняет феодальная собственность, у афганцев крестьянская собственность возникает и развивается одновременно с феодальной. В этом мы видим одно из проявлений того обстоятельства, что разложение первобытно-

---

стр. 180; Н. W. B e l l e w. Ук. соч., стр. 200). Интересные данные сообщает по этому вопросу Роуз в своем «Глоссарии» племен и каст Пенджаба и Северо-Западной пограничной провинции Индии: «В Дире, Свате и Баджауре владелец наследственной доли земли, т. е. дафтари, именуется патаном (т. е. афганцем. — *И. Р.*), пока он сохраняет свою долю племенной земли. Человек, который отчуждает свой дафтар или теряет его, не называется больше патаном, а становится факиром (зависимым. — *И. Р.*) и уже не имеет голоса в общинном или племенном совете». Н. A. R o s e. Glossary of the tribes and castes of the Punjab and North-West Frontier Province, т. II. Лахор, 1919, стр. 206.

общинного строя у афганцев происходило в условиях наличия феодального окружения. В новых формах производственных отношений, опирающихся на крестьянскую и феодальную собственность на землю, уже заключалось классовое противоречие между эксплуататорским меньшинством (племенная знать, духовенство), складывавшимся в класс феодалов, и массой непосредственных производителей (она включала свободных, хамсая, или зависимых, а также рабов), складывавшихся в класс-сословие феодального крестьянства. В то же время эволюция института веша дает возможность выяснить весьма разнообразные формы и специфические особенности разложения афганской родовой общины и пути постепенного перехода этой общины в общину соседскую, в которой отношение непосредственного производителя к земле определялось уже вне зависимости от его принадлежности к тому или иному кровнородственному союзу.

Рассмотренный материал дает возможность установить наличие двух основных форм веша у афганских племен: «хуля-веш», или раздел по душам, когда каждый член племени, независимо от пола, возраста и социального положения, наделялся одинаковой долей земли, и веш, когда раздел и передел земли производился по родословному дереву. При разделе и переделе земли по душам решались три основные задачи: 1) обеспечение каждого члена племени равным по площади наделом земли; 2) уравнение делимой земли по качеству и 3) численное уравнение кровнородственных союзов, между которыми (подразделение с подразделением, род с родом) проводился веш. При таком уравнении часть более многочисленного рода или подразделения переводилась в менее многочисленный род или подразделение и наделялась землей в составе последнего. В этом заключалась причина, почему афганская оседлая или земледельческая община не была однородной по своему составу и представляла своеобразное соединение нескольких родовых общин. Другой ее особенностью было наличие многочисленных хамсая, подневольным трудом которых в ряде областей страны сначала обрабатывались земли, принадлежащие господствующему племени (первоначальная форма), а затем и отдельным владельцам из числа членов этого племени (вторичная форма). В афганской общине были и рабы, главным образом домашние рабы и оброчные рабы с хижинами. Характер их эксплуатации был переходным к феодализму.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ,
ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА У АФГАНЦЕВ
И ЕГО ОСОБЕННОСТИ У ОТДЕЛЬНЫХ ПЛЕМЕН**

Раздел земли по душам являлся формой реализации общей собственности на землю, принадлежавшую племени и входившим в его состав родственным союзам, связанным общностью происхождения от общего родоначальника. Равенство членов племени между собой в качестве членов общего родственного союза выражалось в том, что каждый получал равную долю пахотной и усадебной земли и пользовался одинаковыми с другими членами племени правами в отношении альменды. Принадлежность человека к родственному союзу определяла и его общественное положение, и его отношение к земле.

Фактически состав любого из афганских племен не был однородным. В каждом из них существовали чужеродные подразделения, которые вошли в состав данного племени путем усыновления. Достаточно ознакомиться с общей родословной афганских племен и с родословиями важнейших из них в отдельности, чтобы убедиться в этом¹.

Но вопрос о составе племен в связи с их структурой и генеалогическим древом скорее принадлежит к области этнографии, и рассмотрение его не является необходимым для решения задач данного исследования. Здесь важно отметить, что чужеродное подразделение, усыновленное каким-либо афганским племенем или входящим в его состав подразделением, наделялось при вешее земель на совершенно таких же основаниях, как и остальные подразделения, действительно связанные общностью происхождения, и, поскольку вопрос идет об отношении к земле, он тем самым оказывается в этой связи для

---

¹ В этом отношении большое значение имеют труды русских афганистов Б. А. Дорна, В. В. Григорьева, Н. В. Ханькова и Н. А. Аристова, а в последнее время В. А. Ромодина.

нас исчерпанным. Но афганская практика издавна допускала, и притом не в порядке исключения, а как явление, распространенное повсеместно, наделение землей отдельных людей и даже целых групп людей, ни фактически, ни формально не принадлежавших к данному племени. К числу таковых прежде всего относились военные союзники, оказавшие данному племени помощь при овладении территорией, которая превратилась затем в иляку этого племени, или же принявшие значительное участие в отражении нападений соседних племен на территорию данного племени. В истории афганцев XV—XVIII вв. такими военными союзниками обычно выступали не отдельные люди и группы людей, а целые племена или крупные их подразделения.

Эти факты, конечно, весьма интересны, ибо они показывают, как афганские племена смешивались в процессе своего расселения и завоевания новых земель, причем часть одного племени получала земли и образовывала свои поселения на территории другого племени¹. Но на строй земельных отношений подобные факты не оказывали существенного влияния, поскольку племя или подразделение племени, получившее землю в качестве военного союзника и относительно компактной массой заселявшее определенную территорию, совершенно самостоятельно осуществляло раздел земли между своими членами. Несравненно большее значение для исследования развития земельных отношений у афганцев имеет вопрос о наделении различных категорий чужаков землей племенами в отдельных деревенских общинах и в более крупных территориальных подразделениях — таппах (округах). В нашем распоряжении имеется достаточный материал, показывающий, что с самого возникновения деревенских общин у афганцев известная часть их земель изымалась из сферы действия обычая переделов (веша) и на особых основаниях предоставлялась «чужакам».

Прежде всего необходимо упомянуть о землях, предоставлявшихся духовенству. У юсуфзаев первоначально (в XV — начале XVI в.) духовные лица наделались землей на общих основаниях, получая наряду со всеми членами племени, среди

---

¹ Из числа многочисленных примеров отметим, что этим путем хаттаки, поселяясь среди юсуфзаев, заняли целый район на юсуфзайской равнине, где, по данным 70-х годов XIX в., хаттаков насчитывалось около 14 тыс. чел. Хаттаки утвердились на территории к северу от Кабул-Дарьи, на землях, которые были получены ими за участие в качестве военных союзников баизаев (одна из родо-племенных групп юсуфзаев) против врагов последних — ранизаев (также одна из родо-племенных групп юсуфзаев). Подобным же образом обстояло дело и с племенем джадун, которое получило земли на юсуфзайской равнине (майра) как вознаграждение за военную помощь юсуфзаем против их врагов далазаков и гориа-хель.

которого они поселялись, долю земли соответственно числу душ в своих семьях (вспомним свидетельство ахунда Дарвеза, приведенное выше). Однако вскоре духовенству удалось добиться изменения этого порядка, и оно стало получать «дарственные» земли, полностью изъятые из сферы действия веша, не подлежавшие переделам (так называемые земли «сери»).

Землевладение духовенства у всех афганских племен в XVI—XVIII вв. обнаружило тенденцию к быстрому расширению. В этом отношении свою роль сыграл ряд обстоятельств. Прежде всего, надо отметить, что духовные лица пользовались (у племен правобережья Инда, повидимому, после подавления рошанийского движения) личной неприкосновенностью. На духовных лиц не распространялся обычай кровной мести, а имущество и земли «духовных наставников» не подвергались разграблению или опустошению во время часто, а потом и непрерывно происходивших войн, как между соседними племенами, так и между различными подразделениями того же племени (последнее, конечно, относится ко времени разложения первобытно-общинного строя). Это обстоятельство, наряду с правом духовенства предоставлять в определенных местах убежище (бест) лицам, бегущим от преследования или спасающимся от кровной мести, давало «святым людям» возможность увеличивать число зависимых от них людей и обеспечивало приток переселенцев на земли духовенства.

Чтобы создать заслоны от нападений соседей, некоторые афганские племена предпочитали предоставлять духовенству значительные земли в пограничных районах иляки¹. В этих пограничных районах возникли отдельные деревни, целиком принадлежавшие духовенству. Обработка земли, разумеется, велась трудом хамсая, зависимого населения, образовавшегося из переселенцев, а в некоторых случаях бесплатным трудом «ищущих знания» мюридов, послушников и учеников различных мусульманских шейхов. За выполнение различных религиозных обрядов, за участие в мирном посредничестве между спорящими сторонами, а главное за заступничество перед

---

¹ См. В. А. Ромодина. Ук. дисс., стр. 300. О таких деревнях, принадлежащих духовенству, Беллью сообщает следующее: «Они стали их (т. е. духовных лиц. — И. Р.) наследственным владением по общему согласию племени. Последнее тем самым отказалось от всяких притязаний на долю в этих землях, которыми оно распорядилось подобным образом. Поселки, или «банда», духовных лиц всегда представляют небольшие, но цветущие поселения, ибо они не платят никаких налогов и никогда не испытывают гнета со стороны остального населения» (H. W. Bellew. Ук. соч., стр. 200—201). По свидетельству Беллью, некоторые из таких поселков обладали правом предоставлять убежище лицам, спасающимся от преследования (там же, стр. 201).

«божественными силами», духовенство не без успеха вымогало у простодушных и доверчивых горцев различные подношения в натуре и деньгами.

К афганским племенам переселялось из Индии, Персии и Средней Азии не мало любителей наживы, готовых использовать для своего обогащения предрассудки и суеверия местного населения. Эти «святые люди» с заранее заготовленной родословной от пророка Мухаммада, с чудодейственными четками и неотразимо действующими амулетами пользовались всеми средствами запугивания и вымогательства, чтобы оббирать свою паству. «Баннуч, — передавал очевидец-англичанин, — не боялся реальной опасности, но проклятие на арабском языке, заявление, что пророк отметил черным знаком его душу, или угрозы жирного хаджи, насылавшего мор на его овец и чесотку на верблюдов, — все это приводило баннуча в страх и покорность». Наиболее почитаемым местам поклонений («зиарат»), где помещались останки «святых подвижников», также приписывалось обладание всевозможными чудодейственными силами; в одном случае паломникам обещалось излечение от болезней, в другом — удача в делах, в третьем — рождение сына. В эти места в определенное время года стекались люди многих афганских племен, здесь же происходила бойкая ярмарочная торговля. На время паломничества (и сопровождавшей его ярмарки) прекращалось действие обычая кровной мести и всякие столкновения между племенами¹. Доходы с паломников также увеличивали богатство мусульманского духовенства, а шейхов, являвшихся владельцами зиаратов, — в особенности.

Сосредоточение денежных богатств в руках духовенства открывало перед ним еще один путь наживы — ростовщичество, а ростовщические сделки, в свою очередь, явились одним из важнейших средств дальнейшего захвата земли «святými людьми». В некоторых афганских областях процесс концентрации земли в руках духовного сословия принял ко времени английского завоевания весьма широкие размеры. В Банну в первой половине XIX в. одна шестая часть земли находилась непосредственно в руках духовенства. Фактически его владения, созданные главным образом путем дачи денег в рост под залог земли, были значительно больше². Подобное явление отмечалось и в Пешаваре³. Обширными землями владело

---

¹ См. подробнее описание мест паломничества, где происходили ярмарки, у Беллью (H. W. Bellw. Ук. соч., стр. 224). Важнейшими зиаратами были Джанда в Пешаваре, Пир-Баба в Бунере, Кака-Сахиб в стране хаттаков.

² См. S. S. Thornburn. Bannu, or our Afghan Frontier, стр. 36.

³ См. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 100.

в середине XIX в. мусульманское духовенство и в стране юсуфзаев¹. Мусульманское духовенство первым складывается в привилегированное сословие афганского общества и именно оно пробивает первую брешь в системе аграрных отношений, основанной на общей собственности на землю. Форма земельных пожалований «духовным» лицам — «сери» и прецеденты изъятия земель этой категории из сферы действия обычая переделов были в дальнейшем использованы и «светскими» феодалами — племенной знатью, ханами для расширения своих земельных владений². Дарственное земельное пожалование духовенству — «сери» может и должно рассматриваться в качестве первоначальной формы феодальной собственности на землю у афганцев.

В условиях окончательного разложения первобытно-общинного строя и все ускорявшегося распада старых племенных связей, когда род восставал против рода, а брат против брата³, старая общественная организация не была уже в состоянии обеспечить ни функции защиты своих членов от внешних врагов, ни функции создания «замиреной среды» внутри племени или хотя бы рода, — деятельность духовенства в некоторых отношениях объективно отвечала возникшей общественной потребности. Право убежища служило известной защитой против кровной мести, паломничество к могилам «святых людей» являлось своеобразной формой, пусть временного и огра-

---

¹ О верхушке мусульманского духовенства Беллью писал: «Они владеют обширными землями, полученными в качестве вечного дара и наследственными в их семьях. Такие земли называются сери и они не являются даром отдельных людей, но даром в одинаковой мере со стороны каждого члена племени, среди которого поселились эти духовные лица» (см. H. W. Bellw. Ук. соч., стр. 188).

² Это положение было впервые сформулировано в нашей работе — И. М. Рейснер. Возникновение и распад Дурранийской державы. В сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока». М., 1951, стр. 61. Убедительной иллюстрацией к сказанному служит сообщение газеттира дистрикта Пешавар (*Gazetteer of the Peshawar District*, стр. 153) о ханах племени халиль: «Боясь возбудить недовольство насильственным захватом земли, они обычно считали более целесообразным принимать от общины часть пустоши в качестве свободного дара, или сари». Совершенно так же ханы равнинных момандов (подразделение чамкани) добились предоставления им в качестве вечного дара (сери) части общинной альменды. Доходы с этих земель предназначались «для поддержания ханского достоинства и угощения гостей». См. Мухаммад Хаятхан. Ук. соч., стр. 138 (англ. перевод).

³ Об этом, в частности, говорит тот факт, что на языке пушту слово тырбур — «двоюродный брат» (по отцу) в дальнейшем также получило значение — «враг». Братья превратились в смертельных врагов. По меткому выражению кабульского эмира Дост-Мухаммада (1826—1863), женщина, золото и земля (зан, зар ва замин) являлись основной причиной внутренних раздоров среди афганцев. См. Mohan Lal. *The life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul*. Лондон, 1846, т. I, стр. 223.

ниченного определенным местом, обеспечения безопасности торговли. Неприкосновенность земель духовенства в обстановке постоянной внутренней войны, опустошавшей территории афганских племен, создавала относительно благоприятные возможности для развития сельского хозяйства. В этих обстоятельствах собственно и заключаются основные причины роста влияния и могущества мусульманского духовенства среди афганских племен. В то же время этот процесс вел к расширению сферы феодальной эксплуатации и ее усилению, к созданию новых форм земельной собственности, уже феодальной по своему содержанию и характеру, к росту землевладения духовенства за счет земель племен, их подразделений, общин и областей к постепенному превращению наиболее богатых и влиятельных представителей духовенства в настоящих феодальных землевладельцев и к сосредоточению в их руках также и денежного богатства, используемого для ростовщических операций¹.

Несколько иной разновидностью земельного держания, равным образом изъятого из сферы обычая переделов, являлись наделы, предоставлявшиеся чужакам из земель иляки или таппы в качестве вознаграждения за несение военной службы или за участие в боевых действиях на стороне того племени или его подразделения, которое владеет данной территорией. Если в приведенных выше примерах военных союзов между хаттаками и юсуфзаями, между племенем джадун и юсуфзаями, нельзя еще определенно установить момента утверждения феодальной зависимости или хотя бы возникновения зачатков постоянных вассальных отношений, то при рассматриваемой ниже форме держания такая зависимость уже существует. Главным условием держания земли выступает зависимость на основе «благородной службы», несения определенных воинских обязанностей. У юсуфзаев для обозначения такого держания земли за военную помощь или службу применялся особый термин «млатар»².

¹ В начале XIX в. о широко распространенной практике мусульманского духовенства ссужать деньги из ростовщических процентов писал Эльфинстон: «Муллы широко занимались ростовщичеством. . . многие духовные лица дают под надежное обеспечение деньги в рост под сложные проценты, несказанно увеличивая таким путем свои богатства. В результате они приобрели значительную часть земельной собственности в афганском королевстве» (M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 217).

² Возможна транскрипция «мълатар» (в газеттирах дается «malatar»). Основное значение слова «млатар» — «опоясавшийся». Переносное его значение — «препоясывающий чресла» — т. е. готовящийся к бою. Первоначально долю земли на основе держания млатар видимо получал только взрослый мужчина-воин. Об этом говорит сохранившийся еще в XIX в. обычай среди держателей земли на условиях млатар делить ее «по рукояткам мечей», т. е. по числу воинов, которых может выставить

Состав таких держателей был весьма разнообразен. К их числу принадлежали и пришлые из Индии воины-наемники и рабы-гулямы, специально подготовленные для занятия военным делом¹, и отдельные мелкие подразделения и роды других афганских племен, оторвавшиеся от родного племени и превратившиеся в своеобразных вассалов на военной службе чужого племени², и обедневшие представители своего же племени, так или иначе лишившиеся своих наследственных наделов и вновь получившие землю уже на условиях держания млатар³. Наконец, значительное число таких держателей либо являлись представителями неафганских народностей, которые сопровождали афганские племена во времена расселения и завоевания новых мест, уже тогда являясь их военными союзниками и вассалами, либо принадлежали к числу местного, коренного населения земель, завоеванных афганцами. В обоих случаях таких держателей обозначали термином хамсая⁴.

каждая семья. (См. *Gazetteer of the Peshawar District*, стр. 132). Здесь можно высказать предположение, что первоначальная форма держания земли различными категориями воинов-земледельцев (из них в дальнейшем сложились военно-земледельческие касты джатов, редди, кунби и тому подобные) в Индии основывалась на тех же началах, как афганский млатар.

¹ См. «Записку Торборна», стр. 229. В данном случае речь идет о земле, которую в течение многих поколений держали «рабы (гулямы) и наемные воины, состоявшие на службе различных старшин» подразделения абба-хеля (марваты). Личная охрана юсуфзайских ханов в начале XIX в. равным образом состояла из рабов (мрай). У нас нет прямых данных, но можно предполагать, что такие рабы, составлявшие значительную часть ханской дружины, также получали землю на основе держания млатар. (См. *H. W. Bellew*. Ук. соч., стр. 184). Численность дружины юсуфзайских ханов Эльфинстон определяет от 10—12 до 50 и даже 100 воинов (См. *M. Elphinstone*. Ук. соч., стр. 339). Эльфинстон говорит, что охрана юсуфзайских ханов состояла из наемных воинов; в противоположность ему Беллью свидетельствует, что она главным образом комплектовалась из рабов. В данном случае можно верить больше Беллью, ибо он долго жил в стране, хорошо изучил ее, а Эльфинстон пробыл в ней непродолжительное время.

² Именно на этих основаниях держали 16 долей земли люди племени мандун от юсуфзайского подразделения мандан (См. *H. W. Bellew*. Ук. соч., стр. 194).

³ См. *Hastings*. *The regular settlement of the Peshawar District, 1878*, § 329. Выдержки из этого отчета приведены у Таппера (*C. L. Turber*. Ук. соч., т. III, стр. 187); сравни также данные, опубликованные в *Gazetteer of the Peshawar District*, стр. 153. В обоих случаях речь идет «о бедных афганцах», наделявшихся от своего же племени землей на условиях военного держания.

⁴ В налоговом отчете по дистрикту Хазара за 1874 г. (стр. 282) сообщается: «Аваны до сикхского завоевания находились на положении феодалов дружинников, которые не платили ренты собственникам земли, но когда было нужно, сражались за них». Цит. по *C. L. Turber*. Ук. соч., т. II, стр. 14.

Имеются сообщения о подобном держании земли на условиях военной службы в юсуфзайской Хазаре на левом берегу реки Инда, где, как, впрочем, и в других пограничных районах страны юсуфзаев, создавались целые поселения хамсая, служившие заслоном против нападения соседних племен и других внешних врагов. В таких деревнях-выселках (банда)¹ (образовавшихся преимущественно у границ иляки и таппы) жители их — хамсая «владели своими усадьбами и землями на основе феодального держания и за свободное пользование ими были обязаны участвовать в наступательных и оборонительных действиях племени, от которого они получали землю. Такое держание земли известно под названием млатар (malatar)»². Самое появление выселков («банда») военного типа у юсуфзаев составителями английского справочника связывается с постоянной внутренней усобицей среди этого афганского племени. «Нападение одного клана на другой повело к возникновению банда или выселков у границ таппы. Эти деревни-выселки были частично населены беднейшими афганцами, но большинство составляли здесь производители, не являвшиеся собственниками земли. Однако они не платили ренты и держали землю на условии охраны границы и участия в военных предприятиях племени»³. Обедневшие афганцы, о наличии которых среди жителей банда говорится в цитированном справочнике,

---

¹ Первоначальное значение слова «банда» (باندېه) «хижина пастухов, находящихся со стадами на летних выпасах (альпийских лугах)» (См. В. А. Ромодин. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX в. Статья в сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 109). В дальнейшем термин «банда» получил значение «выселок». Такие поселения обычно возникали на землях, выделенных племенем или его подразделением за счет своей альменды, и не всегда располагались в пограничной полосе и носили военный характер. В «мирных» банда население также составляли хамсая, но они держали землю не на условиях млатар, а на обычных условиях райатов, обязанных выплачивать ренту и выполнять различные повинности и службы на собственника земли. В качестве такового в данном случае выступало племя или его подразделение, а не отдельный хозяин. Беллью пишет банда этой категории следующее: «Такие выселки именуется «банда» и часто достигают размеров крупных деревень. Они не являются собственностью людей, которые основали и заселили их, но принадлежат племени в целом» (См. Н. W. Bellew. Ук. соч., стр. 200). Еще в 60—70-х годах XIX в. у юсуфзаев доход с деревень банда поступал племени, а затем распределялся по соответственным долям между его членами. Так же, как уже отмечалось выше, в прошлом поступали и гандапурцы. В дальнейшем земли в гандапурских деревнях «банда» были по этим же долям распределены между членами племени, которые уже каждый в отдельности стали эксплуатировать хамсая, сидевших на участках земли, доставшихся тому или иному члену племени.

² См. Hastings. Ук. отчет. Цит. по С. L. Turreg. Ук. соч., т. III, стр. 187.

³ См. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 153.

повидимому, попали туда именно потому, что обеднели и лишились собственной земли.

К сожалению, в доступных нам источниках нет сведений о том, существовала ли разница в формах держания земли на условиях млатар между свободными (мы имеем в виду «обедневших афганцев») и людьми, не являвшимися членами господствующего племени и в силу этого принадлежавшими к категории хамсая.

Как и можно было ожидать, держание земли на условиях млатар получило наибольшее распространение среди юсуфзаев и имело важное значение в их аграрном строе. Это, естественно, объяснялось военным отпечатком, который носила вся общественная организация юсуфзаев в силу большой роли войны в жизни этого племени. Однако держания типа млатар были не только у юсуфзаев, но также у марватов, иса-хель, баннучей, халилей, мухаммадзаев, гагиани и у многих других афганских племен¹. Млатар в своей первоначальной форме ведет начало от военных союзов между афганскими племенами и зависимости более слабого союзного племени от более сильного.

При переходе афганских племен к оседлой жизни млатар становится широко распространенной формой держания земли за военную службу, весьма разнообразной как по составу держателей (разорившиеся члены господствующего племени, зависимые — хамсая, члены чужих племен и даже целые их подразделения, воины-наемники — пришлые из Индии, рабы-гулямы), так и по особенностям характера их отношения к земле. Они могли наделяться землей путем образования отдельных выселков (банда) из нераздельного земельного фонда всего племени (альменды), его отдельных подразделений и

---

¹ О держании типа млатар у племени иса-хель см. С. Л. Туррег. Ук. соч., т. I, стр. 18; Gazetteer of the Bannu District, стр. 80—81. Любопытная разновидность вознаграждения членов племени за военную службу существовала у гандапурцев. Эта форма вознаграждения говорит, с одной стороны, о некотором обособлении воинов от остальной массы членов племени и даже о привилегированном положении первых по сравнению со вторым. С другой стороны, принятая гандапурцами практика свидетельствовала о большой крепости коллективной собственности на землю, поскольку воины этого племени не получали за свою службу *дополнительных земель*, а получали лишь *дополнительный доход* с участков земли, специально выделенных из общего фонда для этой цели, но продолжавших оставаться собственностью племени. «Так для содержания конных воинов каждое подразделение гандапурцев выделяло определенный участок земли, носивший характерное название «земля лошадей». . . Урожай с другого участка земли, называемого «зхобала», который подобным же образом выделялся каждым подразделением, шел на создание фонда для оплаты стоимости павших в бою коней» (См. В. А. Ромдин. Ук. дисс., стр. 295).

даже родов¹. В держании млатар были заложены две тенденции развития: 1) превращение держаний воинов-земледельцев в их собственность на землю, а самих воинов-земледельцев в крестьян; 2) превращение части воинов-земледельцев в вассалов-дружинников ханов и знати, а их держаний в земельное владение, являющееся зачаточной формой лена. Изъятие держаний млатар из сферы действия обычая переделов в известной мере ускоряло этот процесс возникновения первоначальных форм феодальной собственности по сравнению с теми формами, при которых между обладателями наделов практиковался периодический передел их участков.

Возможно, что именно из млатара в XVIII в. развилось (конечно, не без влияния соседних феодальных государств — Персии и Индии — с их давно сложившейся ленной системой) держание земли за военную службу у дурранийских племен, известное под названием «джагир-кульба». Этому держанию было свойственно своеобразное сочетание характерных черт индийского или персидского вида бенефиция — джагира и афганского млатара. С млатаром рассматриваемую дурранийскую категорию землевладения сближает то, что джагир—кульба являлось наследственным в данной родо-племенной группе держанием земли за военную службу. С каждого джагир—кульба дуррании выставляли вооруженного всадника на службу шаху².

Переходим теперь к той форме держания, основой которой является эксплуатация непосредственного производителя со стороны собственника земли. Мы имеем в виду держание «райят-и хамсая», которое мы назовем институтом хамсаята в собственном смысле слова, в отличие от рассмотренного выше привилегированного держания духовенства — «сери» и «благородного» держания за военную службу (млатар). К. Маркс

---

¹ Впоследствии, как это было у гандапурцев в XIX в., земли «банда» подвергаются разделу между отдельными членами господствующего племени по соответствующим долям, в результате чего зависимость держателей млатара от племени, подразделения или рода сменяется личной зависимостью от владельца земли. В других случаях (как у марватов, отчасти у юсуфзаев) наделение земель производилось деревенской общиной и притом за счет ее пахотной земли — держатели млатара получали определенное число долей, причем их земля не подлежала переделу, в отличие от остальных наделов, принадлежавших членам господствующего племени.

² Подробнее об этом держании см. ниже, где процесс его эволюции рассматривается в связи с развитием феодализма у дурраниев после образования Афганского феодального государства. Источником, содержащим весьма обстоятельные сведения о держании «джагир-кульба» у дурраниев в XVIII в. (извлеченные из кандагарского архива афганских эмиров), является Report on the Dooranee tribes, dated 19th April 1841, составленный Г. Роулинсоном и опубликованный в цитированном выше газетном труде Мак-Грегора.

писал: «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, вскоре извращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних»¹. Лишение земли и неполноправное и приниженное положение коренного неафганского населения по отношению к членам господствующего племени является предпосылкой и условием держания райят-и хамсая.

Уже в самом значении этого термина подчеркивается, что держатель земли в данном случае не является лицом свободным, а, наоборот, неполноправным, зависимым, социально приниженным. Социальное содержание термина «хамсая» чрезвычайно многообразно, ибо он охватывает различные виды зависимости, имеющие различный характер и основание, кроме того, сложившиеся в разное время. Так, племя, выступавшее военным союзником более сильного племени и в известной степени становившееся под его покровительство, называлось «хамсая» последнего. Свободный афганец, покинувший родное племя, нашедший приют у чужого племени и ставший под его защиту, также назывался хамсая. Афганец, отдававшийся под покровительство сильного и богатого человека (начальная форма коммендации) из своего же рода, равным образом именовался хамсая. «Хамсая» называлась и вся совокупность людей, не входивших в состав данного племени, на тех или других основаниях находящихся в зависимости от него. В частности, так афганцы называли все покоренное коренное, главным образом, оседлое население, в отличие от господствующего племени, завладевшего данной территорией.

«Хамсая» в узком смысле слова — зависимое держание земли на условиях уплаты ренты, а также несения различных служб и выполнения повинностей на хозяина, являющегося собственником или владельцем земли. В этом случае хамсая представлял собою бесправного, сословно приниженного и лишенного земли непосредственного производителя, уже подвергавшегося феодалной эксплуатации. Для обозначения именно такой категории хамсая у афганцев и применялся особый термин «райят-и хамсая», что можно перевести и как «хамсая — зависимый крестьянин», и как «хамсая-псдданный», находящийся в личной зависимости от своего патрона, хозяина. Первоначально хамсая этой категории принадлежали почти исключительно к числу неафганского оседлого населения, покоренного афганскими племенами. По мере дальнейшего из-

---

¹ К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 24.

живания остатков первобытно-общинного строя эта наиболее многочисленная категория хамсая стала все больше пополняться также и за счет свободных афганцев, принадлежавших к числу членов господствующего племени, но обедневших и лишившихся своей земли.

Термин «хамсая» употреблялся и для обозначения многих из той категории зависимых, повидимому, преимущественно чужаков, которые держали землю только за военную службу (млатар). Таким образом, термин «хамсая» одинаково применялся и для обозначения держания земли за военную службу (зародышевая форма вассальных отношений феодалного общества) и для обозначения зависимости райята-хамсая от своего хозяина-землевладельца. В некоторых случаях райят-и хамсая даже не имел права переходить к другому покровителю (у гандапурцев).

И все же между этими двумя категориями держания (млатар и райят-и хамсая), в особенности на ранних этапах развития феодалных отношений у афганцев, существовали многочисленные промежуточные и переходные формы¹.

Юсуфзаи называли зависимых не хамсая, а факир (мн. «фукара»), что обозначает у афганцев, так же как у народов Средней Азии, — «бедняк» или «подданный»². Другой термин, употреблявшийся для обозначения хамсая, применявшийся в двуречье Кабул-Дарьи и Свата — «камин» — также подчеркивает бесправное и приниженное положение этой категории непосредственных производителей. Камин — термин иранского происхождения. Так называют в Пенджабе общинных слуг и ремесленников, принадлежащих к числу представителей «неприкасаемых» каст³.

¹ Наилучшим источником, на основании которого можно составить полное представление о многообразном значении термина «хамсая», является «Хаят-и Афгани», в частности раздел о вазирах. См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 355—369. Подробности о трех разрядах «хамсая» у вазиров см. ниже. В литературе о термине «хамсая» см. И. М. Р е й с н е р. Роль афганцев в Индии, стр. 95; е г о ж е. Возникновение и распад Дурранийской державы, стр. 59; Л. Р. Г о р д о н. Социально-экономический строй афганских племен. «Вопросы истории», 1950, № 3, стр. 50; В. А. Р о м о д и н. Ук. дисс., словарь терминов, стр. 5.

² В Индии слово «факир» имеет, как известно, другое значение — нищенствующего, аскета. В урду и хинди это слово вошло в качестве прилагательного «бедный» и существительного «нищий». Весьма сходное значение с юсуфзайским термином «факир» имело это слово у памирских таджиков долины Хуфа, где факирами («фукро» — в одинаковом значении с термином «райят») в прошлом называлась социальная, сословно-приниженная группа населения, податное сословие. (См. М. С. А н д р е е в. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), выпуск I. Сталинабад. 1953, стр. 36 и примеч. к стр. 45). Ср. также значение термина «фукара» в других местах Средней Азии (в частности, «букара» у киргиз).

³ О них см. Г. Г. К о т о в с к и й. Социально-экономическое содержание проблемы «неприкасаемых». «Уч. зап. Института востоковедения АН СССР», V, 1953.

Слой населения, именованный у афганцев «хамсая», образовался из выходцев из различных этнических и социальных групп. Лишь незначительную часть хамсая составляли потомки тех представителей неафганских народностей и племен, которые в качестве зависимых сопровождали кочевые афганские племена и вместе с ними осели на землю. У равнинных юсуфзаев, равнинных момандов, халилей, мухаммадзаев, гагиани, так же как у дурраниев и гильзаев, главную массу хамсая составляли потомки местного коренного населения. В отличие от этого у марватов, баннучей, а также у племен Дамана, хамсая в большинстве являлись потомками переселенцев из Индии, сравнительно позднего времени, прибывавших в эти места уже после афганского завоевания. Вообще у афганцев, занимавших земли по восточному скату Сулеймановых гор, ряды хамсая и в дальнейшем непрерывно пополнялись переселенцами из Индии.

Разнообразным был и этнический состав хамсая. У дурраниев и гильзаев это были главным образом таджики, хазарейцы, какары, белуджи. У афганских племен правобережья Инда преобладали аваны, гуджары, белуджи, а также представители различных индийских сословно-кастовых групп: джатов, кхатриев и из «неприкасаемых» каст. В районах, где индийское население, коренное и пришлое, получило огромное численное преобладание (например, в дистрикте Дера-Исмаилхан афганцев в конце XIX в. насчитывалось всего 11—15% общего числа жителей), шел процесс постепенной ассимиляции афганцев¹. В других районах, как, например в Пешаваре, постепенной ассимиляции подвергалось неафганское население, в конце концов воспринявшее не только одежду, нравы, но и язык завоевателей. Разумеется, что более поздние переселенцы из Индии сохраняли свой язык и свою национальную самобытность².

Численность хамсая у различных афганских племен также не была одинакова. «У некоторых племен, — отмечал Эльфинстон, — располагающихся на большом расстоянии от больших дорог, вообще почти нет хамсая»³. У вазиров, афридиев, оракзаев, горных момандов было немного хамсая. У этих афганцев, поскольку люди племени занимались земледелием, они выпол-

¹ См. Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 58—59.

² О хамсая в стране юсуфзаев английский очевидец писал во второй половине XIX в.: «Они теперь почти не отличаются по религии, нравам и языку от афганцев, среди которых они живут». См. H. W. Bell. Ук. соч., стр. 153. Эта характеристика касается главным образом земледельческого неафганского населения и вряд ли может быть распространена на представителей торгово-ростовщических и ремесленных индийских каст.

³ См. M. E. Irhinstone. Ук. соч., стр. 172.

няли полевые работы своим трудом. У многих других афганских племен число хамсая было весьма значительным (в некоторых случаях оно в несколько раз превышало число членов господствующего племени), и на них целиком, или почти целиком, лежала обработка земли. Именно так обстояло дело у дурраниев, баннучей, юсуфзаев и лоханийских племен Дамана¹. У равнинных юсуфзаев в среднем приходилось на одного свободного — два зависимых², у равнинных иса-хельцев — три, у баннучей — два³. У гандапурцев число зависимых было и того больше, оно в десять раз превышало число свободных⁴. Совершенно иным было соответствующее соотношение у марватов, где на одного зависимого приходилось два-три свободных⁵. Все эти исчисления, и даже наиболее тщательные из них (например, В. А. Ромодина по юсуфзаем), носят суммарный и приблизительный характер и не являются статистически точными⁶. Они весьма приближенно показывают лишь *общее соотношение* свободных и зависимых на территории, занятой различными афганскими племенами.

Неполноправное и сословно-приниженное положение факира (хамсая) у юсуфзаев автор «Хаят-и Афгани» рисует следующим образом: «Факир не имеет собственности на землю, являясь

---

¹ О дурраниях автор «Хаят-и Афгани» сообщает: «По большей части дуррании обрабатывают собственную землю, или сами или же с помощью хамсая» (М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., англ. перевод, стр. 68). Эльфинстон утверждает, что у дурраниев с достатком обработка земли целиком лежала на хамсая. Сами же дуррании действуют «в качестве надсмотрщиков, в случае необходимости и притом довольно часто они не зарекаются принять личное участие в работе» (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 407). Об афганских племенах Дамана в английском справочнике говорится следующее: «В стране Мианхель и Бабур члены афганских племен живут в городах Чаудван, Драбан и Мусазаи, а деревни заняты райятами, белуджами и джатами. Деревни, принадлежащие уштарана, почти целиком заняты райятами, в то время как члены племени живут в горах». Что же касается гандапурцев, то они держат в силе города, а «большая часть земли занята джатами». Земля этих племен «почти целиком обрабатывается трудом держателей белуджей и джатов». (См. Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 28; об этом же см. R. T. R i d g w a y. Ук. соч., стр. 72).

² Исчисление В. А. Ромодина, ссылка была дана выше.

³ См. П. М. Р е й с н е р. Возникновение и распад Дурранийской державы. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», М., 1951, стр. 60.

⁴ См. Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 74.

⁵ Исчислено на основании косвенных данных о соотношении марватского и неафганского населения в конце XIX в.

⁶ Кроме того, необходимо оговорить, что все эти подсчеты произведены на основании данных, относящихся к середине XIX в. Однако указанные соотношения вряд ли значительно изменились по сравнению с XVIII в., а поэтому у нас есть основания распространить их с большой степенью достоверности на вторую половину XVIII в.

на самом деле собственностью своего господина; по своему социальному положению он во всех отношениях стоит ниже юсуфзая; без согласия своего господина он не может присутствовать на заседании Джирги. . . он полностью подчинен его власти, она распространяется, во всяком случае в горных районах, на право распоряжаться жизнью и смертью факира. . .»¹. По сообщению Эльфинстона, юсуфзай мог избить или даже убить своего факира, и никто ему и слова не скажет². Оставляя пока в стороне вопрос, был или не был факир собственностью своего господина (Эльфинстон более осторожно сравнивает его с вилланом европейского средневековья, видимо имея в виду поземельно зависимого, но лично свободного крестьянина), отметим глубокую пропасть, которая к XIX в. разделяла свободных и зависимых. У юсуфзаев зависимые чужаки—хамсая не были собственниками земли, которую они обрабатывали, не имели голоса в органах самоуправления господствующего племени.

Своей родо-племенной организации зависимые либо не имели совсем, либо, за малым исключением, как, например, гуджары в стране юсуфзаев³, к XIX в. в значительной мере утратили ее. По расценке афганского обычного права «цена крови» («хун баха») хамсая была у многих племен в четыре раза ниже «цены крови» члена господствующего племени. За проступки, совершенные хамсая, перед другими членами племени отвечал его хозяин, а другие свободные в свою очередь отвечали перед этим хозяином за проступки, совершенные в отношении его хамсая⁴. В то же время хамсая по отношению друг к другу находились на равном положении, и между ними происходили столкновения на почве кровной мести⁵. В такие столкновения хозяева не вмешивались⁶. Как правило, хамсая первоначально сохранял право (и пользовался им) перехода от одного хозяина к другому и даже от одного племени к

---

¹ См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 115 (англ. перевод). Утверждение автора этого источника, что факир является собственностью своего господина, по нашему толкованию, может относиться не ко всем факирам, а лишь к тем из них, которые находились в долговой кабале у своих хозяев и превратились в их долговых рабов.

² См. М. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 345.

³ См. В. А. Р о м о д и н. Ук. дисс., стр. 301—302.

⁴ См. свод обычного права вазиров в «Хаят-и Афган», раздел «О владении хамсая», М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 359.

⁵ См. В. А. Р о м о д и н. Ук. дисс., стр. 307.

⁶ Сообщение Эльфинстона, что в стране юсуфзаев хамсая мог в отдельных случаях осуществлять право кровной мести по отношению к свободному, в том числе по отношению к своему хозяину, представляется весьма сомнительным и не находит никакого подтверждения в других источниках и литературе. (См. М. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 345).

Хинджи в зимней пешаварской одежде

другому. На ранней ступени развития феодальных отношений в афганском обществе (у многих племен еще и к XIX в.) зависимый от господствующего племени слой населения — хамсая еще не был полностью закрепощен. В дальнейшем долговая кабала более прочно прикрепляла хамсая к земле. Обремененный долгом, он до выплаты его терял право перехода от одного хозяина к другому, но во многих случаях сохранял фактическую возможность перейти к другому племени. Развитие форм феодальной зависимости у некоторых племен (юсуфзаи) уже к середине XIX в. привело к тому, что хозяин мог передавать (фактически продавать) своего должника-хамсая другому хозяину, получив с этого последнее возмещение¹.

Хамсая находились в зависимости не только от своего хозяина, но также и от господствующего племени в целом в лице его вождя или хана, подчиняясь власти хана и считаясь его подданными. Этот признак подданства принципиально отличает статус райята-хамсая от положения тех категорий зависимых, которыми по различным обстоятельствам становились свободные афганцы. В качестве подданного райят-хамсая, кроме ренты своему хозяину и отбывания повинности на него, должен был уплачивать еще налоги хану и выполнять в его пользу различного рода повинности феодального порядка.

В этих условиях общественная организация афганцев неминуемо приобретала двойственный, противоречивый характер². В значительной мере сохраняя характер органа внутреннего самоуправления свободных членов племени, подразделения или рода (в отношении последних ханы многих афганских племен еще в XIX в. не пользовались принудительной властью)³, она в то же самое время выполняла, и притом

---

¹ В английском справочнике о положении хамсая у афганских племен Дамана сообщается следующее: «Они не имеют земли и находятся под властью лица, на чьей земле они живут, так же как факиры у юсуфзаев. Однако в Дамане они не могут переходить без согласия своего хозяина к другому лицу. Это согласие обычно получается в результате возмещения, либо выплачиваемого хозяину самим райятом, либо тем лицом, которое желает, чтобы райят перешел к нему. В то же время райяты могут переходить к другому племени, когда только им это заблагорассудится». (См. *Gazetteer of the Dera Ismail Khan District*, стр. 378).

² Это положение было сформулировано и обосновано в наших работах «Роль афганцев в Индии» в «Ученых записках Тихоокеанского института», т. II, стр. 95—97, и «Возникновение и распад Дурранийской державы» в сборнике «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», стр. 61—63.

³ На характер отношения хана к своим соплеменникам обратил внимание Эльфинстон в своей известной характеристике юсуфзайских ханов: «Ни у кого из этих вождей нет власти, равной той, какой располагает в Англии полицейский». *M. Elphinstone*. Ук. соч., стр. 338.

во все возрастающей степени, функции подавления и принуждения зависимого населения в целом¹.

Процесс дальнейшего расширения и роста сферы феодальной эксплуатации в афганском обществе является вместе с тем процессом роста силы и могущества его эксплуататорской верхушки (ханы и духовенство). Этот рост вызывался не только усилением экономического господства эксплуататорской верхушки, в первую очередь над хамсая, а затем и над рядовыми членами племени, часть которых лишь формально сохраняла прежнюю свободу, но также и упрочением принудительного характера власти ханов, расширением связанных с этим новых функций родо-племенной организации за счет сужения ее традиционных функций — органа внутреннего самоуправления племени, подразделения и рода.

Так отношения эксплуатации одного человека другим извращают и видоизменяют «первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних» (К. Маркс). Вместе с тем, именно в силу того обстоятельства, что родо-племенная организация (в своей внутренне противоречивой, измененной и извращенной форме) во все возрастающей степени выполняла некоторые государственные функции, лежала основная причина ее длительной сохранности у афганцев. Сохранение же родо-племенной организации, в свою очередь, тормозило образование государства в собственном смысле слова².

Существовали две формы земельных держаний райят-и хамсая, которые, по нашему мнению, можно рассматривать как результат последовательного развития, хотя это развитие далеко не всегда ясно прослеживается на материале, относящемся к определенному афганскому племени, взятому в отдельности. Но в масштабе всего афганского общества переход от первоначальной формы держания земли райят-и хамсая от племени, подразделения или рода к последующей форме держания земли от отдельного члена господствующего племени выступает достаточно отчетливо. Юсуфзайские деревни-выселки

---

¹ Эти функции принуждения и подавления применялись прежде всего по отношению к райят-и хамсая, как основной и наиболее многочисленной прослойке трудящихся, подвергавшихся гнету и эксплуатации.

² Сравнительно позднее зарождение государства и превращение внутренней войны (между соседними племенами, между подразделениями и родами внутри племени, наконец — между родовыми общинами в составе деревенской общины) в постоянное явление во многих частях Афганистана, в свою очередь объясняет причину, в силу которой зависимые не только сохранили оружие, но постоянно использовались в качестве военной силы в происходивших между самими афганцами распрях и раздорах.

банда (как военного, так и «мирного» типа) можно рассматривать как промежуточную ступень между тем, что было у гандапурцев к началу XIX в., и последовавшим у них разделом земель, на которых сидели зависимые, между отдельными членами племени гандапур¹.

Первоначальной форме держания были свойственны следующие основные признаки: 1) наделение хамсая землей из общего земельного фонда господствующего племени (или его подразделений), причем эта земля оставалась в нераздельной собственности данного родственного союза; 2) распределение доходов от эксплуатации хамсая между членами племени по тем же долям, по которым между ними был произведен раздел пахотной земли, при этом отдельный член племени не выступал в качестве господина и эксплуататора отдельного хамсая, а господствующее племя, его подразделение или род в целом противостояло всей массе хамсая²; 3) расселение хамсая отдельными деревнями (деревни райятов у племени Дамана) или выселками (банда у юсуфзаев); 4) сравнительно невысокая степень эксплуатации райят-и хамсая, ибо, селясь отдельными укрепленными деревнями, фактически представляющими изолированные деревенские общины, зависимые сохраняли значительную возможность сопротивления и в лице общины имели удобную форму такого сопротивления.

Вероятно, что на ранних ступенях развития института хамсаята и в особенности в тех случаях, когда деревенские общины хамсая были обязаны военной службой господствующему племени, зависимые не платили ренты за землю, которой они наделялись, и дело ограничивалось взносом дани.

Вторая форма наделения землей райят-и хамсая в ее наиболее развитом виде характеризуется, прежде всего, тем, что в данном случае хамсая сидел на земле, принадлежавшей отдельному владельцу, и непосредственно противостоял ему в качестве зависимого и эксплуатируемого. Не только пахотная земля, но и хижина райят-и хамсая принадлежала его господину; при этом обычаем предполагалось, что райят-и хамсая пользуется землей бессрочно и наследственно. Как уже го-

---

¹ Подробнее об этом говорилось выше, в гл. II. данного исследования.

² Наиболее яркой и открытой формой этого противопоставления является господство укрепленного города, занятого племенем-завоевателем, над окрестными деревнями, заселенными зависимым населением. Такую форму получило господство над покоренными только у афганских племен Дамана (миан-хель, гандапур, бабури, уштурана). Вместе с тем именно у этих племен их родо-племенная организация в наибольшей степени видоизменилась и приспособилась к выполнению своей новой, уже территориально-государственной функции подавления и обеспечения эксплуатации зависимого населения со стороны господствующего племени.

ворилось выше, хамсая сохранял право перехода к другому хозяину и даже племени.

Земельные же собственники, несомненно, были заинтересованы в сохранении своих хамсая и даже в привлечении новых. Наряду с господством натуральных форм хозяйства, в этом заключалась одна из причин, почему феодальная эксплуатация райят-и хамсая еще долго сохраняла сравнительно мягкие формы и не достигала большой интенсивности. Как правило, райят-и-хамсая (мы не говорим здесь о тех из них, которые попали в долговую кабалу) имел свое личное хозяйство, обрабатывая землю с помощью собственного скота и собственных орудий производства.

В конце XVIII и начале XIX в. даже в таких областях, как Даман, где раньше огромное большинство хамсая сидели на землях, остававшихся в нераздельной собственности господствующего племени, преобладание получает вторая форма наделения землей райят-и хамсая. Об этом достаточно определенно свидетельствует бурный процесс раздела земель иляка между отдельными подразделениями, родами, группами семей и даже отдельными семьями и отдельными членами таких семей у гандапурцев. Постепенно на смену первой формы наделения землей факиров или хамсая от того или иного родственного союза приходит вторая форма наделения землей зависимых непосредственно отдельными владельцами¹. Основной формой эксплуатации зависимых у афганцев являлась, насколько позволяют судить источники, не позже, чем с XVIII в., продуктовая рента, которую хамсая уплачивал своему хозяину².

¹ Условия «службы» райят-и хамсая в XIX в. в Пешаварском дистрикте составителями справочника по этому дистрикту рисуются следующим образом: «Служба хамсая состоит главным образом в участии в набеггах хозяина на соседей и его битвах с ними, в поставке зерна и фуража его гостям, в обеспечении их же постелью и одеялом для ночевки в худжре или особо выделенном в каждом квартале доме для гостей, в поочередном несении караула, к чему присоединяется, по отдельным требованиям хозяина, участие в сборе урожая и выполнение строительных работ» (Gazetteer of the Peshawar District, стр. 153). В этом описании выделяется и ставится на первое место военная служба хамсая, а непосредственная эксплуатация его хозяином оставляется как бы в тени.

² В стране иса-хельцев продуктовая рента в 70-х годах XX в. достигала $\frac{1}{3}$ валового урожая (Gazetteer of the Bannu District, стр. 91); у юсуфзаев в середине XIX в. определялась в размере от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ урожая (Gazetteer of the Peshawar District, стр. 156); в Дамане в 70-х годах XIX в. — от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ (Gazetteer of the Dera Ismail Khan District, стр. 84); в Марвате — $\frac{1}{2}$ (Gazetteer of the Bannu District, стр. 91); у тарларни в начале XIX в. — $\frac{1}{5}$ валового сбора урожая (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 253). По условиям держания земли хамсая обязан был содержать ее в культурном состоянии (абад) (H. W. B e l l e w. Ук. соч., стр. 181). В некоторых случаях (как это отмечается у марватов и баннучей в XIX в.) хамсая должен был вносить половину собранного им удобрения на землю своего господина (S. S. T h o r b u r n. Bannu, or our Afghan Frontier, стр. 135).

По описаниям положения факиров у юсуфзаев, которое в основных чертах характеризует и положение райят-и-хамсая у многих других афганских племен, факир, кроме уплаты ренты хозяину земли (своему господину), обязан был выполнять различные работы в пользу родо-племенной группы, общины, к которой принадлежал господин данного факира. Так, факиры были обязаны поочередно доставлять масло для освещения худжры, пищу для заночевавших там гостей и корм для их лошадей, а также лично обслуживать всех посетителей худжры — поддерживать огонь в очаге, доставлять топливо, носить воду, стелить и убирать постель, подавать кальян. Хамсая у афганцев выполняли различные строительные работы и были обязаны трудовой повинностью (бегар) в пользу своего господина, общины, в составе которой они жили, и в последнем счете — вождя племени (хана) или подразделения (малика). Кроме ренты хозяину земли, хамсая выплачивал различные налоги хану и выполнял особые повинности в его пользу. У юсуфзаев факир платил хану поземельный налог натурой или деньгами, взимающийся во время жатвы¹. Ханы взыскивали с хамсая, проживавших в их тапах, особый сбор со свадьбы. Этот сбор назывался бакрай².

Однако, несмотря на все это, райят-и хамсая у афганских племен и в начале XIX в. не был крепостным крестьянином развитого феодального общества. Даже в середине XIX в. факиры юсуфзаев могли заниматься любой профессией, уплачивая в таких случаях хозяину небольшой оброк, сохраняли право перехода от одного хозяина к другому. В связи с этим, в условиях сравнительно не очень тяжелой феодальной эксплуатации среди райят-и хамсая (по данным источников начала и середины XIX в., которые можно частично распространить и на конец XVIII в.), довольно быстро происходил процесс роста имущественного неравенства. Среди хамсая были бедняки, попадавшие в долговую кабалу и превращавшиеся в долговых рабов, обычно обрабатывавших землю своего господина с помощью его скота, его орудий и даже засевавших ее хозяйским зерном. Так из держания райят-и хамсая развивалась издольная аренда кабального характера, наличие которой отмечается в источниках первой половины XIX в., но возникновение ко-

---

¹ В денежном выражении этот налог в 80-х годах XIX в. составлял от 5 до 10 рупий с плуга. См. Н. W. Bellew. Ук. соч., стр. 181.

² Приведенные сведения, характеризующие обязанности райят-и хамсая, взяты в основном из описания, приведенного в книге Беллью (Н. W. Bellew. Ук. соч., стр. 181—182). Поскольку эти сведения отражают издавна складывавшиеся и к началу XIX в. уже довольно прочно закрепленные обычаям отношения, мы вправе отнести их и к XVIII в.

торой, повидимому, относится к более раннему времени. Кабальные отношения создавались в условиях, когда непосредственный производитель, не обладая ни землей, ни орудиями производства, вкладывал в хозяйство только собственный труд. По условиям издольной аренды этого типа (у юсуфзаев она имела название чарикари, т. е. работа из одной четвертой доли урожая) непосредственный производитель не только был связан кабальной ссудой к земле заимодавца, но и полностью терял личную свободу, становился, пусть временно, его собственностью, его долговым рабом¹. Именно к хамсая, впавшим в состояние долгового рабства, должно быть отнесено приведенное выше сообщение автора «Хаят-и Афгани» о том, что факир является «собственностью своего хозяина». Кабальные работники вроде юсуфзайских чарикаров были также и у дурраниев. По своей этнической принадлежности это были почти исключительно таджики, по своему социальному положению — хамсая².

* * *

Форма наделения землей общинных ремесленников и слуг, известная у марватов под названием «канна», а у халилей, мухаммадзаев и равнинных момандов как «чакирана», зародилась на почве разделения труда между земледелием и ремеслом в афганской деревенской общине. Развитие этой формы, при которой земля предоставлялась общинным ремесленникам и слугам наследственно, происходило под прямым влиянием традиционных индийских образцов, ибо в состав афганской деревенской общины в довольно значительном числе включались выходцы из Индии, где они принадлежали к торгово-ремесленным кастам. Такие выходцы в некоторых случаях сравнительно недавно поселились среди афганцев и не порывали связей со своими собратьями по касте в Пенджабе и других соседних областях северо-западной Индии. Там, где в афганской деревенской общине не было индийских ремесленников, там отсутствовала и форма наделения землей «канна» или «чакирана». Одно связано с другим³.

---

¹ В. А. Ромодин в своей диссертации (стр. 312—314) вполне правильно прослеживает по источникам середины XIX века возникновение кабальной аренды из долговой кабалы у юсуфзаев и приводит весьма характерный факт: «В случае убийства чарикара юсуфзаем считалось, что виновный должен был предоставить потерпевшему владельцу взамен другого чарикара».

² См. M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 407; M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 238; M у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 68 (англ. перевод).

³ Весьма характерно, что у афганцев, населяющих области, сравнительно удаленные от Индии, как, например, у дурраниев и гильзаев,

Наделение земель общинных слуг и ремесленников прикрепляло их к общине и служило формой оплаты за обслуживание различных нужд и потребностей крестьянства. Такая форма оплаты ремесленников закрепляла наследственное разделение труда, столь характерное для индийских общин, и в некоторых афганских общинах Банну, Дамана и Пешавара.

Необходимо, однако, отметить, что даже у марватов и племен Пешавара и Дамана, где подобное наделение земель имело сравнительно большее распространение, его удельный вес был относительно ко всему земельному фонду общины весьма невелик и оно далеко не получило такого значения, как в соседних областях Индии, в частности в Пенджабе. И это вполне понятно, поскольку внутреннее, независимое от рынка, разделение труда между земледелием и ремеслом не получило в афганской деревенской общине ни того полного развития, ни тех окостеневших форм, как в индийской общине.

Прежде всего бросается в глаза, что в марватской деревенской общине, так же как в общине юсуфзайской, момандской и других, земель на условиях наследственного держания (канна или чакирана) наделялась лишь незначительная часть общинных слуг, ремесленников и должностных лиц. По имеющимся данным, к числу таковых у марватов принадлежали — дум, или деревенский ашуг, хранивший в своей памяти родословные всех членов общины, деревенский писарь и деревенский плотник¹. Так, у марватского подразделения абба-хеля в 70-е годы XIX в. из нескольких десятков долей пахотной земли, выделенных еще семь-восемь поколений назад в качестве канна и млатар, 22 доли были закреплены за плотниками и 3 — за семьей деревенского писаря, индийца по происхождению, индуса по религии².

В дистрикте Пешавар даже в конце XIX в., т. е. пятьдесят лет после английского завоевания, сохранялись остатки подобной формы землевладения в виде «инамов» деревенских слуг и ремесленников³.

нельзя найти никаких следов «канна» или «чакирана». Даже у афганцев, населяющих правобережье Инда, можно обнаружить эти формы наделения земель только у некоторых племен — марватов, халилей, равнинных момандов, мухаммадзаев и, в известной мере, у равнинных юсуфзаев.

¹ Знание родословного древа имело для афганцев первостепенное значение. Происхождение определяло положение афганца в обществе, а главное, — его отношение к земле — основному средству производства. Отсюда большая роль дума, который знал наизусть родословную племени, его подразделений, родов, семей, а также отдельных членов общины. Дум также выступал в роли сведущего лица при земельных спорах между членами общины.

² См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 228.

³ В данном случае термин «инам» означает лишь то, что эти земли были освобождены англичанами от уплаты поземельного налога, и новый

Земли ремесленникам и должностным лицам общины первоначально выделялись из пахотной земли (определенное число долей), но затем полученные ими наделы не подлежали уже обмену при переделах. Владение землей было наследственным, переходило от отца к сыну в роде владельца, но связывалось с выполнением твердо установленных обязанностей, а прежде всего, с обслуживанием нужд крестьян-общинников в качестве кузнеца, цирюльника, плотника и т. д.

По своему социальному положению держатели земли «канна» или «чакирана» являлись хамсая, по своей этнической принадлежности — индийцами, притом твердо сохранявшими свои кастовые деления¹. В качестве хамсая они платили подушный налог, сбор со свадьбы и т. п. Однако, если характерной чертой индийской общины было то, что преобладающее большинство деревенских слуг и ремесленников наделялось от общины землей, то в афганской общине мы наблюдаем другой порядок — землю в качестве «канна» или «чакирана» получало лишь их незначительное меньшинство, да и то, как указывалось выше, лишь в некоторых районах Пешавара. Остальная, более многочисленная, часть наследственных слуг и ремесленников земли не получала, не считая небольшого усадебного участка, на котором располагалось их жалкое жилище. Именно так обстояло дело в стране юсуфзаев².

термин «инам» лишь прикрывал уже знакомую нам форму наделения землей «канна» или «чакирана». Общее число инамов деревенских ремесленников в 1898 г. равнялось по дистрикту Пешавар 1068, а их общая площадь составляла всего 1775 акров. Таким образом, средний размер такого инама был весьма невелик. Он равнялся 1,5 акра. Наибольшее число инамов принадлежало деревенским плотникам — 392 инама (общей площадью в 720 акров); деревенским кузнецам — 273 (общей площадью в 543 акра); деревенским цирюльникам — 266 (общей площадью в 353 акра) и думам — 52 (общей площадью в 79 акров). (См. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 29, 338).

¹ См. H. W. Bellier. Ук. соч., стр. 183; Налоговый отчет дистрикта Пешавар за 1876 г. в книге C. L. Turpin. Ук. соч., т. II, стр. 85—86.

² Число таких наследственных слуг и ремесленников (hereditary servants — так их называют в английской литературе) было достаточно велико. В районах к западу от Пешавара их насчитывалось до 12. Однако это число несколько сократится, если исключить из списка газеттира дистрикта Пешавара тех лиц, которые явно попали туда по недоразумению или недомыслию составителей списков, а по существу не могут быть отнесены к категории общинных слуг и ремесленников. Этот список см. в Gazetteer of the Peshawar District, стр. 169. Более правильные данные дает Налоговый отчет по дистрикту Пешавар за 1876 г. (C. L. Turpin. Ук. соч., стр. 85, § 209), квалифицируя в качестве наследственных слуг и ремесленников горшечника (кулаль), кузнеца (лохар), уборщика и гробовщика (муссали), цирюльника (наи), сторожа (котваль) и лиц, принадлежащих к категории гулямов, или рабов. Так, из пешаварского списка следует исключить джарвай — весовщика, который, по сообщению составителей справочника, был одновременно ростовщиком и торговцем,

В юсуфзайской деревне имелись наследственные общинные слуги и ремесленники следующих профессий¹:

1) *кулаль*, или горшечник. Он изготовлял глиняную посуду как для худжры и мечети, для деревенских праздников (видимо, получая за это вознаграждение от общины), так и на продажу; 2) *лохар*, или кузнец. Он получал от общины землю на основе держания чакирана; 3) *муссали* — уборщик худжры и мечети. Он получал вознаграждение в размере одного сира с каждого маунда зерна, собранного крестьянами общины во время жатвы; 4) *наи*, или цирюльник. Он также получал свою долю урожая с каждого крестьянского поля и, кроме того, отдельно оплачивался за участие в приготовлениях к свадьбам и похоронам;

и, так же как торговец табаком и бетелем, помещенный в этот список, по самой природе своих занятий был чужеродным элементом в общине и притом сравнительно недавнего происхождения. Затем из пешаварского списка необходимо исключить деревенского имама. Последний, конечно, не принадлежал к числу наследственных слуг и ремесленников ни по своему отношению к земле (держание сери), ни по эксплуататорскому характеру своих доходов. Сомнительным пам представляется и нандай, работавший по очистке хлопка. Он набивал хлопком матрацы, шил халаты, одежду, не получая никакого вознаграждения от общины, а оплачивался сдельно заказчиком.

¹ Те из них, которые не наделялись от общины землей, получали определенное отчисление в виде доли урожая с полей крестьян-общинников. В этом отношении афганская практика мало отличается от принятого в индийской общине порядка. См. Эльфинстон о юсуфзайской общине (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 346). При этом Эльфинстон отмечает, что ремесленники, обслуживающие канды, или родовые общины, входившие в состав общедеревенской, наделялись землей и бесплатно работали на членов канды, остальные же (т. е. обслуживавшие деревенскую общину в целом) оплачивались за выполненную работу каждым заказчиком в индивидуальном порядке. В Дамане общинные слуги и ремесленники не наделялись землей, но оплачивались отчислением доли из урожая (См. Gazetteer of the Dera Ismail Khan District., стр. 99). Таппер отмечает, что для афганцев Дамана наследственные слуги и ремесленники играют главную роль в полевых работах (См. С. L. T u r r e r. Ук. соч., т. II, стр. 144—145; т. II, стр. 185). О деревенских слугах и ремесленниках в Банну источник сообщает: «Они оплачиваются твердым долевым отчислением от урожая и разделяются на две категории — сельскохозяйственную и домашнюю (дворовую? — И. Р.). К первой принадлежит кузнец и плотник; ко второй — цирюльник и уборщик» (См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 95). Кожевенника (чамар) и ашуга — хранителя родословных (дум) — газеттир причисляет к «смешанной» категории. Доля всех деревенских слуг и ремесленников в валовом урожае общины равнялась 4—6%. Размер доли отдельного ремесленника колебался в пределах от 1 маунда 5 сиров зерна до 10 сиров с каждого плуга, т. е. с каждого хозяйства крестьян-общинников, причем крестьянин, имевший два плуга и соответственное количество земли, платил отчисление в двойном размере. Доля деревенского кузнеца и плотника равнялась 1 маунду и 5 сирам зерна, сторожа — 1 маунду и 10 сирам, кожевенника — 25 сирам, уборщика — 15 сирам, жнецов (это, повидимому, деревенские слуги) — 5 маундам и 25 сирам (См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 96).

5) *таркан*, или плотник. Держал от общины землю на основе чакирана; 6) *дум* держал землю от общины; 7) *котваль*, или деревенский сторож. Порядок его вознаграждения остается неизвестным, но, очевидно, он либо наделялся землей, либо получал отчисление от урожая; 8) *мухафиз фазл* — полевой сторож. Он нес охрану полей во время жатвы, получая свою долю урожая, исчисляемую либо с каждого плуга, либо с площади вспаханной земли; 9) пастух — *кема*, или *пали*, получал оплату два раза в год; о характере и форме этой оплаты источник ничего не говорит; 10) *маздур* — «батрак»¹.

Беллью помещает в своем списке как многочисленных представителей различных индийских торгово-ростовщических каст, так и чорикаров и рабов². На первый взгляд единственным объединяющим признаком этой классификации остается деление на касты. Беллью пишет, что ремесленное и торговое население в стране юсуфзаев делится на отдельные группы сообразно своим занятиям и браки заключаются только внутри таких групп, чамара с чамаром, джулаха с джулахом и т. д.³ Это, конечно, касты, тем более, что они сохранили свои индийские названия чамар, джулаха, дхоби, наи, лохар и т. д. Но непонятным остается основание, почему Беллью причисляет к числу этих кастовых групп чарикаров и рабов (гулямы и мрай). Потому ли, что они составляют эндогамные деления, в этом отношении сближаясь с кастами, или же по признаку их индийского или, во всяком случае, неафганского происхождения. В дальнейшем автор в известной мере разъясняет это, указывая несколько ниже: «Они (т. е. члены перечисленных кастовых и классовых групп. — *И. Р.*) снимают свои дома и, кроме того, обычно небольшой участок земли у афганских владельцев, ибо, как правило, ни одна из этих категорий людей не может полностью обеспечить собственное существование

---

¹ По определению составителя справочника «Налогового отчета по дистрикту Пешавар», но вряд ли здесь может идти речь о наемном рабочем. Скорее всего это один из деревенских слуг, полураб-полукрепостной общины, преимущественно используемый на сельскохозяйственных работах. Возможно, именно его имеет в виду налоговый отчет дистрикта Пешавар, когда упоминает о людях категории рабов в составе деревенских слуг и ремесленников.

² Список Беллью для задачи нашего исследования представляется еще менее удовлетворительным, чем материал газеттира дистрикта Пешавар. Беллью говорит не о наследственных слугах и ремесленниках в деревенской общине юсуфзаев, а о различных классовых и кастовых группах, главным образом индийских по своему происхождению и составу, которые существовали в стране юсуфзаев. Наряду с ними упоминаются лица, явно принадлежащие к числу общинных слуг и ремесленников (кожевник, горшечник, кузнец, уборщик, стиральщик белья, цирюльник, плотник, золотых дел мастер, дум).

³ См. Н. W. В e l l e w. Ук. соч., стр. 182.

своей профессиональной деятельностью, поскольку спрос на их обслуживание слишком незначителен, а доход слишком мал, чтобы прокормить семью»¹.

Таким образом, индийские ремесленники (вряд ли здесь может идти речь о представителях торгово-ростовщических каст), помимо своей основной работы, обрабатывали в качестве хамсая земли, принадлежащие афганцам. Именно в этом отношении Беллью и сближает их с рабами и чарикарами². Хотя источник прямо и не говорит об этом, но нет никаких сомнений, что представители перечисленных им кастовых групп являлись, так же как в районе западного Пешавара, в Дамане и Банну, наследственными слугами и ремесленниками афганской деревенской общины. При этом те из них, которые принадлежали к числу «неприкасаемых каст», находились на положении полурабов-полукрепостных, а их подневольный труд

---

¹ См. Н. W. Bellew. Ук. соч., стр. 183.

² Как известно, рабство у афганцев носило в основном патриархальный характер, как об этом свидетельствуют все источники и описания очевидцев. Вместе с тем рабы использовались для несения военной службы (они составляли часть ханской дружины у юсуфзаев, а иногда, как, например, у марватов, наделялись землей на основах держания млатар). Труд рабов применялся у дурраниев для сельскохозяйственных работ еще в конце XVIII — начале XIX в., но это, видимо, являлось результатом афганских завоеваний в Индии, где победители обращали военнопленных в рабов и вывозили их к себе на родину. Но и в этом случае, оставаясь на положении рабов в смысле своего социального положения, они фактически эксплуатировались феодальными и полуфеодальными методами, наделяясь землей и орудиями производства. Ярким примером таких переходных методов эксплуатации может служить описание Лэмсдена, относящееся к стране юсуфзаев (середина XIX в.). «На юсуфзайской равнине сейчас есть целые деревни рабов, именуемые гулямами, единственным признаком рабского положения которых является то, что они не могут уйти в другую часть области. Они обрабатывают землю хана, имеют собственный скот, живут в домах, которые предоставляются им ханом, и получают продукты земледелия в обмен за свой труд» (цит. по: В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 246). В экономическом смысле положение подобных рабов мало чем отличалось от положения обычных хамсая, а в некоторых отношениях было лучше, чем доля деревенских слуг. Удар большой силы по отмиравшим, но окончательно еще не исчезнувшим производственным отношениям, основанным на собственности рабовладельца не только на средства и орудия производства, но и на личность самого производителя, нанесло народное движение рошани в XVI—XVII вв. Борьба рошани имела своим следствием частичное освобождение рабов. Что же касается рабов, попрежнему остававшихся собственностью своих владельцев, то их положение характеризуется (поскольку речь идет о применении рабского труда в земледелии) тем, что фактически в их эксплуатации преобладающее значение получили формы полуфеодальные и феодальные. Это, в свою очередь, вело к дальнейшему изменению зависимости раба от рабовладельца, придавая такой зависимости полуфеодальный характер. Общая тенденция развития заключалась в сближении как форм эксплуатации рабов и хамсая, так и их правового положения.

находил достаточно широкое применение (как это было отмечено Таппером в отношении Дамана) на землях полноправных общинников-афганцев. По своему социально приниженному положению, по своему отношению к земле и другим средствам производства они стояли ближе к чарикарам (здесь этот термин применяется в смысле долгового раба) и рабам (поскольку эксплуатация последних в сельском хозяйстве все больше приближалась к феодальной эксплуатации), чем к остальной массе держателей земли райят-и хамсая. Они были и более прочно прикреплены к земле (наделение землей «канна») и более социально принижены (как представители «неприкасаемых» каст), чем остальная масса хамсая.

Положение наследственных слуг и ремесленников в афганской деревенской общине было несравненно лучше, чем в индийской. В условиях афганского общества, где не существовало кастовых делений и только складывались феодальные классы-сословия, самое содержание «неприкасаемости» было иным, чем в Индии. Нам ничего не известно о том, что «неприкасаемых», живших среди афганцев, ограничивали в пользовании водой из общих колодцев, подвергали другим унижительным стеснениям, заставляли селиться за околицей деревни. Не существовало в афганской деревенской общине ни той мелочной регламентации труда и быта общинных слуг и ремесленников, ни той всеохватывающей системы кастового обособления, распространившейся на все население общины (афганцы никаких каст не знали и не признавали), как это наблюдалось в феодальной Индии. Слабее была и степень прикрепления наследственных слуг и ремесленников к данной общине, много легче был и переход в другую. Так, например, у марватов общинные слуги и ремесленники, кроме тех, что держали землю на основах канна, обычно привлекались к службе на определенный срок (год или несколько лет), что обладало условиями их эксплуатации в форму двустороннего, периодически возобновляемого соглашения¹.

Нет никаких сомнений, что индийское население, как коренное, так и пришлое (переселившееся на левобережье Инда уже после афганского завоевания), сыграло весьма положительную роль в развитии афганского общества. Индийцы передавали афганцам свои ремесленные и земледельческие навыки, содействовали прогрессу сельского хозяйства, ремесленного производства и торговли. Вместе с тем они сохранили свои кастовые деления и традиционные окостеневшие формы разделения труда между земледелием и ремеслом. Это обстоятельство увеличивало взаимную изолированность афганских де-

¹ См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 95.

ревенских общин, придавало им самодовлеющий характер и способствовало сохранности общины и в качестве своеобразного коллективного эксплуататора слуг и ремесленников, прикрепленных к ней по большей части наследственно. Форма эксплуатации последних, в свою очередь, носила отпечаток пережитков рабства, что сближало в этом отношении общинных слуг и ремесленников с чарикарами (долговыми рабами) и просто рабами (мраи).

Таким образом, сложившаяся в афганской деревенской общине правобережья Инда форма внутреннего разделения труда между земледелием и ремеслом и роль общины как коллективного эксплуататора прикрепленных к ней слуг и ремесленников, с одной стороны, затрудняли рост общественного разделения труда в афганском обществе в целом, а с другой стороны, препятствовали полному изживанию рабства. Хотя в общественном положении общинных слуг и ремесленников сохранялись еще пережитки рабства, форма эксплуатации носила уже феодальный характер.

* * *

Рост земельного и денежного богатства эксплуататорской верхушки у афганцев, а в первую очередь ханов и духовенства, приводил к усилению экономической зависимости непосредственных производителей от этой эксплуататорской верхушки, которая различными путями постепенно устанавливала свое господство над главными средствами производства — землей и оросительными сооружениями. На такой экономической основе происходило развитие феодализма в афганском обществе. Это развитие вело к установлению не только экономической зависимости непосредственных производителей от феодальных собственников земли и оросительных сооружений, от обладателей рабочего скота и денежного богатства, но и к растущей политической зависимости рядовых членов племен от эксплуататорской верхушки, к изменению правового положения этих членов племен, к их постепенному закабалению, переходу части свободных в разряд зависимых.

Таким образом, экономическое подчинение начинает дополняться и подкрепляться внеэкономическим принуждением. Одновременно с развитием феодальной собственности на землю происходит развитие неполной собственности феодала на личность непосредственно производителя. Сначала этот процесс протекает в условиях, когда еще сохраняются органы и институты, унаследованные от первобытно-общинного строя (при одновременном изменении их функций и внутреннего содержания). Затем этот процесс приобретает открыто насиль-

ственный характер, когда эксплуататорская верхушка создает в качестве орудия своего политического господства государство и, опираясь на него, окончательно формируется в класс феодалов.

Конечным результатом этого длительного процесса является превращение непосредственных производителей, находившихся раньше в экономической зависимости от эксплуататоров, но сохранявших личную свободу и политическое равноправие, в сословно неравноправных подданных своих феодальных господ.

Развитие феодальных отношений в афганском обществе неизбежно вело к тем же порядкам, которые в свое время создавались и у других народов в силу закономерностей исторического развития, прослеженных Ф. Энгельсом на примере германцев. Мы имеем в виду деление на феодальных господ, с одной стороны, и их бесправных подданных — крестьян, с другой стороны.

В этой связи Ф. Энгельс отмечал: «Раньше юридически равноправные со своим вотчинником при всей своей экономической зависимости от него, они теперь и в правовом отношении стали его подданными. Экономическое подчинение получило политическую санкцию. Вотчинник становится сеньером (seigneur), поселенцы становятся его людьми (homines); господин (Herr) становится начальником «человека» (Mann)»¹.

В предыдущей главе мы пытались проанализировать содержание новых, ранее не существовавших земельных и земельно-водных отношений, которые складывались у афганцев в ходе разложения первобытно-общинного строя. Сейчас наша задача главным образом состоит в том, чтобы разобрать различные формы господства и подчинения, возникавшие на основе новых земельных и земельно-водных отношений, и показать их значение в процессе дальнейшего развития феодального строя. Эти формы господства и подчинения, с одной стороны, характеризуют, пусть еще неразвитые, отношения политического господства и подчинения между непосредственным производителем и его эксплуататором, а с другой стороны, отражают как специфические условия, в которых происходит складывание самой эксплуататорской верхушки в класс-сословие феодального общества, так и особенности политической организации и внутренней структуры этого зарождающегося и развивающегося у афганских племен господствующего класса.

В этом отношении наибольший интерес представляет развитие коммендации, которая в двух своих формах крестьян-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 403

ского и «благородного» держания земли является в первом случае зачатком прекария, а во втором — зачатком феода. Дальнейшее укрепление связей территориальных, в противоположность связям родовым, и развитие первичных форм территориально-политической организации имеет своей обратной стороной укрепление власти ханов и кладет начало превращению всего населения данной территории (включая и свободных) в подданных. Важную роль в процессе эволюции родового вождя в территориального владыку играет, с одной стороны, наличие у него военной силы, независимой от племенного ополчения — своей дружины, а с другой стороны, наделение его наряду с землей так же различными функциями государственного управления — набора военной силы, взимания дани и даже поземельного налога. Такое наделение ханов функциями государственного управления сначала имеет место со стороны соседних феодальных государств (Сефевиды, Моголы, персидский шах Надир), подчинивших своей власти ту или иную часть афганских земель, а затем, после образования Дурранийской державы, и со стороны афганского феодального государства.

Обычной формой наделения хана государственными функциями, что в известной мере распространяет его власть и на свободное население, было предоставление ему определенного земельного держания на основах тиуля или джагира. Таким образом, развитие политической власти хана оказывалось тесно связанным как с организацией дружины (что, в свою очередь, происходило на основе «благородной службы» и предоставления дружинникам привилегированного земельного держания), так и с возникновением института коммендации, а равным образом начальной формы бенефиция (таковым по своему содержанию выступает в тогдашних афганских условиях джагир или тиуль), развитием отношений иммунитета — поскольку хан в качестве держателя тиуля фактически пользуется иммунитетом по отношению к феодальному государству. Не только фактически, но и формально иммунитетными являлись многие из тех земельных участков, которые были предоставлены мусульманскому духовенству.

Далее, образование своеобразных союзов свободных (они в «Хаят-и Афгани» называются «партиями» — «фирка»¹), находящихся вне зависимости от своей родовой принадлежности, под защитой и покровительством влиятельного и сильного хана,

---

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 329; у баннучей в XIX в. подобные союзы охватывали до 10 тыс. свободных людей. Во главе более крупных союзов неизменно стояли наиболее сильные и влиятельные из ханов (См Gazetteer of the Bannu District, стр. 35; S. S. T h o r b u r n. Bannu, or our Afghan Frontier, стр. 17, 25).

главы такого союза, представляют еще одну форму коммемдации и зачатки вассальных отношений. Источником дальнейшего роста силы и могущества ханов также является присвоение ими тех сборов с членов общины или племени, которые предназначались на общественные нужды (за счет таких сборов хан зачастую содержал свою челядь и дружину), превращение дома гостей (худжра; аташ-хана; михман-хана) и дома собраний (чоук)¹ из общественной в частную собственность ханов (что весьма способствовало увеличению политического влияния ханов на своих соплеменников) и, наконец, расширение власти хана над хамсая, что имеет одним из своих следствий увеличение налогового обложения хамсая в пользу хана и уменьшения той доли доходов, которые первоначально поступали от зависимых племени в целом и равными долями распределялись между всеми членами племени. Мы сначала попытаемся проследить развитие этих отношений и институтов в общем виде, чтобы затем остановиться на специфических условиях процесса развития феодализма в отдельных афганских землях.

В развитии отношений коммемдации в афганском обществе помимо роста имущественного неравенства и дробления наделов, значительную роль играла необеспеченность крестьянского хозяйства в условиях непрерывных войн и распрей, столь характерных и неизбежных при разложении первобытно-общинного строя. Племя и род более не представляют замиренной среды внутри себя, и вместе с тем не могут справиться и с функцией защиты своих членов от постоянной угрозы нападения внешних врагов.

Обычное право становится орудием в руках сильного и богатого против незащитного и бедного. Это можно весьма наглядно проследить на правовой практике вазиров, хотя, как уже неоднократно указывалось выше, в Вазиристане больше, чем в других частях Афганистана, сохранялись существенные остатки первобытно-общинного строя. Так, например, при мирительном разбирательстве спора, при котором каждая из сторон назначает своих посредников, существовал обычай обязательного угощения посредников. В связи с разложением первобытно-общинного строя это традиционное угощение превратилось в средство своеобразного подкупа посредников, ставивших решение в прямую зависимость от того, какая из сторон обеспечит лучшее угощение. По этому поводу автор «Хаят-и Афгани» сообщает: «Расходы на угощение обходятся обеим спорящим сторонам очень дорого. Иногда эти расходы

---

¹ Наличие чоука источники отмечают только у некоторых племен, в частности, у баннучей.

доходят до двух-трех сотен рупий. Кроме посредников, услышав о джирге, все вазирьы собираются и приходят толпами на угощение; и никому не может быть отказано в угощении»¹. «Одним словом, все таким образом угощаются до тех пор, пока посредники не вынесут решения, а те обычно затягивают»². Если же одна из сторон отказывается дать угощение или выставляет недостаточное угощение, то она неизбежно оказывается виновной³.

Автор «Хаят-и Афгани» также приводит весьма интересные данные о коммендации у вазиров. Этот источник различает у вазиров три категории хамсая: 1) хамсая «по рождению», или хамсая райят, зависимых крестьян, или зависимых, являющихся подданными; 2) хамсая, которыми становятся свободные, в силу тех или иных причин покинувшие свое родное племя и нашедшие убежище на территории другого племени или рода.

«Путь такого превращения в хамсая следующий: беглец, зарезав овцу, приглашает на угощение маликов или влиятельных лиц деревни, предоставившей ему убежище, и заявляет: «Я, такой-то, совершил такое-то преступление, например убийство, или воровство, или прелюбодеяние, а теперь я хамсая». Люди, евшие его хлеб, каждый в отдельности и все вместе, сочтя его своим хамсая, становятся соучастниками его стыда (разделяют его вину)»⁴. В данном случае перед нами выступает отношение, во многом характерное еще для первобытно-общинного строя. Свободный, изгнанный из своего племени или покинувший его, добровольно становится под защиту другого родственного союза и получает эту защиту, становясь хамсая. Из члена одного родственного союза он превращается в хамсая другого родственного союза и на этом дело заканчивается.

Зато третья категория хамсая дает нам принципиально другое отношение: «Кроме беглых преступников, к другому виду хамсая (в противоположность категории райят-и-хамсая. — *И. Р.*), согласно законам вазиров, относятся те люди, у которых кто-нибудь из сородичей или соплеменников взял что-либо в долг — или землю или деньги — и не уплатил ему, или если кто-нибудь, совершив какое-либо преступление, не выполнил решение закона вазиров по требованию потерпевшей стороны. Тогда этот истец, согласно обычаю, описанному выше, сделавшись хамсая какого-нибудь могущественного

¹ См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 368.

² Там же, стр. 368.

³ См. там же.

⁴ Там же, стр. 359.

человека или племени, с его помощью добивается правосудия»¹.

Далее Мухаммад Хаят-хан поясняет, что такая практика имела место в тех случаях, когда истец заключал мирное соглашение об урегулировании спора с ответчиком, а последний его не выполнял. Тогда, по обычному праву вазиров, истец может «если сам имеет достаточно на то силы — захватить силой или путем воровства стадо или какое-либо имущество ответчика. Если (истец) сам не имеет сил, то, став хамсая какого-нибудь могущественного человека или рода, с их помощью выполняет это»².

В том случае, когда свободный отдается под защиту и покровительство другого свободного («могущественного человека», по выражению автора «Хаят-и Афгани»), создается отношение личной зависимости, возникает форма коммендации.

К сожалению, в цитированном источнике прямо не говорится, имела ли место при такой коммендации, превращающей свободного человека в хамсая «могущественного человека», передача коммендирующимся своих прав на землю.

Очевидно, хамсая, покинув свое племя, род, деревню, тем самым, если и не по обычаю, то во всяком случае, фактически (а это всегда самое важное), лишается возможности пользоваться своим наделом («покровителя», как и всякого иного чужака, другой род на свои земли не пустит). Нам ничего неизвестно, имеют ли подобные отношения зависимости временный или постоянный характер. Но одно совершенно ясно: в условиях роста имущественного неравенства среди вазиров старая система обычного права, основанная на авторитете органов племенного самоуправления, существовании кровной мести, талиона и различных способов примирительной процедуры, где член рода выступает в сопровождении своих сородичей в качестве его поручителей и соприсяжников, оказывается подорванной. Чтобы найти управу на сильного и могущественного обидчика, всего этого уже недостаточно и рядовому члену племени, не обладающему ни материальными средствами, чтобы подкупить джиргу, ни достаточной силой, чтобы самому расправиться с нарушителем закона, остается один путь — стать под защиту и превратиться в хамсая «могущественного человека».

У баннучей отношения коммендации получают дальнейшее развитие. У них для коммендации существовал и свой особый термин — хост, что обозначало торжественное обра-

---

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 362.

² Там же.

щение о защите и обещание верности со стороны ищущего покровительства тому, кто готов его оказать. Коммендация сопровождается и наделением ставшего под защиту долями воды, составляющими собственность лица, оказывающего покровительство¹.

Таким образом, в недрах афганского общества, в сосуществовании со старой системой обычного права и в противоречии с ней, складывается новая система отношений, основанная на коммендации свободных, но бедных и беззащитных членов племени могущественным светским и духовным лицам, которыми в первую очередь являются более крупные землевладельцы, располагающие достаточным влиянием или военной силой, чтобы оказать такую защиту и покровительство². Какова бы ни была первоначальная основа тех союзов самозащиты свободных людей, которые автор «Хаят-и Афгани» называет «партиями», они в дальнейшем не могут не превратиться в орудие подчинения значительной массы свободных политическому, а возможно, и экономическому влиянию ханов, не могут не стать зачатками территориально-политической организации, основанной на зависимости рядовых членов такого союза от его главы³. Такое перерождение союзов самозащиты свободных людей наиболее ярко наблюдается у баннучей в конце XVIII—начале XIX в.

Союзы, или «партии», в Банну являлись накануне английского завоевания объединениями, которые, с одной стороны, включали наиболее сильных и влиятельных ханов, а с другой, — массу зависимых от них людей, примкнувших к данному

---

¹ См. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 102. Возможно, что эти данные говорят о превращении свободного члена племени в дружинника влиятельного хана.

² Мы проследили это на основе данных о вазирах, относящихся к первой половине XIX в. Поскольку у вазиров разложение первобытно-общинного строя происходило значительно позднее, чем у большинства других афганских племен, есть основания считать, что у других афганских племен в общих чертах сходные с вазирскими процессы также имели место, предположительно в XVI—XVIII вв.

³ Эльфинстон отмечает существование подобных лиг или союзов среди многих афганских племен, в частности в Хосте (*M. Elphinstone*. Ук. соч., стр. 103). «Такие союзы называются гунди и могут включать любое количество людей. Связь между людьми по принадлежности к гунди считается сильнее кровной связи. Члены гунди обязаны жертвовать в защиту друг друга своим имуществом и даже жизнью» (*M. Elphinstone*. Ук. соч., стр. 327). Очевидно, Эльфинстон имеет здесь в виду первоначальные союзы самозащиты свободных, которые становились побратимами друг друга, в отличие от дальнейшего развития гунди у баннучей. В гунди этого типа решающим является отношение зависимости и покровительства, в которое становится участник такого союза от его главы — влиятельного хана.

союзу¹. Английский очевидец передает: «20 таппа-маликов разделяются на два гунди, или союза, главами которых являются наиболее влиятельные лица в данном союзе. Когда я впервые прибыл в Банну, — пишет Эдвардс, — Шер-Маст-хан из джандухеля был главой одного гунди и мог выставить 9000 вооруженных людей, а Хафиз-хан был вождем другого гунди и располагал 7000 воинов»².

Далее Эдвардс отмечает: «Это деление на гунди заменяло Банну правительство. Если кто-либо из ставших под покровительство Шер-Маст-хана терпел обиду и не получал удовлетворения от лица, состоявшего под покровительством Хафиз-хана, потерпевший немедленно обращался к главе своего гунди, каковой немедленно требовал удовлетворения от вождя соперничающего гунди и, в случае отказа, бил в боевые барабаны и начинал военные действия». «Вместе с тем, — отмечает Эдвардс, — если человек подвергался плохому обращению в собственном гунди и не получал должной помощи от его главы, то он вместе со своим мушкетом и пороховницей переходил в состав соперничающего гунди и отдавался под защиту его вождя»³.

Организация гунди у афганцев была переходной формой от родо-племенной организации к феодальной. Гунди объединяло людей не по родственной связи, а по жительству и по общей зависимости от главы гунди — того или иного влиятельного хана.

Эта зависимость еще не перешла в подданство, в отношении открытого господства и подчинения. Являясь фактически вынужденным актом, присоединение к гунди было добровольным по форме, и ставший под покровительство одного хана еще сохранял и право и фактическую возможность перехода к другому хану, главе соперничающего гунди.

Причины возникновения коммендации и общая тенденция развития этого института у афганцев в основных своих чертах не отличаются от однородного явления в европейском обществе раннего средневековья, где, как писал Ф. Энгельс, «... с одной стороны, бедствия от набегов норманнов, вечные войны королей и междоусобия великих мира сего вынуждали свободных крестьян, одного за другим, искать себе высокого покровителя. С другой стороны, алчность этих самых великих мира сего и жадность церкви ускорили этот процесс; хитростью, обещаниями, угрозами,

---

¹ Быстрый рост силы и влияния гунди у баннучей объясняется в известной мере и тем обстоятельством, что это смешанное по своему составу племя уже давно не представляло крепкого родственного объединения.

² Цит. по S. S. T h o r b u r n. Bannu, or our Afghan Frontier, стр. 34.

³ Там же.

силой они подчинили своей власти еще больше крестьян и крестьянской земли»¹.

Существенным моментом в процессе развития феодальных отношений у афганцев было создание дружины, военной силы, находившейся в распоряжении более крупных землевладельцев — ханов и всецело подчинявшейся им. Для обозначения таких дружинников у афганцев существовало несколько терминов, по большей части заимствованных из соседних стран, где давно сложился феодальный строй. В Афганистане дружинников именовали «друзьями» («яран») ², «слугами» («нукер») или «военными слугами» («мулязим») ³. Характерно, что автор «Хаят-и Афгани» подчеркивает разницу между племенным ополчением и ханской дружиной. Так, в одном случае в этом источнике отмечалось, что «по приказу падишаха (Аурангзеба. — *И.Р.*) Хушхаль-хан во главе племенного ополчения служил в Аджмире» ⁴, а в другом месте говорится, что «В то время, когда Ахмад-хан (дуррани. — *И.Р.*) совершал свои походы на Индию, он взял с собой Саадатманд-хана, сына Саадат Али с некоторым числом хаттакских воинов-нукеров» ⁵.

Дружины афганских ханов составлялись из рабов-гулямов, из наемных воинов, принадлежащих к числу индийцев, и, наконец, включали обедневших свободных афганцев, попавших в зависимость от хана и наделявшихся им землей на условиях несения военной службы. Такие свободные, державшие землю в качестве дружинников, являлись вассалами хана, главы дружины. Их обязанностью была военная служба и верность своему хану. Как уже указывалось, наделение земель дружинников производилось на различных основаниях. Бывало так, что часть зависимых, получивших землю от племени на условиях держания млатар, превращалась в дружинников, и держание ими земли от племени превращалось в держание земли от хана, главы дружины. В других случаях они наделялись землей за счет альменды, захваченной

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 639.

² См. S. S. Thornburn. *Banni, or our Afghan Frontier*, стр. 345.

³ См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 324. Термин «нукер» монгольского, а «мулязим» арабского происхождения. В феодальной Персии XVI—XVIII вв. «для обозначения людей, находящихся в вассальной зависимости от эмира или другого представителя военной знати, употреблялись термины «мулазим» (ар.) и «нукер» (монг.) с приблизительно одинаковым значением «военный слуга». См. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 113.

⁴ См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 321.

⁵ Там же.

ханом (что отмечается в источниках у халилей и юсуфзаев), или за счет пахотной земли, получая душевые наделы, которые, однако, изымались из сферы действия обычая переделов (подобная практика существовала у марватов).

Иногда дружинник, уже обладавший участком земли, получал право пользоваться долей воды, принадлежавшей главе дружины. Наконец, в тех случаях, когда глава дружины выступал в качестве держателя тиуля или джагира, он, в свою очередь, обычно наделял своих дружинников землей, входившей в состав данного джагира или тиуля. Такая практика получила наиболее широкое распространение у дурраниев. В лице дружины ханы получали в свое распоряжение покорную им вооруженную силу, а держание дружинником земли от своего хана на условиях вассальной зависимости и несения «благородной» службы явилось одной из форм развития феодальных отношений в афганском обществе.

В условиях развития феодальных отношений и неспособности обедневшей части свободных нести военную службу племени в рядах его ополчения, репрессии и штрафы, установленные в отношении уклонявшихся от участия в ополчении еще обычным правом, становятся, с одной стороны, источником обогащения ханов (разумеется, у тех племен, где ханам принадлежало право налагать подобные штрафы), а с другой, — средством дальнейшего разорения неимущей части свободных. Обычное право вазиров предоставляло их старшим и младшим эмирам (военачальникам, выбранным на время войны) чрезвычайно широкие полномочия в этом отношении. Так, «старший эмир должен, в случае если какой-нибудь человек, отказавшись или проявив упорное неповиновение, не явится во-время (на сбор ополчения. — *И. Р.*), послать отряд под командованием младшего эмира.

У этого начальника отряда («цальвешти») имеются большие полномочия. На человека, отказывающегося или не присутствующего (на сборе ополчения. — *И. Р.*), налагается следующий штраф — он должен, в соответствии с законом вазиров, заколоть двух овец и угостить членов отряда цальвештиев, оставшееся от угощения они также у него забирают. Если он не заплатит штрафа и откажется от включения в ополчение, то у карательного отряда есть право разграбить и сжечь его дом. Если во время этого грабежа владелец дома окажет сопротивление, то его могут убить. И во всех этих делах, в соответствии с законом вазиров, им (цальвештиям. — *И. Р.*) не может быть предъявлено никакого обвинения в преступлении»¹.

¹ См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 373.

У большинства афганских племен право налагать штраф и подвергать репрессиям уклонившихся от явки на сбор принадлежало не выборным военачальникам (как у вазиров), а наследственным ханам, стоявшим во главе племени и его подразделений¹.

У некоторых афганских племен в пользу хана поступали также таможенные пошлины с караванов². Наконец, хан выступал в отношении зависимого населения в качестве неограниченного владыки, взимая с хамсая, как со своих подданных, судебные пени и штрафы, различные налоги и сборы³. Все это уже издавна давало в руки ханов значительные материальные ресурсы, но до поры до времени еще не обеспечивало им приобретения подобного рода власти и над свободными.

Однако в ходе развития феодализма у афганцев положение начинает существенно меняться. Мы уже говорили, что важное значение приобрело право ханов налагать штрафы и подвергать репрессиям свободных, которые по тем или другим причинам (а скорее всего, по бедности) уклонялись от участия в племенном ополчении. Хань также начинают распоряжаться и присваивать себе с давних пор существовавшие сборы со свободных, которые старым обычаем предназначались на различные общественные нужды. Так, у баннучей таппа-малики в первой половине XIX в. взимали со всех, по терминологии английских властей, «собственников» земли (к каковым относились свободные, правомочные общинники) сбор в размере $\frac{1}{10}$ доли валового урожая. «Всякий заминдар или собственник земли платил своему малику $\frac{1}{10}$ продукции своего поля в натуре. Этот ежегодный сбор со всего валового продукта назывался «маликаи», или доля малика. Малик либо перевозил зерно в свои амбары, либо, если он был слишком ленив, отдавал сбор маликаи на откуп индусу»⁴. Такова была обычная практика. Можно добавить, что откупщик безжалостно обманывал своего доверителя. Однако «маликаи» (сбор в пользу малика) у баннучей еще к 40-м годам XIX в. (к этому времени относится цитированное наблюдение очевидца) не являлся лишь частным достоянием малика, а представлял собою попрежнему фонд, из которого покрывались расходы на такие общественные нужды, как

¹ См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 164, 167.

² Там же, стр. 167; такие сборы достигали значительных размеров у племен, населявших территорию, расположенную поблизости от важных торговых путей (хаттаки, вазирь, афридии, оракзай и другие).

³ Подымный, со свадьбы, особый налог с торговцев и ремесленников и т. д. Хамсая также были обязаны выполнять на ханов разнообразные повинности и службы. Об этих налогах, сборах и повинностях подробнее упоминалось выше при описании положения райят-и хамсая.

⁴ См. H. V. Edwards. A year on the Indian Frontier, цит. по S. S. Thornburn. Vannu, or our Afghan Frontier, стр. 32.

«починку стен вокруг укрепленных деревень, ремонт оросительной сети, покупку оружия и снаряжения, пищу для странников, совершающих святыя паломничества, оказание гостеприимства соседям, путешественникам или святым людям, милостыню нищим, вознаграждение заезжему певцу-ашугу. В конце года остаток, за вычетом всех произведенных расходов, составлял личную собственность малика. Но если расход превышал доход, малик покрывал разницу из своих личных средств»¹.

Эдвардс, автор приведенного интересного наблюдения, показывающего на примере баннучей один из этапов превращения сборов на общественные нужды в феодальные налоги и поборы, считает, что средний годовой доход таппа-малика — остатки сбора маликаи (маликана), целиком поступавшие в пользу малика у баннучей, сбор с весов или дхарат, таможенные пошлины, а также налоги с зависимого населения (хамсая), — составляли не менее 200 ф. ст., или около 2000 рублей, сумму для того времени, в условиях высокой покупательной способности денег, достаточно крупную.

Ясно, что чем больше развивались феодальные отношения, чем больше росла сила и власть маликов у баннучей и у других афганцев, тем больше превращали ханы и малики первоначальный сбор на общественные нужды в свой личный доход, а свободных, выплачивавших этот сбор, в налогоплательщиков, которые своим трудом содержали хана, малика, его челядь и дружину². Почти у всех афганских племен в XIX в. и чоук и худжра превратились в частную собственность ханов и маликов. Так обстояло дело у марватов и баннучей в Банну³, у юсуфзаев⁴, у халилей, равнинных момандов и других пешаварских племен⁵.

Чоук и худжра играли важную роль в жизни афганцев. Чоук был местом общинного схода, а худжра не только служила ночлегом для холостых данного канди и приютом для странников, получавших здесь кров и пищу, но и своеобразным

---

¹ См. H. B. Edwards. A year on the Indian Frontier, цит. по S. S. Thornburn. Bannu, or our Afghan Frontier, стр. 32.

² Так, у марватов, как это отмечается в источниках XIX в., деревенские малики присвоили себе право взимать и расходовать сбор со свободных, предназначавшийся на содержание чоука (дома собраний), худжры (дома гостей и места ночлега неженатых юношей) и на приобретение масла для освещения мечети (См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 51—52). Кроме того, сбор с весов (так называемый дхарат), ранее поступавший на общественные нужды, превратился в налог, взимавшийся деревенскими маликами и таппа-маликами в свою пользу (см. там же, стр. 97).

³ См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 51—52.

⁴ См. H. W. Bellew. Ук. соч., стр. 202.

⁵ См. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 100.

клубом. В худжрах заезжие ашуги исполняли свои баллады, молодежь пела и плясала, в них же старшее поколение об-суждало текущие события, т. е. именно худжры были местом, где формировалось общественное мнение.

Нет никаких сомнений, что малик или хан, становясь хозяином чоука и худжры получал много дополнительных средств и способов, усиливавших его влияние и воздействие на общественное мнение и настроения своих соплеменников. То, что они раньше получали в худжре за общественный счет (постельные принадлежности, угощение, табак), теперь зависело от милостей малика, от его доброй воли. Чтобы пользоваться всеми благами худжры, надо было ладить с маликом или ханом и не противодействовать ему. Так еще один из важных институтов, являвшихся наследием первобытно-общинного строя у афганцев, попадая в руки феодалов, окончательно превращался в свою противоположность и использовался эксплуататорской верхушкой в собственных интересах.

Являясь достаточно крупным землевладельцем, обладателем денежного богатства и разнообразных доходов, опираясь на силу своей военной дружины и поставив немало свободных не только в экономическую, но и в личную зависимость от себя (различные формы коммендации и развитие вассальных отношений), став хозяином чоука и худжры, пользуясь при всем этом неизменной поддержкой более богатых и влиятельных представителей мусульманского духовенства, хан или малик, даже не ломая традиционных форм общественного устройства, мог путем подкупа, угрозы и запугивания влиять в нужном ему направлении на решения джирги племени или его подразделений¹. Старые органы племенного самоуправления, еще сохраняя к XIX в. свое существование у афганцев, превращаются, однако, к этому времени уже в очень большой мере лишь в орудие эксплуататорской верхушки, а прежде всего, ханов. «Даже наиболее сильные ханы, — отмечал Эльфинстон, — не прочь использовать санкцию джирги, когда им приходится иметь дело с сильным нарушителем (обычного права. — И. Р.); а среди дурраниев, где ханы облечены властью от шаха, они считают вполне удобным для себя получить от джирги тот или иной совет»². Наряду с джиргой, которая является органом самоуправления и представительством всех членов данного родственного союза (исключая женщин и детей), у некоторых афганских племен уже к XVIII в. возникает ханская джирга, орган, куда рядовые члены племени вообще не имеют доступа. Так, в 1747 г. Ахмад-хана избрала на царство именно

¹ См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 170—171.

² Там же.

такая джирга, где были представлены наиболее сильные и влиятельные из ханов дурраниев (абдалиев)¹.

Значительную роль в ускорении процесса развития феодализма у афганцев сыграли также взаимоотношения между афганскими ханами и теми феодальными государствами, которые, иногда в течение длительного времени, устанавливали свое господство над частью афганских земель или над всеми этими землями. В XVI—XVIII вв. и Сефевиды и Моголы, а в особенности Надир-шах предоставляли афганской племенной знати земельные держания (тиули и джагиры) на условии несения военной службы (это обязательство распространялось не только на дружину ханов, но и на племенное ополчение). Когда Сефевиды или Моголы собирали с афганских племен дань, а в отдельных случаях и налог (в округе больших городов, где завоеватели держали сильные гарнизоны, как в Пешаваре, Кабуле и Кандагаре), то взимание дани и налога, равно как ответственность за явку воинов племени для несения шахской службы, возлагались на ханов. Наделение афганских ханов землей и определенными государственными функциями, обычно связанными с держанием земли (а иногда и независимо от такого держания), само собой разумеется, увеличивало власть ханов не только над зависимым населением, но и над свободными².

¹ См. «Тарих-и Сальтани», стр. 112 (подробнее об этой джирге см. ниже в описании событий, связанных с образованием Афганского феодального государства в XVIII в.). У некоторых афганских племен хан мог без санкции джирги изгнать человека из племени. См. M. E I r h i p s t o p e. Ук. соч., стр. 171 (сведения Эльфинстона относятся к концу XVIII в.—началу XIX в.).

² О многочисленных пожалованиях гильзайских и абдалийских (дурранийских) ханов землей, а также о назначении их на должности хакимов (правителей округов) Сефевидами и Моголами см. «Тарих-и Сальтани», стр. 62. В связи с подобным пожалованием персидский беглербек Кандагара указывал абдалийскому хану Мир-Мубараку из подразделения алькозай: «Так как уже некоторое время как государственные налоги в окрестностях (Кандагара. — *И. Р.*) остались не собранными, поэтому Вам, которому со стороны высокочтимого шаханшаха пожаловано звание ферзенда (буквально — «сын». — *И. Р.*) нужно приступить к сбору имущества, принадлежащего казне». (Там же). Могольский падишах Акбар поручил охрану большого торгового пути от Аттока до Наушеры хаттакскому малику Акору, сыну Генджу и «в награду за это пожаловал от имени шахского дурбара (правительства. — *И. Р.*) малику Акору в джагир земли от Хайрабада до Наушахра и от Табни до Мевисира, а также передал ему земли и назначил ему некоторые права в районе (горного) прохода через территорию Акора». См. M у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 321.

Хушхаль-хан хаттак в награду за военные заслуги получил от могольского падишаха шах Джахана 4 лакха рупий (400 000) наличными и «джагир в полтора лакха ежегодно на условиях, что на этот доход он будет содержать 500 всадников и 1000 пеших воинов для шахской службы и будет постоянно держать их наготове» (Там же). Подобные пожалования практиковались Моголами и по отношению к ханам других афганских

Это обстоятельство имело особенное значение для тех афганских областей, где к тому времени уже создались внутренние предпосылки для перехода к феодализму, а в первую очередь у хаттаков, пешаварских племен (халиль, мухаммадзай, равнинные моманды и другие) и абдалиев.

Процесс разложения первобытно-общинного строя и развития феодальных отношений у афганцев не только имел свои специфические особенности в разных частях страны, но протекал у различных племен весьма неравномерно. В одних афганских областях этот процесс происходил относительно быстро (у хаттаков, пешаварских племен и дурраниев), в других — более медленными темпами (баннучи, марваты, юсуфзай, племена Дамана), в третьих — сравнительно устойчиво сохранялся старый общинно-родовой строй, находившийся на ранних этапах своего разложения (афридии, оракзай и вазирь)¹.

ВАЗИРЫ

Начнем с вазиров, как типичных представителей той группы афганских племен, которые являлись более отсталыми по уровню своего социально-экономического развития. Длитель-

---

племен. Так тот же шах Джахан пожаловал титул арбаба и джагир Мухаммад Азим-хану из племени халиль. Эта жалованная грамота (санад) тщательно сохранялась в роде Мухаммад Азима. (См. *Gazetteer of the Peshawar District*, стр. 137).

О многочисленных земельных пожалованиях ханам абдалиев (дурраниев) со стороны персидского шаха Надира см. ниже в очерке процесса развития феодальных отношений у дурраниев.

Общее значение пожалования земли афганским ханам и наделения их функциями сбора налогов и поставки воинских контингентов для службы шаху правильно отмечает Эльфинстон: «В племенах, покорных шаху, хан получает большое влияние как лицо, ответственное за поступление шахских налогов и набор воинов, не говоря о доходах, связанных с выполнением указанных обязанностей. . . обладание богатством дает хану возможность содержать многочисленных дружинников и предоставлять различные преимущества главам подразделений своего племени, что значительно увеличивает его власть» (M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 163).

¹ На эту разницу в общественном устройстве различных афганских племен, у части которых ханы приобрели огромную власть, а у других большую силу сохраняла джирга, обратил внимание русский афганист Н. А. Аристов. Но Н. А. Аристов объяснял эту разницу не только «природными и историческими условиями», но, расовым моментом, пресловутой «чистотой крови» того или иного племени или группы племен (См. Н. А. Аристов. Об Афганистане и его населении, стр. 35—36). Являясь в основных своих построениях представителем передовой для буржуазной науки своего времени русской социологической школы, возглавлявшейся М. М. Ковалевским, Н. А. Аристов в данном случае отдал дань реакционной и антинаучной «расовой теории». Кстати, сведения, приводимые самим же Н. А. Аристовым в других частях его ценной работы, убедительно показывают, что никаких этнически однородных по своему составу афганских племен не существовало (См. там же, стр. 28).

ная сохранность скотоводческого хозяйства, остававшегося еще в XIX в. основным занятием вазиров, и условия конкретно-исторической среды придали свои специфические черты процессу разложения у них первобытно-общинного строя.

Вазирьы позже других афганских племен двинулись на новые земли¹. Завоевание места своего нынешнего поселения — Вазиристана — далось вазирам в результате длительной, почти двухвековой (XIV—XVI вв.), весьма упорной борьбы с другими афганскими племенами — хаттаками, гильзаями, бангашами, бхитани и даурами. В дальнейшем вазирьы частично завладели землями левого берега реки Курама, отняв их у хаттаков и марватов, подчинили себе около $\frac{1}{7}$ части равнины Банну, несмотря на сопротивление марватов и баннучей, продолжали на северо-западе кровопролитную борьбу за пастбища с гильзаями. Являясь последним по времени афганским племенем, которое силой оружия прокладывало себе путь к новым землям и пастбищам, вазирьы вплоть до середины XIX в. непрерывно расширяли свою территорию². Со времени своего утверждения в Вазиристане, вазирьы, занимая командующее положение на одном из важнейших путей, связывающих Индию с Афганистаном (Гомальский проход), извлекали в течение столетия, вплоть до конца XIX в., большой доход, ведя постоянную войну с повинда, грабя торговые караваны или облагая их тяжелой пошлиной. В этих условиях вазирьы сложились как племя относительно замиренное внутри себя и в то же самое время организованное на военный лад, как племя, закаленное многовековой тяжелой борьбой, как племя, которое в ряде случаев единым фронтом выступало против соседних племен и других внешних врагов³. Не случайно именно

¹ О месте первоначального поселения вазиров см. вводную главу.

² Английские колонизаторы, которые после превращения Пенджаба в вассальное государство в 1846 г. и его окончательной аннексии в 1849 г. стали хозяевами левобережья Инда, остановили дальнейшие завоевания вазиров.

³ По свидетельству английского очевидца середины XIX в., «Вазирьы представляют одно из наиболее многочисленных и наиболее сплоченных афганских племен. Вазирьы могут выставить больше 40 тыс. воинов, а баннучи не более 20 тыс. Вазирьы горды, исполнены патриотизма, внутренне объединены, строги и просты в обращении, гостеприимны к чужеземцам и не дадут своего гостя в обиду несмотря на угрозы и посулы» (H. V. Edwards. A year on the Indian Frontier. Цит. по S. S. Thornburn. Bannu, or our Afghan Frontier, стр. 40—41).

Эдвардс явно преувеличивает численность военных сил вазиров. Они и в начале XX в. могли выставить не более 25 тыс. воинов (См. R. T. Ridgway. Ук. соч., стр. 167).

В военных действиях против английских империалистов, когда во время англо-афганской войны 1919 г. весь Вазиристан поднялся против чужеземных поработителей, боевые отряды вазиров не превышали 18—20 тыс. человек.

вазирам принадлежит одно из первых мест в борьбе афганских племен за свою независимость и родную землю против английских колонизаторов. Империалистам, несмотря на большие жертвы людьми и огромные затраты материальных средств, несмотря на применение всех новейших достижений военной техники, на протяжении целого столетия (после британской аннексии в 1849 г.) так и не удалось поставить на колени свободолюбивых и воинственных вазиров и окончательно подчинить себе их страну¹.

Длительные войны и прочно сложившаяся в течение столетий организация племени на военный лад наложили глубокий отпечаток и на земельные отношения вазиров, на их родо-племенное самоуправление и на систему обычного права, зафиксированную в своде XVII в. — «Вазиринарх».

Захваченную землю вазирь делили между крупными подразделениями и отдельными родами по «тугам» (боевым знаменам), т. е. в зависимости от воинских заслуг данной кровно-родственной группы, а внутри родов — по генеалогическому древу. Долю земли получал только взрослый мужчина, способный носить оружие². Об этом прямо говорит Мухаммад Хаят-хан: «Каждому сражающемуся мужчине назначалась дадди, или одна доля»³. В дальнейшем дадди постепенно развивался в сторону аллода. Наделы вазиров уже задолго до XIX в. стали закладываться⁴. У вазиров были хамсая, но даже в XIX в.

---

¹ Об этом Л. Р. Гордон в своей работе, посвященной истории афганцев Пакистана в новейшее время, пишет: «До сих пор, пока в антиимпериалистическом движении патанов главную роль играла антианглийская борьба пограничных племен (до 1919 г.), вазирь были ее основным ударным отрядом. С переходом же национально-освободительного движения патанов на новую, более высокую ступень, борьба вазиров, несмотря на свой попрежнему боевой характер, стала представлять более отсталую форму движения, чем антиимпериалистическое и антифеодальное движение крестьян административных районов Северо-Западной пограничной провинции». Л. Р. Гордон. Социально-экономический строй афганских племен Индии. «Вопросы истории», 1950, № 3, стр. 64—65.

² Доля земли называлась у вазиров «дадди» (دادي). Воинские заслуги подразделений или рода определялись числом воинов, которое они выставили; их доблестью и количеством понесенных в боях жертв (см. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 363). Так же учитывалось качество вооружения, поскольку при разделе военной добычи у вазиров воин, вооруженный мушкетом или ружьем, получал большую долю добычи, чем воин, вооруженный только холодным оружием (см. там же, стр. 377). Подробнее об этом см. ниже в описании военной организации вазиров.

³ См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 363.

⁴ В XIX в. эти наделы уже можно было продавать и покупать, во всяком случае такая практика, по сведениям источников, отмечалась среди оседлой части вазиров. В случае насильственного захвата земли

их насчитывалось сравнительно немного. Основной фигурой в сельском хозяйстве вазиров был воин-земледелец, личным трудом обрабатывавший принадлежащее ему поле.

Общественное устройство вазиров носило демократический характер и не давало значительных преимуществ вождям или маликам. Даже в XIX в., у вазиров, как сообщает автор «Хаят-и Афгани», при выборах на пост малика не существовало «никаких наследственных прав и преимуществ»; далее в источнике это положение уточняется следующим образом: «ни у одного человека нет таких ограничений, которые не дали бы ему возможности получить имя малика»¹. От малика требовалось гостеприимство, умение выступать на джирге и, в частности, «приводить доводы», готовность заботиться о благосостоянии племени и его защите. «Такого человека ставят во главе своей ветви под именем малика. А представитель ханского рода (букв. «семьи наследственных маликов»), который не одарен равными (с ним. — *И. Р.*) способностями, подчиняется ему»².

Малик у вазиров не обладал принудительной властью над членами племени³. Его права и обязанности еще в середине XIX в. в основном сводились к следующему: он доводил до сведения своего подразделения решение джирги племени или вышестоящего подразделения; он получал лишнюю порцию хлеба и баранины во время общественного угощения; он выступал в качестве посредника при различных примирительных процедурах между спорящими сторонами и, в случае их добровольного согласия, мог иногда выполнять судебные функции; он производил раздел спорного имущества, определял цену товаров и вещей, входивших в состав выкупа за пролитую кровь (так называемая «цена крови» — «хун баха»). Таким образом, хотя у вазиров не позднее, чем в XVI—XVII вв., как говорят источники, и выделилась племенная знать (так называемые «наследственные семьи маликов» или «знатные дома»), но они еще и в XIX в. не пользовались преимущественным, а тем более наследственным правом на занятие определенных

(ниава) подобный захват нередко узаконялся последующим оформлением акта покупки-продажи между обеими сторонами, причем покупная цена земли, разумеется, устанавливалась значительно ниже обычной (См. *С. Л. Туррег. Ук. соч., т. II, стр. 18*). Расчистка целины, сооружение колодца или другого оросительного устройства давало право собственности на «оживленную» землю (См. там же, стр. 124). Но поливное земледелие не получило значительного распространения в стране вазиров.

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 369.

² Там же.

³ Это положение сохранялось, как о том согласно свидетельствуют самые различные источники, еще и в XIX в.

должностей и не завоевали привилегированного положения среди других членов племени¹.

Являясь племенем, в жизни которого война имела весьма крупное значение, вазирь выработали, как уже отмечалось выше, прочную военную организацию, которая была довольно сложной. В случае войны малики передавали все свои полномочия двум выборным вождям, так называемым «большим, старшим маликам» («малик калан»). «Их обязанность заключается в том, что они назначают место каждому подразделению. Порядок заключения мира принимается по их решению при условии согласия остальных маликов»². На старших маликах, повидимому, лежало общее руководство войной, они же подготавливали порядок заключения мира. Вооруженные силы племени, состоявшие из ополчения всех способных носить оружие, возглавлял в качестве выборного командующего «большой (или старший) эмир» («стыр эмир»). В непосредственном его подчинении находилось несколько «малых эмиров» («кам эмир»), возглавлявших отряды, численностью от 20 до 100 воинов. Как уже указывалось выше, «старший эмир» в качестве командующего племенным ополчением обладал принудительной властью в отношении тех, кто уклонялся от явки на сбор и участия в военных действиях. «Старший эмир» мог наложить на них штраф, подвергать их имущество разграблению, а дома обречь огню. Вазирь-воин, нарушивший военный приказ начальника, также подвергался тяжелому наказанию. Как правило, ополчение вазиров выделялось среди ополчений других афганских племен своими высокими боевыми качествами и относительной дисциплинированностью.

Полномочия старшего эмира и других выборных военачальников и весь механизм иерархического подчинения «малых эмиров» старшему, а рядовых воинов — «малым эмирам» вступали в силу только во время серьезного военного столкновения, в котором участвовало либо все племя, либо одновременно несколько его подразделений. Для налетов на торговые караваны и грабительских набегов на соседние земли у вазиров существовала другая организация, основанная на доброволь-

---

¹ Потомки трех знатных семей или домов, первоначальных составителей «Вазиринарха», играли в некоторых случаях роль судебной инстанции. Влияние этих трех знатных домов (دودمان) или семей (خانندان) проявлялось в следующем: «если имеет место серьезный спор, или не будет найдено подходящего решения, или в каком-либо вопросе обычного права обнаружатся разногласия, или посредники вынесут противоречивое решение, то такое решение или разъяснение вопроса, какое будет подтверждено этими тремя знатными семьями, считается окончательным» (М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 369).

² Там же, стр. 373.

ном участия отдельных членов племени, объединявшихся в отряды удальцов — «батыров» под командой своих выборных главарей — саргунов (или сарханов). «Для небольших набегов формировались маленькие группки до 10 человек — голь, группы побольше, до ста человек, назывались «гадди» (буквально: группы для ночных набегов). Отряд свыше ста человек назывался «тирак» (шайка грабителей). Если в тирак были включены всадники, то он назывался «тахт» (отряд для нападения). Во главе гадди и тираков стояли начальники — саргуны (или сарханы)»¹.

Как и можно было ожидать, в своде обычного права вазиров («Вазиринарх») большое внимание уделялось вопросам раздела добычи. Порядок раздела был определен и зафиксирован весьма подробно и тщательно. По сравнению с рядовыми воинами эмиры получали одну или несколько лишних долей из военной добычи, так же как саргуны получали лишнюю долю из имущества или скота, захваченного грабительской шайкой. Между рядовыми воинами (во время войны) и рядовыми участниками грабительских шаек (во время налетов на торговые караваны или соседей) добыча делилась неравными долями, в зависимости от качества вооружения. «Тот, у кого есть только меч, получает одну обычную долю, а на мушкет или ружье дается добавочная доля, на щит полагается полдоли. Таким образом, человек, у которого при исполнении воровства был меч, мушкет и щит, получит всего две с половиной доли. Но это при том условии, что он всегда имеет при себе указанное оружие, а не взял его с собой именно в данный налет, чтобы получить лишнюю долю»². Как правило, распродажа захваченной добычи производилась эмирами или саргунами, что являлось для них добавочным средством увеличить свою долю за счет доли рядовых воинов³.

Обычным правом вазиров закреплялось свойственное патриархальному быту приниженное положение женщины. Чтобы предотвратить переход земли и имущества в другой род, жена и дочери исключались из числа наследников. «Если умерший не имеет сыновей, наследство делится между родственниками мужского пола, согласно шариату, женщинам, вопреки шариату, части не выделяют»⁴. Вдовы, «хотя не имеют права владеть

¹ См. Л. Р. Гордон. Ук. статья, стр. 55—56.

² Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 377.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 367. Такова же была практика и других афганских племен, в частности, баннучей. По данным Таппера (С. Л. Туррег. Ук. соч., т. II, стр. 240), «любой агнат, пусть самой отдаленной степени родства, признавался наследником, в то время как дочери и их потомство исключались. В случае, если не было родственников по мужской линии, наследовал род».

своей личной долей имущества, но до тех пор, пока у них останутся законные дети от умершего мужа, имеют право на пищу и на расходы на жизнь и на собственность, принесенную женщиной в качестве приданого»¹. «Цена крови» свободной женщины была вдвое меньше «цены крови» свободного мужчины (600 и 1 200 рупий)². Что же касается зависимых, то убийство райят-и хамсая приравнивалось к грабежу или другому нанесению имущественного ущерба его хозяину и возмещалось по соответственной расценке³.

В «Вазиринархе» подробно регулировались обстоятельства, связанные с обычаем кровной мести. Женщины полностью исключались из сферы действия обычая кровной мести. Пока был жив сам убийца, кровная месть не распространялась на его сыновей и родственников. Тяжесть преступления и размер «цены крови» определялись в зависимости от числа ран и оружия, которым было совершено убийство. В случае согласия наследников убитого на мирное урегулирование, отец, брат или другой ближайший родственник убийцы вместе с несколькими маликами своего подразделения вносили «цену крови». Деньги обычно заменялись оружием, товарами, женщинами или скотом. Оценка производилась маликом. Как замечает автор «Хаят-и Афгани», мирное урегулирование имело место в тех случаях, когда родственники убитого не обладали достаточной силой, чтобы осуществить кровную месть, а родственники убийцы, наоборот, были сильны и могли отплатить за его смерть, если он в свою очередь падет жертвой кровной мести.

Одной из характерных черт обычного права вазиров было участие соприсяжников и поручителей во всех видах разбирательства спора. Соприсяжники и поручители, являясь родичами истца или ответчика, выступают в качестве представителей родственного союза, к которому принадлежит истец или ответчик и под защитой которого он находится. Так, например, при разбирательстве на джирге обвинения в убийстве: «Сто человек из племени подозреваемого каждый в отдельности приносят клятву на священном коране, что человек, на которого пало подозрение, этого преступления не совершил, и они удостоверяют его невиновность. Тогда этот человек свободен»⁴. Если речь шла об убийстве женщины, то установленное число соприсяжников уменьшалось до 50.

---

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 367.

² Там же, стр. 355 и 356.

³ Там же, стр. 369 «Нанесение какого-либо вреда жизни хамсая рассматривается как грабеж».

⁴ Там же, стр. 358.

Разбирательство дел об увечье, грабеже, воровстве, споров о земле и различном имуществе также сопровождалось обязательным участием поручителей и соприсяжников.

На племени или роде у вазиров во всех этих случаях лежала защита своего сородича и соплеменника, и род и племя несли коллективную ответственность. По закону талиона, потерпевший был вправе нанести обидчику равноценное увечье. Но так же, как и при убийстве, в случае конфликта из-за нанесения увечья допускалось мирное урегулирование. Для этой цели в «Вазиринархе» устанавливалась сложная такса в зависимости от характера увечья и оружия, которым оно нанесено. В случае мирного урегулирования конфликта, возникшего в результате убийства, нанесения увечья, грабежа и т. д., в «Вазиринархе» предусматривалась особая форма возмещения, именованная «табба» (تَبَّابَة).

«Табба» имеет следующее значение: ответчик заявляет относительно своей дочери, которая не родилась, но имеет родиться в будущем, — «первую дочь, которая у меня родится, я отдам истцу». В случае, если такая дочь действительно родится, но затем умрет, права истца прекращаются с ее смертью. Если же дочь не родится, то обязательство переходит на сына (ответчика. — *И. Р.*). Он должен отдать свою дочь истцу или договориться с ним об условиях урегулирования своего обязательства»¹.

При мирном урегулировании дела о воровстве совершивший его должен был возместить пострадавшему стоимостью похищенного имущества в двойном размере и, кроме того, уплачивал небольшой штраф (نَاعَة) и давал табба. Если воров было несколько — давали таббу и платили штраф они все. «В случае, если ответчик не соглашается подчиниться закону мирным путем, то истец имеет право подвергнуть имущество и скот ответчика зобла (زوبلا). Слово «зобла» по идиоматике вазиров означает, что в случае отказа ответчика от исполнения закона истец режет скот или других домашних животных, наносит вред ответчику или его хамсая путем грабежа, воровства, разбоя и т. д. Когда зобла произведена, то истец теряет право на штраф и остальное, хотя бы у ответчика была убита только одна овца. Если с целью осуществления зобла истец вступит во владение ответчика и обнажит меч, то все обязательства ответчика истцу тем самым считаются погашенными»².

---

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 359. Обычная цена «табба» в середине XIX в. определялась в 25 рупий. Вместо табба ответчик всегда мог внести наличные деньги. По соглашению сторон цена табба могла быть произвольно увеличена или уменьшена.

² Там же, стр. 359.

В том же порядке разрешаются конфликты, возникшие в результате ограбления каравана или грабительского налета на деревню. Либо пострадавшие осуществляют совместно, либо по отдельности зобла, «уничтожая каждого верблюда, лошадь, корову или овцу из стада ответчика»¹, либо заключается соглашение о мирном урегулировании.

«Вазиринарх» знает залог земли и, в частности, предусматривает особую процедуру для разбирательства конфликта, возникшего в результате отказа ответчика признать права истца на заложенную ему землю. В случае отсутствия у истца доказательства, ответчик приносил торжественную клятву на коране: «Это моя наследственная земля и о требованиях на права земельного собственника и о залоге ее ничего не знаю и мой отец мне перед своей смертью ничего не говорил»², и на этом дело заканчивалось. Та же процедура применялась и при взыскании долга. Хотя при разборе денежных и земельных споров в качестве решающего доказательства нередко принималось клятвенное обещание, автор «Хаят-и Афгани» отмечает, что вазир редко когда принесет ложную клятву на собрании джирги, и при рассмотрении подобных дел почти не бывает несправедливостей³. На основании этого сообщения и других согласующихся с ним свидетельств источников можно видеть, что у вазиров еще в XIX в. страсть к наживе, сопутствующая развитию эксплуатации одного человека другим, не успела подорвать тех высоких моральных качеств людей, которые создавались в обществе, не знавшем ни тюрем, ни полицейских, ни особого аппарата насилия.

Ни малик, ни джирга вазиров даже в XIX в. не обладали принудительной властью. Они выступали в качестве судебной инстанции только в случае добровольного обращения обеих спорящих сторон. Тогда, и только тогда, из маликов или других уважаемых лиц, обычно выбиравшихся на джирге данной родо-племенной группы, формировалась особая примирительная или посредническая джирга³. Примирительная процедура была весьма затяжной и сложной. Решение посреднической джирги не имело обязательного характера, и его исполнение зависело от добровольного согласия обеих спорящих сторон. В случае несогласия одной из сторон созывалась новая примирительная джирга, с другим составом посредников. Только в случае, если вторая джирга подтвердит решение первой, оно получало силу окончательного приговора⁴.

¹ Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 359.

² Там же, стр. 368.

³ Мы уже отмечали выше, что ее решение нередко определялось тем, какая из спорящих сторон выставит более богатое угощение.

⁴ Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 368.

Как видно, у вазиров сохранялись и в XIX в. еще многие черты общественного устройства, унаследованные от первобытно-общинного строя. Основной ячейкой общественной жизни являлся род. Он одновременно представлял военную и политическую организации; джирга родовичей вершила все общие дела; только в качестве члена данной родо-племенной группы вазир пользовался защитой и наделялся землей. Обычное право вазиров не знало принудительной судебной власти над членами племени. Его характерными чертами были: участие родовичей в примирительном разбирательстве в качестве посредников, соприсяжников и поручителей. Тщательная регламентация обычая кровной мести, признание талиона. В обычном праве вазиров отражалось неполноправное положение женщины, свойственное патриархальному быту.

В конце XVIII—начале XIX в. у вазиров еще не сложилось знати, которая завоевала бы исключительное положение и превратила бы занятие должностей маликов в свою наследственную привилегию. Нам равным образом ничего не известно о существовании постоянных дружин у вазирских маликов. В то же время для общества вазиров характерно не только деление на свободных и райят-и хамсая (т. е. на членов господствующих племени — и на покоренных), но и другое деление, пока еще не зафиксированное в сводах обычного права, но оказывающее свое растущее воздействие на все стороны экономической и общественной жизни. Мы имеем в виду деление в среде самих свободных на богатых и могущественных, с одной стороны, бедных и слабых, с другой стороны. Решение того или иного спора примирительной джиргой определялось не только существом дела, но экономической и военной силой спорящих сторон. Обычное право вазиров начинало служить орудием в руках «могущественных» семей и родов и больше не могло являться защитой слабым и бедным. Возникают отношения своеобразной коммандации между «могущественными людьми» и теми из свободных, которые вынуждены искать их защиты, покровительства. Личный надел вазирского воина-земледельца превращается в объект залога, а затем и купли-продажи.

Огромная роль войны в жизни вазиров способствовала сохранению родо-племенной организации и накладывала отпечаток на все стороны жизни этого племени. Но этот же «труд войны» неминуемо подрывал и истощал хозяйство воинов-земледельцев, обогащая зато эксплуататорскую верхушку.

К XIX в. большое значение в хозяйственной жизни вазиров получила обработка имевшейся на месте прекрасной железной руды. Изготовленное в Вазиристане холодное и огнестрельное оружие славилось своим высоким качеством и находило сбыт за пределами страны. Вазиры также разрабатывали

залежи горной соли и вывозили ее в соседние земли Афганистана и Индии, конкурируя в этой области торговли с хаттаками, правда хаттакская соль (ее залежи находились в Калабаге) была лучшего качества и продавалась по более высокой цене. Вазиристан был богат лесами, и строевой лес также вывозился в Банну и Даман. Наконец, ремесленники-вазиры были весьма искусны в изготовлении различных поделок из волокон карликовой пальмы (матрацы, мешки и т. д.). В обмен вазиры получали из соседних областей зерновые (своего хлеба в Вазиристане нехватало), хлопчатобумажные ткани и некоторые другие промышленные изделия¹.

На основе развития производительных сил, в условиях постепенного перехода вазиров от скотоводства к земледелию, роста общественного разделения труда, возникновения ремесел, развития обмена и торговли, в том числе и торговли деньгами, у вазиров происходит разложение отношений, унаследованных от первобытно-общинного строя, и складывание классового общества.

Специфические особенности разложения первобытно-общинного строя у вазиров состояли не только в том, что организация всего общественного устройства на военный лад и длительная сохранность кочевого скотоводства замедляли этот процесс и накладывали на него свой отпечаток.

Необходимо учесть ряд других обстоятельств. Мы имеем в виду значительное развитие ремесла и экономические связи с соседними областями Индии и Афганистана, выделение из среды самих вазиров торговцев и ремесленников (у других афганских племен этим делом исключительно занимались хамсая из числа индийцев и таджиков), наличие относительно замкнутой среды в самом обществе вазиров (обратная сторона организации этого племени на военный лад) и, наконец, второстепенная роль, которую имела для вазиров эксплуатация весьма незначительного числа райят-и хамсая. Что же касается рабов, то доступные нам источники вообще не упоминают о наличии таковых среди вазиров.

---

¹ Сведения о развитии у вазиров ремесел и торговли в XIX в., частично отражающие и их состояние в более ранние времена, см. *Gazetteer of the Dera Ismail Khan District*, стр. 166 и 203; *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 67 и Л. Р. Г о р д о н. Ук. статья, стр. 52. Бродфут в своем отчете о некоторых районах страны гильзаев писал в 1839 г. о «металлургии» вазиров: «В Ургхуне и Канигураме прекрасно умеют обрабатывать железо. Руда размельчается на куски и плавится в печи на древесном угле. Меха изготавливаются из цельной козлиной шкуры. В результате плавки получают крупные куски железа. Их снова нагревают, а затем медленно охлаждают и подвергают обработке. Вазиры изготавливают подковы, ружейные стволы и мечи, которыми снабжают весь восточный Афганистан» (J. Broadfoot. Ук. соч., стр. 396).

Наконец, Вазиристан полностью сохранил свою политическую независимость, никогда не подчинялся ни Сефевидам, ни Моголам, ни Надир-шаху, ни даже Дурранийской державе. Вазирские малики, в отличие от дурранийских и хаттакских ханов, не могли увеличить свою власть над свободными в качестве агентов и представителей шахского правительства, ответственных за сбор налогов и поставку воинских контингентов. Все это обусловило более медленные темпы разложения первобытно-общинного строя у вазиров, чем у других афганских племен, и в то же время придало этому процессу у вазиров более самобытный характер. У вазиров, в отличие от других афганских племен, процесс разложения первобытно-общинного строя протекал в условиях, когда влияние феодального окружения было относительно незначительно и сводилось главным образом к торговым связям вазиров с соседними областями Афганистана и Индии¹.

МАРВАТЫ

В других конкретно-исторических условиях протекало разложение первобытно-общинного строя и развитие феодальных отношений у марватов. Часть марватов продолжала заниматься скотоводческим кочевым хозяйством, хотя в основном после завоевания Банну они стали оседлыми земледельцами. Отличие марватов от вазиров состояло в том, что вазирские соединяли занятие земледелием и скотоводством в рамках одного подразделения и даже рода, являясь полукочевниками, полуоседлыми, а немногочисленные кочевые подразделения марватских скотоводов полностью отделились и обособились от марватских земледельцев, составлявших преобладающее большинство членов этого племени. Таким образом, кочевое скотоводческое хозяйство не играло сколько-нибудь значительной роли в сохранении патриархальных отношений и племенной организации у марватов. Военные функции племенной организации также не имели большого значения у марватов, так как это было сугубо мирное племя, не нападавшее на соседей и сидевшее в стороне от важных торговых путей. Непопулярные песчаные земли марватов также не являлись заманчивым объектом завоевания для других афганских племен².

Далее, поскольку у марватов было немного хамсая и эти хамсая большей частью не принадлежали к числу покоренных,

---

¹ В вазирской общине полностью отсутствовало внутреннее разделение труда индийского типа между ремеслом и земледелием.

² Только в конце XVIII—начале XIX в. марватам пришлось выдержать борьбу с вторжениями вазиров, в конце концов захватившими окраинные земли на западе и севере Марвата.

а являлись людьми, добровольно переселившимися из Индии в Марват, функция племенной организации по подавлению зависимых и обеспечению их эксплуатации со стороны членов господствующего племени не получила и не могла получить большого развития. Наконец, суходольное земледелие марватов не требовало каких-либо сложных ирригационных сооружений и, естественно, не вызывало необходимости в коллективном регулировании пользования водой. После перехода к оседлости марваты фактически распались на отдельные, в значительной мере изолированные друг от друга общины.

Трудность окончательного обособления отдельного марватского земледельца, который самостоятельно вел свое хозяйство на принадлежащей ему земле, и превращение последней в аллод заключалась, на наш взгляд, в типе деревенской общины. В марватской общине по индийскому образцу сложилось внутреннее и независимое от рынка разделение труда между земледелием и ремеслом. Несложные потребности общинников-марватов удовлетворялись прикрепленными к общине, зачастую наследственно, слугами и ремесленниками, потомками выходцев из Индии, принадлежащих к различным кастам. Община такого типа мешала развитию общественного разделения труда у марватов на более широкой основе и являлась вместе с тем в отношении зависимых, а также деревенских слуг и ремесленников органом коллективной эксплуатации со стороны полноправных общинников. Это неизбежно тормозило превращение наделной земли общинника в свободно отчуждаемый аллод¹.

Развитие в этом направлении, конечно, шло и у марватов. Земля у них закладывалась, но не продавалась. В отличие от вазиров, у которых были свои ремесленники и торговцы, таковыми у марватов почти исключительно являлись индийцы. Деньги сосредоточивались не только в руках выделявшейся у самих марватов эксплуататорской верхушки, но также у индусских ростовщиков, откупщиков и торговцев, а в известной мере — у более богатых и влиятельных представителей мусульманского духовенства. Марватская эксплуататорская верхушка главным образом вышла из верхней прослойки общинников и должностных лиц общины, деревенских маликов, или

---

¹ К. Маркс указывал, что на Востоке существует «... племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности с сельским хозяйством в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной просуществовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширяющегося производства».

К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 6—7.

старшин. Старшины в целом к 70-м годам XIX в. еще полностью не захватили права распоряжаться общинными землями, но в некоторых случаях уже давно наделяли за их счет землей своих дружинников, присваивали выморочные наделы земли отдельных семей, облагали членов общины поборами в свою пользу. Очевидно, выгоды эксплуатации общинных слуг и ремесленников в растущей степени шли на пользу старшинам и общинной верхушке.

Таким образом, для марватского общества характерно сохранение сильных пережитков общей собственности на землю (переделы по душам пахотных земель, а равно усадебных земель с обменом жилищ), наличие деревенской общины с внутренним разделением труда между земледелием и ремеслом по средневековому индийскому образцу, при известном росте имущественного неравенства, выделение к XIX в. «своей» эксплуататорской верхушки, имевшей в своем распоряжении дружины и во второй половине XIX в. уже облагавшей свободных различными поборами, развитие различных форм коммандации и отношений аренды, захват немалой части земли духовенством (землевладение «сери» и земли, заложенные свободными у духовных лиц) и, наконец, концентрация денег в руках индийских откупщиков и ростовщиков, у мусульманского духовенства и отчасти у марватских маликов. У марватов во второй половине XIX в. складывались территориальные деления во главе с таппа-маликами, объединяющие 8—12 общин. Образование в Марвате союзов, или «партий» (гунди), свободных во главе с сильнейшими таппа-маликами ставило все свободное население в зависимость от одного из глав этих борющихся между собой за власть союзов и явилось новым шагом в развитии феодальных отношений и территориально-политической организации марватского общества. Однако своего феодального государства марватская эксплуататорская верхушка создать не успела. Марват был сначала завоеван дурранийскими шахами и обложен данью, затем марваты стали подданными сикхских махараджей и, наконец, превратились в колониальных рабов английских империалистов.

БАННУЧИ

Процесс феодализации зашел у баннучей к XIX в. гораздо дальше, чем у марватов. Надо иметь в виду, что баннучи, как исключительно смешанное племя, повидимому, с очень давних времен уже не обладали сильной племенной организацией, что они значительно раньше марватов (еще в конце XIV—начале XV в.) осели на землю, что преобладающей отраслью сельского хозяйства у баннучей стало интенсивное

поливное земледелие¹. И то, и другое, и третье объясняет нам, почему в отличие от марватов, где земля только закладывалась у баннучей, земля и право пользования водой переходили из рук в руки путем покупки и продажи. Отношения аренды также получили у баннучей гораздо большее распространение, чем у марватов. Дальше зашел и процесс захвата основного средства производства земли и оросительных сооружений эксплуататорской верхушкой.

Накануне английского завоевания в стране баннучей одна шестая часть обрабатываемой земли принадлежала духовенству и не меньше, а вероятно, больше — маликам баннучей. Сведений о размерах земледелия деревенских маликов у нас нет, но известно, что каждому таппа-малику принадлежало от 5 до 10% земли в своем округе². В обществе баннучей относительно большее значение к XIX в. получили товарно-денежные отношения, крупную роль приобрело ростовщичество, в XIX в. большое экономическое влияние завоевали ростовщики, откупщики и торговцы из числа индусов. Обычное право, связанное с сохранением родовых пережитков, к середине XIX в. было уже полностью вытеснено у баннучей феодальными нормами шариата³.

Характерно, что малики баннучей не принадлежали к родовой знати и не являлись представителями наследственных ханских домов. Эдвардс отмечал, что таппа-малики в Банну «не унаследовали власти, а сами добились ее. Главой таппы становился либо крупный землевладелец именно потому, что он являлся таковым, либо мудрейший в совете, либо располагающий значительной военной силой (т. е. дружиной. — *И. Р.*). Таппа-малик обязан своим возвышением не праву или происхождению, а влиянию, которым он обладает. Вероятно поэтому вождей в Банну не зовут «ханами», как в других частях

---

¹ О первоначальном разделе земли у баннучей см. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 30. Более подробно у Таппера, который приводит очень интересную выдержку из неопубликованного *Bannu settlement report 1878*, где в параграфе 18-м мы читаем: «Первыми, таким образом, обосновались баннучи, или баннузаи. Их прежняя родина была в горах, ныне занятых дервиш-хель вазирами с центром в Шавале. Спустившись с гор, они быстро покорили страну, между реками Точи и Курамом и, прочно закрепившись здесь, занялись земледелием. . . Обеспечив свои новые завоевания, эти новые поселенцы, видимо, разделили между собой страну, причем каждая группа семей получила раз навсегда ту долю земли, которая следовала ей согласно наследственному праву». (См. *C. L. Turreg*, Ук. соч., т. II, стр. 17). Под наследственным правом автор отчета разумеет выделение больших долей тем группам семей, которые находились в более близкой степени родства от общего предка, а меньших долей тем, которые находились в более отдаленном родстве с ним.

² См. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 95.

³ Там же, стр. 42.

Афганистана, а просто маликами, что значит господин. Но раз достигнув этого положения, они пользуются той же властью, как «ханы» у других афганских племен»¹.

У баннучей число хамсая в два раза превышало число свободных. Основные сельскохозяйственные работы (включая бегар на оросительной сети) выполнялись в Банну подневольным трудом зависимых. Однако важная функция подавления хамсая господствующим племенем не сыграла заметной роли в сохранности племенной организации у баннучей. Видимо, племенная организация баннучей слабела и распадалась еще до того времени, как у них в значительном числе появились хамсая. Поэтому для баннучей характерен относительно быстрый и полный распад родственных связей, вплоть до замены обычного права законами феодального общества (шариат) и вытеснения родовой знати маликами, которые были обязаны своим возвышением своему земельному богатству, силе своих дружин, своему политическому и экономическому влиянию, короче говоря — земельному и денежному богатству (что, в частности, давало им возможность содержать многочисленные дружины), но не своему происхождению.

Мы объясняем это явление двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что баннучи (как уже указывалось выше) не обладали сильной племенной организацией и до перехода к оседлости, во-вторых, тем, что у них, вероятно, не было или почти не было хамсая во время захвата Банну и перехода к оседлости. В отличие от юсуфзаев, которые завоевали населенную территорию, лишили коренных жителей земельной собственности и заставили их работать на себя, баннучи заняли ненаселенные земли.

Баннучи, расселившись на занятой ими земле, перешли к поливному земледелию, и только потом у них постепенно начали появляться хамсая из индийцев, добровольно, и притом в возрастающем числе, переселявшихся в Банну из Индии, спасаясь от невыносимого гнета и феодальной эксплуатации. Орудием подавления хамсая (так же, как деревенских слуг и ремесленников) у баннучей не могла стать родо-племенная организация, ибо она распалась, а стала издавна сложившаяся у них организация территориальная — община и таппа.

В Банну насчитывалось около четырехсот общин². По своей внутренней организации общины баннучей, так же как марватская, характеризуются независимым от рынка разделением труда между земледелием и ремеслом. Общинные слуги и

---

¹ Н. В. E d w a r d e s. Ук. соч., цит. по S. S. T h o r b u r n. *Bannu, or our Afghan Frontier*, стр. 32.

² См. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 42.

ремесленники, подобно тому как это было у марватов, принадлежали к числу выходцев различных индийских каст и сохраняли свои кастовые деления. В отличие от марватов у баннучей община выполняла функции организатора работ по сооружению оросительной сети и поддержанию ее в порядке. Она же регулировала пользование водой. В тех случаях, когда общинам при постройке оросительных сооружений приходилось кооперироваться, то это в известной мере связывало их между собой и подрывало их изолированное существование.

Экономической основой складывания класса феодалов было крупное землевладение. Духовенству, кроме земель сери и вакуфных (последние в отличие от «сери» являлись дарственными не от племени, а от отдельных лиц), принадлежали многочисленные земли, приобретенные «святыми людьми» путем ростовщических операций и отдачи денег в рост под залог земли. Духовенство регулярно взимало десятину с паствы, выполняло судебные функции и, кроме того, получало сдельную оплату за отправление многочисленных треб. Так, например, после похорон имам забирал всю одежду умершего и те ткани, которыми друзья и родственники покрывали погребальные носилки. Кроме того, деревенский имам брал мзду за обучение детей начаткам грамоты. В его пользу также поступал сбор «вазифа» — по полкаравая хлеба ежедневно с обеденного стола каждой семьи. В Банну существовали многочисленные деревни сеидов, пользовавшихся разнообразными привилегиями в качестве «потомков пророка». Сеиды обладали личной неприкосновенностью и освобождались от каких-либо налогов, сборов и повинностей, кроме бегара на оросительной сети¹.

О земельных владениях баннучских маликов уже говорилось выше. Здесь следует повторить, что таппа-малик взимал сбор «заминдари» со всех свободных земледельцев. Сбор этот первоначально предназначался на общественные нужды, но фактически расходовался маликом на содержание своей челяди и дружины. Кроме того, малик собирал таможенные пошлины и облагал различными налогами хамсая, над которыми он пользовался неограниченной властью. В конце XVIII — начале XIX в. таппа в Банну упрочились в качестве более крупных, чем прежде, территориально-политических образований, охватывавших каждое около двадцати деревенских общин (в 40-х г. XIX в. Банну с его 400 деревенскими общинами делилось на 18—20 таппа).

---

¹ Мусульманское духовенство Банну было весьма многочисленно. В среднем одна мечеть приходилась на 34 дома. См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 58. О привилегиях этого паразитического слоя см. там же, стр. 58—59 и S. S. Thoburn. Ук. соч., стр. 35—36.

Более слабые малики находились в некоторой зависимости от более сильных¹. Таппа-малик собирал поступавшие ему налоги и сборы либо через деревенских маликов (старшин общин), либо при посредстве откупщиков индусов. Как уже отмечалось выше, большое развитие у баннучей получили различные формы коммендации. Так, например, таппа-малик мог оказывать защиту и покровительство не только уроженцам своей таппы, но людям соседней таппы, признавшим себя зависимыми от него. Эдвардс называет таких людей вассалами². Непрерывные распри, раздиравшие Банну, ускорили разорение свободных и вынуждали их становиться под защиту могущественных покровителей из числа влиятельных маликов и высших представителей духовенства.

Более значительную роль, чем у многих других афганских племен, играли в Банну гунди. Вся страна делилась на два соперничавших гунди во главе с наиболее могущественными маликами, располагавшими многочисленной вооруженной силой (Шер-Маст-хан имел 9000 воинов, а его конкурент Хафиз-хан — 7000 воинов). По словам английского очевидца, «гунди заменяли Банну правительство».

Таким образом, у баннучей в конце XVIII—начале XIX в. сложились все предпосылки для перехода к феодальному строю и образованию феодального государства. Однако эксплуата-

---

¹ Составители справочника по дистрикту Банну приводят некоторые исторические данные о «ведущих домах» Банну. Так, основатель ханского дома Бузург-хель, некий Ахмад-хан (ум. в 1740 г.), силой отнял земли у соседних таппа-маликов, построил укрепленное городище Базар. Ахмад-хан поселил там индийских торговцев и ремесленников и стал «могущественным маликом». Его потомки помогли Ост-индской компании завоевать Банну и «в награду» получили половину земель таппа Базар-Ахмад-хан в джагир от англичан (см. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 121—122). Хасан-хан, основатель ханского дома Могол-хель, даже не был баннучем. Это был юсуфзайский авантюрист, появившийся в Банну в начале XVIII в. с отрядом наемных воинов джатов и аванов. Он захватил обширные земли и стал таппа-маликом Гхориаваль. Его внук Джафар завоевал соседнюю таппа Исмаил-хель, а затем помог англичанам во время второй сикхской войны 1849 г. Колониальные захватчики предоставили Джафар-хану $\frac{1}{8}$ земли обеих таппа Гхориаваль и Исмаил-хель в качестве джагира (Там же, стр. 123). Баязид-хан, основатель рода таппа-маликов Джанду-хель, приобрел имя «беззаветной храбростью» (лично убил более 100 человек) и «проложил себе путь в вожди таппа». Умер в 1869 г. в возрасте 100 лет (Там же).

Массон, посетивший Банну в 1826 г., пишет: «Власть принадлежит маликам. Некоторые из них проживают в городах, что дает им возможность оплачивать дружины за счет денежных налогов, которые они собирают с индусского населения этих городов» (См. *Ch. Masson*. Ук. соч., т. I, стр. 98).

² «Малик одной таппа мог иметь вассалов в другой таппа». *Edwardes*. Ук. соч., цит. по *S. S. Thornburn*. *Bannu, or our Afghan Frontier*, стр. 33.

торская верхушка баннучей сама еще не была в состоянии создать своего государства, но зато она помогла сначала афганским, а затем и сикхским феодалам-завоевателям включить Банну в состав уже сложившихся феодальных государств, получив в награду от новых хозяев страны многочисленные земельные пожалования и доходные должности. И во время сикхского, и позже, во время английского завоевания малики и духовенство сыграли предательскую роль по отношению к собственному народу, — всячески помогая сикхам и англичанам установить свое господство над Банну.

ПЛЕМЕНА ДАМАНА

В Дамане процесс феодализации имел свои особенности. Даман завоевали лоханийские племена скотоводов-торговцев — гандапурцы, уштарана, бабури, миан-хель и другие. Численно они не были велики. Даже в конце XIX в., когда афганское население Дамана было значительно больше, чем во времена завоевания, наиболее крупные из лоханийских племен, такие, как гандапурцы и миан-хель, насчитывали по 5—6 тыс. человек, а более мелкие, как бабури, — немногим более тысячи. Каждое из этих племен одновременно представляло собой родственный союз, объединение кочевников-скотоводов, своеобразную торговую корпорацию и постоянный военный лагерь. Кочевая торговля в несравненно большей степени, чем кочевое скотоводство, была неразлучна с войной. Регулярно, с календарной точностью, совершая раз в год свои длительные рейсы из Индии в Среднюю Азию и Хорасан, а затем возвращаясь обратно в Даман, лоханийцы со своими торговыми караванами и стадами пересекали обширные пространства, где их буквально повсюду подстерегала опасность. Богатые караваны повинда представляли лакомую добычу и для других афганских племен, и для разбойничьих шаяк, и для местных феодалов, мало чем отличавшихся от разбойников. Самые условия существования повинда превратили каждого торговца-кочевника в закаленного воина (подчинявшегося во время переходов строжайшей дисциплине, от чего зависела безопасность всех) и привели к тому, что лоханийские племена сорганизовались на военный лад, выработали точные и сложные правила, которым подчинялось их движение во время рейса, — начиная устройством укрепленного лагеря на ночлеге, кончая порядком размещения вьючных животных (верблюды, груженые более ценными товарами, составлявшими собственность богачей повинда, неизменно ставились в середине каравана, как в более безопасном месте) и обеспечением охраны каравана в пути (разведка, дозорная служба и т. д.).

Большую часть своих стад вместе с женщинами и детьми повинда под небольшой охраной оставляли либо в укрепленных лагерях в Дамане (стада паслись в расположенных поблизости горах), либо на Газнийском плато, где торговцы-кочевники состояли под защитой гильзаев, именуя их хамсая и уплачивая им за покровительство крупную дань. В дальний путь выступали только взрослые повинда, способные носить оружие. Во время пути они полностью подчинялись выборным начальникам — цальвештиям и их главе — миру цальвештиев. Он единолично отвечал за безопасность каравана и пользовался очень большой властью. У некоторых лоханийских племен существовала практика доверять эту власть не одному, а двум или четырем мирцальвештиам. Цальвештии избирались сроком на год главами семей и вождями (маликами) подразделений. Цальвештии несли полную ответственность за сохранение порядка, налагая штрафы на провинившихся и даже подвергая их телесному наказанию. На цальвештиях равным образом лежали и судебные функции — разбирательство различных споров, возникавших между членами племени. На срок своих полномочий цальвештии могли подвергаться наказанию даже ханов племени и маликов подразделений.

По свидетельству Эльфинстона, должность цальвештия и в особенности мира цальвештиев «давала большую власть и значительный доход»¹. Доходы от штрафов принадлежали цальвештиям и распределялись ими между собой. Надо полагать, что цальвештии также получали достаточно крупную долю в торговых прибылях повинда. Пастухами стад и погонщиками (чарвадары) вьючного скота у племен повинда были многочисленные кочевые хамсая².

Завоевав Даман, племена повинда устроили там свои укрепленные зимние становища, которые одновременно служили им в качестве складов товаров (кирри). В дальнейшем многие из таких кирри превратились в своеобразные городки, являвшиеся местом поселения основной массы господствующего племени, которое подчинило своей власти местное население, лишенное земли и превращенное в хамсая завоевателей-афганцев. Основным занятием повинда вплоть до XIX в. оставались скотоводство и кочевая торговля³. Многие из повинда имели

---

¹ См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 370—371.

² Среди повинда племени насыр Мак-Грегор насчитывал (видимо, во время рейса) 2000 мужчин-воинов и 3000 «работников», т. е. кочевых хамсая (См. M. A. S. G. G. Gregor. Ук. соч., стр. 625).

³ Еще в начале XIX в. в ежегодную перекочевку — рейс в Хорасан или Среднюю Азию — выступало не меньше половины всего населения кирри (городков. — И. Р.) повинда (См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 376).

свои пастбища в соседних горах, замыкавших Даман с запада.

Занятие кочевой торговлей и скотоводством объясняет нам длительную сохранность племенной организации у повинда. Сохранению ее в известной мере способствовала и установленная ими форма господства над покоренными. Лишь незначительная часть земли (главным образом поливные земли, расположенные в пойме нескольких мелких рек вроде Кальпани) была непосредственно разделена между членами племени, которые обзавелись собственным земледельческим хозяйством, широко используя подневольный труд хамсая. Большая же часть земли оставалась в нераздельной собственности племени, его подразделений и родов. Такие земли на различных условиях коллективно сдавались родо-племенными группами в держание хамсая, а поступающие с этих хамсая доходы (кроме ренты, зависимые платили различные поборы) распределялись равными долями (например, у гандапурцев на 36000 дадди, у бабури на 1271 долей) между всеми членами господствующего племени. Совершенно так же распределялись и доходы от таможенных пошлин¹.

Таким образом, господствующее племя выступало в качестве коллективного собственника земли, коллективного эксплуататора и политической власти над покоренными². Это господство также символизировалось укрепленными городами, построенными завоевателями. Опираясь на эти города, они могли держать в повиновении незащищенные поселки и деревни своих хамсая.

Таким образом, у афганских племен Дамана, в чрезвычайно своеобразном и исключительном сочетании исторических усло-

---

¹ Так, племя миан-хель распределяло доходы с таможен по генеалогическому древу между своими четырьмя подразделениями (бахтиары и три подразделения майра-хель), внутри же подразделений раздел производился поровну между всеми членами данного кровно-родственного союза. Ввиду неодинаковой численности различных подразделений миан-хель, на одного человека в каждом подразделении приходилась различная сумма денег. Там же, стр. 376.

² Этот порядок, общий всем афганским племенам Дамана, газеттир дистрикта Дера-Исмаил-хан (Ук. соч., стр. 87) рисует следующим образом:

«Завоевав часть страны, племя уничтожало все ранее существовавшие права собственности (на землю. — *И. Р.*). Захваченные таким образом земли частично делились между членами племени в целях их обработки, в то время как земли, более удаленные, оставались в общей собственности племени и сдавались арендаторам.

Вносимые ими платежи делились по определенным долям между членами племени. Эти платежи составлялись не только из ренты, но включали долю урожая, которая при туземном образе правления обычно принадлежит правительству.

Таким образом, племя является как собственником земли, так и правительством».

вий (сама «специализация» лоханийских племен на кочевой торговле никак не могла быть правилом для других афганских племен, а, наоборот, представляла исключение), мы находим, с одной стороны, город как место концентрации завоевателей и орудие их военного господства над покоренными, а с другой, резкое разделение на земли, оставшиеся в общей собственности, племена и составлявшие нечто вроде *ager publicus*, и земли, перешедшие в частное владение (а впоследствии в частную собственность) отдельных членов племени. «Общинная собственность — в качестве государственной собственности, *ager publicus*, — отделена здесь от частной собственности»¹. Это высказывание К. Маркса, непосредственно относящееся прежде всего к земельным отношениям древних римлян, может быть отнесено к первоначальным аграрным порядкам, которые мы наблюдали у афганских племен Дамана. Дальнейшее развитие *ager publicus* у этих племен, в частности у гандапурцев, заключалось в выделении за счет общего земельного фонда особых участков (так называемые «зёмли лошадей») для содержания конных воинов, которым, видимо, поступал урожай с этих участков, обрабатывавшихся подневольным трудом хамсая. «Урожай с другого участка земли, называемого «зхобала», который подобным же образом выделялся каждым подразделением, шел на создание фонда для оплаты стоимости павших в бою коней»².

Городские поселения афганских племен Дамана, являвшиеся первоначально не более как кирри — зимним становищем кочевников-скотоводов и складом их товаров, получили дальнейшее развитие не только в качестве опорных пунктов господствующего племени. В них возникало ремесло, торговля, селилось по местным масштабам довольно много представителей индусских торгово-ростовщических и ремесленных каст. Их деятельность вряд ли была связана только со скотоводческим хозяйством и торговыми операциями повинда. Вероятно, если не все, то некоторые из таких городков Дамана стали уже в XVIII в. постепенно превращаться в хозяйственные центры для окружающей сельской периферии.

В условиях разложения первобытно-общинного строя у афганцев история племен Дамана дает нам наиболее яркий образец, как родственный союз в своем качестве торговой корпорации и вместе с тем организации подавления покоренных, и, прежде всего, по отношению к ним, приобретает некоторые черты территориально-государственного образования. В этой связи В. А. Ромодин считает, что порядки гандапурцев в XVIII—

---

¹ См. К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 8.

² В. А. Р о м о д и н. Ук. дисс., стр. 295.

XIX вв. представляют пример «одного из ранних этапов развития своеобразной, пусть примитивной и неотделимой еще от форм родо-племенного самоуправления, государственности»¹.

Нет никаких сомнений, что лоханийские племена торговцев-кочевников Дамана в силу ряда условий приблизились к тому, чтобы превратить свою родо-племенную организацию в орудие господства над покоренными и в этом смысле она действительно обладала некоторыми, но далеко не всеми чертами государственного образования, ибо отсутствовал еще окончательно сложившийся и поставленный над народом постоянный аппарат государственной власти и т. п.

Родо-племенная организация гандапурцев, как, впрочем, и других повинда Дамана, обнаружила в дальнейшем свою полную несостоятельность в качестве орудия господства над покоренными.

С развитием производительных сил, ростом общественного разделения труда, увеличением имущественного неравенства в среде самого господствующего племени, складыванием антагонистических классов (крестьянства и его феодальных эксплуататоров) оказалась подорванной коллективная собственность на землю, составлявшая экономическую основу общественного строя афганцев Дамана. *Ager publicus* отчасти был сдан на откуп ниавадарам, которые с течением времени превратились в землевладельцев феодального типа. Остальная часть общего земельного фонда племени была в конце концов поделена между отдельными членами племени, которые либо сами вели самостоятельное хозяйство на земле, превратившейся в их наследственное владение, а чаще сдавали ее держателям из числа хамсая. В результате колонизации дотолее безлюдной части Дамана, сооружения бандов и мелких оросительных сооружений, расчистки джунглей крестьянскими артелями в значительной своей части хамсая (кроме попавших в зависимость от ниавадаров) стали фактическими собственниками «оживленной» ими земли. Члены господствующего племени сохранили на эти земли лишь «верховную собственность» («аламалики»).

В результате некоторого развития товарности сельского хозяйства и проникновением денег в экономику Дамана земля и право на доли воды из общинных оросительных сооружений в конце XVIII—начале XIX в. стали превращаться в товар. Сначала члены племени начали закладывать и продавать принадлежащие им доли дохода с *ager publicus*, а затем и свои доли земли и воды². Даман, так же как Марват и Банну, распался на

¹ В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 295.

² Этот процесс развивался одновременно и параллельно с ослаблением связей отдельных афганских землевладельцев с племенем и родом

деревенские общины, отчасти соседские, выросшие из крестьянских артелей, отчасти смешанные, включавшие как переселенцев-колонистов из числа хамсая, так и членов господствующего племени, непосредственно занимавшихся земледельческим трудом, причем эти общины находились в различной степени подчинения и зависимости от эксплуататорской верхушки. Сама эта верхушка состояла не только из более богатых земель и деньгами членов господствующего племени, но и из представителей неафганских народностей, формально числившихся хамсая, но на самом деле превратившихся в крупных землевладельцев. Так, например, большинство ниавадаров были не афганцами, а индийцами.

Деревенские общины Дамана также характеризуются внутренним разделением труда между земледелием и ремеслом, наличием деревенских слуг и ремесленников. Но их замкнутость была, вероятно, меньше, чем в Марвате и Банну. Сказывалось как географическое положение Дамана, расположенного на одном из основных путей индийской торговли (из Индии в Афганистан через Гомальский проход), так и раннее возникновение городов, в какой-то мере снабжавших изделиями своего ремесла окрестные деревни.

Развитие территориальных связей между людьми и возникновение новых отношений людей к средствам производства подрывали унаследованные от первобытно-общинного строя отношения, основанные на кровном родстве.

Характерно, что уже в XVIII в. у гандапурцев, бабури и других племен Дамана обычное право было в значительной мере вытеснено нормами шариата. Старая племенная организация и основанная на ней система общественных учреждений не могли больше удовлетворять ни интересам эксплуататорской верхушки, нуждавшейся в аппарате насильственного подавления эксплуатируемых, ни усложнившимся задачам управления. Старая надстройка стала оковами дальнейшего развития производительных сил. Но она сохранялась, видимо, в силу того, что афганские племена повинда лишь наполовину стали оседлыми земледельцами, и в их хозяйстве огромную роль продолжали играть кочевое хозяйство и кочевая торговля. В ее сохранении была прежде всего заинтересована не масса рядовых членов племени, а эксплуататорская верхушка, фактически захватившая распоряжение пастбищами и получавшая огромные доходы от кочевой торговли. С этой верхушкой сомкнулись

и превращением их наследственных земель в аллод. В результате в XIX в. наиболее ценные поливные земли и большинство водных долей перешло в руки эксплуататорской верхушки, как это отчетливо прослеживается не только у гандапурцев (о чем уже говорилось выше), но и у бабури.

богатые ростовщики и торговцы индийцы, которые поселились в городах Дамана и финансировали торговлю повинда, перехватывая не малую долю прибыли¹. Что же касается органов родо-племенного самоуправления, то они внешне сохраняли у афганцев Дамана свою традиционную форму. Ханы, вожди племен и малики — главы подразделений не завладели еще принудительной властью над своими соплеменниками. Дела племени вершили выборные цальвештии, своеобразные консулы афганцев Дамана. Но фактически эта система прикрывала господство своего рода олигархии, где ведущую роль играли не столько крупные землевладельцы, как богатые скотоводы и купцы-миллионеры из числа повинда, для которых Даман прежде всего являлся базой, нужной для развития их скотоводческого хозяйства и торговых операций². Цальвештии либо представляли их интересы, либо выбирались из их среды. Повидимому, засилье своеобразной олигархии крупных скотоводов и богатейших купцов-кочевников, подчинивших Даман своему господству и заинтересованных в сохранении племенной организации и отсталых (но выгодных ей) форм общественного устройства, мешало окончательному утверждению феодализма в этой части Афганистана.

Упадок кочевой торговли, связанный с развитием торговли с Востоком по морским путям вокруг Африки, пути и завоевание Дамана сначала Дурранийской державой, а затем сикхами положили конец преобладанию этой олигархии и открыли новую страницу в развитии феодальных отношений в этой части Афганистана.

ЮСУФЗАИ

У юсуфзаев вскоре после их расселения на завоеванной территории сильные союзы племен периода завоевания исчезли. Овладев новыми землями, юсуфзаи подчинили себе сидевшее на этих землях местное, более многочисленное, чем они сами,

---

¹ В XVII—XVIII вв. операции индусских ростовщиков и торговцев Дамана имели большой размах, распространяясь на Индию, Афганистан, Среднюю Азию и Хорасан. Это были настоящие средневековые банкиры, располагавшие крупными денежными средствами. Их переводные векселя, так называемые хунди, свободно учитывались от Мешхеда и Бухары до Бахавальпура, Лахора и Калькутты.

² Данные об огромном имущественном неравенстве среди купцов-кочевников и выделении из среды повинда могущественной, но немногочисленной верхушки, были приведены выше. Напомним, что Эльфинстон в самом начале XIX в. насчитывал среди повинда ряд купцов, имевших состояние более 3000 ф. ст. каждый. Нур Мухаммад-хан бабури считался в конце XVIII—начале XIX в. богатейшим человеком во всей Дурранийской державе (См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 377 и «Сирадж ат-Таварих», т. 1, стр. 66).

население и превратили его в хамсая. В длительном сохранении племенной организации у юсуфзаев крупное значение имела ее функция подавления покоренных и обеспечения господства над ними со стороны завоевателей. Коллективные формы эксплуатации хамсая (наделение зависимых земель из альменды с последующим распределением дохода по соответственным долям между всеми членами господствующего племени) хотя и отмечаются у юсуфзаев, но получили у них меньшее распространение, чем у гандапурцев. Деревенская община юсуфзаев характерна, с одной стороны, ее внутренним разъединением на несколько родовых общин — канди, сохранивших взаимную обособленность, а с другой — разделением труда между земледелием и ремеслом в масштабе всей деревенской общины.

Наряду с деревенскими слугами и ремесленниками, обслуживавшими отдельные канди, существовала категория слуг и ремесленников, обслуживавших общину в целом. Деревенские слуги и ремесленники, так же как в Дамане, Марвате и Банну, были не афганцами, а индийцами и сохраняли свои кастовые деления. В отношении деревенских слуг и ремесленников полноправные общинники (т. е. члены господствующего племени) и их объединение — община выступали в качестве эксплуататоров. В положении общинных слуг и ремесленников, в особенности из числа «неприкасаемых» каст, сохранялись пережитки рабства. Были у юсуфзаев и рабы. Среди них надо различать гулямов, специально подготовленных для военной службы и обычно входивших в состав ханской дружины, домашних рабов и рабынь, находившихся на положении дворовых в ханском доме, и, наконец, оброчных рабов с хижинами, обычно наделявшихся землей. Формы эксплуатации последней категории рабов мало чем отличались от эксплуатации хамсая, или зависимых. Большая часть рабов принадлежала ханам. В процессе развития феодальных отношений у юсуфзаев равнины к концу XVIII в. ханы сумели присвоить себе значительную часть земель, входивших в состав общей марки, обзавелись дружинами, пользовались неограниченной властью над хамсая, облагали их налогами и поборами, бесконтрольно распоряжались этими доходами, взимали таможенные пошлины с торговых караванов и сосредоточили в своих руках значительные земельные и денежные богатства.

Важную роль в накоплении богатства в руках ханов играла военная добыча. Ханам наследственно принадлежали должности вождей племени и его подразделений. Вождем обычно мог быть только юсуфзай, являвшийся членом хан-хеля, или ханского рода племени. Наличие власти над хамсая и значительной военной силы (дружины), а главное — земельного и

денежного богатства в руках наследственной племенной знати (ханов) представляет характерную черту развития феодальных отношений в юсуфзайском обществе.

В процессе развития феодализма крупную роль играло и мусульманское духовенство. Оно образовало сословие, пользовавшееся личной неприкосновенностью и рядом других привилегий. Земли, принадлежащие духовенству, не подвергались опустошению во время бесконечных внутренних войн. Духовенство брало под свое покровительство беглых людей, спасавшихся от преследования, и сажало в качестве зависимых на свои земли. Экономическую основу усилившегося влияния духовенства составляли земли «сери», полученные в дар от племени. Духовенство еще не смогло добиться от юсуфзаев выплаты церковной десятины, но оно вымогало высокую плату за отправление треб и облагало паству различными сборами в свою пользу. В стране юсуфзаев продолжало господствовать обычное право, закреплявшее сохранение значительных пережитков первобытно-общинного строя. Духовенству у юсуфзаев еще и в XIX в. так и не удалось полностью сосредоточить судебные функции в своих руках (суд по шариату). Тем не менее оно располагало значительной экономической силой и идеологическим влиянием.

В ходе разложения общинно-родового строя постепенно ослаблялись связи юсуфзайских воинов-земледельцев с племенем и родом. Переделы по душам уступили в некоторых местах уже в XVIII в. (на равнине) свое место «обменному вешу», что было связано с закреплением неравенства земельных владений отдельных членов племени.

С ростом имущественного неравенства среди свободных и началом развития товарных и денежных отношений часть свободных юсуфзаев утратила свою экономическую самостоятельность. Большую роль здесь также сыграли внутренние и внешние войны, разорявшие хозяйство юсуфзайских воинов-земледельцев. У юсуфзаев равнины в начале XIX в. развивались отношения аренды, различные формы коммендации обедневших свободных ханам и духовенству. Однако у юсуфзаев земля вплоть до установления английского колониального владения еще не превратилась в свободно отчуждаемую собственность, покупка и продажа земли не стала признанной практикой. Степень проникновения денежных отношений также уступала тому, что мы наблюдали в Банну и Дамане.

Основная масса земли у юсуфзаев оставалась еще в середине XIX в. в наследственном владении воинов-земледельцев. Ханы еще не приобрели над ними принудительной власти, не стали их господами, не облагали их поборами и повинностями. «В вопросах, затрагивающих благосостояние или ин-

тересы племени или клана, ханы не могут действовать вразрез с желанием всей общины»¹. Еще в начале XIX в. Эльфинстон утверждал, что юсуфзайский хан имеет меньше власти, чем в Англии полицейский. Основным регулятором общественных отношений продолжало оставаться обычное право, с кровной местью и различными формами примирительной процедуры, при обязательном участии родовичей в качестве соприсяжников, посредников и поручителей.

Таким образом, наряду с зарождением и развитием феодальных отношений, формированием антагонистических классов феодалов и крестьянства у юсуфзаев сохранялась до XIX в. включительно архаическая форма родовой общины и многие другие черты, унаследованные от первобытно-общинного строя. Хотя эти пережиточные формы в растущей степени использовались и приспособлялись эксплуататорской верхушкой в своих интересах, хотя не только хамсая, но и беднейшие члены юсуфзайских племен подвергались все более интенсивной эксплуатации, однако экономическая зависимость обедневших свободных еще не превратилась в зависимость политическую, в подданство ханам. В начале XIX в. у юсуфзаев еще не были полностью закрепощены и хамсая, сохранявшие право и возможность перехода от одного хозяина к другому, а тем более от одного племени к другому. В то же время несостоятельность институтов и обычаев, унаследованных от первобытно-общинного строя, их разложение и упадок, проявлялись во всех сторонах жизни юсуфзаев. Старые патриархальные порядки определенно «зажились» у юсуфзаев, стали оковами дальнейшего роста производительных сил и всего развития юсуфзайского общества. Причина их длительного сохранения заключается, на наш взгляд, в следующем:

1) Постоянный отток в Индию разорившихся свободных, которые предпочитали эмиграцию на чужбину превращению в зависимых на родине и столь же постоянный приток в страну юсуфзаев переселенцев из Индии, спасавшихся от тяжелой феодальной эксплуатации. Эти два взаимно дополнявших друг друга потока переселенцев имели массовый характер и разные социальные корни, но смягчали классовый антагонизм в юсуфзайском обществе и способствовали воспроизводству прежних отношений.

2) Сохранности племенной организации также способствовала большая роль войны для юсуфзаев, а главное — заинтересованности значительной части свободных в воспроизводстве общественных порядков, обеспечивавших господство членов племени — завоевателей над покоренными и рабами.

---

¹ См. Н. W. Bellew. Ук. соч., стр. 203. Cp. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 129.

3) Характер складывавшейся юсуфзайской соседской общины как комбинации нескольких родовых общин, сохранявших долгое время значительную обособленность, а главное — независимое от рынка разделение труда между земледелием и ремеслом внутри деревенской общины.

4) Внешняя обстановка способствовала относительно изолированному существованию юсуфзаев. Суходольные земли юсуфзаев не представляли заманчивого объекта для могольских феодалов, здесь трудно было рассчитывать на доходный джигир, между тем как подчинение страны воинственных и поголовно вооруженных юсуфзаев было делом нелегким, как это показал опыт многочисленных завоевательных походов могольских падишахов на север от Кабул-Дарьи в XVI—XVII вв. В случае явного перевеса врага юсуфзаи уходили с равнины в горы, откуда их невозможно было выбить, а после ухода могольских войск возвращались на прежние места. Моголы пришли к выводу, что им лучше отказаться от завоевания страны юсуфзаев, и надолго предоставили их самим себе. Задача Моголов ограничивалась, главным образом, охраной от налетов и набегов юсуфзайских ханов важного для империи пути Атток—Пешавар, но этот путь пролегал не через страну юсуфзаев, а южнее, через земли хаттаков. Заручившись поддержкой хаттакских ханов и предоставив им большие земельные пожалования и высокие должности, могольские власти с успехом решили задачу обеспечения безопасности пути Атток—Пешавар. В период распада Могольской державы и под слабой властью Дурранийского государства юсуфзаи пользовались также внешним миром (если не считать кратковременного нашествия Надир-шаха) и использовали это время для продолжения непрерывных внутренних войн.

ГИЛЬЗАИ И ДУРРАНИИ

Условия, в которых происходило разложение первобытно-общинного строя и развитие феодальных отношений у западно-афганских племен, в первую очередь у дурраниев, во многом отличались от того, что мы наблюдали у марватов, баннучей, юсуфзаев и других насельников восточного Афганистана. Самый процесс оседания на землю носил здесь гораздо более длительный и постепенный характер, кочевое скотоводство даже в XIX в. оставалось занятием значительной части населения; чрезвычайно живучими оказались переходные формы хозяйства — частично скотоводческого, частично земледельческого.

Еще в 60-х годах прошлого века Мак-Грегор отмечал, что в результате недорода, вызванного засухой, некоторые подразделения гильзаев забросили свои пахотные земли и целиком

вернулись к кочевой жизни¹. То же самое явление несколько раньше (в 1839 г.) лично наблюдал Бродфут у гильзайского подразделения сохак в районе Харвара². Эльфинстон также обратил внимание на «легкость с какой избыточное население может найти средства существования в скотоводстве»³. Дело, конечно, обстояло далеко не так просто, как представлялось Эльфинстону, ибо пастбища вовсе не представляли «свободной», ничьей земли, где всякий афганец мог выпасать свой скот, но он прав, когда утверждает, что «основное отличие западных от восточных афганцев заключается в наличии среди первых более многочисленных пастушеских племен»⁴.

Более медленный и постепенный характер, который принял у дурраниев и гильзаев (по сравнению с племенами правобережья Инда) переход от кочевого скотоводства к оседлому земледелию, находит свое объяснение как в особенностях естественно-географической среды, так и в конкретно-исторических условиях самого процесса оседания кочевников на землю. Западные области Афганистана (Сеистан, Кандагар и Газни) обладают обширными и удобными пастбищами, что само по себе способствовало длительному сохранению кочевого скотоводческого хозяйства у дурраниев и гильзаев. При существовавших в средние века общественных условиях производства эти земли были пригодны только как пастбища.

Вместе с тем рост имущественного неравенства среди кочевников, монополизация основного средства производства — пастбищ в руках племенной знати, обуславливали переход, в первую очередь беднейшей части скотоводов, к земледелию. Более того, характерной чертой скотоводческого хозяйства у дурраниев и гильзаев, во всяком случае в XIX в., а может быть и раньше, была постоянная нехватка подножных кормов и необходимость запастись фураж на зиму. Скотоводство уже не могло существовать в ряде областей западного Афганистана как самостоятельная отрасль хозяйства, а в растущей мере сочеталось с земледелием. Кочевые дуррании и гильзаи, как правило, имели около своих зимних становищ небольшие поселки (кишлаки), где их хамсая оставались постоянно, заготавливая фураж и занимаясь главным образом сельским хозяйством.

Что же касается возможности широкого перехода западно-афганских племен к земледелию, то она была ограничена,

---

¹ «Если год недоурожайный, они (гильзаи. — И. Р.) оставляют свои поля и возвращаются к пастушескому образу жизни». См. M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 282.

² См. J. B r o a d f o o t. Ук. соч., стр. 360.

³ M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 389.

⁴ Там же, стр. 390.

во-первых, тем, что фонд пригодных для обработки земель был в западном Афганистане чрезвычайно невелик и эти земли были давно освоены и прочно заняты оседлым, главным образом таджикским населением, что, во-вторых, это население далеко не потеряло способности сопротивляться захвату своих земель афганскими кочевниками, и, в-третьих, что господствующие в западном Афганистане чужеземные феодалы (Сефевиды в Кандагаре, Моголы в Газни и Кабуле) сами были заинтересованы в эксплуатации оседлого, большей частью таджикского крестьянства, и поэтому стремились не допустить перехода культурных земель, в первую голову земель орошенных, в руки афганцев. В этих условиях процесс перехода дурраниев и гильзаев к оседлости, захвата ими культурных земель и утверждения господства над обрабатывавшими эти земли таджикскими крестьянами имел постепенный и длительный характер. Если афганские племена, заселявшие правобережье Индии, сразу, как бы в один прием, захватывали новые земли и обращали местное население в своих хамсая, делили завоеванные земли между собой и приступали к их хозяйственной эксплуатации, то для дурраниев и гильзаев характерно своеобразное «просачивание» в земледельческие оазисы. Оседание на землю нередко происходило здесь отдельными родами и даже отдельными семьями, а не целыми племенами и их подразделениями.

Это, на наш взгляд, объясняет одну из причин, почему институт веша не получил у дурраниев и гильзаев значительного распространения, быстро изжил себя, в отличие от марватов, баннучей, гандапурцев, юсуфзаев и других афганских племен, завоевавших области между Сулеймановыми горами и рекой Индом. Оседание медленное, постепенное, чересполосное, путем своеобразного просачивания вместе с тем способствовало совершенно неизбежно подрыву родственных связей между оседлыми и кочевыми членами дурранийского и гильзайского племен, ослабляло их племенную организацию.

Дуррании были одним из наиболее крупных афганских племен. По переписи, произведенной в 1748 г. по приказу Надир-шаха, их насчитывалось 60 тыс. семей¹. По данным Эльфинстона (начало XIX), численность дурраниев определялась в 100 тыс. семей, или около 800 тыс. душ². Двумя основными подразделениями (ветвями) этого племени были зирак и пянджау. Однако эти подразделения уже в XVIII в. не являлись реальными единицами родо-племенной организации, и их названия характеризовали лишь генеалогию дурраниев. В самом

---

¹ Mac Gregor. Ук. соч., стр. 235.

² M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 397.

Дурранийские пастухи.

начале XIX в. Эльфинстон писал о зирак и пянджпау следующее: «Эти подразделения потеряли в настоящее время всякое значение, за исключением того, что они определяют происхождение различных кланов»¹. Основными вторичными подразделениями дурраниев были попульзай, баракзай и алькозай. Они принадлежали к ветви зирак. К ветви пянджпау принадлежали подразделения нурзаев, ализаев, исхакзаев, кугиани и маку. Ахмад-шах опасался большого могущества баракзаев, которые являлись самым многочисленным из вторичных подразделений дурраниев (численность баракзаев во времена Ахмад-шаха составляла около 30 тыс. семей). Чтобы ослабить баракзаев, Ахмад-шах отделил от них ачакзаев, которые в результате этого стали считаться самостоятельным подразделением ветви зирак, и назначил ачакзаям отдельного вождя². Десять перечисленных подразделений дурраниев, а именно — попульзай, баракзай, ачакзай, алькозай, нурзай, ализай, исхакзай, кугиани и маку, фактически являлись отдельными, довольно крупными племенами. Большим почетом среди других дурранийских подразделений пользовались попульзай, поскольку к их числу принадлежал садозайский хан-хель, являвшийся наследственным поставщиком попульзайских вождей, являвшихся в то же время верховными вождями для всех дурраниев.

Из числа садозаев вышла и династия Ахмад-шаха, основателя афганского государства.

Баракзай занимали страну к югу от Кандагара, долину Аргестана, берега Гильменда и пустынные равнины, разделенные этой рекой. Даже в начале XIX в. большинство баракзаев вело кочевой образ жизни, а меньшинство осело на землю. Отделившиеся от баракзаев ачакзай были чисто скотоводческим племенем. Их зимние становища располагались по южным склонам Ходжа-Амаранского хребта. Нурзай по своей численности немного уступали баракзаям, но в отличие от них оставались вплоть до наших дней скотоводческим племенем. Становища и кочевья нурзаев занимают обширные пустынные пространства западной и юго-западной части Афганистана на границах Хорасана, Сеистана и Белуджистана. Ализай осели на землю в районе Заминдавара и в начале XIX в. среди них уже не было кочевников. Их ближайшие соседи алькозай также

---

¹ См. M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 400. Хаятулла-хан в своей «Джографья-и Афганистан» (стр. 122) следующим образом определяет численность дурраниев различных подразделений к нашему времени: баракзай — 50 тыс. дворов; попульзай — 25 тыс. дворов; алькозай — 25 тыс. дворов; нурзай — 55 тыс. дворов; ализай — 25 тыс. дворов; исхакзай — 15 тыс. дворов; ачакзай — 7—10 тыс. дворов.

² M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 399.

полностью перешли к земледелию. Исхакзай занимали область, располагавшуюся между Заминдаваром и примыкавшей к нему пустынной и бесплодной равниной. Это было полукочевое, полуоседлое племя.

Для большинства кочевых дурраниев характерно, что их летние и зимние пастбища располагались на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга. Совершая свои периодические перекочевки, дуррании обычно не выходили за пределы Кандагарской области. Их летовки находились в предгорьях Хезараджата (к северу от Кандагара) и на северных склонах Ходжа-Амаранского хребта и в горах Тоба (к югу от Кандагара), а зимние становища размещались на равнине и в предгорьях, неподалеку от их летних пастбищ. Исключение представляли нурзай. Они каждой весной выступали со своими стадами на летние пастбища, располагавшиеся к северу от Герата в районе Бадгиса, а осенью возвращались обратно. Их зимние становища были раскиданы на обширном пространстве от Герата до границ Белуджистана¹. Это способствовало как внутренней разобщенности нурзаев, так и их оторванности от остальных дурранийских племен. Что же касается большинства кочевых дурраниев, то их ближайшее соседство друг с другом в пределах сравнительно ограниченной территории, где располагались их зимние становища, способствовало их сближению друг с другом.

В литературе неоднократно приходится встречать упоминание, что дурраниям, несмотря на то, что они фактически разделялись на десять самостоятельных племен, было присуще сознание своей общности и привязанности к родной земле, под которой понималась не территория отдельного племени, а вся страна дурраниев².

Характерно, что обедневшие дуррании, лишившиеся своей земли или вытолкнутые из скотоводческого хозяйства, почти никогда не покидали пределов родной страны. Это, повидимому, объясняется как сравнительной удаленностью Индии, так и наличием местных городов (Кандагар, Газни и другие), где разорившиеся члены племени могли найти средства к существованию. В период, когда сухопутная торговля Индии достигала сравнительно крупных размеров, такие обедневшие члены племени, вероятно, могли найти заработок,

---

¹ О расселении дурраниев и маршрутах их перекочевок см. «Хаят-и-Афгани», стр. 121—122; M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 391—399; M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 232—235; H. R a w l i n s o n. Ук. соч., стр. 824.

² Ср. M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 421. M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 244.

нанимаясь погонщиками вьючного скота или обслуживая в качестве охраны торговые караваны, проходившие через Кандагар на пути в Хорасан или возвращавшиеся оттуда. Если у юсуфзаев мы наблюдали постоянный отток обедневших членов племени в Индию и постоянный приток крестьян и ремесленников из Индии, пополнявших собой ряды хамсая, то у дурраниев подобная эмиграция и иммиграция полностью отсутствовали. Это обстоятельство способствовало развитию феодальных отношений в дурранийском обществе.

В силу замедленного и позднего перехода к оседлости западно-афганские племена совершали этот переход в условиях, когда их первобытно-общинный строй уже успел подвергнуться значительному разложению¹. Так, в частности, для дурраниев характерно наличие значительного числа кочевых хамсая, образование богатой и влиятельной племенной знати, наследственное закрепление должностей вождя племени и вождей более крупных его подразделений за знатными и могущественными семьями (хан-хель)².

Таким образом, у кочевых дурраниев, переходивших к оседлости (в особенности в XVIII и XIX вв.), неминуемо воспроизводились отношения имущественного неравенства, деления на свободных и зависимых, на эксплуататоров и эксплуатируемых в среде самих свободных, что и раньше было характерно для их социально-экономического строя. Это обстоятельство, наряду с указанными выше особенностями самого процесса оседания, облегчало дальнейшее развитие феодальных отношений у дурраниев.

Свою роль в росте силы и могущества дурранийских ханов также сыграла возможность грабежа или, в зависимости от обстоятельств, обложение пошлинами караванов, следовавших по большому торговому пути, соединявшему Индию с Хораса-

---

¹ Об этом свидетельствует отмечаемый источниками середины XVIII в. факт появления в Кандагаре значительного числа обедневших членов афганских племен, переселившихся в этот город в поисках средств существования. На указанное обстоятельство обратил внимание советский иранист Н. Д. Миклухо-Маклай в своей кандидатской диссертации «Завоевание Ирана афганцами», Ташкент, 1944 г., стр. 110.

Миклухо-Маклай отмечает: «Источники также говорят о бедности и даже пауперизации некоторых членов племени. М. Клэрак писал, что многие афганцы должны были уходить на заработки в г. Кандагар, где они употреблялись на самых черных и тяжелых работах, пользуясь всеобщим презрением».

В середине XVIII в. афганцы уже составляли значительную часть населения этого города. Среди них имелись и богатые купцы.

² См. «Тарих-и Сальтани», стр. 56 и 58, M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 236 и 239—241; M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 389—390, 404 и 409.

ном. Как уже указывалось, Кандагар был важнейшим перевалочным пунктом и торговым центром на этом пути транзитной торговли. Некоторые из дурранийских и гильзайских ханов сами принимали участие в транзитной торговле и разбогатели на ней. Источник середины XVIII в. характеризует будущего вождя антиперсидского восстания 1709 г. — гильзайского хана Мир-Вайса в качестве одного из богатейших купцов Кандагара¹.

Наконец, дурранийские и гильзайские ханы получали от сефевидских и могольских правителей западного Афганистана (в начале XVIII в. граница между Сефевидской державой и Могольской Индией проходила около Келат-и Гильзаи примерно на полпути между Кандагаром и Газни) титулы, денежные подарки и земельные пожалования, облакались функциями сборщиков налогов и обязывались поставлять воинские контингенты из числа своих соплеменников.

Гильзайский хан Мир-Вайс был в начале XVIII в. назначен сефевидскими властями градоправителем (калантаром) Кандагара. «Тазкират аль-Мулюк», памятка, составленная об административном устройстве и налоговых доходах Сефевидской державы вскоре после афганского завоевания Ирана в 1722 г., сообщает, что афганские племена Кандагара были обязаны выставлять воинские контингенты для службы шаху². Совместно с персидскими войсками они принимали участие в столкновениях с белуджами и какарами³. Гильзайский хан Мелек получил инвеституру от могольского шаха Аурангзеба⁴. Вожди дурраниев в конце XVII—начале XVIII в., сначала Шер-хан, а затем Хусейн-хан (оба — из садозайского хан-хеля дурраниев) получали от сефевидского шаха Хусейна (1694—1722) утверждение в должности и инвеституру, причем им специально вменялось в обязанность немедленно озаботиться сбором налогов и налоговых недоимок, поступавших в сефевидскую казну⁵. После столкновения с сефевидским правителем (беглербеком) Кандагара Шер-хан перешел на службу к Моголам и, в свою очередь, получил от них титул шахзаде (царевича) и утверждение в должности вождя племени абдалиев⁶.

---

¹ См. History of the revolution in Persia from the memoires of father Krushinsky, Procurator of the jesuits at Ispahan, стр. 113.

² «Тазкират -аль-Мулюк», стр. 117 (перс. текст) и 103 стр. (англ. перевод).

³ «Тарих-и Сальтани», стр. 68.

⁴ Там же, стр. 60.

⁵ Там же, стр. 62—63. Ср. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 123 и 128.

⁶ Там же, стр. 62—63.

Нет никаких сомнений, что наделение гильзайских и дурранийских ханов функциями сбора налогов со своих соплеменников и формирования из них воинских контингентов, начальниками коих они являлись, увеличивало власть и денежные доходы племенной знати. Хотя у нас нет прямых данных, но можно предположить, имея в виду практику Моголов в отношении хаттакских ханов, что гильзайским и дурранийским ханам также предоставлялись в качестве вознаграждения за их службу земельные пожалования в виде тиуля или джагира как на территории собственного племени, так и на землях, на которых сидело оседлое, в основном таджикское, крестьянство¹.

Таким образом, для дурраниев и гильзаев характерны следующие особенности разложения первобытно-общинного строя.

Во-первых, с одной стороны, длительная сохранность скотоводческого хозяйства и кочевого быта. В начале XVIII в. и дуррании и гильзай в основном оставались скотоводческими племенами. В то же время в их среде отмечается рост имущественного неравенства, выделение сильной и могущественной знати (последнее главным образом у дурраниев).

С другой стороны, происходил процесс выталкивания из скотоводческого хозяйства обедневших членов племени. Они отчасти переходили к земледелию, «просачиваясь» в районы поселения оседлого, преимущественно таджикского крестьянства, отчасти устремлялись в города, в первую очередь в Кандагар, в поисках средств к существованию. Так в Кандагаре (вероятно, и в Газни) образовалась прослойка афганского населения. Она в основном состояла из выброшенных из скотоводческого хозяйства пауперизированных членов племени, но включала и отдельных богачей — купцов.

Во-вторых, процесс оседания гильзаев и дурраниев происходил медленно, постепенно, скорее путем «просачивания», чем путем открытого и массового захвата поливных земель таджикского крестьянства. Такой характер оседания вызывал известное ослабление родо-племенных связей среди дурраниев, перешедших к земледелию, ибо в ходе оседания люди разных

---

¹ О таких пожалованиях упоминалось и выше. О них говорит Мухаммад Хаят-хан (Ук. соч., стр. 123).

Этот автор утверждает, что дурранийские хели жили совершенно самостоятельно до 1600 г., когда начались вторжения узбеков. Тогда дуррании согласились платить харадж шахам Ирана на том условии, что последние окажут им помощь против узбеков (Там же, стр. 134). По данным Раверти один из дурранийских вождей — Шер-хан получил от могольского шаха Джахана ранг двухтысячника, почетный халат, 20 тыс. рупий наличными и земельное пожалование (джагир) в Пенджабе (H. G. R a v e r t y. Notes on Afghanistan and part of Baloochistan..., стр. 270).

подразделений и родов перемешивались как между собой, так и с оседлым неафганским крестьянством¹.

В-третьих, большое значение в процессе разложения первобытно-общинного строя у афганцев имело взаимодействие с окружающей феодальной средой. Здесь дело не ограничивалось пожалованием ханам дурраниев и гильзаев титулов, должностей, наделением их со стороны Моголов и Сефевидов, а позже — со стороны Надир-шаха функциями сборщиков налогов и обязанностью военной службы во главе контингентов своих соплеменников. Переходившие к оседлости члены афганских племен в какой-то мере «вживались» в уже существовавшую систему феодального хозяйства, что непосредственно сказалось на организации дурранийской общины.

В дурранийской деревенской общине, как и в других афганских общинах (за исключением вазирской), ремесленники и торговцы не были афганцами. У дурраниев и гильзаев это были по большей части таджикские ремесленники и торговцы, а в отдельных случаях купцы и ростовщики индийцы². Последние главным образом сосредоточивались в городах. В дурранийской и гильзайской общине с самого начала отсутствовало внутреннее разделение труда между ремеслом и земледелием, основанное на наследственном прикреплении к общине деревенских слуг и ремесленников, которое столь характерно для афганцев правобережья Инда и сложилось там под прямым влиянием индийской общины, а главное, вследствие наличия многочисленных представителей различных индийских каст в этих афганских землях. В оседлой общине дурраниев вовсе не было деревенских слуг, а число ремесленников ограничивалось тремя-четырьмя³.

Более того, селясь среди оседлых таджиков, в особенности поблизости от крупных городских центров вроде Кандагара, дуррании неизбежно втягивались в уже сложившееся разделение общественного труда между городом и деревней. В этой связи мы склонны придать весьма важное значение следующему наблюдению Эльфинстона: «По мере приближения к Кандагару уменьшается число ремесленников» (в дурранийских деревнях. — *И. Р.*)⁴.

---

¹ Еще до 1784 г., когда Надир-шах наделил дурраниев землями Кандагарского оазиса, здесь наряду с таджиками, составлявшими основную массу крестьянства, отмечалось наличие небольшой прослойки оседлых дурраниев. См. *H. Rawlinson*. Ук. соч., стр. 823. О смешении различных подразделений дурраниев при оседании см. *Мухаммад Хаят-хан*. Ук. соч., стр. 134.

² См. *M. Elphinstone*. Ук. соч., стр. 406.

³ Там же. Эльфинстон называет плотника, кузнеца и ткача.

⁴ *M. Elphinstone*. Ук. соч., стр. 404.

Свидетельство Эльфинстона относится к первому десятилетию XIX в., но совершенно очевидно, что округ Кандагара и значительно раньше снабжалась изделиями ремесла из этого города и экономически тяготела к нему. Характерно, что тот же Эльфинстон в своем описании дурранийской деревни Биллади, расположенной около Кандагара, отмечает наличие трех лавок. В одной из них продавалось продовольствие (зерно, мука, сахар), в другой — фрукты, а в третьей — ремесленные изделия, а именно: ножи, ножницы, зеркальца, гребни и другие предметы.

Оседлая община дурраниев, по сообщению Мак-Грегора, делилась на канды: «Когда представители различных подразделений (племени. — *И. Р.*) живут в одной деревне, они селятся в отдельных кварталах и имеют собственных маликов или муширов; но среди них неизвестны те внутренние раздоры, которые, как было показано выше, свирепствуют среди юсуфзаев; они все живут в мире друг с другом»¹. В отличие от юсуфзаев и баннучей, а также гильзаев, дуррании представляли относительно замиренную среду, что было связано с относительно большей властью ханов, с тем, что вождь племени и вожди подразделений вместе с джиргой обладали правом не только посредничества между спорящими сторонами, но и без их согласия могли принять дело к разбирательству и вынести приговор, имевший окончательный и принудительный характер².

Кровная месть также не имела значительного распространения среди дурраниев. Садозайские вожди этого племени неоднократно призывали дурраниев никогда не обнажать меча друг против друга.

В начале XIX в. суд по важнейшим проступкам против личности (убийство) вершили ханы, обычно совместно с джиргой, а иногда и без нее, а по более мелким — джирга самостоятельно выносила приговор. Суд ханов и джирги происходил на основе обычного права. Что же касается имущественных споров, то они передавались ханами на решение казийского суда, действовавшего на основе норм шариата³.

Процесс разложения первобытно-общинного строя у гильзаев имеет сходные формы с аналогичным процессом у дурраниев, но в то же время ему свойственны и специфические черты, связанные, прежде всего, с преобладанием у гильзаев семейно-патриархальной общины, с меньшей степенью развития товарно-денежных отношений в гильзайском обществе, чем у дур-

---

¹ М а с Г р е г о р. Ук. соч., стр. 236.

² Там же, ср. М. Е л р h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 389—390.

³ М а с Г р е г о р. Ук. соч., стр. 236.

раниев, и, наконец, с иными условиями естественно-географической среды.

Подобно дурраниям, гильзаи представляют собой очень большое племя, или вернее группу племен¹. В XVIII в. (и даже в XIX в.) гильзаи преимущественно оставались кочевниками, хотя численность уже осевших на землю гильзаев также была немалой. Как уже указывалось, у многих гильзайских подразделений скотоводство соединялось с земледелием, они являлись полукочевыми, полуоседлыми². В некоторых районах, например в долине Тарнака, Логаре и Майдане, гильзаи давно и прочно перешли к земледелию, составляя основную массу оседлого населения. Гильзаи (как и дуррании) не сразу и не в один прием захватили культурные земли, а постепенно «просачивались» на эти земли, оттесняя таджикских крестьян и селясь попеременно с ними. Переходя к земледелию, гильзаи далеко не сразу стали разводить фруктовые сады, хотя они издавна существовали в расположенных чересполосно таджикских деревнях³.

Гильзаи кочевали (и постепенно оседали) на обширной территории, расположенной по западному склону Сулейманова хребта. Земли гильзаев ограничены на юге Келат- и Гильзаи и Потти, Гуль-Кохом на западе, Сулеймановым хребтом на востоке, Кабул-Дарьей на севере⁴.

Гильзаи делились на два первичных подразделения: торан и боран. В состав торан входили вторичные подразделения: хотеки и тохи; в состав боран — сулейман-хель, али-хель, андар и турки-хель. Вторичные подразделения гильзаев, так же как у дурраниев, фактически являлись отдельными племенами. Хотеки (около 5—6 тыс. семей в начале XIX в.) и тохи

¹ В начале XIX в. их насчитывалось около 100 тыс. семей.

² Бродфут в 1837 г. лично наблюдал такие формы хозяйства. Приводим его описание гильзайского селения Шинтца:

«Здесь живет небольшой хель, который существует за счет скотоводства, но дополняет его обработкой небольшой площади земли, орошаемой из ручья, пересекающего долину. Необходимость разравнивать почву в целях искусственного орошения и постройка сторожевой башни в известной мере привязали жителей к земле; но они уходят из деревни с наступлением холодов, чтобы вернуться весной, и не меняют свои шатры на дома» (В г о а d f o o t. Ук. соч., стр. 371). По свидетельству Мак-Грегора, «Гильзаи первоначально были пастушеским племенем и многие подразделения гильзаев и сейчас сохраняют кочевой образ жизни» (М а с G r e g o r. Ук. соч., стр. 279).

³ М а с G r e g o r. Ук. соч., стр. 280.

⁴ М а с G r e g o r. Ук. соч., стр. 274. «Во многих местах гильзаи переливаются за эти границы, спускаясь на востоке в долины притоков Гомала, а на севере, распространяясь за реку Кабул и дальше на восток, вдоль ее течения к Джелалабаду. Страна гильзаев имеет около 300 миль в длину и около 100 миль в ширину в южной своей части, в северной — около 30 миль».

(около 12 тыс. семей) занимают западную часть гильзайских земель, непосредственно гранича с дурраниями. Это была наиболее цивилизованная часть гильзаев, они занимались не только скотоводством и земледелием, но и торговлей, были экономически связаны с Кандагаром. Политическое значение хотеки повышалось и в силу того, что к составу этого подразделения принадлежал ханский род (шах-алам-хель) всего племени гильзаев.

Турк-хель занимал район Мукура на Газнийском плато. Люди этого племени откочевывали на зиму частью в Даман, частью в страну дурраниев. Племя андар владело к югу от Газни районом Шильгара, богатым своими сельскохозяйственными ресурсами.

Самое крупное из гильзайских племен — сулейман-хель (около 35 тыс. семей) — было чрезвычайно разбросано. Два подразделения этого племени — кайсар-хель и исмаильзай — занимали земли к югу и западу от Газни. Их зимние становища располагались в Вазиристане (район Ваню). Третье подразделение сулейман-хель — сультанзай — было частично отрезано от западных гильзаев выступом территории, занятой афганским племенем вардак. Сультанзай занимали район Логара и Майдана к северо-востоку от территории вардаков и представляли чисто земледельческое общество. Они славились своим умением строить кяризы и другие оросительные сооружения. Четвертое подразделение сулейман-хель — ахмадзай — полностью сохраняло кочевой быт. Их летние пастбища располагались в горах Сурхеля и Сефид-Куха, а на зиму ахмадзай откочевывали в долину Курама и Терин¹. Условиями своего расселения — гильзай занимали узкий и длинный клин — и характером расположения своих пастбищ (различные подразделения гильзайских скотоводов не только расходились летом, но, в отличие от дурраниев, не сходились зимой, поскольку их зимние стойбища по большей части располагались за пределами основной территории племени, а именно в районах Кандагара, Терине, Дамане, Вазиристане и долине Курама) гильзай были разобщены между собой в гораздо большей степени, чем дурранияи².

Однако основная причина внутренней разобщенности гильзаев определялась их социально-экономическим строем и чрезвычайно слабым развитием (по сравнению с дурраниями) товарно-денежных отношений. Конечно, в стране гильзаев были отдельные районы (Тарнак, Логар, Майдан), которые представляли в этом отношении исключение. Но даже эти районы тяго-

¹ О расселении гильзаев см. M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 437—438; M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 277—278.

² См. И. М. Р е й с н е р. Роль афганцев в Индии в XVIII в. — «Ученые записки Тихоокеанского института», т. II, стр. 103—104.

тели не к одному экономическому центру, а к разным — Кандагару и Кабулу, которые в свою очередь были взаимно разобщены. Что же касается основной массы гильзаев, и прежде всего наиболее крупного гильзайского племени — сулейман-хель, то среди них еще в середине XIX в. преобладала меновая торговля. «Основное богатство гильзаев заключается в стадах, у них нет ремесел, за исключением выработки грубых ковров и войлочных мешков, а также других грубых изделий, сделанных из шерсти. Они не знают мер и весов, один гильзай каждый раз уславливается с другим о мере — ею служит либо определенное число горстей, либо тот или иной глиняный сосуд, куда насыпают зерно»¹.

Низовой ячейкой хозяйственной жизни и общественного устройства гильзаев, во всяком случае в XVIII и XIX вв., являлась патриархально-семейная община, включавшая около десяти малых семей. Недаром Мак-Грегор называет гильзаев «народом, состоящим из семей (точнее — патриархальных общин — *I. P.*) или небольших объединенных людей, связанных между собой кровным родством, подчиняющихся своим естественным главам и обладающих всеми институтами, свойственными патриархальному строю»². Главой патриархальной общины являлся либо ее родоначальник, либо его ближайший потомок³. Десять-двенадцать патриархально-семейных общин обычно составляли гильзайский род⁴. У оседлых гильзаев каждая патриархальная община селилась в укрепленной усадьбе—форте (кала). Земля составляла общую собственность патриархально-семейной общины в лице ее главы, но обработка ее велась отдельными семьями, располагавшими собственными орудиями, рабочим скотом и личным хозяйством⁵.

Общественную жизнь гильзаев регулировали органы племенного самоуправления и обычное право. Его основу составлял обычай талиона, кровная месть и различные формы примирительной процедуры, в которой сородичи выступали в качестве соприсяжников, поручителей и посредников. Решение посреднической джирги имело, во всяком случае в XIX в., обязательную силу. Его нарушение каралось штрафом, сожже-

---

¹ MacGregor. Ук. соч., стр. 281. Ср. J. Broadfoot. Ук. соч., стр. 389. Бродфут сообщает, что у гильзаев Каттаваза роль денег выполнял скот и куски материи.

² См. MacGregor. Ук. соч., стр. 288.

³ См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 161.

⁴ У сулейман-хель, по свидетельству Бродфута, оседлый хель состоял из пяти-шести семейно-патриархальных общин. Каждая из таких общин располагала своей укрепленной усадьбой — фортом. См. J. Broadfoot. Ук. соч., стр. 389.

⁵ См. MacGregor. Ук. соч., стр. 280; J. Broadfoot. Ук. соч., стр. 356.

нием дома нарушителя, угоном скота. Нарушение джиргой нижестоящего подразделения решения джирги более высокого родственного объединения рассматривалось как проступок, подлежащий наказанию. В частности, у провинившегося подразделения брали заложников¹. Высшей мерой наказания являлось изгнание из племени. Путешественник начала XIX в. отмечает, что в Каттавазе существовали большие разбойничьи шайки, состоявшие из таких изгоев².

У гильзаев не сложилось сильной племенной знати. Хотя у гильзаев имелся свой хан-хель (он принадлежал к подразделению хотеки), являвшийся наследственным поставщиком вожей, стоявших во главе всего племени, однако этот ханский род не пользовался, в отличие от саддозаев у племени дурраниев, какими-либо привилегиями. Хань у гильзаев не пользовались сколько-нибудь установившейся принудительной властью над своими соплеменниками. Даже наложение штрафов за неявку члена племени на сбор ополчения принадлежало не хану, а выборному военачальнику — цальвештию. К ханам поступали таможенные пошлины, различные сборы с зависимых (хамсая), им, вероятно, доставалась большая доля военной добычи, чем рядовым членам племени.

В результате разложения первобытно-общинного строя внутренняя война и постоянные грабительские налеты на соседей становились законом жизни гильзайского общества³. В этом отношении гильзаев правильно сравнивают с юсуфзаями.

---

¹ См. В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 268. В. А. Ромодин основывается на данных из статей Абдуррахман-хан Пажвака о джирге ахмадзаев, помещенных в Кабульском ежегоднике за 1939—1940 гг. Основные положения обычного права гильзаев дает также Бродфут (J. V. Goadfoot. Ук. соч., стр. 361).

² См. J. V. Goadfoot. Ук. соч., стр. 357.

³ Вряд ли есть смысл воспроизводить данные об этой постоянной внутренней войне, которая происходила в гильзайском обществе, ибо все это близко напоминает явления, уже отмеченные нами при описании других афганских племен, а прежде всего — юсуфзаев.

Указывая на огромное распространение кровной мести у гильзаев, Бродфут вполне основательно замечает: «Пуштунвала или обычное право афганцев было хорошо для пастушеских племен, когда всем хватало земли и воды и способствовало выработке лучших качеств в членах варварского общества — простоты, гостеприимства и одухотворенности. Но, способствуя прогрессу афганцев до известного предела, пуштунвала должно теперь быть отброшено для какой-либо лучшей системы» (J. V. Goadfoot. Ук. соч., стр. 362).

Проезжая селение Панах в землях сулейман-хеля, этот путешественник рассказывает, что здесь в смертельной вражде находились две семейно-патриархальные общины, укрепленные усадьбы (кала) которых располагались на расстоянии каких-нибудь ста метров одна от другой. Между обеими кала происходила постоянная перестрелка (Там же, стр. 362).

Гильзай в летней одежде

В этих войнах и налетах основная роль принадлежала ханским дружинам и отрядам добровольцев¹.

Весьма недостаточные данные о социально-экономическом строе гильзаев в XVIII—начале XIX в. все же дают возможность сделать общий вывод, что процесс развития феодализма в этой части Афганистана к XVIII в. находился на начальном этапе своего развития. У гильзаев еще не образовалось сильной знати. У оседлых гильзаев земля составляла собственность отдельных патриархально-семейных общин, у кочевых гильзаев пастбища продолжали считаться общей собственностью племени, хотя, вероятно, распоряжение пастбищами все больше переходило в руки эксплуататорской верхушки. Оседлые гильзаи распались на отдельные, взаимно изолированные патриархальные общины. Ничтожное развитие товарно-денежных отношений (может быть за исключением нескольких земледельческих районов, как Тарнак, Логар и т. п.), — об этом свидетельствует меновая форма торговли, — ничем не нарушало самобытного и изолированного существования патриархальной общины гильзаев. Наконец, не обладавшие компактной территорией и разобщенные специфическими условиями своего кочевого быта (зимние становища гильзайских пастушеских племен, как правило, располагались за пределами страны гильзаев, а не внутри нее, как это было у дурраниев), гильзаи не обладали даже той малой степенью единства, каковая была присуща их соседям-дурраниям. В силу этих обстоятельств политическое и военное преобладание гильзаев в первой половине XVIII в. оказалось лишь кратковременным эпизодом, не оставившим глубокого следа в истории Афганистана, а основанное в 1709 г. гильзайскими ханами княжество не смогло иметь прочного основания и просуществовало каких-нибудь сорок лет.

* * *

После рассмотрения развития феодальных отношений в афганском обществе и особенностей этого процесса у некоторых афганских племен мы остановимся в следующей главе на ходе классовой борьбы, на росте классовых антагонизмов между

---

¹ Об одном таком набеге, предпринятом в 1837 г. на вазиров Мехтар-Мусой, сыном Яхья-хана, вождя султан-хеля, одного из подразделений гильзайского племени сулейман-хеля, рассказывает Мак-Грегор.

«Мехтар-Муса отправил своего родового барабанщика известить все хели Каттаваза, что через три дня он предпримет набег (чаповуль). Местом сбора было назначено местечко Бурлах. Собралось несколько тысяч людей, вооруженных чем попало, от ружья до дубины. Кто ехал на лошади, кто шел пешком» (M a c G r e g o r. Ук. соч., стр. 284—285). В результате налета у вазиров было захвачено много скота, в том числе верблюдов.

трудящимися и эксплуататорами, что явилось решающей предпосылкой образования сначала отдельных афганских феодальных княжеств, а затем и Дурранийской державы. Мы имеем в виду народное движение рошани в конце XVI—начале XVII в., образование Хаттакского княжества в XVI в., возникновение Гильзайского княжества в начале XVIII в. и, наконец, основание Дурранийской державы в 1747 г.

Каковы были основные конкретные исторические особенности развития феодализма у афганцев?

На первое место необходимо поставить то обстоятельство, что процесс разложения первобытно-общинного строя протекал у афганцев в условиях длительного и постоянного взаимодействия с таджикскими средневековыми городами и земледельческими оазисами, в которых давно господствовал феодальный строй, а также с теми феодальными государствами, которые возникли на территории нынешнего южного Афганистана или включали территорию, населенную афганцами, в свой состав. Феодальное окружение наложило отпечаток на все стороны процесса разложения первобытно-общинного строя у афганцев. Таким образом, этот процесс происходил в условиях тесного взаимодействия афганского общества, где только еще складывались антагонистические классы, с развитым феодальным обществом, кочевой степи — с земледельческим оазисом и средневековым городом, афганских скотоводов — с оседлым таджикским и индийским населением. Мы считаем, что именно в связи с этим эксплуатация рабов не могла получить и действительно не получила сколько-нибудь крупного значения у афганцев. Они переходили непосредственно к феодализму. Существование феодального окружения также объясняет нам, почему афганцы, несмотря на примитивность своего общественного строя, стали относительно рано втягиваться в обмен, в торговлю, и у них выделилась целая группа племен (повинда), занятых обслуживанием посреднической торговли.

Взаимодействие с феодальным окружением ускоряло разложение первобытно-общинного строя у афганцев, но в то же время придавало этому процессу односторонний характер. Так, уже после перехода многочисленных афганских племен к оседлости в течение долгого времени своих городов у афганцев не было¹. Торговлей, ремеслами, ростовщичеством не только в городах, но и в поселениях оседлых афганцев преимущественно продолжали заниматься таджики, персы и индийцы, но не сами афганцы.

---

¹ Еще в первой половине XIX в. население Герата, Кабула, Газни и, в меньшей степени, Кандагара оставалось преимущественно таджикским, а население Пешавара и Джелалабада — индийским.

Различные формы наделения землей и формы землевладения и земельной собственности у афганцев являлись переходными от первобытно-общинного строя к феодализму: пожалования племен духовенству («сери»), держание за военную службу («млатар»), наделение землей общинных слуг и ремесленников (каковые отмечаются только на правом берегу Инда), держание зависимых (хамсая). Анализ этих форм земельных отношений, их возникновения и изменения в связи с процессом развития феодального строя в целом, показывает становление феодальной собственности на землю, ибо основанные на отношении к земле формы эксплуатации, развивавшиеся в афганском обществе, превращались в конечном счете в типично феодальные.

**НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОШАНИ.
ОБРАЗОВАНИЕ АФГАНСКОГО
ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**

Процесс становления феодальных отношений протекал у афганцев в условиях ожесточенной классовой борьбы. Против ханов и духовенства, которые превращались в класс феодальных землевладельцев, выступало крестьянство, также складывавшееся в класс. Наиболее ярким проявлением этой борьбы крестьянства было движение рошани. Оно получило свое название от возглавлявшей его секты, основанной в середине XVI в. Баязидом Ансари, принявшим наименование Пир-и Рошан (старец или наставник света). Вооруженные выступления рошани продолжались в течение более семидесяти лет. Движение рошани охватило многие афганские племена по восточным склонам Сулеймановых гор, распространяясь временами и на области, расположенные к западу от этих гор — Газни и Кабул.

Рошани выступали не только против афганской эксплуататорской верхушки, но и против чужеземных поработителей страны — могольских феодалов. Хотя движение рошани было в конце концов подавлено общими усилиями могольских правителей, афганской знати и духовенства, оно оказало большое влияние на дальнейшие судьбы афганского народа. Рошанийское движение способствовало консолидации афганцев как народа, обогатило его опытом классовой и освободительной борьбы, внесло сильную народную, демократическую струю в только начинавшую создаваться афганскую литературу, сыграло прогрессивную роль в развитии всего афганского общества.

Подлинная история рошани не написана, и составление ее представляет большие трудности. Жестокие гонения, которым подвергались сектанты со стороны могольских феодалов

и их союзников из числа афганских эксплуататоров, распространялись и на книги рошани, а прежде всего на произведения основателя секты Баязида Ансари. Недаром ахунд Дарвеза, защитник мусульманской ортодоксии и феодальных порядков, современник и гонитель Баязида Ансари, предлагал сжечь все его книги¹. О взглядах сектантов приходится судить по сохранившимся тенденциозным пересказам современников, принадлежавших по большей части, подобно ахунду Дарвеза, к лагерю классовых врагов рошани, да по отдельным отрывкам, случайно дошедшим до нас из произведений самого Баязида Ансари и его ближайших последователей.

Историю рошани, как, впрочем, и многих других народных движений среднековья, писали представители эксплуататорских классов, злобно клеветавшие на сектантов (например, стандартное в таких случаях еще со времен восстания маздакитов обвинение, что сектанты будто бы ввели общность жен), извращавшие факты и не останавливавшиеся перед любой ложью, чтобы опорочить и дискредитировать борьбу трудящихся и эксплуатируемых. Особенно неистовствовал против рошани уже упоминавшийся ахунд Дарвеза, автор богословского и исторического трактата «Махзан аль-Ислам» («Сокровищница ислама»), в котором автор задался целью опровергнуть «лжеучение» Баязида Ансари. Лютая ненависть ахунда Дарвеза к Баязиду Ансари ничуть не уступала ненависти немецких князей и духовенства к Мюнцеру и к немецким кре-

---

¹ J. L e y d e n. On the Rosheniah sect and its founder Bayezid Ansari. «Asiatic Researches», т. XI, Лондон, 1818, стр. 399.

Долгое время считалось, что все списки сочинения «Хайр аль-Байан» («Преплагая весть»), в котором Баязид излагал свое учение, были уничтожены врагами рошани. Однако в 1927 г. норвежский иранист Г. Моргенстьерне указал в своем этимологическом словаре языка пушту (An etymological vocabulary of Pashto. Осло, 1927, стр. 110), что в его распоряжении имеется рукопись «Хайр аль-Байан», относящаяся к 1650 г. Отрывки из нее на пушту были опубликованы Моргенстьерне в «The New Antiquary», т. II, Бомбей, 1939 г., однако полностью текст издан не был, и сохранилась ли рукопись, неизвестно. Приведенные данные сообщаются в докладе М. Г. Асланова «Отражение классовой борьбы в афганской литературе XVI—XVII вв.». См. рукопись этого доклада, читанного в 1951 г. в Ин-те востоковедения АН СССР, стр. 14—15. Классовая борьба в афганской литературе продолжается и сейчас с еще большим ожесточением. Этой борьбой и объясняется стремление некоторых представителей афганских эксплуататорских классов всячески опорочить замечательный поэтический дар Баязида Ансари и снизить большое значение его стихов во всем дальнейшем развитии афганской литературы. Стихи Баязида не по душе афганской реакции, прежде всего потому, что они от начала до конца пронизаны боевым духом борьбы. Так, в своей статье «История стилей на языке пушту» А. Хабиби пишет: «Эти стихи предназначались для пропаганды, и поэтому их литературное и поэтическое значение невелико». «Кабульский ежегодник» за 1940—1941 гг., стр. 182.

стьянам, которых анабаптисты звали на решительную борьбу с феодалами. Ахунд Дарвеза в своих нападках на Баязида Ансари неизменно именовал его Пир-и Тарик (старец тьмы) вместо Пир-и Рошан (старец света).

Более объективную позицию занимает анонимный автор «Дабистан аль-Мазахиб», создатель богословского трактата XVI в., содержащего основательные сведения о различных вероучениях Индии того времени. Однако сообщаемые в «Дабистан аль-Мазахиб» данные об учении Баязида Ансари и деятельности рошани носят отрывочный, а в известной мере и случайный характер¹.

Литература о рошанийском движении чрезвычайно бедна. Опубликованная в 1812 г. Дж. Лейденом статья «О секте рошани и ее основателе Баязиде Ансари» является не более как пересказом (местами — переводом) упоминавшихся выше источников («Махзан аль-Ислам» и «Дабистан аль-Мазахиб»). При этом Лейден высказывает некоторые соображения по поводу приведенных им отрывков, пытаясь дать оценку рошани. Анализа текста, разбора терминов, научного комментария к использованным им источникам Лейден не дает. Полностью игнорируя классовый характер борьбы рошани, Лейден в то же время подчеркивает роль сектантов в объединении афганцев против моголов, отмечая освободительный и даже «национальный» характер этого движения². Решительное отрицание классового характера движения, замазывание классовых противоречий в тогдашнем афганском обществе — такова сущность оценки движения рошани Лейденом.

В дальнейшем буржуазное востоковедение неизменно пребывало на этой позиции. В своей антологии афганской поэзии Г. Раверти приводит краткие сведения об учении и деятельности Баязида Ансари, подчеркивая, подобно Лейдену, что движение рошани было исключительно антимогольским³. Эта точка зрения впоследствии устраивала и афганских националистических историков (например, Губара) и английских бур-

---

¹ Анализируя в своей докторской диссертации состояние источников по этому вопросу, К. А. Антонова приходит к выводу: «На основании имеющихся материалов, можно сделать лишь предположения об основных моментах учения Баязида и о том, почему это учение так распространилось среди афганских племен, что стало восприниматься, по словам Лейдена, как специальная религия афганцев». К. А. Антонова. Религиозная политика Акбара (К истории индо-мусульманских разногласий). Рукопись докторской диссертации. М., 1950, стр. 331.

² Он пишет, что секта поддерживалась «национальным и религиозным духом», что движение «охватило почти всю афганскую нацию» и имело «национальный характер». (См. L e y d e n. Ук. соч., стр. 365, 392).

³ H. G. R a v e r t y. Selections from the poetry of the Afghans from the 16th to the — 19th century, Лондон, 1868, стр. 51—52.

жуазных востоковедов, начиная Лейденом и кончая Смитом, которые с одинаковым рвением стремятся вытравить из истории рошани всякое упоминание о классовых противоречиях и классовой борьбе¹.

В советской историографии начало научному исследованию движения рошани положил М. Г. Асланов. Опираясь на глубокое изучение всего круга доступных источников, прежде всего источников на пушту, М. Г. Асланов приходит к обоснованному выводу, что движение рошани было крестьянским по своей классовой сущности, что оно было направлено не только против власти Моголов, но и своей, местной, афганской эксплуататорской верхушки, что острая идейная борьба, развернувшаяся между ахундом Дарвеза и Баязидом Ансари, являлась проявлением классовых противоречий между афганским крестьянством и феодальными элементами, что в основном борьба между ними шла за землю.

М. Г. Асланов также прослеживает положительное влияние крестьянского движения рошани и деятельности идеологов этого движения на развитие демократической, народной струи в афганской культуре. Работы М. Г. Асланова о рошани написаны в основном в литературоведческом плане, и в них не преследовалась цель исследования всего комплекса социально-экономических проблем, связанных с упомянутым движением, но тем не менее, в них имеется ряд интересных соображений по отдельным вопросам истории афганцев².

К. А. Антонова в «Очерках общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара» дает краткое описание движения рошани. Не следуя за лейденовским пересказом и переводом «Дабистан аль-Мазахиб», К. А. Антонова, самостоятельно изучив этот источник, извлекла из него много новых, интересных данных о рошани. Что же касается оценки движения рошани и характеристики их идеологии, то К. А. Антонова в основном приходит к тем выводам, к каким пришел раньше ее М. Г. Асланов. «Переходя к учению Баязида, — пишет К. А. Антонова, — следует отметить две основные черты: оно было направлено, во-первых, против

---

¹ М у х а м м а д Г у б а р. Ахмад-шах — отец афганцев («Ахмад-шах Баба-и Афган») Кабул, 1944, стр. 10—11; W. C. S m i t h. Lower classes uprisings in the Mogul Empire. «Islamic Culture», 1946, № 1.

² Следует отметить, что основные выводы М. Г. Асланова в отношении движения рошани изложены им не только в уже упоминавшейся рукописи «Отражение классовой борьбы в афганской литературе XVI—XVII вв.», но и в его докладах — 14 апреля 1947 г. на заседании Московской группы Ин-та востоковедения АН СССР и 6 июня того же года — на аграрном секторе Ин-та истории АН СССР. См. также статью М. Г. А с л а н о в а — «Афганистан — литература». БСЭ, том III (второе издание).

феодализирующейся верхушки афганских племен, во-вторых, против феодального Могольского государства. . .»¹. Правильно отмечая, что движение рошани было направлено в первую очередь против афганской родовой и племенной знати, оттеснявшей от участия в племенном самоуправлении рядовых членов племен и захватывавшей их земли, К. А. Антонова совершенно упускает из виду участие зависимых (хамсая) и рабов в этом движении (а они, по нашему мнению, принимали в нем участие).

Следующий ниже очерк истории движения рошани построен, в основном, на материалах, введенных в советскую науку М. Г. Аслановым и К. А. Антоновой. При составлении этого очерка мы ставили себе цель попытаться показать, опираясь главным образом на работы этих исследователей, роль и значение крестьянского движения рошани для дальнейшей истории афганского общества, а прежде всего для развития феодальных отношений.

* * *

Баязид Ансари, основатель секты рошани, родился в 1515 г. (или в 1525 г.) в Джалландаре (Пенджаб). Его род претендовал на происхождение от самого пророка Мухаммада. Неизвестно, насколько эти претензии справедливы, но даже если принять версию, что предки Баязида действительно когда-то переселились из Аравии в Афганистан, то к началу XVI в. род Ансари давно и полностью ассимилировался с местным населением, войдя в состав небольшой народности ормур или баракі. Баракі не занимали сплошной территории. Часть их обитала в сердце Вазиристана, около Канигурама, другие в районе к югу от Кабула (долина Логара)². Вскоре после рождения Баязида его отец шейх Абдулла Ансари вернулся из Индии в родной Канигурам. Шейх Абдулла развелся с матерью

---

¹ К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.). Изд-во АН СССР. М., 1952, стр. 192.

² По данным Эльфинстона (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 315), баракі, жившие в долине Логара и Бутхаке, насчитывали в начале XIX в. около 8 тыс. семейств. «Они составляют племя с собственными вождями и пользуются высокой оценкой в качестве солдат. Они имеют свои собственные земли и замки, поставляют не мало солдат на службу правительству и по своим обычаям близко напоминают афганцев»; Раверти ошибочно отождествляет баракі с таджиками (См. H. G. R a v e r t y. Notes on Afghanistan and part of Baloochistan. . ., стр. 85). Хаятулла-хан в современной географии Афганистана («Джографья-и Афганистан», изд. Министерства просвещения, Кабул, б. г.), сообщает, что указанные два подразделения баракі имели особые наименования — канигурамские баракі звались баракі- и барак, а логарские — баракі- и раджан.

Баязида и взял себе новую жену. Мальчик терпел всяческие притеснения от мачехи. Он рос в нужде и с детства принимал участие в крестьянском труде¹. Еще юношей Баязид отличался силой характера и самостоятельностью суждений. Предназначенный отцом к духовной деятельности, он наотрез отказался следовать его воле и сделаться учеником одного из сыновей знатного шейха Баха ад-дина Закария, а по собственному выбору стал мюридом бедного сородича Ходжи Исмаила². Мотивируя свой отказ поступить в обучение к шейху из семьи Баха ад-дина Закария, в которой звание шейха, повидимому, было наследственным, Баязид, как сообщает автор «Дабистана», высказал важное положение, что «качества шейха не наследуются»³, имея в виду, что возможность носить это звание и быть наставником должна определяться личными качествами человека, а не его материальным благосостоянием и наследственными правами (рождением). Несколько дальше тот же автор сообщает: «Баязид уважал не положение в роде, а лишь ученость и образованность»⁴.

В дальнейшем Баязид, подобно многим другим афганским беднякам, которые не могли прокормиться на своем клочке земли, стал искать средств существования на стороне. С караванами афганских купцов, закупавших лошадей в Средней Азии, а затем пригонявших их на продажу в Индию, он не один раз совершал путешествие из Кабула в Самарканд, а оттуда обратно в Кабул и затем в Пенджаб. Нет никаких сомнений, что посещение Индии и Средней Азии воочию показало Баязиду Ансари невыносимо тяжелую долю трудового люда в этих странах, где в отличие от Афганистана давно сложился и господствовал феодальный строй. Не без влияния на идейное

¹ По сообщению автора «Дабистан аль-Мазахиб», Баязид Ансари был настолько беден, что его имущество не подлежало обложению «закятом» (См. К. А. Антонова. Ук. соч., стр. 189).

² L e u d e n. Ук. соч., стр. 407.

³ Это интересное место приведено в работе М. Г. Асланова «Отражение классово-борьбы в афганской литературе XVI—XVII вв. (движение рошани)», рукопись, стр. 2; см. также К. А. Антонова. Ук. соч., стр. 192. См. «Дабистан аль-Мазахиб». Канпурское издание 1904 г., стр. 304, по изданию 1809 г. стр. 381. Приводим цитированные слова автора «Дабистана» в контексте, основываясь на обоих изданиях:

چون خواجه ایسمعیل که از اقربای ایشان بود در واقعه مبشر شده
بریاصنت پرداخت و جمعی از ارادت او منفعت دیدند بایزید خواست
مرید او شود عبد الله مانع شده گفت ننگ است مرا که نزد فرومایه
از خویشان مرید شوی سوی پسران شیخ بهاءالدین ذکر یا برو بایزید
گفت شیخی بارث نیست

⁴ «Дабистан аль-Мазахиб». Канпурское изд. 1904 г., см. стр. 305; изд. 1809 г., стр. 381.

формирование Баязида оказалось его знакомство с религией индуизма и с теми течениями ислама, которые рассматривались представителями ортодоксального ислама в качестве еретических. Так, в свою бытность в Пенджабе Баязид стал другом и даже учеником «безбожника», исмаилита, некоего муллы Сулеймана. В Пенджабе же Баязид взял себе в жены Шамси, афганскую девушку из племени лоди. Вскоре после рождения сына Омара Баязид с семьей вернулся на родину — в Канигурам. Именно к этому времени относится открытое выступление Баязида с проповедью своего учения. Более того, он провозгласил себя «наставником света» (Пир-и Рошан), посланцем бога, призванным открыть людям «путь спасения» и повести их по этому пути. Так было положено начало движению сектантов-рошани, на протяжении многих десятилетий объединявших афганских трудящихся и поднимавших их на борьбу со «своими» эксплуататорами и чужеземными поработителями.

Движение рошани, как уже указывалось, охватывает длительный период времени с 1542 (или 1560) до 1638 г. Баязид Ансари лично руководил действиями сектантов, выступавших против местной эксплуататорской верхушки и пришедших ей на помощь войск могольских правителей. После смерти Баязида (1585) руководство сектой перешло к его сыновьям, а затем и к внукам, продолжавшим борьбу. Трое сыновей Баязида Ансари — Омар, Хайр ад-дин и Нур ад-дин отдали свою жизнь в борьбе и были убиты врагами рошани. Четвертый сын — Желал ад-дин, попал в плен к Моголам и был доставлен ко двору падишаха Акбара. Однако он сумел бежать к повстанцам. В 1600 г. Желал ад-дин пал на поле боя во время осады Газни. Тогда главой секты стал Ахдад, сын Желал ад-дина. В 1626 г. Ахдад был убит во время боя. После его смерти руководство движением перешло к Абдуль Кариму, сыну и преемнику Ахдада. Моголы сумели хитростью заманить Абдуль Карима в Пешавар, и он умер в плену (повидимому, был отравлен). От руки Моголов пал в 1638 г. и последний глава рошани — Каримдад, другой сын Желал ад-дина. Одной из важнейших причин поражения рошани было то, что могольские феодалы неоднократно бросали крупные военные силы против повстанцев, причем знать и духовенство ряда афганских племен объединялись с иноземными феодалами¹. Вскоре движение рошани пошло на убыль и во второй половине XVII в. уже открыто себя не проявляло.

Прежде чем попытаться обобщить отрывочные и недостаточные данные, которые дошли до нас об идеологии рошани с тем, чтобы хотя бы частично обнаружить внутреннюю связь

---

¹ Подробнее о причинах поражения рошани см. ниже, стр. 300—301.

между отдельными, нередко внешне противоречивыми элементами учения Баязида Ансари, необходимо кратко остановиться на изменениях в афганском обществе к XVI—XVII вв.

Развитие производительных сил, рост общественного разделения труда, процесс складывания антагонистических классов в афганском обществе и развитие в нем феодальных отношений вызывали разложение первобытно-общинного строя, с одной стороны, все более подрывая и подтачивая традиционные формы коллективной собственности на землю и основанные на ней формы социального устройства, с другой стороны, частично приспособляя унаследованные от первобытно-общинного строя институты к потребностям эксплуататорской верхушки, видоизменяя функции и назначение этих институтов. «Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹.

В этих условиях поддерживаемые и используемые эксплуататорской верхушкой племени, патриархальные по форме (хотя и все больше менявшие свое внутреннее содержание) общественные институты афганцев прикрывали фактическое неравенство среди свободных и рост эксплуатации рядовых членов племени, санкционировали привилегированное положение знати и передачу по наследству важнейших должностей (хана, малика и т. д.) в богатых и знатных родах (хан-хель), способствовали сохранению рабства и института хамсаята в афганском обществе. Знать все в большей степени использовала в своих интересах некоторые, хотя и не все, институты и установления отмиравшего, но далеко еще не полностью изжитого первобытно-общинного строя, частично используя эти институты для утверждения собственного господства, для дальнейшей эксплуатации рабов и хамсая, для того, чтобы захватывать племенные земли, подрывая общую собственность на эти земли, для того, чтобы закабалить и эксплуатировать также и лично свободных, формально равноправных рядовых членов племени.

Но афганская феодализирующаяся верхушка не только использовала в своих интересах некоторые институты, которые сохранились от первобытно-общинного строя, но и формы надстройки, которые сложились на почве феодального обще-

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II. Госполитиздат, 1948, стр. 297.

ства в соседних странах. Именно поэтому учение Баязида Ансари, выражавшего интересы трудящихся масс, которые все в большей степени подвергались эксплуатации и закабалению со стороны племенной знати и мусульманского духовенства, должно было направить стрелы своей критики как против патриархальных отношений (постольку, поскольку эти отношения освящали привилегии знати), так и против мусульманского духовенства, ортодоксального ислама и шариата, освящавшего феодальные порядки.

Идеология сектантов, выступавших против возникшей феодальной собственности и против идеологии, освящавшей, оформлявшей и укреплявшей эту собственность, не могла иметь и действительно не имела только негативного характера. Эта идеология должна была отразить и действительно отразила те изменения в базисе, которые при разложении первобытно-общинного строя повели к значительным переменам в положении самих непосредственных производителей. Складывающийся из племенной знати и духовенства класс феодалов противостоял классу крестьянства, складывающийся в первую очередь из массы рядовых свободных членов племени, а также из хамсая и рабов. «Чем меньше собственность отдельного человека, — указывал К. Маркс, — может быть фактически использована только коллективным трудом (т. е. таким образом, как, например, система орошения на Востоке), тем решительнее историческое движение, перемещение с места на место, ломает характер племени, сложившийся чисто естественным путем; чем более племя удаляется от своего первоначального местопребывания и захватывает *чужие* земли, следовательно попадает в существенно новые условия труда, и энергия каждого отдельного человека получает большее развитие (чем значительнее общий характер племени проявляется во вне, как негативное единство, и именно так и должен проявляться), тем больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал *частным собственником* земли — особой парцеллы, — обособленная обработка которой предоставляется ему и его семье»¹.

Процесс разложения первобытно-общинного строя у афганцев имел противоречивый характер. Он вел не только к образованию феодальной собственности на землю, но и к образо-

---

¹ К. М а р к с. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 8—9. Характеризуя мелкокрестьянское земледелие, которое «ведется крестьянином в целях пропитания и при котором *владение* землей является одним из условий производства для непосредственного производителя», — Маркс отмечает, — «. . . его *собственность* на землю является самым выгодным условием, условием процветания *его* способа производства». К. М а р к с. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1953, стр. 627.

ванию частной крестьянской собственности на землю. Борьба этих двух тенденций, в которой проявились антагонистические противоречия между крестьянами и феодалами, является решающим моментом, определяющим содержание афганской истории этого периода.

В период разложения первобытно-общинного строя и на ранних стадиях развития феодализма у афганцев борьба эксплуатируемых против эксплуататоров, в каком идеологическом облачении она бы ни выступала, неминуемо способствовала решительному и полному устранению остатков первобытно-общинного строя, а также различных пережиточных форм рабовладельческой эксплуатации, способствовала стиранию различий между хамсая и эксплуатируемыми трудящимися, являвшимися свободными членами племени, ускоряла складывание крестьянства в класс. В конечном счете эта борьба не только не препятствовала развитию новых производственных отношений, а наоборот, создавала условия для ускоренного развития новых производственных отношений и притом в таких формах, которые объективно способствовали более быстрому развитию производительных сил. Мы имеем в виду, что наиболее широкое развитие крестьянской собственности на землю в период разложения первобытно-общинного строя как раз и являлось важнейшей предпосылкой и условием наиболее быстрого последующего развития феодальных отношений во всем афганском обществе. В этом мы видим положительное, исторически прогрессивное значение борьбы афганских трудящихся против эксплуататорской верхушки в период разложения первобытно-общинного строя и становления феодальных отношений.

Как мы постараемся показать дальше на примере народного движения рошани, трудящиеся в этой борьбе вовсе не ставили себе утопическую цель возврата к первобытно-общинному строю, а наоборот, защищали и отстаивали возникавшую частную крестьянскую собственность на землю, тем самым объективно расчищая путь для наиболее широкого развития новых, исторически прогрессивных производственных отношений.

Движение рошани, направленное против ортодоксального ислама, освящавшего привилегии ханов и духовенства, носило оболочку богословской ереси и имело религиозную форму. Энгельс писал о так называемых религиозных войнах позднего средневековья: «Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси»¹.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

Это положение Энгельса вполне справедливо и в отношении народных движений раннего средневековья, к которым по своему характеру и движущим силам следует причислить и движение рошани, хотя оно происходило в XVI—XVII вв.

Как уже указывалось, Баязид вскоре после возвращения из Индии на родину объявил себя пророком. Его представление о боге носило, повидимому, пантеистический характер¹. Он учил, что божественное начало разлито во всем мире², что бог ближе и доступнее человеку, чем он подозревает; между богом и человеком нет расстояния; бог постоянно заботится о человеке и заинтересован в его спасении. Люди равны перед богом, «спасение» доступно каждому человеку, без различия национальных, религиозных, сословных и родо-племенных делений. Со своим призывом принять новую веру Баязид обращался не только к афганцам, но, что чрезвычайно важно, к индусам и таджикам, являвшимся хамсая афганцев³. Он ставил рабов, принявших его учение, выше, чем сеидов-корейшитов (потомков пророка Мухаммада, образовавших впоследствии высокопривилегированную феодально-сословную группу), продолжавших следовать ортодоксальному исламу⁴. Дальше мы постараемся показать, что декларация Баязида о полном равенстве людей перед богом являлась не чем иным, как религиозной мотивировкой и санкцией их равенства на земле и по существу утверждала равенство трудящегося крестьянина и хана, раба и рабовладельца, хамсая и его господина. Более того, все пламенное красноречие Баязида Ансари, его замечательный поэтический дар и не менее выдающиеся способности военного и политического вождя и организатора народного движения, короче — вся его жизнь была отдана борьбе за

---

¹ См. М. Г. А с л а н о в. Ук. соч., стр. 15.

² На этом основании Баязид Ансари отменил намаз, при совершении которого мусульмане должны обращаться лицом к Мекке.

³ См. М. Г. А с л а н о в. Ук. соч., стр. 3. Весьма характерно, что «Хайр аль-Байан» был написан Баязидом Ансари на языке пушту, но со вставками на фарси, арабском и хинди. Вставки на арабском языке свидетельствовали о стремлении Баязида поднять свой авторитет, как знатока мусульманской теологии и того языка, на котором написаны Коран и классические богословские труды ислама, а обращение автора «Хайр аль-Байана» к языкам фарси и хинди явно преследовало цель широкой пропаганды нового учения среди таджиков и индийского населения, в первую очередь индийского населения правобережья Инда.

⁴ По сообщению автора «Дабистана», Баязид говорил об этом так: «Рай уготован для повинующихся, даже если они рабы-эфиопы, ад же — для неповинующихся, будь они даже из рода корейшитов». «Дабистан аль-Мазахиб». Канпурское изд. 1904 г., стр. 305, изд. 1809 г. стр. 381. Перевод К. А. Антоновой (См. К. А. А н т о н о в а. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара, стр. 192—193).

фактическое уничтожение привилегированного положения эксплуататорской верхушки афганского общества.

Пантеистический оттенок, который получило божественное начало в учении Баязида Ансари (бог везде), возможно говорит о влиянии религиозных представлений индуизма¹, но действительное значение этой пантеистической идеи определялось социально-экономическими условиями самого афганского общества и ходом классовой борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров. С одной стороны, пантеистическая трактовка божественного начала как бы «приближала» бога к человеку, в какой-то мере сводила бога с небес на землю, делала более убедительной проповедь Баязида Ансари о доступности спасения для каждого человека². С другой стороны, формула «бог везде» давала в руки Баязида Ансари неплохое оружие, чтобы нанести еще один удар по ортодоксальному исламу, с его обрядами, почитанием священных городов Мекки и Медины, паломничествами к могилам «святых и подвижников», возле которых кормились и жирели многочисленные представители духовного сословия, а в первую очередь шейхи.

Баязид Ансари не раз выступал против наследственных привилегий как мусульманского духовенства, так и племенной знати (ханов).

Баязид отверг нормы мусульманского феодального права — шариата, основанные на толковании корана и хадисов³, освободил своих последователей от уплаты закята, равно как от исполнения обрядов (намаз, соблюдение постов), установленных ортодоксальным исламом. Хотя и нет прямых данных, но есть основания предполагать, что в районах, охваченных движением рошани, прекращались исполнение повинностей и выплата сборов в пользу местных ханов. И совершенно очевидно, что там, где верх брали рошани, в могольскую казну не поступало никаких налогов, даже в том ограниченном виде, как их удавалось до этого временно эпизодически собирать с некоторых афганских племен⁴.

Афзаль-хан, представитель ханского рода хаттаков, автор, принадлежавший к феодальному лагерю и всей душой ненави-

---

¹ Возможно, что пантеистические элементы в доктрине рошани говорят о влиянии суфизма. Но до опубликования подлинника «Хайр аль-Байан» ответить на этот вопрос невозможно.

² Может быть, такая пантеистическая трактовка объясняется также и желанием главы сектантов облегчить индусам принятие новой веры и участие в движении рошани.

³ См. L e y d e n. Ук. соч., стр. 377.

⁴ Более регулярно Моголы собирали налоги с населения в округе больших городов (Кабул, Пешавар), являвшихся их опорными пунктами и местом стоянки крупных военных гарнизонов.

девший рошани, в своей «Тарих-и Мурасса» следующим образом рисует последствия народного движения:

Там, где не почитают улемов,
Такую страну раздирает смута.
Где нет уважения к дервишам, —
Дурная слава у такой страны.
Если страна лишена карающей руки хакима,
В такой стране возникает мятеж.
Если наносится ущерб ханскому роду (хан-хель), —
Будь у него царское богатство, и то пропадает ¹.

Афзаль-хан видит в рошани источник смуты, раздоров, а главное — безначалия, хотя в основном носителями постоянной внутренней войны среди афганцев, конечно, являлись ханы, племенная знать. Он искренно тоскует о «карающей руке хакима» (т. е. правителя), который, опираясь на всю силу принуждения феодального государства, мог бы подавить сопротивление народа и обеспечить господствующее положение столь дорогих его сердцу ханов и духовенства. Но основную ценность приведенного отрывка из источника мы видим в том, что в нем констатируется ущерб (и, вероятно, не только моральный), который наносило народное движение власти и привилегиям ханов, ханских родов племени. А этот ущерб мог материально выражаться в том, что трудящиеся отнимали у ханов их земли, так или иначе лишали их привилегий, отказывались уплачивать им сборы и выполнять на них повинности. В стихах Афзаль-хана ясно говорится о том, что движение рошани непосредственно угрожало интересам афганской племенной верхушки и именно поэтому внушало ей страстное желание поскорей обзавестись «карающей рукой хакима» для подавления народа.

Другие сообщения афганских авторов и свидетельства современников, также принадлежавших к числу классовых врагов рошани, носят более односторонний характер. Они говорят главным образом о непримиримой враждебности сектантов к ортодоксальному исламу, к мусульманскому духовенству (а прежде всего к верхушке духовного сословия — улемам и шейхам), о том, что рошани решительно покончили с соблюдением шариата, с различными мусульманскими религиозными обрядами ².

---

¹ Перевод с пушту принадлежит М. Г. Асланову. См. указанную его работу, стр. 25.

² К сожалению, ни ахунд Дарвеза (1533—1638; последняя дата точно не установлена), ни Хушхаль-хан хаттак (1613—1691), дед вышеупомянутого Афзаль-хана, ничего не сообщают о другой стороне борьбы рошани, непосредственно направленной против ханов, против племенной знати.

Так, Хушхаль-хан, один из виднейших афганских поэтов XVII в., в лирических тонах оплакивает «порчу нравов» и полное падение власти и авторитета мусульманского духовенства в Тирахе, являвшемся одним из очагов рошанийского движения, завосвавшего немало сторонников среди афганских племен афридиев и оракзаев. Он писал:

Не слышно во всем Тирахе призыва муэдзина;
Утром ты услышишь лишь пение петуха.
Оракзаи все наперечет еретики,
А еще пуще еретики афридии.
В исламе есть столпы, веленья, дозволенное и недозволенное,
Не ведают о том афридии, оракзаи,
Не совершают они молитвы при погребении,
Нет у них также имама.
Не платят они закята, не совершают
Поминок, бога они не боятся¹.

В другом месте тот же Хушхаль-хан сообщает о людях племени бангаш, в массе примкнувшего к рошани:

«Среди бангашей много еретиков, не ведающих о велениях шариата; разве бангаши — пахтуны (афганцы)? Посмотри на них — кто они?

Нет у них ни уважения к происхождению, ни веры, ни имама»².

В последнем из цитированных стихотворений Хушхаль-хана отмечается весьма важный на наш взгляд факт. Поэт указывает, что у впавших в ересь бангашей полностью отсутствует уважение к происхождению. Не будет натяжкой предположить, что это неуважение к происхождению бангаши-рошани в первую очередь проявляли именно к ханам, чье привилегированное положение основывалось на происхождении из ханского рода племени (хан-хелю), рода, представителям которого наследственно принадлежала ханская власть.

В своем сочинении «Тазкират аль-Абрар ва-ль-Ашрар» («Деяния праведных и злых людей») другой современник рошанийского движения и лютей ненавистник Баязида Ансари — ахунд Дарвеза — дает более ограниченный материал о последствиях деятельности рошани. Поскольку сам ахунд Дарвеза был представителем мусульманского духовенства, которому сектанты наносили удар за ударом, его более всего инте-

---

¹ Хушхаль-хан. Диван его стихотворений. Литографированное издание, 1928, т. II, стр. 218. Цитирую перевод с пушту, сделанный М. Г. Аслановым (Ук. соч., стр. 22). Имеется и английский перевод этого стихотворения в книге Н. С. R a v e r t y. Selections from the poetry of the Afghans. . . , стр. 212.

² Там же, т. I, стр. 62. Цитирую по переводу с пушту, сделанному М. Г. Аслановым (См. Ук. соч., стр. 22).

ресует религиозно-догматическая сторона вопроса и судьбы духовного сословия. Он отмечает непримиримую враждебность Баязида Ансари к улемам и шейхам¹. Он вынужден признать, что к рошани примкнуло большинство афганцев, живших на склонах Сефид-Куха (Спингара), что они перестали совершать намаз, соблюдать пост, платить закят, стали жечь коран и хадисы². Тот же ахунд Дарвеза с горечью признает, что его антирошанийская пропаганда по существу окончилась полным провалом и что единственным действительно эффективным средством подавления этого движения является свирепый террор, осуществляемый «государем ислама», т. е. сильным феодальным правителем, который мог бы защитить интересы ханов и духовенства. Возможно, что ахунд Дарвеза имеет здесь в виду могольских падишахов, которые действительно помогли афганской эксплуататорской верхушке учинить жестокую расправу над сектантами³.

Высказанное ахундом Дарвеза заветное желание поскорее обзавестись «государем ислама», основная функция которого будет заключаться в том, чтобы рубить головы сектантам, возглавившим борьбу народа, явно перекликается с тоской хаттакского феодала (Афзаль-хана) по «карающей руке хакима». Эти высказывания являются показателем глубины и непримиримости классовых противоречий между эксплуатируемыми и эксплуататорами, проявившимися в афганском обществе XVI—XVII вв.

Эти высказывания убедительно говорят о том, почему собственно афганские ханы и духовенство стали испытывать такую острую потребность в создании своего государства с его аппаратом насилия. В. И. Ленин писал: «Когда появились классы, везде и всегда вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт — государство»⁴.

Прежде чем перейти к вопросу о том, какое содержание вкладывал Баязид Ансари в идею равенства, явившуюся стержнем всего его учения, в какую форму облекалась эта идея

---

¹ L e u d e n. Ук. соч., стр. 401.

² Ахунд Дарвеза. Тазкират аль-Абрар ва-ль-Ашрар. Литографированное издание 1900 г., стр. 88—89. Привожу по работе М. Г. Асланова (Ук. соч., стр. 19).

³ Лейден, за точность которого нельзя поручиться, следующим образом излагает это высказывание ахунда Дарвеза: «Поскольку власть религии и предписаний религии слабы без (поддержки. — И. Р.) власти государя, мои усилия оказались бесплодными, ибо в это время не было государя ислама, чтобы отрубить головы еретикам. Поэтому происходило так, что вместо каждого невежественного афганца, которого я удерживал от присоединения к нему (Баязиду Ансари. — И. Р.), постоянно переходили к нему два других» (L e u d e n. Ук. соч., стр. 385).

⁴ В. И. Л е н и н. Соч., т. 29, стр. 442.

главой секты рошани, и, наконец, в чьих интересах и какими способами он пытался осуществить равенство между людьми в социально-экономических условиях афганского общества XVI в., — необходимо предварительно остановиться на некоторых других сторонах религиозных, а вместе с тем общественно-политических взглядов Баязида Ансари. Повторяем, в нашем распоряжении был слишком ограниченный и отрывочный материал, чтобы составить полное представление о мирозерцании Баязида Ансари, однако все же возможно проследить внутреннюю связь между различными сторонами или элементами его учения, связь, придающую этому учению характер целостности и единства.

Как уже упоминалось выше, Баязид Ансари в религиозной форме провозгласил «путь спасения» открытым и для раба, и для хамсая, и для лично свободных, хотя и подвергавшихся закабалению и эксплуатации. Конкретное содержание этого «пути спасения» определялось борьбой трудящихся и эксплуатируемых против эксплуататоров, борьбой за свое земное счастье, а не за райское блаженство в загробной жизни. Идея равенства раба, хамсая и свободного перед богом в условиях поднявшегося народного движения была религиозной формой утверждения их равенства на земле, в противовес привилегиям феодализирующейся племенной знати и духовенству. Это показывает, что Баязид Ансари вышел за пределы традиционных и ограниченных представлений первобытно-общинного строя, в котором равенство основывалось на коллективной собственности племени или рода и выражалось в форме равенства между членами племени и рода, связанными между собой теснейшими узами родственных отношений. Они были равны между собой в качестве членов общей родовой организации, основанной на единстве происхождения от общего предка.

Другой формы равенства первобытно-общинный строй не знал, и она не могла быть ему доступной. Равенство в его естественной, примитивной форме равенства членов рода или племени между собой не могло стать идеологическим оружием Баязида Ансари и потому, что разложение первобытно-общинного строя все больше подрывало старые формы коллективной собственности на землю. С другой стороны, некоторые традиционные представления и институты, выросшие на почве первобытно-общинного строя, уже превратились к этому времени в свою противоположность и в средство утверждения господства эксплуататорской верхушки афганских племен, маскировавшей при помощи сильных еще патриархальных отношений ту эксплуатацию, которой ханы и верхушка племени подвергали не только рабов и хамсая, но и свободных членов племени. В этих конкретно исторических условиях идея равенства,

выражавшая интересы эксплуатируемых против эксплуататоров, получила у Баязида Ансари не только новое (уже классовое) содержание, но облекалась и в новую форму, качественно отличную от естественной формы равенства членов племени, фратрии или рода между собой.

Делению по роду, фратрии и племени Баязид Ансари противопоставил деление на принявших его учение и присоединившихся к секте и тех, кто сохранял приверженность к ортодоксальному исламу и выступал противниками рошани. Такое деление объективно вело к ломке старой общинно-родовой организации, основанной на связи людей по происхождению, облегчало установление связей между людьми по общности классовых интересов и, вместе с тем, по связям территориальным, ибо сектанты объединялись не только как члены секты, но как члены секты, жившие на *определенной территории*, занимавшие определенный район. Если учение рошани открывало возможность «спасения» всем без исключения людям, даже наиболее униженным и придавленным, — вспомним обращение Баязида к индийцам и таджикам, являвшимся хамсам афганцев, (в связи с чем подчеркивалось, что раб, принявший новую веру, выше и достойнее корейшита), — то решающее условие превращения этой возможности в действительность Баязид видел в том, чтобы человек «осознал» себя. Это «осознание» выражалось в безоговорочном и полном принятии нового учения, вернее, новой религии, и в слепом повиновении как Баязиду Ансари, объявившему себя пророком, так и поставленным от него наставникам¹.

Для сектантов устанавливались по образцу суфиев и исмаилитов различные ступени познания и приближения к богу. Соответственно этим ступеням члены секты делились на различные разряды (хильват), повидимому находившиеся в иерар-

---

¹ Баязид учил — «таково слово всевышнего: я ближе к человеку, чем его собственная шея; нет расстояния между мной и человеком. Я один с человеком, однако человек этого не знает. Человек может познать меня лишь путем усиленного чтения (в своем переводе этого места из «Дабистана» К. А. Антонова предположительно ставит в скобках «коран», хотя совершенно не исключена возможность, что Баязид подразумевал в этом контексте не коран, а свою собственную книгу откровений — «Хайр аль-Байан»). Он ходит всегда передо мной. Но познать меня он может лишь помня мои заветы и подчиняясь совершенному человеку (т. е., повидимому, Баязиду, — комментирует в своем переводе это место «Дабистана» К. А. Антонова)». — См. «Дабистан». Канпурское изд., стр. 308. Цит. по: К. А. Антонова. Ук. дисс., стр. 332. В историческом очерке, предпосланном газеттиру Пешаварского дистрикта, сообщается следующее о Баязиде Ансари: «Он отверг коран и учил, что не существует ничего кроме бога, который вовсе не требует какой-либо установленной формы культа, а только слепого повиновения его пророку» (Gazetteer of the Peshawar District, стр. 59).

хическом подчинении один у другого¹. Эта иерархия могла стать готовой схемой для территориально-государственной организации, поскольку и сам пророк и поставленные им наставники — пиры (буквально «старцы») претендовали не только на духовную, но и на светскую власть и действительно осуществляли ее или во всяком случае стремились установить такую власть в районах, охваченных народным движением. Весьма характерно, что Джелаль ад-дин, сын Баязида Ансари, унаследовавший от него положение главы секты, провозгласил себя «п а д и ш а х о м а ф г а н ц е в»².

Обосновывая свой авторитет и власть как главы секты и пророка (старца света — Пир-и Рошан), Баязид в противоречие со своим демократическим принципом исконного равенства людей и превосходства личных качеств над наследственными привилегиями использовал реакционную по своему существу идею о перерождении душ. Насколько можно судить, эта идея занимала весьма ограниченное и подчиненное место в учении Баязида Ансари и служила главным образом санкцией и освящением того исключительного положения, которое занимал в секте как сам пророк, так, в известной мере, и поставленные им наставники — пиры.

Таким образом, и идеология рошани, и сама организация секты, основывавшаяся на неограниченной духовной (а в тенденции — и светской) власти пророка, на иерархическом подчинении наставников-пиров пророку, а рядовых членов секты — пирам и, наконец, на разделении всех членов секты на различные разряды (чему, вероятно, соответствовали и различные их права и различная форма их участия в деятельности секты и различная степень влияния на решение общих дел), — наглядно свидетельствуют о низком уровне классового сознания трудящихся масс, готовых слепо верить в появление пророка, спасителя — мессии, наделенного сверхъестественными качествами³.

Идеология рошани и организация их секты показывают также, что тенденцией рошанийского движения было образование своего государства, в котором сам пророк превратился бы в государя, а его пиры-наставники и военачальники — в территориальных владык и правителей.

---

¹ См. К. А. Антонова. Ук. дисс., стр. 531; L e u d e n. Ук. соч., стр. 373, 375.

² К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара, стр. 195.

³ По существу эта вера мало чем отличается от «царистских иллюзий» крестьянства, подымавшегося на борьбу против феодально-крепостнического строя в условиях развитого или даже разлагающегося феодализма.

Выступая против привилегий знати и духовенства, провозглашая равенство между людьми, стремясь осуществить на деле земельное поравнение между эксплуататорами и эксплуатируемыми, способствуя ослаблению отмиравших форм рабовладельческой эксплуатации, ломая деление на рабов, хамсая и лично свободных, это движение имело объективно революционное, исторически прогрессивное значение, ибо оно нанесло сильнейший удар как старой надстройке, тормозившей развитие новых производительных сил, так и отмиравшим формам эксплуатации (рабство). Короче говоря, народное движение рошани не только не тормозило, а наоборот, в конечном счете содействовало дальнейшему широкому и быстрому развитию феодальных отношений во всем афганском обществе. Теперь остается подтвердить и обосновать эти положения на конкретных фактах деятельности сектантов и народных масс, которые шли за ними и видели в них своих вождей и руководителей в борьбе за землю и равные права.

Как уже указывалось, характерной чертой рошанийского движения была решительная насильственная борьба против ханов и духовенства. Отнятые у эксплуататорской верхушки земли и богатства по большей части делились между сектантами, а 20% (повидимому, не земли, а захваченного движимого имущества) поступало в распоряжение Баязида Ансари на общие нужды секты¹.

О том, что сектанты действительно посягали на земли племенной знати, насильственно проводя свою политику земельного поравнения, говорит следующий случай с оракзайским маликом Тором, который сначала присоединился было к движению рошани, а потом изменил Ахдаду (напомним, что последний был внуком Баязида Ансари и к нему перешло руководство движением после гибели Омара и Джелаль-ад-дина, сыновей основателя секты). Вот что сообщает об этом случае М. Г. Асланов, который правильно придает ему большое значение для понимания классовой сущности движения рошани: «В своей «Тарих-и Мурасса», написанной на пушту, Афзальхан рассказывает, что его дед (со стороны матери), упоминавшийся выше Малик Тор (из оракзаев), участвовал сначала в движении рошани, а затем изменил ему и перешел на сторону Моголов. Вот что буквально заявил малик Тор Ахдаду при ссоре с ним: «Я готов выполнить любое твое распоряжение, но не даю тебе права распоряжаться моим домом и полем»².

¹ L e u d e n. Ук. соч., стр. 415.

² М. Г. А с л а н о в. Ук. соч., стр. 9; со ссылкой на «Gulshani Roh», изд. Н. G. R a v e r t y. 1860, стр. 31.

Нам кажется, что этот рассказ Афзаль-хана (приведенный М. Г. Аслановым) убедительно подтверждает, что рошани захватывали земли племенной верхушки и делили ее между собой. Но этого еще недостаточно, чтобы установить точно, между кем и по какому принципу производился раздел и передел земли в районах, где народное движение, пусть временно, брало верх. Прежде чем перейти к этому вопросу, нужно отметить, что захвату и разделу, конечно, подвергались не только земли ханов и маликов, но также духовенства. Если рошани прекращали отправление религиозных мусульманских обрядов, сжигали коран и хадисы, если они изгоняли из районов, охваченных восстанием, непримиримо враждебных сектантам представителей мусульманского духовенства (вспомним цитированные выше стихи Хушхаль-хана: «Не слышно во всем Тирахе призыва муэдзина»), то вряд ли можно усомниться в том, что они не особенно церемонились с земельными владениями шейхов, улемов и прочих наиболее богатых и влиятельных членов духовного сословия. Вероятнее всего, эти земли не избежали судьбы земель ханства и племенной верхушки, т. е. подверглись разделу.

М. Г. Асланов в своей работе «Отражение классовой борьбы в афганской литературе XVI—XVII вв.» правильно оценивает характер движения рошани как борьбу за землю между крестьянством и эксплуататорской верхушкой афганского общества. Общность имущества, провозглашенную Баязидом Ансари, М. Г. Асланов по существу рассматривает только как попытку сохранить распределение (и периодический передел) земли согласно вешу¹. Нет никаких сомнений, что расширение землевладения ханов и духовенства могло происходить за счет земли, считавшейся тогда коллективной собственностью родственных объединений (род, племя и т. д.). Нет никаких сомнений и в том, что захват земли ханами и духовенством происходил в течение длительного срока времени, предшествовавшего возникновению народного движения рошани, и, являясь составной частью внутренне противоречивого процесса разложения первобытно-общинного строя (другой его стороной была тенденция к образованию частной крестьянской собственности), подрывал традиционные формы распределения и переделов земли равными долями между всеми членами племени².

Эксплуататорская верхушка афганского общества была непосредственно заинтересована не только в изъятии уже захваченных ею земель из-под действия веша, но и в ликвидации

---

¹ См. М. Г. Асланов. Ук. соч., стр. 10.

² Переделы земли по душам у афганцев, рассмотренные в главе II нашей работы.

этого института, который мешал ханам и духовенству закрепить за собой на основах феодальной собственности фактически присвоенные им земли. В этих условиях непосредственные производители, а в первую очередь свободные члены племени, выступая против узурпации земли эксплуататорской верхушкой и защищая свои права на землю, могли выставлять требования о восстановлении веша. М. Г. Асланов правильно связывает принцип общности имущества, провозглашенный Баязидом Ансари, с сохранением веша, который был готовой формой сохранения и поддержания общего и равного владения землей, основанного на коллективной собственности первобытно-общинного строя.

Но главный вопрос заключается не в форме, а в содержании. Этот вопрос сводится к тому, был ли раздел земли, который производили рошани, простым воспроизведением и механическим повторением традиционных форм раздела и переделов земли, унаследованных от первобытно-общинного строя? По нашему убеждению, не был и не мог быть. И вот почему — если традиционный веш в обеих его формах (передел земли по душам и «обменный веш») был формой раздела и передела земли внутри родственного союза (род, племя и т. д.) и только между его членами, то рошани производили раздел земли только между сектантами. Если в первом случае условием получения земли была принадлежность к племени, то во втором случае таким условием являлась принадлежность к секте. А это далеко не одно и то же. Прежде всего нужно иметь в виду, что хотя массовую силу рошанийского движения составляли лично свободные члены племени (правильнее будет их называть полноправными и лично свободными членами родовых общин), подвергавшиеся все большему закабалению и эксплуатации со стороны ханов и духовенства, но в борьбе, очевидно, принимали участие также и хамсая, и рабы. Как уже указывалось, Баязид Ансари не только не закрывал им доступа в секту, но, наоборот, принимал особые меры для привлечения их в число рошани и особо подчеркивал, что «путь спасения» открыт и хамсая и рабу.

Спрашивается, могли ли хамсая и рабы быть обойденными при разделе земли, отнятой сектантами у ханов и духовенства? Думается, что не могли. Хотя в нашем распоряжении нет фактов, которые непосредственно свидетельствовали бы о наделении рабов и хамсая землей наравне с другими членами секты, но существуют косвенные данные. Эти данные во всяком случае говорят о глубоком изменении социального положения и материального благосостояния рабов и хамсая в результате народного движения, руководимого сектой рошани. В своем стихотворении (оно, кстати, носит характерное название «Мир

перевернулся») хаттакский феодал поэт Хушхаль-хан писал о последователях этого движения:

Уборщик мусора теперь наедается и пловом, и рисом, и сладостями;
И нечистое стало дозволенным для потомков Мухаммада.
Самый жалкий раб получил власть над его собственником¹.

Сам хан и представитель эксплуататорской верхушки Хушхаль-хан с нескрываемым возмущением отмечает неслыханный факт, что деревенский уборщик мусора, самый низкий из низких хамсая (как правило, уборщик мусора входил в число так называемых слуг, фактически полукрепостных-полурабов афганской общины, а по своей кастовой принадлежности в индийской общине был членом низшей «неприкасаемой» касты) не только ест досыта, но осмеливается употреблять сласти в пищу. Действительно, «мир перевернулся!».

Таким образом, несмотря на то, что в нашем распоряжении пока нет точных данных о наделении рабов и хамсая землей (по нашему предположению такое наделение землей было неизбежным в ходе объединения различных групп эксплуатируемых под знаменем рошанийской ереси и в условиях широкого допуска рабов и хамсая в состав секты), можно с достаточным основанием утверждать следующее². Следствием народной борьбы было освобождение рабов в районах, охваченных восстанием; значительное улучшение социального положения и материального благосостояния хамсая; в результате захвата земли у ханов и духовенства и раздела этой земли между членами секты был нанесен удар родовой общине и сделан новый шаг вперед на пути подрыва ее родовой организации и превращения ее в общину соседскую.

---

¹ Перевод Раверти. См. H. G. R a v e r t y. Selections from the poetry of the Afghans. . . , стр. 178—179.

² Экономической основой общего выступления свободных, хамсая и рабов под знаменем секты рошани было не только то обстоятельство, что все они подвергались эксплуатации (хотя и в разной степени), но и формы этой эксплуатации сближались одна с другой. С одной стороны, беднейшие из свободных лишались своей земли и переходили в разряд хамсая. С другой стороны, эксплуатация рабов приобретала явно крепостнический характер, что вело к сближению экономического положения и социального статуса рабов и хамсая. В. А. Ромодин приводит чрезвычайно интересное в этой связи свидетельство Лэмсдена, правда оно относится к XIX в., но рабы ведь не сразу превратились в полукрепостных земледельцев (процесс этот шел длительное время): «На юсуфзайской равнине сейчас есть целые деревни рабов, именуемых гулямами, единственным признаком рабского положения которых является то, что они не могут уйти в другую часть этой области. Они обрабатывают землю хана, имеют свой собственный скот, живут в домах, которые предоставляются им ханами и получают продукты земледелия в обмен за свой труд». (В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 246).

Если движение рошани непосредственно и не повело к земельному уравнению полноправных и свободных членов племени (являвшихся тем самым и членами родовой общины) с рабами и хамсая, то бесспорным результатом этого движения и общей борьбы и свободных, и хамсая, и рабов против их общих классовых врагов во всяком случае было как сближение социального статуса рабов, хамсая и свободных, так и их отношения к основному средству производства — земле. Это сближение свободных производителей с рабами и хамсая по их социальному положению и по отношению к земле и явилось существенным проявлением процесса складывания крестьянства в класс¹.

Теперь можно снова вернуться к явлениям из области надстройки и остановиться на том любопытном идеологическом обосновании, которое рошани давали борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров вплоть до санкции физического истребления носителей этой эксплуатации, захвата и раздела их земли и имущества между членами секты. Баязид Ансари попросту объявил противников секты, отказывавшихся принять новую веру и признать ее пророка, юридически несуществующими, не имеющими права владения землей и имуществом и, наконец, подлежащими физическому истреблению. Глава рошани учил, что «каждый, кто не познал себя и бога — не человек. . . на основании этого он приказал убивать противников, не познавших себя, ибо они — животные. . . Он сказал, что каждый, кто не познал себя и не воспринял вести о вечной жизни, является мертвым. Имущество же мертвого, у которого наследники также мертвы, переходит к живущим. На основании этого он также отдал приказ убивать не познавших»².

Ни у основателя секты рошани, ни у его преемников по руководству этой сектой слово не расходилось с делом. Встречая ожесточенное сопротивление со стороны ханов и духовенства, Баязид Ансари не останавливался перед казнями врагов.

---

¹ Однако имеющиеся в нашем распоряжении факты не дают возможности всесторонне проследить этот процесс и установить, как далеко он зашел у афганцев к XVIII в.

² См. «Дабистан». Канпурское изд., стр. 308; изд. 1809 г., стр. 386. Перевод К. А. Антоновой. (Ук. соч., стр. 193). Ахунд Дарвеза следующим образом излагает этот призыв Баязида Ансари:

Вперед, друзья, будьте бодры,
Все остальные на земле подобны мертвецам;
Они не познали всей широты жизни:
Богатое наследство мертвых принадлежит живым,
Поэтому личности мертвых, их богатства и жены ваши по праву.

Цит. по L e u d e n. Ук. соч., стр. 328.

Как передает Лейден, Баязид Ансари только в одном случае предал казни около 300 человек¹. Борьба носила открытый и весьма ожесточенный характер. В этих условиях Баязид Ансари даже запретил членам секты общаться с «непознавшими»; брать из их рук воду и принимать совместно с ними пищу². В то же время рошани, нимало не считаясь ни с патриархальными обычаями афганцев, ни с нормами шариата, обрекавшими женщину (хотя и по-разному) на приниженное и неполноправное положение, в одинаковой мере обращались к женщинам и мужчинам со своей проповедью и созывали их на совместные собрания сектантов³. Это свидетельствует о большом демократизме, присущем народному движению рошани.

Как уже говорилось, к рошани в первую очередь примыкали обездоленные и малоимущие из свободных, хамсая и рабы⁴. Поднимаясь на борьбу с эксплуататорами, многие из участников движения даже не имели оружия, т. е. принадлежали к беднейшей части тогдашнего афганского общества, поскольку в условиях постоянной войны между племенами и даже родами не только свободный афганец, но и хамсая имели оружие и редко расставались с ним. М. Г. Асланов приводит в своей работе о рошани характерный факт. Во время боев с могольскими войсками Баязиду Ансари пришлось вооружить тростником вместо пик 300 присоединившихся к нему афридиев и оракзаев, так как они вообще не имели оружия⁵. В ходе борьбы сектанты зачастую вооружались за счет оружия, захваченного ими у противника.

Что же касается классового характера движения, то он не внушал особых сомнений современникам событий. Это отразилось и в оценках рошани феодальными авторами исторических хроник. Движение рошани было крестьянским⁶.

---

¹ L e y d e n. Ук. соч., стр. 390.

² «Дабистан», Канпурское изд., стр. 307. Перевод К. А. Антоновой. (Ук. дисс., стр. 332).

³ L e y d e n. Ук. соч., стр. 378.

⁴ М. Г. Асланов указывает: «Дарвеза все время подчеркивает, что Баязид обращался к простонародию (عوام), к «черни» (М. Г. Асланов. Ук. соч., стр. 13).

⁵ См. М. Г. Асланов. Ук. соч., стр. 5.

⁶ На основании тщательного изучения первоисточников и средневековых афганских и индийских исторических сочинений М. Г. Асланов доказал, что хронисты, писавшие в XVI и XVII вв. о деятельности Баязида Ансари и сектантов, называли это движение то рошанийским (روشانى), то крестьянским (روستائى), а в некоторых случаях (например, Бадаони в своей «Мунтахаб ат-Таварих») употребляли оба наименования (рошани — рошанийское и ростай — крестьянское) в качестве однозначных и совпадавших (См. М. Г. Асланов. Ук. соч., стр. 12—13).

Это движение было открытым взрывом классовых противоречий между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

Но именно потому оно не могло охватить все афганские племена. Такие скотоводческие кочевые и полукочевые племена, как, например, вазиры, остались в стороне от борьбы. Несомненно, это было связано с тем, что у вазиров социально-экономический строй еще сохранял более или менее устойчиво свою родовую организацию и процесс ее разложения находился на начальной стадии, классовые противоречия не достигли у них в XVI—XVII вв. сколько-нибудь заметной остроты. Свою роль, конечно, сыграло и то обстоятельство, что вазиры сохраняли кочевой быт, скотоводство продолжало играть важную, а может быть, и решающую роль в их экономической жизни.

С другой стороны, у таких племен, как хаттаки, где процесс развития феодальных отношений зашел очень далеко, восстание эксплуатируемых масс было сравнительно легко и быстро подавлено эксплуататорской верхушкой, располагавшей явным перевесом сил. Очень длительная и упорная борьба развернулась в районе, занятом юсуфзаями. Здесь находился один из основных очагов движения рошани. В ходе развернувшихся событий масса свободных юсуфзаев проявила большую неустойчивость. Они то присоединялись к рошани, то изменяли им и поддерживали «собственных» ханов и мусульманское духовенство. Эта неустойчивость и колебания массы свободных юсуфзаев, видимо, объясняются, с одной стороны, наличием острых противоречий между массой свободных и феодализовавшейся эксплуататорской верхушкой, а с другой стороны — заинтересованностью значительной части свободных в сохранении закрепощенного состояния хамсая и их боязнью освобождения последних¹.

Едва ли не с наибольшей силой рошанийское движение охватило племена халилей, мухаммадзаев, гагиани и равнинных момандов. И это вполне понятно. Среди этих племен развитие феодальных отношений заметно проявило себя к этому времени. Особенность положения заключалась в том, что во-первых, процесс узурпации земли эксплуататорской верхушкой и закабаления трудящихся зашел в XVI—XVII вв. у них.

---

¹ Как отмечалось выше, к XIX в. все основные земледельческие работы в равнинной части страны юсуфзаев велись подневольным трудом хамсая, число которых в несколько раз превышало число свободных. Это положение явилось результатом нескольких столетий исторического развития юсуфзаев и в той или иной мере было свойственно их обществу в XVI—XVII вв., что и лишало всякой последовательности и решительности борьбу свободных против привилегированной эксплуататорской верхушки юсуфзаев и создавало общность интересов свободных и ханов в деле сохранения хамсаята.

гораздо дальше, чем у юсуфзаев, что придавало несравненно большую остроту классовым противоречиям, и, во-вторых, и халилы и мухаммадзаи и равнинные моманды, занимавшие плодородные поливные земли по берегам нижнего течения рек Кабул-Дарьи и Свата, подвергались непосредственному гнету и эксплуатации не только со стороны «своих» ханов и верхушки, но и со стороны могольских феодалов. Последние имели здесь свои многочисленные джагиры.

Все это обусловило длительное и активное участие халилей, равнинных момандов и мухаммадзаев в движении рошани. Но, с другой стороны, именно здесь наиболее эффективным и прочным оказался союз местной эксплуататорской верхушки с могольскими феодалами, союз, направленный на подавление классовой борьбы трудящихся. Равнинный характер местности создавал благоприятные условия для действий карательных экспедиций тяжелых на подъем и неповоротливых могольских войск, всегда плохо воевавших в горах. Кроме того, надо иметь в виду, что земли халилей, мухаммадзаев и равнинных момандов располагались в непосредственной близости от Пешавара, важнейшей военной базы и крупнейшего опорного пункта Могольской державы на северо-западной границе Индии. Все это облегчало могольским феодалам и их союзникам из числа местной эксплуататорской верхушки расправу с движением рошани среди халилей, мухаммадзаев и равнинных момандов¹.

Афридии и оракзаи неоднократно выступали с оружием в руках по призыву Баязида Ансари и его преемников, унаследовавших после него руководство сектой. Однако участие афридиев и оракзаев в движении рошани нельзя объяснять исходя только из внутренних классовых противоречий, возникавших на основе антагонистического процесса разложения первобытно-общинного строя у этих племен, ибо, подобно вазирам, они были слабо затронуты этим процессом по сравнению с хаттаками, халилями, мухаммадзаями, равнинными момандами и даже равнинными юсуфзаями. Самая форма участия афридиев и оракзаев в движении рошани обнаруживает весьма слабую степень классовой дифференциации у этих племен, ибо они обычно выступали общей массой во главе со своей племенной верхушкой, выступали в качестве племен.

---

¹ В начале XIX в. Эльфинстон писал об этих племенах: «В силу того, что эти племена населяют открытую равнину, они всегда должны были находиться в полной зависимости от шаха. Они являются наиболее подчиненными из всех афганских племен и поэтому подвергаются гнету, который переносят с большой долей недовольства. Их основная обида заключается в том, что шахские войска производят потравы их полей». (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 359).

Мы характеризовали народное движение рошани в целом как проявление классовых противоречий в афганском обществе, находившемся в условиях разложения первобытно-общинного строя и становления феодализма. Но такое определение правильно лишь в общем виде. К этому движению могли присоединиться и действительно присоединились отдельные роды и целые племена во главе со своими маликами и ханами. В одних случаях это было обусловлено соперничеством различных племен, их старой враждой, возникшей на почве борьбы племен и родов за расширение своей территории, за захват новых земель и пастбищ. В других случаях решающей побудительной причиной являлось стремление отдельных племен и родов использовать создавшуюся обстановку для грабежа соседних территорий, для ограбления богатых караванов на торговых путях. Определенную роль играло и то обстоятельство, что племена, бедные и занимавшие неудобные земли, плохо обеспеченные пастбищами, стремились (в обстановке острой классовой борьбы и подлинной войны, развернувшейся между эксплуататорами и эксплуатируемыми) поправить свои дела за счет соседних более богатых, но далеко не всегда более сильных племен, владевших лучшими землями и пастбищами. Наконец, нельзя забывать, что движение рошани было не только проявлением классовой борьбы, но было направлено и против чужеземных поработителей — могольских феодалов, что также создавало почву для присоединения целых племен к этому движению.

Сказанное объясняет тот факт, что афридии и оракзаи принимали активное участие в событиях, связанных с деятельностью рошани. Эти племена выступили на стороне сектантов и оказали им большую военную поддержку. Они неоднократно предоставляли руководителям секты приют на своей территории и давали им возможность устраивать там военные базы и проповедовать свое учение. Помощь афридиев и оракзаев давала рошани возможность перерезать важнейшую военную и торговую дорогу, соединявшую Пешавар с Кабулом. Имея поддержку афридиев и оракзаев, рошани получили широкий оперативный простор для своих военных действий против могольских войск, создавая в зависимости от обстановки угрозу то Кабулу, то Пешавару — важнейшим опорным пунктам Моголов.

При всем этом афридии и оракзаи, хотя они помогали и поддерживали сектантов, руководствовались собственными интересами. Являясь бедными племенами, занимавшими территорию с малопродуктивной почвой, они стремились расширить ее за счет племен, населявших долину нижнего Кабула. Афридии были также заинтересованы в расширении своих зимних

пастбищ, расположенных в предгорьях этой долины. Они также использовали затруднения Моголов, связанные с движением рошани, чтобы подвергать систематическому разграблению торговые караваны, следовавшие Хайберским проходом. Вместе с тем не приходится отрицать, что массу рядовых членов племен аффридиев и оракзаев привлекал и демократический характер движения рошани и его антимогольская направленность.

После семидесятилетней героической и упорной борьбы движение рошани было подавлено (в начале XVII в.) соединенными силами Могольской державы и местной эксплуататорской верхушки. Три последовательно занимавшие могольский престол императора — Акбар (1556—1605), Джахангир (1605—1627) и шах Джахан (1627—1658) уделяли серьезное внимание борьбе с рошани. В военных действиях против повстанцев участвовали многочисленные могольские войска. Временами на северо-западной границе Индии действовали основные военные силы, которыми располагала обширная и в ту пору могущественная держава Моголов. Большая активность, проявленная могольскими падишахами в борьбе с рошани, объясняется не только классовой природой этого движения (оно могло оказаться «опасным примером» для индийского крестьянства), но и крупнейшими стратегическими и торговыми интересами, связанными с господством Моголов над северо-западной границей Индии и пролегающими здесь военными дорогами, служившими одновременно путями сухопутной транзитной торговли, открывавшими индийским товарам выход на север и запад (в Афганистан, Среднюю Азию, Персию и дальше к бассейнам Черного и Средиземного морей). Нет никаких сомнений, что военное вмешательство Моголов значительно затруднило борьбу рошани и было одной из причин поражения движения ¹.

¹ В этих событиях позорную и изменническую роль играла эксплуататорская верхушка афганцев. Во имя своих корыстных классовых интересов она вступила в союз с чужеземными поработителями — Моголами, союз, скрепленный денежными подачками, пожалованием земельных владений, титулов и званий от делийского двора. Позорную продажность афганской верхушки бичевал впоследствии и Хушхаль-хан, вступивший в половине XVII в. в борьбу с Моголами, отстаивая независимость возникшего к этому времени Хаттакского княжества, государем которого он стал. Он писал:

Афганцы помешались на должностях и званиях;

Но избави нас бог от подобной напасти.

Афганцы имеют большой недостаток,

Они чванятся могольскими титулами и званиями.

Стыд и достоинство, слава и честь для них потеряли значение.

Но они, конечно, без умолку болтают о должностях, титулах и золоте.

См. H. G. R a v e r t y. Selections from the poetry of the Afghans. ..., стр. 206.

Другой причиной поражения рошани была заинтересованность части свободных в сохранении придавленного положения и эксплуатации хамсая, что снижало решительность и последовательность борьбы свободных против ханов и духовенства и подрывало союз свободных с рабами и хамсая, как это наиболее ярко видно на приведенном выше примере юсуфзаев. Далее, необходимо учесть пестроту социальных отношений у различных афганских племен, стоявших на различных ступенях разложения первобытно-общинного строя, крепость и силу патриархальных отношений у многих племен и, наконец, огромную экономическую раздробленность страны¹.

Все это невероятно затрудняло общее выступление эксплуатируемых против эксплуататоров и облегчало последним подавление движения рошани, крестьянского в своей основе. Не приходится отрицать, что во многих случаях борьба повстанцев принимала «разбойный» характер (это в особенности относится к выступлениям афридиев и оракзаев). Несмотря на многочисленные слабости, присущие этому движению, оно является ярким и поучительным примером классовой борьбы эксплуатируемого большинства против эксплуататорского меньшинства на заре афганского феодализма и сыграло прогрессивную роль во всем развитии афганского общества.

* * *

В подавлении движения рошани крупную роль сыграла знать хаттакского племени, выступавшая на стороне Моголов. Бурные события XVI—начала XVII вв. привели к дальнейшему укреплению Хаттакского княжества и местной знати удалось значительно усилить и укрепить свою власть в этом княжестве.

По истории социально-экономических отношений у хаттаков и в особенности по их хозяйству доступные нам источники (включая «Хаят-и Афгани» и использованные хроники) дают чрезвычайно ограниченный материал. Он совершенно недостаточен, чтобы составить сколько-нибудь полное представление о развитии феодализма у хаттаков. Достаточно сказать, что

---

¹ Эта раздробленность усугублялась тем обстоятельством, что старая родо-племенная организация афганского общества распадалась и разлагалась, а новая территориально-государственная еще не возникла. В своей работе «Франкский период» Ф. Энгельс указывает на аналогичный период в развитии германского общества: «Таким образом, народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка сама удовлетворяла свои нужды, сама производила необходимое, тем более что продукты отдельных близлежащих марок были почти в точности одни и те же». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 391).

остаётся неизвестным, были ли у них или не были хамсая, какой характер имело сельское хозяйство, какова была структура деревенской общины. Однако мы все же считаем полезным вкратце остановиться на имеющихся сведениях о разложении первобытно-общинного строя у хаттаков. Это целесообразно сделать именно здесь, после изложения материала о движении рошани, поскольку именно в стране хаттаков в XVI в. образовалось первое (насколько позволяют судить данные до сих пор известных источников) афганское феодальное княжество.

В XVI в. хаттаки, теснимые более сильными афганскими племенами, окончательно заняли территорию, которая с тех пор служит местом их расселения. Она включает южную часть нынешнего дистрикта Пешавар, восточную часть дистрикта Кохат и северо-восточную часть дистрикта Банну. Восточную границу земель хаттаков составляет река Инд, от впадения в нее Кабул-Дарьи до Калабага. Одно время хаттаки овладели обширными землями на левом берегу Инда, но впоследствии утратили эти завоевания¹.

Хаттаки — весьма неоднородное племя. Четыре его подразделения, а именно — моголь, сини, урия-хель и хулузай — не считаются хаттакскими по своему происхождению, а были усыновлены этим племенем². В прошлом хаттаки были кочевниками-скотоводами, но после оседания на завоеванную ими территорию в основном перешли к земледелию. Однако еще и в середине XIX в. меньшая часть хаттаков продолжала заниматься скотоводством. Пастбища кочевых хаттаков располагались в Кохатских горах, разделявших поселения оседлых хаттаков Пешавара и Кохата.

Земледелие у хаттаков, по данным XIX в., было и поливное, и богарное. Основным средством орошения служили колодцы³. Земли хаттаков богаты ископаемыми. Из них в средние века разрабатывались богатейшие месторождения квасцов и горной соли в районе Калабага⁴. Калабагской солью снабжались соседние области Афганистана, частично она вывозилась и в Индию. Добыча и торговля солью давала средства существования многим хаттакам. Через земли хаттаков, расположенные между Кохатскими горами и Кабул-Дарьей, проходила важнейшая военная и торговая дорога, связывавшая Пенджаб с Афганистаном (Лакор-Аттокская переправа на Инде — Пешавар-Хайберский проход—Кабул). Как уже указывалось, эта дорога имела первостепенное стратегическое и экономическое значение для Могольской державы.

¹ См. R i d g w a y. Ук. соч., стр. 94.

² См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 319—320.

³ Там же, стр. 321 и R i d g w a y. Ук. соч., стр. 159.

⁴ См. Gazetteer of the Bannu District, стр. 19—20.

Хаттаки северные (пешаварские) и южные (кохатские) с самого начала расселились чересполосно, ибо были разобщены между собой Кохатскими горами. Более того, в процессе расселения различные подразделения этого племени перемешались между собой. Так возникло уже в XVI в. новое, уже территориальное деление, на хаттаков Акора (северные или пешаварские хаттаки) и Тери (хаттаки Кохата и Банну). Война, видимо, имела большое значение в жизни хаттаков. Так, Мухаммад Хаят-хан сообщает о маликах этого племени, что они «руководили хаттаками своей ветви («шах») в разбое и грабеже на больших дорогах»¹. Здесь, очевидно, имеется в виду участок упоминавшегося караванного пути Лахор—Кабул, пролежавший по землям хаттаков. По части грабежей в XVI в. особенно отличался Чинджо, малик подразделения, или ветви шахинхель. Он построил заставы вдоль «пешаварского и лохарского большого пути от Инда до Наушера» и расположил свою укрепленную ставку в горах к югу от Аттока. По словам автора «Хаят-и Афгани», «путешественники стали его добычей»².

Могольская держава была весьма заинтересована в сотрудничестве и поддержке хаттакской знати. Их помощь могла пригодиться могольским феодалам как в деле подавления начавшегося народного движения ршани (в чем была заинтересована и эксплуататорская верхушка хаттаков), так и для обеспечения безопасности пути от Аттока до Пешавара. Превратив хаттакскую верхушку в своих друзей и союзников, могольские власти убивали сразу двух зайцев — они тем самым не только прекращали набеги и грабежи хаттаков на пешаварском тракте, но могли теперь использовать вооруженную силу хаттаков против юсуфзаев, совершавших из-за Кабул-Дарьи систематические налеты на торговые караваны и военные обозы. В этих условиях понятными становятся мотивы действий падишаха Акбара, который возложил на хаттакского малика Акора (сына упомянутого выше малика Чинджо) охрану пешаварского тракта, пожаловав ему в джагир территорию северных хаттаков (Акора)³.

Это, разумеется, способствовало усилению, видимо, и без того значительной, власти малика Акора над своими соплеменниками. По сообщению автора «Хаят-и Афгани», малик Акора вскоре после того, как он принял службу и джагир от Моголов, стал облагать налогами членов хаттакского племени. «С хаттаков ветви Болак он брал четвертую часть урожая

---

¹ См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 321.

² Там же.

³ Там же. Об этом пожаловании упоминается и в газеттире дистрикта Пешавар (Gazetteer of the Peshawar District, стр. 139).

и две рупии с кульбы. Каждый колодезь был обложен налогом в 15 рупий ежегодно»¹. С другого подразделения хаттаков, занявшего территорию у Наушахра (нынешняя Наушера. — *И. Р.*), «он брал десятую часть урожая и по 3 рупии с каждой доли земли»². С этого же времени вожди хаттаков стали утверждаться могольскими падишахами, получая от них жалованную грамоту («санад») ³. Должность вождя или, вернее, правителя хаттаков была наследственно закреплена в роде малика Акора. Его преемники получили от Моголов звание раис (вождь) и дастар-мухтар (облеченный властью, уполномоченный) ⁴. Если первый титул выражал отношение маликов Акора к собственному племени, то второй подчеркивал их зависимость от могольских падишахов.

Крупный доход получали хаттакские правители с соляных копей Калабага. Со времен малика Акора соль облагалась следующим налогом: для хаттаков он был установлен в размере одной рупии с груза 9 быков, для членов других афганских племен в размере одной рупии с груза 8 быков (т. е. в повышенном размере). С соляных копей Малгина налог был меньше — 1 рупия с груза 11 быков, ибо соль была здесь худшего качества ⁵. Хаттакские правители имели свои дружины из нукеров (военных слуг). Автор «Хаят-и Афгани» отчетливо видит различие между дружиной и племенным ополчением, употребляя в первом случае термин сипах-нукар (воин — военный слуга), а во втором — каумки фаудж (войско племени) ⁶. Ханский род племени и два других знатных рода находились у хаттаков в привилегированном положении, пользовались личной неприкосновенностью и были, повидимому, изъяты из сферы кровной мести, что, впрочем, не мешало хаттакским правителям безжалостно истреблять своих ближайших родственников, если они видели в них претендентов на власть вождя ⁷.

---

¹ М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 322.

² Там же. Упоминаемый источником термин «доля земли» свидетельствует, что хаттаки, как и другие афганские племена, произвели раздел земли между отдельными членами племени. Был ли этот раздел произведен по генеалогическому древу или по душам, остается неизвестным.

³ См. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 139.

⁴ См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 323.

⁵ Там же, стр. 322.

⁶ Там же, стр. 323 и 324.

⁷ См. R. T. R i d g w a y. Ук. соч., стр. 94. Так, например, Афзаль, внук хаттакского хана Хушхалая, умертвил своего дядю Абдуль Кадира и десятерых своих родных братьев вместе с их сыновьями, похоронив их затем в общей могиле. H. G. R a v e r t y. Selections from the poetry of the Afghans, стр. 269.

Преемники малика Акора продолжали нести службу у Моголов по охране Пешаварского пути и получать от них инвеституру, денежные награды, титулы и земельные пожалования. При могольском падишахе шахДжахане правителем хаттаков был утвержден Хушхаль-хан (1613—1690). С контингентом хаттакских воинов он участвовал в походах царевича Мурад Бахша, сына шахДжахана, на Декан, отличился при взятии крепости Тарсгадда и получил в награду 400 тыс. рупий деньгами и джагир, приносящий 150 тыс. рупий ежегодно. На средства этого джагира Хушхаль-хан должен был содержать 500 всадников и 1000 пехотинцев для службы Моголам¹. Хушхаль-ханом был произведен земельный кадастр на территории хаттаков. «Он приказал произвести съемку всех годных для обработки земель; определил границы каждого поля и занес все в кадастр и по числу членов семьи предоставил каждому человеку соответственное количество земли для обработки»².

Переделов земли хаттаки в дальнейшем не практиковали. Насколько можно судить по приведенным отрывочным данным, кадастр Хушхаль-хана преследовал цель упорядочить налоговую эксплуатацию непосредственных производителей. Именно для этого было произведено дополнительное наделение земель за счет пустошей, проведен обмер полей и установлены их точные границы³. Кадастр Хушхаль-хана, конечно, не преследовал цели установления земельного равенства, свойственной обычаю переделов земли по душам у афганцев. И сам хаттакский правитель и другие ханы и малики, находившиеся в вассальной зависимости от него, повидимому, именно при проведении кадастра юридически закрепили за собой земельные владения, далеко превосходившие уже в XVII в. наделы рядовых членов племени⁴.

¹ См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 322.

² См. Н. G. R a v e r t y. Там же, стр. 148.

³ Пустоши, повидимому, уже к этому времени составляли собственность не племени, а ханов и прежде всего самого хаттакского правителя. Данные, относящиеся к XIX в., говорят, что у хаттаков ханы всемогущи и осуществляют права собственности над пустошью (горы и необработанные земли). Со всех держателей, владеющих землей, вне зависимости от того, являются ли они членами племени или нет, ханы обычно берут долю урожая или денежную ренту (Gazetteer of the Peshawar District, стр. 139).

⁴ По данным XIX в., малики хаттаков «пользуются либо землями, освобожденными от налога (инам), либо долями земли, известными у хаттаков под названием кульба» (Gazetteer of the Peshawar District, стр. 159).

Термин «кульба» был разъяснен выше. Эта земельная мера — ординарная кульба — равна площади поливной земли, которую может вспа-

В обстановке, создавшейся во времена упадка Могольской державы, Хушхаль-хан почувствовал себя достаточно сильным, чтобы попытаться завоевать независимость и стать самостоятельным князем хаттаков. Заключив союз с Ахмаль-ханом и Дариа-ханом, вождями аффридиев, он поднял восстание против Моголов. К нему присоединились и другие афганские племена. В течение пяти лет (1667—1672) продолжалась кровопролитная борьба, потребовавшая крайнего напряжения всех ресурсов Могольской державы и личного присутствия падишаха Аурангзеба на северо-западной границе Индии. Сам Хушхаль-хан продолжал борьбу до 1676 г. Повстанцы неоднократно наносили тяжелые поражения могольским военачальникам.

Хушхаль-хан был не только военным вождем восстания. В своих пламенных стихах он призывал всех афганцев сплотиться против угнетателей-чужеземцев, оплакивал отсутствие патриотического чувства и понимания общих интересов у афганцев, ставивших превыше всего интересы племени, а не родины, бичевал продажность племенной знати, льстившейся на денежные подачки, земельные пожалования и громкие титулы Моголов. В призывах Хушхаль-хана впервые в афганской классической поэзии отчетливо отражалось сознание, что афганцы, несмотря на племенные деления, представляют единый народ, имеющий общие интересы и общую родину¹.

Сам Хушхаль-хан неоднократно предпринимал поездки к юсуфзаям и другим афганским племенам с целью побудить их к вступлению в антимогольскую коалицию. Однако этому помешала разобщенность афганских племен и их взаимные раздоры. В частности, юсуфзай не могли забыть вековой вражды с хаттаками и отвергли все призывы Хушхаль-хана о совместном выступлении. Аурангзеб искусно использовал положение. Он натравливал одно племя на другое, одновременно привлекал знать на свою сторону, щедрой рукой раздавал золото, титулы и джагиры. Хушхаль-хан был вынужден отказаться от власти над Хаттакским княжеством в пользу своего сына Ашрафа, после чего удалился в добровольное изгнание, где и умер в 1690 г. Последние годы Хушхаль-хана были омра-

---

хать один человек с упряжкой быков. Вероятно, кульба предоставлялась маликам на условиях несения определенной службы хаттакскому правителю или князю.

¹ См. стихи Хушхаль-хана в переводе Раверти (*Selections from the poetry of the Afghans*, стр. 152—153). В этой поэме Хушхаль-хан говорит, что борьба может окончиться либо истреблением Моголов, либо тем, что афганцы перестанут существовать (См. там же, стр. 188, 197—198, 200, 206, 224, 235 и 240).

чены жестокой усобицей между его сыновьями. Один из них, хитрый и коварный Бахрам, перешел на сторону Моголов, и, заманив в ловушку Ашрафа, выдал его Аурангзебу. С помощью этого могольского падишаха Бахрам в конце концов стал правителем хаттаков. Его преемники продолжали сохранять вассальную зависимость от падишахов Дели. Несмотря на конечное поражение антимогольского восстания во главе с Хушхаль-ханом, оно явилось важной вехой в складывании национального самосознания афганцев и вместе с тем ускорило распад державы Великих Моголов, нанеся ей удар большой силы.

Относительно быстрый процесс разложения первобытно-общинного строя у хаттаков, что привело к возникновению у них еще в XVI в. настоящего феодального княжества, мы склонны объяснить следующими обстоятельствами:

1) Более высоким уровнем социально-экономического развития, что было связано с значительным проникновением товарно-денежных отношений, что, с одной стороны, объяснилось расположением хаттакских земель на основном торговом пути из Индии в Афганистан, а с другой, важной ролью, которую в экономике хаттаков приобрели горные промыслы, и прежде всего добыча и торговля солью.

2) Наделением хаттакских вождей землями и различными административными функциями от могольских падишахов, что, усиливая власть и увеличивая богатства хаттакских ханов, ускорило развитие феодализма.

Однако Хаттакское княжество не стало ядром более крупного государственного образования, которое распространилось бы на все афганские земли. В XVI—XVII вв. для этого еще не сложились материальные и духовные предпосылки. Вместе с тем само Хаттакское княжество было слишком слабым и территориально ограниченным, слишком уязвимым для внешней угрозы со стороны Моголов, чтобы сохранить самостоятельное существование.

Основателями большого феодального государства, заложившего основу политического объединения афганцев, стали не хаттакские правители и не гильзайские феодалы (создавшие афганское княжество в начале XVIII в.), а дурранийские ханы, выступившие в середине XVIII в. За это время не только продвинулся вперед процесс развития феодализма у афганцев, но коренным образом изменилась и внешнеполитическая обстановка. Распалось государство Великих Моголов, господствовавших в XVI—XVII вв. над восточным Афганистаном. Не стало и Сефевидской державы, угнетавшей западные области Афганистана.

Дальше зашедший (по сравнению с большинством племен правобережья Инда) процесс развития феодализма у племен западного Афганистана подготовил почву для образования государства, а борьба их с чужеземными угнетателями, а в первую очередь с Сефевидами, послужила последним толчком¹.

Два обстоятельства приблизили выступление афганцев Кандагара против господства персидских феодалов. С одной стороны, закрытие индийско-персидской границы Аурангзебом в 1666 г., а затем непрерывные восстания сикхов Пенджаба и распад Могольской державы повели к почти полному прекращению транзитной индийской торговли через Кандагар, что лишило афганскую знать источника дохода, а многих рядовых членов племени средств существования. С другой стороны, в обстановке, сложившейся в связи с упадком как Сефевидской, так и Могольской державы, чужеземные правители, испытывая острейший недостаток в средствах, приступили к усиленному взысканию налогов с афганцев, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами. Но, как гласит персидская поговорка, легче выжать из камня воду, чем деньги из афганца. В конце XVII—начале XVIII в. в Кандагарской области происходили почти непрерывные восстания против сефевидского беглербек Гурген-хана (принявший ислам картлийский царь Георгий XI), правителя энергичного и сурового². Сефевидские правители Кандагара возбуждали у афганских племен не меньшую, а, пожалуй, большую ненависть, чем могольские власти у афганского населения правобережья Инда. К национальному гнету в областях, подвластных Сефевидам, присоединились гонения на религиозной почве, поскольку персидские завоеватели принадлежали к шиитскому толку ислама, а афганцы оставались ортодоксальными суннитами³.

¹ В своей полемике против Симона, утверждавшего, что образование Дурранийской державы было случайностью, русский востоковед Н. А. Аристов вполне основательно указывал: «На самом деле образование Афганистана совсем не случайность, а необходимое и естественное следствие существования и роста энергичной и полной сил авганской народности. . .» (См. Н. А. А р и с т о в. Англо-индийский Кавказ. Этноко-политический и исторический этюд. СПб., 1900, стр. 42). В противовес Н. А. Аристову, продолжателю школы русских афганистов (Б. А. Дорн, Н. В. Ханьков, В. В. Григорьев и др.), представители западноевропейского буржуазного востоковедения высокомерно рассматривали афганцев как «внеисторическую народность». Так, Дармстетер писал: «У афганцев нет истории, ибо анархия не имеет истории» (D a r m e s t e t e r. Ук. соч., введение, стр. 11).

² Об этих восстаниях большой фактический материал дает «Тарих-и Сальтани», стр. 62—68. Ср. Н. Д. Миклухо-Маклай. Ук. дисс., стр. 112.

³ Подробно об этом см. И. М. Р е й с н е р. Возникновение и распад Дурранийской державы, стр. 65

Используя и разжигая давнюю вражду между гильзаями и абдалиями, Гурген-хану удалось в значительной степени ослабить и затем разгромить абдалиев (дурраниев). Во время внезапного нападения персидских войск были убиты Доулат-хан (дед будущего основателя державы Ахмад-шаха) и его старший сын Насир Мухаммад-хан. Вождем абдалиев стал другой сын Доулат-хана — Рустам-хан, но Гурген-хану удалось вскоре заманить его в Кандагар, где Рустам-хан был убит. В руках сефевидских властей оказался также и третий сын Доулат-хана — Земан-хан (отец Ахмад-шаха) ¹.

Лишив абдалиев их вождей, сефевидские власти учинили под Кандагаром кровавое побоище этому племени, после чего несколько тысяч семей абдалиев были насильственно переселены в Персию (район Кермана) и в Герат, а их земли и пастбища отданы гильзаям, которые во время этих событий оказали всяческую поддержку Гурген-хану ². Вместе с людьми своего племени изгнанию на чужбину подвергся и Земан-хан. Обескровленные и ослабленные абдалии более не представляли опасности для Сефевидов. Но за счет абдалиев усилились гильзай, которые теперь стали самым могущественным из афганских племен в западной части страны.

Гильзай вовсе не собирались безропотно сносить сефевидское иго. В 1709 г. они подняли восстание во главе со своим вождем Мир-Вайс-ханом (он принадлежал к хан-хелю подразделения шах-алам-хель, входившего в подразделение хотеки). То обстоятельство, что Мир-Вайс был калантаром Кандагара и одним из богатейших купцов этого города, облегчило подготовку восстания. Оно протекало под знаменем религиозной войны «правоверных» суннитов (афганцев) против «еретиков» шиитов (персов). Мир-Вайс-хану удалось вероломно заманить сефевидского правителя Гурген-хана на загородный пир и умертвить его с ближайшими приближенными, а затем внезапным нападением овладеть Кандагаром. Последующие попытки сефевидских властей вернуть себе Кандагар окончились полным провалом, который наглядно показал афганцам военное бессилие державы Сефевидов, пришедшей к этому времени в полный упадок ³.

---

¹ См. М. Г у б а р. Ахмад-шах Баба-и Афган, стр. 10, а также «Тарих-и Сальтани», стр. 67—68.

² См. «Тарих-и Сальтани», стр. 68. Еще раньше, при шахе Аббасе I около 10 тыс. семейств абдалиев (дурраниев) были насильственно переселены в Гератскую область (См. L. Lockhart. Nadir Shah. A. critical study based mainly on contemporary sources. Лондон, 1938, стр. 2).

³ Вопрос о причинах упадка державы Сефевидов не является предметом настоящего исследования. За последние годы этот вопрос был осве-

Что же касается гильзайских ханов, то после смерти Мир-Вайса в их среде разгорелась кровопролитная борьба между двумя кликами. Она закончилась тем, что в 1717 г. властью овладел Мир-Махмуд (сын Мир-Вайс-хана). Он стал править Кандагаром как независимый князь. Ядро этого княжества и его основную военную опору составляли западные гильзай.

Восточные гильзай (в состав которых входил крупнейший среди всего племени — сулейман-хель) продолжали оставаться под властью Моголов и не принимали никакого участия в восстании Мир-Вайса и почти никакого в последующих событиях. Этот факт лишний раз подтверждает огромную раздробленность гильзаев.

Несколько раньше (1716) абдалии, переселенные в свое время персидским шахом Аббасом I в Герат, подняли восстание против Сефевидов и изгнали персидский гарнизон и правителя. После этого в Герате, с его преобладающим таджикским населением, ханы абдалиев основали независимое княжество и вступили в борьбу с гильзайскими князьями Кандагара, но ни одной из сторон не удалось достигнуть решающего успеха.

В это время держава Сефевидов совершенно ослабла. Непрерывно следовавшие одно за другим восстания крестьян и ремесленников и, наряду с этими восстаниями, выступления покоренных народов, а в первую очередь свободолюбивых народов Закавказья (грузин, армян, азербайджанцев) против ненавистой власти персидских ханов подрывали основу существования Сефевидского государства. Шахское правительство пребывало в бездействии.

Обстановка как нельзя более благоприятствовала завоевательным планам Мир-Махмуда и гильзайской знати. Перспективой богатой добычи они сумели увлечь за собой не только рядовых членов племени гильзаев, но и многих представителей других афганских племен. После нескольких набегов на пограничные области Персии Мир-Махмуд во главе двадцатитысячного отряда своих соплеменников двинулся в 1721 г. на столицу Сефевидов — Исфаган и неподалеку от нее наголову разбил более многочисленные персидские войска.

щен в советской историографии, см. И. П. Петрушевский. Ук. соч.; Н. Д. Миклухо-Маклай. Ук. дисс.; К. З. Ашрафян. Распад державы Надир-шаха, кандидатская диссертация. М., 1950; К. З. Ашрафян. К вопросу о причинах упадка державы Сефевидов. В сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока»; И. М. Рейснер. Падение державы Сефевидов и нашествие афганцев на Иран (1722—1729 гг.). «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», кн. 10, М., 1950.

Среди сефевидских военачальников царили раздоры и несогласия, что облегчало победу Махмуда¹. Вместе с тем обнаружилось преимущества военной организации афганцев. Они беспрекословно подчинялись приказам Мир-Махмуда, который установил строгую дисциплину в своем войске. За соблюдением дисциплины следили особо выделенные отряды, так называемые *насекчнан* (буквально — «блюстители порядка») — своеобразная полевая жандармерия². Нельзя забывать, что афганцы, кроме того, были крепки своей племенной спайкой; афганец не бросал товарища в беде, был привычен к лишениям и невзгодам походной жизни, являлся прирожденным воином. Уже тогда афганцы успешно применили против персов легкую артиллерию — так называемые *зембуреки*³, приносившие большой урон противнику. После Гульнабадской победы Мир-Махмуда деморализованные остатки сефевидского войска заперлись в Исфагане.

Афганцы не умели брать городов, у них не было и осадной артиллерии. Поэтому они блокировали город, рассчитывая взять его измором. В Исфагане, переполненном беженцами из окрестных деревень, скоро начал чувствоваться недостаток продовольствия.

Помощь извне не приходила. Ни один из правителей областей, ни один из эмиров кочевых племен не пришел на выручку столице. Исфаган вымирал от голода и болезней. 12 октября 1772 г. шах Хусейн сдался на милость Мир-Махмуда и передал ему корону и престол шаханшахов Персии. Таков был бесславный конец династии Сефевидов.

Вслед за Исфаганом афганские завоеватели овладели всей центральной Персией. Завоевание сопровождалось массовыми грабежами и насилием, надругательством над верованиями и обычаями персов. Вместе с тем афганские правители не изменили существовавшего административного порядка, первоначально они даже оставили сефевидских чиновников на их местах. Кочевники и полукочевники — афганцы, стоявшие на гораздо более низком уровне социально-экономического

---

¹ «Все счастье бунтовщика (Махмуда афганского. — И. Р.) зависело от худого военного состояния персидского государства, которое во время правления шаха Хусейна в такой пришло упадок, что неинако как с великим трудом набрать войско было можно, а когда оно было набрано, то несогласие между начальниками предупреждало все добрые намерения» (Ф. И. С о й м о н о в. Описание Каспийского моря. СПб., 1763, стр. 157).

² См. К r u s h i n s k y. Ук. соч., стр. 111.

³ Зембуреки — небольшие орудия, перевозимые на верблюдах. При стрельбе эти орудия с верблюдов не снимались, стрельба могла производиться и на ходу. Преимущества этого вида артиллерии состояли в ее большой маневренности.

развития, чем покоренные ими персы, не были в состоянии сразу овладеть разветвленным управленческим аппаратом Сефевидов и пустить его в ход. Для этого требовалось время, и на первых порах Мир-Махмуд ограничился тем, что назначил во все правительственные канцелярии и управления своих представителей — афганцев, строго наказав им следить за действиями персидских чиновников.

Но такой порядок вещей продержался недолго. Скоро гильзайский шах Персии перешел к свирепым репрессиям против персидской служилой знати и всех, кто был связан с сефевидским режимом. Объясняется это тем, что небольшая кучка чужеземных завоевателей почувствовала всю шаткость своего положения.

Если персидские вельможи и знать раболепствовали перед своими новыми господами, то народ не покорился им. Многие деревни и города Персии, даже в ближайшем соседстве с Исфаганом, продолжали оказывать афганцам сопротивление и не признавали их власти¹.

В 1725 г. турки после тяжелых боев заняли Тавриз, Хамадан и Казвин. Мало считаясь с русско-турецким договором 1724 г., они приступили к завоеванию всей Персии и начали поход на Исфаган. Турецкое завоевание сопровождалось варварским истреблением населения и уводом его в плен, сожжением городов, небывалым опустошением древних земледельческих районов страны.

Гильзайский шах Мир-Махмуд за три года пребывания на троне проявил себя мнительным и кровавым деспотом. Не ограничиваясь резней персов, он начал прибегать к подобным же расправам с афганцами. За это афганцы его убили. На шахский престол был возведен его двоюродный брат Ашраф (1725). В ответ на исфаганский переворот Мир-Хусейн, брат убитого Махмуда, оставшийся в Кандагаре, отказался признать власть Мир-Ашрафа и провозгласил себя самостоятельным правителем (1725). Тем самым афганцы в Персии лишились притока дальнейших подкреплений со своей родины и могли рассчитывать лишь на собственные, крайне немногочисленные силы. Все же

---

¹ Так, в январе 1723 г. горожане Казвина, возмущенные бесчинствами завоевателей, перебили половину афганского гарнизона, а остальных выгнали из города. Восстания происходили и в других городах, где расположились афганские гарнизоны. В ответ шах Махмуд учинил зверскую резню знати в Исфагане и подверг персов жестоким гонениям. Но эта политика массовых казней и гонений могла лишь усилить ненависть к афганцам. Сефевидский царевич Тахмасп, бежавший из Исфагана, обосновался на севере страны и после отречения своего отца даже объявил себя шахом. Но вместо того, чтобы выступить на войну с афганцами, новый шах занимался грабительскими налетами на беззащитные армянские деревни.

Ашрафу удалось в 1726 г. нанести частичное поражение турецкому войску, вторгнувшемуся в Персию в 1723 г. После этого поражения начались переговоры о мире. По договору 1727 г. с афганцами к туркам отходили огромные территории — Азербайджан, Курдистан, Хузистан и даже часть центральной Персии. Таким образом в 1727 г. бывшие владения Сефевидской державы были разделены между чужеземными захватчиками — турецкими и афганскими феодалами. Персидское государство перестало существовать.

В это смутное время в Иране выдвинулся военачальник, способный объединить разрозненные силы персов и повести их в бой с чужеземцами. Этим военачальником был Надир Кули (родился в 1688 г.) из туркменского племени афшар, кочевавшего в северном Хорасане¹. В 1725 г. Надир уже пользовался репутацией способного военачальника и имел под своим знаменем более двух тысяч всецело преданных ему воинов. В 1726 г. он присоединился со своим отрядом к находившемуся в Мазандеране шаху Тахмаспу. Поскольку этот последний Сефевидов не располагал ни деньгами, ни собственной военной силой и к тому же отличался слабоволием и неумеренным пристрастием к вину, Надиру быстро удалось подчинить Тахмаспа своему влиянию и превратить его в свою марионетку².

Прежде чем двинуться на афганцев, Надир-хану нужно было собрать и обучить значительное войско, а также создать себе прочную оперативную базу. Такой базой на северо-востоке страны мог явиться только Хорасан, чьи воинственные кочевые племена издавна славились своими храбрыми воинами. Поэтому Надир поставил своей первой задачей овладение Хорасаном и его столицей Мешхедом. В конце 1725 г. Мешхед сдался войскам Надира, а вслед за этим ему удалось пополнить свои силы за счет дружин кочевой знати Хорасана. Эти контингенты и составили в дальнейшем ядро его войск.

Но Надир еще не считал себя достаточно сильным, чтобы немедленно выступить против Мир-Ашрафа и гильзаев. Сначала он окончательно подчинил себе Хорасан, а затем весной 1729 г. пошел на Герат, чтобы обезопасить свою хорасанскую базу от удара в тыл со стороны владевших Гератом и его областью ханов афганского племени абдалиев. Разбив в четырех кровопролитных сражениях абдалиев, Надир добился подчинения их

---

¹ В молодости Надир вел полную приключений и опасностей жизнь наемного солдата в дружинах хорасанских феодалов. Временами он открыто занимался разбоем.

² После того как Надир Кули «поступил на службу» сефевидского последнего Тахмаспа, а вернее, подчинил его своей воле, он принял имя Тахмасп Кули-хана — «раба хана Тахмаспа».

вождя Аллаяр-хана. Последний остался правителем Герата в качестве вассала Надира. Используя давнюю вражду абдалиев и гильзаев, Надиру тогда же удалось привлечь в свои войска некоторых из ханов абдалиев¹. Теперь у Надира были развязаны руки для решающей борьбы с Мир-Ашрафом, гильзайским шахом в Исфагане.

Мир-Ашраф не стал дожидаться, пока Надир полностью закончит свои приготовления, и в августе 1729 г. выступил на север со всеми силами, которые он мог собрать. Гильзайский шах настолько мало доверял местному населению, что даже повелел изгнать персов из Исфагана и всех городов, где афганцы держали свои гарнизоны.

Не может быть сомнений, что сочувствие и поддержка народа, видевшего в Надире вождя освободительной борьбы против чужеземных поработителей страны, сыграли важную роль в последовавших победах этого полководца сначала над афганцами, а затем над турками².

В сентябре 1729 г. Надир-хан нанес жестокое поражение войскам Мир-Ашрафа под Данганом. Второе сражение произошло на подступах Исфагана и закончилось полным разгромом гильзаев. Разгромленные остатки гильзайских отрядов попытались было задержаться под Ширазом, но были снова разбиты. Большую часть афганских беглецов уничтожили местные крестьяне³. К началу 1730 г. афганцы были полностью изгнаны из Персии. Нашествие афганских кочевников и полукочевников дорого обошлось стране: оно повело к массовому

---

¹ L o s k h a r t. Ук. соч., стр. 33.

² Большой материал об этом дает Хэнвей, английский купец, бывший в Персии в 1743—1744 гг. См. John H a n w a y, An historical account of the british trade over the Caspian sea with the author's journal, Лондон, 1754, т. II, стр. 206, 209, 213. В компилятивной работе Степана Решетова «История о персидском шахе Тамас Кули хане», перевод с франц., СПб., 1762, также имеются любопытные данные. Так Решетов сообщает: «Большая часть городов и сел пришли ему покориться, так что казалось его армия шла в поход (на прогулку. — *И. Р.*), а не для действия» (Ук. соч., стр. 44). Под Исфаганом «жители полевые, кои после разбития Авганцев разбежались со своими пожитками в горы, отовсюды стали сходится, принося армии провиант и все нужное к ее содержанию» (Там же, стр. 61). В самой Исфагани «подлый люд (т. е. простой народ. — *И. Р.*) заполнил все улицы, коими он ехал, и везде слышны были радостные плески» (Там же, стр. 253). Изгнав афганцев, а затем турок, Надир завоевал власть и превратился в феодального деспота, обрекшего народы Персии на тяжелую эксплуатацию, жесточайший гнет и непрерывные разорительные войны. Эти войны преследовали захватнические цели и велись прежде всего в интересах кочевой знати тех хорасанских и отчасти азербайджанских племен (кызылбаши), которые составляли непосредственную военную опору Надир-хана.

³ Не спасся и Мир-Ашраф. Он сумел добраться до Белуджистана, но был убит местным ханом, пославшим отрубленную голову гильзайского шаха в подарок Тахмаспу в Исфаган.

истреблению местного населения, упадку городов (например, Исфаган полностью обезлюдел), разрушению оросительных сооружений и надолго подорвало (наряду с опустошительным вторжением турецких орд) производительные силы Персии.

После изгнания гильзаев Надир-хан начал войну с турками (1730—1736). Пользуясь отвлечением персидских сил, абдалийские ханы Герата подняли восстание. Утвержденный Надиром правитель Герата Аллаяр-хан был изгнан из этого города. Властью овладел Зульфакар-хан, старший брат будущего основателя Дурранийской державы Ахмад-хана садо-зая¹. Сняв значительную часть войск с турецкого фронта, Надир-хан лично возглавил карательную экспедицию против абдалиев. Она продолжалась почти два года (до конца 1731 г.). Персидская власть над Гератом была восстановлена.

Зульфакар-хан вместе со своим малолетним братом Ахмад-ханом бежал в Кандагар к его гильзайскому правителю Хусейн-Султану, который заключил братьев в тюрьму, где они и пробыли до взятия Кандагара войсками Надира в 1738 г.

Произведя расправу над абдалиями Герата, Надир-хан переселил их в Иран, но не отказался от использования контингентов афганской конницы в продолжавшейся войне с Турцией². Абдалийские отряды принимали видное участие в боях с турками под Багдадом и Карсом³.

* * *

Победоносно закончив войну с Турцией и установив добрососедские отношения с Россией, Надир укрепил свой

¹ См. М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 32; L o s k h a r t. Ук. соч., стр. 51.

² Хаммер в своей «Histoire de l'Empire Ottoman», т. XIV, стр. 282, ссылаясь на данные турецкого источника (Субхи), сообщает, что по приказу Надира 9 тыс. семей абдалиев были переселены в разные местности Персии — Мерверуд, Нишапур, Сабзевар, Дамагон, Сирман, Кара-Керман. О том, что Надир-шах действительно отселил гератских абдалиев в Хорасан, свидетельствует современник этих событий, придворный историограф Надира — Мухаммад Мехди-хан в своем «Инша» (см. литографированное издание 1909 г., место издания не указано, стр. 25—26), указывая число переселенных в 6 тыс. чел.

Данные автора «Инша» подтверждает и Мухаммад Хаят-хан. «После десятилетней осады (это, разумеется, явное преувеличение. — И. Р.) Надир-шах взял Герат и приказал шести тысячам семей из племен абдали (дуррани) вместе с Гани-ханом алькозай и Нур Мухаммадом ализай поселиться в Иране... значительную часть абдалиев (Надир. — И. Р.) заставил служить в своих войсках» (См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 127). Как видно, авторы приведенных сообщений расходятся лишь в определении числа переселенных Надир-ханом абдалийских семей.

³ Об участии афганских контингентов в персидско-турецкой войне см. М у х а м м а д М е х д и - х а н в «Тарих-и Надири»; Н а п ш а у. Ук. соч., стр. 269; С. Р е ш е т о в. Ук. соч., стр. 162.

авторитет и власть. В 1736 г. на съезде феодальной знати в Муганской степи он был провозглашен шаханшахом Ирана.

В ноябре 1737 г. Надир-шах предпринял завоевательный поход на Афганистан и Индию¹.

Осада Кандагара — этой сильнейшей крепости Афганистана, окруженной тройными стенами, — заняла 11 месяцев (апрель 1737 г. — март 1738 г.). Свою ставку персидский шах расположил в спешно отстроенном для этой цели городке Надирабаде. Чтобы прекратить подвоз продовольствия в Кандагар, Надир-шах окружил осажденный город кольцом блокгаузов и укреплений. Но ни многочисленные штурмы, ни длительная осада долго не давали результата. Гильзай во главе с Хусейн-Султаном стойко отбивали один штурм за другим, а в продовольствии гарнизон не испытывал недостатка.

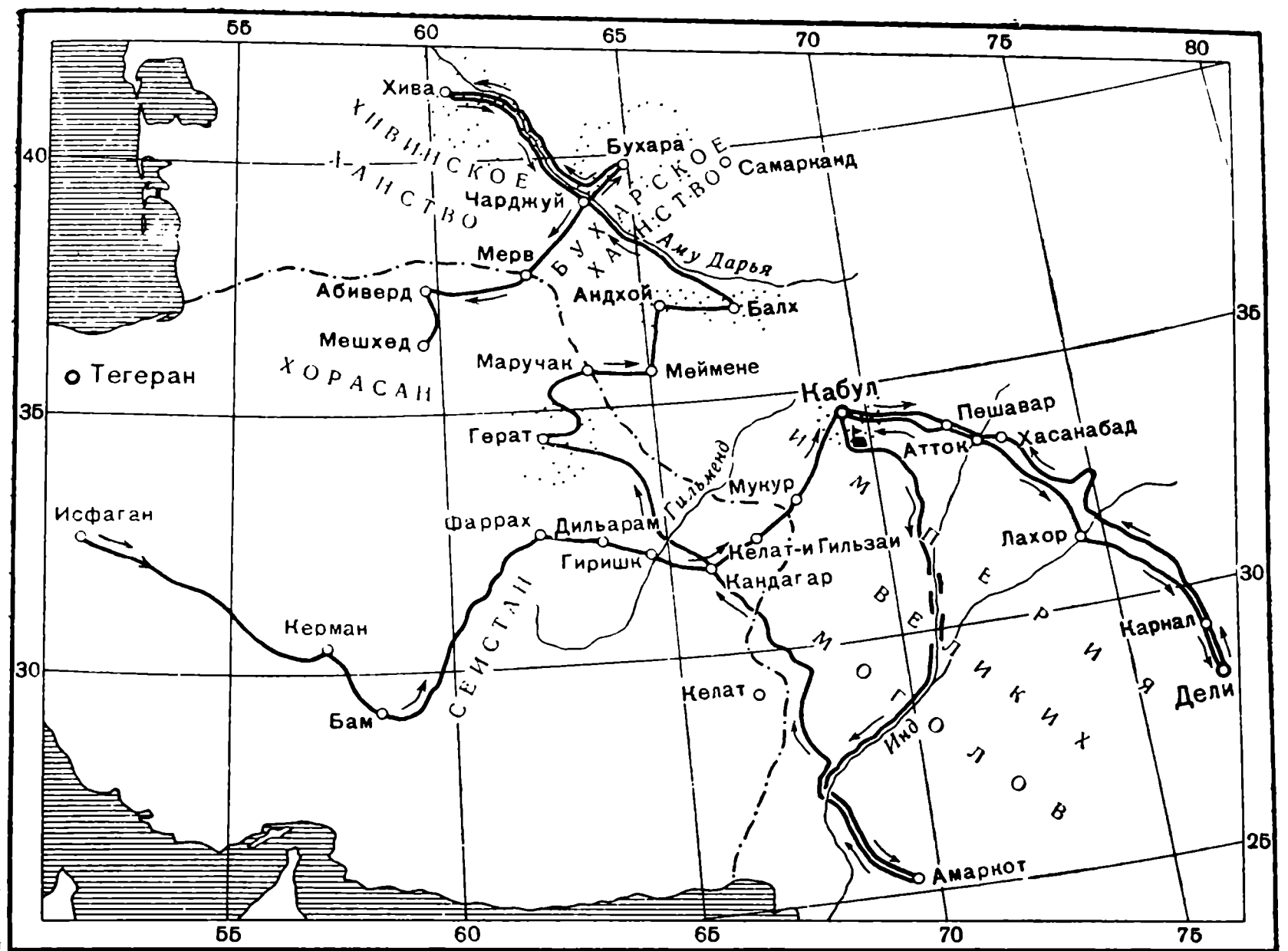
Время затянувшейся осады Надир-шах использовал, чтобы подчинить себе соседние афганские области. Ему покорились Буст, Келат-и Гильзай и — после особенно упорного сопротивления — Заминдавар. 30 января 1738 г. персы овладели частью укреплений Кандагара на горах Кайтан и, втащив сюда на руках пушки, могли бомбардировать внутреннюю часть города. 23 марта 1738 г. в результате штурма, в котором более всего отличались контингенты бахтиар и абдалиев, Надир-шах овладел Кандагаром.

Опасаясь оставлять в своем тылу первоклассную крепость на время предстоящего похода в Индию, Надир-шах повелел разрушить Кандагар до основания. В то же время Надир-шах не проявил обычной жестокости по отношению к покоренному населению. Он не разрушил других городов, взятых его войсками по пути в Индию (Газни, Кабул, Джелалабад), не учинял кровавых расправ над горожанами и старался избегать столкновения с афганскими племенами. Правителями округов западного Афганистана были назначены ханы различных афганских племен, главным образом абдалии, поскольку это племя было в особой милости у завоевателей². В то же время в Кабуле и других городах были размещены сильные отряды

---

¹ Для снабжения и снаряжения своего восьмидесятитысячного войска Надир-шах отобрал продовольствие и скот у населения Кермана, Сеистана, Гомбруна и Исфагана, обрекая эти области Персии на голод. В дальнейшем во время затянувшейся осады Кандагара, когда не хватало вьючного скота для перевозки продовольствия и снабжения персидских войск, расположившихся под этим городом, вместо вьючного скота были использованы крестьяне Кермана и Сеистана. Они тысячами гибли в пути от голода, жажды и непосильного труда (см. L o s k h a r t. Ук. соч., стр. 113—116).

² См. «Тарих-и Надири», стр. 275. Правителем Кандагарской области был назначен абдалиий Абдуль Гани-хан; абдалиийские ханы были равным

- Маршрут завоевательного похода Надир-шаха в Афганистан, Индию и Среднюю Азию
- Освободительные движения против Надир-шаха
- Государственная граница Сефевидской Персии накануне афганского нашествия 1722 г.

Завоевательные походы Надир-шаха.

кызылбашей (около 10 тыс. семей), которых Надир-шах переселил сюда вместе с семьями. Все эти мероприятия были продиктованы стремлением Надир-шаха, во-первых, — создать себе относительно спокойный тыл на время индийского похода, во-вторых, — использовать афганские контингенты (не исключая гильзаев) для пополнения своих поредевших войск.

Вместе с тем Надир-шах принял меры, чтобы сломить политическую и военную силу западногильзайских племен, а в первую очередь хотеки, являвшихся с 1709 по 1738 г. главной опорой независимых правителей Кандагара, сначала Мир-Вайс хана, затем Мир-Махмуда и, наконец, Хусейн-Сул-

---

образом назначены хакимами Заминдавара, Буста и Кепрека. Зульфакар-хана и Ахмад-хана Надир-шах освободил из темницы и пожаловал им джагир в Персии. После 1740 г. Ахмад-хан поступил на службу к Надир-шаху и достиг на ней высоких должностей. См. М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 30—48.

тана. Хусейн-Султана Надир-шах отправил в изгнание в Персию, где тот вскоре был отравлен, а вождем гильзаев назначил не представителя хан-хеля этого племени (входившего в состав подразделения, вернее, племени хотеки), а соперничавшего с хотеки ханского рода тохи — Ашраф-Султана¹. Но самым сильным ударом по гильзаям (хотеки) был приказ о насильственном переселении их в Хорасан, причем их земли к западу от Кандагара предоставлялись абдалиям, в свое время переведенным тем же Надиром из Гератской области в Хорасан. Мехди-хан сообщает об этом следующее: «Его величество изволили назначить жительство племени абдали, которые обитали в Нишапуре и других местах Хорасана, Надирабад и прилегающие районы, приказав переселить их сюда, с тем что их место в Нишапуре займут гильзай-хотеки»².

Таким образом, Надир-шах покончил с военным и политическим преобладанием племени хотеки среди гильзаев, а гильзаев среди других афганских племен западного Афганистана. В противовес гильзаям персидский шах усилил абдалиев. Он не только вернул из персидского изгнания находившихся там членов этого племени (около 6 тыс. семей), но предоставил основным подразделениям абдалиев, никогда не покидавших родных мест, большие земельные держания (так называемые джагир-кульба) в непосредственной близости к Кандагару³.

Поливные земли Кандагарского оазиса, предоставленные Надир-шахом абдалиям на основе держания джагир-кульба, обрабатывались оброчными крестьянами из числа таджиков, хезарейцев, белуджей и отчасти какаров и некоторых других афганцев. «Все они, в силу длительного владения, рассматривали себя обладателями права собственности на землю»⁴. Это были оброчные крестьяне, наследственно владевшие землей на условиях уплаты поземельного налога и выполнения феодальных повинностей.

---

¹ Там же.

² См. «Тарих-и Надири», стр. 275. Об этом мероприятии Надир-шаха автор «Хаят-и Афгани» пишет следующее: «Он поделил между ними (абдалиями. — *И. Р.*) земли гильзаев. Округ Гандаб он пожаловал Ганихану алькозай, а земли Давар — Нур Мухаммаду ализай» (*М у х а м м а д Х а я т - х а н*. Ук. соч., стр. 128). Ничего нового по этому вопросу не дает Локхарт, дословно повторяющий сведения Мехди-хана. (См. *Л о с к х а р т*. Ук. соч., стр. 120).

³ Это мероприятие Надир-шаха не только обеспечило ему превосходный воинский контингент афганской конницы, но сыграло большую роль в массовом захвате абдалиями (а в первую очередь их ханами) поливных земель, которые обрабатывало сидевшее на этих землях таджикское крестьянство Кандагарского оазиса.

⁴ См. *Н. R a w l i n s o n*. Ук. соч., стр. 825.

Джагир-кульба предоставлялся только свободным афганцам, членам того или иного подразделения племени абдалиев и, как млатар, переходил по наследству к потомкам первоначального владельца. Сходство с млатаром заключается и в том, что джагир-кульба был небольшим земельным владением, которое, как правило, предоставлялось отдельному воину-земледельцу¹. От персидского тиуля и индийского джагира дурранийский джагир-кульба, таким образом, отличался, во-первых, тем, что это было небольшое земельное владение по сравнению с огромными массивами земли, которые принадлежали персидским тиульдарам и индийским джагирдарам; во-вторых, тем, что джагир-кульба являлся наследственным владением; в-третьих, тем, что обязательным условием такого держания была принадлежность владельца к определенному племени; в-четвертых, тем, что каждый держатель или владелец джагир-кульба был лично обязан военной службой, причем в большинстве своем они несли службу рядовыми бойцами.

Держатели джагир-кульба первоначально выступали в двойном качестве земледельца и воина, тогда как персидские тиульдары и индийские джагирдары по большей части являлись крупными феодалами, которые отправлялись на войну во главе боевых контингентов, состоявших как из их дружинников, так из многочисленных отрядов наемников (последние главным образом в Индии)².

Вместе с тем джагир-кульба подобно персидскому и индийскому держанию джагира или тиула был шахским пожалованием, владелец джагир-кульба держал землю непосредственно от шаха, считался его вассалом, тогда как владелец млатара держал свою землю от племени, которое предоставило ему землю. Таким образом, джагир-кульба, формально являясь бенефицием (шахским пожалованием земли за военную службу, чем определялось отношение вассалитета держальца этой земли к сюзерену), представлял собой по существу развитие млатара, т. е. категории землевладения, задолго до нашествия Надир-шаха сложившейся у афганских племен.

Джагир в собственном смысле этого слова у афганцев развивался впоследствии и не из держания млатар, т. е. не был

---

¹ Кульба — афганская земельная мера, равная площади, которую может вспахать один человек с помощью одной упряжки быков. См. H. Rawlinson. Ук. соч., стр. 823; в наше время определяется, как мера, соответствующая примерно 60 джарибам.

² Свои специфические особенности имели тиульные держания, жаловавшиеся от персидского шаха эмирам или начальникам кочевых племен. Вопрос подробно исследован И. П. Петрушевским в его монографии «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.» Л., 1949.

непосредственно связан с различными формами коллективной собственности на землю и ее пережитками. Дело было сложнее, поскольку в результате медленного и постепенного роста производительных сил и процесса формирования антагонистических классов феодалов и крестьянства, с одной стороны, возникали новые, неокрепнувшие формы аграрных отношений, например «сери», а с другой стороны, старые формы земельных отношений, унаследованные от первобытно-общинного строя, еще долго сохраняли свое существование, но одновременно претерпевали изменения в своем характере и классовом содержании, приспособляясь *до известного предела* к новым общественным потребностям, пока дальнейшее развитие феодальных отношений и обострившаяся на этой основе классовая борьба не поставили в порядок дня вопрос об их полной и окончательной ликвидации.

Характерным примером в этом отношении может служить джагир-кульба. Эта форма землевладения непосредственно развилась из держания млатар. В своем первоначальном виде держание джагир-кульба уже имеет двойственную природу, совмещая черты нового, т. е. пожалование земли от шаха и вассальная зависимость воина-земледелца от сюзерена, и старого, т. е. владельцем джагир-кульба может стать лишь человек определенного племени, и его отношение к земле фактически определяется не только шахской жалованной грамотой, но также и совокупностью понятий, представлений, норм и традиций, унаследованных от общинно-родового строя.

Форма землевладения джагир-кульба в своем дальнейшем развитии и разложении привела к возникновению у дурраниев, с одной стороны, крестьянской собственности (таковой стали в своем большинстве джагир-кульба отдельных воинов-земледельцев), а с другой стороны — к возникновению феодальной собственности. Последняя отчасти имела своим источником более крупные джагир-кульба, которые с самого возникновения этой формы держания земли (т. е. со времени завоевания Кандагара Надир-шахом в 1738 г.) жаловались шахом ханам абдалиев, а этими последними, в свою очередь, раздавались своим дружинникам. Отчасти же, и притом в несравненно большей степени, феодальная собственность имела своим источником экспроприацию знатью господствующего племени (в данном случае абдалиев) земель оседлого крестьянства. На первых ступенях развития феодальных отношений у афганцев эксплуатация покоренного населения (хамсая) была главным источником силы и могущества ханов и духовенства, что не могло не наложить отпечатка и на эволюцию земельных отношений. Долгая сохранность у афганцев различных дофеодальных форм земельных отношений (при постепенном изме-

нении их и заполнении новым содержанием), на наш взгляд, объясняется именно этим обстоятельством.

Следующая стадия развития феодальных отношений у дурраниев относится к концу XVIII—началу XIX в., когда, с одной стороны, джагир-кульба окончательно стали частной собственностью их держателей, а сами они из земледельцев-воинов фактически превратились просто в крестьян, обязанных военной службой и эксплуатируемых феодалами; когда, с другой стороны, укрепилась и расширилась крупная феодальная земельная собственность ханов и духовенства, тогда основной формой экспроприации собственности афганских крестьян афганскими феодалами могла стать и действительно стала все более широкая и массовая раздача земли крестьянских собственников в джагиры дурранийским ханам.

Само собой разумеется, что процесс роста крупного феодального землевладения сопровождался кровавой междоусобной борьбой феодалов за землю, что разоряло крестьян и вынуждало их искать защиты у сильнейших, т. е. наиболее крупных и влиятельных феодальных владельцев. Это было одной из основных причин подрыва крестьянской собственности у дурраниев. Именно тогда джагир, или тиуль, в афганских условиях становится не только номинально, но и фактически формой господства феодала, обладающего не только экономической (земля), но и политической властью над крестьянином, который не только лишился земли, но был также сословно принижен и превращен в бесправного подданного своего феодального господина.

До того как наделить абдалиев землей, Надир-шах приказал провести кадастр поливных земель Кандагара. Все они были разделены на «двойные кульба», т. е. на участки, которые могут обработать два человека с двумя упряжками рабочих быков¹. Одновременно была установлена средняя урожайность этих земель — она оказалась равной сам-25.

Двойная кульба требовала для посева 4 харвара зерна и приносила урожай в 100 харваров пшеницы. Поземельный налог с каждой двойной кульба был установлен Надир-шахом в размере 10 харваров пшеницы, или одной десятой валового урожая. Кроме того, каждое фруктовое дерево и каждая виноградная лоза были обложены денежным налогом в размере одной пайса (мелкая медная монета) ежегодно². Наконец,

---

¹ См. H. R a w l i n s o n. Ук. соч., стр. 825; автор «Хаят-и Афгани» (стр. 128) принимает Надирову кульбу равной 100 танапам земли, каждый танап равным 60 гязам, а каждый гяз равным 32—33 английским дюймам.

² Афганская пайса в середине XIX в. равнялась ½ копейки (см. M a s G r e g o r. Ук. соч., стр. 55).

каждое крестьянское хозяйство платило подъемный сбор — ханедуди.

Надир-шах предоставил 3000 двойных кульба абдалиям различных подразделений в джагир при условии выставять двух вооруженных всадников с каждой такой кульба. Контингент 6 тыс. конных абдалиев принял участие в походе Надир-шаха на Индию, а затем в войнах с Турцией и ряде карательных экспедиций против свободолюбивых народов Закавказья, неоднократно поднимавших восстания против персидского ига. Бессменно командовал этим контингентом Нур Мухаммад ализаи, а после 1740 г. его помощником стал Ахмад-хан Садовай, вступивший на службу к Надир-шаху вскоре после возвращения последнего из похода на Индию¹.

Формально владелец джагир-кульба получал право не на землю, а лишь на присвоение поземельного налога, поступавшего с этой земли от обрабатывающих ее оброчных крестьян. Кроме того, владелец джагир-кульба освобождался от уплаты сбора на фруктовые деревья и виноградные лозы, равно как от налога ханедуди (с дыма)². Фактически владелец джагир-кульба приобретал значительную экономическую и политическую власть над крестьянами, оказавшимися в зависимости от него. Он мог эксплуатировать своих крестьян, не считаясь с нормой, предусмотренной жалованной грамотой, облагая их различными дополнительными сборами и повинностями в свою пользу. Кроме того, владелец джагир-кульба стремился использовать свою власть над крестьянами (они в огромном большинстве не были афганцами), чтобы лишить их прав наследственного владения и экспроприировать их земли.

В конце концов уже в XVIII в. оброчные крестьяне (главным образом таджики), державшие свои земли на правах наследственного владения от государства, превратились в бесправных хамсая, державших землю непосредственно от афганских владельцев джагир-кульба, которые в конечном счете стали полными собственниками земли, первоначально предоставленной им в качестве пожалования, обусловленного несе-

---

¹ Афганский отряд проявил высокие боевые качества, заслужив особую милость Надир-шаха, который больше доверял своим афганским войнам, чем остальным войскам. В конце царствования Надир-шаха отряды афганской и узбекской конницы были поставлены в привилегированное положение и являлись основной военной опорой этого деспота. Так, накануне своей гибели (он был убит в ночь с 19 на 20 июня 1747 г.) Надир-шах, опасаясь мятежа, вызвал к себе начальников афганского и узбекского контингентов (в том числе Нур Мухаммад-хана и Ахмад-хана) и поручил именно им провести разоружение персидской части войска в своем лагере.

² См. Н. R a w l i n s o n. Ук. соч., стр. 823.

нием военной службы. Этот процесс экспроприации таджикского крестьянства начался еще во времена Надир-шаха. «Дуррании, получив джагир-кульба, были вынуждены пользоваться услугами первоначальных владельцев — крестьян как для непосредственной обработки земли, так и в качестве надзирателей, отвечавших за ход сельскохозяйственных работ. Через них дуррании получали полагающуюся правительству долю продукта. Однако постепенно дуррании основали собственные лагеря и деревни, приобрели сельскохозяйственные орудия, рассматривая себя в качестве законных собственников земли. Освобожденные от налогов, они сажали фруктовые сады и виноградники, которые всегда приносили значительный доход, но обычно в силу тяжелого правительственного обложения не являлись привлекательным объектом. По мере того как дуррании богатели, они с большим старанием принимались за улучшение своих джагирных земель, поскольку повышенная продукция таких земель была гарантированной от возможного увеличения налога»¹.

Кроме пожалования джагир-кульба, Надир-шах предоставил абдалиям значительное количество суходольных земель в долинах Каданай, Дора, Аргесана и Тарнака. Пожалование этих земель не было связано с несением военной службы и они на обычных основаниях облагались поземельным налогом в размере $\frac{1}{10}$ доли урожая. Однако и в этом случае конечным результатом такого наделения оказалась почти полная экспроприация неафганского крестьянства в пользу новых абдалийских владельцев. «Первоначально дуррании использовали полученные ими земли в качестве кочевников, но с течением времени, а особенно при более благоприятном налоговом обложении Ахмад-шаха, племена (дуррани. — *И. Р.*) расселились по перечисленным долинам, почти полностью вытеснив местное крестьянство»². Таджикские крестьяне, разумеется, не исчезли, но лишились наследственных прав на землю и превратились в феодально-зависимых хамсая, работавших теперь на своих хозяев-дурраниев.

По фискальным соображениям, а может быть, опасаясь чрезмерного усиления абдалиев, Надир-шах резервировал 500 кульба лучших земель в окрестностях Кандагара в качестве своего домена. Эти земли сдавались обрабатывавшим их таджикским крестьянам из половины урожая (нисфкари). Кроме того, 1000 кульба земли были оставлены за оброчными крестьянами на тех же основаниях, как при Сефевиде и гильзайских правителях, а именно: они пользовались правом

¹ Н. Rawlinson. Ук. соч., стр. 824.

² Там же.

наследственного владения при условии уплаты поземельного налога ¹.

Нет никаких сомнений, что мероприятия Надир-шаха, направленные к тому, чтобы использовать абдалийских конников для службы в своих войсках и, вместе с тем, возвысив абдалийское племя, при его помощи упрочить персидское господство над Афганистаном, ускорили переход значительной части абдалиев к оседлости, повели к широкой экспроприации таджикского крестьянства в пользу ханов этого племени и ускорили процесс феодализации у абдалиев. Нельзя забывать, что по сравнению с джагир-кульба, предоставлявшимися рядовым членам племени за личное несение военной службы, знать получила более крупные земельные пожалования в качестве военачальников и правителей округов. Так, Гани-хану алькозай был пожалован (вероятно, в джагир) — округ Гандаб, а Нур Мухаммаду ализай — округ Давар ².

В качестве начальников абдалийских отрядов на службе шаха, в качестве правителей округов и, наконец, в качестве крупных землевладельцев-джагирдаров — абдалийские ханы, несомненно, увеличивали экономическую и политическую власть не только над зависимым неафганским населением, но и над своими соплеменниками. Необходимо также учесть, что участие в грабительских походах в войсках Надир-шаха приносило абдалийским ханам богатую военную добычу (в которой немалую часть по своей ценности имели обращенные в рабство пленные).

* * *

Огромная лоскутная держава Надир-шаха не была сколько-нибудь прочным объединением. В государстве Надира почти непрерывно происходили восстания покоренных народов, изнывавших под персидским игом ³. В самой Персии крестьяне и ремесленники, доведенные до неслыханного разорения непосильной эксплуатацией и бесконечными войнами Надир-шаха, поднимались на борьбу. К концу его царствования такие вос-

---

¹ См. Н. С. Rawlinson. Ук. соч., стр. 823—824.

² См. Мухаммад Хаят-хан. Ук. соч., стр. 128; автор «Хаят-и Афгани» также сообщает о различных земельных пожалованиях, предоставленных Надир-шахом многим баракзайским ханам (см. там же, стр. 129).

³ В этой борьбе афганцы также принимали участие. Если абдалийский контингент составлял ударную силу карательных экспедиций Надир-шаха, то одновременно в самом Афганистане происходили антиперсидские восстания. Так, Хэнвей сообщает о крупном восстании, имевшем место в районе Кабула в 1746 г. (См. Нанвау. Ук. соч., т. 1, стр. 394).

стания охватили большую часть страны. К ним присоединились многие феодалы, недовольные господством «узурпатора».

Накануне своей гибели Надир-шах потерял опору в бóльшей части феодального класса. Против него выступали высшее шиитское духовенство, персидская служилая знать, часть ханов кочевых племен, в том числе и ханы афшаров — племени, к которому принадлежал сам шах. В результате заговора, в котором участвовали его родственники и начальники шахской гвардии, Надир был убит в ночь с 19 на 20 июня 1747 г. в своем лагере в Хабушане (Хорасан). С его смертью распалась и созданная завоевателем огромная лоскутная держава. На ее развалинах возникло самостоятельное афганское государство.

Как уже упоминалось выше, накануне своей гибели Надир-шах вызвал к себе начальников афганских и узбекских контингентов и приказал им утром разоружить персидскую часть войска. Таким образом, афганские и узбекские отряды находились в полной боевой готовности. Они отбили 20 июня нападение более многочисленных персидских войск и даже нанесли им поражение. Пользуясь возникшей сумятицей, двадцатичетырехлетний Ахмад-хан (он принял фактическое командование афганским контингентом ввиду бездействия Нур Мухаммада) захватил артиллерийский парк Надир-шаха и значительную часть сокровищ своего зарезанного покровителя, в том числе знаменитый бриллиант Кух-и Нур¹. Вслед за этим Ахмад-хан с абдалийской конницей выступил из хабушанского лагеря и повел афганских воинов на родину. Своей удачей афганцы, не только выбравшиеся целыми и невредимыми из лагерной стоянки Надир-шаха, но даже сумевшие попутно захватить часть его сокровищ и весь артиллерийский парк, были в известной мере обязаны находчивости Ахмад-хана. Именно с этого времени фактическое командование перешло в его руки, тогда как продолжавший еще номинально числиться начальником афганского войска Нур Мухаммад потерял всякий авторитет и отошел на второй план.

Нет никаких сомнений, что не только во время июньских событий 1747 г., но и раньше, во время походов Надир-шаха

---

¹ См. «Тарих-и Ахмадшахи» Махмуда аль-Мультани: «Положение было угрожающим, когда смелая атака Ахмад-хана склонила успех на сторону афганцев. Весь артиллерийский парк и значительная часть снаряжения попала в руки победителей». (Цит. по Oscar M a n n. Quellenstudien zur Geschichte des Ahmed Shah Durrani (1747—1773), Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, т. 25, 1898, стр. 173). Одновременно Ахмад-хан разграбил ставку Надир-хана, захватив даже драгоценности, принадлежавшие женам гарема. Вряд ли можно говорить о каком-то особом великодушии и рыцарственности Ахмад-хана, якобы проявленных им по отношению к семье Надир-шаха, как об этом пишут современные афганские историки (см. М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 84).

против турок и свободолюбивых народов Закавказья, Ахмад-хан проявил себя в качестве дельного военачальника и завоевал значительное влияние у афганских воинов, служивших под шахскими знаменами. Но дело было не только в личных качествах Ахмад-хана. Ведь он был внуком Доулат-хана, сыном Земан-хана, братом Зульфакар-хана, последовательно занимавших пост верховного вождя абдалийских племен, наследственный в хан-хеле садозаев.

Таким образом, проверенные на деле способности Ахмад-хана как толкового военачальника, его умение привлечь к себе воинов и командиров, наряду с высоким происхождением из абдалийского хан-хеля, открыли ему путь к дальнейшему возвышению. Как мы увидим дальше, он сумел полностью использовать эти возможности.

Ахмад-хан и его войско отступали из Хорасана форсированными маршами. Боясь преследования, они оставляли в стороне города и крупные населенные пункты, избегая столкновений с персами.

Миновав таким образом Мешхед и Герат, Ахмад-хан вышел на большую караванную дорогу и через Гиришк и Фарах вывел к осени 1747 г. свои войска к Кандагару. Здесь в его руки попал караван, везший крупную денежную сумму в персидскую казну¹.

По свидетельству хрониста-современника, этот караван вез Надир-шаху «казну и подарки от властей Кабула, Лахора,

---

¹ См. «Муджмил-е-Тарих-и ба'д Надирийе»... Трудно установить точно сумму денег и ценностей, попавших в руки Ахмад-хана. Автор «Сирадж ат-Таварих» называет цифру 26 персидских кроров, или 52 миллиона рупий, и утверждает, что эта сумма составлялась из «налогов Кабула и Пешавара за несколько лет» (см. ук. соч., т. 1, стр. 10). Здесь явное несоответствие, поскольку, по достоверным данным Абдулкарима Бухорои, относящимся к концу XVIII в., ежегодные налоговые поступления Пешавара составляли всего 600 тыс. рупий, а Кабула — 500 тыс. рупий (см. А б д у л к а р и м Б у х о р о и. Ук. соч., текст, стр. 3—4, франц. перевод, стр. 6—7).

Губар в своей монографии, посвященной Ахмад-шаху, называет цифру в 2 миллиона золотых, т. е. 8—10 миллионов рупий (М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 83). Автор «Тарих-и Сальтани» говорит, что в руки Ахмад-шаха попало 2 персидских крора, или 20 миллионов рупий. Наконец, Саркар (S a r k a r. Fall of the Moghul Empire, т. I, стр. 207) на основе индийских источников считает, что Ахмад-шах захватил не более 30 лакхов, или 3 миллиона рупий. Таким образом, исчисления различных источников колеблются между цифрой 3 миллиона и 59 миллионов рупий. Так или иначе, в руки Ахмад-хана попали значительные денежные средства, которые дали ему возможность экипировать и оплатить свои войска. Не приходится отрицать, что это «принесенное ветром сокровище» (как выражается автор «Сирадж ат-Таварих») облегчило Ахмад-хану приход к власти.

Пенджаба, а также подношения (пешкеш) от правителей всех упомянутых и некоторых других областей»¹.

Эти средства наряду с сокровищами, захваченными при грабеже ставки и лагеря Надир-шаха, дали Ахмад-хану возможность продолжать регулярную выплату жалования своим войскам и после возвращения их на родину. Имеются свидетельства, что Ахмад-хан сумел поддержать среди них дисциплину и сохранить их в качестве боеспособной силы.

Что же касается судьбы Нур Мухаммад-хана, то мы располагаем следующим свидетельством хрониста: «По прибытии в Кандагар знать афганцев абдали сместила Нур Мухаммад-хана, считая его человеком ограниченным и недостойным высокого назначения правителя и вождя»². Таким образом, Ахмад-хан стал единственным начальником шести тысяч закаленных, лично преданных ему воинов бывшего афганского контингента армии Надир-шаха и оказался хозяином дисциплинированной и наиболее боеспособной вооруженной силы в тогдашнем Афганистане. Афганские воины за время надировых походов в значительной мере успели превратиться в солдат-профессионалов, и в их лице Ахмад-хан располагал реальной силой, с которой нельзя было не считаться при выборе будущего афганского шаха³.

В октябре 1747 г. в Надирабаде, военном городке, построенном Надир-шахом во время затянувшейся осады Кандагара, в мазаре Шир-Сурх собралась джирга наиболее влиятельных ханов абдалийских и гильзайских племен. Можно с уверенностью сказать, что наряду с ними присутствовали и представители высшего духовенства, ибо иначе просто непонятно, каким образом мог выступить на джирге Баба Сабр-шах, сыгравший столь крупную роль в избрании Ахмад-хана на царство.

После смерти Надир-шаха и развала его державы Афганистан стал фактически самостоятельным. Образование государства было подготовлено у афганцев всем ходом разложения первобытно-общинного строя, сложением антагонистических классов, далеко зашедшим процессом развития феодализма.

Недаром держава Ахмад-шаха имела своих непосредственных предшественников в лице афганских Гератского и Кандагарского княжеств, возникших еще в начале XVIII в., но

---

¹ См. «Муджмил-е-Тарих-и ба'д Надирийе», стр. 10.

² «Тарих-и Сальтани», стр. 122.

³ Правда, ханы важнейших абдалийских племен имели под своим началом более многочисленные конные отряды своих соплеменников. Так, один только Джемаль-хан баракзай мог вывести в поле до 25 тысяч воинов. Однако это были племенные ополчения, не обладавшие ни боевой подготовкой, ни дисциплиной воинов Ахмад-хана, ни даже достаточным количеством вооружения.

сметенных затем нашествием Надир-шаха. Вместе с тем образование Афганского государства было подготовлено давней и упорной борьбой афганского народа за свою независимость против ига чужеземцев. Афганский народ в течение долгих веков находился под властью чужеземных феодалов, а территория самого Афганистана исторически являлась как бы проходным двором для многочисленных завоевателей, устремлявшихся на Индию. Поэтому мы вправе утверждать, что процесс образования афганского государства, подготовленный всем ходом внутреннего развития афганского общества, был ускорен борьбой афганцев за свою независимость.

В «Тарих-и Сальтани» мы находим следующее любопытное сообщение о джирге афганских ханов в Надирабаде: «Все сардары и вожди каждого племени, как то хаджи Джемаль-хан баракзай, Мухаммад-хан попульзай, Мус-хана исхакзай, прозванный Бедунчи, Нур Мухаммад-хан гильзай, Насрулла-хан гильзай и другие, собравшись на совещание в блаженном мазаре Шир-Сурх-Баба, расположенном в Надирабаде, — высказывались так: «Давайте выберем среди нас человека достойного высокой должности и способного к делам управления и, единодушно и согласованно подчинившись ему, обретем под его руководством спокойствие от удара иноземных держав»¹. На джирге присутствовал также Ахмад-хан садозай².

Нур Мухаммад-хан никаких шансов на успех не имел. Тем не менее, он, видимо, предпринял попытку добиться своего избрания в шахи. Вот что сообщает нам по этому поводу современный афганский историк Губар (правда, не ссылаясь при этом на первоисточник, откуда почерпнуты приводимые им сведения): «Нур Мухаммад-хан вел большую агитацию в пользу собственного избрания, но не добился успеха. Джирга считала неуравновешенность его характера достаточным поводом для отклонения кандидатуры Нур Мухаммад-хана. Действительно, правильно говорят — человек, не способный владеть собою, не способен управлять другими»³.

---

¹ «Тарих-и Сальтани», стр. 122. Самый факт, что вопрос об избрании шаха решала ханская джирга без всякого участия рядовых членов племени, говорит о далеко зашедшем процессе феодализации среди племен западного Афганистана. Утверждение автора «Тарих-и Сальтани», что Нур Мухаммад-хан был гильзаем, а не ализаем опровергается другими афганскими авторами. См., например, М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 128.

² Примечательно, что среди присутствовавших на джирге руководящих ханов, за исключением одного только гильзая Насруллы-хана, автор «Тарих-и Сальтани» называет лишь имена абдалийских ханов. Сведения о таком составе джирги подтверждаются и другими историческими сочинениями.

³ М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 87—88.

Среди абдалийских ханов наиболее сильным и влиятельным являлся Джемаль, вождь баракзаев. Файз Мухаммад, автор «Сирадж ат-Таварих», называет его ханом, «который своим могуществом и влиянием превосходил всех остальных»¹. Действительно, Джемаль-хан был наследственным вождем баракзаев, самого многочисленного и сильного из абдалийских племен. Но именно поэтому кандидатура Джемаль-хана вызвала возражения ханов других абдалийских племен, боявшихся чрезмерного усиления баракзаев в случае избрания баракзайского наследственного вождя в шахи Афганистана. Афганский историк Губар вполне резонно замечает: «Каждый из ханов считал себя вполне равным другому, а всех их разделяло племенное соперничество»².

Восемь раз заседала джирга в Шир-Сурхе и так и не могла прийти к общему решению.

По рассказам афганских хронистов, Ахмад-хан на джирге не выступал и держал себя с подчеркнутой скромностью и сдержанностью: но эта внешняя незаинтересованность была скорее всего маскировкой. У нас есть серьезные основания полагать, что ко времени созыва джирги Ахмад-хан сумел заручиться не только поддержкой войска, но и высшего мусульманского духовенства.

Вряд ли было бы правильным рассматривать в качестве чистой случайности выступление Баба Сабр-шаха, который на девятом заседании джирги впервые предложил избрать Ахмад-хана на шахский престол. Это был голос высшего духовенства, причем того из его представителей, который давно и самым близким образом был лично связан с Ахмад-ханом. Автор «Тарих-и Сальтани» сообщает нам следующую интересную подробность: Сабр-шах состоял при Ахмад-хане еще в бытность последнего на службе у Надир-хана и вместе со своим покровителем вернулся в Кандагар³. Этот факт удостоверяет современник событий, автор «Муджмил-е-Тарих-и ба'д-Надирийе»⁴.

Предложение Сабр-шаха, как это ни кажется странным на первый взгляд, встретило самую горячую поддержку со стороны Джемаль-хана, которому обычно и приписывают

---

¹ «Сирадж ат-Таварих», т. I, стр. 10.

² М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 88.

³ «Тарих-и Сальтани», стр. 110.

⁴ Сабр-шах и впоследствии находился в числе приближенных нового шаха, пользовался его полным доверием и в 1748 г. был им отправлен в Лахор в качестве афганского посла ко двору пенджабского правителя Шах-Наваз-хана. Индийский ученый Саркар и афганский историк Губар указывают, что Сабр-шах был видным суфием и, вероятно, являлся главой одного из влиятельных религиозных орденов (см. С а р к а р, Ук. соч., т. I, стр. 207; М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 88).

решающую роль в избрании Ахмад-хана на царство. Об истинных мотивах, которыми в данном случае руководствовался как Джемаль-хан, так и вожди других афганских племен, мы узнаем из «Тарих-и Сальтани».

«После выступления дервиша Сабр-шаха абдалийские ханы, а прежде всего хаджи Джемаль-хан баракзай, изъявили согласие на царствование Ахмад-хана по той причине, что народец садозай составляет лишь немногочисленную горсть людей среди племен абдалиев. Ханы знали, что Ахмад-шаху во время своего царствования придется считаться с ними, в случае же, если бы он проявил чувство упрямства, самоуправства, гордости, то ниспровержение его власти не составило бы труда для племен абдали и они свергли бы его»¹.

Здесь мы находим совершенно недвусмысленное указание на то, что будущий шах должен явиться лишь исполнителем воли могущественных ханов абдалийских племен, которые именно с этой точки зрения благожелательно отнеслись к кандидатуре Ахмад-хана. Она представлялась им приемлемой в первую очередь в силу слабости и малочисленности саддозаев, которые поэтому никак не могли служить сколько-нибудь серьезной опорой нового шаха в деле утверждения своей деспотической власти.

Однако навряд ли только одно это обстоятельство обусловило успех Ахмад-хана. Он оказался наиболее подходящим кандидатом для абдалийских ханов и по ряду других причин. Нельзя забывать, что Ахмад-хан принадлежал к роду, наследственно претендовавшему на положение царской династии абдалиев, с чем нельзя было не считаться. Далее, Ахмад-хан в качестве уже проверенного на деле и весьма популярного среди своих воинов начальника и полководца мог наиболее успешно осуществлять ту политику грабежа и завоевания соседних стран, которая всецело отвечала общим интересам афганских ханов. Можно, конечно, возразить, что для этой цели афганским феодалам незачем было избирать его в шахи и было бы вполне достаточно сохранить за ним командование войсками. Но в том-то и дело, что сам Ахмад-хан, уже имея за собой поддержку войска и высшего духовенства, вряд ли удовлетворился бы второй ролью.

Церемонию «дастур-банди» выполнял тот же Сабр-шах, что лишней раз подтверждает его руководящее положение среди представителей высшего мусульманского духовенства. Он возложил на чалму Ахмад-хана вместо короны венки из колосьев спелой пшеницы, с той поры и до нынешнего времени неизменно сохраняющийся в афганском государственном гербе.

---

¹ «Тарих-и Сальтани», стр. 112.

Одним из первых действий нового шаха было переименование племен абдалиев в дурраниев (жемчужные) и принятие им титула Дурр-и дурран («Жемчужина среди жемчужин»). Этот акт не являлся случайным и был исполнен глубокого политического смысла. Примечательно, что, по рассказу афганского хрониста, Сабр-шах сначала предложил своему повелителю другой титул, а именно «Жемчужина веков» (Дурр-доуран). Однако Ахмад-шах «из уважения к своему племени»¹ заменил его титулом «Жемчужина среди жемчужин», одновременно присвоив абдалиям новое и притом почетное наименование — «жемчужные». Приводимые по этому поводу разъяснения афганских и английских историков не выдерживают никакой критики и сводятся к ссылке на божественное видение некоего «светлого мужа», якобы представшего перед Ахмад-шахом во сне и приказавшего ему немедленно изменить свой титул на «Жемчужину среди жемчужин».

На самом деле значение титула «Жемчужина среди жемчужин» имеет самую близкую аналогию с известной формулой феодального Запада «первый среди равных»². Этим самым подчеркивались как ограниченный характер власти шаха, так и привилегированное положение, которое должны были занять в государстве дуррании, а прежде всего их ханы. Одновременное переименование абдалиев в дурраниев как бы подчеркивало те особые отношения, в которых они находились с властью шаха.

Фактическая сторона дела подтверждает это предположение. Мы имеем в виду, прежде всего, наследственное закрепление важнейших должностей в молодом афганском государстве за наиболее влиятельными ханскими родами важнейших дурранийских племен. Так, по данным Эльфинстона, должность вазира (при Ахмад-шахе был только один вазир) была закреплена за ханским родом бамозаи, племени баракзаев. Посты главного докладчика (арс-беги) и главного церемониймейстера (ишик-агаси) шаха достались ханскому роду племени попульзаев. Ханский род исхакзаев оказался наследственным обладателем должности главного шахского конюшего (мирахур-баши)³. Назначение на эти должности было связано с крупными земельными пожалованиями и предоставляло их обладателям значительное влияние на дела государства.

¹ М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 56.

² «Он правил, — пишет об Ахмад-шахе современный английский буржуазный историк, — скорее как первый среди равных, чем как автократ» (см. W. K. F r a z e r - T y t l e r. *Afghanistan. A study of political development in Central Asia*. Лондон, 1950, стр. 64). Книга Фразера в целом представляет образец империалистической фальсификации истории, но в данном случае он верно констатировал факт.

³ См. M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 397—398.

Развитие феодальных отношений происходило в афганском обществе в условиях острой классовой борьбы. В этом отношении громадный интерес представляет народное движение под руководством секты рошани, охватившее во второй половине XVI—начале XVII в. восточные области Афганистана.

Это движение являлось не только освободительным, направленным против чужеземного, могольского господства, но было формой классовой борьбы трудящихся — свободных, хамсая (зависимых) и рабов против эксплуататорской верхушки — знати племен (ханов) и духовенства. Объективной целью этого движения была борьба за землю, за превращение всей земли в частную крестьянскую собственность. В этом и заключалось его прогрессивно-историческое значение. Хотя движение рошани и потерпело поражение, оно привело к частичному освобождению рабов, улучшило долю зависимых, поколебало положение ханов и духовенства.

Развитие феодализма протекало неравномерно в афганском обществе. Этот процесс имел свои особенности у различных афганских племен — вазиров, марватов, баннучей, племен Дамана, юсуфзаев, гильзаев и абдалиев. История развития феодализма у афганцев показывает не только неравномерность этого процесса в различных афганских землях, но и раскрывает причину того, почему именно у хаттаков, а позже и у абдалиев, раньше, чем у других племен, создались предпосылки для создания феодального государства и знать именно абдалиев выступила в качестве политических объединителей афганцев и заняла господствующее положение в Дурранийской державе, возникшей в 1747 г. В результате анализа развития феодализма у абдалийских племен и изучения условий, в которых происходил этот процесс, мы пришли к следующим выводам: во-первых, самый процесс оседания абдалиев на землю происходил в формах, подрывавших родо-племенные связи и способствовавших смешению членов различных племен и подразделений между собой; во-вторых, этому способствовал характер абдалийской земледельческой общины, не знавшей того внутреннего разделения труда между земледелием и ремеслом, которое столь характерно для общины марватов, баннучей и ряда восточноафганских племен; в-третьих, свою роль сыграло значительное развитие обмена и товарного хозяйства, что было связано как с расселением абдалиев вдоль большой караванной дороги из Индии и Хорасан, так и с тесными экономическими связями между абдалийской сельскохозяйственной периферией и феодальными городами Кандагарской области, населенными главным образом таджиками; в-четвертых, следует отметить значительное влияние, которое оказало на развитие

феодалных отношений, ускоряя его, наделение абдалийской знати функциями сборщиков налога и ответственностью за поставку воинских контингентов, что иногда сопровождалось и пожалованием им земли в качестве джагира со стороны властей феодальных государств, в состав которых входила в XVII—XVIII вв. Кандагарская область.

Нет никаких сомнений, что наряду с внутренними причинами (процесс феодализации в афганском обществе) борьба с внешними врагами ускорила объединение афганских племен и создание феодального государства.

Глава V

ДУРРАНИЙСКАЯ ДЕРЖАВА ПРИ АХМАД-ШАХЕ И АФГАНСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В ИНДИИ

Образование Дурранийской державы явилось результатом того, что афганское общество расколосось на антагонистические классы и что противоречия между этими классами приобрели непримиримый характер. «Государство возникло, — указывал И. В. Сталин, — на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства». Далее И. В. Сталин отмечал две основные функции, характеризующие деятельность государства: внутреннюю (главную) — удержание эксплуатируемого большинства в узде и внешнюю функцию (не главную) — расширение территории своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защиты территории своего государства от нападений со стороны других государств¹.

Образование феодального государства наглядно свидетельствовало о том, что афганская эксплуататорская верхушка не могла больше обойтись без машины насильственного подавления эксплуатируемых, включавших наряду с рабами и зависимыми все возраставшее число свободных. При посредстве государства и через него знать афганских племен, а прежде всего дурраниев, оформилась политически и получила свою организацию классового господства, стоявшую над племенем, объединявшую людей по территории, по месту жительства.

В то же время образование Дурранийской державы как государства раннефеодального и возникшего в результате разложения первобытно-общинного строя вовсе не означало немедленного и окончательного исчезновения остатков прежних

¹ См. И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., Госполитиздат, 1952, стр. 48.

производственных отношений и форм общественного устройства афганских племен. Государства ранне рабовладельческие, так же как раннефеодальные, развивались, «... частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов на их место и, наконец, полностью заменяя их настоящими органами государственной власти...»¹ Именно так обстояло дело и у афганцев. И прошло немало времени, прежде чем афганские феодалы смогли создать то, что Энгельс называет «настоящими органами государственной власти». Это прежде всего определялось уровнем экономического развития афганского общества и характером присущих ему классовых противоречий. Афганская эксплуататорская верхушка больше не могла обеспечить своего господства над эксплуатируемой массой, включавшей рабов, хамсая и возраставшее число свободных, без государства с его аппаратом подавления, стоявшего над племенем, вне родо-племенной организации.

В то же время еще не полностью создались предпосылки, при которых эксплуататорская верхушка могла прямо и непосредственно использовать созданный ею аппарат государственного принуждения для интенсивной и открытой экспроприации своих соплеменников, уже подвергавшихся эксплуатации, но в огромном большинстве сохранявших свои земли и личную свободу².

Дурранийская держава была создана афганской эксплуататорской верхушкой, а прежде всего племенной знатью, ханами, чтобы служить их классовым интересам. Поэтому именно афганская племенная знать (главным образом ханы дурраниев) стала господствующей силой в новообразовавшемся государстве, а главная функция этого государства заключалась в упрочении и расширении власти ханов над своими соплеменниками. В качестве ханов, вождей племен, афганская знать заняла господствующее положение в Дурранийской державе и это новообразовавшееся государство должно было помочь ханам держать в узде массу трудящихся соплеменников. Именно в силу развивавшейся внутри племени классовой борьбы, роста

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 249.

² В этом отношении к Дурранийской державе может быть отнесена характеристика, которую советский ученый С. В. Киселев дал южно-сибирскому государству шаньюев: «Оно было детищем богатой племенной знати, еще недостаточно сильной для экспроприации соплеменников. Знати приходилось очень считаться с отношением остального общества к развивавшемуся имущественному и социальному неравенству. Еще нужно было в интересах знати поддерживать традиционную сплоченность общинно-родового строя». С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1949, № 9, стр. 273.

недовольства рядовых членов племени умалением прав свободных и ухудшением их материального положения, эксплуататорская верхушка шла по пути укрепления и использования остатков родо-племенной организации, все больше превращая ее в орудие собственного преобладания и господства, соответственно видоизменяя и извращая ее функции и характер.

Это явление отмечалось у афганцев и до образования Дурранийской державы. Новое качество проявлялось в том, что теперь племенная знать располагала для защиты своих интересов особой классовой машиной (государством), представлявшей интересы всей афганской эксплуататорской верхушки в целом. Укрепление власти знати над своими соплеменниками достигалось не только и не столько прямым вмешательством государства во внутренние дела племени, как тем, что шахи наделяли вождей или ханов прерогативами правителей, военачальников, а в отдельных случаях назначали их сборщиками налогов (иногда сбор налога брался на откуп) в пределах территориально-административного округа, совпадающего с районом расселения своего племени. Короче говоря, хан, оставаясь вождем племени, облакался в то же время административной, военной, налоговой и отчасти судебной властью в качестве представителя и агента государственной власти¹.

Нет никаких сомнений, что широкое наделение афганских ханов государственными функциями и административной властью ускорило процесс дальнейшего развития феодального строя, увеличило могущество племенной знати и в то же время первоначально способствовало сохранению остатков родо-племенной организации и пережитков патриархальных отношений в афганском обществе. Так, в частности, военная организация афганских племен стала важнейшим элементом устройства вооруженных сил Дурранийской державы, а следовательно, была в известной мере поставлена под контроль государства.

Из всего этого вытекало право шаха смещать вождей племен и назначать на их место других лиц (разумеется, из состава знати данного племени), налагать наказания и штрафы за невыполнение обязанностей перед государством и даже ломать старые племенные деления, заменяя их новыми², как это было, в частности, сделано с гильзаями, которым Ахмад-шах запретил иметь вождя племени. Однако в конечном счете феодализация родо-племенной знати, которая использовала новообразовавшееся государство для усиления своей власти и могущества, неминуемо вызывала сепаратистские тенденции

¹ Подобная практика, имевшая место и прежде, при Моголах, Сефевидях и Надир-шахе, получила теперь всеобщее распространение.

² Ахмад-шах так же отделил ачакзаев от баракзаев и образовал из них отдельное племя.

и подрывала то весьма непрочное объединение, каким была Дурранийская держава. Сохраняя во многих случаях фактическую независимость, располагая самостоятельной вооруженной силой в лице своих дружин и племенных ополчений, бесконтрольно распоряжаясь на территории округов, где они совмещали функции наследственных вождей родного племени, военачальников, правителей, сборщиков податей, афганские ханы имели возможность препятствовать попыткам вмешательства государственной власти в их дела и считались с властью шаха лишь в той мере и степени, в какой это соответствовало их собственным интересам¹. Для них Ахмад-шах являлся, как уже было указано выше, лишь «первым среди равных». Как правило, Ахмад-шах требовал с ханов афганских племен только воинских контингентов для службы в своей армии, причем в некоторых случаях обязанность военной службы заменялась выплатой небольшого денежного налога².

Характерно, что области, населенные крупными афганскими племенами, составляли особые административные деления в Дурранийской державе (так называемые негубернаторские провинции, по терминологии Эльфинстона³), состоявшие под управлением наследственных племенных вождей. В этой связи Ахмад-шаху приписывают следующие слова: «Запад (коренные афганские области. — *И. Р.*) дает мне людей (воинов), а Восток (завоеванные в Индии области. — *И. Р.*) — деньги»⁴.

Как уже указывалось выше, процесс разложения первобытно-общинного строя происходил у афганцев в условиях взаимодействия с феодальным окружением, в условиях своеобразного «вживания» в это окружение. Многоукладность остается характерным признаком базиса новообразовавшегося афганского государства. Изгнав без особого труда из Пешавара Насир-

¹ «Деревни и села управлялись наиб-уль-хукуме (губернаторами) при посредстве местных ханов из числа представителей знати племен. Кроме того, жители нередко были у них в долгу. Хан был преградой, разделявшей народ и правительство, так как правительство, не имея непосредственной связи с жителями, не знало, сколько и какие налоги возлагались на каждого человека и даже на каждую деревню», — пишет современный афганский историк Губар в своем очерке административной системы Дурранийской державы при Ахмад-шахе. См. М. Г у б а р. Ахмад-шах Баба-и Афган, стр. 134.

² Эльфинстон писал про власть дурранийских шахов в отношении афганских племен: «Она сводится к общему надзору над всей территорией королевства и к получению от племен определенного контингента воинов или определенного денежного сбора на нужды общей обороны». M. E l f i n s t o n e. Ук. соч., стр. 179.

³ Там же, стр. 522. В числе девяти негубернаторских провинций Эльфинстон называет земли гильзаев, сафиев, бангашей, тури и джаджей, племен Дамана, хезарейских племен и дурранийских племен Пушт-и Куха.

⁴ Там же, стр. 514.

хана, поставленного Надир-шахом в качестве правителя этой области, подчинив силой оружия земли гильзаев и получив признание в качестве шаха со стороны ханов большинства афганских племен, Ахмад-шах к началу 1748 г. распространил свою власть на Кабул и Пешавар, а затем и на Герат¹. Таким образом, в состав его владений вошли как земли афганских племен, находившихся на разных ступенях разложения первобытно-общинного строя и развития феодализма, так и области, где давно господствовали феодальные отношения. Этим и был обусловлен двойственный характер Дурранийской державы, сохранявшей отпечаток родо-племенных отношений, значительные остатки которых прочно сохранялись в ней.

Дурранийская держава вместе с тем обладала своего рода дополнительным запасом прочности по сравнению с другими раннефеодальными государственными образованиями. В землях афганских племен новообразовавшееся государство преобразовало и использовало еще сохранявшиеся органы родового строя. В экономически передовых районах, где господствовали феодальные отношения (это были земли, в основном заселенные таджиками), оно унаследовало и непосредственно поставило себе на службу уже существовавший государственный аппарат насилия (суд, полицию, налоговый аппарат, отчасти войско)².

В характере шахской власти и в административном делении Дурранийской державы нашла свое выражение двойственность, присущая этому государству. В отношении ханов и вождей афганских племен, а прежде всего дурраниев, Ахмад-шах являлся лишь «первым среди равных», в отношении же покоренных народов и их феодальной верхушки он располагал неограниченной властью. Вся территория Дурранийской державы делилась на области афганских племен, сохранившие в значительной мере свою внутреннюю самостоятельность, и области, занятые преимущественно неафганцами, где шах пользовался неограниченной властью, осуществляя ее через назначенных и сменяемых им правителей.

Афганцы унаследовали от своих предшественников значительный феодально-бюрократический аппарат управления, укомплектованный главным образом таджиками, персами и

---

¹ О признании власти Ахмад-шаха ханами афганских племен см. «Сирадж ат-Таварих», т. 1.

² По сообщению очевидца, Мохаммеда Амина, Ахмад-шаху еще в первый год своего царствования удалось привлечь на свою сторону кызылбашских ханов, в свое время переселенных с несколькими тысячами воинов и их семьями в Афганистан. С тех пор кызылбашские войска составляли часть гвардии дурранийских шахов (См. «Муджмил-е-Тарих-и ба'д Надирийе», стр. 11).

индийцами, которые продолжали нести свои обязанности и при новой власти. И если в собственно Афганистане этот феодально-бюрократический аппарат с его канцеляриями и чиновниками управлял лишь городом и прилегающей округой, то в завоеванных областях он полностью сохранял свои прежние административные функции над всем населением. Официальным языком Дурранийской державы по образцу могольских и иранских государственных учреждений стал язык фарси. Это было закономерно и потому, что городское население Кабула, Кандагара и Герата говорило на близком к персидскому таджикском языке, являвшемся также языком взаимного общения, *lingua franca* между различными народами Афганистана¹.

Наконец, вместе с таджикскими и индийскими по составу своего населения городами (Герат, Кабул, Пешавар и т. д.) афганцы унаследовали разветвленную иерархию мусульманского духовенства и шариат. За могущественным духовным сословием были закреплены все права и привилегии, которыми оно пользовалось при прежних правителях страны; духовенство стало опорой трона, идеологом сильной шахской власти.

Что же касается шариата и суда, то в их лице афганцы получили феодальный суд и развитую систему феодального права, которое стояло над обычным правом племен, конкурировало с ним, медленно и постепенно оттесняя его на второй план.

Как известно, германские племена в период крушения рабовладельческого строя застали гибнущий античный город и завершили его разрушение. В отличие от этого афганские племена унаследовали относительно развитые феодальные города с их довольно многочисленным торгово-ремесленным населением. В Кандагаре, Герате, Газни оно преимущественно состояло из таджиков, в Пешаваре — из индусов, представителей различных торгово-ростовщических и ремесленных каст. Многочисленные колонии индусов также имелись в Герате, Кабуле и Кандагаре².

---

¹ Указанные особенности аппарата управления Дурранийской державы автору этих строк уже пришлось отметить в работе «Возникновение и распад Дурранийской державы». См. «Очерки новой истории стран Среднего Востока», стр. 73.

² См. Forster. Ук. соч., т. II, стр. 72—74, 83, 123, 153, 170, 176. Наблюдения этого путешественника относятся к 1782—1783 гг. Индусские торговые колонии в Афганистане, как, впрочем, в Персии и в Средней Азии, состояли почти целиком из представителей торгово-ростовщических каст марвари и мультани, т. е. выходцев из Марвара (Раджпутана) и Мультана (Пенджаб). К этому заключению пришел Н. М. Гольдберг в своей работе, посвященной русско-индийским отношениям в XVII в. «Ученые записки Тихоокеанского института», т. II. М., Изд-во АН СССР.

Если таджики составляли основную прослойку ремесленников и торговцев в городах, то индусам принадлежало первенствующее место в ростовщичестве, финансировании транзитной торговли и средневековых банковских операциях. «Банковское дело находится всецело в руках индусов», — отмечал Эльфинстон¹. Индусским ростовщикам, своеобразным средневековым банкирам, принадлежало видное место в Дурранийской державе. Это объясняется тем, что они были обладателями крупного денежного богатства, имели широкие связи в области кредита и торговли далеко за пределами Афганистана (Персия, Средняя Азия, Индия), являлись своего рода специалистами во всех делах, связанных с финансовой отчетностью и налоговым делом, отличались коммерческой предприимчивостью и сноровкой.

Создав свое государство, афганская племенная знать не могла обойтись без услуг индусского торгово-ростовщического капитала, и он пользовался особым покровительством со стороны дурранийских шахов, вплоть до того, что индусы обладали в этом мусульманском государстве правом строить храмы и публично отправлять свое богослужение. Функции индусского торгово-ростовщического капитала в Дурранийской державе наиболее подробно описал Эльфинстон.

Прибыли индусских купцов и ростовщиков получались, отмечал Эльфинстон, «от дачи денег взаймы, что они делают по тройным процентам, от учета векселей и от сделок, связанных с колебанием валюты в той местности, где они проживают. Они также совмещают торговлю и маклерские операции с собственно банковскими».

Другим источником их дохода является дача денежных авансов правительству под казначейские ассигновки (бараты) на провинциальные налоги, и эта рискованная спекуляция привлекает в силу лажа, обычно крупного и еще возрастающего при риске неуплаты»².

Говоря о лаже, автор имеет в виду, что индусские ростовщики принимали и непосредственно оплачивали казначейские ассигновки на налоговые доходы провинции не по номиналу, а значительно ниже их нарицательной стоимости, страхуясь тем самым от возможной невыплаты по ассигновке на местах.

Наконец, подобно исфаганским баням при Сефевидях, индусские торговцы и ростовщики в Афганистане принимали крупные денежные средства от дурранийской знати для помещения их в торговые и ростовщические операции.

---

¹ См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 255.

² Там же.

«Эта практика, — писал Эльфинстон, — связывала интересы индусских банкиров и знати»¹. Индусские ростовщики также финансировали завоевательные войны Ахмад-шаха, предоставляли ему займы на уплату жалованья войскам и, вероятно, ведали снабжением его армии во время походов на Индию. Они же выступали скупщиками военной добычи.

После распространения власти Дурранийской державы на правобережье Инда особенно крупная роль в этих операциях принадлежала средневековым банкирам и богатеям-ростовщикам, составившим целую колонию в городе Шикарпуре. «Нет никаких сомнений, что Шикарпур достиг высокого положения под властью Дурранийской монархии, и обогащение его банкиров было главным образом связано как с ростовщической сущностью их операций, так и с недостатками в характере их афганских контрагентов. Многие из этих банкиров разбогатели на займах государственным министрам, как правило мало понимавших в финансах, а также выступая в качестве казначеев дурранийской знати, которая передавала им для вложения в торговлю и ростовщичество добычу, полученную в результате управления провинциями и областями Дурранийского государства»².

Массон также утверждает, что шикарпурские банкиры и ростовщики финансировали завоевательные войны Ахмад-шаха и брали от него на откуп сбор различных налогов³. О том, что индусские ростовщики зачастую выступали в качестве откупщиков и занимали видные должности в налоговом аппарате Дурранийской державы, сообщают и другие авторы⁴. Основываясь на личных наблюдениях (1808), Эльфинстон писал, что представители индусских торгово-ростовщических каст «. . . часто состоят на службе при дворе, занимая должности, связанные с денежной отчетностью; обязанности управляющих и казначеев при афганских вельможах отправляются либо индусами, либо персами»⁵.

Крупные займы, полученные Ахмад-шахом от индусских торговцев и ростовщиков, дали в его распоряжение денежные средства для оплаты войска и финансирования завоевательных походов. Однако деятельность торгово-ростовщического капитала, развитие откупной системы (откупами занимались и дурранийские ханы) подрывали государственные финансы, и значительно усиливали феодальную эксплуатацию непосредственных производителей.

¹ М. Elphinstone. Ук. соч., стр. 255.

² Ch. Masson. Ук. соч., т. 1, стр. 354.

³ См. там же.

⁴ См. «Сирадж ат-Таварих», т. I; также М. Губар. Ук. соч.

⁵ М. Elphinstone. Ук. соч.; стр. 318.

Обладая властью в новом государстве, афганские ханы (а прежде всего ханы дурраниев) образовали в нем господствующую прослойку феодального класса (в его состав также вошли высшее мусульманское духовенство и пестрая по своему национальному составу служилая знать, унаследованная от Сефевидов, Моголов и Надир-шаха). Таким образом, афганские ханы образовали высшую прослойку феодального класса, которая фактически получила в свое распоряжение уже существовавший аппарат государственного принуждения. Его роль, в частности, заключалась и в том, чтобы насильственно ускорить захват земель неафганского крестьянства дурранийскими племенами. Поставив себе на службу аппарат государственного принуждения и заняв руководящее положение в Дурранийской державе в качестве министров, придворных, военачальников и правителей областей, ханы афганских племен использовали свою власть, чтобы превратиться самим в крупных феодальных землевладельцев на землях, отнятых у местного, неафганского крестьянства. Этот процесс, который вел к образованию афганского крупного феодального землевладения, в конечном счете усиливал сепаратистские тенденции и явился одной из решающих причин распада Дурранийской державы в начале XIX в. Но на первых порах афганские ханы, конечно, были заинтересованы в существовании шахской власти и поддерживали ее, ибо действия этой власти облегчали им захват упомянутых земель и придавали такому захвату обличье «законности».

* * *

В силу характера социально-экономических отношений и классовых противоречий афганского общества раннефеодальное государство Ахмад-шаха являлось завоевательной державой. Действительно, в XVIII в. афганцы выступают в качестве последних значительных азиатских завоевателей на Среднем Востоке. Афганские завоевания начались вторжением гильзаев в 1722 г. в Персию, но получили свой полный размах при Дурранийской державе. В царствование Ахмад-шаха (1747—1773) афганские феодалы подчиняют себе северо-западную Индию и Белуджистан, три раза берут столицу Великих Моголов — Дели, распространяют свое господство на Герат, Хорасан и Сеистан, а за Гиндукушем временно захватывают Балх и доходят до Мерва.

В литературе обычно указывается на исключительно благоприятную обстановку, которая создалась для афганских завоеваний в середине XVIII в., благодаря крушению державы Надир-шаха, распаду империи Великого Могола в Индии и феодальной раздробленности в Средней Азии, достигшей своего

апогея именно в это время. Но если слабость соседних государств могла облегчить успех афганских завоеваний, то это обстоятельство еще не раскрывает их внутренних причин. Последние надо прежде всего искать в экономическом положении самого Афганистана, в классовой структуре тогдашнего афганского общества.

Характер афганского раннефеодального государства как завоевательной державы определялся, на наш взгляд, следующими обстоятельствами.

Процесс развития феодализма в коренных афганских областях привел к разорению части свободных (членов как кочевых, так и оседлых племен), вызвал резкое обострение классовых противоречий и создал значительную прослойку рядовых членов племени, лишившихся прежних средств существования.

Однако продолжала еще существовать старая племенная организация, а сохранявшиеся патриархальные отношения маскировали классовые противоречия, создавая иллюзию единства и братства членов племени, что всячески поддерживалось и использовалось ханами, в значительной мере сумевшими превратить племенную организацию в средство своего возвышения и господства.

В то же время эксплуататорская верхушка еще не располагала той экономической силой, чтобы сломить традиционные социально-экономические порядки и приступить к насильственной и массовой экспроприации свободных. Наоборот, ханство до поры до времени было заинтересовано в сохранении старой племенной организации, разумеется, в целях ее дальнейшего использования как орудия собственного господства.

В этих условиях завоевательные войны являлись для афганских ханов средством приглушить классовую борьбу внутри племени, увлечь за собой всю племенную массу (в том числе и обездоленных свободных) перспективой богатой добычи и, наконец, использовать военную силу своих соплеменников для захвата чужих земель и добычи, достававшихся, разумеется, почти целиком эксплуататорской верхушке племени, а не рядовым его членам.

Таким образом, афганские завоевания были выражением и следствием развития феодализма в афганском обществе, попыткой ханов смягчить остроту классовых противоречий, возникших на основе разложения первобытно-общинного строя и возникновения и развития феодализма, и, вместе с тем, использовать военную силу своих соплеменников в целях захвата и ограбления соседних стран¹. Афганские завоевания,

---

¹ Еще в начале XIX в. Эльфинстон пытался установить связь между структурой афганского общества и политикой завоеваний Ахмад-шаха.

грабительские войны осуществлялись в интересах прежде всего дурранийских и других ханов.

Если политика внешнего грабежа отвечала интересам знати афганских племен, то крупная, до известной степени самостоятельная, роль в ее осуществлении принадлежала государству и его главе Ахмад-шаху, являвшемуся в то же время верховным начальником всех вооруженных сил. Грабительские походы и завоевания в свою очередь укрепляли авторитет и власть шаха, давали ему большую военную добычу, крупные доходы с покоренных народов и возможность содержать многочисленное наемное войско, служившее некоторым противовесом дружинам афганских ханов. В этих условиях успешная завоевательная политика Ахмад-шаха в известной степени обеспечивала ему поддержку большинства афганских ханов. В то же время они весьма ревниво и завистливо относились к возвышению садозайского дома, видели в укреплении шахской власти прямую угрозу своей самостоятельности и при малейшей возможности устраивали заговоры и поднимали восстания.

То обстоятельство, что афганские ханы и племена не были сколько-нибудь прочно объединены, а тем более подчинены шахом, лишали его завоевательную политику твердой базы. Афганский тыл зачастую внушал Ахмад-шаху большие опасения, чем его внешние враги, ибо стоило ему выступить в поход, как в Афганистане возникал очередной ханский заговор или мятеж.

Следует отметить, что заговоры, мятежи и возмущения вспыхивали неоднократно в течение всего царствования Ахмад-

---

Он отмечал, что Ахмад-шах «имел проницательность обнаружить, что потребуется меньше усилий, чтобы завоевать соседние королевства, чем подчинить своих соотечественников» (M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 175). Однако этот автор не мог учесть, что именно развитие феодализма, растущее разорение массы свободных членов племени обостряли классовую борьбу внутри племени и что одной из причин завоевательной политики афганских ханов было стремление парализовать и приглушить эту борьбу. Вместе с тем возрастающая неустойчивость хозяйства многих рядовых членов племени, их разорение создавали обстановку, при которой у них попросту не оставалось другого выхода, как либо нести военную службу у стремени своих ханов, либо переходить в разряд хамсая, зависимых. Весьма характерно в этой связи наблюдение того же автора, что трудность созыва племенного ополчения для военной службы шаху заключалась в том, что оно составлялось по большей части из бедняков (*men of the poorest classes*), видимо не располагавших достаточным вооружением. Как правило, в походах Ахмад-шаха участвовали не племенные ополчения, а ханские дружины. Последние, разумеется, включали и рядовых членов племени, но находившихся в личной зависимости от ханов и зачастую получавших от них оружие и лошадей (см. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 533—534).

шаха. Его вступление на престол было ознаменовано заговором афганских феодалов. Тогда же Ахмад-шах повелел казнить не только замешанных в нем вождей, но по десяти человек их соплеменников, желая показать, что он будет карать государственные преступления, не считаясь с обычным правом афганцев, и что он не боится кровной мести со стороны сородичей казненных.

Через год после вступления Ахмад-шаха на престол, в 1748 г., был раскрыт второй широкий заговор против шаха; в этом заговоре участвовали гильзайские вожди во главе с Нур Мухаммад-ханом Мир-Афганом. В 1752 г. последовало возмущение Дервиш Али-хана, правителя Герата. В 1759 г. от Афганистана отложился было вассальный Белуджистан. В 1761 г., во время похода Ахмад-шаха на Индию, в Афганистане объявились два новых шаха, претендовавших на власть, — Абдуль Халек-хан в Гиришке и Джемаль-хан баракзай в Кандагаре. В том же году произошло серьезное возмущение среди афганских войск в Индии. Еще более крупный бунт вспыхнул во время возвращения Ахмад-шаха из Индии в 1767 г., что сопровождалось восстаниями в самой Индии¹.

Активная роль надстройки, т. е. афганского государства, орудия укрепления власти ханов, проявилась в том, что она способствовала укреплению феодального базиса и ускоряла развитие феодальных производственных отношений в афганском обществе. Эту активную роль наиболее ярко и наглядно можно проследить на мероприятиях правителей афганского феодального государства, проводившихся ими в отношении самих дурраниев и их ханов. Анализ этих мероприятий имеет решающее значение для понимания классовой природы и внутренней структуры державы Ахмад-шаха, поскольку именно дуррании были ядром новообразовавшегося афганского государства, а их ханы заняли в нем руководящее положение.

Сущность и классовая направленность земельно-налоговой политики Ахмад-шаха в Кандагарской области определялись интересами дурранийских ханов, а важнейшим практическим результатом его мероприятий в области земельно-налоговой политики был захват земли дурранийскими ханами, происходивший в больших масштабах. В своей аграрной политике Ахмад-шах исходил из того, что дурранийские племена являлись опорой садозайской династии, а их военные контингенты — важнейшей частью, костяком вооруженных сил афганского

---

¹ Ср. «Муджмил-е-Тарих-и ба'д Надирийе», стр. 10; «Тарих-и Сальтани», стр. 128; «Сирадж-ат-Таварих», т. I, стр. 13, 15, 26; J. R. F e r r i e r. History of the Afghans. . . , стр. 90.

государства. Поэтому дуррании в качестве «шахского племени» были наделены многочисленными льготами и привилегиями по сравнению с другими афганскими племенами¹.

Переходя к анализу мероприятий Ахмад-шаха в области земельно-налоговой политики, необходимо отметить, что дурранийские ханы наделялись от государства военной и административной властью в качестве военачальников и правителей округов².

Ахмад-шах закрепил за дурраниями земли джагир-кульба, предоставленные им в 1738 г. Надир-шахом, но разделил 3 тыс. двойных кульба на 6 тыс. одинарных. От каждой кульбы дуррании были обязаны выставлять двух вооруженных всадников для службы шаху, причем они периодически сменяли друг друга, отбывая службу поочередно³. Во время пребывания в шахских войсках каждый дурранийский всадник, кроме того, получал жалование из казны в размере 25 туманов (277 рупий) в год. Если дурранийский воин не призывался для службы в тот или иной год, он все же получал четвертую часть положенного жалования (около 70 рупий). Из годового жалования 19 туманов (около 209 рупий) выдавались деньгами или баратами (казначейскими ассигновками), а оставшиеся 6 туманов относились за счет правительственного земельного налога,

---

¹ «Более непосредственная связь дурраниев с королем определяется военным держанием, на условиях которого они владеют землей. Король является наследственным вождем племени, обстоятельство, приобретающее особое значение в силу того авторитета, которым пользуются саддозаи среди дурраниев. Король также является военачальником дурраниев и в данном случае более эффективно осуществляет свои права, чем по отношению к другим племенам» (см. M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 400). «В числе других привилегий они освобождены от уплаты налогов, являющихся в азиатских странах основным источником угнетения. Войскам запрещается мародерствовать в их землях». Правительство вмешивается в дела дурраниев лишь для того, чтобы обеспечить себе службу их воинских контингентов и в случаях, когда необходимо гарантировать поддержание порядка (здесь речь, очевидно, идет о подавлении восстаний) (там же, стр. 403). Кроме того, шах давал небольшое приданое каждой дурранийской девушке, выходящей замуж.

² Характеризуя, по данным начала XIX в., военно-административные порядки в Дурранийской державе, установленные Ахмад-шахом в XVIII в., Эльфинстон писал: «Таким образом, командиры конных контингентов, набранных указанным способом (среди их соплеменников. — И. Р.), являлись гражданскими правителями округов, назначенных на их содержание. Эта система была совмещена с племенным управлением, поскольку военные подразделения соответствовали подразделениям самого племени. Таким образом, глава клана является начальником контингента, который выставляет последний, а подчиненными ему начальниками являются малики и муширы хелей и более мелких подразделений, каждый из которых возглавляет свою часть улуса» (M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 401—402).

³ См. H. R a w l i n s o n. Ук. соч., стр. 825.

Дурранийский воин

который непосредственно поступал каждому владельцу джагир-кульба с пожалованной ему земли¹.

Начальники воинских контингентов дурраниев, в зависимости от ранга, как правило, получали за службу более крупные земельные пожалования (джагиры), а в отдельных случаях — соответственное денежное жалование от 100 до 1000 туманов в год (1100 — 11 000 рупий)².

По данным, извлеченным Роулинсоном из архивных документов дивана Ахмад-шаха, джагир-кульба во время правления Ахмад-шаха распределялась определенным образом среди различных дурранийских племен³ (см. табл. 1).

Соотношение между числом джагир-кульба, предоставлявшихся племени или подразделению, и числом воинов, которое данное племя или подразделение должно было выставлять, не было одинаковым для различных племен. Среди дурраниев существовали племена, наделенные землей на более льготных условиях, чем другие. Так, например, алькозай имели 1040 $\frac{1}{2}$ кульба, а выставляли всего 851 воинов для службы шаху, в то время как нурзай имели меньше кульба (868 $\frac{1}{2}$), а выставляли больше воинов (1169), чем алькозай. Недурранийские племена, как, например, гильзай, получали ничтожное количество кульба (всего 24), а давали Ахмад-шаху крупный воинский контингент (1568 человек). Надо полагать, что среди воинов различных племен, несших личную охрану шаха, преобладающее большинство составляли дуррании.

В отличие от других подданных, дуррании не платили подушной подати (хандуди), налога со скота (саргалла), поземельного налога (харадж) и налога с фруктов деревьев и виноградных лоз. Но они были обязаны платить налог с мельниц ($\frac{1}{2}$ харвара зерна или 4 рупии с каждой мельницы в год). С них взимался сбор в размере одной аббаси на содержание старосты (кедхуда) и в размере 12 маундов зерна с каждой кульба поливной земли на содержание мираба. Эти сборы взимались дурранийскими ханами, которые затем производили оплату мирабов и кедхуда. Налог с мельниц также взимался ханами, поступал к ним и составлял часть дохода с их джагиров⁴.

Мероприятия Ахмад-шаха облегчили дурранийским ханам и захват 1000 райят-кульба, которые были оставлены Надир-

---

¹ См. H. Rawlinson. Ук. соч., стр. 827.

² См. там же, стр. 825. 500 кульба поливной земли в окрестностях Кандагара, входившие при Надире в состав шахского домена, были целиком розданы Ахмад-шахом в джагиры дурранийским ханам.

³ См. там же, стр. 827. Роулинсон составил эту таблицу по подлинным налоговым спискам, хранившимся в архивах Кандагара.

⁴ См. там же.

**Распределение джагир-кульба в округе Кандагара во времена
Ахмад-шаха**

Название племени	Число джагир-кульба	Размер воинского контингента
Д у р р а н и и		
Попульзан	965 ¹ / ₄	806
Алькозай	1040 ¹ / ₂	851
Баракзай	1018 ¹ / ₂	907
Ализай	661 ³ / ₄	819
Нурзай	868 ¹ / ₂	1169
Исхакзай	357 ¹ / ₂	635
Кугиани	163	423
Маку	123 ¹ / ₂	100
Итого	5198¹/₂	5710
Н е д у р р а н и й с к и е п л е м е н а		
Тохи	14	1061
Хотак	10	507
Дава	5	45
Какары	56	30
Тарин	25	729
Брахуи	—	518
Итого	110	2890
Воины личной охраны шаха, включавшие представителей разных племен . .		3959
Всего	5308¹/₂	12559

шахом за таджикским крестьянством Кандагарской области. Сбор налогов с этих земель либо предоставлялся на откуп дурранийским ханам, либо они в качестве джагирдаров получали право взимать в свою пользу правительственные налоги с указанных земель¹. Зачастую соединяя в одном лице функции откупщика и феодального землевладельца (джагирдара)

¹ См. Н. Rawlinson. Ук. соч., стр. 825.

с административной властью начальника округа, дурранийские ханы получали широкие возможности экспроприации неафганского крестьянства.

К концу царствования Ахмад-шаха свыше половины упомянутых райят-кульба (а это были наиболее плодородные поливные земли Кандагарского оазиса) на различных основаниях (покупка, вынужденное дарение, насильственный захват) перешли к дурранийским ханам¹. «В результате суровой системы взимания налогов и прямого вымогательства райяты были вынуждены отказаться от владения землей, которую они рассматривали в качестве своей собственности и продавали ее по заниженной цене дурраниям, променяв прежнюю независимость на положение наемных работников на землях, перешедших, таким образом, к дурраниям»².

Джагир-кульба были предоставлены лишь $\frac{1}{10}$ общего числа дурраниев. Этого, конечно, было недостаточно, чтобы удовлетворить земельные аппетиты членов племени.

Земельно-налоговая политика правительства Ахмад-шаха была направлена к тому, чтобы облегчить дурраниям, а в первую очередь дурранийским ханам, дальнейший захват суходольных и поливных земель неафганского крестьянства, земель, не входивших в категорию райят-кульба. Этому содействовали два мероприятия Ахмад-шаха.

С одной стороны, было произведено значительное снижение поземельного налога с суходольных земель, принадлежавших дурраниям или перешедших в их руки. Раньше такие земли облагались налогом в размере $\frac{1}{10}$ валового урожая. Ахмад-шах заменил этот налог обязательством снабжать проходящие войска соломой и пшеницей³. В то же время для неафганского крестьянства (райятов) налог был сохранен в прежнем размере. Кроме того, райяты, в отличие от дурраниев, платили ряд других налогов и сборов (подушную подать, налог со скота, сбор с фруктовых деревьев и виноградников и т. д.).

С другой стороны, сбор налогов с райятов на различных основаниях был передан дурранийским ханам, которые практиковали и в данном случае различные способы вымогательства и угнетения, чтобы лишить неафганское крестьянство земли. Происходил захват не только суходольных, но и той категории поливных земель (т. е. нау-абад — «новоорошенные»),

---

¹ См. Н. Rawlinson, Ук. соч., стр. 828.

² Там же. Надо иметь в виду, что крупная военная добыча, захваченная дурраниями, а прежде всего их ханами, во время завоевательных походов Ахмад-шаха, дала в их руки большие денежные средства, частично использованные для скупки земли.

³ См. там же, стр. 825.

которые составляли собственность людей, их освоивших¹. Такие земли облагались обычно налогом в размере $\frac{1}{10}$ доли урожая: «Суммарный денежный налог обычно взимался с каждого канала или водного потока, причем размер такого налога исчислялся, исходя из средней годовой урожайности полей, орошавшихся данным потоком или каналом»². Ахмад-шах пожаловал этот налоговый доход различным дурранийским ханам либо в качестве жалования за военную службу, либо в виде вознаграждения за прошлые заслуги³. Дурранийские ханы не замедлили использовать свое положение, чтобы отнять поливные мюльковые земли у прежних собственников.

Таким образом, на протяжении каких-нибудь двадцати пяти лет царствования Ахмад-шаха дуррании овладели всеми землями райятов шахского домена, половиной райят-кульба Кандагарской области и почти полностью вытеснили неафганское крестьянство с его суходольных и поливных земель в предгорьях Хезараджата, в долине Тарнака, Аргесана, в районах Каданай и Дора. «Лишь незначительная часть земель в этих районах осталась за туземным крестьянством»⁴.

Немалая часть этих земель досталась рядовым членам дурранийских племен, переходивших к оседлости. Но значительная часть земли с самого начала перешла в руки ханов, подвергавших феодальной эксплуатации не только лишившихся земли таджикских, хезарейских и других неафганских райятов, но и собственных соплеменников.

Получал ли дурранийский хан землю в джагир, выступал ли он в качестве откупщика налогов с определенного округа или приобретал землю путем покупки, захвата или вынужденного дарения — во всех этих случаях он сажал на землю своих соплеменников, сурово требуя с них, наряду с райятами-таджиками, уплаты налогов и выполнения различных повинностей⁵. Нередко дурранийский хан выступал в качестве откупщика земель шахского домена, использовал для обработки таковых своих соплеменников, взимая с них для правительства тяжелое обложение в размере от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ валового продукта⁶.

Таким образом, значительная часть рядовых членов племени, принадлежавших к беднейшей части скотоводов, при переходе

---

¹ Это были мюльковые земли. «Они являлись наследственной собственностью лиц, первоначально «ожививших» новые земли, но большей частью «парсиванов» (таджиков. — *И. Р.*), обладавших богатством и предприимчивостью». Там же.

² *H. Rawlinson*. Ук. соч., стр. 825.

³ См. там же.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. стр. 828.

⁶ См. там же.

к оседлости переходила из разряда свободных в разряд зависимых и формально и фактически превращаясь в бесправных райятов, обрабатывавших земли дурранийских ханов, ставших крупными феодальными землевладельцами. Нет никаких сомнений, что вся земельно-налоговая политика Ахмад-шаха ускоряла этот процесс, облегчая дурранийской знати захват земли и подавление сопротивления трудящихся неафганцев и афганцев.

Зависимое неафганское крестьянство, по обычаю наследственно владевшее землей, к концу царствования Ахмад-шаха в огромном большинстве лишилось ее и превратилось в издольщиков у дурраниев. «При Ахмад-шахе та сторона земледелия, которая давала богатство и независимость, а именно — обеспечение семян для посева, необходимых орудий, рабочего скота и распоряжение полученным урожаем, почти полностью перешла в руки дурраниев на всем протяжении Кандагарской области, в то время как труд по обработке и вспашке поля выпал на долю парсиванов (таджиков. — *И. Р.*) и других райятов, получавших от своих хозяев жалкое вознаграждение, едва достаточное для их пропитания»¹.

Вместе с тем значительная часть самих дурраниев, перейдя от кочевого скотоводства к оседлому земледелию, оказалась в экономической и политической зависимости от дурранийских феодалов-землевладельцев, превратилась в их райятов. Часть дурранийских земель (надо думать, главным образом у ханов) обрабатывалась рабами. Как и у других афганских племен, это были оброчные рабы с хижинами, фактически эксплуатировавшиеся в качестве издольщиков.

Известное распространение, которое получил труд рабов в земледелии Кандагарской области, видимо, объясняется тем, что дуррании, а в первую очередь их ханы, превращали военнопленных, захваченных ими во время походов Ахмад-шаха на Индию, в рабов и выводили их в Афганистан. Так, например, после битвы при Панипате (1761) 22 тыс. захваченных афганцами маратхских пленных были обращены в рабство².

Автор «Хаят-и Афгани» сообщает о дурраниях: «У этого племени каждый человек, обладающий сколько-нибудь значительным достатком, обрабатывает свои земли руками рабов («гулям») или работников («маздур»), а сам только следит за работой. Однако в тех видах работы, где требуется его помощь, он зачастую работает своими руками. Те дуррании, которые бедны, работают в качестве крупных и мелких работников.

---

¹ Н. R a w l i n s o n. Ук. соч., стр. 828.

² См. С а р к а р. Ук. соч., т. II, стр. 350.

Большая часть сельскохозяйственных работ выполняется либо таджиками, либо афганцами — хамсая»¹.

Процесс превращения дурранийского ханства в крупных феодальных землевладельцев происходил не только в пределах Кандагарской области. Сановники и военачальники из дурранийских ханов назначались правителями и получали обширные джагиры, как в других афганских землях, вошедших в состав державы Ахмад-шаха, так и в северо-западных областях Индии (Синд, Пенджаб, Кашмир и Сирхинд), завоеванных афганцами².

Остановимся теперь на вопросе о том, как отразилось образование Дурранийской державы на развитии феодализма в других афганских землях.

Как правило, Ахмад-шах возлагал на местных ханов обязанность поставки воинских контингентов для службы в своих войсках, а в тех случаях, когда военная служба заменялась налогом, ханы отвечали за его своевременную выплату в государственную казну. С некоторых племен, как, например, гильзаев и пешаварских племен, Ахмад-шах требовал и налог и выставление воинских контингентов³. Повсеместное наделение ханов функциями агентов государства, ответственных за поставку воинских контингентов и выплату налога в казну, увеличивало их власть над своими соплеменниками и дало в их руки значительные доходы, ибо немалую долю (обычно до 1/2) собранного налога шахское правительство предоставляло ханам в качестве вознаграждения. Относительно Пешаварской области в исторической литературе имеются сведения, что

---

¹ См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 135. Эти сведения подтверждает Эльфинстон. М. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 407; М а с G r e g o r. Ук. соч., стр. 238.

² Крупнейшие джагиры в завоеванных областях Индии получили военачальники Ахмад-шаха: Джахан-хан, Шах-Вали-хан, Зейн-хан, Шах-Пасанд-хан и другие. («Тарих-и Сальтани», стр. 33). В Мультане завоеватели дуррании образовали влиятельную прослойку землевладельческой знати (см. R. T. R i d g w a y. Ук. соч., стр. 131). Большие земельные владения достались дурраниям и в Пешаваре (см. Gazetteer of the Peshawar District, стр. 126). «В течение 26-ти лет сильного и энергичного правления Ахмад-шаха много представителей дурранийской знати, а также семей богатых или пользующихся религиозным влиянием, поселились в стране, отстроив в Пешаваре более пышные здания, чем раньше существовали в этом городе, и окружили их садами и резервуарами». (Там же, стр. 63). В землях гильзаев дурранийские ханы также получили земельные пожалования. См. М. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 239—440.

³ Так, Эльфинстон писал о гильзайских ханах, что «... в силу связи с шахом каждый вождь имеет власть над своим кланом во всех делах, связанных с поставкой войск королю и выплатой королевских налогов» (М. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 441).

при Ахмад-шахе эта область была подчинена более полному контролю власти, чем раньше¹.

Юсуфзаи никаких налогов не платили, но их вожди с крупными воинскими контингентами участвовали в походах Ахмад-шаха на Индию².

С баннучей и марватов Ахмад-шах не требовал военной службы, но обложил их налогом. Он взимался через местных вождей, которым в качестве цены их лояльности предоставлялась значительная часть собранного ими налога³.

Племена Дамана были подчинены власти назначенного Ахмад-шахом дурранийского правителя. Эти племена были обязаны либо выставлять конные отряды в войска шаха, либо платить налог взамен воинской службы⁴.

Об истории хаттаков в годы правления Ахмад-шаха автор «Хаят-и Афгани» сообщает весьма немногое: «Ахмад-шах абдали издал фирман о назначении Хушхаль-хана хакимом Тери, а Саадатманд-хана — хакимом Акора. Когда маратхская армия, сражаясь с Ахмад-шахом, достигла Аттока, хаким Тери Хушхаль-хан сражался с ними на стороне падишаха и пал в борьбе за веру против маратхов у Гасан-Абдали. Ахмад-шах, выступив из Пешавара, нанес маратхам страшное поражение и, будучи доволен храбростью и предприимчивостью Саадатманд-хана, дал ему титул и сделал его хакимом до Желамы, а Шах-

---

¹ «Отдельные экспедиции были посланы и в сторону юсуфзайских долин, и пограничные деревни юсуфзаев в отдельных случаях подвергались разрушению. Что же касается таппа, расположенных в ближайшем соседстве с городом (Пешаваром. — *И. Р.*), то здесь налоги были увеличены (по сравнению с Моголами и Надир-шахом. — *И. Р.*), установлена сумма налога на каждую отдельную деревню, хотя функции сбора налога по большей части возлагались на вождей кланов» (*Gazetteer of the Peshawar District*, стр. 63). Вожди также отвечали за поставку воинских контингентов в войска шаха (*H. W. Bellew*. Ук. соч., стр. 78).

² Так, Фаттах-хан, вождь манданов, сопровождал Ахмад-шаха с отрядом в 500 всадников и многочисленным контингентом пехоты (*Bellew*. Ук. соч., стр. 77).

³ См. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 34. В Банну «каждый вождь собирал иногда без принуждения, а чаще применяя насилие, правительственный налог со своих соплеменников и передавал собранную сумму назначенным от Ахмад-шаха чиновникам» (см. *Gazetteer of the Bannu District*, стр. 177). При Ахмад-шахе баннучи платили налог в размере 25 000 рупий, а марваты — 40 000 рупий (*S. S. Thornburn*. *Bannu on our Afghan frontier*, стр. 107). Указанный автор сообщает: «Даже Ахмад-шах, наиболее сильный шах этой династии, нашел, что в его интересах предоставлять иса-хельским вождям, которые действовали в качестве его сборщиков налога в этой сравнительно спокойной части шахских владений, половину всего собранного налога в качестве взятки, обеспечивавшей поступление второй половины ему самому» (*S. S. Thornburn*. Ук. соч., стр. 108).

⁴ См. *Gazetteer of the Dera Ismail Khan District*, стр. 36.

Афганский сановник в парадной одежде.

баз-хан стал хакимом Тери вместо Хушхаль-хана шахида»¹. Очевидно, хаттакские правители непосредственно назначались Ахмад-шахом, были обязаны воинской службой Дурранийской державе, а в отдельных случаях становились хакимами в завоеванных афганцами областях Индии и, вероятно, получали там джагиры. Остается неизвестным, взимал ли Ахмад-шах какие-либо налоги с хаттаков.

Хайберским племенам (афридиям и оракзаям) Ахмад-шах ежегодно выплачивал крупные денежные субсидии (одни афридии получали 150 тыс. рупий) за то, что несли охрану Хайберского прохода и отвечали за безопасность следовавших этим путем караванов и воинских частей с их многочисленными обозами².

По существу это мероприятие следует считать продолжением принятой во времена Моголов практики. Оно являлось средством удержать афридиев и оракзаев от налетов и грабежей, затруднявших Ахмад-шаху использование основного пути на Индию, пролегавшего через упомянутый горный проход.

Афганские земли давали Ахмад-шаху незначительный доход да, кроме того, собранные здесь налоги в большей своей части доставались не шаху, а на различных основаниях присваивались ханами. Решающее значение в доходах шахского правительства играла эксплуатация завоеванных земель, а прежде всего Пенджаба, Кашмира и других областей северо-западной Индии.

Так, по данным Абдулкарима Бухорои, доходы Дурранийской державы в правление Ахмад-шаха исчислялись следующим образом:

---

¹ См. М у х а м м а д Х а я т - х а н. Ук. соч., стр. 324.

² См. М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 156, а также Gazetteer of the Peshawar District, стр. 65. «При дурраниях все налоговые доходы Пешавара уходили на выплату субсидий горным племенам и на вознаграждение племенным вождям равнины, которые от времени до времени призывались с отрядами своих соплеменников для службы шаху» (там же). Раверти сообщает данные, относящиеся к концу XVIII—началу XIX в.: «Еще в правление шаха Земана эти племена не платили налогов государству, будучи освобождены от них в качестве вознаграждения за службу охраны (Хайберского. — И. Р.) прохода, и, сверх такого освобождения они жаловались джагирами от правительства на сумму 12 тыс. рупий ежегодно. Так, например, оракзай держали джагиры в долине Пешавара за указанную службу и поэтому называли себя нукерами или слугами государства. Кроме того, хайберские племена были обязаны во время войны выставлять контингенты войск, поскольку при последнем вторжении шаха Земана (в Индию. — И. Р.) они выставили 10 тыс. человек, из них 2 тыс. пехотинцев-афридиев». См. Н. G. R a v e r t y. Notes on part of Afghanistan and Baloochistan. . . стр. 44.

1) Афганские земли

	Доход (тыс. рупий)
Кабул	500
Кандагар	200
Пешавар	600
Дера-Исмаил-хан	400
Логар	200

Итого 1900

2) Вошедшие в состав Дурранийской державы области, занятые неафганскими народами

	Доход (тыс. рупий)
Герат	300
Бамиан и Хезараджат	200
Белуджистан	200

Итого 700

3) Области, завоеванные Ахмад-шахом в Индии

	Доход (тыс. рупий)
Кашмир и Джамму	2800
Шикарпур	900
Мультан	600
Дера-Гази-хан	600
Тальпур	600
Атток	100
Пенджаб	400

Итого 6000

Всего . . . . . 8600 ¹

Приведенные данные Абдулкарима Бухорои имеют весьма приблизительный и неточный характер. В частности, явно преуменьшены доходы, поступавшие в шахскую казну из Пенджаба. О доходах, которые приносил афганским феодальным завоевателям Сирхинд, вообще не упоминается. Все же эти

¹ См. Абдулкарим Бухорои. Ук. соч., стр. 6—7 (франц. перевод).

данные весьма наглядно показывают ведущую роль, которую играла эксплуатация завоеванных народов для афганских ханов и их государства.

Более $\frac{3}{4}$ всех доходов давала Индия, в то время как афганские земли приносили около $\frac{1}{4}$, т. е. в три раза меньше. Кроме налоговых поступлений афганским завоевателям в покоренных областях Индии доставалась огромная добыча, размеры которой совершенно не поддаются исчислению. Афганские завоеватели подвергали разграблению города и области северо-западной Индии, устанавливая здесь режим кровавого террора. Военная добыча и продажа военнопленных в рабство были крупным источником обогащения самого Ахмад-шаха и дурранийских ханов¹.

Следует отметить, что, подобно Махмуду Газнеvidу, афганский шах выводил из Индии тысячи искусных ремесленников². Эти ремесленники украсили пышными зданиями вновь отстроенный Кандагар, они же отливали для афганцев пушки, вроде огромной пушки, бросившей в осажденный Нишапур ядро весом в 40 ман³.

Основным объектом грабительских походов и завоеваний афганских ханов стала именно Индия, ибо она сулила наибольшую добычу и в то же время была слаба и раздроблена. Персия, разоренная почти непрерывными войнами (1722—1747) и жестокой феодальной усобицей, последовавшей после развала державы Надир-шаха, мало привлекала афганских ханов.

---

¹ «В 1761 г. после победы при Панипате в руки Ахмад-шаха попали 300 верблюдов, груженных золотом и серебром, не считая прочей огромной добычи. Тогда же Ахмад-шах взял со своего союзника Шуджи ад-Доула, наваба Ауда, 90 лакхов рупий за помощь ему против маратхов. Несколько раньше, в 1766 г., после взятия Дели, вазир Великого Могола внес в афганскую казну 20 млн. рупий, фактически являвшихся контрибуцией». См. И. М. Рейснер. Роль афганцев в Индии в XVIII в., стр. 109. Огромную добычу принесло афганцам разграбление в 1757 г. гор. Мутры и его богатых индуских храмов. См. Саркар. Ук. соч., т. II, стр. 120—121. Общий размер военной добычи, захваченной Ахмад-шахом в результате похода 1757 г. на Индию, Саркар исчисляет от 30 до 120 млн. рупий (см. там же, стр. 128—129).

Личная добыча шаха Афганистана была погружена на 28 000 верблюдов, не считая других вьючных животных (см. там же, стр. 130).

² «Ахмад-шах переселил в свою столицу значительное число строителей из Индии и восточных провинций Афганистана, назначив им жить в особом квартале, прозванном кварталом строителей. Эта часть Кандагара существует до сих пор и сохранила свое прежнее название» (см. М. Губар. Ук. соч., стр. 177—178).

³ Об участии индийских и персидских мастеров в отливке знаменитой осадной пушки под Нишапуром (эта пушка, кстати, разорвалась после первого выстрела) см. «Тарих-и Сальтани», стр. 119. «Сирадж ат-Таварих» (т. I, стр. 16) отмечает видную роль индийских и персидских ремесленников в постройке стен и башен Кандагара.

Правда, Ахмад-шах подчинил себе Нишапур и Мешхед, но не предпринимал серьезных попыток завоевать внутренние области Персии. Игра не стоила свеч, и первая крупная военная неудача 1755 г., когда Мухаммед Хасан-хан Каджар разбил сильный отряд афганских войск, повлекла за собой отказ Ахмад-шаха от планов дальнейшего завоевания Персии. Афганский историк передает: «Тогда его величество Ахмад-шах, поразмыслив, решил, что он лучше удовлетворится афганским царством и не будет пускаться в необдуманные предприятия»¹.

На севере, за Гиндукушем, афганские войска появлялись несколько раз. Они вторгались в Южный Туркестан, временно заняли Балх, доходили до Мерва. Но здесь завоевательная Дурранийская держава встретила серьезное сопротивление не только со стороны усилившихся во второй половине XVIII в. правителей Бухары, но также и со стороны местного таджикского, туркменского и узбекского населения. Недаром Ахмад-шах завещал своим сыновьям не воевать с узбеками. «Средняя Азия, — говорил он, — это узбекский улей, где много пчел, но мало меду»².

Военная организация — основное орудие внешнего грабежа — имела крупное значение для завоевательной Дурранийской державы, и поэтому на ней необходимо здесь остановиться.

Ударной силой войска Ахмад-шаха была конная гвардия, известная под названием гулямов. К концу царствования этого шаха число гвардейцев достигло 10 000. Они разделялись на 10 конных полков по 1000 человек в каждом. Такие полки носили название дасте (отряд). Гвардейцы снабжались оружием и лошадьми за счет самого шаха, получали из казны жалованье деньгами³. Они носили кольчуги и составляли тяжелую конницу афганского войска. Основным холодным оружием воинов дастха-игуляман были копья. Но главным оружием воина-гвардейца были мушкет и пистолет. Каждый конный гвардейский полк имел свой флажок отличительного цвета. Командиры носили красные чалмы, а солдаты желтые.

Тактика этого рода войск, как, впрочем, и многое другое в афганской военной организации, была заимствована у Надир-шаха. Дастха-игуляман поэскадронно в конном строю сближались с противником, давали залп и затем отходили. Таким

---

¹ См. «Сирадж ат-Таварих», т. I, стр. 12.

² См. M. E l p h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 515.

³ См. M. Г у б а р. Ук. соч., стр. 126. Жалование рядового гуляма равнялось от 10 до 15 туманов в год. См. «Сирадж ат-Таварих», т. I, стр. 52.

образом, конная афганская гвардия, эскадрон за эскадроном вела почти непрерывно залповый огонь по частям неприятельского войска, обрушивая его на наиболее слабое место в боевом порядке противника.

По своему национальному составу гвардейцы, как правило, вербовались не из членов афганских племен, а из кызылбашей, таджиков, а впоследствии, при Тимур-шахе, из хезарейцев и чар-аймаков¹. Рядовым гулямам выплачивалось ежемесячное денежное жалование из казны, а командиры их либо получали денежное содержание, либо вместо жалования им предоставлялись джагиры. Составленная не из афганцев, находившаяся в полном подчинении шаха, относительно дисциплинированная гвардия являлась противовесом ополчениям афганских ханов и служила непосредственной военной опорой Ахмад-шаха. Вместе с тем его гвардия, как уже указывалось выше, являлась основной ударной силой всех афганских войск. Обычно ее держали в резерве с тем, чтобы в решающую минуту обрушить ее на врага и, таким образом, обеспечить перевес над противником и его разгром. По отношению к общему числу афганских войск гвардейцы, как правило, составляли всего около 10%.

Побывавший в Дели в 1758 г. французский очевидец Жан Лов в своих воспоминаниях об империи Великого Могола оставил следующее описание гвардии Ахмад-шаха: «В войсках абдали, — писал он, — нет ничего похожего на беспорядок в индийских армиях. Все здесь реально и на месте: и люди, и лошади, и вооружение. Войска афганского шаха подразделяются на сильные эскадроны по тысяче всадников в каждом. Каждый эскадрон имеет отличительный цвет флажков на копьях и находится под начальством командиров, которые обязаны дважды в день лично докладывать абдали. Начальник эскадрона имеет младших командиров, за поведение которых он отвечает. В течение каждого месяца производится жесткая инспекция войск и — что заслуживает особого внимания — их наказывают, во всяком случае, не менее часто, чем вознаграждают. Хотя войска абдали, вообще говоря, хороши, среди них имеются отдельные подразделения, которые далеко превосходят остальные. Они состояются из людей проверенного мужества и воинской доблести. Во время своих военных походов этот государь обязательно держит при себе 12 или 15 таких эскадронов. Это его резервный корпус, предназначенный для решающего удара,

---

¹ Сначала $\frac{1}{3}$ гвардейцев составляли кызылбашаи. См. M. E l r h i n s t o n e. Ук. соч., стр. 531. К концу царствования Ахмад-шаха гвардейцы набирались из таджиков Кабула и прилегающих округов. (См. там же).

силу которого неоднократно приходилось испытывать мара-тхам»¹.

Наиболее многочисленной частью афганского войска являлась ханская конница, точнее — хаванин-и сэваре, буквально «конные ханы». Формирование подобных отрядов обычно поручалось по указу шаха вождям отдельных афганских племен. Указ устанавливал численность того или иного контингента, размеры его оплаты и самый срок службы. Начальником такого контингента являлся хан данного племени, а воины этого отряда состояли в большинстве из дружинников самого хана, его родственников и челяди. На время призыва на службу воины и их командиры получали жалование из шахской казны, причем обычно сам состав отряда являлся неустойчивым, в течение года одни воины сменяли других. Хан, являвшийся начальником отряда, обычно, кроме денежного вознаграждения, получал за службу джагир.

Войска хаванин-и сэваре экипировались за собственный счет, имели собственное оружие, почти исключительно холодное, собственных лошадей, не отличались воинской дисциплиной и фактически составлялись из отдельных и мало связанных между собой дружин². Это была относительно ненадежная и нередко выходившая из повиновения шаху часть афганского войска.

Более боеспособной частью этого рода войск являлись конные контингенты дурраниев, общей численностью в 6 тыс. человек³. Среди дурранийских воинов было много бывалых солдат, ветеранов походов Надир-шаха.

Особую роль выполняла своеобразная полевая жандармерия, известная под названием насекомых (от арабского слова *насек*, что значит устройство, порядок, дисциплина). Самое название, равно как и организация насекомых, были заимствованы афганцами у Надир-шаха. Насежчиане, подобно гулямам, непосредственно и целиком оплачивались из шахской казны, снабжались оттуда же оружием, обмундированием и лошадьми. Функции насекомых были многообразны. Они использовались в качестве чапаров, т. е. шахских гонцов, своеобразных фельдъегерей того времени. На командиров насекомых иногда возлагались и дипломатические поручения. Вместе с тем на насекомых лежало исполнение шахских приказов, наложение

---

¹ J e a n L a w. Memoire sur L'empire Mogol, ed. Martineau. Париж, 1913, стр. 194—195.

² Можно предполагать, что значительная роль в снаряжении и вооружении таких контингентов так или иначе принадлежала их командирам — ханам.

³ Как уже указывалось выше, они держали от шаха джагир-кульба на условии несения воинской службы.

любого наказания не только на командиров и солдат афганского войска, но и на сановников и т. д., их арест, казнь или заточение.

Во время битвы в обязанности насекичан входила охрана лагеря и тыла, а, прежде всего, пресечение самыми жестокими средствами всякой паники, возникавшей в афганском войске. Весьма крупную роль сыграли насекичане в памятный день 14 января 1761 г., когда на первом этапе знаменитой Панипатской битвы часть афганского войска обратилась в бегство. Именно вмешательству насекичан следует приписать тот факт, что Ахмад-шаху удалось быстро остановить панику и восстановить порядок в своей армии.

Вооружение как ханской конницы, так и насекичан состояло главным образом из холодного оружия: лук, стрелы, копьё, меч и в редких случаях мушкет и пистолет.

Пехота занимала второстепенное место в войсках Ахмад-шаха, обычно составляя не более $\frac{1}{4}$ части общего их числа. Первоначально пехота состояла главным образом из контингентов восточных афганских племен — юсуфзаев, момандов, мухаммадзаев, афридиев и оракзаев. Это были прирожденные воины, прекрасно владевшие длинноствольным азиатским мушкетом (так называемый джазаил), меткие стрелки, хорошо умевшие применяться к местности, опытные и инициативные в малой войне, устройстве засад и неожиданных нападений¹. Вместе с тем они плохо подчинялись дисциплине, не знали воинского строя и на марше представляли нестройные скопища. В дальнейшем Ахмад-шах пополнял свою пехоту воинами из покоренных народов. В его войсках появились и хорасанские мушкетеры, и пехотинцы-рохилы, и наемники из числа представителей различных индийских народностей². Впрочем, так было не только в пехоте Ахмад-шаха. Вся его армия разбухла

---

¹ Саркар пишет об афганской пехоте: «Они были хладнокровными и меткими стрелками, опытными в устройстве ночных нападений и засад, чрезвычайно подвижными пехотинцами, в то же время способными действовать и удерживать свой ружейный огонь по указанию своих руководителей. Их правильные залпы производили ошеломляющее впечатление на врага и зачастую решали судьбу сражения. Клановая система афганцев превращала их мужское поколение в прирожденных воинов, способных действовать совместно, самоотверженно подчиняясь единоличной воле высшего начальника» (С а р к а р, Ук. соч., стр. 53). Правильно отмечая высокие боевые качества афганских воинов, автор здесь, как и в других частях своей монографии, явно преувеличивает их дисциплинированность и степень подчинения отдельных контингентов, каждый из которых составлялся из людей определенного племени, верховному начальнику. Притяжение и внутренняя спайка людей одного племени между собой в то же время означала их отталкивание и обособленность по отношению к другим афганским племенам.

² См. К а з и Р а д ж а п а н д и т. Ук. соч., стр. 118.

за счет широкого привлечения неафганцев. Во время похода 1757 г. в войсках этого шаха имелись конные контингенты белуджей во главе с Насир-ханом, гератский контингент из чар-аймаков и хезарейцев под командованием Дервиш Али-хана и крупный отряд узбекской конницы (до 10 тыс.)¹.

Племенные ополчения, состоявшие в значительной своей части из малоимущих членов племени, плохо вооруженных и либо вовсе не имевших лошадей, либо располагавших слабым конским составом, не имели большого значения в военной организации Дурранийской державы². Тем не менее, в ряде походов племенные ополчения восточноафганских племен сопровождали войска Ахмад-шаха в Индию. Боеспособность таких ополчений была невелика, они обычно несли охрану коммуникаций и лагеря.

Интендантской службы в войсках Ахмад-шаха не существовало. В Афганистане войны питались небольшим запасом продовольствия, который каждый брал с собой в поход, пополняя его покупкой у населения, а в Индии жили грабежом. Война питала войну.

Женщин в поход афганцы с собой не брали, выступали налегке, не были обременены обозом, многочисленными палатками и сопровождающими. Это обстоятельство и преобладание конницы в войсках Ахмад-шаха обеспечивали им высокую подвижность. Так, например, в 1762 г. афганские войска за двое суток форсированными маршами ~~покрыли расстояние~~ свыше 200 км от Лахора до Сирхинда.

Родовые и племенные связи налагали отпечаток на всю военную организацию афганцев. В этом заключалась как ее сила, так и ее слабость. С одной стороны, афганец не оставлял своего сородича или соплеменника на поле боя, всегда спешил ему на выручку. Племенные ополчения и «ханская конница» отличались значительной внутренней спайкой. Более того, в силу особенностей воспитания афганского воина, в характере которого сказывались пережитки общинно-родового строя, отдельный афганский боец отличался сравнительно большой самостоятельностью и инициативой, он и без приказа начальников умел применяться к обстановке, принять необходимое

---

¹ См. «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан», стр. 18—19.

² Как указывает Эльфинстон, трудность созыва таких ополчений определялась их классовым составом, тем, что они даже не могли захватить с собой в поход достаточного запаса продовольствия (сушеный творог—крут, хлеб и т. д.). См. M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 534. Эльфинстон пишет, что члены племенных ополчений по большей части «люди беднейших классов». «Поскольку в большинстве случаев их трудно держать вместе и вести в поход далеко от их родных мест, король редко прибегает к созыву ополчения» (там же).

решение. Все это глубоко отличало афганца-воина от наемных солдат Великих Моголов и других индийских феодалов.

С другой стороны, племенные связи не только объединяли, но и разъединяли афганцев. Каждое отдельное ополчение, равно как и отряды ханской конницы, составлялось из людей определенного племени. Более того, эти воинские контингенты были связаны со своим начальником — ханом. Они подчинялись ему, а их непосредственная связь с высшим командованием была довольно слабой. Афганское войско представляло, по сути дела, соединение отдельных племенных ополчений и ханских дружин. Степень повиновения их шаху, являвшемуся верховным начальником всех афганских войск, определялась самой обстановкой. В тех случаях, когда грабительский захватнический поход сулил большую военную добычу и афганское войско шло от успеха к успеху, шаху удавалось, опираясь на гвардию и насекчиан, поддерживать относительный порядок и дисциплину. Более того, в обстановке успешного для афганцев развития войны шах мог рискнуть на применение жестоких репрессий к нарушителям дисциплины, имел возможность настоять на выполнении своих приказов¹.

Именно в силу неразвитости феодальных отношений в афганском обществе Ахмад-шах еще не располагал неограниченной властью над жизнью и смертью каждого афганского воина, не мог установить в своих войсках террористической кровавой дисциплины, как это удавалось Чингису, Тимуру и Надир-шаху. Более того, вооруженные силы Ахмад-шаха по самой своей природе не были способны к длительной войне. Это, прежде всего, определялось тем, что их рядовой состав в большинстве состоял из лично свободных кочевников, полукочевников и оседлых земледельцев, причем обе последние группы не могли отрываться на длительный срок от своего хозяйства.

Люди, для которых военное дело стало профессиональным занятием, составляли лишь незначительную прослойку в афган-

---

¹ Так, например, Ахмад-шах учинил во время индийского похода 1761 г. жестокую расправу с воинами-дурраниями, совершившими нападение на лагерь союзника афганцев, аудского наваба Шуджи ад-Доула. «Прослышав об этом, шах повелел схватить 200 из них, проткнуть их носы стрелой, продеть веревку через образовавшееся отверстие и отвести их подобно верблюдам, связанным одной веревкой, к Шудже ад-Доула, предоставив на его усмотрение, казнить или помиловать виновных. Шуджа ад-Доула отпустил их на свободу» (см. К а з и Р а д ж а п а н д и т. Ук. соч., стр. 100). Но в других случаях, как, например, во время неудачной кампании 1764 г., когда 12 тыс. афганских воинов подняли мятеж, перебили своих начальников, разграбили шахский лагерь и потребовали срочного возвращения на родину, Ахмад-шах не осмеливался прибегать к репрессиям и удовлетворил требование бунтовщиков (см. И. М. Р е й с - н е р. Роль афганцев в Индии в XVIII в., стр. 128).

Чаус-баши в парадной одежде.

ской армии. Поэтому Ахмад-шах не мог надолго покинуть свою афганскую базу, и его попытки задержаться в походе на более длительный срок вызывали бунты и восстания афганских воинов, требовавших возвращения на родину. Обычно кампания Ахмад-шаха в Индии занимала не больше шести-восьми месяцев. Он лишь эпизодически появлялся за Индом с войском, накладывал контрибуции, смещал и назначал правителей, забирал собранные для него налоги, грабил города и деревни и с богатой добычей возвращался обратно. Только в одном случае, когда занятие Пенджаба маратхами поставило под удар все афганские завоевания за Индом, Ахмад-шах провел около полутора лет в Индии (1759—1761), но после Панипатской битвы должен был срочно возвратиться в Афганистан из-за опасности бунта в своем собственном войске.

У дурранийского шаха имелся один, на первый взгляд, соблазнительный выход: совсем оторваться от своей афганской базы, перенести свою столицу из Кандагара в Дели, стать индийским государем, основав еще одну афганскую династию в Индии по примеру Хильджи и Лоди. Но это означало бы полную потерю своей военной мощи, основывавшейся прежде всего на использовании дурраниев и других афганских племен в то время, как для создания себе сколько-нибудь прочной опоры в самой Индии у Ахмад-шаха перспектив не было. В Индии афганских завоевателей ненавидели не только трудящиеся, подвергавшиеся грубому гнету, массовому надругательству и ограблению. Ахмад-шах не мог рассчитывать и на то, чтобы найти себе прочную опору и среди местных индийских феодалов, чьи интересы были серьезно ущемлены. Ахмад-шах отнял у этих феодалов власть и заставлял их делиться с ним значительной частью доходов от эксплуатации крестьян и ремесленников. Даже для тех индийских феодалов, для которых в силу различных причин афганский шах являлся желательным союзником, он был хорош именно тем, что был временным «гостем» в Индии, не задерживался здесь надолго и не мог стать основателем сильного индийского государства. Это понимал и сам Ахмад-шах. Во всяком случае Эльфинстон приписывает ему следующие слова: «Нетрудно устроить столицу в Дели, но, обосновавшись здесь, я потеряю свою военную мощь и стану игрушкой местных сил»¹.

Афганские ханы не хотели отказаться от ограбления и эксплуатации завоеванных областей Индии, ибо это давало им огромные доходы, но они не могли установить и прочную власть над покоренными народами. Афганская военная организация вполне отвечала задаче кратковременного грабительского похода или

---

¹ M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 452.

даже целой серии таких походов, но она совершенно не годилась для длительной борьбы против сильного противника и совершенно не обеспечивала прочной оккупации завоеванных земель. При первых серьезных трудностях эта организация проявляла свою слабость.

Только военный успех, обеспечивавший непрерывный приток богатой добычи, мог держать этот пестрый конгломерат ополчений и ханских дружин различных афганских и неафганских племен в повиновении и заставить его слушаться приказов шаха. Стоило успеху смениться неудачей, как афганские войны и дружины ханов самовольно покидали поле боя, уходили на родину, устраивали бунты, восстания и вообще проявляли открытое неповиновение. Так оно и было во время последних походов Ахмад-шаха, когда ему пришлось столкнуться с таким сильным и неуловимым противником, как сикхи. Это было решающим обстоятельством, заставившим в конечном счете Ахмад-шаха примириться с потерей Пенджаба. Наконец, необходимо вспомнить и то, что афганский шах никогда не имел обеспеченного тыла в самом Афганистане.

* * *

Рост крестьянского движения сикхов в Пенджабе, дальнейшее усиление рохилов в Рохилкханде и джатов в двуречье Джамны и Ганга, а равно на правобережье Джамны; углубление экономической разрухи, разорение крестьян и упадок городов, повсеместные сепаратистские выступления феодалов — таковы наиболее существенные черты, характеризующие положение в Пенджабе и Дели накануне афганского вторжения 1748 г.¹

Власть Великих Моголов приобрела призрачный характер, что неизбежно вытекало из полной утраты ими своей прежней экономической базы, а с нею вместе и тех доходов, которые давали падишам Дели необходимые средства, на которые они содержали войско. Непосредственную экономическую базу Великих Моголов, как самых могущественных феодалов Индии, в свое время составляли обширные земли халисе (шахский домен). Феодалная эксплуатация тяглого крестьянства, сидевшего на землях халисе, давала доходы, которые непосредственно поступали в шахскую казну. Именно за счет доходов халисе Великий Могол содержал свой двор, центральный правительственный аппарат и, наконец, хорошо оплачиваемую гвардию, составлявшую непосредственную охрану государя и столицы и являвшуюся ударной силой всего шахского войска.

---

¹ О крестьянском движении сикхов см. подробнее: И. М. Рейснер. Крестьянское движение сикхов в конце XVII—начале XVIII в. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. III.

С начала XVIII в. сильные вельможи, по большей части сами принадлежавшие к придворной делийской знати, стали расхищать земли халисе, расположенные в районе Агра-Дели. Одновременно часть этих земель была захвачена джатами и рохилами. В распоряжении Мухаммад-шаха (1719—1748) уже не оставалось сколько-нибудь значительного фонда земель халисе, что лишало шахскую власть всякой самостоятельности и превращало ее в игрушку борющихся феодальных клик. Что же касается земель, розданных в джагиры, то они фактически стали наследственными, и слабые попытки делийского правительства отнять отдельные джагиры кончались полной неудачей¹. В дальнейшем Великие Моголы полностью лишились земель халисе и единственным доходом делийского двора и правительства оставались ничтожные поступления от таможенных сборов, с делийских базаров, налог на соль и некоторые второстепенные сборы, которые не обеспечивали даже сытой жизни шахскому гарему и дворцовой челяди².

Сам Мухаммад-шах не входил в дела правления, проводил свои дни в гареме, забавлялся битвами слонов. Постоянное курение опиума подорвало и умственные способности и физические силы этого шаха, не имевшего ни власти, ни войска, ни денег. Его вазир Камар ад-дин (сын Амин-хана, являвшегося в свое время главой среднеазиатской феодальной клики), известный и по своему титулу Этимад ад-Доула, сохранил свой высокий пост с 1724 по 1748 г. Вазир был подстать шаху.

Наибольшей властью фактически пользовался аудский наваб Абдуль Мансур (1739—1753), имевший звание Савдар-Джанга. Он был главой иранской феодальной клики. Хронисты-современники называли его «мечом и рукой шиитской партии». Его военные силы доходили до 30 000 человек. Но это было разноплеменное и ненадежное войско. Своим солдатам-наемникам он платил высокое жалование. Выше всех оплачивались наемники-кызылбаши. Жителям Индии, индостанцам Савдар-Джанг платил меньше. Савдар-Джанг без задержек платил своим воинам, но плохо руководил ими и так и не смог ввести в своих войсках сколько-нибудь крепкую дисциплину. Его непосредственную классовую опору составляла верхушка феодальной знати Ауда, принадлежавшая, как и он, к числу семей, переселившихся в свое время в Индию из Персии и исповедовавших ислам шиитского толка.

При делийском дворе продолжалась постоянная то скрытая, то открытая борьба между иранской кликой, возглавлявшейся

¹ См. Саркар. Ук. соч., т. I, стр. 24.

² Там же, т. I, стр. 345; т. II, стр. 35 и 142. Саркар передает, что могольские царевны и другие обитательницы шахского гарема зачастую не получали горячей пищи во дворце и кланчили на улице пропитание.

Савдар-Джангом, и кликой среднеазиатской или «туранской», вожаком которой считался Камар ад-дин. В 1745 г., по настоянию Савдар-Джанга и против воли и желания Камар ад-дина, покровительствовавшего навабу Рохилкханда Али Мухаммадхану, аудские войска совместно с теми силами, которые выставило делийское правительство, предприняли поход в Рохилкханд. Несмотря на значительный перевес сил, могольско-аудские войска не смогли одолеть рохилов. Заключенный в 1745 г. мир носил компромиссный характер. Наваб Рохилкханда согласился уничтожить укрепления своей крепости Бангарх, лишился насильственно захваченных им у могольских и аудских джагирдаров в прежние времена земель, отдал двух сыновей в заложники Великому Моголу, но вместе с тем он был признан полновластным владельцем Рохилкханда и получил пост могольского фаудждара в провинции Сирхинда. Он затаил глубокую ненависть к могольскому шаху и навабу аудскому, и когда Ахмад-шах дуррани совершил в 1748 г. свой первый поход на Индию, Али Мухаммад-хан стал его наиболее надежным союзником против Ауда и делийского правительства.

Таким образом, дальнейший распад Могольского государства, постоянные феодальные усобицы, полное бессилие шахского правительства создавали чрезвычайно благоприятную обстановку для афганского нашествия. Северо-западная Индия была фактически беззащитна перед лицом внешних врагов. Такое же положение складывалось и в пограничном Пенджабе, непосредственно примыкавшем к афганским землям.

Правитель Пенджаба Шах-Наваз-хан в борьбе за власть над этой областью пытался использовать в борьбе против своего брата Яхья-хана сикхов, поощряя их к выступлениям против Яхья-хана и даже снабжая сикхских вождей оружием и деньгами. Шах-Наваз-хану удалось при прямой помощи сикхов овладеть Лахором (конец 1746 г.), утвердить здесь свою власть, завладеть имуществом изгнанного брата и покойного отца. В то же время эта феодальная усобица значительно усилила сикхов. Развивавшееся повстанческое движение сикхов не могли сломить самые жестокие репрессии, проводившиеся против сикхов новым пенджабским навабом. Вместо с тем то обстоятельство, что Яхья-хан сумел бежать в Дели и продолжал пользоваться прямой поддержкой вазира Камар ад-дина, также возбуждало опасения Шах-Наваз-хана¹.

По совету Адина-бека Шах-Наваз-хан решил обратиться за помощью и поддержкой против сикхов и против делийского

¹ «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан», стр. 15; N. K. Sinha. Rise of the Sikh power. Калькутта, 1946, стр. 12; Саркар. Ук. соч., т. I, стр. 192.

правительства к Ахмад-шаху дуррани. Хотя в том же 1747 г. правителю Пенджаба удалось уничтожить значительные силы сикхов — они разбили войско пенджабского вазира и подступили было к самому Лахору. Правда, сикхи потерпели поражение, однако сикхская опасность отнюдь не была устранена. Переговоры между Шах-Наваз-ханом и афганским шахом, очевидно, начались еще в конце 1747 г.¹

Нет никакого сомнения, что между Ахмад-шахом и пенджабским правителем действительно происходили переговоры, иначе совершенно непонятно, почему в начале 1748 г. в Лахоре в качестве вакиля или уполномоченного Ахмад-шаха дуррани явился одно из наиболее доверенных лиц из окружения этого шаха. Ведение переговоров с Шах-Наваз-ханом было возложено на духовного руководителя, или муршида, нового афганского шаха — Сабр-шаха. Как уже указывалось выше, Сабр-шах, повидимому, являлся шейхом одного из религиозных мусульманских орденов и сыграл весьма крупную роль во время джирги афганских ханов, избравшей Ахмад-хана на царство в 1747 г. Посылая именно его в Лахор, афганский шах, безусловно, учитывал большое влияние, которым это духовное лицо пользовалось в Пенджабе. Кстати, сам Сабр-шах был уроженцем Пенджаба².

Прибыв в столицу Пенджаба, Сабр-шах занялся не столько переговорами с Шах-Наваз-ханом, сколько подготовкой почвы для завоевания Пенджаба афганцами. Одетый как дервиш, он раскинул палатку из простой домотканной материи (карбас) вблизи соборной мечети и открыто призывал к подчинению афганской власти. Это ли обстоятельство или же понимание того, что афганское вторжение фактически поведет к упразднению его собственной власти, какие бы обещания не давал Ахмад-шах, но так или иначе Шах-Наваз-хан буквально накануне появления афганских войск в Пенджабе решительно переменял фронт. Он казнил афганского посла Сабр-шаха, добившись приговора у улемов Лахора, обвинивших Сабр-шаха в волшебстве и чернокнижии, обратился в Дели с посланием, где обещал признать власть Великого Могола и просил его немедленной помощи против сикхов и афганцев. Но было поздно. В январе 1748 г. афганцы уже были под стенами пенджабской

¹ В «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан» сообщается, что Шах-Наваз-хан предлагал Ахмад-шаху стать вазиром Могольской державы, а сам метил в падишахи (ук. соч., стр. 14). С и н х а (ук. соч., стр. 15), наоборот, утверждает, что делийская корона предназначалась Ахмад-шаху, а вазирство — Шах-Навазу. Каннингхем (J. P. C a n n i n g h e m. A history of the Sikhs. Оксфорд, 1918, стр. 92—93) сообщает о самом факте предложения Шах-Наваза афганцам вторгнуться в Пенджаб и прийти к нему на помощь вооруженной силой.

² См. «Тарих-и Сальтани», стр. 124; С а р к а р. Ук. соч., т. I, стр. 207.

столицы Лахора. Как и следовало ожидать, делийское правительство пребывало в бездействии, и хотя и было объявлено о сборе войск для отпора Ахмад-шаху, однако эти приготовления производились с чрезвычайной медлительностью.

Уже в конце 1747 г. Ахмад-шах подчинил Газни, Кабул и Пешавар. В декабре 1747 г. афганские войска во главе с Ахмад-шахом выступили из Пешавара в Пенджаб¹. Двигаясь форсированными маршами, афганские силы переправились через реку Инд у Аттока по мосту, построенному из лодок. Как уже отмечалось выше, правитель Пенджаба Шах-Наваз-хан в последнюю минуту отказался от сотрудничества и союза с Ахмад-шахом и попытался оказать сопротивление. Однако ему не удалось остановить афганского наступления, и решающие события разыгрались в январе 1748 г. под стенами пенджабской столицы — Лахора. После убийства афганского посла Сабр-шаха пенджабский наваб не мог больше рассчитывать на милость Ахмад-шаха и пытался отсидеться за крепкими стенами Лахора².

У афганцев не было тяжелой артиллерии, они не умели осаждать и брать крепостей, поэтому Ахмад-шах ограничился блокадой Лахора, пресекая подвоз продовольствия в столицу Пенджаба. Осуществляя блокаду, афганцы действовали с исключительной жестокостью. Они не только убивали крестьян, пытавшихся доставить хлеб войскам Шах-Наваз-хана, но опустошили и разграбили все прилегающие деревни и уничтожили их жителей. Испытывая недостаток в продовольствии, Шах-Наваз-хан 11 января 1748 г. попытался прорвать афганскую блокаду. Для этой цели было предназначено шестнадцатитысячное войско под командой Мирза Амануллы и Адина-бека. Против них была направлена афганская конная гвардия, применившая свою тактику залпового огня с очень близкого расстояния. Индийские войска оказались совершенно беспомощными. Конные гулямы расстреливали их в упор, уклоняясь быстрым маневром от огня артиллерии противника, огня медленного и неточного. Индийцы, державшиеся сомкнутым строем, несли большие потери, но все-таки удерживали свои позиции и только к вечеру начали отступление к стенам Лахора. Это отступление скоро перешло в паническое бегство. Афганская конница рубила и преследовала отступавших, оказавших слабое сопротивление. Однако Шах-Наваз-хану удалось спастись. Он бежал в Дели, откуда навстречу Ахмад-шаху уже

¹ См. «Тарих-и Сальтани», стр. 125.

² «Муджмил-е-Тарих-и ба'д-Надирийе», составленная современником событий (стр. 11), исчисляет афганские войска в 40 тыс. В «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан» (стр. 15) силы Ахмад-шаха принимаются равными 12 тыс. Последняя цифра более правдоподобна.

выступали войска Великого Могола. Лахор оказался в руках афганцев.

Наложив на город тяжелую контрибуцию в 3 миллиона рупий (из них 2 млн. 200 тыс. наличными), Ахмад-шах запретил войскам грабить столицу Пенджаба. Саркар сообщает: «Взятие Лахора больше чем удвоило силы Ахмад-шаха. Он не только получил огромный выкуп с города — 2 200 000 наличными, захватил собственность Шах-Наваза и его семью, но и смог использовать большой артиллерийский парк и военные склады лахорского форта. Далее, он реквизировал всех лошадей и всех верблюдов, которых он мог найти в самом городе или в его округе, посадил на захваченных лошадей и верблюдов своих пехотинцев и, таким образом, прибавил пять или шесть тысяч испытанных воинов к подвижным отрядам своей конницы, а также значительно увеличил число зембуреков, установленных на захваченных им верблюдах»¹.

19 февраля 1748 г. Ахмад-шах во главе двенадцатитысячного войска выступил навстречу могольской армии. Моголы чрезвычайно медленно развертывали свои силы. Только 23 ноября 1748 г. Мухаммад-шах выслал свои палатки и обоз на один переход от Дели, назначив войскам 14 декабря выступить в поход. Крупнейшим джагирдарам было роздано 60 лакхов рупий, чтобы они собрали свои войска. Они находились под начальством старого Камар ад-дина и состояли из личного отряда этого вазира, контингентов других делийских вельмож, отряда Насир-хана (бывшего субадара Кабула), военных сил раджпутских князей и Савдар-Джанга, наваба Ауда. Эти силы выступили из Дели только 10 января 1748 г. Продвигаясь с необычайной медлительностью, они только в середине февраля достигли Карналя, а в Сирхинд вошли 25 февраля. В Сирхинде Камар ад-дин устроил свою базу и оставил склады продовольствия, часть артиллерии, казну, запасы оружия под очень слабой защитой тысячи всадников.

Могольские военачальники не сделали никаких серьезных приготовлений перед встречей с афганскими войсками: разведка отсутствовала, линия коммуникаций с Дели не была обеспечена, не было принято мер, чтобы наладить снабжение войск продовольствием. От Сирхинда могольские войска направились дальше на восток к переправе через реку Сатледж у Мачивара². Всякая связь с Дели и Сирхиндом войсками Камар ад-дина была утрачена.

Между тем афганцы совершенно неожиданно приблизились к могольским силам и притом со стороны, с которой их меньше

¹ Саркар. Ук. соч., т. I, стр. 210—211.

² Это местечко расположено на 30 километров севернее Лодианы, где также имелась переправа через Сатледж.

всего ожидали. Чтобы обеспечить скрытность передвижения, Ахмад-шах, никогда не останавливавшийся перед массовым избиением индийцев, приказал убивать всякого, кто попадется на пути марша его войск. Двигаясь форсированными переходами, афганские силы 1 марта переправились через Сатледж у Лодианы, а следующей ночью внезапным нападением захватили Сирхинд с могольской казной и огромными запасами оружия и снаряжения¹. Ахмад-шах немедленно отправил добычу, палатки и захваченных пленных к Лахору, оставил в Сирхинде четырехтысячный гарнизон и отправился на поиски противника.

Решающая битва произошла у Мачивара, куда афганцы совершенно неожиданно для моголов подступили с востока (т. е. со стороны Дели). После канонады, продолжавшейся в течение нескольких дней, силы противников встретились 11 марта 1748 г. в открытом бою. В самом начале боя случайно залетевшее афганское ядро убило вазира Камар ад-дина, могольского командующего, совершавшего утренний намаз перед своей палаткой. Командование принял более энергичный и молодой Миан аль-Мульк. Численностью индийские войска, имевшие около 60 000—70 000 бойцов, значительно превосходили афганцев. Авангард индийских войск составлял контингент покойного вазира во главе с Миан аль-Мульком. На правом крыле располагался Савдар-Джанг с его кызылбашскими отрядами; центром командовал Ахмад Мирза, наследник могольского престола; на левом фланге располагался контингент Ишвари-сингха, джайпурского раджи, а также и других раджпутских князей; арьергардом руководил Насир-хан. Могольский лагерь находился позади центра боевого расположения войск Миан аль-Мулька.

План Ахмад-шаха состоял в том, чтобы, не завязывая сражения по всему фронту, уничтожить могольский авангард под командованием Миан аль-Мулька, конной атакой сломить фланги врага и, вызвав в его рядах панику, прорваться к лагерю моголов, для чего был выделен особый отряд гвардейской конницы. Однако ряд обстоятельств помешал выполнению этого плана. Из них существенным было то, что моголы обладали преимуществом в артиллерии. Свыше 70 орудий было размещено в боевых порядках могольского авангарда. Их огонь наносил чувствительные потери афганцам и в известной мере предохранял могольский авангард от огневых налетов афганской конницы.

---

¹ По сообщению «Сирадж ат-Таварих» (т. I), Ахмад-шах произвел в Сирхинде массовое избиение жителей. Дословно: «Город разграбил, а всех, кто сопротивлялся — убил».

Более успешно действовали афганцы на левом фланге, где им противостояли раджпуты. Раджпутские воины лучше всего действовали в рукопашном бою, но афганцы, не доводя дело до рукопашной, расстреливали их из мушкетов, пистолетов и зембуреков. Обратив в бегство раджпутов, афганцам удалось захватить могольский лагерь и выйти в тыл боевым построениям Миан аль-Мулька. Битва приближалась к решающему моменту. Между тем, сохранив свои основные силы, Миан аль-Мульк перешел в энергичное наступление на афганский центр, значительно ослабленный тем, что Ахмад-шах сосредоточил свои основные силы на флангах. К времени атаки Миан аль-Мулька на афганский центр также обнаружилось неудачи афганских войск, действовавших против правого могольского фланга под командованием Савдар-Джанга. Здесь афганцы начали подготовку своей атаки с помощью зембуреков. Более 700 этих зембуреков расположились на холме, командовавшем позицией Савдар-Джанга. Приколенив и связав верблюдов цепями, афганцы начали обстрел аудцев из своих легких пушек. В ответ Савдар-Джанг бросил в атаку на холм двухтысячный отряд своих мушкетеров. Афганские артиллеристы были подвергнуты жестокому обстрелу. Огонь зембуреков ослаб, попытка афганцев перейти в контратаку была отбита. Таким образом, афганский левый фланг был разбит, и Савдар-Джанг смог послать значительные подкрепления в помощь Миан аль-Мульку. Одновременно аудцы сами перешли в наступление. К концу битвы центр афганцев заколебался, моголы повсюду перешли в наступление. К этому присоединился взрыв афганских пороховых складов от ракеты, неудачно пущенной самими афганцами. Ракетные станки, как сообщается в «Сирадж ат-Таварих» и «Тарих-и Сальтани», афганцы захватили в Лахоре и приняли на свое вооружение¹. Однако для того чтобы пользоваться примитивным ракетным станком, представлявшим 2¹/₂-метровую железную трубу, укрепленную на треноге (в эту трубу вставлялся длинный бамбуковый стержень ракеты), требовалось большое искусство. Неопытная афганская прислуга в большинстве случаев попадала ракетами в собственные войска, причиняя им значительные потери. Одна из ракет, попавшая в пороховой склад, вызвала взрыв, погубивший около тысячи афганских солдат. Афганские историки приписывают этому взрыву и последовавшей панике неудачу войск Ахмад-шаха в Мачиварском бою². Однако вряд ли можно признать это объяснение правильным. Взрыв произошел тогда, когда афганский центр заколебался, когда левый афганский фланг был сломлен

¹ См. «Тарих-и Сальтани», стр. 271.

² Там же, см. также М. Г у б а р. Ук. соч., стр. 201.

и принципатива перешла к войскам Миан аль-Мулька. Ахмад-шах был не в состоянии остановить бегство своих войск. Но он сумел задержать наступление врага. Гвардейцы Ахмад-шаха под его личным командованием заняли глинобитные укрепления неподалеку от места боя, приняли на себя удар наступавших без особого воодушевления могольских войск и остановили их. Тем не менее, Мачиварский бой принес серьезнейшее поражение афганцам. В хронике отмечалось, что «Ахмад-шах бежал в Кандагар и не был в состоянии задержаться где-либо по дороге»¹.

Отступавших афганцев вдобавок потрепали отряды сикхов. Индийский историк Синха пишет об этом следующее: «Когда Ахмад-шах бежал, преследуемый на расстоянии Миром Мелу (Миан аль-Мульк также известен под этим именем. — *И. Р.*), сикхские сердары Джасса-Сингх, Чара-Сингх, Бхаро-Сингх, Карора-Сингх собрали отряд численностью в 7 000 воинов, заняли Джаландхарское Двуречье и назвали свои войска — даль хальсаджи или «армией хальсы». Чара-Сингх имел стычку с Ахмад-шахом. Часть его лошадей и обоз попали в руки сикхов»².

Моголы имели возможность окончательно разгромить афганские силы, но не использовали эту возможность прежде всего потому, что громоздкое, неповоротливое войско Миан аль-Мулька и Савдар-Джанга совершенно не было способно к решительному преследованию. Только 18 марта могольские войска заняли Сирхинд, а затем и Лахор. Тогда же из Дели пришло известие, что умер Мухаммад-шах. Шахом был провозглашен царевич Ахмад, который с большей частью войск немедленно повернул обратно. Правителем Пенджаба был назначен Миан аль-Мульк, показавший себя в Мачиварской битве способным военачальником.

Состояние Пенджаба было таково, что Миан аль-Мульк не имел ни сил, ни возможностей вытеснить афганцев из Индии. Фактически с 1748 г. большая часть правобережья реки Инда вошла в состав афганской державы Ахмад-шаха дуррани. В его руках также осталась Аттокская переправа через Инд, что давало афганцам удобный плацдарм для дальнейших вторжений в Пенджаб.

За два года, прошедшие до следующего вторжения Ахмад-шаха в 1751 г., Миан аль-Мульку не удалось сколько-нибудь прочно установить свое господство над Пенджабом. Это объясняется, с одной стороны, продолжением освободительной борьбы сикхов, а с другой стороны, враждебностью делийского правительства. В Дели с настороженностью и опаской относились

---

¹ «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан», стр. 15.

² Синха. Ук. соч., стр. 17.

к Миан аль-Мульку, считая, что этот относительно энергичный правитель может превратиться в самостоятельного наваба Пенджаба и эта провинция будет окончательно потеряна. Расположившись в Дели, Савдар-Джанг подстрекал к восстанию против Миан аль-Мулька Насир-хана, который после победы над афганцами в 1748 г. стал правителем пенджабских округов Сналкота, Пасрура, Гуджарата и Арангабада, располагавшихся на северо-западной границе этой области. Миан аль-Мульк подавил этот мятеж. Насир-хан был вынужден бежать в Дели. Вслед за этим Савдар-Джанг поднял новое восстание в Пенджабе. Его орудием служил Шах-Наваз-хан. Получив от своего покровителя деньги, оружие и солдат, Шах-Наваз-хан в 1750 г. вторгся в Пенджаб. Он пытался опереться на сикхов и использовать их для ослабления власти пенджабского правителя: «Шах-Наваз-хан писал письма к сикхам, стремясь вызвать смятение в Лахоре и прилегающих землях, чтобы отвлечь внимание Миан аль-Мулька»¹.

Однако пенджабский правитель остался с большей частью войск в Лахоре, разбил сикхские отряды, а против Шах-Наваз-хана послал сильный кавалерийский отряд под командованием своего вазира Каура Маля. Шах-Наваз-хан потерпел поражение и был убит в бою с войсками Каура Маля. Между тем движение сикхов, опиравшееся на постоянную и действительную поддержку пенджабских крестьян и ремесленников, не только не затихало, но разрасталось все больше. В «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан» о борьбе сикхов в годы правления Миан аль-Мулька сообщается следующее: «Когда войска [Миан аль-Мулька] приближались к ним, то они [сикхи], следуя своим давним повадкам, находили убежище у покровительствовавших им заминдаров или же скрывались в горах. После ухода правительственных войск они [сикхи] снова начинали свои набеги и опустошения»². Миан аль-Мульк, как и раньше другие усмирители сикхов, назначил высокую награду каждому, кто доставит ему отрубленную голову сикха, объявил священной обязанностью всех мусульман убивать сикхов, преследовал их как диких зверей, не останавливаясь перед применением страшных и мучительных пыток и казней. Вместе с тем этот правитель организовал особые подвижные колонны, специальной задачей которых было преследование сикхских отрядов. Как сообщается в упомянутой хронике, «к концу 1749 г. пенджабские дороги стали безопасны и сикхи снова удовлетворялись положением земледельцев»³.

¹ С и н х а. Ук. соч., стр. 18.

² «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан», стр. 15.

³ Там же.

Таким образом, большинство сикхов отказалось от активной борьбы. Эти люди, по большей части крестьяне, снова занялись своим хозяйством, но они, разумеется, были готовы восстать при первой благоприятной возможности. С другой стороны, у сикхов к этому времени, прочно сложилась своя военная организация. Отряды сикхских сардаров по сути дела состояли из профессиональных воинов, которые посвятили всю свою жизнь делу борьбы против мусульманских и индусских феодалов. Эти сикхские отряды в половине XVIII в. уже располагали многочисленными крепостями и укрепленными пунктами, фактически отвоеванными у Моголов. Наконец, пользуясь сепаратистскими настроениями отдельных мусульманских и индусских феодалов, опасавшихся усиления власти Миан аль-Мулька, сикхские сардары, как отмечается в «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхан», в отдельных случаях могли рассчитывать на помощь и покровительство со стороны некоторых индусских раджей и мусульманских феодалов. В этих условиях частичные успехи, достигнутые Миан аль-Мульком в борьбе с сикхским движением, могли носить только непрочный и временный характер. Больше того, полностью сохранялись те общественные условия, которые неминуемо вызывали сочувствие сикхам и самую действенную поддержку их со стороны трудящихся Пенджаба — крестьян, ремесленников, деревенских слуг, всех обездоленных и эксплуатируемых индусскими и мусульманскими феодалами.

За 1749—1751 гг. пенджабскому правителю не удалось сломить силы сикхского движения. Он равным образом должен был считаться с растущим самовластием и самостоятельностью пенджабских феодалов, индусов и мусульман. Наконец, нельзя не видеть, что несогласия и раздоры между Миан аль-Мульком и делийским двором (точнее с Савдар-Джангом, который направлял политику Великого Могола) ослабляли как Дели, так и Лахор перед лицом сильного внешнего врага — мы имеем в виду Ахмад-шаха дуррани, который вскоре начал свой второй поход в Индию. Таково было положение в Пенджабе.

Не лучше обстояло дело в Дели. Расположившись в могольской столице, Савдар-Джанг превратил нового императора Ахмад-шаха в свою марионетку и присвоил все оставшиеся земли шахского домена: «Падишах жил от милостей Савдар-Джанга, — отмечал хронист — современник этих событий. — Падишах, его семья, его личные слуги и его гвардия были на краю голода»¹. Чтобы спастись от голода, могольский падишах производил распродажу дворцового

---

¹ Цит. по Саркару. Ук. соч., т. I, стр. 345.

имущества, посуды, утвари, книг, музыкальных инструментов. Солдаты шахской гвардии большей частью разбежались, ибо им в течение последних трех лет вообще не платили жалования. Оставшиеся представляли настоящие грабительские банды, которые, сохранив оружие, занимались нападением на дома знати, на дворец самого императора, на лавки купцов, на караван-сарай. Разнузданная солдатчина стала настоящей язвой могольской столицы. «Среднеазиатские (вилайати) солдаты и даже гвардейцы падишаха (ахади) силой забирают всякого рода ценные вещи из домов знати, эмиров, святых людей, купцов и ремесленников, а затем продают захваченное добро на базарах, тем самым навлекая позор на столицу и на знать», — отмечается в «Тарих-и Сальтани»¹.

В то же время при делийском дворе продолжалась жестокая борьба различных феодальных клик. В ходе этой борьбы так называемая иранская феодальная группировка при делийском дворе была ослаблена. Пользуясь этим, противники Савдар-Джанга устроили в Дели переворот. Великим вазиром был назначен Гази ад-дин, сын Миан аль-Мулька, связанный так же, как и его отец, со среднеазиатской феодальной кликой.

Такова была обстановка, когда в марте 1751 г. афганские силы снова появились в Пенджабе. На этот раз афганский повелитель не встретил никакого сопротивления со стороны Миан аль-Мулька. Миан аль-Мульк признал себя подданным афганского шаха. Непосредственно к афганским владениям были присоединены четыре западных округа Пенджаба — Пасрур, Гуджарат, Арангабад и Сиалкот. Миан аль-Мульк обязался выплачивать афганцам ежегодную дань в размере 14 лакхов или 1 400 000 рупий. Обложив данью Пенджаб и превратив его правителя в своего вассала, Ахмад-шах дуррани не произвел никаких перемен в администрации и оставил управление Пенджабом за Миан аль-Мульком, обязав его, однако, подчиняться кабульскому двору. Делийское правительство не было в состоянии что-либо предпринять против этого. Правда, Савдар-Джанг был снова вызван в Дели, и здесь было решено попытаться договориться с маратхами о союзе против афганцев. Савдар-Джанг вступил в переговоры с пешвой Баладжи Баджи Рао и заключил с ним договор. Его содержание сводится к следующим основным положениям:

1. Маратхи берут на себя оборону Пенджаба и Дели против афганцев. На содержание маратхских войск делийское правительство обязывается немедленно внести 5 миллионов рупий.

2. Пешве предоставляется право собирать чаут (четвертину налогов) с Пенджаба и Синда, причем доходы с четырех окру-

---

¹ «Тарих-и Сальтани», стр. 43.

гов Пенджаба, которые уже и формально вошли в состав Дурранийской державы (Сиалкот, Пасрур, Арангабад и Гуджарат), а также округов Хисар, Самбаль, Морадабад, Будаун специально предназначается на оплату расходов по содержанию маратхских войск в Пенджабе и Синде.

3. Пешва назначался правителем (субадаром) Аджмира и Агры.

4. Пешве Баладжи Баджи Рао поручалась борьба со всеми внешними и внутренними врагами Могольской державы.

Вызванный в Дели Савдар-Джанг вступил в переговоры с пешвой Баладжи Баджи Рао и заключил с ним договор. По сути дела этот договор (1751) маратхов с Савдар-Джангом устанавливал не что иное, как протекторат пешвы над тем, что представляло остатки Могольской державы¹. Договор был одобрен пешвой и лично представлен Великому Моголу Ахмад-шаху Мульхар Рао Холькаром и Даяджи Синдией. Нет никакого сомнения, что подобный договор мог только поощрить маратхских феодалов в их давнем намерении утвердить свое господство в Пенджабе и Дели. Вместе с тем судьба этого договора наглядно показала маратхам, что, собственно говоря, никакого делийского правительства в природе больше не существует. Между тем, пользуясь отсутствием Савдар-Джанга, делийский падишах, по настоянию Гази ад-дина, успел принять афганского посла Каландарбек-хана и полностью санкционировать установление афганского сюзеренитета над Пенджабом. Делийское правительство совершенно не располагало средствами, чтобы оплатить услуги маратхского воинского контингента. Между тем в апреле 1751 г. в Дели вступило 50 000 маратхского войска. Они требовали обещанных 50 лакхов рупий. Денег в шахской казне, конечно, не было. Маратхи немедленно приступили к изысканию этих средств собственными силами. Они разграбили могольскую столицу и опустошили окрестности Дели. Собрав все, что можно было взять, маратхи в мае 1751 г. покинули Дели.

Таким образом, события 1751 г. имели следующие последствия: афганцы присоединили часть Пенджаба, установили сюзеренитет афганского шаха над всем Пенджабом, обложили Миан аль-Мулька тяжелой данью. Пенджабский правитель не был в состоянии регулярно уплачивать дань, и это давало афганцам и предлог, и возможность дальнейшего невозбранного вмешательства в пенджабские дела.

Другим последствием этих событий было появление маратхских войск в самом Дели. Растущее маратхское влияние при делийском дворе, все более частое появление маратхских войск

¹ Текст договора см. в указанном соч. С а р к а р а, т. I, стр. 362.

в столичном районе неминуемо должно было рано или поздно привести к столкновению двух сил, боровшихся за преобладание в Индии — маратхов и афганцев. Наконец, новый афганский поход усилил развал феодального государственного аппарата в самом Пенджабе. Сикхское движение вновь набирает силы после 1751 г.

Численность сикхских повстанческих отрядов в 1751—1752 гг. достигла 30 000—40 000 бойцов. Это были уже организованные воинские силы, где строгая дисциплина сочеталась с демократическими традициями сикхов, не признававших ни кастовых делений, ни сословных различий. Сикхские воины располагали прекрасными лошадьми и, наряду с холодным оружием, были вооружены мушкетом, умели вести залповый огонь с седла. Сикхи прибегали к партизанской тактике, были способны быстро рассредотачиваться, получая приют в деревнях, и так же быстро собираться вновь. Сикхские конные отряды без труда совершали переходы до 40—50 километров в день. Свои огневые налеты на противника они сочетали с рукопашным боем. Уже тогда сикхские воины представляли значительно бóльшую силу, чем войска маратхских феодалов. В 1751—1752 гг. определились и территориальные пределы владений некоторых сикхских военачальников — сардаров. Таким образом, наряду с продолжавшейся борьбой сикхов за весь Пенджаб уже выделились такие области этой страны, где сикхи прочно удерживали власть, устраивали свои базы, не боясь войск и карательных отрядов своих противников.

Таковы были условия, в которых в течение последовавших походов Ахмад-шаха в 1757 г. заканчивается афганское завоевание Пенджаба и Сирхинда. В 1757 г. Ахмад-шах не только подчинил себе Пенджаб и Кашмир, но овладел Сирхиндом и Дели. Граница Дурранийской державы прошла в 85 километрах к востоку от Дели. Разграбив столицу Индии, Ахмад-шах взял себе в жены одну из родственниц Великого Могола, а самого его окружил своими ставленниками и превратил в орудие афганской политики. Афганскую партию при делийском дворе возглавил Наджиб ад-Доула, хан Рохилкханда. Рохилы, являвшиеся серьезной военной силой в беспокойные времена распада империи Великого Могола, были основным союзником Ахмад-шаха в Индии.

* * *

Результатом афганского завоевания явилось дальнейшее разорение северо-западной Индии. Не ограничившись военным грабежом, афганские феодалы приступили к жестокой нало-

говой эксплуатации покоренного населения. Многие из могольских правителей и чиновников были сохранены Ахмад-шахом на своих местах, но теперь они брали с населения вдвойне: для себя и для выплаты завоевателям. В некоторых случаях Ахмад-шах предоставил сбор налогов откупщикам-афганцам.

Грабежи и насилия завоевателей, увеличение тяжести налогов вызвали отпор со стороны индийского крестьянства, активно поддерживавшего сикхов в их борьбе против чужеземного господства. Успех сикхов облегчался развалом государственного аппарата и ослаблением власти мусульманских феодалов Пенджаба в результате афганских вторжений. Своей прочной власти с северо-западной Индии афганцы так и не могли создать. Уже в 1757 г. афганские феодалы видели в сикхах своих главных врагов в Пенджабе и предприняли против них ряд карательных экспедиций. Афганцам удалось взять Амритсар и сравнять с землей Золотой Храм — сикхскую святыню. Но стоило Ахмад-шаху с главными силами вернуться в Кандагар, как сикхи изгнали и истребили афганские гарнизоны и овладели в 1758 г. столицей Пенджаба — городом Лахором. В Лахоре была отчеканена монета с вызывающей надписью сикхского вождя Джасса Келяля: «Отчеканена по милости хальсы (общины сикхов. — *И. Р.*) в стране Ахмада (шаха. — *И. Р.*), покоренной Келялем Джасса». Одновременно сикхи вступают в союз с Адина-беком, которого Ахмад-шах утвердил правителем Сирхинда. Адина-бек поднял мятеж против афганцев. Кроме сикхов, против афганских завоевателей выступили пешва и маратхские князья. В том же 1758 г. на севере Индостана появилось сильное войско под командой Рагубы, брата пешвы. Маратхи взяли Дели и изгнали афганцев за Инд. Осуществление маратхской гегемонии в Индостане, казалось, было близким.

Ахмад-шах не мог примириться с потерей территорий, завоеванных им в Индии, и огромных доходов, которые они приносили. В борьбе с маратхами он мог рассчитывать не только на собственные силы, но и на союзников из числа мусульманских князей Индостана. Занятие Дели маратхами не предвещало ничего хорошего ни Наджибу ад-Доула рохилкхандскому, ни Шудже ад-Доула, навабу Ауда. В 1759 г. Ахмад-шах вновь появился в Индии во главе сорокатысячного афганского войска. Ему удалось разбить порознь силы маратхских военачальников и вновь овладеть Дели. Своей основной базой он сделал дружественный Рохилкханд. Это обеспечило афганским войскам достаточное снабжение из местных ресурсов и дало им возможность действовать, не считаясь с тем, что их основная линия коммуникаций с Афганистаном была ненадежна и постоянно нарушалась сикхами.

В 1760 г. в Индостане появилась «великая армия» маратхов. Ни до того, ни тем более в последующие годы, маратхи не выводили в поле столь многочисленного и хорошо вооруженного войска. Оно насчитывало около 300 тыс. бойцов при 2400 слонах и многочисленной артиллерии¹. Однако маратхский командующий Садашео Бхоу испытывал постоянный недостаток в средствах. Пешва, глубоко запутавшись в долгах ростовщикам, не мог выделить достаточных сумм даже на текущие военные расходы. На содержание войска Бхоу было нужно пять-шесть лакхов рупий в месяц, а он получал из Пуны не более двух лакхов. Грабеж северной Индии и Дели, основательно разоренных незадолго перед тем Ахмад-шахом, почти ничего не дал маратхам². Маратхский лагерь представлял собой целый город, где сосредоточивались походные базары, ряды лавок и ремесленных мастерских, размещались семьи воинов и начальников, многочисленная лагерная прислуга, десятки тысяч вьючных животных³. Численность лагерной прислуги и сопровождающих в полтора-два раза превышала число войск. Все это, конечно, неблагоприятно отражалось на подвижности маратхов и сковывало свободу их действий.

В маратхском войске причудливо совмещались староиндийские феодальные традиции с элементами организации, свойственной регулярным армиям XVIII в. Это войско обладало многочисленной артиллерией и несколькими тысячами боевых ракетных станков, в его состав входили десять батальонов сипаев, обученных и вооруженных на европейский лад. Маратхские воины хорошо умели возводить укрепления. Но основную массу маратхских военных сил составляли недисциплинированные и разноплеменные наемники, сражавшиеся по старинке и мало чем отличавшиеся от громоздкого и неповоротливого воинства своих прежних противников — Моголов. Таким обра-

---

¹ Наиболее точные данные сообщает очевидец событий Кази Раджа Пандит. Он считает, что основное ядро маратхской армии (сипаи Ибрагима Гарди и гвардия пешвы) насчитывало 60 тыс. человек — 45 тыс. всадников и 15 тыс. пехоты, а контингенты маратхских князей и другие иррегулярные войска — 240 тыс. (см. ук. соч., стр. 67). Эту же цифру называет в своей монографии о падении империи Моголов современный индийский ученый Саркар (Ук. соч., т. II, стр. 286; ср. Н. Семенова. Афгафо-маратская борьба за Индию и Панипатская битва 1761, сб. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока». М., 1951, стр. 87). Персоязычные авторы фантастически преувеличивают численность маратхского войска, называя цифру до 900 тыс. человек (см. «Тарих-и Сальтани», стр. 127). Очевидно, Султан Мухаммад попросту причислил к маратхским войскам лагерную прислугу и так называемых «сопровождающих», а их было много больше, чем комбатантов.

² См. подробный расчет у Саркара. Саркар. Ук. соч., т. II, стр. 252.

³ После победы при Панипате Ахмад-шаху в числе прочей добычи досталось 50 тыс. лошадей и 200 тыс. голов рогатого скота.

зом, маратхское войско, выступившее против афганцев, уже потеряло свои былые преимущества времен народного восстания XVII в. под руководством Шиваджи (подвижность, умение вести партизанскую войну, однородный в национальном отношении состав) и в то же время еще не приобрело тех качеств, которые свойственны регулярной армии. Это и явилось одной из решающих причин панипатского разгрома маратхов. Другой причиной были постоянные раздоры в среде маратхских военачальников. Так, например, князь Индора не был заинтересован в распространении власти пешвы на область Дели, которую он облюбовал для себя, а потому не выполнял приказов маратхского командующего Садашео Бхоу.

Напрасно вождь бхаратпурских джатов, раджа Сурадх Маль советовал маратхскому главнокомандующему Садашео Бхоу оставить семьи, лагерную прислугу и тяжелую артиллерию в тылу, а самому налегке выступить против афганцев¹. Гордый маратх не последовал этому совету, полагаясь на силу своей артиллерии и выучку сипаев Ибрагима Гарди. Дипломатия Садашео Бхоу также не оказалась на высоте. Своим высокомерием и чрезмерными требованиями он оттолкнул джатов и раджпутов и тем самым лишился ценных союзников, сначала выставивших в помощь маратхам до 50 тыс. воинов. Садашео Бхоу не удалось отколоть от афганцев и Шуджа ад-Доула, наваба Ауда². Наконец, военное руководство афганцев оказалось более гибким и умелым, чем у маратхов. Ахмад-шах дал маратхам занять Дели и провел дождливое время 1760 г. в дружественном Рохилкханде, загородившись от маратхов разлившейся Джамной. Они не решились форсировать эту водную преграду под афганским огнем. Но когда Ахмад-шах перешел в октябре 1760 г. в наступление, то его не остановил разлив Джамны. Обманув бдительность маратхов, Ахмад-шах лично кинулся вплавь и переправился на правый берег во главе своей гвардейской конницы. Маратхская армия оказалась обойденной афганцами. Тогда Садашео Бхоу совершил серьезную ошибку. Он отступил не на юг, где пролегали основные коммуникации с его базой — Мальвой и Деканом, а на запад, и окопался на Панипатской равнине. Маратхи были блокиро-

---

¹ Ср. J. S. Grant — Duff. A history of the Mahrattas. Лондон, 1921, т. II, стр. 519.

² Общая численность войск Ахмад-шаха составляла 30 тыс. всадников и 10 тыс. пехоты. После присоединения рохилов и войск Шуджиад-Доула аудского силы антимаратхской коалиции достигли 80 тыс. воинов. По сведениям из «Муджмил-е-Тарих-и ба'д Надирийе» (стр. 127), проведенный Ахмад-шахом 17 октября 1760 г. смотр войск показал следующую их численность: 41 тыс. всадников, 28 тыс. пехоты, 2 тыс. верблюдов с зембуреками.

ваны Ахмад-шахом, отрезаны от своих баз, прижаты к безводной пустыне Тар.

Трехмесячная блокада истощила маратхов, подорвала их дух, в маратхском лагере начался голод, и волей-неволей им пришлось покинуть свои укрепления и принять бой в открытом поле (14 января 1761 г.). Первоначально маратхский правый фланг достиг крупного успеха. Сипаи Ибрагима Гарди смяли рохилов и хорасанских мушкетеров Ахмад-шаха. Но афганский полководец железной рукой пресек панику в тылу, приказав особо для этого назначенным отрядам насекичан, своеобразной жандармерии, убивать бегущих, бросил против сипаев Ибрагима Гарди свой последний резерв — одетый в кольчуги десятитысячный корпус конной гвардии и одновременно повелел своему центру и левому флангу перейти в решительное контрнаступление. Оно было поддержано огнем 2000 зембурек (фальконетов, установленных по два на спинах особо заседланных верблюдов, служивших лафетом для этих легких пушек). Очевидец Панипатского сражения Казид Раджа пандит следующим образом рисует афганское контрнаступление: «Эта сплоченная и мощная атака длилась около часа. В течение этого времени дрались с обеих сторон копьями, мечами, боевыми топорами и даже ножами. Между двумя и тремя часами дня Вишва Рао (сын пешвы. — *И. Р.*) был смертельно ранен и упал с лошади. Садашео Бхоу продолжал вести сражение около получаса во главе своих войск, когда внезапно, как по волшебству, маратхская армия повернулась и, оставляя поле боя, обратилась в стремительное бегство»¹. Разгром маратхов был полным. Садашео Бхоу пал на поле битвы. Его судьбу разделили многие маратхские князья и сердары². Маркс отмечает в своих «Хронологических выписках по истории Индии», что маратхи «никогда не оправились от этого удара».

Каково было значение Панипатской битвы в истории Индии? Мы находим ответ в известном высказывании Маркса: «Неограниченная власть Великого Могола была свергнута его наместниками, могущество наместников было сломлено мараттами, могущество мараттов было сломлено афганцами, и пока все воевали против всех, налетел британец и оказался способным покорить их всех»³.

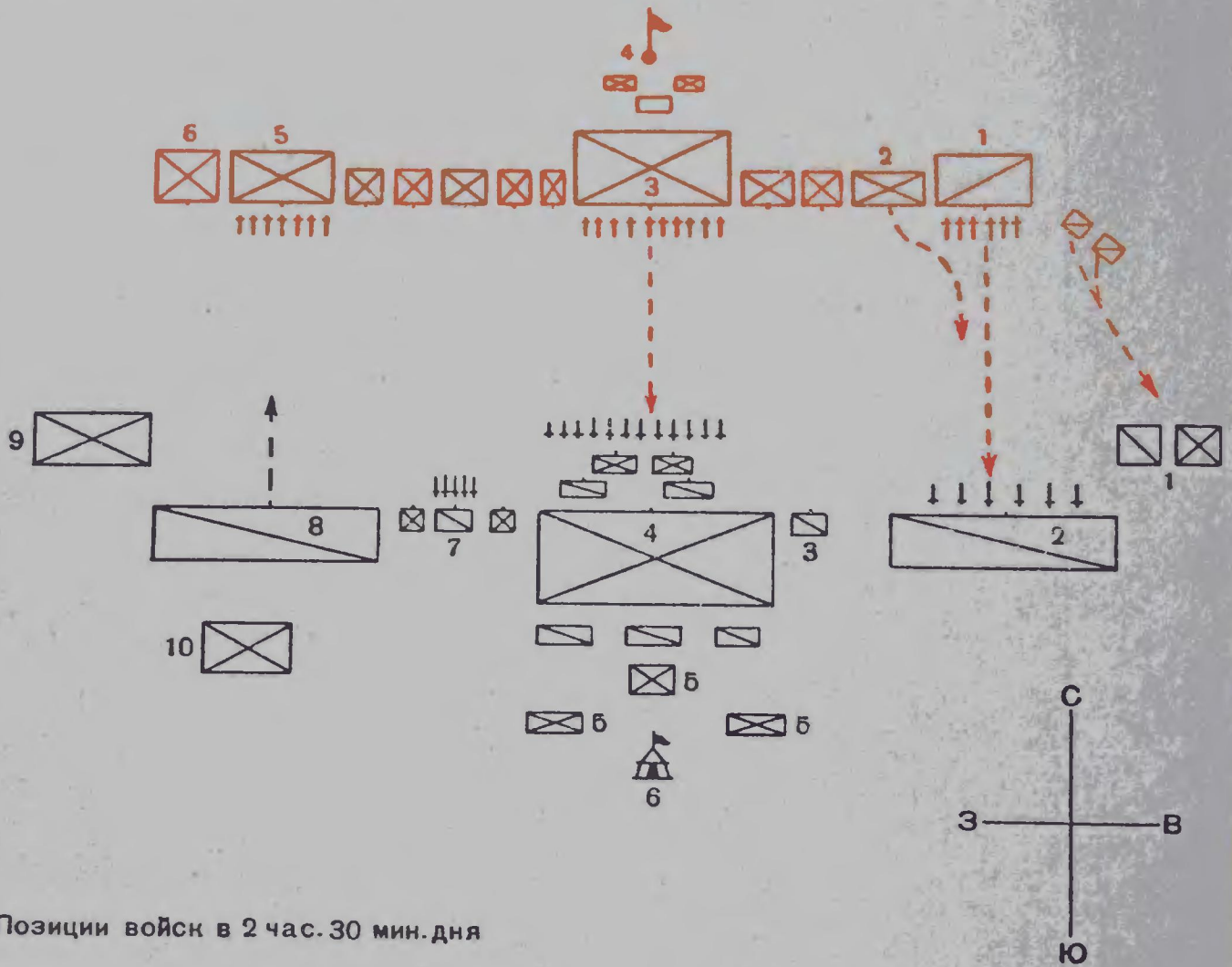
Панипатская битва разыгралась почти одновременно с заключительным эпизодом войны английских и французских, колониальных грабителей за Индию. «В 1761, в год битвы при Панипате, англичане вытеснили французов

¹ К а з и Р а д ж а п а н д и т. Ук. соч., стр. 123.

² Там же, стр. 49.

³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. IX, стр. 362.

1. Позиции войск к 10 час. утра

2. Позиции войск в 2 час. 30 мин. дня

Войска маратхов
  Войска Ахмад-шаха
  Пехота
  Кавалерия
 Прежние позиции
 - - -> Линии атак или отступлений, согласно стрелкам
o o o Бегущие войска маратхов
 †††† Артиллерия

Схема Панипатской битвы 1761 г.

Войска маратхов. Левый фланг — 14.000 чел., основные контингенты: 1 — Ибрагима Гарди (8.000), 2 — Дамаджи Геквара (2.500). Центр: 3 — контингент Бхоу (13.500), 4 — ставка Бхоу. Правый фланг — 17.500 чел., основные контингенты: 5 — князя Гвалиора Джанкоджи Синдия (7.000). 6 — князя Индора Мумхар Рао Холькара (3.000).
 Войска Ахмад-шаха. Правый фланг — 18.000 чел., основные контингенты: 1 — хорасанские мушкетеры (3.000), 2 — пехота рохиллов (14.000), 3 — пехота афганского контингента племени бангаш. Центр — 21.000 чел., основные контингенты: 4 — 15.000 конников под командованием Шах-Вали, 5 — конная гвардия Ахмад-шаха, 6 — ставка Ахмад-шаха. Левый фланг — 23.000 чел., основные контингенты: 7 — аудский контингент наваба Шуджа-уд-Доуле (3.000), 8 — контингент рохиллов Наджиба-уд-Доула (15.000). 9 — афганский контингент Шах-Пасанд-хана (5.000), 10 — резерв.

из южной Индии; 16 января 1761 французы ушли из осажденного Кутом Пондишери, и Кут приказал срыть этот форт; так был уничтожен последний след французского владычества в Индии»¹. Другим следствием Панипатской битвы были окончательный распад и гибель державы Великого Могола: «Дели опустел; управлять им было некому; . . . Могольской империи пришел конец. . .»².

Основные выгоды разгрома маратхов в битве при Панипате достались не афганцам, а английским колониальным захватчикам. Устранив французских соперников и воспользовавшись взаимным ослаблением афганских и маратхских феодалов, английская Ост-Индская компания облегчила себе кровавое дело завоевания и разграбления Индии. «События Семилетней войны, — писал К. Маркс, — превратили Ост-индскую компанию из коммерческой силы в силу военную и территориальную. Именно тогда было положено основание нынешнему владычеству Англии на Востоке»³. Оценивая положение в Индии после Панипатской битвы, К. Маркс отмечал: «Англичане уже в то время были, пожалуй, самой большой силой в Индии»⁴.

Что же касается афганских ханов, то они не извлекли для себя большой пользы из победы при Панипате. Афганская армия была ослаблена. Солдаты роптали и требовали немедленного возвращения на родину. Индийские союзники Ахмад-шаха не были надежны. В самом Афганистане вспыхнул очередной мятеж ханов, одновременно объявилось сразу два шаха, один в Гиришке, другой в Кандагаре, и Ахмад-шаху было не до Индии. Надо было срочно возвращаться в Афганистан. Управлять Индией из Кандагара было так же невозможно, как управлять Афганистаном из Дели, тем более, что между ними лежал Пенджаб, где фактическими хозяевами становились сикхи. В этих условиях Ахмад-шах не возложил на себя корону Великого Могола и не предпринял никаких шагов к основанию новой мусульманской империи в Индии, чего после Панипата одно время так опасались англичане. Он ограничился тем, что провозгласил Великим Моголом беглого могольского царевича Али Гоухара (он находился тогда у англичан в Бенгалии).

Сломив маратхов, Ахмад-шах оказался, однако, бессильным подавить могучее движение сикхов и удержать Пенджаб. В том же 1761 г. сикхи, выждав ухода основных афганских

¹ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.). Госполитиздат, 1947, стр. 49.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 354.

⁴ К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.). Госполитиздат, 1947, стр. 50.

сил, проследовавших с Ахмад-шахом в Кандагар, напали на Зейн-хана, оставленного афганским правителем, и осадили его в Сирхинде. На этот раз Ахмад-шах успел выручить афганский гарнизон. Двигаясь форсированными маршами, этот неутомимый завоеватель вновь появился в 1762 г. в Лахоре и, покрыв за двое суток расстояние в 200 км, неожиданно напал на сикхов под Сирхиндом. Победа афганцев была полной. Более 20 тыс. сикхов легло на поле сражения. Но Ахмад-шах сам понимал, что одна или даже несколько выигранных битв еще не решали дела. Сикхи сохранили опору в народе, их рассеявшиеся отряды быстро собирались вновь, непрерывно пополнялись свежими силами. Ахмад-шах пытался расколоть сикхское движение, приближая к себе отдельных сикхских сардаров. Он даже назначил правителем Пенджаба индуса и повелел ему отказаться от массовых преследований сикхов.

Но эти уступки справедливо расценивались сикхами как явный признак слабости афганских завоевателей. Едва Ахмад-шах вернулся из Пенджаба в Афганистан, как сикхи разбили афганского командующего Зейн-хана и овладели всей территорией Сирхинда от Дели до реки Сатледжа (декабрь 1763 г.). Здесь не оставалось ни одного афганского солдата или чиновника. «Они (сикхи) уничтожали знать и солдат, располагая к себе крестьян и торговцев. Число сикхов достигало 50 тыс. всадников с прекрасным оружием и на дивных лошадях, не считая многочисленной пехоты», — писал анонимный афганский автор XVIII в.¹ Освобожденные от афганских завоевателей и местных феодалов земли были поделены между сикхами, причем сардарам достались более крупные владения. В 1764 г. Ахмад-шах снова появился в Пенджабе, но этот поход окончился полной неудачей. Афганские войска устали от долгой и трудной войны с сикхами и потребовали возвращения в Афганистан. На обратном пути 12 тыс. солдат взбунтовались, разграбили шахский лагерь и перебили некоторых приближенных Ахмад-шаха. В том же году сикхи прочно овладели центральным Пенджабом и, собравшись в Амритсаре, провозгласили свое независимое государство. Большая часть завоеваний Ахмад-шаха в Индии (кроме Кашмира и Синда) была утрачена.

* * *

Панипатская битва имела различные последствия для народов Афганистана и Индии. Для Индии ее историческое значение прежде всего определилось тем, что она разыгралась почти одновременно с заключительным эпизодом войны английских и французских колониальных грабителей за Индию.

¹ «Хакикат-и Бина ва Урудж-и Фирка-и Сикхаи», стр. 22.

Основные выгоды обстановки, создавшейся в результате разгрома маратхов в битве при Панипате, были использованы не афганскими феодалами, а английскими колониальными захватчиками. Устранив французских соперников и воспользовавшись взаимным ослаблением афганских ханов и маратхских князей, английская Ост-Индская компания облегчила себе кровавое дело завоевания и разграбления Индии.

Что же касается Афганистана, то насильственное объединение обширных территорий под властью Ахмад-шаха привело к временному оживлению торговли и росту городов Афганистана. Подобно Махмуду Газнийскому и Тимуру, Ахмад-шах дуррани переселил многочисленных ремесленников из Индии и Ирана, они лили ему пушки, работали в шахских мастерских, воздвигали дворцы и мечети во вновь отстроенном Кандагаре. Но искусственное оживление экономической и культурной жизни немногих городов Афганистана таило в себе семена неизбежного и быстрого упадка. Дурранийская держава оказалась непрочным государственным образованием. Изнутри ее подрывал рост крупного феодального землевладения афганских, в первую очередь дурранийских, ханов, извне — борьба подъяремных народов, обреченных афганскими завоевателями на грубый гнет и жестокую эксплуатацию. Рост крупного землевладения сопровождался ожесточенной междоусобной борьбой дурранийских ханов за расширение своих владений и за полную независимость от вмешательства шахской власти. В стране дурраниев водворилась настоящая феодальная анархия. Вместе с тем дурранийская знать, стремясь сохранить свое господствующее положение в государстве, решительно выступала против малейших централизаторских попыток Садозайских шахов, постоянно поднимая против них мятежи и восстания. В то же время внутренние раздоры все больше ослабляли дурранийскую знать и лишали ее внутреннего единства даже в отстаивании своих общих интересов.

В результате дальнейшего роста крупного феодального землевладения большинство свободных дурраниев, рядовых членов этого племени, оказалось в зависимости от своих ханов, а многие даже лишились своей земли в пользу последних и фактически превратились в тягловых крестьян. Такие крестьяне зачастую не имели ни оружия, ни собственных лошадей, чтобы нести военную службу. Завоевательные войны, которые приносили богатую добычу и новые земельные владения феодалам, ускорили разорение дурранийских воинов-земледельцев, а непрерывные внутренние усобицы и потеря хозяйственной самостоятельности вынуждали их искать защиты и покровительства феодалов, расширявших таким образом как свои владения, так и свою власть над крестьянством. Рост крупного

феодалного землевладения в землях дурраниев и, в меньшей степени и более медленными темпами, в других афганских землях и был основной причиной распада Дурранийской державы и образования на ее развалинах в начале XIX в. четырех самостоятельных уделов или княжеств: Кабульского, Кандагарского, Гератского и Пешаварского. В юсуфзайских горах (долина р. Пянджкоры) в годы наступавшей в это время в афганском государстве феодальной раздробленности существовало еще одно небольшое афганское самостоятельное княжество — Дир, возникшее в конце XVIII в.

Здесь целесообразно остановиться на некоторых подробностях, связанных с возникновением этого феодального княжества. Первым правителем его был Касим-хан. Характерно, что Касим-хан не принадлежал к родовой знати, а был потомком «святого человека» — ахунда. Эльфинстон рассказывает следующее о «перевороте» Касим-хана: «Обладая значительными денежными богатствами и приобретая обширные земли путем покупки или захвата у своих родственников, он затем принял меры против кровной мести и сопутствующих ей беспорядков. Многих нарушителей он изгнал из племени и захватил принадлежавшие им земли. Он установил связи с соседними вождями, поощряя их укрепить свою власть над улусами, и оказывал им помощь в этом деле. Он покорил немало ближайших кафиров и облагал их данью. На эти средства и доходы своих земель он содержал и оплачивал дружину и завоевал решающее влияние в своем племени»¹.

В дальнейшем он совершил удачный набег на Кашмир, а затем, опираясь на свою дружину, открыто овладел властью.

«Сейчас, — писал Эльфинстон в начале XIX в., — он полностью подчинил себе улус. Он сажает в тюрьму, подвергает телесному наказанию и даже казнит. Он покончил с внутренними раздорами и даже завел хорошую полицию. Все зависимые в Пянджкоре подчиняются ему и платят налог, но с членов своего племени он налог не берет»².

Второй причиной гибели Дурранийской державы была борьба подъяремных народов против господства афганских завоевателей.

При ближайшем преемнике Ахмад-шаха, Тимур-шахе (1773—1793), афганцы были изгнаны сикхами из нескольких

¹ M. Elphinstone. Ук. соч., стр. 343.

² Там же. Причины, почему именно в Дире возникло первое юсуфзайское княжество, в советской историографии связывались, в частности, с тем, что долина Пянджкоры была одной из наиболее экономически развитых областей страны юсуфзаев и притом через эту долину проходил важный торговый путь из Афганистана в Кашмир (см. В. А. Ромодин. Ук. дисс., стр. 189).

пограничных пунктов, которые они удерживали в Пенджабе. В Кашмире дважды происходили восстания, и только поход многочисленного войска во главе с самим Тимур-шахом привел в покорность, правда не надолго, эту страну. Хорасан за эти годы три раза отпадал от Дурранийской державы. Становилось все труднее сохранить правителей Мешхеда и Нишапура на положении своих вассалов. На севере в 1789 г. поднялось большое восстание узбеков, получившее на этот раз действительную помощь со стороны эмира Бухарского Мурад-бека. Эти непрерывные восстания и антиафганские выступления расшатывали устои Дурранийской державы и лишали ее шахов крупных доходов, которые они раньше получали за счет населения завоеванных афганцами стран.

В конце XVIII в. и внешняя обстановка изменилась не в пользу афганских завоевателей. Худшие времена феодальной раздробленности Ирана остались позади, и его новые владыки, Каджары, не собирались оставлять Хорасан и Сеистан в руках афганцев. В Пенджабе складывалось сильное государство, оказавшееся в начале XIX в. способным предпринять ряд захватнических войн за отторжение от Афганистана земель правобережья Инда с их преимущественно афганским населением. В Бухаре несколько окрепли мангытские эмиры, которые снова распространили свое влияние на земли левобережья Аму-Дарьи. Теперь у афганских ханов были несравненно более сильные и опасные противники, чем те, с которыми полвека назад они встречались во время завоевательных походов Ахмад-шаха в Индию, Иран и Среднюю Азию. Не только укрепились соседние феодальные государства, но выдохся завоевательный порыв самих афганцев, что явилось не причиной, а следствием быстро прогрессирующего внутреннего упадка Дурранийской державы.

Однако, несмотря на политическую раздробленность (в начале XIX в. Дурранийская держава распалась на четыре феодальных княжества), афганцы оказали героическое сопротивление английским захватчикам, вторгнувшимся в Афганистан в 1838 г., и выбросили их из страны.

Успеху этой народной войны против англичан, объединившей афганцев, узбеков и таджиков в общей борьбе, много способствовало наличие в афганском обществе относительно многочисленного слоя лично свободного и полусвободного крестьянства, которое к этому времени полностью или частично сохранило свою землю и еще не подверглось окончательному закрепощению со стороны афганских феодалов.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- М а р к с, К. 4—6, 31, 52, 62, 99, 100, 105, 108, 110, 113, 119, 120, 131, 137, 140, 143, 173, 177, 193, 194, 201, 213, 220, 238, 247, 280—282, 301, 335, 384, 385
- Э н г е л ь с, Ф. 5, 6, 31, 52, 53, 62, 98, 99, 105, 113, 119, 120, 130, 131, 137, 140, 143, 173, 177, 213, 219, 220, 280, 282, 283, 301, 335, 384, 385
- Л е н и н, В. И. 6, 287
- С т а л и н, И. В. 6, 334
- Аббас I, 27, 67, 309, 310
- Аббот, Дж. (Abbot, J.) 119, 120
- Абдулкарим Бухорои (Бухари) 9, 10, 60, 326, 356, 357
- Абдулла Ансари 277
- Абдуль Кадир 304
- Абдуль Карим 279
- Абдуль Мансур *см.* Савдар-Джанг
- Абдуль Халек-хан 345
- Абдульгафур-хан 10
- Абу-Наср Мухаммад ибн-Абд-аль-Джаббар Утби 29, 30, 32, 62
- Абуль Фазль Аллями 9, 44, 67
- Адина-бек 369, 371, 381
- Азим-хан 60
- Акбар 44, 48, 67, 225, 279, 300, 303
- Акор, малики Акоры 61, 303—305
- Али Гоухар 385
- Али Мухаммад-хан 369
- Алихан Мухаммадзай 10
- Аллайр-хан 314, 315
- Амин-хан 368
- Андреев, М. С. 21, 40, 41, 76, 80, 195
- Антонова, К. А. 22, 275—278, 283, 289, 290, 295, 296
- Аристов, Н. А. 17, 18, 20, 21, 33, 34, 184, 226, 308
- Асланов, М. Г. 8, 21, 22, 24, 36, 50, 51, 57, 104, 106, 108, 276—278, 283, 285—287, 291—293, 296
- Атаулла-хан 24
- Аурангзеб 64, 220, 221, 306, 307
- Афзаль-хан 284, 285, 287, 291, 292, 304
- Ахдад 279, 291
- Ахмад, малик юсуфзаев 92
- Ахмад Лохани, шейх 56
- Ахмад Мирза, наследник монгольского престола, впоследствии Ахмад-шах, Могол 373
- Ахмад-хан, основатель ханского дома Банну 243
- Ахмад-хан Садозай (*см.* также Ахмадшах) 220, 224, 317, 322, 325—330
- Ахмад-шах, падишах, Могол 375, 377
- Ахмад-шах Садозай (дуррани), шах Афганистана 7, 8, 10, 20, 24, 32, 79, 82, 84, 131, 258, 323, 326, 331, 334, 336—338, 341, 342, 344—346, 348, 349—354, 356—360, 362—364, 366, 367, 369—375, 377, 378, 380—389
- Ахмаль-хан 306

- Ашраф (Мир-Ашраф) гильзай, брат Мир-Махмуда, претендент на афганско-персидский престол 312—314
 Ашраф, князь Хаттакского княжества, сын Хушхаль-хана 306, 307
 Ашраф Султан, вождь гильзаев, ставленник Надир-шаха 318
 Ашрафян, К. З. 310
- Баба Сабр-шах *см.* Сабр-шах
 Бабур, Захириддин Мухаммад 9, 33, 43, 44, 48, 62, 67, 72, 79, 83, 94
 Бадаони 296
 Баладжи Баджи Рао 378, 379
 Банерджи, С. (Banerjee, S.) 10
 Бартольд, В. В. 28, 83
 Баха ад-дин Закария 278
 Бахрам 306, 307
 Баязид Ансари 273—281, 283, 284, 286—293, 296, 298
 Баязид-хан 243
 Беверидж, А. (Beveridge, A.) 43
 Бейт, шейх 43
 Беллью, Г. В. (Bellew, H. W.) 15, 16, 24, 29, 30, 70, 77, 82, 83, 94, 114, 116, 119, 124, 125, 126, 130, 134, 139, 141, 144, 150, 180, 181, 182, 186—188, 190, 192, 196, 203, 204, 207, 210, 223, 253
 Бернс, А. (Burnes, A.) 13, 84
 Бернштам, Л. 58, 59
 Бертельс, Е. Э. 27
 Беруни (аль-Бируни), великий хорезмийский ученый 29, 32, 33
 Бродфут Дж. С. (Broadfoot, James Sutherland) 13, 40, 42, 58, 61, 75, 76, 80, 133, 236, 254, 265, 267, 268
 Букинич, Д. Д. 21, 37, 38, 42, 87
 Бутенев 19
 Бхаро-Сингх 375
- В**
 Вавилов, Н. И. 21, 37, 38, 42, 87
 Васильева, Г. П. 161
 Вафадар-хан, садозай 60
 Великие Моголы *см.* Моголы
 Винников, Я. Р. 161
 Вишва Рао 384
 Владимирцов, Б. Я. 59
 Вуд, Дж. (Wood, John) 40
 Вяткин, М. И. 58
- Гадаи 114, 120, 121
 Гази ад-дин 378, 379
- Газневиды, династия 35, 54, 64
 Гани-хан алькозай 315, 318, 324
 Гарсия де Сильва 67
 Гафуров, Б. Г. 8, 24, 76
 Генджу (Чинджо) 225, 303
 Гольдберг, Н. М. 339
 Гордон, Л. Р. 23, 87, 96, 114, 195, 228, 231
 Грант-Дафф, Дж. (Grant-Daff, J.) 383
 Греков, Б. Д. 119
 Григорьев, В. В. 11, 17, 18, 20, 25, 31, 34, 83, 85, 184, 308
 Губар, М. 24, 26—28, 82, 177, 275, 276, 309, 317, 325, 326, 328, 329, 337, 341, 358, 359, 374
 Гулям Хайдар-хан 29
 Гурген-хан 308, 309
 Гуриды, династия 34, 63, 64, 83
 Гуру Чойбан, шейх 43
- Дарвеза, ахунд 91, 108, 109, 114, 120, 121, 143, 186, 274—276, 285—287, 295, 296
 Дариа-хан 306
 Дармстетер, Ж. (Darmesteter, J.) 24, 32, 74, 308
 Даяджи Синдия 379
 Дервиш Мухаммад 61
 Дервиш Али-хан 345, 363
 Джаррет, Г. С. (Jarrett, H. S.) 44
 Джасса Келяль 381
 Джасса Сингх 375
 Джафар 243
 Джахан (шах Джахан) 225, 226, 262, 300, 305
 Джахангир 94, 300
 Желаль ад-дин, вождь рошани 279, 290, 291
 Желаль ад-дин, султан Хорезма 89
 Жемаль хан баракзай 327—330
 Дорн, Б. А. 9, 17, 18, 32—35, 42, 43, 55, 60, 61, 63, 94, 184, 308
 Дост-Мухаммад 7, 19, 84, 85, 188
 Доулат-хан 309, 326
 Дэй, Дж. В. (Day J. W.). 89
- Е**
 Ефремов, Ф. 11
- З**
 Засулич, В. И. 6, 105
 Захириддин Мухаммад *см.* Бабур
 Зейн-хан, командующий могольским войском, вторгшимся в страну юсуфзаев в 1586 г. 47

- Зейн-хан, военачальник Ахмад-шаха 353, 386
Земан-хан 309, 326
Земан, шах 356
Зульфакар-хан, садозай 61, 315, 317, 326
- Ибн-Батута 33, 62
Ибрагим Гарди 382—384
Ирвин, В. (Irvine, W.) 64
Ишвари-Сингх 373
- Каджары, династия 389
Каджу-хан юсуфзай 93
Кази Раджа, пандит 10, 11, 362, 364, 382, 384
Кайсар Батни, шейх 43
Каландарбек-хан 379
Камар ад-дин 368, 369, 372, 373
Каримдад 279
Карора-Сингх 375
Касим-хан 388
Каур Маль 376
Киселев, С. В. 24, 335
Ковалевский, М. М. 16, 17, 226
Конолли, А. (Conolly, A.) 109, 133
Котовский, Г. Г. 195
Крушинский 12, 44, 68, 261, 311
Кэнингем, Дж. (Canningham, J.) 370
- Лейден, Дж. (Leyden, J.) 274, 275, 278, 284, 287, 290, 291, 296
Ло, Жан (Law, Jean). 360, 361
Лоди, династия 63, 96, 366
Локхарт, Л. (Lockhart, L.) 309, 315, 316, 318
Лыкошин, Н. С. 153
Лэмсден (Lumsden), 210, 294
- Мак-Грегор (Mac Gregor) 15, 16, 38, 41, 42, 58, 60, 65, 68, 70, 72—74, 76, 77, 78, 80, 82, 109, 131—133, 168, 193, 205, 245, 254, 256, 259, 260, 264—267, 270
Мали, шейх 36, 47, 92, 114, 120
Мангытские эмиры (Мангыты), династия 389
Манн, О. (Mann, O.) 8, 325
Массон, Ч. (Masson, Ch.) 13, 66, 73, 118, 156, 243, 341
Махмуд, афганский шах, из садозайской династии 9, 60
Махмуд, афганский шах Персии, из гильзайской династии *см.* Мир-Махмуд
- Махмуд аль-Мультиани 325
Махмуд Газнийский 29, 63, 88, 358, 387
Межди-хан *см.* Мохаммед Межди-хан Астрабади
Миан аль-Мульк (Мир-Мену) 373—379
Миклухо-Маклай, Н. Д. 23, 260, 308, 310
Миллер, Б. В. 8
Минорский, В. (Minorsky, W.) 9, 45
Мир-Бача 85
Мир-Вайс-хан 61, 261, 309, 310
Мир-Махмуд, шах Персии 60, 310—312, 317
Мир-Мену *см.* Миан-уль-Мульк
Мир-Мубарак алькозай 225
Мир-Хусейн 312
Моголы, падишахи Индии 8, 9, 43—45, 47, 53, 54, 55, 61, 64, 75, 94, 116, 214, 225, 237, 254, 256, 261—263, 275, 276, 279, 284, 287, 291, 299, 300, 301, 303—307, 310, 336, 342, 354, 356, 358, 360, 364, 367—370, 372,—375, 377, 380, 382, 384, 385
Моргенштерне, Г. 274
Мохаммед Амин Голестани 7, 8, 338
Мохаммед Межди-хан Астрабади, мирза 9, 315, 318
Мохаммед Хасан-хан 359
Мохан Лаль Кашмири 12, 66, 70, 80, 82, 84, 188
Мулькар Рао Холькар 379
Мурад, малик одной из гильзайских деревень (XIX в.) 139
Мурад Бахш, сын шаха Джахана 305
Мурад-бек, эмир Бухарский 389
Муса, дурранийский хан 10
Муса-хан, исхакзай Бедунчи, вождь исхакзаев 328
Мухаммад, основатель религии ислама 187, 277, 283, 294
Мухаммад Азим-хан 226
Мухаммад Тоглак 89
Мухаммад-хан попульзай 328
Мухаммад Хаят-хан 11, 16, 41, 46, 49, 59, 61, 68, 90, 94, 106, 109, 113, 137, 141, 178, 188, 195, 197, 199, 205, 214, 216, 217, 220, 221, 225, 228, 229, 231—234, 261, 263, 302—305, 315, 318, 324, 328, 353, 356

- Мухаммад-шах 368, 372, 375
 Мюнцер, Томас 274
- Наджиб ад-Доула 380, 381
 Наджибулла-хан 26
 Надир-хан *см.* Надир-шах
 Надир-шах 8, 9, 38, 82, 131, 214, 225, 226, 237, 254, 256, 263, 313—324, 327, 329, 336, 338, 342, 348, 349, 354, 358, 359, 361, 364
 Насир-хан, губернатор Надир-шаха в Пешаваре 337, 338
 Насир-хан, делийский вельможа, могольский субадар Кабула 372, 373, 376
 Насир-хан, правитель Белуджистана, вассал Ахмад-шаха 363
 Насир Мухаммад-хан 309
 Ни'матулла-хан 8, 9, 17, 18, 42, 60, 63
 Нур ад-дин 279
 Нур Мухаммад-хан ализай, один из абдалийских вождей, претендент на престол Афганистана, соперник Ахмад-шаха 315, 318, 322, 324, 325, 327, 328
 Нур Мухаммад-хан бабури («Амин аль-Мульк»), хан племени бабури 73, 250
 Нур Мухаммад-хан Мир-Афган, гильзайский вождь 345
- Омар, вождь абдалиев 46
 Омар, деятель движения рошани 279
- Петров, П. Я. 16
 Петрушевский, И. П. 24, 220, 310, 319
 Поляк, А. А. 21, 22, 42
- Раверти, Г. Дж. (Raverty, H. G.) 15, 24, 32, 34—36, 55, 61, 78, 79, 83, 89, 91, 114, 120, 121, 129, 151, 152, 262, 275, 277, 286, 291, 300, 304—306, 356
 Рагуба 381
 Ранджит Сингх 7
 Рахим-хан 70
 Решетов, С. 314, 315
 Риджуэй, Р. Т. (Ridgway, R. T.) 47, 49, 61, 64, 87, 99, 108, 109, 138, 141, 181, 197, 227, 302, 304, 353
 Риттер, К. 17, 18, 19, 25, 29, 62, 85
 Ромодин, В. А. 19, 23, 24, 34, 36, 50, 61, 86, 87, 91, 94, 100, 101, 108, 109, 114, 116, 121, 133, 136, 137, 143, 151, 154, 184, 186, 191, 192, 195, 197, 199, 205, 210, 247, 268, 294, 388
 Роулинсон, Г. (Rawlinson, H.) 14, 15, 38, 80, 193, 263, 318, 322, 346, 348—352
 Рустам-хан 309
- Саадат Али хаттак 220
 Саадатманд-хан хаттак 220, 354
 Сабр-шах, Баба 329—331, 370, 371
 Савдар-Джанг (Абдуль Мансур) 368, 369, 372—379
 Садашео Бхоу 382—384
 Садозай, хан-хель абдалиев (дурраниев). 344, 387
 Садо, хан абдали 59, 60
 Саид-шах Мухаммад Рухани 47
 Саманиды, династия 83
 Сансон 12, 43, 44, 62
 Сарвар-хан лохани 70
 Сарвар-хан, князь Танка 61, 107
 Саркар 24, 326, 329, 352, 358, 362, 368—370, 372, 378, 379, 382
 Сеид-Ашраф 84
 Семенова, Н. И. 23, 382
 Сефевиды, династия 9, 12, 44, 45, 53—55, 214, 225, 237, 261, 263, 308—313, 323, 336, 340, 342
 Симон 20, 308
 Синха, Н. К. (Sinha, N. K.) 369, 370, 375, 376
 Смит, У. К. (Smith, W. C.) 276
 Соломон, Сулейман, библейский царь 33
 Соймонов, Ф. И. 311
 Стил, Р. (Steel, R.) 11, 50, 51, 67, 75
 Субхи 315
 Сулейман, мулла 279
 Сулейман Маку 36
 Султан Мухаммад-хан дуррани 10, 46
 Сур, династия 63, 96
 Сураджд Маль 383
- Таккер, С. Г., 107, 146
 Таппер, К. Л. (Tupper, C. L.) 11, 24, 57, 88, 95, 106, 107, 114, 119, 120, 121, 125, 129, 135, 139, 141, 143, 144, 146, 149—151, 157, 158, 160, 162—164, 168—170, 178, 190, 207, 208, 211, 229, 231, 240

- Тахмасп 312—314
Тимур 31, 43, 89, 91, 364, 387
Тимур-шах, афганский шах (1773—1793 гг.) 10, 73, 79, 360, 388, 389
Тимуриды, династия 54
Толстов, С. П. 24, 53, 134
Тор, малик оракзаев 291
Торборн, С. С. (Thorburn, S.S.) 47—50, 56, 57, 87, 90, 91, 95, 96, 106, 107, 113, 118, 121, 123, 124, 127—129, 131, 135, 138, 141, 144, 150—156, 159, 160, 162, 178, 179, 190, 208, 214, 219, 220, 222, 223, 227, 241, 243, 254
- Улугбек, Мирзо. Тимурид, правитель Кабула 46, 92
Утби *см.* Абу-Наср Мухаммад ибн-Абд-аль-Джаббар Утби
- Файз Мухаммад, катиб 73, 84, 328
Фаттах-хан 354
Феришта 62
Феррье, Ж. (Ferrier, J.) 12, 75, 77, 345
Форстер, Г. (Forster, G.) 12, 339
Фрейзер-Тайтлер, В. К. (Frazer-Titler, W. K.) 331
- Хабиби, А. 274
Хаджи-Джемаль-хан баракзай *см.* Джемаль-хан баракзай
Хайдар Тура, Мангыт 60
Хайр ад-дин 279
Хамдаллах Мустоуфи аль-Казвини 61
Хаммер И. (Hammer, J.) XIX в. 315
Ханыков, Н. В. 16, 18, 19, 20, 29—31, 34, 35, 49, 52, 62, 70, 85, 184, 308
Харикан Гупта (Harikan Gupta) 66
Хасан-хан 243
Хафиз-хан 219, 243
Хаятулла-хан 258, 277
Хэнвей, Дж. (Hanway, J.) 314, 315, 324
- Хестингс, ген. губ. Индии 78
Хестингс, налоговый чиновник 121, 128, 129, 190, 192
Хильджи, династия 366
Ходжа Исмаил 278
Хрисанф, митрополит Новопатрасский 11, 44
Хусейн, шах 261, 311
Хусейн Султан 315—318
Хусейн-хан сазозай 261
Хушхаль-хан хаттак 220, 225, 284—286, 292, 300, 304—307
Хушхаль-хан шахид 354, 356
- Чара-Сингх 375
Чингис-хан 89, 91, 119, 364
- Шах-Вали-хан 353
Шах Джахан *см.* Джахан
Шах-Наваз-хан 329, 369—372, 376
Шах-Пасанд-хан 353
Шахаб Бахичир шейх 43
Шахбаз-хан, хаким 354, 356
Шер-Маст-хан, малик, 219, 243
Шер-хан абдали 261, 262
Шефер, Ш. (Schefer, Charles) 10, 60
Шиваджи 383
Шуджа, шах 14, 60, 72
Шуджа ад-Доула, наваб 10, 358, 364, 381, 383
- Эдвардс Г. Б. (Edwardes, H. B.) 138, 219, 222, 223, 227, 240, 241, 243
Эльфинстон, М. (Elphinstone, M.) 14, 24, 57, 60, 65, 66, 71, 73, 79, 80, 82, 83, 86, 105, 106, 116, 117, 130, 132, 133, 136, 139, 142—144, 153, 181, 189, 190, 196, 197, 199, 200, 203, 205, 208, 218, 222, 224—226, 245, 250, 253, 255, 256, 258—260, 263, 264, 266, 267, 277, 298, 331, 337, 340, 341, 344, 346, 353, 359, 363, 366, 388
- Юлдашев, М. Ю. 130, 141
- Якубовский, А. Ю. 24, 119
Яхья-хан, брат Шах-Наваз-хана 369
Яхья-хан, вождь султан-хеля 270

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Арбаб 226
Арс-беги 331
Аташ-хана 215
Ашуг 206, 208, 223, 224
- Банд 88, 157—160, 166—168, 171, 248
Банда 186, 191—193, 202
Банин 340
Барат 340, 346
Бегар 160, 161, 163—165, 204, 241, 242
Беглербек 45, 225, 261
Бест 186
Богарная земля 125, 150
Богарное земледелие 39, 133
Браха 122, 130
Браха-доласама 134
Браха-дрейама 134
Браха-кор 134, 135, 145, 149
Браха-шпагама 134
Букара 195
Бурдж 130
Бутимар 167—169, 171, 172
Бхаивала 167, 171
- Вазирнарх 11, 49
Вакиль 370
Вакуфные земли 242
Вали 108
Ванд 123—126, 130, 131, 178
Варисан 120
Веш 22, 104—110, 113, 114, 120—123, 127—129, 144, 146, 150—152, 180—183, 185, 256, 292, 293
- Гадди 231
Гирзанд-хуля 178, 179
Гомашт 66
Гулям 190, 191, 207, 209, 210, 220, 251, 294, 352, 359, 361, 371
Гунди 218, 219, 239, 243
Гяз 74
- Дадди 122, 146—149, 228, 246
Дастар-мухтар 304
Дасте 359
Дастур-банди 330
Дастха-и гуляман 359
Дафтар 182
Дафтари 182
Дервиш 285
Джагир 193, 214, 221, 225, 226, 243, 262, 298, 303, 306, 319, 321, 322, 324, 333, 348, 351, 353, 356, 361
Джагирдар 319, 349, 369, 382
Джагир-кульба 193, 318—322, 324, 346, 348—350, 361
Джазаил 362
Джалиг (джасалик) 61
Джарваи 207
Джаргу 137
Джирга 137, 199, 216, 224, 225, 229, 234, 235, 264, 267, 268, 327—329, 370
Джирга посредническая 234, 267
Джирга родовичей 235
Джирга ханская 224
Джора 167
Джоравала 167—169

- Джулах 209
 Доби 209
 Дум 206—209
 Дурбар 225
 Дхарат 223
- Закят 284, 286, 287
 Заминдар 69
 Заминдари 242
 Зембуреки 311, 372, 374, 384
 Зиарат 187
 Зикр 289
 Зобла 233, 234
 Зхобала 192, 247
- Иляка 119, 120, 140—142, 149,
 156, 186, 203
 Имам 130, 286
 Инам 206, 207, 305
 Ишик-агаси 331
- Кала 267, 268
 Калантар 261, 309
 Камбал 74
 Камин 195
 Канд (кенд, кент) 129
 Кандай 128, 129
 Кандар 129
 Канди 122, 129—133, 135—140,
 143—145, 151, 208, 251, 264
 Кандидар 133, 137, 138, 142
 Канна 205—207, 211
 Каумки фаудж 304
 Кафиле 65
 Кахлоль 109
 Кеджи 69
 Кедхуда 348
 Кема 209
 Кенд 129
 Кент 129, 130
 Кирри 58, 70, 73, 245, 247, 248
 Кор 109, 130, 134
 Котваль 207, 209
 Коум (каум) 36
 Кулаль 207, 208
 Кульба 304, 305, 319, 322, 323, 348
 Кхатрии 196
 Кяриз 37, 76, 266
- Лакх 326, 358, 372, 378, 379
 Латх-банд 157, 166—168, 171, 172
 Лиг 122
 Лохар 207—209
- Маздакиты 274
 Маздур 209, 352
- Майра 119, 151, 154, 185
 Малик 36, 130, 133, 137, 141, 179,
 204, 216, 223—225, 229, 230,
 232, 234, 235, 238—245, 264,
 280, 282, 299, 303, 305, 306,
 346
 Малик калан 230
 Маликаи 222, 223
 Маликана 169, 170, 223
 Мамал 161
 Ман 358
 Марвари 339
 Мираб 161, 348
 Мир-цальвешти 161, 245
 Михман-хана 215
 Млатар (мълатар, malatar) 165,
 189—193, 195, 206, 210, 220,
 272, 319, 320
 Мраи 190, 209, 212
 Мулязим 220
 Мра-хуля 179
 Муссали 207, 208
 Мухафиз 209
 Мушир 130, 137, 264, 346
 Мюриды 186, 278
- Наи 207—209
 Наиб-уль-хукуме 337
 Налла 141, 142, 144—147
 Насекчиан 311, 361, 362, 364, 384
 Нау-абад 350
 Ниава 169, 170, 172, 175
 Ниавадар 144, 169—171, 248, 249
 Нисфкари 323
 Нукер (нукар, наукар) 220, 304,
 356
- Пали 209
 Патти 113, 127, 134
 Пешва 120, 378, 379, 382
 Пуча 122
 Пуштунвала 268
- Райят 91, 97, 192, 197, 200, 202,
 350—352
 Райят-и хамся 163, 166, 193—
 195, 201—204, 211, 216, 222, 232,
 235, 236
 Райят-хамся (см. также райят-и
 хамся) 195, 200, 216
 Райят-кульба 348, 350, 351
 Редди 190
 Рошани 22, 56, 210, 271, 273—
 277, 279, 282—302, 332
 Рошанийское движение 22, 186,
 273, 279, 286, 293, 296

- Санад 226, 304
 Саргун 231
 Сардар 143, 377, 380, 386
 Сархан 231
 Сархель 109
 Сахра-нешин 44
 Сеиды (саиды) 133, 142, 242
 Сери 131, 175, 180, 186, 193, 208,
 239, 242, 252, 272, 316
 Силь-аб 156
 Сипах-нукар 304
 Спин-жири 133, 137
 Стыр эмир 230
 Суба 44
 Субадар 372, 379
- Табба** 233
 Таппа 140—145, 151, 159, 160,
 162, 164, 185, 192, 204, 240—
 243, 254
 Таппа-малик 141, 160, 161, 218,
 222, 223, 239, 240, 242, 243
 Тараф 139, 143
 Таркан 209
 Тинга 160, 163
 Тиуль 204, 221, 319, 321
 Тиульдар 319
 Туман (тумен) 119, 120, 140, 141,
 149, 359
 Тупэ 141
 Турук 141
 Тырбур 188
- Улемы** 285, 287
 Улус 57—59, 73, 114, 120, 346,
 388
 Унаган-богол 59
- Факир** 116, 182, 195, 197, 199,
 200, 203—205
 Фаудждар 309
 Фирка 214
 Фирман 354
- Хаванин-и сэваре** 361
 Хаджа 187
 Хаким 285, 287, 317, 354, 356
 Халара 167, 171
 Халисе 367, 368
 Хальса 381
 Хамсая 23, 50, 51, 57—59, 72,
 73, 77, 92, 96, 99, 100, 101,
 103, 109—111, 115—120, 131,
 140, 144, 147, 148, 156, 160,
 163, 164, 168, 169, 172, 174,
 176, 181, 183, 186, 190—192,
 194—197, 199—201, 203, 205,
 207, 210, 211, 215—217, 222,
 223, 228, 232, 233, 236, 237,
 241, 242, 245—249, 251, 253,
 255, 256, 268, 272, 277,
 280—283, 288, 289, 293—297,
 301, 320, 322, 323, 332, 335,
 344, 353
 Хамсая-райят 216 (см. также райят-
 и хамсая)
 Хамсаят 175, 176, 193, 280, 297
 Хандан 109, 230
 Хан-хель 59, 60, 61, 103, 180, 251,
 258, 260, 261, 268, 270, 285,
 286, 309, 318, 326
 Ханы 51, 59, 61, 188, 200, 201, 204,
 223, 237, 240, 241, 245, 252,
 262, 264, 268, 280, 283, 284,
 292, 294, 299, 305
 Харадж 262, 348
 Харвар 44, 321, 348
 Хаст 165
 Хель 8, 36, 58, 60, 109, 113, 124—
 133, 135, 136, 145, 147, 180,
 262, 265, 270, 346
 Хильват 289
 Худжра 110, 130, 204, 208, 215,
 223, 224
 Хуля 122, 124—126, 128, 129, 146,
 169, 177—181
 Хуля-веш 69, 113, 114, 121—124,
 127, 150, 178, 180, 183
 Хун баха 199, 229
- Цальвешти** 161, 221, 245, 250, 268
- Чамар** 208, 209, 361
 Чарвадар 245
 Чарикана 205—208
 Чарикар 205, 209—212
 Чарикари 205
 Чаус-баши 365
 Чаут 378
 Чоук 215, 223, 224
- Шамилят** 142, 145—148
Шариат 231, 240, 241, 249, 252,
 264, 284, 285, 296, 339
Шейх 42, 43, 187, 278, 285, 287
- Эмир** 193, 221, 231
- Яран** 51, 103, 220

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Общеизвестные географические названия даются без пояснений. Менее известные названия гор, рек, областей, населенных пунктов и т. п. приводятся с краткими пояснениями: указывается местоположение данного географического названия, ориентируемое по рекам, речным бассейнам, а иногда в отношении общеизвестных крупных населенных пунктов. Слова «область», «район» употребляются в географическом и историческом значении, а не в административном, а слово «округ» в административном значении для Северной Индии XIX в. (= дистрикт). Приняты следующие сокращения: селение — сел., деревня — д., город — г., район — р-н, область — обл., округ — окр., река — р., приток — пр., бассейн — басс., местность — местн., административный — адм.

- Агра, г. в Индии 67, 368, 379
Аджмир, г. и обл. в Индии 220, 379
Адраскенд, р. в Западном Афганистане 37
Азербайджан 313
Азия 140
Азия Малая 66
Акора, укрепление и местн. в Кохате, в прошлом — княжество 99, 141, 225, 303, 354
Аллахданд, д. в Свате 151
Амритсар, г. в Индии 381, 386
Аму-Дарья, р. 67, 76, 77, 83, 389
Англия 11, 144, 253, 385
Аравия 277
Арангабад, пенджабский адм. окр. 376, 378, 379
Аргастан, р. басс. Аргендаба 92
Аргендаб, пр. Гильменда 92
Астрахань, г. 66
Атток, сел. на р. Инд 95, 118, 225, 254, 303, 354, 357, 371
Аттокская переправа (через Инд) 66, 94, 116, 302, 375
Ауд, княжество и обл. в Индии 10, 358, 368, 369, 372, 374, 381, 383
Афганистан 4, 7, 9—29, 31—33, 36—43, 52—55, 57, 62, 64—66, 69, 71, 74—80, 82—84, 86, 87, 89, 101, 106, 117, 153, 193, 201, 215, 227, 236, 237, 241, 249, 250, 254—256, 258, 261, 270, 277, 278, 300, 302, 307, 308, 316, 318, 324, 327—329, 332, 339, 340, 342, 345, 352, 358, 363, 366, 367, 381, 385—389
Афганское государство 24, 28, 258, 273, 328, 331, 345
Афганское королевство 25, 137, 189
Африка 250
Бабур, обл. расселения (страна) афганского племени бабури 197
Багдад 315
Бадахшан, горная страна в верховьях Аму-Дарьи 67
Бадгис, обл., находящаяся к северо-западу от Герата 41, 42, 259

- Бадгис, южный 41
- Баджаур, горная обл. на северо-западе от Пешавара 46, 92, 93, 94, 182
- Базар, укрепленное городское поселение в Банну 243
- Базар-Ахмад-хан, таппа в Банну 243
- Балх, старинный г. и одноименная обл. (страна) на территории современного северного Афганистана 26, 27, 66, 342, 359
- Бамиан, горная местн. на р. Кундуз на пути между Балхом и Кабулом 33, 357
- Бамизай см. Сват южный
- Бангарх, крепость в Рохилкханде 369
- Банну, обл. правобережья Инда в низовьях рек Курама и Точи (с середины XIX в. адм. окр.) 44, 47, 48, 50, 69, 87, 90, 94—97, 106, 107, 113—115, 118, 141, 145, 152, 155, 164—166, 177, 187, 206, 208, 210, 218, 219, 223, 227, 236, 237, 239—244, 248, 249, 251, 252, 302, 354
- Бар, пр. Кабул-Дарьи 88
- Баранду, пр. Инда 86, 87
- Бахавальпур, г. (княжество) на р. Сатледж 67, 96, 250
- Белуджистан 258, 259, 314, 342, 345, 357, 359
- Бенгалия 385
- Биллади, дурранийская д. около Кандагара 264
- Бирмаль, гора на южном скате Сулейманова хребта 96
- Боланский проход, один из важнейших горных проходов на путях из Афганистана в Индию 67
- Бунер, горная обл. в басс. р. Баранду, населенная юсуфзаями (с XV—XVI вв.) 46, 93, 94, 105, 108, 187
- Бурлах, населенный пункт в Каттавазе 270
- Буст, старинный г. и обл. в юго-западном Афганистане 316, 317
- Бутхак, местн. к юго-востоку от Кабула 277
- Бухара (Бухария), г. и страна (государство) 9, 11, 12, 19, 28, 66—70, 72, 250, 359, 389
- Вазиристан, горная обл. в басс. верховьев рр. Курама, Точи и Гомала 49, 86, 87, 91, 215, 227, 235—237, 266
- Вано, местн. в Вазиристане 266
- Гадуван, г. в Дамане 97
- Газни, г. и обл. 29, 30, 44, 54, 70, 82, 83, 118, 255, 256, 259, 261, 262, 266, 271, 273, 279, 316, 339, 371
- Газнийское нагорье, Газнийское плато (Зурмат) 37, 41, 42, 52, 68, 70, 80, 86, 245, 266
- Галоче (Galosche), юсуфзайская д. 130
- Гамбилла см. Точи
- Ганг, р. 367
- Гандаб, гильзайский окр. 318, 324
- Гандапур, территория гандапурцев в Дамане 164, 171
- Гармсир, местн. в южном Афганистане 142
- Гасан-Абдали 354
- Герат, г. (в произношении таджиков Харат, Хирот, см. стр. 7) 12, 19, 26, 27, 41, 42, 50, 54, 66, 67, 69, 75, 77, 80, 83, 257, 259, 310, 313—315, 326, 338, 339, 345
- Герат, Гератская обл. 19, 26, 27, 77, 80, 83, 309, 313—315, 318, 338, 342, 345, 357
- Гератский оазис 82
- Гератское княжество 61, 327, 388
- Гери-Руд, название р. Теджен в ее верхнем течении в Афганистане 33, 34, 80
- Гильзайское княжество 61, 271
- Гильменд, р. в южном Афганистане 33, 34, 37, 41, 528
- Гиндукуш, Гиндукушский хребет 33, 37, 39—41, 52, 54, 55, 67, 68, 76, 77, 79, 83, 84, 86, 101, 102, 342, 359
- Гиришк, г. на Гильменде 326, 345, 385
- Гиссар, г. и местн. в современном Таджикистане 67
- Гомал (Гумал), пр. Инда 40, 86—89, 96, 265
- Гомальский проход, Гомал, один из важнейших горных проходов из Афганистана в Индию 64, 65, 67, 68, 70, 88, 118, 227, 249
- Горбенд, пр. Пянджшира и местн., населенная таджиками 79

- Гуджарат, окр. в Пенджабе 376, 378, 379
- Гуль-Кох, горы на западе Афганистана 265
- Гур, средневековое название горной обл. (страны) верховий Гери-Руда и Гильменда, расположенной между Гератом и Бамианом 29, 30, 33, 34, 63, 80
- Гурган, историческое название областей, прилегающих к юго-восточным берегам Каспийского моря 27
- Гхорнаваль, таппа в Банну 243
- Дабак Мандрахель, марватская д. 128
- Давар, гильзайский окр. 318, 324
- Даман, местн., заселенная афганцами на правом берегу Инда 42, 47, 48, 58, 68—70, 86—90, 96—98, 105—107, 110, 111, 114, 115, 118, 131, 144, 146, 156—158, 166—169, 171, 175, 196, 197, 200, 202, 203, 206, 208, 210, 211, 226, 236, 244—252, 266, 337
- Данган, местн. в Персии 314
- Декая 306, 383
- Дели, г. 9, 64, 307, 342, 358, 360, 366—373, 375—383, 385, 386
- Дели, обл. 383
- Делийский султанат 54, 55, 64, 89
- Дера-Гази-хан, местн. на правом берегу Инда (в XIX в. адм. окр. Пенджаба) 161, 163, 168, 357
- Дера-Исмаил-хан, местн. на правом берегу Инда (с середины XIX в. — окр. Пенджаба) 69, 87—89, 107, 146, 149, 150, 163, 164, 168, 170, 171, 177, 196, 246, 357
- Дераджат, местн. на правом берегу Инда 42, 48, 68—70, 74, 91
- Дераджат, центральный 96
- Джаландхарское Двуречье в Пенджабе 375
- Джалландар, населенный пункт в Пенджабе, родина Баязида Ансари 277
- Джамму, г., местн. и княжество в северной Индии 357
- Джамна, пр. Ганга 367, 383
- Джелалабад г. на р. Кабул-Дарья 38, 41, 54, 78, 80, 265, 271, 316
- Джелалабадский оазис 38, 39, 78
- Джелам, р. басс. Инда в Пенджабе 89, 354
- Дир, местн. и княжество в басс. Пянджкоры, илька мализаев 108, 119, 182, 388
- Дор, пр. Аргастана 323, 351
- Драбан, г. в Дамане 97, 197
- Дурранийская держава 3, 4, 5, 10, 61, 82, 84, 101, 214, 237, 250, 254, 271, 308, 314, 332, 334—342, 346, 353, 356, 357, 359, 363, 380, 387—389
- Египет 37
- Закавказье 310, 322, 325
- Заминдавар, г. и местн. между Кандагаром и Гератом 258, 259, 316, 317
- Зангихель, марватская д. 128
- Зурмат см. Газнийское нагорье
- Инд, р. 11, 14, 25, 27, 33, 35, 41, 42, 46, 48, 54, 66—68, 70, 86—92, 94—97, 100—102, 116, 118, 120, 156, 158, 167, 186, 192, 196, 206, 211, 212, 255, 256, 263, 272, 283, 302, 303, 307, 308, 341, 366, 371, 375, 381, 389
- Индия 4, 7—14, 16, 17, 25—27, 29—33, 37, 41, 44, 48—50, 53—56, 58, 63—70, 72—74, 82, 86, 88—90, 94, 96, 102, 107, 116—119, 171, 187, 193, 196, 205, 206, 210, 220, 227, 236—238, 241, 244, 249, 250, 253, 259—261, 275—278, 283, 298, 300, 302, 306, 307, 316, 319, 322, 328, 332, 334, 337, 340—342, 345, 352, 353, 354, 356—358, 363, 366—369, 375, 380—382, 384—387, 389
- Индор, княжество в Индии 383
- Индостан 29, 63, 64, 67, 88, 381, 382
- Ирак, Персидский 27
- Иран см. также Персия 4, 26, 27, 37, 43, 44, 65, 67, 68, 82, 129, 261, 262, 313, 315, 316, 387, 389
- Исахель, городское поселение на Инде 131
- Исахель, территория племени исахель 97
- Исфаган, г. 12, 44, 68, 310—312, 314, 315
- Исфаган, обл. 316

- Кабул, г. 9, 12, 16, 19, 29, 30, 33, 38, 44, 46, 50, 54, 64, 66, 67, 69, 70, 77—79, 83, 84, 92, 95, 225, 267, 271, 277, 278, 299, 302, 303, 316, 324, 338, 339, 371, 372
- Кабул, Кабульская обл. 30, 37, 43, 44, 46, 78—80, 256, 273, 284, 326, 357, 360, 371, 372
- Кабул-Дарья, Кабул, р. 31, 37, 41, 46, 47, 57, 86—90, 92—95, 99, 100, 115, 185, 195, 254, 265, 298, 299, 302, 303
- Кабул-и Хурд (Малый Кабул), часть г. Кабула 78
- Кабулистан, обл. 31, 38, 85
- Кабульская суба 44
- Кабульский оазис, оазис Кабула 31, 38, 82, 85
- Кабульское княжество 383
- Каджури, р. на Пешаварской равнине 87
- Казвин 312
- Кази Гхар 35
- Кайтан, высоты, на которых находились укрепления Кандагара 316
- Калабаг, городское поселение и прилегающая к нему местность в Кохате на р. Инд 95, 236, 302, 304
- Калькутта, г. 66, 250
- Кальпани, р. в Гандапуре 156, 164, 246
- Кандагар, г. в южном Афганистане 7, 8, 11, 12, 15, 19, 29, 30, 38, 41, 44, 45, 54, 62, 66—70, 73, 75, 77, 79, 82—84, 131, 132, 177, 205, 259—261, 263, 266, 267, 309, 312, 315—321, 323, 326, 327, 329, 339, 345, 348, 358, 366, 375, 381, 385, 387
- Кандагар, Кандагарская обл. 15, 29, 30, 37, 44—46, 50, 77, 80, 83, 106, 115, 177, 255, 256, 259, 261, 264, 266, 308, 310, 316, 317, 332, 333, 345, 349, 351, 353, 357, 385
- Кандагарская равнина 30, 45
- Кандагарские горы 62
- Кандагарский оазис 31, 38, 80, 82, 85, 263, 318, 350
- Кандагарское беглербекство 45
- Кандагарское княжество 310, 327, 388
- Кавигурам, поселение в Вазиристане 236, 277, 279
- Кара-Керман, местн. в Персии 315
- Карналь, местн. в северной Индии 372
- Карс 315
- Катланг, населенный пункт на Юсуфзайской равнине, неподалеку от г. Мардан 47, 92
- Каттаваз, р-н на Газнийском плато 74, 96, 267, 268, 270
- Кафиристан, старое название горной страны в басс. р. Кунар, населенной племенами кафиров, ныне — провинция Нуристан 85, 94
- Кашмир 353, 356, 357, 380, 386, 388, 389
- Келат-и Гильзаи, населенный пункт на р. Тарнак 69, 70, 265, 316
- Кепрек, местн. в Афганистане 317
- Керман, г. и обл. в Иране 61, 309, 316
- Киргизская степь 11
- Китай 39, 67
- Коканд 12
- Котла Лодиан, крепость в р-не Танка 64
- Кохат, местн. и населенный пункт на правом берегу Инда 70, 87, 90, 94, 95, 138, 139, 302
- Кохат, северо-восточный 94
- Кохатские горы 302, 303
- Кохатский окр. 14
- Кулачи, городское поселение гандапурцев в Дамане 58, 70, 97, 115, 149, 167
- Кунар, пр. Кабул-Дарьи 41, 80, 92
- Кундуз, г. и местн. в северном Афганистане 66, 85
- Курам, пр. Инда 47, 87—90, 94—97, 100, 155, 227, 240, 266
- Курама-Точи, двуречье 90
- Курдистан 313
- Кух-и Сях, а также Кух-и Сях Пакта, Пахта, Пухта см. Кух-и Сях Пушта
- Кух-и Сях Пушта, горы по восточным склонам Сулейманова хребта 34, 35
- Кух-и Сяхбанд, горы к югу от Кабул-Дарьи 86
- Кух-пайя, подножье Сулеймановых гор к востоку от Газни 34
- Кухистан, горная обл. близ Кабула, населенная таджиками; под названием Кухистан («Горная страна») известен также

- ряд других местностей в Афганистане и соседних странах, населенных другими племенами и народами 30, 62, 79, 90, 84, 85
- Кухистан, сватский 86
- Лагман, населенный пункт и местн. в Афганистане 42, 92
- Лакор, г. и обл. в Пенджабе 67, 89, 250, 302, 303, 326, 329, 363, 369—372, 374—377, 381, 386
- Лаш Джувеин, местн. на крайнем юго-западе Афганистана 80
- Логар, р. и территория на юге Афганистана 265, 266, 270, 277, 357
- Лодиана (от афг. лоди), г. в Пенджабе 64 372, 373
- Луни, г. в Гандапуре 97, 115
- Луни, р. в Гандапуре 96, 97
- Мадда (Мадди), городское поселение в Гандапуре 97, 149
- Мазандеран 313
- Майдан, р-н гильзаев 265, 266
- Макарьевская ярмарка 70
- Малгин (Соляные копи Малгина) 304
- Мализаи, иляка мализаев (Дир) 119
- Мальва, обл. в Индии 383
- Мандан, равнина к северу от Кабул-Дарьи 119
- Мандрахель, марватская д. 128
- Марвар, г. и княжество в Раджпутане 339
- Марват, равнинная обл. по правому берегу Инда 154, 203, 237—239, 248, 249, 251, 354
- Марватская долина 90
- Марватская равнина 87, 95
- Мардан, г. и местн. на юсуфзайской равнине 87, 143, 180, 181
- Мауди, городское поселение в Гандапуре 115
- Мачивар, сел. на р. Сатледж (Пенджаб) 372, 373
- Мевисир, местн. в р-не устья Кабул-Дарьи 225
- Медина 284
- Мекка 283, 284
- Мерв г. и обл. 26, 342, 353
- Мешхед, г. и обл. 26, 27, 66, 72, 250, 313, 326, 389
- Мианвали, окр. в Пенджабе 95
- Мианхель, местн. в Дамане 197
- Мидия 67
- Мири, р. в Вазиристане 96
- Могольская держава, держава Великих Моголов 44, 54, 55, 64, 69, 116, 254, 277, 298, 302, 306, 308, 369, 370, 382, 385
- Морабад, окр. в Синде 379
- Муганская степь 316
- Муккура, поселение на Газнийском нагорье 69, 266
- Мультап, г. и обл. (окр.) Пенджаба 67, 89, 96, 339, 353, 357
- Мусазаи, городское поселение в Дамане 97, 197
- Мутра, г. в северо-западной Индии 358
- Надирабад, военный городок, построенный Надир-шахом около Кандагара 316, 318, 327, 328
- Нанграхар, местн. в Желалабадском оазисе 46, 78, 80, 92, 99
- Наушахр (ныне Наушер), г. в нижнем течении Кабул-Дарьи 88, 143, 225, 303, 304
- Наушер см. Наушахр
- «Независимых племен» территория 107
- Ниджроу, р. в р-не Кабула 79
- Никанни, северная часть Гандапура 148, 149
- Нинхар (очевидно, Нанграхар) 29
- Нишапур, г. и обл. в Персии 26, 27, 315, 318, 358, 359, 389
- Оксус см. Аму-Дарья
- Ормуз 67
- Пайвар-Котальский горный проход на путях из Афганистана в Индию 88
- Пакистан 25, 228
- Панах, гильзайская д. 268
- Панипат 10, 352, 358, 382, 384, 385, 387
- Панипатская равнина 383
- Паракхель, марватская д. 128
- Парапамизский хребет 41
- Парванская долина 85
- Пасрур, окр. в Пенджабе 376, 378, 379
- Пенджаб 10, 11, 14, 62, 64, 89, 107, 117, 119, 135, 145, 182, 195, 205, 206, 227, 262, 277—279, 302, 308, 326, 339, 353, 356, 357, 366, 367, 369—371, 375

- Персия *см.* также Иран 8, 9, 11, 26, 50, 53, 66—69, 72, 73, 76, 88, 102, 187, 193, 220, 300, 309—315, 318, 339, 340, 342, 358, 359, 368
- Пешавар, г. 12, 44, 54, 66, 94, 95, 99, 106, 114, 116, 117, 121, 196, 225, 254, 271, 284, 298, 299, 302, 303, 337—339, 353, 354, 371
- Пешавар, Пешаварская обл. 44, 48, 90, 94, 106, 114, 121, 151, 161, 187, 196, 206, 207, 210, 298, 326, 337, 338, 353, 356, 357, 371
- Пешаварский оазис 31
- Пешаварская равнина (Пешаварская долина) 31, 46, 87, 88, 91—93, 99, 116, 356
- Пешаварский окр. (дистрикт) 57, 87, 91, 107, 108, 129, 142, 143, 188, 203, 206, 207, 209, 289, 302, 303
- Пешаварский путь из Индии в Афганистан 305
- Пешаварское княжество 388
- Пир-Баба, местн. 187
- Пишин, населенный пункт и местн., прилегающие с юго-запада к Вазиристану 109, 133
- Пондишери, г. 385
- Праду, северная часть Гандапура 148, 149
- Пушт-и Кух, горы в Афганистане 337
- Пяндж, верхнее течение Аму-Дарьи 76
- Пянджкора, пр. Кабул-Дарьи 47, 86, 87, 92, 93, 388
- Пянджшир, пр. Кабул-Дарьи и местн. по его течению 21, 40, 79
- Раджпутана, обл. в Индии 339
- Рори, городское поселение и местн. в Гандапуре 96, 97, 164
- Россия 11, 12, 17, 20, 70, 315
- Рохилкханд, местность в Индии, получившая свое название от выходцев из Афганистана (в основном юсуфзаев) 362, 367—369, 380, 383, 384
- Рум *см.* Стамбул
- Сабзевар, г. в западном Афганистане, ныне Шинданд 80, 215
- Саваль (Сауль), населенный пункт (деревня), вероятно в Сулеймановых горах, с которым связано первое известное нам упоминание об афганцах 28
- Сагар, р. 89
- Саманидское государство 53
- Самарканд, г. и обл. 43, 67, 278
- Самбаль, окр. в Синде 379
- Сатледж, р. в Пенджабе 372, 373, 386
- Сваби, р-н дистрикта Пешавар 143
- Сват, обл. и княжество в басс. одноименной реки 35, 46, 83, 94, 108, 114, 120, 151
- Сват, южный 119
- Сват, пр. Кабул-Дарьи 47, 86, 88, 92, 93, 182, 195, 298
- Северо-западная пограничная провинция Индии 25, 87, 182, 228
- Сеистан, обл. 66, 225, 258, 316, 342, 389
- Сеистан, афганский 41
- Сеистан, персидский 80
- Сефевидская держава, государство Сефевидов 9, 12, 45, 261, 307—310, 313
- Сефид-Кух (Спингар), горы в юго-восточном Афганистане 78, 86, 266, 287
- Сиалкот, окр. Пенджаба 376, 378, 379
- Синд 32, 33, 89, 353, 378, 379, 386
- Сирман, местн. в Персии 315
- Сирхинд, обл. в северо-западной Индии 353, 357, 363, 369, 372, 373, 375, 380, 381, 386
- Спин-Гхарский горный хребет (Спингар) *см.* Сефид-Кух
- Средиземное море 300
- Средний Восток 3, 9, 12, 93, 342
- Средняя Азия 4, 11, 12, 15, 23, 27, 37, 43, 50, 53, 65, 66, 68, 70, 72—76, 88, 102, 109, 129, 153, 187, 195, 244, 245, 250, 278, 300, 339, 340, 342, 359, 389
- Стамбул 9, 67
- Сулейман Михтар, хр. *см.* Кух-и Сиях
- Сулеймановы горы, Сулейманов хребет 18, 30—35, 37, 40—42, 45, 47, 49, 52, 54, 55, 68, 70, 74, 82, 85—87, 89, 94, 96, 97, 100—102, 196, 256, 265, 273
- Сурхель, горы 266
- США 77
- Табни, поселение в низовьях Кабул-Дарьи 225

- Тавриз 312
Тал, поселение в Кохате 139
Тальпур, обл. и княжество в Индии 357
Танк 61, 64, 96, 107
Тар, пустыня 384
Тарангадда, крепость в Декане 305
Тарнак, д. в Свате 151
Тарнак, р. басс. Аргендаба и местн. по его течению 92, 265, 266, 270, 323, 351
Тарни, городское поселение в Дамане (основано в начале XIX в.) 131
Тахвара, городское поселение в Гандануре 97, 115, 149
Терп, обл. и княжество в Кохате 141, 303, 354
Терин, р. 266
Тибет 11
Тирах, горная обл. к югу от Кабул-Дарьи 86, 286, 292
Тоба, плоскогорье к югу от Кандагара 41, 259
Точи (Гамбилла) р. в Банну 47, 86, 88, 89, 94—96, 100, 155, 240
Туркестан 66, 67
Туркестан Восточный 76
Туркестан Южный 359
Турция 315, 322
Тхал 89
- Ургхун, р-н в верховьях р. Точи 236
- Фарах-Руд, р. в западном Афганистане 37
Ферах (Фарах), г. в западном Афганистане 326
Фергана 67
Фусендж (Фушендж), г. на пути из Герата в Кандагар 45
- Хабушан, местн., где в 1747 г. был расположен военный лагерь Надир-шаха в Хорасане 325
Хавак, перевал Гиндукуша и одноименная река 41
Хазара, адм. окр. в сев. Индии, территория на левом берегу Инда 87, 120, 190, 192
Хазара юсуфзайская см. Хазара
Хайбер, Хайберский проход, один из важнейших горных проходов на пути из Индии в Афганистан 41, 46, 55, 66, 77, 88, 92, 118, 300, 302, 356
Хайберские горы 91
Хайрабад, поселение в низовьях Кабул-Дарьи 225
Хамадан, г. 312
Хамун см. Хамун-и Саварат
Хамун-и Саварат, озеро и болотистая низина на границе Афганистана и Персии 37, 39, 80
Харвар, местн. в южном Афганистане 255
Хаттакское княжество 3, 61, 271, 300, 301, 306, 307
Хаштнагар, старинный г. и местн. к северо-западу от Пешавара 91, 92
Хезараджат, нагорье центрального Афганистана, страна хезарейцев 39, 41, 259, 351, 357
Херируд см. Гери-Руд
Хива 11, 12
Хисар, г. в северо-западной Индии 379
Ходжа-Амаранский хребет 258, 259
Ходжентский уезд 153
Хорасан 8, 12, 26, 27, 30, 43, 58, 66—70, 244, 245, 250, 258, 260, 313, 315, 318, 325, 326, 332, 342, 389
Хорезм 89, 134
Хост, горная местн. в южном Афганистане 38, 80, 217, 218
Хузистан 313
Хульм, г. в современном северном Афганистане 66
Хуф, долина западного Памира 195
Хушальгара, населенный пункт на правом берегу Инда 95
- Чамкани, д. около Пешавара 99
Чамла, горная долина к северо-востоку от Пешавара 93
Чандван, городское поселение Дамана 197
Чарикар, местн. и населенный пункт в Афганистане, население — таджики 85
Чарсад, тахсиль дистрикта Пешавар 91, 142, 143
Чач-Хазара 94
Черное море, басс. 300
- Шаваль, горная местн., плато 47, 94, 96
Шаваль, поселение в Вазиристане 240

Шаньюев, южносибирское государ-
ство 335

Шейх-Тейпур, поселение в ни-
зовьях Кабул-Дарьи 93, 98

Шикарпур, г. и обл. в нижнем
течении Инда 66, 67, 73, 341,
357

Шильгар, р-н к югу от Газни 266

Шинтц, гильзайское сел. 265

Шираз 314

Шир-Сурх, мазар в Надирабаде
327—329

Шухлар, местн. в Вазиристане 96

Юсуфзайская равнина, местн. к се-
веру от Кабул-Дарьи в нижнем
ее течении 87, 88, 185

Юсуфзайские горы 388

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ

Общеизвестные наименования приводятся без пояснений.

В отношении каждого афганского родо-племенного подразделения указывается наиболее крупная единица родо-племенной структуры (племя, группа племен, союз племен). Кроме того, во всех случаях, когда это удалось установить, в отношении афганских племен и подразделений указывается, в какое более крупное подразделение непосредственно входит данное подразделение.

- Абба-хель, подразделение афганского племени марватов 107, 151, 179, 190, 206
- Абдалии, афганское племя *см.* дуррании
- Аваны, племена, населяющие главным образом район Соляного хребта в Пенджабе 88, 90, 94, 118, 142, 190, 196, 243
- Азербайджанские племена 314
- Азербайджанцы 310
- Аймаки, народность 57
- Акозай, юсуфзайское племя 120
- Ализаи, дурранийское племя (ветвь пянджау) 132, 258, 349
- Али-хель, подразделение боран (ветви гильзаев) 99, 365
- Алькозай, дурранийское племя (ветвь зирак) 132, 225, 258, 348, 349
- Андар, подразделение гильзаев 265, 266
- Апо-хель, подразделение хаттаков 61
- Апу-хель, подразделение иса-хеля 131
- Арабы 26
- Армяне 340.
- Афганские племена 3, 4, 5, 8, 11, 13, 15, 16, 20, 22, 23, 25, 28, 29, 32, 35, 36, 40—42, 45, 46, 48—50, 52—59, 61—66, 72—77, 85—87, 90—95, 97—110, 112, 113, 116, 121, 126, 131, 132, 135, 136, 138, 144, 145, 149—151, 153, 158, 161, 163, 169, 174, 178, 182, 184, 186, 187, 189—191, 195—197, 200, 202, 204, 213, 218, 222, 223, 225—228, 230, 231, 236, 237, 241, 243, 247, 249, 256, 260, 261, 268, 273, 275, 277, 279, 284, 288, 297, 298, 301, 302, 304, 306, 308—310, 316, 330, 333—338, 342, 344, 346, 352, 360—362, 366, 367
- Афганские племена, восточные 332, 363
- Афганские племена, западные 254, 255, 260
- Афганские племена Дамана 246, 247, 249, 332, 337
- Афганские племена Кандагара 261
- Афганские племена Лагмана 41
- Афганцы Кермена 61,

- Афганцы 3, 4, 5, 7—20, 23—39, 42—44, 48—57, 59—64, 66, 71, 74, 75, 77, 78, 82, 83, 85, 86, 88, 91, 95, 96, 99, 100, 102, 104, 108—113, 119, 136, 137, 140, 142, 143, 149, 150, 152, 153, 160, 162, 174, 176, 181, 182, 185, 188, 194—196, 200, 201, 203—206, 208, 210—213, 219, 220, 223—226, 228, 244, 245, 249—251, 255, 256, 260, 262, 263, 268, 271, 273, 275, 276, 280, 282, 283, 286, 287, 289, 295, 296, 300, 305—309, 311—314, 318—320, 322, 325, 327, 328, 332, 335—337, 339, 352, 353, 356, 358, 360—364, 370—376, 378—381, 383, 385, 386, 388, 389
- Афганцы, восточные 255
- Афганцы, оседлые 44, 272
- Афганцы Дамана 248
- Афридии, афганское племя 87, 118, 196, 222, 226, 286, 296, 298—301, 356, 362
- Афшары, туркменское племя 313, 325
- Ахмадзай, подразделение сулейман-хеля (гильзан) 96, 266
- Ачакзай (ацакзи), подразделение (племя) баракзаев 8, 132, 258, 336
- Бабури, афганское племя Дамана 47, 48, 66, 68, 73, 97—99, 114, 150, 153, 156, 161, 163, 165, 166, 169, 202, 244, 246, 249
- Баданзай, подразделение иса-хеля 131
- Бадахан-хель, подразделение кышранзаев (манданской ветви юсуфзаев) 180
- Бадшах-хель, подразделение матора (марваты) 127
- Баизай, подразделение акозаев Свата (юсуфзай) 98, 119, 185
- Бакка-хель, подразделение вази-ров 96
- Бамизай, подразделение баракзаев (дуррании) 331
- Бамозай 132
- Бангаш, афганское племя 45, 94—96, 98, 100, 227, 286, 337
- Баннучи, афганское население Банну 47, 48, 57, 90, 94—96, 114, 138, 141, 153, 155, 156, 158—166, 178, 187, 191, 196, 197, 203, 214, 215, 217, 219, 222, 223, 226, 227, 231, 239—244, 254, 256, 264, 332, 354
- Бар-моманды см. моманды, равнинные
- Барак см. бараки, канигурамские
- Баракзай, одно из крупнейших дурранийских племен (ветви зирак) 132, 258, 329, 331, 336, 349
- Бараки (ормур), небольшая народность, жившая разбросанно в Вазиристане (около Канигурама) и к югу от Кабула (долина Логара) 277
- Бараки, канигурамские 277
- Бараки, логарские, раджан 277
- Бахарапупские джаты см. джаты, бахарапупские
- Бахрам-хель, подразделение матора (марваты) 127
- Бахтиары, подразделение мианхеля 246, 316
- Белуджи, народность 43, 62, 88, 96, 97, 115, 196, 197, 261, 318, 363
- Болак, подразделение хаттаков 303
- Боран, ветвь племени гильзаев 265
- Брахуи, народность 106, 349
- Бузург-хель, род, ханский дом Банну (баннучи) 243
- Бхитани, афганское племя 96, 227
- Вазиры, афганское племя 3, 11, 23, 47, 49, 59, 60, 70, 74, 87, 94—96, 106, 113, 118, 168, 171, 178, 195, 196, 215—218, 221, 222, 226—234, 237, 240, 263, 270, 277, 297, 298, 332
- Вардак, афганское племя 266
- Гагиани, афганское племя 55, 92, 93, 98, 99, 125, 142, 144, 191, 196, 297
- Гадун см. джадун
- Галла-хель, подразделение некпи-хеля (юсуфзай) 130
- Гандапур, гандапурцы, афганское племя Дамана 47, 48, 58, 69, 70, 97, 98, 105, 107, 110, 111, 114—117, 119, 122, 125, 134, 141, 144, 145—149, 151, 153, 161, 169, 170, 177, 178, 191, 193, 195, 197, 202, 203, 244, 246—249, 251, 256
- Германцы, древние 99, 140, 182

- Гида-хель, подразделение хашим-хеля (марваты) 127
- Гильзаи, одно из крупнейших афганских племен (группа племен) 12, 23, 41, 44, 52, 57, 58, 60, 72, 75, 76, 80, 96, 109, 132—134, 196, 205, 227, 236, 245, 254—256, 261—266, 268—270, 309, 310, 313—318, 327, 332, 336—338, 353
- Гильзаи, восточные 74, 310
- Гильзаи, западные 75, 266, 310, 317
- Гильзаи, оседлые 267, 270
- Гинджи см. хинджи
- Гориа-хель, афганский союз племен (моманды, халиль, даудзаи) 90, 93, 94, 98, 99, 116, 185
- Горные таджики см. таджики, горные
- Грузины 310
- Гуджары, народность индийского происхождения, живущая среди афганцев Инда 88, 90, 94, 196, 199
- Гулистан-хель, подразделение хашим-хеля (марваты) 127
- Дава, афганское племя 349
- Далазаки, афганское племя 47, 90—94, 98, 114, 116, 185
- Даудзаи, афганское племя союза племен гориа-хель 55, 92, 93, 98, 99
- Даулат-хель, афганское племя Дамана 47, 61, 96—98
- Дауры, афганское племя 96, 227
- Дарвеш-хель, подразделение вази-ров 95, 240
- Джаджи (афг. произн. дзадзи), афганское племя 8, 95, 98, 100, 337
- Джадун (гадун), джадуны, небольшое племя индийского происхождения, живущее среди юсуфзаев 98, 105, 119, 185, 189
- Джанду-хель, хан-хель в Банну (баннучи) 219, 243
- Джаты 88—90, 94—97, 115, 118, 190, 196, 197, 243, 318, 367, 383
- Дравиды, дравидские элементы 26
- Дуррании * (до 1747 г. абдалии), одно из крупнейших афганских племен (группа племен) 10, 27, 30, 41, 44—46, 57—62, 72, 75, 79, 80, 82, 106, 109, 131, 132, 142, 168, 177, 178, 193, 196, 197, 205, 210, 221, 224—226, 254—266, 268, 270, 309, 310, 313—316, 318, 320, 321, 323, 324, 326, 327, 329—332, 334, 338, 342, 345—353, 356, 360, 361, 364, 366, 387, 388
- Дуррании Пушт-и Куха 337
- Дутани, афганское племя 68, 69
- Ету-хель, подразделение бахрам-хеля (матора, марваты) 127
- Заку-хель, подразделение иса-хеля 131
- Занги-хель, подразделение маму-хеля (марваты) 128
- Заник-хель, подразделение матора (марваты) 127
- Зирак, ветвь племени (группы племен) дурраниев 256, 258
- Индийские народности 36, 362
- Индийцы, индийское население 31, 34, 39, 53, 59, 62, 86, 90, 100, 207, 211, 220, 236, 238, 241, 249, 251, 263, 272, 273, 289, 339, 371
- Индостанцы (жители Индии) 368
- Индусы 82, 155, 240, 243, 283, 284, 339—341
- Иранские народности 34
- Ирокезы, индейское племя Северной Америки 99
- Исазаи, группа юсуфзайских племен 120
- Иса-хель, иса-хельцы, афганское племя 47, 48, 78, 95, 131, 135, 144, 191, 203
- Иса-хельцы, равнинные 197
- Искандар-хель, подразделение марватов 107
- Исмаильзаи, подразделение сулейман-хеля (гильзаи) 266
- Исхакзаи, дурранийское племя (ветвь пянджау) 258, 259, 331, 349
- «Кабули»: 1) жители города Кабула; 2) название языка (диалекта) таджиков Афганистана; 3) название людей, говорящих

* В тексте книги принято такое написание в соответствии с традицией, установившейся в советской литературе. Однако возможно и написание «дурании» (с одним «р»).

- на «кабулі» в Афганистане 79, 120
- Кайсар-хель, подразделение сулейман-хеля (гильзаи) 266
- Какары, афганское племя 57, 115, 196, 261, 318, 349
- Камальзаи, подразделение манданов 124, 180
- Канди, афганское племя Дамана 107, 122
- Катта-хель, хан-хель афганского племени даулат-хеля 61
- Кафиры, группа племен и народностей Гиндукуша 388
- Керани, афганское племя р-на Банну 48
- Кизилбаши, название в Афганистане выходцев из Персии — шиитов 79, 314, 317, 338, 360, 368
- Киргиз-кайсаки, старое русское название казахов 44
- Кияты, узбекское племя в средние века 141
- Куз-моманды *см.* моманды, равнинные
- Кугиани, дурранийское племя (ветвь пяндрпау) 258, 349
- Кунгратаы, узбекское племя 141
- Кышранзаи, подразделение камальзаев (манданы) 180, 181
- Ламгани, племя, родственное юсуфзаям 120, 121
- Ландива, подразделение марватов 107, 124
- Лоди, афганское племя (союз, группа племен) 64, 96, 98, 191
- Лохани, лоханийские племена, «племена» афганских кочевников-торговцев (*см.* повинда) 48, 58, 61, 65, 66, 68, 70, 97, 98, 100, 106, 107, 115
- Лоханийские племена Дамана 48, 58, 197, 249, 250
- Мадда-хель 68
- Майро-хель, подразделение мианхеля 246
- Маку, дурранийское племя (ветвь пяндрпау, дуррании) 258, 349
- Мализаи, юсуфзайское племя 120
- Малик-хель, подразделение заникхеля (марваты) 127
- Маму-хель, подразделение исахеля 131
- Маму-хель, подразделение марватов 128, 129, 151
- Маягаль, афганское племя 90, 94, 95
- Манданы (мандан), племя, обычно рассматриваемое как ветвь юсуфзайской группы племен (основная территория — Юсуфзайская равнина) 46, 99, 114, 119, 120, 190, 354
- Мандра-хель, подразделение мамухеля (марваты) 128
- Мандун 190
- Мандури, афганское племя, военный союзник кышранзаев 180
- Маник-хель, подразделение марватов 107
- Маратхи 135, 354, 358, 361, 366, 378, 379—385, 387
- Марваты, афганское племя 45, 47, 48, 95—98, 106, 107, 114, 115, 117—119, 121—124, 127, 128, 141, 144, 150—154, 158, 178, 179, 190, 191, 193, 196, 197, 203, 205, 206, 210, 211, 221, 223, 226, 227, 237—240, 242, 254, 256, 332, 354
- Матора, подразделение марватов 107, 124, 127, 128, 145
- Миан-хель, афганское племя Дамана 48, 66, 68, 69, 96—98, 144, 202, 244, 246
- Мишти, подразделение джалальхеля (юсуфзаи) 99
- Моголь, подразделение хаттаков, усыновленное ими 302
- Моманды, афганское племя 55, 92—94, 98, 99, 362
- Моманды, горные 196
- Моманды, кочевые 41
- Моманды, равнинные 93, 99, 106, 142, 188, 196, 205, 206, 223, 226, 297, 298
- Монголов племена, монголы 43, 52, 59, 61, 89
- Мулазаи, подразделение марватов 107
- Мулла-хель, афганское племя кочевников-торговцев (повинда) 68
- Муса-хель, подразделение мианхеля 48
- Мухаммадзаи, афганское племя, в прошлом союзники юсуфзаев 8, 88, 92, 98, 105, 106, 114, 122, 125, 142, 144, 297, 298, 362
- Мышранзаи, подразделение камальзаев (манданы) 180

- Нангби, афганское племя группы племен лоди 64
- Найманы, узбекское племя 141
- Нанграхари, группа населения, вошедшая в состав юсуфзаев 120, 121
- Насыр, афганское племя 68, 69, 72, 73, 99, 245
- Ниазаи, афганское племя группы племен лоди 48, 64, 68, 69, 90, 96—98, 114
- Ниази-хель, афганское племя 122
- Ниязи (ниазаи), афганское племя в Банну 106
- Некпи-хель (некби-хель), подразделение хвазазаев (юсуфзаи) 130
- Норманны 219
- Нурзаи, дурранийское племя 258, 259, 348, 349
- Оракзаи, афганское племя 94, 95, 98—100, 106, 108, 196, 222, 226, 286, 291, 296, 299—301, 356, 362
- Ормур *см.* бараки
- Панджпау (пянджпау), ветвь дурраниев 256, 258
- Пани, афганское племя 44
- Парак-хель, подразделение мамухеля (марваты) 128
- Парсиваны *см.* парсизабаны 351
- Парсизабаны, букв. «говорящие на [языке] парси». Название, применявшееся в литературе по Афганистану в XIX в. в основном в отношении таджиков 80
- Патан, термин, происходящий от самоназвания афганцев — паштун (пахтун), распространенный в Индии, где вошел в литературу с XIX в. 182
- Персы 31, 34, 67, 78, 82, 256, 272, 309, 311, 312, 314, 316, 326, 338, 341
- Пешаварские племена (племена Пешавара) *см.* также халиль, мухаммадзаи, моманды равнинные, манданы, юсуфзаи равнинные, гагиани 142, 144, 223, 226, 353
- Повинда, афг. торговцы-кочевники; в литературе XIX в. обычно именовались «племенами» торговцев-кочевников 50, 53, 58, 65, 68—70, 72—74, 102, 111, 115, 227, 244—246, 248—250, 271
- Попульзаи, дурранийское племя 131, 132, 258, 331, 349
- Потаны *см.* патаны 62
- Поти, народность, жившая в обл. Банну и ныне исчезнувшая 90
- Пранги, афганское племя из группы лоди 64, 91, 96—98
- Раджпуты 374
- Равизаи, подразделение акозаев (юсуфзаи) 98, 185
- Рохилы (букв. «горцы»): 1) одно из названий афганцев в Индии; 2) название населения Рохилкханда.
- Рустам-хель, подразделение хасанхеля (юсуфзаи) 180
- Садозаи, династия; хан-хель абдалиев 59—62, 258, 261, 268, 326, 346
- Садозайский хан-хель *см.* Садозаи
- Саид-хель, подразделение бахрамхеля (марваты) 127
- Сарвани, афганское племя группы лоди 96—98
- Сафии, племя или народность в Афганистане 337
- Сваты (свати), народности, населявшие Сват до прихода афганцев (в основном гуджары); термин употребителен также для обозначения всего населения Свата (как афганского, так и неафганского) 25
- Сикандар-хель, подразделение марватов 124
- Сикхи 10, 244, 250, 308, 367, 369, 370, 375—377, 380, 381, 385, 386, 388
- Сини, подразделение хаттаков, усыновленное ими 302
- Сохак, подразделение гильзаев 255
- Спартанцы, древние 83
- Сулейман-хель, крупнейший хель (племя) гильзаев 41, 96, 265—268, 270
- Султанзаи, подразделение сулейманхеля (гильзаи) 266
- Сур, афганское племя группы лоди 64, 91, 96—98
- Сури, афганское племя в Банну 48
- Таджики 7, 19, 23, 25, 28, 31, 34, 36, 54, 57, 59, 75, 76, 78—85, 88, 102, 111, 120, 195, 196, 205, 236, 272, 277, 283, 289, 318, 322,

- 323, 338—340, 351, 352, 360, 389
- Таджики, горные 40
- Таджики, загиндукушские 77
- Таджики, южные 83
- Таджико-иранское население 34
- Таджикское крестьянство 54, 256, 262, 265, 323, 324
- Таджикское население 21, 31, 39, 46, 53, 82, 265, 271, 310, 359
- Таджозан, подразделение марватов 107, 151
- Тарин, племя, родственное дурра-ниям 349
- Таркани, афганское племя 91—94, 98
- Татор-хель, афганское племя Дамана 96, 98
- Тери, территориальное подразделение хаттаков 99
- Торан, ветвь гильзаев 72
- Тохи *см.* также хотеки и тохи 265, 318, 349
- Тури, афганское племя, вассальное бангашам 95, 98, 100, 337
- Турки *см.* турки-хель 312—315
- Турки-хель, гильзайское племя (ветвь борун) 265, 266
- Туркменское население 359
- Туркмены 161
- Тюркские племена и народности России 20
- Узбеки, узбекские воинские отряды 85, 141, 262, 325, 359, 363, 389
- Уйгуры, одно из подразделений («тупэ») узбеков в средние века 141
- Урия-хель, подразделение хаттаков 302
- Утман-хель, афганское племя, союзное юсуфзям 92, 93, 98, 105, 151
- Уштурана (уштарана), афганское племя Дамана 47, 48, 97, 98, 114, 197, 202, 244
- Хайберские племена *см.* афридии и оракзаи 356
- Халиль (халили), афганское племя 57, 92, 93, 98, 99, 106, 114, 122, 127, 144, 188, 191, 196, 205, 206, 221, 223, 226, 297, 298
- Халим-хель, подразделение матора (марваты) 127
- Хароти, афганское племя 40, 68, 69
- Хаттаки, афганское племя 61, 87, 90, 94—96, 98, 99, 116, 140—142, 185, 187, 189, 222, 226, 227, 236, 254, 284, 297, 298, 301—307, 332, 356
- Хаттаки (Кохата и Банну) 303
- Хаттаки, кочевые 302
- Хаттаки, оседлые 302
- Хаттаки, северные (пешаварские) 303
- Хаттаки, южные (кохатские) 303
- Хахи, союз афганских племен (XV—XVI вв.) 46, 47, 90—95, 97, 98
- Хашим-хель, подразделение матора (марваты) 127
- Хезарейские племена 337
- Хезарейские райяты 351
- Хезарейцы, хезарейские племена 43, 83, 85, 196, 318, 337, 351, 360, 363
- Хиви, афганское племя в р-не Банну 48
- Хиндки, собирательное название для народностей индийского происхождения, живущих среди афганцев 25, 83, 198
- Хорасанские племена 314
- Хотеки, хан-хель гильзаев, подразделение шах-алам-хеля (ветвь туран) 60, 61, 208, 265, 268, 317, 318
- Хулузаи, подразделение хаттаков 302
- Чагарзаи, подразделение мализаев Бунера (юсуфзаи) 86
- Чамкани, афганское племя 98, 99, 188
- Чар-аймаки, собирательное название нескольких народностей северо-западного Афганистана 360, 363
- Шах-алам-хель, ханский род гильзаев 60, 266, 309
- Шахид-хель, подразделение матора (марваты) 127
- Шахин-хель, подразделение хаттаков 303
- Шахмалик-хель, подразделение матора (марваты) 127
- Шильмани, племя, живущее среди афганцев 91, 98
- Шинвари, племя, входившее в качестве вассального племени в союз гориа-хель 98
- Ширани, афганское племя 98
- Шотландцы 117

Эфиопы 283
Эфталиты 52

Юсуфзаи, одно из крупнейших
афганских племен (группа пле-
мен) 23, 35, 45—47, 56, 57, 61, 86,
91—94, 98—101, 105, 108, 109,
115—117, 119—122, 125, 130,
134, 135, 138, 140—142, 144,

150—155, 174, 181, 185, 188,
189, 191—193, 195—197, 199,
200, 203—207, 209, 210, 221,
223, 226, 241, 250, 252—254,
256, 260, 264, 268, 297, 298,
301, 303, 306, 332, 354, 362, 388
Юсуфзаи, равнинные 114, 117, 196,
197, 206, 298

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Г л а в а I. (Вводная). К вопросу о причинах расселения афганцев и разложении у них общинно-родового строя в процессе перехода к оседлости	25
Г л а в а II. Обычай переделов земли (веш) у афганских племен, разложение родовой общины и образование соседской	104
Г л а в а III. Возникновение феодальной собственности на землю; процесс развития феодализма у афганцев и его особенности у отдельных племен	184
Г л а в а IV. Народное движение рошани. Образование афганского феодального государства	273
Г л а в а V. Дурранийская держава при Ахмад-шахе и афганские завоевания в Индии	334
У к а з а т е л и	
Указатель имен	393
Указатель терминов	398
Указатель географических названий	401
Указатель названий племен и народов	409

*Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии Наук СССР
Редактор издательства В. А. Ромодин Технический редактор Н. П. Аузан
Переплет и титул художника Л. Г. Ларского*

РИСО АН СССР № 55-48Р. Т-08916 Издат. №27. Тип. заказ №1220.
Подп. к печ. 3/ХІІ 1954 г. Формат бум. 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 13 + 1 вклейка.
Печ. л. 26. Уч.-издат. л. 27,7 1 вкл. (0,1 уч.-издат. л.) Тираж 3500.

Цена по прейскуранту 1952 г. 18 руб.

О ПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
5	4 сн.	М. 1848	М. 1948
11	20 сн.	rom the settlement report	from the settlement reports
15	6 сн.	Н. J. R a v e r t y	Н. G. R a v e r t
19	12 св.	цели, но по настоянию	цели. По настоянию
41	10 сн.	Бадгиз	Бадгис
58	13 сн.	М. Н. Вяткин	М. П. Вяткин
58	6 сн.	Л. Бернштам	А. Н. Бернштам
59	27 сн.	Л. Бернштама	А. Н. Бернштама
87	8 св.	проливного	поливного
155	5 сн.	в конечном счете	в счете
180	9 сн.	обмена на земли	обмена земли
217	4 сн.	хост	хаст
245	5 св.	именуя	именуясь
250	4 сн.	3000 ф. ст.	30000 ф. ст.
263	9 сн.	1784 г.,	1738 г.,
394	лев. столб. 22 сн.	Бернштам, Л.	Бернштам, А. Н.
394	лев. столб. 3 сн.	Вяткин, М. И.	Вяткин, М. П.
409	прав. столб. 1 сн.	Кермена	Кермана
413	лев. столб. 1 св.	Нангби,	Набби,
414	лев. столб. 26 св.	Турки см. туркихель 312—315	Турки 312—315